

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

ТОМ
двести двадцать третий
Москва

VOLUME two hundred
twenty third
Moscow

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Научные труды Вольного экономического общества России

Том двести
двадцать третий

Москва
2020

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

**Научные труды
Вольного
экономического
общества
России**

Издается с 1765 года

**Scientific Works
of the Free Economic
Society of Russia**
Published since 1765

Вольное
экономическое
общество России
**Научные труды
ВЭО России**

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА
РОССИИ

Том двести
двадцать третий

Москва
№ 3/2020

The Free Economic
Society of Russia
**Scientific Works
of the VEO of Russia**

SCIENTIFIC
WORKS
OF THE FREE
ECONOMIC SOCIETY
OF RUSSIA

Volume two hundred
twenty third

Moscow
No. 3/2020

УДК 33
ББК 65

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

223-й том Научных трудов Вольного экономического общества России – совместное издание Вольного экономического общества России, Международного Союза экономистов и Российской академии наук – специальный выпуск, посвященный Московскому академическому экономическому форуму (МАЭФ-2020), который состоялся 14–31 мая 2020 года.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Since 2003 «the Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is in the List of scientific publications reviewed by the Supreme Certification Commission of Russia of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, where the main results of doctoral and candidates' theses are published.

Volume 223 of the Proceedings of the Free Economic Society (VEO) of Russia is a joint publication of the VEO of Russia, the International Union of Economists, and the Russian Academy of Sciences. Volume 223 is a special issue covering the Moscow Academic Economic Forum (MAEF-2020) held on May 14 and 31, 2020.

Articles published in Scientific works of the Free Economic Society of Russia have an Digital Object Identifier (DOI), and are indexed in international databases, such as: Russian Science Citation Index (RSCI), Electronic Scientific library (eLibrary.ru), CrossRef, CiberLeninka, Google Academy.

УДК 33
ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2020
© The Free economic society of Russia, 2020

ISBN 978-5-94160-212-4
ISSN 2072-2060

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ | ТОМ № 3 (223) 2020

Специальный выпуск «Научных трудов Вольного экономического общества России» — совместное издание Вольного экономического общества России, Российской академии наук и Международного Союза экономистов

СОДЕРЖАНИЕ

- 015 **Московский академический экономический форум**
«Постпандемический мир и Россия: новая реальность?»
- 016 **О МАЭФ-2020**
- 018 **Экспертные рекомендации МАЭФ-2020**
- АНАЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ МАЭФ-2020**
- Вступительное слово сопредседателей МАЭФ**
- 030 **А.М. Сергеев**
- 032 **С.Д. Бодрунов**
- 037 **А.Д. Некипелов**
О возможностях макроэкономической политики в преодолении кризиса, вызванного пандемией
- 047 **А.Г. Аганбегян**
Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития
- 070 **Р.С. Гринберг**
Мир и Россия в поисках новой модели экономического развития
- 075 **А.А. Широ**
Возможности и риски посткоронакризисного восстановления экономики
- 081 **А.Л. Ведев**
Тройной шок и экономическая политика
- 084 **В.И. Гришин**
Жизнь после пандемии: как не допустить рецессии
- 093 **М.В. Ершов**
Экономика в условиях пандемии: все больше нестандартных подходов
- 099 **А.В. Петриков**
Адаптация агропродовольственного сектора к постпандемической реальности
- 106 **Я.М. Миркин**
Новые реальности глобальной экономики и их влияние на Россию
- 111 **Г.Б. Клейнер**
Системная перезагрузка российской экономики: ключевые направления и перспективы
- 123 **В.В. Иванов**
Развитие фундаментальных институтов глобализации
- 135 **А.А. Пороховский**
О роли государственных и частных ресурсов в подъеме российской экономики
- 143 **А.А. Никонова**
Системные уроки для постпандемического мира
- 154 **А.В. Петриков**
Станет ли пандемия катализатором деурбанизации?
- 165 **С.Н. Орлов**
Россия и мир после пандемии
- 180 **Д.Б. Эпштейн**
О фактах и прогнозах по поводу коронавируса и его последствий
- 188 **Я.М. Миркин**
Как противостоять рецессии: что делать?
- 197 **В.А. Агафонов**
Реформирование системы управления социально-экономическим развитием на современном этапе. Целевой принцип
- 203 **С.Н. Васильев, С.С. Гончаренко**
От природно-техногенных и других угроз к устойчивому развитию

- 213 **Н.Е. Терентьев**
О перспективах развития «зеленых» энергетических технологий в условиях нестационарной экономики и глобальных сдвигов
- 219 **И.А. Юнусов, Л.А. Юнусов**
Достижение целей устойчивого развития постпандемической экономики РФ
- 228 **А.Е. Варшавский**
Развитие человеческого капитала: уроки коронавируса — недопустимость проблемных инноваций в управлении
- 237 **В.В. Доржиева**
Строительная отрасль: тенденции развития, влияние пандемии и условия восстановительного роста в контексте задач структурной модернизации
- 244 **В.И. Салыгин, А.С. Маркин**
Цифровая экономика в условиях пандемии
- 251 **Н.М. Сурнина, Е.А. Шишкина**
Цифровизация как фактор обеспечения устойчивого развития пространственных инфраструктурных систем региона
- 260 **О.В. Федонина**
Оценка условий развития человеческого потенциала через призму развития здравоохранения как фактора уменьшения дифференциации регионального развития в России
- 270 **Л.Г. Миляева**
Диагностика социальной конкурентоспособности предприятий по типу политики социально-трудовых отношений
- 278 **М.Н. Григорьев, Д.Ж. Джанаев, Е.А. Сидоров**
Пути совершенствования процесса закупки для развивающегося высокотехнологичного концерна отечественного ОПК в условиях постпандемического мира
- 285 **А.А. Цыганов**
Современные меры по повышению доступности ипотечного кредита в России
- 290 **Г.Б. Тернопольская, Н.Н. Тютюрюков**
Налоговые инструменты поддержки граждан и бизнеса в постпандемический период
- 298 **М.В. Ершов, А.С. Танасова**
Меры поддержки реального сектора усиливаются
- 304 **В.А. Зернов, А.Ю. Манюшис, А.Ю. Валявский, Н.В. Учеваткина**
Образовательное пространство России после пандемии: вызовы, уроки, тренды, возможности
- 323 **Э.И. Мантаева, В.С. Голденова, И.В. Слободчикова**
Социальная ответственность университета на региональном уровне
- 329 **А.И. Трубилин, В.И. Гайдук, А.В. Кондрашова**
Стратегия развития аграрного вуза в постпандемический период
- 339 **Н.И. Белоусова**
Структурное реформирование в сферах естественных монополий: условия новой реальности и старые проблемы
- 347 **В.М. Бондаренко**
Новая парадигма развития России в эпоху глобальных трансформаций
- 357 **М.В. Кротова**
Основные элементы структуры нерыночных и смешанных экономик (на примере югославской модели социализма)
- 366 **В.Л. Вайнгорт**
Постэпидемический кризис обостряет проблемы постиндустриальной трансформации структуры занятости (на примере Эстонии)
- 372 **А.Н. Чапаргина, Е.Е. Емельянова**
Рынок жилья России в условиях постпандемической экономики
- 380 **Н.Н. Акбулаев, И.М. Мамедов, В.З. Алиев**
Влияние COVID-19 на индустрию туризма (Испания, Италия и Турция)
- 391 **И.И. Савельев, К.А. Нефедова**
Основные тренды организации продаж и продвижения в условиях пандемии
- 400 **А.В. Садовнича**
Кризис: угрозы и возможности. Влияние пандемии на стратегию развития индустрии международных промышленных выставок
- 406 **Г.А. Князева**
Политика кризисного восстановления моногородов: модель реформирования регионального пространства северных территорий

- 413 **Н.М. Сыроева, А.Н. Кузнецова**
Межрегиональное сотрудничество в системе управления пространственным развитием
- 420 **И.А. Астраханцева, А.С. Кутузова, Р.Г. Астраханцев**
Рекуррентные нейронные сети для прогнозирования региональной инфляции
- 432 **А.Н. Дегтярев**
Анализ современного состояния развития промышленности и нефтедобычи в Республике Башкортостан
- 445 **Я.П. Силин**
Средний Урал в тисках новой реальности
- 451 **П.Б. Акмаров, О.П. Князева**
Оценка эффективности государственной поддержки сельского хозяйства
- 457 **Л.Н. Усенко, А.Н. Тарасов, Ю.Д. Дробин**
Прогнозы и оценки роли малого предпринимательства в развитии агропродовольственного сектора российской экономики: постпандемический синдром
- 468 **В.К. Севек, Р.С. Тайбыл, Ч.Б. Даржаа**
Анализ экономической эффективности типовых этнических хозяйств Республики Тыва
- 478 **Ю.И. Сизов, Л.Н. Медведева, А.С. Плотников, Ю.Г. Оноприенко**
Экономико-математическая модель оценки государственных программ развития мелиорации в субъектах южного федерального округа
- 488 **А.И. Алтухов**
Решая текущие задачи развития сельского хозяйства, нельзя забывать его проблемы
- 496 **В.Г. Закшевский, З.В. Гаврилова**
Возможности и перспективы развития сельских территорий после пандемии
- 502 **В.Я. Узун**
Продовольственная безопасность в условиях пандемии: риски и меры по их снижению
- 515 **А.Р. Кузнецова**
Комплексная программа продовольственной безопасности Республики Башкортостан
- 522 **В.В. Миронов**
После пандемии: векторы будущего развития
- 530 **К.А. Хубиев**
О социально-экономическом факторе теории ноономики
- 539 **Д.А. Плетнев**
Отчуждение и оппортунизм работника при переходе к ноономике
- 547 **К.Х. Момджян**
О «разумных» и «неразумных» потребностях человека
- 551 **Л.С. Раткин**
Экономические аспекты применения технологий компьютерной стеганографии для реализации инновационных и инвестиционных проектов
- 557 **Десаи Радика**
Внутренние корни пандемического ускорения глобального разлома
- 565 **Филхо Альфредо Саад**
Неолиберализм и пандемия COVID-19: политэкономический анализ
- 573 **Габриэль Лео**
Социальные и политические последствия пандемии и концептуализация экономик Запада
- 577 **Гэлбрейт Джеймс Кеннет**
Эффективность и нестабильность рынка: почему Запад проваливает тест на коронавирус
- 583 **Фриман Алан**
Креативный труд, творческие продукты и современная теория производства
- 597 **Информация об издании**

SCIENTIFIC THE WORKS OF VEO OF RUSSIA | VOLUME № 3 (223) 2020

A special issue of «Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is co-published by the Free Economic Society of Russia, the Russian Academy of Sciences and the International Union of Economists

CONTENTS

- 015 **Moscow Academic Economic Forum**
«Post-Pandemic World and Russia:
New Reality?»
- 016 **About MAEF-2020**
- 018 **Expert guidance of the MAEF-2020**
- ANALYTICAL MATERIALS OF THE MAEF-2020**
- The opening statement by the MAEF co-chairpersons**
- 030 **A.M. Sergeev**
- 032 **S.D. Bodrunov**
- 037 **Alexander D. NEKIPELOV**
On the potential of macroeconomic policy
in overcoming the pandemic induced crisis
- 047 **Abel G. AGANBEGYAN**
Crisis as a window of opportunities
for socio-economic development
- 070 **Ruslan S. GRINBERG**
The world and Russia in search
of a new model of economic development
- 075 **Alexander A. SHIROV**
Opportunities and risks of post-crisis
economic recovery in Russia
- 081 **Aleksey L. VEDEV**
Triple shock and economic policy
- 084 **Victor I. GRISHIN**
Life after the pandemic:
how to avoid a recession
- 093 **Mikhail V. ERSHOV**
Economy in the environment of pandemic:
more substandard measures are used
- 099 **Aleksander V. PETRIKOV**
Adaptation of the agri-food sector
to post-pandemic reality
- 106 **Yakov M. MIRKIN**
New realities of the global economy
and their impact on Russia
- 111 **George B. KLEINER**
A system reboot of the russian economy:
key directions and prospects
- 123 **Vladimir V. IVANOV**
Development of fundamental institutions
for globalization
- 135 **Anatoly A. POROKHOVSKY**
Public and private resources role
in russian economy growth
- 143 **Alla A. NIKONOVA**
Learn system lessons
for the post-pandemic world
- 154 **Aleksander V. PETRIKOV**
Will a pandemic become
a catalyst for deurbanization?
- 165 **Sergei N. ORLOV**
Russia and the world after the pandemic
- 180 **David B. EPSTEIN**
About facts and forecasts on the corona-
virus and its consequences
- 188 **Yakov M. MIRKIN**
How to resist recession: what to do?
- 197 **Vladimir A. AGAFONOV**
Reform of the social and economic
development system at the current stage.
Target principle

- 203 **Stanislav N. VASSILYEV, Stanislav S. GONCHARENKO**
From natural-technogenic and other threats to sustainable development
- 213 **Nikolay E. TERENCEV**
On green energy technologies' prospects in unstable economic conditions and global changes
- 219 **Ildar A. YUNUSOV, Lenar A. YUNUSOV**
Achieving the goals of sustainable development of the post-pandemic economy of the Russian Federation
- 228 **Alexander E. VARSHAVSKY**
Human capital development: lessons from the coronavirus – the inadmissibility of the questionable innovations in governance
- 237 **Valentina V. DORZHIEVA**
Construction industry: development trends, impact of the pandemic, and conditions for recovery growth in the context of structural modernization
- 244 **Valery I. SALYGIN, Anton S. MARKIN**
Digital economy in the pandemic context
- 251 **Nadezhda M. SURNINA, Elena A. SHISHKINA**
Digitalization as a factor in ensuring sustainable development of spatial infrastructure systems in the region
- 260 **Oksana V. FEDONINA**
Assessment of human development conditions through the prism of health development as a factor in reducing regional development differentiation in Russia
- 270 **Larisa G. MILYAEVA**
Diagnosis of social competitiveness of enterprises by type of social and labour relations policy
- 278 **Mikhail N. GRIGORYEV, Chingis B. DZHANAIEV, Evgeny A. SIDOROV**
Promising areas for improving the procurement process for the developing high-tech concern of the domestic defense industry
- 285 **Alexander A. TSYGANOV**
Modern measures to increase the availability of mortgage loans in Russia
- 290 **Galina B. TERNOPOLSKAYA, Nikolay N. TYUTYURYUKOV**
Tax instruments for support of people and business after pandemia
- 298 **Mikhail V. ERSHOV, Anna S. TANASOVA**
Measures to support real sector strengthen
- 304 **Vladimir A. ZERNOV, Algirdas YU. MANYUSHIS, Andrey YU. VALYAVSKY, Nadezhda V. UCHEVATKINA**
Educational space of Russia after a pandemia: challenges, lessons, trends, opportunities
- 323 **Elza I. MANTAIEVA, Victoria S. GOLDENOVA, Inna V. SLOBODCHIKOVA**
Social responsibility of the university at the regional level
- 329 **Alexander I. TRUBILIN, Vladimir I. GAIDUK, Anna V. KONDRASHOVA**
Strategy of development of agrarian university in post-pandemic period
- 339 **Nataliya I. BELOUSOVA**
Structure reforming in natural monopolies spheres: circumstances of new reality and continuing problems
- 347 **Valentina M. BONDARENKO**
New paradigm of Russia's development in the era of global transformations
- 357 **Mariya V. KROTOVA**
Key components of non-market and mixed economies (example: yugoslav socialist model)
- 366 **Vladimir L. VAINGORT**
The post-epidemic crisis was an exacerbation of the problems of post-industrial transformation of the employment structure (for example, Estonia)
- 372 **Anastasiya N. CHAPARGINA, Elena E. EMELYANOVA**
Russian housing market in the conditions of post-pandemic economy
- 380 **Nurkhodzha N. AKBULAEV, Ilkin M. MAMMADOV, Vasif Z. ALIYEV**
The effect of the COVID-19 pandemic on tourism (Spain, Italy and Turkey)
- 391 **Igor I. SAVELYEV, Ksenia A. NEFEDOVA**
Main trends of sales and promotion organization in the context of the pandemic

- 400 **Anna V. SADOVNICHAYA**
The crisis: threats and opportunities.
Influence of a pandemic on the
strategy development of the industry
of international industrial exhibitions
- 406 **Galina A. KNYAZEVA**
Single-industry towns' crisis recovery
policy: a model of reforming regional space
of the northern territories
- 413 **Natalia M. SYSOEVA,**
Anna N. KUZNETSOVA
Inter-regional cooperation in the system
of spatial development management
- 420 **Irina A. ASTRAKHANTSEVA,**
Anna S. KUTUZOVA,
Roman G. ASTRAKHANTSEV
Recurrent neural network for regional
inflation forecast
- 432 **Alexander N. DEGTYAREV**
Analysis of the modern state
of the industry and oil production
in the republic of bashkortostan
- 445 **Yakov P. SILIN**
The middle urals in a tight corner
under the new normal
- 451 **Petr B. AKMAROV, Olga P. KNIAZEVA**
Estimation of efficiency
of the state support of agriculture
- 457 **Lyudmila N. USENKO,**
Alexander N. TARASOV, Yuri D. DROBIN
Forecasts and assessments of the
role of small entrepreneurship in the
development of the agricultural sector
of the russian economy: a post-pandemic
syndrome
- 468 **Vyacheslav K. SEVEK, Regina S. TAIBYL,**
Chayana B. DARZHAA
Analysis of economic efficiency of typical
ethnic farms of the Republic of Tuva
- 478 **Yuri I. SIZOV, Lyudmila N. MEDVEDEVA,**
Alexander S. PLOTNIKOV,
Julia G. ONOPRIENKO
Economic and mathematical model
of evaluation of irrigation development
programs in the subjects of the southern
federal district
- 488 **Anatoly I. ALTUKHOV**
Solving the current challenges
of agriculture development,
do not forget its problems
- 496 **Vasiliy G. ZAKSHEVSKII,**
Zoya V. GAVRILOVA
Opportunities and prospects
for the development of rural areas
after a pandemia
- 502 **Vasiliy YA. UZUN**
Food security in a pandemic:
risks and mitigation measures
- 515 **Alfiya R. KUZNETSOVA**
Comprehensive program of food security
of the Republic of Bashkortostan
- 522 **Vladimir V. MIRONOV**
After the pandemic:
vectors for future development
- 530 **Kaisyn A. KHUBIEV**
On the socio-economic factor
of the theory of noonomic
- 539 **Dmitri A. PLETNEV**
Alienation and behavioral opportunism
of workers on the way to noonomy
- 547 **Karen KH. MOMDZHIAN**
About «reasonable»
and «unreasonable» human needs
- 551 **Leonid S. RATKIN**
Economical aspects of application
for technologies of computer
steganography for realization of innovation
and investment projects
- 557 **Radhika DESAI**
Domestic roots of the pandemic
acceleration of global rift
- 565 **Alfredo Saad FILHO**
Neoliberalism and the COVID-19 pandemic:
a political economy analysis
- 573 **Leo GABRIEL**
The social and political consequences
of the pandemia on the conceptualisation
of economies in the west
- 577 **James Kenneth GALBRAITH**
Market efficiency and market fragility:
why the west is failing the economic test
of the coronavirus
- 583 **Alan FREEMAN**
Creative labour, mental objects
and the modern theory of production
- 597 **Edition Information**

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM

МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Московский академический экономический форум

МАЭФ-2020

Постпандемический
мир и Россия:
новая реальность?

ВОЛЬНОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО
РОССИИ

Российская Академия Наук

МОСКОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МАЭФ-2020)

«ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ МИР И РОССИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?»

31 мая 2020 года завершил работу второй международный Московский академический экономический форум – 2020, организованный Российской академией наук (РАН), Вольным экономическим обществом России (ВЭО России) и Международным Союзом экономистов (МСЭ).

Тема МАЭФ-2020 «Постпандемический мир и Россия: новая реальность?» была продиктована актуальной российской и мировой социально-экономической повесткой. В XXI веке российской и мировой экономике еще не приходилось сталкиваться с такими масштабными кризисами, как текущий.

МАЭФ-2020 состоялся в период с 14 мая по 31 мая 2020 года. В его мероприятиях приняло участие около 3000 человек из 62 регионов России и 10 стран мира – США, Великобритании, Канады, Австрии, Германии, Узбекистана, Казахстана, Вьетнама, Белоруссии и Эстонии. В числе участников МАЭФ – ученые и эксперты России и мира, представители бизнес-сообщества, международных и российских общественных организаций, государственных структур.

Архитектура МАЭФ-2020 включала проведенную 14 мая т.г. основную онлайн-сессию, онлайн-конференции, семинары и заочную сессию по тематике МАЭФ, которые состоялись 15–31 мая 2020 года.

Основная онлайн-сессия МАЭФ-2020 состоялась 14 мая 2020 года в международном мультимедийном пресс-центре МИА «Россия сегодня».

Работу МАЭФ-2020 открыли его сопредседатели – президент РАН, академик РАН **Александр Сергеев** и президент ВЭО России, президент МСЭ **Сергей Бодрунов**.

Модератором онлайн-сессии выступил сопредседатель МАЭФ Сергей Бодрунов.

В основной сессии приняли участие **Абел Аганбегян**, сопредседатель Программного Комитета МАЭФ, заведующий кафедрой экономической теории и политики РАНХиГС при Президенте РФ, академик РАН; **Александр Дынкин**, сопредседатель Программного Комитета МАЭФ, президент ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, академик РАН; **Александр Некипелов**, вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН; **Борис Порфирьев**, сопредседатель Программного Комитета МАЭФ, член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН; **Константин Корищенко**, заведующий кафедрой «Фондовые рынки и финансовый инжиниринг» РАНХиГС; **Роберт Нигматулин**, член Правления

ВЭО России, научный руководитель Института океанологии РАН имени П.П. Ширшова, академик РАН; **Андрей Клепач**, член Правления ВЭО России, заместитель Председателя (главный экономист) Внешэкономбанка; **Руслан Гринберг**, сопредседатель Оргкомитета МАЭФ, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН; **Алексей Ведев**, заведующий лабораторией финансовых исследований Института экономической политики имени Гайдара.

Участники сессии детально проанализировали антикризисные меры поддержки населения и бизнеса, реализуемые Правительством РФ, и внесли предложения по стратегическим шагам, способным обеспечить создание экономики нового качества, ее выход из текущего кризиса на траекторию устойчивого роста.

В рамках МАЭФ в онлайн-режиме также состоялась международная научная конференция на тему «Технологические и социально-экономические трансформации XXI века: опыт концептуального осмысления» (28 мая), семинар «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)» (21 мая), конференция на тему «Развитие АПК в условиях постпандемической экономики» (21 мая), всероссийская научно-практическая конференция «Экономика России: институты адаптации и развития в условиях мировой нестабильности» (15–16 мая), научно-практический семинар «Социально-экономический кризис 2020: природа и последствия» (23 мая), конференция «Экономика регионов в постпандемический период» (28 мая), научно-практическая конференция «Драйверы развития промышленного региона в постпандемической реальности» (29 мая).

Итоговые материалы мероприятий МАЭФ публикуются в настоящем издании – специальном выпуске журнала «Научные труды Вольного экономического общества России», том № 3 (223) 2020 (совместное издание ВЭО России, РАН и МСЭ).

Ход и итоги МАЭФ широко освещали федеральные и региональные СМИ, в частности, «Российская газета» – официальный партнер ВЭО России, ТАСС – генеральный партнер ВЭО России, «Независимая газета», журнал «Профиль», интернет-издания «Бизнес Online», Банки.ру, «Полит.ру», «Петербургский дневник», Finanz, «Научная Россия», информационные агентства «Россия Сегодня», «Росбалт», «Прайм», «Новый день» и др.

Работа Форума также активно освещалась в социальных сетях – ВКонтакте и в Фейсбуке. Охват аудитории составил около 3 миллионов человек.

По итогам работы Форума направлены в профильные органы государственного управления рекомендации МАЭФ, в которые интегрированы предложения экспертов-участников МАЭФ по восстановлению экономической активности и выходу российской экономики на траекторию устойчивого роста.

ЭКСПЕРТНЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ МАЭФ-2020

ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ПЕРЕХОД К УСТОЙЧИВОМУ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

1. Преодоление социально-экономических последствий пандемии вируса COVID-19

Масштаб происходящих в мировой и российской экономике потрясений позволяет рассматривать текущий кризис как глобальный катаклизм, сравнимый с кризисом военного времени. Карантинные меры, которые применялись большинством стран мира, включая Россию, позволили снизить летальность пандемии и распределить во времени нагрузку на систему здравоохранения, но за это приходится платить серьезным экономическим спадом. В России по итогам 2020 г. снижение ВВП может превысить 5%, число бедных может вырасти с 18 млн до 20–21 млн человек. В этих условиях обостряются все проблемы и ограничения развития, которые накапливались в российской экономике в последнее десятилетие.

С 2013 г. российская экономика находится в состоянии стагнации, которая имеет как внутренние, так и внешние причины. Среднегодовой темп роста ВВП в 2016–2019 годах составил всего 0,8%, что привело к падению реально располагаемых денежных доходов населения до уровня 2011 г. В условиях кризиса 2020 г. эта проблема еще более обострилась. Ситуация усугубляется долгосрочным трендом сокращения численности населения трудоспособного возраста и начавшейся с 2018 г. новой депопуляцией, неопределенностью динамики цен на углеводороды, продолжающимся действием санкций со стороны развитых стран против России, а также с последствиями для нашей страны возможного сокращения темпов развития мировой экономики.

Нынешний кризис принес новые потери и испытания, но одновременно создает «окно возможностей» не только для восстановления, но и для перехода к подъему экономики, решению проблем, которые накапливались в предыдущее десятилетие. Установившиеся низкие цены на углеводороды принуждают искать пути формирования экономики нового типа, способной развиваться и обеспечивать высокий уровень доходов не за счет природной и конъюнктурной ренты, а за счет наукоемкого высокопроизводительного и энергоэффективного произ-

водства. Переход к новой социально-инновационно-экологической модели развития экономики становится единственно возможной альтернативой стагнации и ослаблению позиций России в мире. Необходимы не столько точечные проектные и стимулирующие меры, сколько системная политика экономического рывка и социального обновления.

2. Меры перехода к экономическому подъему и преодолению последствий пандемии и шока на мировых товарных рынках

Принимаемые правительством меры помогут уменьшить спад ВВП в текущем году на 1,0–1,5 п.п. и поддержать реальные доходы населения. Однако этих мер крайне недостаточно для нейтрализации большей части кризисных потерь и перехода к устойчивому экономическому росту. Пакет принятых мер стоит около 2–2,4% от ВВП и в разы уступает относительным масштабам антикризисных мер ведущих экономик мира и антикризисной программы в России в 2009 г. Несмотря на осуществляемые и планируемые действия, рост российской экономики в ближайшие годы не превысит 3% в год, что будет уступать ожидаемой мировой динамике.

Для восстановления экономики и ее перехода к активному подъему требуются более масштабные стимулирующие меры на уровне 5–8% от ВВП, что означает необходимость изменения бюджетного правила и приостановку его нынешней редакции. Нужные средства в экономике есть. Потребуется использовать значительную часть средств ФНБ и нарастить внутренний долг (с учетом гарантий) до величины 18–20% от ВВП.

Уже сейчас имеются все основания полагать, что темпы падения ВВП по итогам 2020 г. будут выше спада промышленного производства, что дает возможность и использования реального сектора экономики как драйвера восстановления экономической активности, и повышения эффективности мер поддержки и модернизации структуры российской экономики. В указанных условиях для предприятий реального сектора экономики, за исключением транспорта, ключевое значение для восстановления активности будет иметь не прямая поддержка, а параметры спроса, как внутреннего, так и внешнего.

Определенные действия по прямой поддержке доходов граждан осуществляются и дадут свой эффект. Однако рассчитывать на то, что такая поддержка позволит запустить восстановительный рост в полном масштабе, не приходится.

Уникальность текущего кризиса состоит в том, что он в наибольшей степени осложнил положение той части населения, которая имеет средний уровень доходов и не занята в бюджетном секторе. Это те люди, которые работают преимущественно в секторе услуг и до кризиса предьявляли массовый спрос на товары длительного пользования, услуги гостиниц и ресторанов, пользовались воздушным и железнодорожным транспортом.

Восстановить их спрос реально только при одном условии – масштабном запуске экономического роста. Повысив доходность реального сектора, можно рассчитывать и на устойчивое восстановление сектора услуг с выходом из-под удара большей части граждан со средним уровнем доходов.

Ключевыми являются два направления. Первое – обеспечение базового спроса через систему государственных закупок для федеральных, региональных и муниципальных услуг. Второе – субсидирование кредитов для покупки населением товаров длительного пользования отечественного производства и ипотеки.

Важной возможностью также является перезапуск экономики через решение накопившихся инфраструктурных проблем. Большой эффект могут иметь программы ликвидации аварийного жилого фонда, модернизации коммунальных сетей не только в крупных, но и в средних и малых городах России.

Эффективной структурной перестройке экономики в период посткризисного восстановления должна способствовать перенастройка системы национальных проектов путем перераспределения средств как на обеспечение спроса на продукцию конкурентоспособных производств, так и интенсификацию инвестиций, развитие технологий и человеческого капитала.

Российской экономике придется длительное время работать в новых, более жестких и сравнительно худших условиях, чем раньше, при меньшем объеме бюджетных ресурсов. В то же время сохраняется преемственность в решении задач, которые были поставлены еще в конце предыдущего десятилетия. Сохраняется ключевая задача повышения уровня и качества жизни населения на базе технологической модернизации базового ядра российской экономики, развития высокотехнологичных производств и создания современной экономики знаний и здоровья.

Изменение ситуации на мировых товарных рынках с высокой вероятностью потребует новых решений в отношении развития сырьевых секторов российской экономики, в том числе в рамках налоговой системы, ценового регулирования, формирования современных институтов развития и т.д. Прежде всего, за счет увеличения спроса сырьевых секторов на продукцию высокотехнологичных внутренних производств.

Для развития промышленности требуется перераспределение ресурсов в пользу тех секторов экономики, которые имеют наибольший потенциал роста в среднесрочной перспективе. Необходима поддержка технологической перестройки в критически важных для будущего российской экономики видах деятельности: микроэлектронике, фармацевтике, инвестиционном машиностроении.

Развитие человеческого капитала и повышение уровня научно-технологического развития требует перераспределения государственных расходов в сферу образования, здравоохранения, научных исследований и разработок. На этой основе должны меняться требования к создаваемым рабочим местам и уровню оплаты труда. **Главной целью среднесрочной экономической политики должен стать существенный рост уровня благосостояния всех слоев населения.**

3. Структурные реформы и стимулы, необходимые для возобновления устойчивого экономического роста

Принятые в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 Национальные проекты, новые предложения по ускорению экономического роста, сформулированные в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г., намечаемые правительством России меры по посткризисному восстановлению экономики безусловно необходимы и способны поддержать развитие экономики в посткризисный период. Вместе с тем эти меры недостаточны для обеспечения устойчивого социально-экономического развития с точки зрения стратегической перспективы. Вся система национальных проектов не может повысить среднесрочные темпы роста ВВП более, чем на 0,6 п.п., что недостаточно для опережающей мировую динамику развития.

Устойчивость и динамизм развития российской экономики в среднесрочной и долгосрочной перспективе будут обеспечиваться комплексом структурных преобразований, направленных на:

- 1) опережающее развитие человеческого капитала, современной экономики знаний и здоровья;
- 2) технологический подъем российской экономики и формирование инновационной экономики, конкурентоспособной на мировом уровне;
- 3) социально-ориентированное развитие экономики и переход к обществу благосостояния, соответствующему стандартам развитых стран.

В рамках упомянутого комплекса структурных преобразований в дополнение и в развитие существующих механизмов государственного управления социально-экономическим развитием в целях мобилизации главного драйвера социально-экономического развития – инвестиций в человеческий капитал и технологическое перевооружение экономики – предлагается следующее.

Во-первых, необходимо осуществить перенастройку (переформатирование) действующих госпрограмм и пакета национальных проектов, нацеленную на качественное усиление и укрепление поддержки государством роли экономики знаний (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение). При этом, исходя из уроков пандемического кризиса 2020 г. и обусловленной им долгосрочной тенденции роста биосоциальных рисков устойчивому развитию экономики и общества, приоритет в указанной поддержке должен быть отдан сектору здравоохранения (в его широком понимании), включая: фундаментальные медицинскую науку и биомедицину, прикладные исследования и разработку медицинских оборудования и технологий, в том числе биотехнологий и ИКТ, а также образование и повышение квалификации медицинских кадров.

В связи с этим нужно кратно увеличить финансирование здравоохранения и всей сферы экономики знаний, которые в России по доле в ВВП в 2,5–3 раза уступают ведущим экономикам мира. При этом с 2020 по 2025 г. увеличить удельный вес в ВВП вложений в здравоохранение с 5,1 до 6–6,5%, НИОКР – с 1,1 до 1,7%; образования – с 4 до 5,5%, ИКТ – с 3,9 до 4,9–5,8%, что, соответственно, потребует ежегодно не менее 2 трлн руб. или 13%-ного роста совокупного объема вложений в экономику знаний в целом и обеспечит увеличение вклада этой сферы с 14 до 18–20%. **Опережающие темпы прироста вложений в сферу «экономики знаний», в развитие человеческого капитала в целом являются необходимым условием обеспечения эффективности инвестиций в модернизацию экономики и социальной стабильности.**

Кроме этого, принципиально важно поднять на новый качественный уровень статус ученого, исследователя – в том числе специалистов в области комплекса наук о человеке, – роль которого в оценке, прогнозировании и противодействии актуальным и возникающим угрозам здоровью и благополучию людей, устойчивому развитию экономики и общества и национальной безопасности в целом будет только расти.

Во-вторых, предлагается дополнительно разработать и принять два национальных проекта или комплексных программы, связанных с технологической модернизацией хозяйственного комплекса страны и формированием инновационной конкурентоспособной национальной экономики.

■ **(1) Технологическое перевооружение базовых отраслей реального сектора**

В основе неустойчивого развития российской экономики, сохраняющихся стагнационных тенденций лежит технологическое отставание, прежде всего, в базовых отраслях реального сектора, а также в сфере инфраструктуры. Решение проблем ее обновления в существенной мере охватывается действующим в составе национальных проектов комплексным планом развития магистральной инфраструктуры. В центр внимания специального проекта следует поставить модернизацию реального сектора экономики, а в качестве целевой задачи – обновление на современной технологической основе $2/3$ его основных фондов в течение ближайших 15 лет. Это позволит повысить производительность труда втрое, сократить энергоемкость производства вдвое и максимально приблизиться по эффективности к развитым странам.

Расчеты показывают, что на решение задачи технологического обновления следует направить не менее $2/3$ всего нынешнего объема инвестиций в основной капитал при ежегодном росте инвестиций как минимум на 10%. При этом в структуре инвестиций в основной капитал должна постепенно возрастать доля затрат на машины и оборудование, особенно энергоэффективные, применение которых позволит обеспечить снижение издержек производства, повысить качество и обновить номенклатуру выпускаемой продукции, уменьшить экологическую нагрузку и улучшить качество окружающей среды и качество жизни в целом.

■ **(2) Ускоренное развитие новых высокотехнологичных производств**

Долю высокотехнологичных производств в экономике страны в ближайшие 15 лет необходимо увеличить в 3–4 раза, создав поток доходов, сопоставимый с доходами от добычи нефти и газа. Речь идет о высокотехнологичных производствах в машиностроении, производстве полупроводников и компьютерной техники, об информационно-коммуникационных технологиях, приборостроении, современных медицинских приборах и оборудовании, фармацевтике, генетических и биологических технологиях, современных синтетических материалах и высокотехнологичной химии, космической и атомной технике, топливных элементах, использовании квантовых технологий и искусственного интеллекта.

Особое внимание должно быть уделено развитию «зеленых» технологий и экологически чистых производств: в энергетике и промышленности, включая разработку и производство экологического оборудования (очистка воды, воздуха, переработка отходов) и экологичных транспортных средств; в строительстве и ЖКХ, в том числе использование «зеленых стандартов» жилых и производственных помещений, а также современных технологий деревянного домостроения. В аграрном секторе упор должен быть сделан на селекции климатически устойчивых сортов растений, производстве биодобавок и биологических средств защиты растений и животных; комплексных минеральных удобрений; органической продукции и т.д. «Зеленые» технологии – не только и столько альтернативные виды энергии, но эффективное использование и капитализация естественных природных преимуществ России в виде водных, лесных, почвенных ресурсов, ценность которых и конкуренция за обладание которыми в мире будет только усиливаться.

Среднегодовые темпы прироста высокотехнологичных производств целесообразно в ближайшие 2–3 года довести в среднем до 15%. Емкость внутреннего

рынка позволяет решить эту задачу. Для реализации этих целей нужно сформировать согласованную бизнесом и государством программу или планы действий, которые опираются на соглашения Правительства с национальными корпорациями и предполагают софинансирование научно-исследовательских и инженеринговых работ.

В процессе социально-ориентированного развития российской экономики, предполагающего переход к обществу благосостояния, соответствующему стандартам развитых стран, необходимо продолжить концентрировать усилия на борьбе с бедностью, поддержке уровня жизни пенсионеров; повышении уровня оплаты труда в бюджетной сфере, прежде всего, в науке, образовании и здравоохранении; формировании равных условий деятельности для высококвалифицированных работников бюджетной сферы в различных регионах страны. Необходимо уже к 2024 г. поднять уровень пенсий с 32% средней заработной платы до 40% и в долгосрочной перспективе – 60–70%, разрешив досрочно уходить на пониженную пенсию в 55–60 лет. Специальные меры социальной защиты необходимы для легальных мигрантов, работающих в России, что должно обеспечить достойные условия их работы и жизни. Учитывая повысившуюся в условиях кризиса и, по-видимому, и после выхода из него остроту проблемы безработицы, целесообразно поднять уровень пособий по безработице до прожиточного минимума. В перспективе по мере повышения эффективности экономики необходимо создать условия гарантированного получения всеми гражданами России части общенациональной природной и экономической ренты, или базисного социального дохода.

4. Источники дополнительных средств для инвестиций

в основной капитал и развитие национального человеческого потенциала

Дефицит инвестиций в российской экономике соседствует с избыточными сбережениями у бизнеса, государства и населения. Хотя в условиях борьбы с текущим кризисом государственные резервы будут частично использоваться для финансирования текущего дефицита бюджета, сократятся резервы бизнеса и населения, они по-прежнему будут оставаться мощным потенциальным источником финансирования долгосрочных стратегических проектов на возвратных принципах.

Крупным дополнительным источником инвестиций может стать часть свободной ликвидности российских банков (свыше 3 трлн руб.), **использование которой приведет к повышению доли инвестиционного кредита в банковских активах.** Примерно 60–70% всей банковской системы России сегодня – это государственные банки или банки, находящиеся под государственным контролем. Только у Сбербанка активы составляют более 30 трлн руб., что в 1,5 раза больше федерального бюджета. Банки с государственным участием могли бы увеличить инвестиционный кредит по крайней мере в 3 раза.

Кредиты на создание новых мощностей, прежде всего, в сфере высокотехнологичных производств, должны быть не дороже 1,5% годовых в реальном выражении, учитывая окупаемость капложений на эти цели в среднем в 10–12 лет. На коммерческие инфраструктурные проекты при окупаемости 20–25 лет процент за инвестиционный кредит следовало бы снизить до околонулевой реальной ставки. Такие финансовые условия может обеспечить только мощная система институтов развития, которые потребуют значительной докапитализации и повы-

шения степени сопряженности, нацеленности их деятельности на стратегические программно-проектные задачи государства.

Важным условием реализации дополнительных и уже действующих национальных проектов является продолжение снижения ключевой ставки Центрального банка до 1% в реальном выражении (после окончания пандемического шока).

До этого можно было бы предоставлять инвестиционные кредиты на проекты национальных программ под 3–5% годовых в номинальном выражении, доплачивая банкам часть процентной ставки за счет госбюджета. Это, по нашим расчетам, потребует ежегодно 300–500 млрд руб., что в масштабах государства немного. Указанные средства могут быть мобилизованы бюджетом за счет **замещения прямого бюджетного финансирования национальной экономики долговым.**

Настало время энергично заниматься **формированием в России мощных внебанковских фондов «длинных денег» и развитого финансового рынка** (пенсионных фондов, страховых компаний, гарантийных инструментов, рынка корпоративных облигаций, акций и др. долговых инструментов) по примеру других стран мира.

Государство может увеличить свой долг и эти заемные средства предоставить в виде дополнительного инвестиционного кредита. Внешний долг в размере до 60% ВВП во всем мире считается вполне допустимым (при установлении конкретных границ наращивания долговой нагрузки). России столь высокий уровень долга не нужен, но до 30–40% от ВВП в долгосрочной перспективе его можно постепенно увеличивать и за счет этого ускорить темпы экономического роста и благосостояние людей.

В крупных реформах нуждается отечественная система государственных финансов, прежде всего в направлении последовательного **снижения налоговой нагрузки**, придания налоговой системе не только фискальной, но и **стимулирующей и перераспределительной функции.**

Предприятия, осуществляющие масштабную модернизацию и участвующие в национальных проектах, **следует освободить от налогообложения в рамках инвестиционной налоговой льготы, т.е. предоставлять им налоговую паузу.** Тогда они будут заинтересованы увеличить свою прибыль и большую ее долю вкладывать в инвестиции. По расчетам, эта мера может дать не менее 1 трлн руб. дополнительных инвестиций в год.

Надо также пересмотреть амортизационную политику, сократив сроки амортизации в 1,5–2 раза. Это увеличит амортизационный фонд, что позволит увеличить инвестиции еще на 1 трлн руб. в год и послужит дополнительным стимулом обновления оборудования и машин.

При этом следует иметь в виду, что вложения в человеческий капитал повышают потенциал экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе. Развитие человеческого капитала невозможно без наращивания частных вложений, ключевым ограничением которых является низкий уровень доходов большей части населения. В связи с этим было бы целесообразно рассматривать меры по росту доходов населения как часть плана по увеличению вложений в человеческий потенциал.

На пути инвестиций и экономического роста все время будут вставать препятствия, прежде всего административные. Чтобы их снять, нужно быть готовыми

к серьезным **институциональным и структурным преобразованиям**. Прежде всего, необходимо обеспечить действующую правовую защиту всех законных форм предпринимательской деятельности, а также право предпринимателя на риск.

Если заданные тренды по техническому перевооружению и форсированным инвестициям в основной и человеческий капитал, рассчитанные на период до 2024 г., продолжить до 2030–2035 гг., то доля «экономики знаний» в ВВП вырастет до 30–35%. С 2030 г. может начаться переход к новым качественным характеристикам развития экономики, что позволит России встать вровень по экономическим и социальным показателям со странами Западной Европы. При этом наша страна сможет, как предусмотрено Указом Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г., **устойчиво сохранять свою позицию в пятерке ведущих экономик мира**.

Для этого в период до 2024 г. можно было бы по примеру многих успешных экономик мира временно **перейти к умеренно дефицитному бюджету**. Это потребует пересмотра параметров бюджетного правила в части формирования расходов бюджета. Помимо прочего, благодаря дополнительному выпуску государственных ценных бумаг это даст импульс отстающей пока в развитии финансовой системе России.

5. Ожидаемые результаты в среднесрочной перспективе (к 2025 г.) и дальнейшие шаги: императивы стратегического планирования и роль науки

По расчетам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, **Россия располагает ресурсами и возможностями с 2022–2023 гг. выйти на среднегодовые темпы прироста ВВП в 3%, а в 2024–2025 гг. — на 4–5%**. При этом доля инвестиций в основной капитал в ВВП может повыситься к 2025 г. до 25%, а доля «экономики знаний» — до 22%.

Экономический рост обеспечит подъем и развитие финансовой системы страны, учитывая, что каждый процент экономического роста к 2025 г. даст прирост финансовых ресурсов на 1,5–2 трлн руб. в год. Соответственно, 4%-ный рост позволит нарастить объем ресурсов на 6–8 трлн руб., существенно расширяя возможности по маневрированию ресурсами при проведении экономической политики. К 2030 г. можно и необходимо выйти на уровень расходов на здравоохранение в 8–9% ВВП, образования — 7% ВВП, НИОКР — 2,5–3% ВВП. По уровню доходов на душу населения Россия должна выйти на уровень развитых европейских стран.

Концентрация имеющегося национального потенциала развития на самых перспективных направлениях действий, обеспечивающих наибольший мультипликативный эффект и наилучшие результаты для экономики страны, в целом требует, наряду с развитием частной инициативы, формирования **эффективной системы стратегического управления**.

Необходимо немедленно начать работу по введению в действие в полном объеме Федерального закона от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Наш исторический опыт и опыт других стран показывает, что устойчивое развитие невозможно без **полноценного стратегического планирования**, адаптированного к реалиям современной социально-экономической системы России.

Основным инструментом достижения социально-экономического развития РФ следует считать именно государственные программы РФ, включающие набор

инструментов, позволяющих проводить в целом государственную политику в отраслях и сферах экономики, в то время как национальные проекты должны быть ориентированы на активизацию отдельных точек роста и решение острых проблем.

Совместная реализация федеральных проектов в рамках государственных программ РФ и национальных проектов на федеральном и региональном уровнях даст синергетический эффект, усиливая их результативность.

Возрастающая ответственность регионов при достижении целей экономического развития предполагает увеличение их финансовых возможностей и большей самостоятельности в формировании региональной экономической политики. Это потребует перераспределения доходов в пользу региональных бюджетов и, по-видимому, передачи в региональные бюджеты всего налога на прибыль или части НДС, новых принципов разделения между федеральным центром и регионами НДС. Необходима дифференциация налога на прибыль в зависимости от вида деятельности. Переход от сверхцентрализованной к федеративной бюджетной системе станет финансовым стимулом к развитию регионального многообразия и формированию многополярной системы очагов развития на пространстве России, в соответствии с качественно обновленной Стратегией пространственного развития. Необходима система новых мер по подъему глубинных регионов России, новому освоению Сибири, особенно Центральной и Восточной. Арктический пояс России может стать примером развития, опирающегося на баланс между освоением природных ресурсов и сохранением хрупкой уникальной экосистемы.

Стратегические программы и проекты государства на федеральном и региональном уровнях должны быть состыкованы со стратегиями и программами государственных корпораций, а также учитывать планы частного бизнеса. Диалог государства с бизнесом, его ассоциациями и союзами, профессиональными союзами и ассоциациями работников должен создать экономическое измерение **гражданского общества или экономику граждан**. Этот баланс интересов важнее, чем поиск оптимальной пропорции государственной и частной собственности.

Стратегическое планирование позволит обществу и государству решать насущные задачи развития, выходящие за границы получения прибыли и частных корпоративных интересов и подчиненные приоритетам развития страны в целом. В части здравоохранения это означает перестройку системы страховой медицины и создание системы медицинских резервов (инфраструктуры), нацеленной на противодействие возможным эпидемиям и медицинской помощи всем гражданам, независимо от их доходов. Образование и наука при всех требованиях эффективности не могут быть только сферой услуг, а должны иметь организационные и финансовые возможности опережающего развития и создания условий для развития человека и познания природы.

Эффективная реализация предложенного выше комплекса программных мер постпандемического восстановления экономики и перехода России к устойчивому социально-экономическому развитию требует активного участия науки, научно-экспертного и инженерного сообщества. Необходимо завершить формирование целостной и гибкой системы стратегического планирования и прогнозирования, включая оценку рисков (последствий реализации) проектов решений, механизма согласования отраслевых, частных и региональных интересов, подчи-

ненного интересам развития страны в целом. Назрел переход к новой системе пятилетних индикативных планов и программ, которые должны быть не придатком бюджета, а базовым самостоятельным инструментом государственной экономической политики.

Выстраивание системы научной, инженерной, экологической экспертизы принимаемых решений, практической реализации наукоемких проектов технологической модернизации базовых и развития высокотехнологичных производств, формирование ориентированной за здоровье и благополучие человека экономики невозможно без активного участия профессионального сообщества российских исследователей, инженеров и специалистов, включая ученых Российской академии наук. Россия является страной огромных возможностей, образованного населения, и есть все основания не только верить в светлое будущее нашей страны, но и сделать притягательным ее настоящее, превратив Россию в пример созидательного развития, соединяющего эффективность со справедливостью, свободу – с ответственностью и солидарностью.

**Аналитические
материалы
МАЭФ-2020**

**Основная
онлайн-сессия
14 мая 2020 г.**

**Вступительное слово
сопредседателей
МАЭФ**

А.М. Сергеев

С.Д. Бодрунов

СЕРГЕЕВ Александр Михайлович

Сопредседатель МАЭФ, президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор

Добрый день, уважаемые коллеги.

Мы около года назад провели первый Московский академический экономический форум в здании Президиума Российской академии наук и по его результатам решили, что обязательно должны будем встретиться через год на аналогичном мероприятии и сделать его традиционным. Но так получилось, что в связи с коронавирусом мы должны были, не меняя этой нашей идеи, форум сделать дистанционным. И я очень благодарен нашим коллегам из РИА «Новости» за то, что они организовали такую современную высокотехнологичную площадку для нашего общения и обеспечили большой охват аудитории по всей стране.

Основная задача нашей сессии МАЭФ – это то, что мы с вами должны, по существу, внести вклад в создание общенационального плана действий по выходу из эпидемии в нашей стране. Это то, что объявлено Президентом РФ, то, что сейчас делается правительством до 1 июня, и очень правильно будет, чтобы мы использовали нашу площадку для формулировки предложений. Конечно, эти предложения, поскольку мы люди академические, не должны быть абсолютно однородными. Понятно, что академия не только имеет право, но и должна высказывать разнообразные мнения.

По существу, речь сейчас идет о правильном включении экономики. Причем понятно, что это не просто будет та старая экономика, которая у нас была, и задача не только в том, чтобы правильно по времени включить, минимизировать человеческие потери, с одной стороны, и с другой стороны – не допустить существенного экономического спада. По существу, речь идет о создании экономики другого качества. Этому как раз и будет посвящено основное внимание нашей сессии.

Какие отрасли новой экономики завтрашнего дня (причем «завтрашнего» – это уже действительно почти что завтрашний день в прямом смысле слова) окажутся драйверами нашего роста? Это очень важный вопрос для нашей страны. Мы всегда сетовали на то, что мало инвестиций у нас идет в хай-тек, а сейчас понятно, что только такие инвестиции и смогут обеспечить эффективный выход из кризиса. Телекоммуникационная отрасль очевидно будет таким бенефициаром того, что сейчас происходит. И вообще даже трудно себе представить, что если бы этот кризис, эта пандемия произошла 15–20 лет назад, то что бы мы делали тогда в тех условиях, с тем слабым интернетом, который был, с тем очень незначительным охватом аудитории. Ясно, что такого ответа общества – и наше, и в целом по миру, – конечно, не могли бы организовать. Поэтому видно, что в определенной степени то развитие телекоммуникаций, которое было в последние 2–3 десятилетия, в значительной степени определяет и тот ответ на пандемию, выход из кризиса и, по существу, реструктуризацию экономики.

Мы все понимаем, что и фармацевтическая, медицинская, биотехнологическая промышленность тоже должны быть драйверами. Китай очень умело сейчас использует эту ситуацию. Да, понятно, что так

случилось, что они раньше вышли из кризиса, вышли в плане правильной организации системы здравоохранения, но как сейчас активно они начинают свои научно-технические достижения, которые они действительно осуществили в последние месяцы, распространять по миру. Еще по двухнедельный информации, Китай экспортирует свои тест-системы больше чем в 80 стран мира, то есть они закрепляют таким образом то, что эта страна действительно очень мощная научно-технологическая держава, и, конечно, это очень интересный пример, даже не пример для подражания, а вопрос для нас: а как нам правильно выстраивать сотрудничество с Китаем? Это же не только должна быть взаимовыгодная торговля. Это должно быть и правильное участие в такой современной науке. Насколько мы с вами здесь сумеем быть интересными партнерами для Китая, для того чтобы вместе продвигаться вперед?

И последнее, что я хотел бы сказать, — это, конечно, о роли науки. Мы все понимаем, и не только мы, а все страны, все население понимает, что как раз сейчас в некотором смысле все взоры обращены к науке, и в какой-то степени для науки это тоже момент истины: насколько ее организация в разных странах позволит осуществить эффективный научный ответ на вызов пандемии. И здесь есть тоже очень много вопросов для нас с вами. Потому что ведь что такое вот этот правильный, такой быстрый мобилизационный ответ, когда он возможен? Он возможен, вообще говоря, во-первых, когда есть задел. А есть ли в нашей науке сейчас задел для того, чтобы быстро ответить? Посмотрим. По прошествии нескольких месяцев увидим, как мы сумели среагировать, как наши тест-системы, как наши разработки по созданию вакцины, насколько они приведут к результату, насколько они будут конкуренты. Это первый момент.

Второй момент помимо задела. Когда я говорю о заделе, коллеги, задел — это фундаментальная наука. Вот сколько у нас этого задела осталось? Это мы увидим. И, наверное, один из выводов, который мы должны будем сделать, когда мы обратимся с нашими материалами, в том, что нам действительно нужно увеличивать роль фундаментальной науки в стране, потому что именно наличие задела дает возможность быстрого отклика. Если задела нет, то из чего брать результаты, чтобы быстро выбрасывать их в промышленность и в медицину?

Конечно, очень важным вопросом является и то, насколько у нас правильно имеется возможность организационно у науки реагировать. Я уже высказывал свое сожаление, что академические институты в определенном смысле не имеют возможности быстро реагировать, потому что академия наук не имеет сейчас никакого организационного ресурса, и даже те предложения, которые мы формулируем, мы не можем быстро доводить до коллективов, чтобы коллективы действительно брались за работу.

Еще один важный момент — правильно сосредоточить и финансовые ресурсы в науке, для того чтобы наука предложила быстрые, правильные и эффективные решения. Это будет и момент истины для нашей науки в целом: насколько она эффективно организована, насколько у нее есть задел. Насколько эффективно мы, российские ученые, сумели ответить в разных направлениях на этот вызов, который перед нами стоит.

Уважаемые коллеги, я вас всех приветствую на этой сессии. Еще раз хочу сказать, что наша основная задача — это формулировка предложений в общенациональный план действия по выходу из кризиса. Я считаю, что сегодняшнее мероприятие прежде всего будет интересным с точки зрения формулировки экономических, финансовых предложений, но в то же самое время хочу еще раз повторить, что мы должны сформулировать и предложения относительно организации науки в нашей стране.

Спасибо за внимание и успехов в нашей сессии.

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич

Сопредседатель МАЭФ, президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, доктор экономических наук, профессор

Добрый день, уважаемые коллеги!

Позвольте выразить свою признательность Президенту Российской академии наук, академику Александру Михайловичу Сергееву, поддержавшему инициативу проведения Московского академического экономического форума в особом формате, выдвинутую сообществом экономистов, а также поблагодарить всех, кто нашел в это непростое время возможность высказать свои соображения по теме Форума.

Тема Форума предложена его Программным комитетом не случайно.

Мир, как мы уже неоднократно констатировали задолго до пришедшей в этом году пандемии коронавируса, сейчас претерпевает глубокие, глобальные изменения. Современная рыночная модель экономики демонстрирует все признаки своего исчерпания и требует глубокой трансформации, а то и полной смены парадигмы развития. Как отмечает нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц в интервью, опубликованном в журнале Вольного экономического общества «Вольная экономика», вышедшем специально к нашему Форуму, эта форма (цитирую) «приводит к весьма неприятным явлениям — вспомните хотя бы неравенство в мире, которое только растет и ширится».

И действительно, в течение последних десятилетий мы наблюдаем сильнейшую за всю новейшую историю поляризацию доходов, причем не только между богатым мизерным процентом населения и все более увеличивающимся в размерах и глубине нищеты основным населением, но и между странами, и этот разрыв постоянно увеличивается. При этом ускоренные темпы роста экономики, успехи технологического развития и т.п. далеко не пропорционально трансформируются в повышение жизненного уровня людей, а глобально, более того, влекут за собой усиление несправедливости в распределении плодов этого роста. Это, безусловно, связано с базовым свойством рыночной экономики, присущим ей в принципе, поскольку доходы богатой части населения могут быть увеличены только за счет основной страты потребителей, которая платит за общественный продукт и которой платить все более нечем. Это — базовое противоречие такой модели удовлетворения общественных потребностей, которое основано на максимизации прибыли как главном результате деятельности; оно неизбежно приводит эту модель в состояние, чреватое все большим напряжением и усилением негативных явлений в мире.

Нынешний кризис мировой экономики, триггером, спусковым крючком и акселератором которого стала пандемия, высвечивает эти противоречия более ярко. Но — не только высвечивает. Он ускоряет многие процессы и тенденции и в экономическом развитии, и в нашем осмыслении путей разрешения не только текущих проблем, но и способов трансформации нынешней модели жизни людей, устройства общества. Специфика пандемии, требующая новых моделей поведения (удален-

но-дистанционное общение и онлайн-образование, усиление тенденций внедрения робототехники и безлюдных технологий в индустрии, солидарность и более социально ответственное поведение как в сфере производства общественного продукта, так и в обычной жизни, в быту, и многое-многое другое) – эта специфика не только отразится на будущей нашей жизни, но и подтолкнет многие процессы: продвигающие нас в общественном бытии – к новому типу, новой генерации индустриального общества, а в сфере общественного производства и удовлетворения реальных потребностей людей – к трансформации нынешней экономической парадигмы развития к ноономике, предполагающей более социализированный тип производства и распределения общественных благ. Тот же Стиглиц отмечает все более острую необходимость и «желание найти лучший подход к управлению структурой экономики».

Еще до начала нынешней пандемии на экономическом форуме в Давосе эти вопросы поднимались ведущими экономистами мира. Идет поиск индикаторов обновления нынешней экономической парадигмы развития, сопровождаемый констатацией неадекватности принятых ныне показателей экономического развития (к примеру, ВВП) и необходимости принятия индексов, лучше отражающих реальное удовлетворение реальных потребностей людей – более равного доступа к образованию и сохранению здоровья, более справедливого распределения доходов, достойного уровня социальной защищенности. Именно такие показатели, а не простой рост валового продукта, все больше определяют зрелость общества, его продвижение по пути общественного и социального прогресса.

Все эти вопросы актуальны и для нас, нашего, российского общества и нашей экономики. Именно на это обратил внимание в своем недавнем обращении к гражданам страны президент России, подчеркнув важность усиления нашего движения к достижению национальных целей развития, предполагающих повышение уровня социального развития, социальной справедливости.

Каким будет мир после пандемии? Какова будет новая реальность, и будет ли она? Какие тенденции мы будем наблюдать? Каковы будут роль и место России в этих процессах в постпандемическом мире?

Об этом мы поговорим сегодня, на нашей онлайн-сессии МАЭФ, а также в рамках последующей двухнедельной заочной сессии Форума. Как сопредседатель Форума, уверен, что вы, уважаемые коллеги, дадите развернутый и конструктивный анализ нынешней ситуации в мире и в России и представите свои идеи и прогнозы дальнейшего развития мировой и отечественной экономики.

Аналитические материалы МАЭФ-2020

В разделе
представлены статьи
по материалам
докладов на основной
онлайн-сессии МАЭФ,
онлайн-конференциях
и других
мероприятиях
Форума, а также
статьи экспертов
заочной сессии МАЭФ

О ВОЗМОЖНОСТЯХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА, ВЫЗВАННОГО ПАНДЕМИЕЙ¹

ON THE POTENTIAL OF MACROECONOMIC POLICY IN OVERCOMING THE PANDEMIC INDUCED CRISIS

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-37-46

НЕКИПЕЛОВ Александр Дмитриевич

Вице-президент ВЭО России, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАН, д.э.н., профессор

Alexander D. NEKIPELOV

Vice-President of VEO of Russia, Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

1 *Статья публикуется по материалам доклада, представленного на основной онлайн-сессии МАЭФ, которая состоялась 14 мая 2020 г.*

Пандемия породила уникальное сочетание экономических шоков – со стороны совокупного предложения, совокупного спроса, а также шок, проистекающий из необходимости форсированного внесения изменений в существующую аллокацию ресурсов. Эти шоки продуцируют целый комплекс неблагоприятных следствий – обвал производства, резкое увеличение безработицы и обострение социальных проблем, финансовое неблагополучие значительной части экономических агентов. Для России обосновывается необходимость взаимоувязанного пакета мер экономической политики – активное использование накопленных в валюте резервов, наращивание внутреннего государственного долга для финансирования дефицита бюджета, его частичная монетизация со стороны Центрального банка, демонтаж действующих механизмов стерилизации денежной массы (облигации Центрального банка, счета для коммерческих банков в Центральном банке), форсированное снижение ключевой процентной ставки до 2–3%, введение экономических ограничений на трансграничное перемещение краткосрочного капитала (налог Тобина), резкая активизация государственно-частного партнерства в реализации крупных инвестиционных проектов. При принятии конкретных решений необходимо опираться не на стремление к минимизации инфляции, а ее ограничению такими рамками, которые обеспечивают эффективное решение кратко- и долгосрочных проблем экономического развития страны.

Abstract

The pandemic has created a unique combination of economic shocks – aggregate supply – and aggregate demand-side shocks, as well as a shock stemming from the need to force changes in the existing allocation of resources. These shocks produce a whole range of adverse consequences – the collapse of production, a sharp increase in unemployment and aggravation of social problems, financial troubles for a large part of economic agents. For Russia, the need for an interconnected package of economic policy measures – active use of reserves in foreign currency, the build-up of domestic public debt to finance the budget deficit, its partial monetization by the Central Bank, the dismantling of existing mechanisms of sterilization of the money supply (Central Bank bonds, special accounts for commercial banks with the Central Bank), a forced reduction of the key interest rate to 2–3 percent, the introduction of economic restrictions on the cross-border movement of short-term capital (Tobin tax), the sharp activation of state-private partnerships in realization of big investment projects – is justified. Specific decisions should not be based on the desire to minimize inflation; on the contrary – the upper level of inflation consistent with the effective solution to the short – and long-term problems of the country's economic development should be determined.

Ключевые слова

Экономика России, «голландская болезнь», экономические шоки, экономические вызовы пандемии, финансовая политика, денежно-кредитная политика, международные резервы, регулирование краткосрочных трансграничных потоков капитала.

Keywords

Russian economy, Dutch disease, economic shocks, economic challenges of pandemic, financial policy, monetary policy, international reserves, control of short-term transnational capital flows.

В статье, написанной на основе доклада, представленного автором на пленарном заседании МАЭФ-2020, сделана попытка теоретического осмысления экономического кризиса, разразившегося в результате пандемии коронавируса, и формулирования на этой основе комплекса мер макроэкономического характера, призванных обеспечить скорейший выход российской экономики на траекторию модернизации и устойчивого роста.

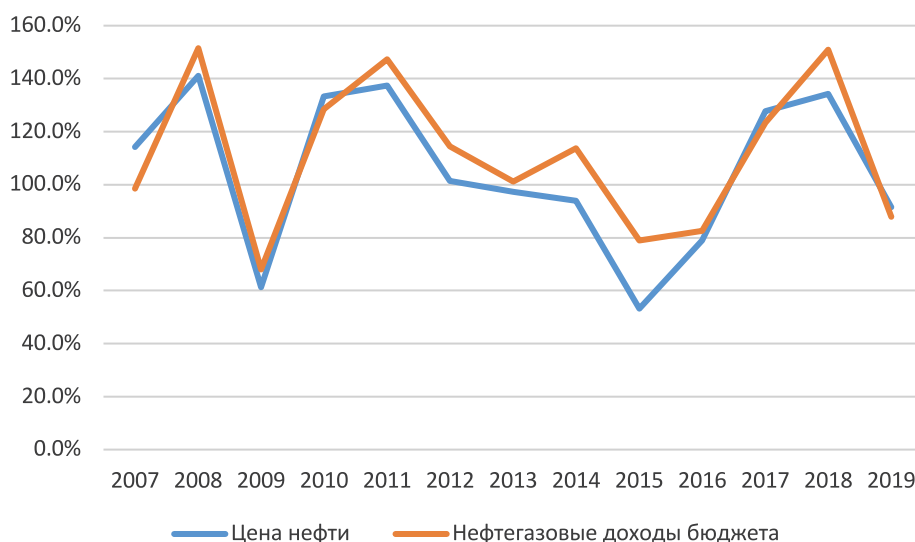
Хорошо известно, что важной особенностью нашей экономики является то особое место, которое занимает в ней топливно-энергетический сектор и, в частности, нефтяная отрасль. Экономическое развитие стран с такой специализацией характеризуется целым рядом специфических черт, которые не могут не проявляться в условиях, возникших в связи с коронавирусной пандемией.

В отличие от других видов специализации ее топливно-сырьевая разновидность характеризуется особой устойчивостью. В самом деле, переработка сырья может, в принципе, быть организована практически где угодно, тогда как его добыча в силу естественных причин возможна только в строго определенных местах. Именно в силу этого обстоятельства так называемая «голландская болезнь» имеет отношение не ко всем странам, характеризующимся ярко выраженной международной специализацией, а только к тем из них, в структуре производства которых особое место занимает извлечение из недр полезных ископаемых [7, 11, 13–15, 17] и др.

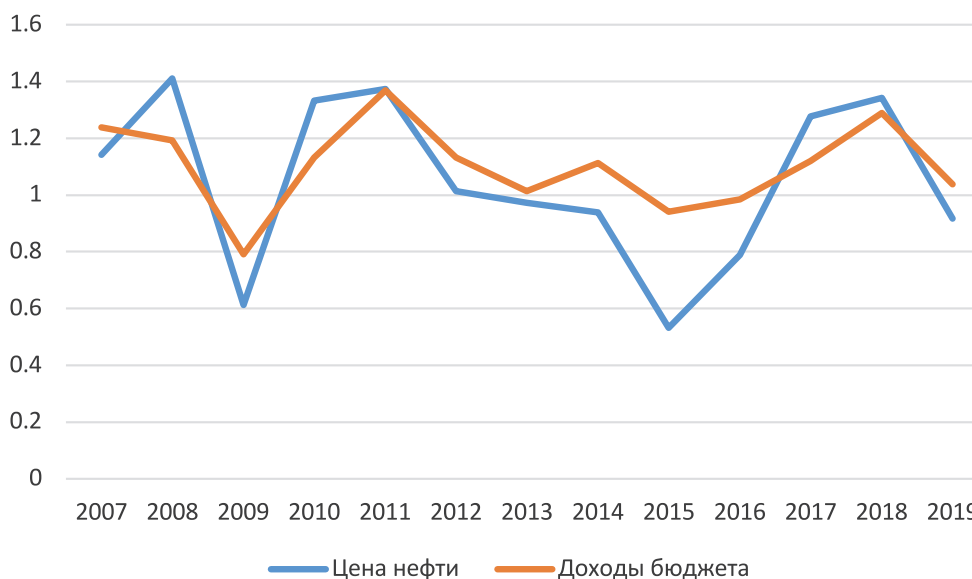
Большое значение имеют также особая роль рентного фактора в ресурсодобывающих отраслях, а также долговременная тенденция роста затрат по мере истощения более продуктивных месторождений. Серьезный отпечаток на функционирование сырьевых экономик оставляет стратегический характер конкуренции, в которой самое активное участие принимают национальные государства, стоящие как за производителями, так и потребителями. Наконец, велико влияние на характер функционирования топливно-сырьевых рынков того обстоятельства, что основные виды природных ресурсов – и, прежде всего, нефть – играют в современной экономике роль важнейших финансовых активов.

Из всех этих особенностей топливно-сырьевого сектора неизбежно вытекает повышенный уровень волатильности мировых цен на производимую в нем продукцию. В свою очередь, значительные колебания этих цен продуцируют в странах – потребителях сырья шоки со стороны предложения, а в странах-производителях –

Рис. 1.
Влияние изменения цен на нефть и доходов федерального бюджета (верхний график – нефтегазовые доходы, нижний – общие доходы) в Российской Федерации

Источник данных:
http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/trade/crude_oil.xls
и <https://www.minfin.ru/ru/statistics/fedbud/>

шоки со стороны спроса. В странах-производителях в силу этого обстоятельства состояние бюджета оказывается в сильной зависимости от уровня мировых цен на сырье.

Верхний график, представленный на рис. 1, иллюстрирует сильную зависимость, существующую между динамикой экспортных цен на нефть в Российской Федерации и нефтегазовыми доходами федерального бюджета, — коэффициент корреляции составляет 0,920. Лишь незначительно слабее связь с изменениями общих доходов федерального бюджета (нижний график) — коэффициент корреляции 0,855.

Основной вызов, с которым сталкиваются экономики с топливно-сырьевой специализацией, состоит в выборе такой макроэкономической модели, которая обеспечивала бы оптимальный «размен» между решением текущих проблем, связанных с внешними шоками со стороны спроса, и задачами долговременного развития. В числе последних особое значение имеет диверсификация структуры национальной экономики на основе ее модернизации.

В Российской Федерации использовались два подхода, нацеленные на обеспечение устойчивого экономического роста и финансовой стабильности. Особенности применявшейся до 2014 года модели состояли в следующем [6, 9, 12] и др. Так называемый «бивалютный коридор» был призван обеспечивать предсказуемую динамику курса рубля. Соответственно, фактически единственная задача Центрального банка заключалась в том, чтобы при помощи интервенций на валютном рынке удерживать номинальный курс в рамках установленных коридором границ. При этом Минфин фактически брал на себя часть функций денежного регулятора, обеспечивая стерилизацию «избыточной» денежной массы, направляя ее в стабилизационный фонд. Идея заключалась в том, чтобы сдерживать инфляцию, не допуская одновременно такого укрепления реального курса рубля в периоды масштабного притока валюты в страну, которое подорвало бы конкурентоспособность несырьевых отраслей российской экономики. Роковую роль для судьбы этого подхода сыграл принятый в 2004–2007 гг. комплекс мер по снятию фактически всех ограничений для трансграничного перемещения капитала между Россией и остальным миром.

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 годов в очередной раз подтвердил — теперь для России — известную истину о том, сколь взрывоопасной является комбинация фиксированного (в нашем случае — границами валютного коридора) курса валюты и свободного трансграничного перемещения спекулятивного капитала. В условиях мощного оттока денег из страны начали быстро уменьшаться валютные резервы (с 1 августа 2008 г. по 1 февраля 2009 г. валютные резервы уменьшились на треть — с 597 млрд долл. до 387 млрд долл.). Одновременно изменение границ валютного коридора, имевшее, естественно, девальвационную направленность, ставило на грань банкротства крупнейшие российские корпорации и банки, активно прибегавшие к внешним заимствованиям в периоды, когда устойчивость обменного курса рубля представлялась гарантированной.

С учетом этого печального опыта вскоре после завершения финансово-экономического кризиса стали готовиться изменения в действовавшую макроэкономическую модель. Поскольку либеральный режим регулирования капитальных статей платежного баланса рассматривался как несомненное «достижение реформ», постольку изменения коснулись механизма формирования обменного курса рубля и денежного предложения. Осенью 2014 г. был введен режим «свободного плавания рубля» при сохранении полной свободы трансграничного перемещения капитала

между Россией и остальным миром. Одновременно ключевая процентная ставка стала использоваться как основной инструмент таргетирования инфляции и, соответственно, определения величины денежного предложения. От прежней модели сохранилось использование профицита бюджета как инструмента стерилизации избыточной денежной массы. Минфин продолжал отчислять в период высоких цен на нефть часть бюджетных доходов теперь уже в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Разумеется, сохранение за Минфином этих функций денежного регулятора означало, что де-факто в России с тех пор действует режим не свободного, а регулируемого плавания рубля.

Важно понимать, что профицит бюджета в рамках обеих моделей рассматривался не только (и не столько) как способ формирования резервов «на черный день», сколько как важный инструмент, обеспечивавший стерилизацию избыточной ликвидности в условиях высоких цен на нефть. Известно, что такая политика имела своим следствием то, что валютный курс рубля постоянно находился диапазоне 40–60% от паритета его покупательной способности (см. таблицу). Соответственно, для российской экономики был характерен постоянный, значительный по размерам актив текущих статей платежного баланса. Его среднегодовая величина на протяжении длительного периода составляла свыше 69 млрд долл. в год, так что за 2005–2019 годы превышение вывозом товаров и услуг из страны их ввоза в страну составило 1036 млрд долл. Таковы издержки применявшихся в России макроэкономических моделей: ведь приведенные цифры характеризуют величину беспроцентного кредитования Россией остального мира за счет несбалансированной торговли.

Таблица. Номинальный курс рубля и паритет его покупательной способности¹

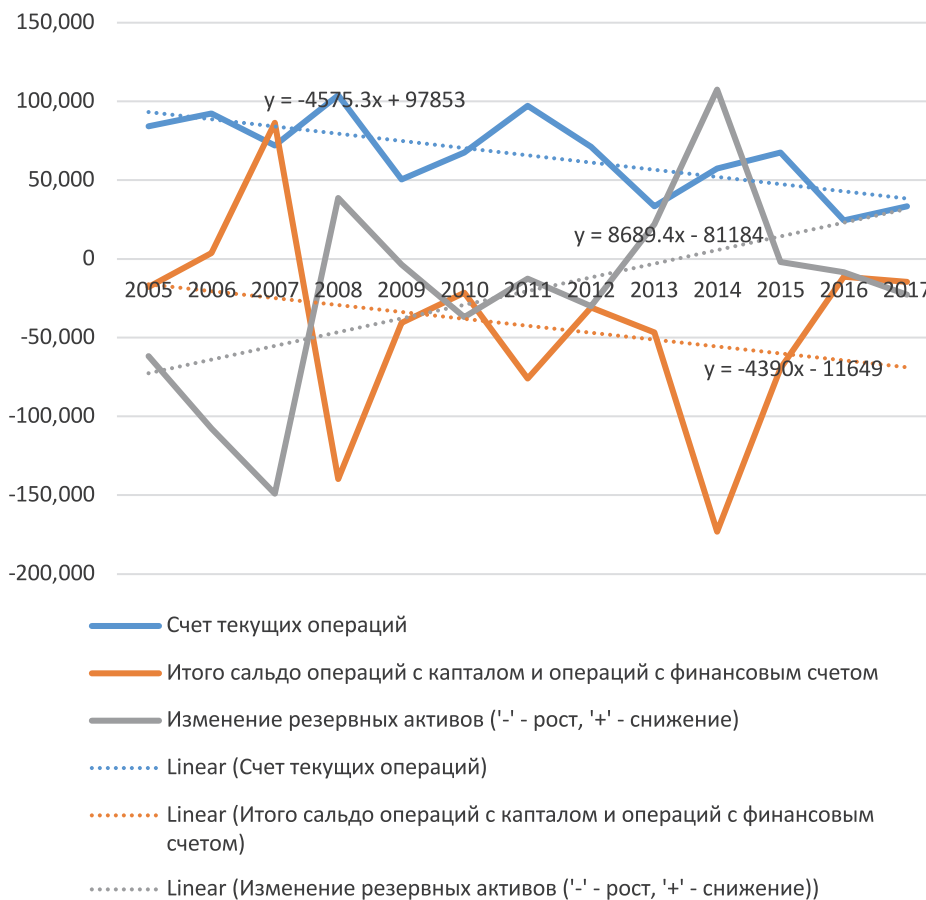
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ППС, руб./долл. США	15,82	17,35	18,46	19,42	21,01	23,59	24,36	24,34
ППС, долл. США/руб.	0,063	0,058	0,054	0,051	0,048	0,042	0,041	0,041
Рыночный курс рубля (средний за год)	0,033	0,034	0,032	0,032	0,028	0,017	0,015	0,017
Рыночный курса рубля к ППС (%)	52,1	58,6	59,1	61,4	59,7	40,2	36,4	41,6

¹ На основе результатов годовых международных сопоставлений, проводимых ОЭСР.

Источник: Россия и страны мира, 2018. с. 93

В самом общем виде ситуацию, в которой находилась российская экономика накануне коронавирусной пандемии, можно охарактеризовать следующим образом, см. [1–5, 10] и др. Финансово-бюджетная сфера отличалась высоким уровнем надежности, проявлявшемся в очень низком по мировым меркам уровне госдолга, сбалансированном (а по большей части профицитном) государственном бюджете. Характерными чертами денежно-кредитной сферы являлись наличие крупных золотовалютных резервов, низкий уровень инфляции, значительная волатильность валютного курса, крупный актив текущих статей платежного баланса (см. рис. 2).

Рис. 2.
Динамика сальдо текущих статей, операций с частным капиталом и изменений резервных активов

Казалось бы, парадоксальным образом в стране наблюдался устойчивый профицит ликвидности при все еще весьма высокой процентной ставке. Но у этого парадокса есть простая разгадка. Применявшаяся макроэкономическая модель привела к деформации нормальной зависимости между уровнем денежного предложения и процентной ставкой. Эта деформация произошла из-за широкого использования Центральным банком таких мер по стерилизации денежной массы, как выпуск собственных облигаций и предоставление коммерческим банкам возможности открывать счета в Центральном банке на весьма привлекательных условиях. Обратной стороной этой политики стало состояние длительной стагнации производства и потребления, крайне низкий уровень инвестиционной активности. Искусственно поддерживавшаяся высокая процентная ставка приводила к тому, что держать свободные средства на счетах в коммерческих банках становилось для предприятий реального сектора экономики выгоднее, чем инвестировать их в производство.

Возникает естественный вопрос: что нового внесла в эту ситуацию пандемия?

Мне кажется, имеются все основания говорить о том, что ее результатом стало три вида шоков, с которыми в большей или меньшей мере пришлось столкнуться всем экономикам.

Первый и наиболее очевидный из них — шок со стороны предложения. Он прямо проистекает из свертывания производственной деятельности, вызванной необхо-

димостью максимально ограничить все виды общения людей, в том числе и производственного, для снижения скорости распространения инфекции. Остановка производств, естественно, сопровождается разрывом производственных цепочек, сложившихся как внутри страны, так и с партнерами из-за рубежа.

Вторым видом следует считать шок, связанный с вызванной пандемией необходимостью внесения максимально быстрых изменений в размещение ресурсов. Речь идет о потребности в быстром налаживании производства оборудования и медицинских материалов, используемых в борьбе с болезнью, перепрофилировании самих медицинских учреждений. Через систему межотраслевых связей соответствующие меры в большей или меньшей степени влияют на всю экономику. Вообще говоря, шок, связанный со структурными изменениями в экономике, относится к разряду микроэкономических. Его непосредственным результатом является изменение не уровней выпуска и цен, а их структуры. Однако, как, в частности, показал и опыт постсоциалистической трансформации, у этого явления есть и макроэкономическая сторона [8]. Дело в том, что интенсивная реаллокация ресурсов не может происходить абсолютно гладко; она неизбежно сопровождается своеобразным «трением», приводящим к потерям общего уровня выпуска. В этом отношении процесс форсированной реструктуризации общественного производства становится своеобразной формой шока со стороны предложения.

Наконец, для отдельных государств два первых шока могут оборачиваться третьим, причем весьма серьезным, ударом – теперь уже со стороны совокупного спроса. В нашей стране он оказался связан с беспрецедентным падением мировых цен на нефть.

Известно, что шок со стороны предложения создает предпосылки для развертывания стагфляции – сочетания рецессии и высокой инфляции. Шок со стороны совокупного спроса еще более усиливает спад и безработицу, но уменьшает давление на цены. Неизбежными становятся уменьшение поступлений в государственный бюджет, опасность резкого обострения всего комплекса социальных проблем. Разрывы в производственных цепочках, «трение», сопровождающее структурные перестройки, влияют не только на величину выпуска, но и на финансовое состояние экономических агентов. Возникает серьезнейшая угроза накопления взаимных неплатежей, массовых банкротств как во время пандемии, так и после нее.

Таким образом, экономические последствия пандемии весьма разнообразны, а в некоторых отношениях (в частности, по влиянию на инфляцию) – разнонаправленны. Это неизбежно создает большие проблемы для оценки совокупного влияния многочисленных факторов и выбора на этой основе оптимальной реакции со стороны правительства. Вместе с тем ясно, что повсеместно ключевой становится проблема финансирования государственных расходов, признаваемых необходимыми для успешного преодоления пандемии. Следует иметь в виду, что в числе последних – и затраты, призванные обеспечить сохранение финансовой устойчивости частного сектора, преодоления возможного кризиса взаимной задолженности.

Возникает естественный вопрос о целесообразных способах финансирования дефицита государственного бюджета, неизбежного в условиях значительной потребности в дополнительных расходах и сокращения налоговых поступлений. Таких возможностей совсем немного: использование имеющихся резервов и привлечение заемных средств.

Использование накопленных в валюте резервов абсолютно разумно, более того, попытка оставить эти средства в неприкосновенности выглядела бы просто противо-

естественной. (Замечу в скобках, что из этого неправомерно было бы делать вывод о правильности политики, приведшей к самому формированию этих резервов). С этой целью следовало бы разработать специальную программу, которая, с моей точки зрения, должна включать в себя установки на государственный импорт необходимых потребительских благ, в том числе и лекарств, а также товаров производственного назначения.

С точки зрения существующей долговой нагрузки у нас нет сейчас серьезных ограничений по увеличению внешнего долга. Однако в этом, как мне кажется, особого смысла нет в силу наличия у страны крупных и в существенной части избыточных валютных резервов.

Остается вопрос об увеличении внутренних заимствований нашего государства. При его решении необходимо, разумеется, тщательно взвесить все последствия. В частности, следует оценить опасность повышения процентной ставки и вытеснения частных инвестиций. Что касается «эффекта вытеснения», то его проявление в нынешних условиях, когда частный сектор не заинтересован в инвестировании, маловероятно. Однако рост процентной ставки в связи с возрастающим государственным спросом на кредиты все равно имел бы крайне неблагоприятные последствия, поскольку содействовал бы замораживанию такого положения дел.

Именно поэтому увеличение внутренних заимствований следует совмещать с внесением серьезных изменений в денежно-кредитную политику. Полагаю возможным резко снизить до 2–3% ключевую ставку. Одновременно следует обнулить процентную ставку по депозитам коммерческих банков в Центральном банке, полностью прекратить выпуск облигаций Центрального банка, а имеющиеся у коммерческих банков облигации — выкупить. Цель этих мер заключается в том, чтобы побудить банки расширить кредитование нефинансовых экономических агентов, обеспечив возврат этих средств в экономику. Следует также ожидать, что низкая процентная ставка приведет к изъятию предприятиями свободных средств с банковских счетов и направлению их на финансирование своей основной деятельности. Вполне разумной представляется и монетизация Центральным банком части задолженности исполнительной власти за счет выкупа обращающихся на свободном рынке государственных облигаций.

Разумеется, такие действия денежного регулятора приведут к увеличению количества денег в обращении. Существенным является в связи с этим вопрос о том, каким будет эффект этого увеличения.

Наиболее неприятное следствие может состоять в том, что произойдет увеличение инвестиций в краткосрочные иностранные активы, вывоза капитала из страны. Именно поэтому предлагаемую систему мер в денежно-кредитной сфере нужно дополнить действиями по ограничению свободы трансграничного перемещения краткосрочного капитала юридическими лицами (их не следует распространять на население). С этой целью имело бы смысл ввести налог Тобина. Для того чтобы усилить «антиспекулятивные свойства» этого налога, было бы полезно предоставить денежному регулятору право в любой момент изменять его величину.

При таком алгоритме действий есть основания рассчитывать на то, что возросшее денежное предложение будет содействовать прежде всего повышению производственной активности, увеличению частных инвестиций и степени загрузки производственных мощностей. Чтобы усилить этот эффект, принципиально важно резко активизировать государственно-частное партнерство в реализации крупных инвестиционных проектов. Сделать это совсем не просто, имея в виду, что в кризисные вре-

мена существует инстинктивное стремление сосредоточиться исключительно на решении острых текущих проблем. Но делать это абсолютно необходимо для того, чтобы уже сейчас начать преодолевать деморализацию частного сектора, создавая стимулы для инвестирования и тем самым закладывая основы для перевода российской экономики на рельсы всесторонней модернизации. Именно поэтому реализация такого мегапроекта, как «Второй Транссиб», была бы чрезвычайно уместной.

Конечно, полностью избежать повышения инфляции при воплощении в жизнь предлагаемых мер не удастся. С такого рода рисками сталкиваются и наиболее развитые страны, принявшие решения о реализации крупных пакетов помощи в рамках борьбы с пандемией (см., например, [16]). Поэтому если мы исходим из того, что главная задача макроэкономической политики в нынешних условиях – поддержание производства и занятости, предотвращение острых социальных проблем, создание условий для предотвращения массовых неплатежей и долгового кризиса, то речь должна идти не о минимизации инфляции, а о том ее уровне, который совместим с достижением этих целей и устойчивым долгосрочным развитием. Иными словами, дозируя предложенные выше меры, следовало бы руководствоваться именно таким предельным уровнем допустимой инфляции. В моем представлении он находится в промежутке между 10 и 15 процентами. Такая инфляция способна сыграть роль своеобразной «смазки», способствующей более мягкому прохождению через кризис, а также более равномерному распределению связанных с ним производственных и социальных издержек.

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. *Финансы, бюджет и банки новой России*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
2. Глазьев С.Ю. *О неприемлемости проекта «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов» Банка России (особое мнение члена Национального финансового совета)* // *Российский экономический журнал*. № 6, 2018. С. 3–26.
3. Ершов М.В. *Об условиях экономического роста: о валютном курсе, валютной стабильности и длинных деньгах* // *Общество и экономика*. № 2, 2017. С. 5–13.
4. Ивантер В.В., Порфирьев Б.Н., Широв А.А., Шокин И.Н. (2017). *Вестник финансового университета*. Т. 21, № 1 (97), 2017. С. 6–15.
5. Миркин Я.М. *Финансовый форсаж* // *Банковские услуги*. № 10, 2018. С. 2–7.
6. Кудрин А. *Реальный эффективный курс рубля: проблемы роста* // *Вопросы экономики*. № 10, 2006. С. 4–18.
7. Некипелов А.Д. *О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития* // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2015. – № 2 (26). – С. 205–210.
8. Некипелов А. *Очерки по экономике посткоммунизма*. М.: ЦИСН Миннауки, 1996.
9. Некипелов А. *Становление рыночной экономики в России*. В кн.: «Российская трансформация: 20 лет спустя». Сапир Ж. (ред.). М.: Магистр. 2013. С. 63–108.
10. *Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике*. Под ред. академиков Некипелова А.Д., Ивантера В.В., Глазьева С.Ю. М., 2013.
11. Фетисов Г. «Голландская болезнь» в России: макроэкономические и структурные аспекты // *Вопросы экономики*. № 12. С. 38–53.
12. Юдаева К. *О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущей ситуации* // *Вопросы экономики*. № 9. С. 1–9.
13. Corden W.M, Neary J.P. *Booming Sector and De-industrialisation in a Small Open Economy* // *The Economic Journal*. No. 92. P. 825–848.

14. *The Dutch Disease // The Economist*. P. 82–83.
15. Ellman M. *Natural Gas, Restructuring and Re-Industrialization: The Dutch Experience of Economic Policy*. In: "Oil or Industry?" Barker T., Brailovsky V. (eds.). London: Academic Press. P. 27–29.
16. Galbraith, James K. *Covid-19 and Capitalism*. A presentation at the Online Conference «Social and Economic Challenges of the Covid-19 Pandemic» (<https://www.youtube.com/watch?v=hCd-f6vjzmk&t=549s>)
17. Kamas L. *Dutch Disease Economics and the Colombian Export Boom // World Development*. Vol. 14(9). September. P. 1177–1198.

References

1. Aganbegjan, A.G. *Finansy, bjudzhet i banki novoj Rossii*. M. Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018.
2. Glaz'ev, S.Ju. *O nepriemlemosti proekta «Osnovnyh napravlenij edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2019 god i period 2020 i 2021 godov» Banka Rossii (osoboe mnenie chlena Nacional'nogo finansovogo soveta)*. // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal. № 6, 2018. S. 3–26.
3. Ershov, M.V. *Ob uslovijah jekonomicheskogo rosta: o valjutnom kurse, valjutnoj stabil'nosti i dlinnyh den'gah*. // Obshhestvo i jekonomika. № 2, 2017. S. 5–13.
4. Ivanter V.V., Porfir'ev B.N., Shirov A.A., Shokin I.N. (2017). *Vestnik finansovogo universiteta*. T. 21, № 1 (97), 2017. SS. 6–15.
5. Mirkin, Ja.M. *Finansovyj forsazh*. // Bankovskie uslugi. № 10, 2018. S. 2–7.
6. Kudrin A. *Real'nyi jeffektivnyi kurs rublja: problemy rosta // Voprosy jekonomiki*. № 10, 2006. S. 4–18.
7. Nekipelov A.D. *O resursnom proklatii i ego vlijanii na taktiku i strategiju jekonomicheskogo razvitija // Zhurnal Novoj jekonomicheskoi assotsiacii*. – 2015. – № 2 (26). – S. 205–210.
8. Nekipelov A. *Ocherki po jekonomike postkommunizma*. M.: CISN Minnauki, 1996.
9. Nekipelov A. *Stanovlenie rynochnoj jekonomiki v Rossii*. V kn.: «Rossiiskaja transformacija: 20 let spustja». Sapir Zh. (red.). M: Magistr. 2013. S. 63–108.
10. *Rossija na puti k sovremennoj dinamichnoj i jeffektivnoj jekonomike*. Pod red. akademikov Nekipelova A.D., Ivantera V.V., Glaz'eva S.Ju. M. 2013.
11. Fetisov G. «Gollandskaja bolezni» v Rossii: makrojekonomicheskie i strukturnye aspekty // *Voprosy jekonomiki*. № 12. S. 38–53.
12. Judaeva K. *O vozmozhnostjah, celjah i mehanizmah denezhno-kreditnoj politiki v tekushhej situacii // Voprosy jekonomiki*. № 9. S. 1–9.
13. Corden W.M, Neary J.P. *Booming Sector and De-industrialisation in a Small Open Economy // The Economic Journal*. No. 92. P. 825–848.
14. *The Dutch Disease // The Economist*. P. 82–83
15. Ellman M. *Natural Gas, Restructuring and Re-Industrialization: The Dutch Experience of Economic Policy*. In: "Oil or Industry?" Barker T., Brailovsky V. (eds.). London: Academic Press. P. 27–29.
16. Galbraith, James K. *Covid-19 and Capitalism*. A presentation at the Online Conference «Social and Economic Challenges of the Covid-19 Pandemic» (<https://www.youtube.com/watch?v=hCd-f6vjzmk&t=549s>)
17. Kamas L. *Dutch Disease Economics and the Colombian Export Boom // World Development*. Vol. 14(9). September. P. 1177–1198.

Контактная информация / Contact information

119234, Москва, Ленинские Горы, МГУ им. М.В.Ломоносова, д. 1, стр. 61.
1-61, Leninskie Gory, Lomonosov Moscow state University, 119234, Moscow, Russia.
Некипелов Александр Дмитриевич / Alexander D. Nekipelov
nekipelov@mse-msu.ru

КРИЗИС КАК ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

CRISIS AS A WINDOW OF OPPORTUNITIES FOR SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-47-69

АГАНБЕГЯН Абел Гезевич

Сопредседатель Программного комитета МАЭФ, Заведующий кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), академик РАН, д.э.н., профессор

Abel G. AGANBEGYAN

Co-Chairs of the MAEF Program Committee, Head of the Department of Economic Theory and Politics, RANEPA under the President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Экономика России находится в стагнации с 2013 года. Автор полагает, что текущий кризис включает в себя механизм восстановления и, возможно, будущего роста экономики. В статье оцениваются возможности смягчения социально-экономических последствий коронакризиса, перечисляются первоочередные задачи и ключевые драйверы социально-экономического развития России. В качестве приоритета выделяются: повышение доходов населения и предотвращение значительного роста бедности в период кризиса. Большое внимание автор уделяет структурным реформам, необходимым для возобновления социально-экономического роста, и путям мобилизации дополнительных средств, которые пойдут на эти цели.

Abstract

The Russian economy is in stagnation since 2013. The author believes that the current crisis includes a recovery mechanism and, possibly, future economic growth. The article assesses the possibilities of mitigating the socio-economic consequences of the coronacrisis, lists the priority tasks and key drivers of the socio-economic development

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на основной онлайн-сессии МАЭФ, которая состоялась 14 мая 2020 г.

of Russia. The priority is given to increasing incomes of the population and preventing a significant increase of poverty during the crisis. The author pays much attention to the structural reforms necessary for the resumption of socio-economic growth, and ways to mobilize additional funds that will be used for these purposes.

Ключевые слова Стагнация, экономический рост, социально-экономическое развитие, стимулы и структурные реформы, доходы населения, бедность, коронавирусная пандемия, нефтегазовый кризис.

Keywords Stagnation, economic growth, socio-economic development, structural reforms, population incomes, poverty, coronacrisis.

1. Оценка социально-экономической ситуации – переход от стагнации к структурному кризису безопасности – страхует общество от тяжелых последствий переживаемого катаклизма.

На восьмом году стагнации Россию постигло две беды – коронавирусная пандемия, охватившая весь мир, и новый нефтегазовый кризис.

За семь прошедших лет стагнации (2013–2019 гг.) при рецессии в 2015 г. ВВП на душу населения увеличился на 3%. При этом в 2019 г. по сравнению с 2013 г., когда были достигнуты лучшие результаты по приводимым ниже показателям, произошло заметное сокращение:

- валового накопления основного капитала на 5,5%, инвестиций в основной капитал на 2,5% и строительства на 3,8%;
- расходов на НИОКР, образование и здравоохранение – главные составляющие человеческого капитала – на 6%;
- экспорта и импорта на 20–25%;
- реальных доходов населения на 10,4%;
- розничного товарооборота на душу населения на 9,3%;
- конечного потребления домашних хозяйств на 1,5%;

При этом потребительские цены в период стагнации возросли на 55%, что привело к увеличению численности бедных, чей душевой доход ниже прожиточного минимума, с 15 до 20 млн человек.

Как видно, ключевые драйверы нашего развития – инвестиции в основной капитал, вложения в человеческий капитал, внешняя торговля, доходы населения и платежеспособный спрос тянули экономику вниз, к рецессии.

Это усугублялось санкциями по отношению к России со стороны США и других развитых стран и снижением цен на нефть и газ в два раза в связи с увеличением добычи нефти Саудовской Аравией и странами ОПЕК с целью сдержать добычу сланцевой нефти в США. Это привело к девальвации рубля по отношению к доллару с 31 до 60–70 руб. Фондовый рынок России в долларовом выражении сократился в 2,5 раза по сравнению с 2008 г. В результате намного снизилась рыночная капитализация крупнейших российских компаний.

В рамках стагнации возникли и нарастают дополнительные негативные тренды: а) отток капитала из России, который идет уже 13-й год и суммарно составил около 800 млрд долларов – более половины ВВП 2019 г. по рыночному курсу;

б) прогрессирующее старение и износ основных фондов, особенно машин и оборудования, 23% которых уже работают свыше сроков амортизации. Средний срок работы машин и оборудования в России достиг 15 лет и вдвое превышает показатели развитых стран;

в) сокращение консолидированного бюджета, особенно в регионах, при расчете в постоянных ценах, что во многом связано со значительным снижением цен на нефть и газ — основными источниками госбюджета;

г) ухудшение финансовых и административных условий для инвестирования в основной капитал и вложения в человеческий капитал, в связи с чем все возрастающая часть прибыли предприятий и организаций страны откладывается на счетах отечественных и зарубежных банков, особенно в офшорах, и не используется для увеличения заработной платы и накопления капитала;

д) глубокий демографический кризис со снижением численности трудоспособного населения в России за последние годы на 5 млн человек, возобновление с 2017 г. депопуляции населения (320 тыс. человек в 2019 г.) в связи с большим падением рождаемости (более чем на 400 тыс. человек), что привело к начавшемуся с 2018 года сокращению численности населения страны.

Притом последний, 2019 г., был одним из худших по социально-экономическим показателям годом стагнации, когда прирост ВВП России оказался вдвое ниже, чем в мире, втрое ниже, чем в развивающихся странах, и впятеро ниже, чем в Китае.

С марта 2020 г. на все это наложилась начавшаяся коронавирусная пандемия и новый нефтегазовый кризис в России.

Коронавирусная пандемия в России возникла в марте 2020 г. — на два месяца позже, чем в Китае, и на месяц позже, чем в США и странах ЕС. На 10 июля в России заразились около 715 тысяч, выздоровели 490 тысяч и умерли 11 тысяч. При этом число заразившихся в сутки сократилось с 11 до 6,5 тыс. человек, а число выздоровевших превысило 8 тысяч человек. Смертность пока поддерживается на уровне 150–200 человек. Из числа заразившихся она увеличилась с 1% до более чем 1,5%. Наиболее радикальное падение пандемии произошло в Москве, где в течение суток число зараженных снизилось с 11 тысяч до 600 человек, а число умерших составляет менее 30 человек в сутки. Если месяц назад удельный вес Москвы составлял более 50% в показателях пандемии, то сегодня он снизился по показателям до 10–20%. Коронавирусная пандемия в России существенно отличается от Китая и развивается по европейскому пути с определенными особенностями. Во-первых, она развивается медленнее. Во-вторых, ее смертность втрое ниже, чем в Германии, и почти в 10 раз ниже, чем в Италии, Испании, Франции и Великобритании. В-третьих, у 50–60% заразившихся коронавирусом болезнь протекает бессимптомно, без врачебного вмешательства. В-четвертых, в регионах эпидемия наступила в среднем на две недели позже, чем в Москве, и они в основном сегодня определяют течение болезни в России. По нашему прогнозу, первая волна пандемии в основном завершится в сентябре, и число зараженных достигнет 850–900 тысяч человек — 4-й результат в мире после США, Бразилии и Индии, а по смертности Россия входит во второй десяток стран.

Эти особенности России связаны с низкой плотностью населения, сниженной долей престарелых и активными мерами по противодействию пандемии. Что касается столь низкой смертности, то она, как считают многие эксперты, связана, в первую очередь, с регулярными прививками БЦЖ — вакциной от туберкулеза, которая укрепляет иммунную систему в борьбе с коронавирусом.

Следует отметить, что Россия заблаговременно, еще в январе, создала оперативный штаб по борьбе с коронавирусом, когда пандемия еще в России не началась, и весьма активно проводит меры по поддержанию карантина, самоизоляции. Намного увеличен материальный и кадровый потенциал для борьбы с коронавирусом. За 2–3 месяца в России было введено почти 200 тыс. новых коек и организовано 506 специализированных лабораторий с этой целью, в десятки раз выросло производство защитных средств от коронавируса, производство аппаратов для искусственного легкого, налажена массовая томография коронавирусных больных. На 10 июля в России проведено более 17 млн тестов, и она занимает 2-е место после США. Врачам и другому медперсоналу, занятым коронавирусом, в 1,5–2 раза повышена зарплата.

ВОЗ ожидает осенью этого года **вторую волну коронавируса**, которая может возникнуть из-за отсутствия к этому времени вакцины и призывает страны быть готовыми к возможному расширению инфекции после ее снижения до минимального уровня, с тем чтобы подавить эту инфекцию на корню, не дать ей распространиться. Поэтому до конца года, после того как нам показалось, что инфекция побеждена, не надо излишне расслабляться, а держать силы наготове в случае возникновения второго этапа.

Пандемия коронавируса приводит к тяжелым социально-экономическим последствиям. От 30 до 40% всех занятых в странах с пандемией почти два месяца не работали. Безработица увеличивается в 2–4 раза. На грани банкротства находятся миллионы представителей малого бизнеса. В 1,5 раза ожидается увеличение бедности. Пандемия серьезно повлияла и на сокращение ВВП, особенно в сфере услуг.

США уже выделили на борьбу с коронавирусом более 10% финансовых средств от ВВП и готовятся к принятию новых серьезных мер. Крупные страны Западной Европы, которые сильно поразил коронавирус, уже выделили финансовые ресурсы от 12% ВВП в Великобритании до 14–16% во Франции и Германии и до 20% в Италии и Испании. Об экономических последствиях коронавируса можно судить по Китаю, где в I квартале 2020 г. ВВП снизился на 6,8%, в то время как год назад он вырос на 6,5%. Такое снижение в Китае произошло впервые за последние 50 лет.

При этом главные финансовые средства для смягчения социально-экономических последствий вкладывают не бюджеты этих стран, а банковская система, которая в массовом масштабе предоставляет бесплатные или низкопроцентные кредиты, гарантированные государством, скупает долговые обязательства и т.д. Так, ФРС в США выделил 6 трлн долл. при бюджетных средствах на эти цели в размере 2 трлн долл. Европейский банк в самом начале эпидемии выделил 1 трлн евро для помощи странам ЕС в борьбе с коронавирусом. А центральные банки отдельных стран не только до предела снизили свои ставки, но и выделили в два-три раза больше средств на борьбу с коронавирусом в сравнении с бюджетными ассигнованиями. В последнее время Совет Европы проводит дополнительные крупные меры с этой целью, предоставляя отдельным странам десятки и сотни миллиардов евро.

Многие страны разработали подробные программы для борьбы с коронавирусом с обеспеченным финансированием. Особенно впечатляюща программа Тайваня, который провел столь жесткие и значимые меры, что не позволил этой эпидемии сколь-нибудь развиться и подавил ее на корню. Его программа включает 125 пунктов.

Глубина социально-экономического спада России в связи с коронавирусом, по нашему мнению, будет значительнее в сравнении с кризисом 2008–2009 гг. Тогда

под руководством премьер-министра России В.В. Путина была подготовлена и одобрена Думой впечатляющая антикризисная программа, подкрепленная крупными финансовыми мерами. В борьбе с кризисом были потрачены финансовые ресурсы страны, оцененные в 10,9% ВВП. В том числе были использованы 211 млрд долл. из накопленных золотовалютных резервов, которые тогда составляли 597 млрд долл. и были снижены до 386 млрд. Эти средства пошли не только на дополнительное финансирование бюджета, а также наиболее значимых, в основном, государственных предприятий и банков, но и на поддержание валютного курса.

Россия, в отличие от других стран, в борьбе с социально-экономическими последствиями коронавируса сосредотачивается главным образом на активных административных мерах, выделяя относительно небольшие средства по сравнению с другими странами и антикризисной программой 2009 года.

В подготовленной программе намечается выделить дополнительные средства в размере 4,4 трлн руб. – 10% ВВП на 2020–2021 гг. Представляется, что министерства и ведомства России недооценивают глубины социально-экономических последствий коронавирусной пандемии. Международные организации и многие эксперты эту глубину оценивают в 1,5–2 раза больше. По нашему мнению, объем ВВП в 2020 году сократится на 7–8%, реальные доходы – на 8–10%, безработица вырастет до трех раз, бедность увеличится не менее чем на 5 млн человек, из-за нефтегазового кризиса наряду с пандемией размер консолидированного бюджета сократится на четверть, а финансовый результат деятельности предприятий и организаций страны – в два-три раза. Число убыточных предприятий и организаций возрастет до 40–45%.

Что касается необходимых средств на перспективу, то они зависят в значительной мере от двух обстоятельств. Во-первых, эти средства должны увеличить доходы населения не до уровня 2019 года, а до уровня 2012–2013 года, поскольку за 7 лет стагнации эти доходы снизились на 10%. Во-вторых, собираемся ли мы после восстановительного антикризисного роста опять перейти к стагнации или мы хотим возобновить с 2022–2023 года хотя бы 3-процентный ежегодный социально-экономический рост, притом с ускорением до 4–5% после 2025 года. Последнее особенно важно, так как у России появился уникальный шанс поддержать и усилить антикризисный отскок экономики ото дна, свойственный кризису в отличие от стагнации, которая, напротив, тянет экономику в рецессию в связи с отмеченными выше негативными трендами.

Мне кажется, судя по прошедшему времени, что президент и правительство принимают поэтапные решения по мерам и средствам для борьбы с социально-экономическими последствиями наступившего в 2020 г. кризиса. Я надеюсь, что эти меры будут приниматься и дальше, пока же, в отличие от антикризисной программы 2009 года, огромные накопленные золотовалютные резервы страны пока не задействованы в разрабатываемой антикризисной программе. Даже 11 трлн руб. (142 млрд долл. золотовалютных резервов), составляющие ликвидный Фонд народного благосостояния, не используются в соответствии с целями, для которых он был создан.

Новый нефтегазовый кризис возник в начале марта после отказа России заключить новое соглашение с Саудовской Аравией и странами ОПЕК по регулированию объемов добычи и экспорта нефти с целью поддержать имеющиеся на тот момент цены на нефть, которые составляли 60–65 долл. за баррель. В ответ Саудовская Аравия и страны ОПЕК увеличили добычу и экспорт нефти, установив демпинговые цены. В короткий срок предложение нефти на рынке намного превысило спрос, и цены на нефть рухнули в два-три раза, в среднем до 20–30 долл. за баррель. К тому же

в связи с распространением коронавирусной пандемии и сокращением экономики спрос на нефть сократился примерно на 30%, в том числе со стороны Китая.

Экспортные цены на природный газ тоже снизились в 1,8 раза при сокращении объема этого экспорта. Так что объем экспорта газа в первом квартале в стоимостном выражении сократился более чем в два раза.

Демпинг цен Саудовской Аравии и других стран ОПЕК продолжался почти до конца апреля. Пользуясь низкими ценами, все страны максимально постарались пополнить свои резервы. Это скажется на объемах добычи нефти и газа и их цен, по крайней мере на ближайшие два-три года.

В целом по прогнозам мировая экономика в результате коронавируса сократится на 3–5% и, соответственно, снизится потребление нефти и газа. Тем более что многие страны активно проводят политику мобилизации новых источников энергии и вводят режим экономии углеводородного сырья, переводя, в частности, автомобильный парк на использование электроэнергии вместо бензина и дизеля и производя самолеты со все меньшим удельным расходом топлива.

В апреле при содействии США удалось возобновить переговоры России с Саудовской Аравией и странами ОПЕК и заключить новое соглашение о сокращении добычи нефти в мае – июне на 9,7 млн баррелей в день по этим странам, во второй половине 2020 года на 7,7 млн баррелей, а в 2021 – апреле 2022 г. – на 5,8 млн баррелей в день. Уменьшается добыча в США, Канаде, Бразилии и других странах из-за сокращающегося спроса и низких цен на нефть. Избыток предложения над спросом нефти к моменту соглашения составлял, по разным оценкам, 20–30 млн баррелей в сутки (20–30%). Россия и Саудовская Аравия приняли решение о сокращении собственной добычи нефти в среднем на 20%. С мая это сокращение началось. Его собираются продлить до конца 2021 года.

Учитывая заполненность хранилищ, вплоть до использования крупнейших танкеров, спрос на нефть и газ не будет быстро восстанавливаться. Цена нефти на российскую марку Urals в апреле составила 18,2 долл. за баррель, в мае – 31,9, в июне – около 42 долл. и к концу 2021 года ожидается около 45 долл., а к концу 2022 года – около 30 долл. Замедленный рост во второй половине 2021 года и 2022 году связан с тем, что добыча нефти будет расти при повышающихся ценах при отсутствии сколько-нибудь значительного спроса. Дальнейший рост цен на нефть будет сдерживаться и использованием нефти из заполненных хранилищ. Нельзя ожидать и сколько-нибудь значительного восстановления экспортных цен на газ, которые сейчас приблизились к 100 долл. на 1000 кубов, в то время как раньше стоили больше 200 долл.

В целом цены на нефть и газ обеспечивали примерно 8,5 трлн руб. из 20 трлн руб. доходной части российского федерального бюджета. Теперь доходы будут в районе 6–6,5 трлн руб. Их доля в формировании доходов бюджета на треть снизится. После этого нужно учесть и сниженный объем добычи и экспорта нефти и газа в обозримой перспективе, особенно в связи с электрификацией автомобильного транспорта.

Таким образом, Россия в определенной мере освободится от «нефтегазовой иглы», но не столько благодаря замене в экспорте доли нефти и газа другими продуктами, а просто из-за сниженных объемов и цен. Нефть и газ перестанут быть источником экономического роста, как это было в период нашего 10-летнего подъема с 1999 до 2008 г., когда ВВП вырос на 90%, и половина его прироста была связана с восьмикратным увеличением цен на нефть и газ и с увеличивающейся добычей

углеводородного сырья в России. В этих условиях нам нужно находить новые источники социально-экономического роста.

Медленное и далеко не полное восстановление объемов и цены на нефть и газ не позволят нам сколь-нибудь заметно укрепить рубль, вернув курс доллара к 60–65 руб. Это создает для страны серьезные трудности, поскольку суммарный долг России (корпоративный и государственный) составляет 450 млрд долл. на июль 2020 г. При технологическом перевооружении и развитии высокотехнологических отраслей нам придется все больше покупать электроники, современных машин и оборудования по импорту. И здесь мы будем переплачивать из-за низкого курса рубля.

Сниженный валютный курс рубля, с другой стороны, позволяет получить выигрыш, если нам удастся коренным образом изменить устаревшую, полукOLONиальную структуру нашего экспорта, повышая долю экспорта готовой продукции с высокой добавленной стоимостью. Этим преимуществом нам предстоит воспользоваться в полной мере.

2. Глубина начавшегося кризиса в России и объем финансовых средств, необходимый для перехода к социально-экономическому росту

По всей вероятности, только в 2022 г. мы сможем восстановить уровень 2019 г. Этот восстановительный процесс будет особенным. Как известно, стагнация, в которой мы находились, не создала предпосылок для будущего социально-экономического роста. Напротив, как было показано, она тянула, благодаря негативным трендам, нашу экономику вниз. В отличие от этого, нынешний кризис включает в себя механизм восстановления и, возможно, будущего роста экономики. Ведь после простоя людей и части народного хозяйства все это возродится. Да и цены, и объемы добычи нефти и газа тоже постепенно будут увеличиваться по сравнению с теми минимальными значениями, которые они имели во время кризиса. Если при этом нам удастся мобилизовать крупные, прежде всего финансовые ресурсы для восстановления экономики и социальной сферы и ее дальнейшего развития, а также перестроить хозяйственный механизм за счет мер стимулирования и институционального преобразования для мобилизации новых драйверов социально-экономического роста, то нас может ожидать большой успех. Мы сможем от кризиса перейти к устойчивому и ускоряющемуся развитию.

Вспомним кризис 2008–2009 гг. Мы ведь всего за 1,5–2 года, в 2010 и 2011 гг., восстановили высшие докризисные показатели 2008 г., а затем и превзошли их. К примеру, в 2012 г. у нас ВВП почти на 4% был выше предкризисных значений, а реальные доходы, розничная торговля и потребление домашних хозяйств примерно на 10% выше уровня 2008 г. Также на 15–20% был превышен и объем внешней торговли, который сократился в кризис на 40%. При этом темпы социально-экономического развития России в 2010–2012 гг., в период восстановительного подъема превысили мировые показатели и были вдвое выше, чем у развитых стран мира, в том числе в сравнении с США и Германией.

При выделении достаточных финансовых ресурсов на преодоление кризиса мы смогли бы в 2021 г. или в первой половине 2022 г. достигнуть и превзойти уровень 2019 г., а с 2023 г. устойчиво перейти сначала к 3–4-процентному социально-экономическому росту, а затем через несколько лет и к 4–5-процентному ежегодному росту. Чтобы добиться подобных результатов, следовало бы составить антикризисную программу с объемом финансирования в размере 15–20 трлн руб.

Главными драйверами экономического роста, как известно, в индустриальной стране, которой является Россия, являются инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – в его главную составляющую часть – сферу «экономика знаний», включающую НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение. Как известно, темпы социально-экономического роста зависят от доли указанных инвестиций и вложений в ВВП. В результате стагнации и снижения инвестиций доля инвестиций в основной капитал у нас сократилась до 17%. А доля вложений в «экономику знаний» – до 14%. При таких параметрах экономический рост невозможен. И мы поэтому закономерно пребывали в стагнации.

Развитые страны увеличивают ВВП от 1,5 до 3% в год, имея долю инвестиций в ВВП в среднем в размере 20%, а долю вложений в сферу «экономика знаний» 35% (Западная Европа – 30%, США – 40%). И развиваются они с высоким качеством социально-экономического роста на 2/3 за счет вложений в человеческий капитал и лишь на 1/3 за счет инвестиций в основные фонды, поскольку находятся на стадии постиндустриального развития.

В России преобладающим фактором экономического роста, как в любой другой индустриальной стране, являются инвестиции в основной капитал. Он обеспечивает не менее 2/3 социально-экономического роста. И эта доля тем выше, чем значительнее отстает материально-техническая база страны от уровня развитых стран. Чтобы добиться социально-экономического роста, нам нужно долю инвестиций в основной капитал повысить хотя бы до 22–23%, а долю вложений в человеческий капитал («экономику знаний») – до 20%. Тогда мы устойчиво сможем увеличивать ВВП примерно на 3% в год. А если подтянуть долю указанных инвестиций и вложений в ВВП до 25%, то темп можно будет удержать на уровне 4%.

Развивающиеся страны, как известно, имеют долю инвестиций в основной капитал в размере 30–35%, и поэтому ежегодно увеличивают свой объем, если взять длительный период, на 4–6% ежегодно. Китай долю инвестиций в ВВП имел 40–45%. И поэтому развивался по 6,5–7%, снизив до 6,1% темп в 2019 г. по конъюнктурным причинам из-за торговой войны с США. Если Россия продолжит форсированный рост инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал после 2025 г., то доля этих инвестиций и вложений увеличится в ВВП до 30–35%, и наша страна ускорит социально-экономический рост как минимум – до 5–6% в год.

Поэтому, если мы хотим выйти из глубокого кризиса и сразу перейти к социально-экономическому росту, нам нужно ежегодно увеличивать инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал по 10–15%. И за два-три года поднять их долю в ВВП до необходимых размеров. Объем инвестиций у нас составляет менее 20 трлн руб., и нужно ежегодно изыскивать 2–2,5 трлн. А объем сферы «экономика знаний» составляет 15 трлн руб. в составе ВВП. Здесь нам нужно 2 трлн дополнительных средств в год. Таким образом, из примерно 10 трлн руб. в год, которые предлагается затратить на антикризисную программу, нам надо 4–4,5 трлн руб. вложить, с одной стороны, в инвестиции, с другой стороны, во вложения в человеческий капитал. И это вполне возможно.

Возникает вопрос, **где взять столь значительные финансовые средства**. Нам нужны новые крупные источники средств, прежде всего внутри страны, поскольку из-за санкций нам ограничен доступ на мировой финансовый рынок.

Первый и главный источник средств – **банковские активы** – главный «денежный мешок» страны, которые в 2019 г. составляли 96 трлн руб. при размере нашего ВВП

110 млрд руб. Из этих средств на инвестиции в основной капитал в виде инвестиционного кредита ежегодно выделяется 2 трлн руб. Причем половина этих средств приходится на иностранные банки в России, которые финансируют свои иностранные предприятия. И только 700 млрд руб. составляют инвестиционный кредит в основной капитал наших отечественных банков. Доля банковских инвестиций в основной капитал – 10% в общих инвестициях, можно сказать, самая низкая в мире. В развивающихся странах это 20–25%, а в развитых странах это 40–50%. В США, где длинные деньги формируются в избытке и на огромных фондовых биржах, и в виде накопительных пенсий, и в виде страховых фондов, а также так называемых mutual funds, 42% всех инвестиций тем не менее составляют долговременный банковский кредит. В Германии инвестиционный кредит банков в основной капитал – 53% от всех инвестиций.

Объем инвестиционного банковского кредита в основной капитал следовало бы увеличить вначале втрое, а потом, через несколько лет еще в 1,5–2 раза. Столь крупные взносы нам нужны, чтобы начать массовое техническое перевооружение действующего производства, и для того чтобы удвоить и утроить долю слаборазвитых пока у нас высокотехнологических отраслей – электроники и приборостроения, производства самолетов, кораблей, изделий атомной и космической промышленности, фармацевтики, современной, прежде всего синтетической, химии и др. Эти средства нужны и на перестройку на современный лад нашей транспортно-логистической инфраструктуры – переход на строительство автострад, скоростных железных дорог, крупных логистических центров, портов, аэропортов. Нам предстоит удвоить размеры инвестиций и в жилищное строительство, чтобы как можно быстрее выполнить задания Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. о ежегодном улучшении жилищных условий не менее чем 5 млн человек при ежегодном вводе нового жилья в 2024 г. 120 млн кв. метров (2019 г. – около 80 млн кв. метров).

Все эти направления окупаемы и могут финансироваться на кредитной основе. Но для этого нужно радикально снизить процентные ставки. Ключевую ставку целесообразно до конца 2020 г. сократить до 4%, а в 2021 году совместными усилиями ЦБ и правительства. – до 3–3,5 %.

Для технического перевооружения действующего производства при окупаемости 5–7 лет кредитные средства могли бы предоставляться по ставке 5% годовых. Для ввода новых мощностей высокотехнологических отраслей с окупаемостью 10–12 лет – по ставке 4% годовых, а для окупаемости вложений в транспортную инфраструктуру при окупаемости 20–25 лет по 3% годовых. В жилищном строительстве инвестиционные кредиты будут востребованы при 5-процентной ставке.

Инвестиционный кредит имеет преимущество перед другими формами инвестирования из-за своей целеустремленности, возвратности, повышенной роли коммерческих банков с их высококвалифицированными коллективами в оказании помощи предприятиям. Инвестиционные банки должны участвовать в переговорах с производителями оборудования для инвестиционных проектов, следя за выполнением обязательств производителей этого оборудования и переводя деньги сразу на их счета. То же самое и во взаимоотношениях со строителями и т.д. Естественно, это инвестиционное кредитование в основном должно быть построено на принципах проектного финансирования, без залоговых сумм. Во многих случаях таким образом будут кредитоваться проекты государственной, федеральной или региональной значимости под гарантии федеральных или региональных органов для банков.

Столь низкие процентные ставки могли бы начать применяться незамедлительно даже при относительно высокой пока ставке Центрального банка за счет доплаты процентов, за счет средств государственного бюджета. На это потребуются небольшие суммы, особенно с учетом того, что Центральный банк может снизить ключевую ставку уже в этом году сначала до 5, а потом, возможно, и до 4,5% при максимальном содействии правительства.

Ключевое значение будет иметь использование **долговременного низкопроцентного кредитования граждан для получения ими профессионального образования**, поскольку во многих случаях профессиональное образование платное. К тому же иногда для получения хорошего образования приходится переезжать в учебные заведения другого города. Речь идет обо всех видах профессионального образования, начиная от подготовки квалифицированных рабочих и кончая получением высшего образования и дополнительного к высшему образованию, в том числе для программистов или для специалистов по информационным технологиям, которых нам нужно кратно больше, чем сегодня, для аспирантов и даже докторантов. Лица, получающие профобразование, естественно, будут получать более высокую зарплату, поэтому у них будет источник для возмещения такого кредита, особенно если он будет предоставляться, скажем, на 10–15 лет либо в беспроцентном виде для отдельных нужных государству категорий, либо по трехпроцентной ставке.

Такая практика во многих других странах является распространенной. И у нас есть опыт кредитования образования. В частности, Сбербанк выдал более 500 млн руб. на эти цели. Если это делать всерьез, то масштабы этого кредитования должны измеряться не миллионами, а миллиардами рублей, поскольку в таком образовании ежегодно нуждаются сотни тысяч граждан.

Предоставление такого кредита позволит устранить крупный, из года в год усугубляющийся недостаток – растущее социальное неравенство получения образования между бедными и богатыми. При наличии кредита, например, способный молодой человек на Дальнем Востоке может получить высшее образование в лучших московских или петербургских университетах, где сосредоточено более 2/3 научно-образовательных кадров высшего уровня. У большинства людей нет денег на то, чтобы отправить члена своей семьи получить лучшее образование, при любых его способностях. Потому что жизнь в Москве и Санкт-Петербурге, оплата жилья, высокая платность образования требует, прямо скажем, неподъемных денег не только для бедных семей, но и для многих представителей среднего класса.

Для банков этот кредит может быть выгоден, если государство возьмет на себя возмещение им относительно небольшой доплаты на проценты этого займа.

Если говорить более общо, то все большая часть расходов в сфере «экономики знаний» должна возмещаться путем долговременных низкопроцентных кредитов со стороны банков. Надо дать возможность такие займы брать лечебным учреждениям для развития платных услуг, которыми частично занимаются и государственные организации, а тем более предоставлять дешевые кредиты для развития частной медицинской помощи. Это относится не только к образованию или прикладной науке, но особенно к развитию информационно-коммуникационных технологий, которые надо кредитовать по возможности беспроцентно под гарантии государства и при возмещении ими процентной ставки банкам, по биотехнологиям и, как говорилось выше, по здравоохранению. В этом случае государство сможет не тратить дополнительно бюджетные безвозмездные средства, которые к тому же используются во многом нецелевым обра-

зом. И, как показало, например, расследование многочисленных дел о покупке дорогой зарубежной техники по здравоохранению по завышенным ценам через подставных посредников, всего этого можно было бы избежать и предотвратить закупку неиспользованной или плохо использованной техники, поскольку заем придется возвращать.

Другим важнейшим источником средств могут явиться наши **золотовалютные резервы**. Они сейчас составляют около 570 млрд долл. Около 150 млрд долл. составляет Фонд народного благосостояния. Но заимообразно при использовании на проекты с 5–10-летней окупаемостью может быть потрачено еще 100 млрд долл. при использовании по 15–20 млрд в год. Оставшихся 300 млрд вполне достаточно для обеспечения безопасности нашей финансовой системы.

Третий источник – **средства предприятий и организаций**. Сегодня предприятия и организации формируют 60% инвестиций. Немного больше половины за счет амортизационного фонда и немного меньше за счет прибыли. Из 14-триллионной прибыли предприятий в 2019 г. на инвестиции было потрачено около 5 трлн. Если отменить налогообложение с прибыли на ту ее часть, которая направляется на инвестиции в основной капитал, то предприятие не будет, как сегодня, скрывать значительную часть своей прибыли, переводя ее в издержки, и будет заинтересовано в использовании этих средств как инвестиций. Прибавка может составить как минимум 1 трлн руб. Одновременно нужно сократить сроки амортизации в 1,5–2 раза, как это сделал Рейган в своей программе «рейганомика», и ввести правила ускоренной амортизации. Фонд амортизации от этого увеличится, что может дать прибавку инвестиций еще в размере 1 трлн руб.

Надо стимулировать предприятия выбрасывать старые фонды и систематически заниматься их обновлением при внедрении современных технологий, взяв пример США или Японии.

Четвертый источник дополнительных инвестиций – **приватизация части государственной собственности**, которая не занимается выполнением государственных задач, а используется только для коммерческих целей. Речь идет о большей части государственных банков, в том числе бывшего банка «ВТБ 24», который вошел в основной банк, о присвоенном государством банке «Открытие» и ряде других. К таким объектам относится Волжский автозавод и многие другие предприятия Ростеха не оборонного значения. Надо продолжить реформу приватизации РЖД, начать приватизацию Роснефти, Газпрома, крайне неэффективных хозяйственных организаций, занимающихся больше самообогащением, нежели выполнением госзадач. Примером здесь может служить Москва, когда с приходом нового мэра были приватизированы и Банк Москвы, и аэропорт «Внуково», и еще многие объекты, которые позволили Москве получить дополнительно триллионные доходы.

По расчетам Всемирного банка, после завершения проводившейся в 90-х – начале 2000-х гг. приватизации частные предприятия и организации, включая иностранные и совместные, производили 65% ВВП, а на долю госбюджета и других государственных предприятий и организаций приходилось производство 35% ВВП. После этого доля госбюджета в период 10-летнего подъема экономики в 1999–2008 гг. выросла вместе с внебюджетными госфондами с 20 до 40% ВВП. Были созданы новые крупнейшие госкорпорации. Ориентируясь на политику федеральных властей, региональные и муниципальные власти тоже проводили свою политику огосударствления. В итоге, по последним данным Всемирного банка, предприятия и организации госсобственности и подконтрольные госвласти (вроде Газпрома, Роснефти, Ростеха, РЖД, которые являются акционерными компаниями) производят 70% ВВП. Около 70% банковских

активов тоже находятся в руках госбанков. Так что нам есть что приватизировать. Возможная ежегодная выгода от такой приватизации может составить не менее 1 трлн руб.

Пятый источник — **есть возможность в ближайшие годы печатать по 3–4 трлн руб. ежегодно**, что вряд ли вызовет заметную инфляцию, которая в России во многом носит немонетарный характер. Возможность этого связана со значительным замедлением скорости обращения денег в связи с самоизоляцией из-за коронавирусной пандемии и возникающим кризисом при снижении доходов населения.

Шестой новый источник — **крупный облигационный заем для населения**, готового на льготных условиях приобрести жилье, легковой автомобиль, гараж, участок земли и т.д. Те, кто приобретет этот заем в необходимых размерах, в течение ряда лет сможет приобрести квартиру с предоставлением ему банковского займа по сниженной процентной ставке и на льготных условиях, например, с понижением цены за жилье на 20 и более процентов. Ведь эти заемные деньги сразу станут источником дополнительного инвестирования строительства жилья, которое в этом нуждается, по низкой процентной ставке. И со стройорганизациями будет заключен контракт — мы вам даем инвестиции по низкой ставке за счет средств облигационного займа, а вы за это через 2, 3, 4 года предоставляете под эти суммы квартиры со скидкой. Для строителей это может быть даже выгоднее, чем было отмененное софинансирование граждан жилищного строительства с предоставлением им жилья со скидками 15–20%. Так же можно поступить и с инвестициями в автомобильную промышленность, в подготовку земельных участков для продажи и т.д.

Очевидный путь мобилизации дополнительных средств — **переход к дефицитному бюджету**. Дефицитные бюджеты, как известно, имеет подавляющее большинство стран мира, и это правильно. Бездефицитный бюджет — все равно, что добровольный отказ предприятий от банковских кредитов. Важно только этот дефицит тратить на окупаемые проекты, чтобы его возмещать.

Если этих, на мой взгляд, вполне достаточных инвестиций все же окажется мало, то можно прибегнуть к **дополнительным займам государства** при увеличении крайне низкого внешнего и внутреннего долга государства, составляющего у нас менее 15%. Его можно повысить, скажем, до 40-процентного размера. Нормативно безопасным считается долг в 60%. Для сравнения: европейские страны только внешних государственных долгов набрали около 90% от ВВП, а сейчас наберут еще. США имеют уже 120% только внешнеэкономического долга, который они собираются тоже нарастить в связи с антикризисными мерами. А если взять общий долг, и внешний, и внутренний, то на сегодняшний день долг Японии 250% ВВП при наличии у них 1 трлн долларов золотовалютных запасов, а у Китая даже 257% при наличии у них более 3 трлн долларов золотовалютного резерва. Крайне важно при этом эти займы государства использовать тоже под окупаемые проекты, а не «проедать», обеспечив гарантированность возврата этих долгов. Государство может получить такие заемные средства из золотовалютных резервов отдельных держав, от крупных инвестиционных фирм, крупнейших банков. Причем, наше государство пользуется высокой репутацией, ибо в новой России оно рассчитывалось по своим долгам в основном досрочно и в полном объеме.

3. Первоочередная задача — поднять доходы и потребление населения, вернуть растущий платежеспособный спрос

Эту задачу, естественно, надо рассматривать вместе с мерами по переходу к социально-экономическому росту, который невозможен без повышения доходов

и платежеспособного спроса. Самое важное здесь в качестве приоритета — **предотвратить значительный рост бедности населения** в период кризиса, а затем вдвое сократить бедность в соответствии с задачей, поставленной в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. Приоритетом является и **подтягивание доходов среднего класса**, который существенно обеднел в условиях стагнации и много доходов потеряет дополнительно в наступивший кризис. Эксперты оценивают долю среднего класса населения России от 10 до 20%. Причем только около 10% населения отвечает всем требованиям среднего класса, а 20% соответствует большей части критериев отнесения семей к среднему классу. Именно эти две группы населения, группа бедных и группа среднего класса, являются главными потребителями отечественной продукции. Ибо богатые семьи, как известно, больше ориентируются на приобретение зарубежных товаров и услуг, в том числе иномарки автомобилей, проводят евро-ремонт, выезжают в отпуск за границу, покупают подчас недвижимость в других странах, обучают своих детей в зарубежных вузах и т.д.

Главным инструментом для повышения доходов населения может стать увеличение устанавливаемого государством **минимума заработной платы**. Если поднять зарплату, скажем, осенью 2020 года, это резко улучшит жизнь примерно 40% населения, чьи доходы значительно сокращаются в период коронавирусной пандемии.

Предлагается поднять минимум заработной платы в России с 14,1 тыс. руб. до 20 тыс. руб. в месяц, что вынудит предприятия и организации повысить заработную плату и смежных групп населения, особенно группы в 20–30 тыс. руб. заработка, чтобы избежать уравниловки.

Примерно 60% предприятий и организаций страны (по численности занятых), ведущих бизнес, могут осуществить это повышение минимума заработной платы за счет собственных средств. Ведь в последние два года финансовый результат их деятельности (прибыль минус убыток) резко вырос — на 46,6% в 2018 г. и на 17,5% в 2019 г., а всего на 72%. При этом из своих доходов они увеличили фонд заработной платы в номинале менее 20%, а инвестиции в основной и человеческий капитал и того меньше. Поэтому подавляющая часть дохода пошла на увеличение предпринимательской прибыли и дивидендов акционеров. Разумеется, речь идет об относительно крупных предприятиях и организациях.

В результате выросли накопленные средства предприятий и организаций на счетах наших и зарубежных банков. Из 30 трлн руб. на счетах отечественных банков и более 400 млрд долл., размещенных в офшорах, эти предприятия и организации вполне могут направить необходимые 5 трлн руб. на повышение зарплаты в связи с ростом ее минимальных расходов.

Исключение здесь составляют отдельные убыточные предприятия, организации среднего и мелкого бизнеса, которым придется помочь. В том числе части из них по линии выделения беспроцентных или низкопроцентных кредитов, а в необходимых случаях и за счет выделения государственных средств.

Для бюджетников государству нужно будет изыскать необходимые для повышения минимума зарплаты средства в размере примерно 3 трлн руб. Эти средства можно найти в консолидированном бюджете за счет финансирования окупаемых проектов, прежде всего при расходах на национальную экономику, за счет замены безвозвратного финансирования низкопроцентными займами, в первую очередь от банков, контролируемых государством. По оценке, такие окупаемые проекты можно найти в финансируемых безвозвратными бюджетными деньгами на сумму в пять и более

триллионов руб. Лишь тридцатая доля средств потребуется из высвобожденных бюджетных средств, чтобы возместить банкам необходимые процентные ставки, а подавляющая часть этого высвобожденного бюджетного финансирования может быть направлена на повышение минимальной заработной платы.

Первоочередное повышение минимальной заработной платы, включая и увеличение заработков у работников, которые примыкают к размерам минимума, существенно сократит бедность. Ведь 65% бедного населения России – работающие люди.

Это позволит сократить социальное неравенство в доходах. В России, как известно, средний душевой доход 10% богатого и зажиточного населения России составляет около 100 тыс. руб. в месяц, а 10% бедного – около 6 тыс. при разнице в 15,5 раз. В Западной Европе эта разница находится в пределах 10 раз, а в странах социально-демократической ориентации, Японии и даже Казахстане – 5–6 раз. Надо поставить задачу снижения этой разницы к 2025 г. хотя бы до 10 раз, а к 2030 г. до 5 раз. Кстати, в СССР она составляла 3 раза и увеличилась к 1990 г. до 4 раз.

К тому же существующий минимум зарплаты в России почти в 4 раза ниже среднемесячной номинальной зарплаты, которая не является полной заработной платой, поскольку часть ее выдается «в конвертах» и другими нелегальными способами и оценивается в 25%. Так что минимум зарплаты у нас реально впятеро ниже действительного уровня среднего заработка. В отличие от России, большинство стран мира следует рекомендациям МОТ, где указано, что минимальная зарплата должна составлять 50% от средней. Норма Евросоюза – 60%. Официально установленные государством минимумы зарплаты в странах с близким к России экономическим и социальным уровнем в разы выше, чем в России. Долларовый размер этой зарплаты в 2019 г. (до новой девальвации рубля) в России составлял 184 долл. в месяц, в то время как в Бразилии – 256, в Аргентине – 292, в Турции – 495, в Болгарии – 343, в Венгрии – 545, в Польше – 684, в Эстонии – 647, в Литве – 682. Даже в Китае, который в 1,5 раза отстает от России по уровню экономического и социального развития, минимум зарплаты устанавливается разный по городам. Но в среднем он превышает 200 долл., а в самых крупных городах, и прежде всего в Пекине – 300 долл.

Так что предлагаемые 20 тыс. руб. – это только первый шаг к повышению минимума, а к 2025 г., если нам удастся обеспечить социально-экономический рост с повышением средней зарплаты, надо будет повышать минимум зарплаты до 30 тыс. руб. При этом надо стимулировать регионы иметь повышенный минимум зарплаты, частично возмещая им из федеральных средств эти надбавки.

Также осенью 2020 года следовало бы повысить **пособие по безработице** с 4,5–12 тыс. рублей до 12–30 тыс. рублей, поскольку значительная часть безработных – кормильцы семей, и пособие по безработице в России никак не обеспечивает прожиточного минимума этим семьям, да и подавляющему большинству самих безработных. Это потребует еще 3 трлн рублей в расчете на год.

Перейдем к **пенсионному обеспечению**. Наиболее массовая и обездоленная часть населения страны – 46 млн пенсионеров, жизнь которых заметно ухудшается в связи с ежегодным повышением возраста выхода на пенсию. Россия – одна из немногих стран, где средняя ожидаемая продолжительность здоровой жизни мужчин (61 год) намного ниже нового возраста выхода на пенсию – 65 лет. В западноевропейских странах показатель продолжительности **здоровой жизни** мужчин составляет 72–73 года при максимально высоком возрасте выхода на пенсию в отдельных странах в 67 лет. Поэтому крайне важно пенсионерам, скажем, в 2021 г. (а не в 2024 г., как

это предусмотрено) повысить средний размер пенсий по старости с 14 до 20 тыс. руб. с соответствующим повышением пенсий по инвалидности и другим социальным причинам. Одновременно надо предоставить возможность пожилым людям, которые из-за здоровья или трудностей с устройством на работу остаются без дохода, выхода на пенсию у женщин в 55 лет, а у мужчин в 60 лет с предоставлением им существующего уровня пенсий, то есть без учета предлагаемого повышения. В большинстве стран мира досрочный выход на пенсию с пониженной пенсией — обычная практика. Кстати, в Германии большинство пенсионеров выходят на пенсию на два-три года раньше официального пенсионного возраста, когда выплачивается наибольший размер государственной пенсии.

Обоснование этих мер — крайне низкий уровень жизни пенсионеров в России, не соответствующий уровню экономического и социального развития нашей страны. Среди 100 ведущих государств мира по среднедушевому уровню ВВП и реальных доходов Россия по паритету покупательной способности занимает 45 место, а по уровню жизни пенсионеров 78 место, уступая не только развитым странам, но еще 50 постсоциалистическим и развивающимся странам, в том числе с меньшим уровнем развития.

Если размер пенсии в России в сопоставимой валюте с другими странами принять за основу, то в 2019 г. (до последней девальвации рубля) размер средней пенсии составил в процентах к России: в Болгарии — 142, в Хорватии — 178, в Литве — 182, в Венгрии — 196, в Словакии — 224, в Эстонии — 235, в Польше — 241, в Бразилии — 314, в Мексике — 459.

Международная организация труда установила, что размер пенсий должен составлять не ниже 40–60% от зарплаты. В России этот размер колеблется — 30–35% от номинала, а от действительной зарплаты (с «конвертами» и другими неформальными выплатами) в районе 25–30%. По расчетам, для указанных мероприятий дополнительно потребуется 3–4 трлн руб. Эти средства можно было бы изыскать в том числе за счет перехода по примеру большинства стран на умеренно-дефицитный бюджет. В 2020 г. ожидается дефицит 6% ВВП, в 2021 г. — 4% ВВП, а в 2022–2025 гг. его можно сохранить в размере 3% ВВП, являющиеся рекомендательной нормой Евросоюза. Кстати, такие умеренно-дефицитные бюджеты имеет подавляющее большинство стран мира, которые развиваются в 2–3 раза быстрее нашей страны. Умеренный дефицит является не недостатком, а преимуществом бюджета, т.к. позволяет за счет дополнительных расходов лучше развивать экономику и социальную сферу. Кроме того, за счет продажи казначейских ценных бумаг Центральному банку, крупным банковским и инвестиционным группам, а также другим странам иметь более развитый и гарантированный рынок ценных бумаг.

Кроме пенсионеров, вторая относительно бедная группа населения по доходам — это **значительная часть семей, проживающих в сельской местности и малых городах**, до 50 тыс. человек. Это почти 60 млн человек, чьи средние доходы составляют около 15 тыс. руб. на душу, менее 50% от среднего показателя России и только 1/3 от душевого дохода крупных городов. На наш взгляд, необходимо разработать специальную программу приоритетного повышения доходов этих семей (по 6–7% в год). Часть этого повышения автоматически произойдет, если будут приняты предложения по увеличению минимума заработной платы и пенсий. Вместе с тем главное — это увеличение доходов за счет создания условий на селе для форсированного развития производства сельхозпродукции, ее переработки и продажи по линии создаваемых потребкооперативов, объединяющих фермерские хозяйства. Для создания этих

потребкооперативов, оказания помощи фермерам и наиболее деятельным семьям из личного подсобного хозяйства потребуется до 2 трлн руб. и предоставление 3-процентного займа в размере до 3 трлн руб. Ассоциация «Федеральный сельсовет» разработала конкретные предложения по этим вопросам.

Важнейшее дело — **снижение налогов с бедных семей**. Когда в России начнется ощутимый социально-экономический рост, например, в 2023–2024 гг., можно будет провести реформу подоходного налога с граждан. Этот налог целесообразно полностью отменить с месячной зарплаты или дохода до 30 тыс. руб., а дальше на каждые 50 тыс. дополнительной месячной зарплаты, дохода вводить повышенный налог на эту добавочную часть. При доходах от 30 до 80 тыс. руб. в месяц будет уплачиваться 13%, а с дополнительных 50 тыс. — вначале 20%, а потом 25% и 30%. При этом для лиц, на иждивении которых находятся дети, размер налога снижается в размере прожиточного минимума на каждого ребенка. В итоге повышенные налоги богатых семей покроют расходы бюджета по отмене налогов для бедных.

Одновременно с повышением налогов на относительно высокие зарплаты и доходы следует предоставить налоговые льготы при расходах на образование, здравоохранение и на благотворительность. Нужно также стимулировать использовать часть зарплаты и доходов не на свое личное потребление, а на вложение средств на банковские счета, в совместные фонды, на накопительные пенсии, на приобретение акций, облигаций и т.д. То есть на то, что может использоваться для долговременных вложений в инвестиции в основной капитал и во вложения в человеческий капитал, то есть на экономический рост. Люди в этом случае будут иметь стимулирующие условия разбогатеть, если они будут вкладывать все больше средств в социально-экономическое развитие страны.

В зарубежной практике вложение средств в накопительные фонды не облагается высоким подоходным налогом. Частично для них устанавливается сниженный так называемый капитальный налог, или они совсем не облагаются налогом, как, например, средства на образование, здравоохранение, накопление частной пенсии, благотворительность.

Чтобы улучшить жизнь бедного населения и среднего класса, предлагается также ввести повышенный налог на прибыль для предприятий и организаций, производящих дорогие товары и услуги, недоступные бедному населению и среднему классу. Если жилье строится и продается по цене ниже средней, сохраняется действующий относительно невысокий налог. Тем более что инвестиционная составляющая или вложения в человеческий капитал из этой прибыли будут безналоговыми. А если жилье продается по ценам выше средней, то надо брать с организации дополнительный налог, особенно высокий при строительстве бизнес-жилья и элитного жилья, цены на которое в 1,5–3 раза выше средней. Сказанное относится к дорогим торговым сетям, гостиницам, организациям обслуживания населения, производству и продаже легковых машин, мебели, ювелирных изделий и многого другого. Кстати, такая дифференциация успешно применяется в ряде стран применительно к отдельным видам бизнеса. Например, в Италии 4-звездочные и тем более 5-звездочные отели уплачивают высокий налог, а 3-звездочные отели — низкий налог. Это привело к значительному расширению сети вполне добротных, но более дешевых по цене отелей, что стимулирует приезд в Италию большого числа туристов.

Как видно, все высказанные меры имеют цели в наибольшей мере поднять доходы бедным, затем сохранить и приумножить средний класс, который тоже с каждым

годом должен жить лучше, и поставить доходы богатых в большей мере, чем сегодня, на службу социально-экономическому росту страны.

4. Программы, стимулы и структурные реформы для возобновления социально-экономического роста

Главной мерой по коренному улучшению системы управления является, на наш взгляд, **перевод страны на пятилетнее и годовое планирование**, которое должно быть преобразовано применительно к новой экономической системе в России. Благодаря такому планированию в свое время Франция и Япония быстро восстановились после войны, а Южная Корея, будучи отсталой страной, в короткий срок стала передовой. Весьма ценным для нас может оказаться и опыт Китая, который реализует сейчас 13-й пятилетний план с годовой разбивкой.

Всего в мире я насчитал 39 стран, включая, например Индию, Аргентину, Малайзию, Южную Корею, Турцию, использующих в своем развитии уже более 50 лет пятилетние планы. Индия недавно завершила 123-ю пятилетку, Турция осуществляет сегодня 12-ю пятилетку и т.д.

Среди рыночных стран Россия является страной с наибольшей долей предприятий и организаций, контролируемых государством. Эти предприятия и организации, как было показано выше, производят 71% ВВП, в том числе треть ВВП производится бюджетными предприятиями и организациями, 25% – крупными государственными концернами, 73% активов находится в руках банков, контролируемых государством, и тысячи и тысячи предприятий и организаций огосударвлены регионами и муниципалитетами. Без плана государство не может наладить даже внутри государственного сектора эффективное и целенаправленное управление. Даже бюджетные расходы в России не подчинены четким целевым задачам, как это бывает в плановой экономике. Ибо бюджет составляется Минфином, а не Минэкономразвития и утверждается Думой без целевых показателей по расходным статьям. Не сводятся воедино и региональные бюджеты.

Именно из-за отсутствия целенаправленного плана и прежде всего единой инвестиционной программы как его важнейшей составной части оказалось возможным рукотворное формирование стагнации в России со стороны разрозненных действий госорганов и ЦБ. Это произошло в результате того, что в течение трех лет, с 2013 до 2015 гг., все инвестиции, контролируемые государством, сократились в среднем на 25% (и бюджетные, и инвестиции крупных корпораций, контролируемых государством, и инвестиционный кредит госбанков), в том числе государственные инвестиции (это – часть инвестиций, контролируемых государством) упали на 31%. Из-за этого возникла стагнация, и это во многом ее усугубило и перевело в рецессию. При наличии государственного плана было бы также невозможным при росте доходов предприятий и организаций страны в 2015–2016 гг. сократить реальные доходы, розничный товарооборот и конечное потребление домашних хозяйств на 10–15%, в то время как экономика сократилась менее чем на 3%, а промышленность, сельское хозяйство и транспорт даже выросли. Только отсутствием плана можно объяснить и систематическое сокращение доли образования в валовом внутреннем продукте с 2008 г. почти на 15%. Если нарисовать кривые роста цен с 2013 по 2015 гг. и роста номинальной зарплаты, то рост номинальной зарплаты из года в год сокращался, а потребительские цены выросли с 6,8 до 15,5 процента за год, также, как и прибыли предприятий и организаций. В результате реальная зарплата

сократилась за один 2015 г. на 9,5%. Зато предпринимательские доходы у богатых и акционерные выплаты возросли. При плановой системе этого не может быть, потому что всегда планируется пропорциональный рост экономических и социальных показателей, прибыли предприятий и зарплаты. Не может быть, как в 2018 г., прибыль минус убыток предприятий выросли на 46,6%, а номинальная зарплата на 11%. При наличии плана было бы невозможно с 2015 г., когда мы вводили 85 млн кв. метров жилья, при преодолении рецессии и росте ВВП на 5% за 2017 и 2018 г. сократить ввод жилья на 10 млн кв. метров при задании его нарастить в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г.

Без плана вряд ли нам удастся перейти от кризиса к значимому экономическому росту, тем более при снижении доли нефти и газа в формировании доходов бюджета. Чтобы как-то приблизиться к выполнению показателей этого Указа, на наш взгляд, следовало бы разработать наш первый пятилетний план на 2021–2025 гг. Только так мы сможем в 2023–2024 гг. выйти на 3–4-процентный рост, а в следующую пятилетку ускорить развитие до 5% в год. Без плана нам не мобилизовать новые источники социально-экономического роста и не перейти к форсированным инвестициям в основной капитал и к форсированным вложениям в «экономику знаний», обеспечивая по 10–15% их прироста за год. Если этого не сделать, то с высокой вероятностью продолжится стагнация и возрастет неэффективность в использовании наших ресурсов. Да и из кризиса без плановых мер мы выйдем в более поздние сроки.

С позиции народно-хозяйственного плана национальные проекты должны быть коренным образом доработаны. За счет привлечения на взаимовыгодных условиях средств частных инвестиций (они составляют сегодня 60% всех инвестиций). Эти национальные проекты должны стать органической частью будущей плановой системы России. Необходимо дополнить перечень национальных проектов новыми проектами по технологическому перевооружению базовых отраслей народного хозяйства и созданию новых мощностей высокотехнологических производств.

Следовало бы выдвинуть целевую установку – за 15 лет обновить 2/3 основных фондов ведущих секторов экономики России и втрое повысить долю высокотехнологических производств в ВВП. Это позволит повысить производительность труда в 2,5–3 раза за счет перевода народного хозяйства на новый технологический уровень, на инновационный путь развития. При этом энергоемкость может быть сокращена вдвое, а материалоемкость в 1,5 раза. И к 2030–2035 гг. по эффективности производства, а, значит, и по уровню экономического развития мы сможем достичь средних показателей развитых стран.

Важнейшим разделом плана должен стать план научно-технологического развития с конкретными целевыми показателями, выделенным для них финансированием при программно-целевом управлении. По каждому ключевому технологическому направлению должен быть головной научно-производственный комплекс, научный руководитель и реализующее этот проект агентство.

В области технологического перевооружения действующего производства нужно в первую очередь заняться машиностроением, с тем чтобы осуществлять перевооружение народного хозяйства в значительной мере на собственной материально-технологической базе, а не за счет преобладающего здесь импорта. Приоритеты – развитие информационно-коммуникационных технологий и прежде всего производство современных полупроводников и компьютерной техники, биотехнологии с фармацевтикой на ее базе и высокотехнологиче-

ской химии, в первую очередь по производству и использованию современных синтетических материалов.

Решающую роль в финансировании этих программ могут сыграть долгосрочные низкопроцентные инвестиционные кредиты наших банков. **Центральный банк** в этой связи должен превратиться в банк социально-экономического развития и подчинить всю свою деятельность именно этой задаче.

Россия во многом индустриальная страна, и поэтому **инвестиции в основной капитал** являются главным драйвером нашего развития. Нам нужно создать новую современную техническую базу экономики со средним износом основных фондов 25–30% (в настоящее время около 50%) и средним сроком службы машин и оборудования 7–8 лет (сегодня 15 лет), как в самых передовых странах.

В то же время с каждым годом будет нарастать значимость **человеческого капитала** — сферы «экономика знаний» как возрастающего источника социально-экономического роста. Эта сфера у нас резко отстала. В науку мы вкладываем около 1% ВВП против 2–3% в Китае и развитых странах. В образование около 5% в сравнении с 8% в передовых странах. По финансированию образования из 200 стран мира по доле расходов в ВВП на эти цели Россия занимает 120 место. Доля информационно-коммуникационных технологий в ВВП у нас 3,9% против 11% в США и 10% в Китае. В Указе Президента поставлена задача в 3 раза увеличить эту долю.

Следовало бы финансирование науки в России довести до 2,5% к 2025 г. и 3% к 2030 г. (как было в СССР). Соответственно, предстоит увеличить долю затрат на образование до 8% к 2025 г. и 12% к 2030 г. (в конце 50-х — начале 60-х гг., когда по международным рейтингам наше образование занимало 3 место в мире, мы тратили на него 11% национального дохода).

На **здравоохранение** Россия направляет около 5% ВВП против 10% в Европе и 17% в США. По финансированию здравоохранения из 200 стран мира, по доле его расхода в ВВП Россия занимает 140 место. Отставание здесь катастрофически велико. По уровню смертности на 100 тысяч человек по населению в трудоспособном возрасте в России показатель втрое выше, чем в развитых странах, а по сердечнососудистым заболеваниям вчетверо выше. По уровню экономического развития Россия занимает 45 место среди 150 стран мира, а по средней ожидаемой продолжительности жизни — 90-е, и по качеству здоровья населения — 119-е (оценка ВОЗ). Следовало бы поднять расходы на здравоохранение в ВВП до 9% к 2025 г. и 12% к 2030 г.

Этот вопрос особенно актуален в свете проходящей коронавирусной пандемии, в ходе которой мы убедились в огромных возможностях нашей страны. Буквально за два месяца удалось поднять отрасль по борьбе с инфекциями в рамках нашего здравоохранения, быстро переучить врачей, материально их заинтересовать, организовать население, которое отличается у нас беспечностью по отношению к своему здоровью, а теперь научилось более полно выполнять медицинские предписания.

В итоге сфера «экономики знаний» в России, доля которой в ВВП составляет 14%, должна ускоренно развиваться и достичь 25-процентной доли к 2025 г. и как минимум 30-процентной доли к 2030 г.

Самое важное — **создать условия для перехода к форсированному росту** инвестиций в основной капитал, вложений в человеческий капитал для подъема экономики на базе технического перевооружения.

Уже было сказано о необходимости снижения **ключевой ставки** Центрального банка. Ее надо за два года снизить до 3–4% совместными усилиями Центрального банка

и правительства, а главное привести в соответствие реальные процентные ставки кредитования бизнеса и населения с размерами этой ключевой ставки. Нужны серьезные стимулы, которые бы побудили банк в крупных размерах использовать инвестиционный кредит, и для этого им нужно возмещать пониженные ставки за счет государственных средств и установить льготы и приоритеты для банков, которые занимаются этим жизненно важным делом.

С другой стороны, нужно заинтересовать предприятия в массовом использовании низкопроцентных кредитов и на деле осуществить за счет этих средств технологическое перевооружение.

Коренное технологическое перевооружение многих тысяч предприятий – дело крайне трудное, требующее, с одной стороны, мобилизации больших средств, а, с другой, преодоления трудностей по остановке или резкому сокращению производства во время смены оборудования и технологий. Ведь за это время надо продолжать платить зарплату людям, вкладывать дополнительные средства в обучение персонала, чтобы он смог работать по новым технологиям, на новом оборудовании и т.д. Одну льготу мы уже рассмотрели. Это возможность освободить от налога инвестиции, которые выделяют предприятия, увеличение этих инвестиций не только за счет налога, но и за счет амортизации в связи с сокращением ее сроков. Но этого недостаточно. Без технологического перевооружения устаревших предприятий и организаций у нас нет перспектив. Нужно, чтобы они были в этом сильно заинтересованы. Предлагается на время технического перевооружения дать этим предприятиям налоговую паузу, снизить, если нужно, для них таможенные пошлины на необходимое оборудование и материалы, дать административные льготы. Безналоговым должно быть создание новых мощностей для высокотехнологических отраслей. Также приоритетная задача – и создание новой транспортной инфраструктуры.

При всем этом крайне важен, подчеркнем это еще раз, массовый небюрократизированный **переход к беззалоговому проектному финансированию**. По значимым объектам государство и регионы должны давать свои госгарантии банкам в возврате кредитов и осуществлять всемерную помощь соответствующим предприятиям и организациям.

Нам надо **перестраивать всю структуру экономики**. Резко снизить долю добывающих отраслей, повысить глубину переработки сырья и материалов, развить безотходное производство, ввести жесткую экономию и четкий курс на повышение эффективности использования труда, капиталовложений, энергии, сырья и материалов. Курс на технологическое перевооружение преобразует шаг за шагом нашу структуру, сделает ее современной, близкой к развитым странам. Труднее изменить структуру экспорта, поднять в нем долю готовой продукции с высокой добавленной стоимостью, увеличить удельный вес продукции и услуг высокотехнологических отраслей.

Для этого нужно тоже создать соответствующие стимулы, беря пример с Индии, страны, не имеющей крупных сырьевых ресурсов, с огромным населением, нуждающейся в колоссальном притоке импортных товаров и вынужденной искать новые источники экспорта. Индия в свое время приняла постановление о стимулировании экспорта и добилась его трехкратного увеличения во многом за счет ставки на экспорт информационных услуг, массовой разработки, востребованной США и другими развитыми странами математических программ. Индия их экспортирует на сумму более 120 млрд долл. в год, уступая сегодня только США. Она нарастила число программистов до 3 млн, создала 8-миллионный город Бангалор – центр IT в Индии.

По этому пути идет и Китай, где только в городе Даляне (бывший город Дальний с Порт-Артуром) организовано три огромных зоны развития информационной технологии с многими сотнями привлеченных организаций в этой сфере, несколькими университетами и экспортом продукции в основном в Японию и США в размере 10 млрд долл. год. Это больше, чем экспортирует информационных услуг вся Россия. Благодаря этому в Китае созданы гигантские по объемам, с тысячами сотрудников, крупные фирмы IT-профиля, обеспеченные суперкомпьютерами и самой современной техникой. И нам надо ускоренно двигаться в этом направлении.

На пути массового инвестирования и экономического роста все время будут возникать многочисленные препятствия. Многие организации, органы власти на местах будут стараться использовать часть крупных выделяемых средств на другие, более близкие цели. Поэтому нужны **институциональные меры**, например, против удорожания земли, если по ней прокладывается трасса, повышение цен и желание взять дополнительные средства на инфраструктуру при массовом жилищном строительстве и т.д. Так что необходимы **структурные реформы**, которые надо нам осуществить для создания мощных стимулов и устранения препятствий для социально-экономического развития.

В первую очередь целесообразно провести **реформу собственности**, провозглашающую частную собственность священной и неприкосновенной. На службе по сохранению и преумножению этой собственности должны находиться все государственные структуры, в том числе силовые ведомства, как в других рыночных странах. При нанесении убытка частному сектору все структуры несут не только персональную, но и финансовую ответственность, возмещая убытки в кратном размере, часть из которых может поступать и в бюджет. Надо начать массовую приватизацию, о чем говорилось выше, и сократить долю предприятий и организаций, контролируемых государством, в создании ВВП с 71% хотя бы до 45%.

Частный сектор в России сегодня не развивается, а выживает, находясь под прессом государственных и олигархических монополий и под административным и силовым нажимом. При такой структуре собственности у России нет возможности, как показывают последние 10 лет, развиваться и повышать благосостояние народа.

Другая важнейшая реформа – **финансовая**, и в первую очередь **реформа банковской системы**, которая была повернута спиной к проблеме развития экономики, и вся пронизана идеей фискала, сокращения расходов, накопительства, неиспользования огромных ресурсов. Уже несколько лет почти не растут объемы кредитований предприятий и организаций. Я не говорю об инвестиционном кредитовании, которое просто находится в загоне. Центральному банку отдано руководить, как известно, внебанковскими финансовыми организациями, связанными с фондовым рынком, страховыми, пенсионными, совместными фондами и так далее. Эти внебанковские фонды в других странах играют в развитии экономики огромную роль. Ведь там формируются самые длинные деньги и черпаются инвестиции и другие долговременные вложения. Эти внебанковские фонды в целом превышают почти во всех развитых странах валовый продукт. В США они в разы больше даже банковских активов.

Прошло уже немало лет, как Центральный банк занимается этими фондами. И какой прогресс мы видим? Нулевой. Совместные фонды фактически бездействуют, пенсионные фонды не используются, их незаконно отобрали у людей, страховое дело запущено и не развито и т.д. Неспособен Центральный банк этим заниматься, и надо незамедлительно отобрать у него эти функции. Надо повернуть всю нашу банковскую

систему во главе с Центральным банком лицом, с одной стороны, к населению, а, с другой стороны, к задачам социально-экономического развития.

А. Кудрин и многие другие эксперты мягко говорят о Центральном банке, по вине которого в России осуществляется «слабый экономический рост». Я скажу грубее. Центральный банк своими действиями вместе с Минфином и малодейственным Минэкономразвития привел Россию к стагнации, к падению уровня жизни людей. Центральный банк не занимался реально наращиванием активов наших банков, которые, как известно, давно уже в два-три раза ниже по отношению к ВВП в сравнении с европейскими банками.

Трамп, став Президентом США, предпринял энергичные меры с помощью ФРС для возвращения офшорных денег в США. И он вернул несколько триллионов долларов. В том числе Apple возвратил из офшоров 985 млрд долл. и с успехом их расходует в своей стране. А наш Центральный банк ничего в этом отношении не сделал.

Центральный банк РФ никак не влиял на процентную ставку, по которой предоставлялись кредиты гражданам. Ни в одной рыночной стране не предоставляются кредиты гражданам по таким высоким процентам, как у нас. Центральный банк допустил, что микрофинансовые организации стали давать кредиты людям по ставке в десятки процентов в год. Как можно допустить ростовщичество, закабаление миллионов граждан в основном с небольшим или средним достатком? Объем долга физических лиц — более 18 трлн руб. На отдачу этого долга у заемщиков, во многом из-за высоких процентов, уходит 43% всех доходов. А у каждого седьмого заемщика, а это многие сотни тысяч семей, 70% заработка. Все это ухудшает жизнь нашего населения, снижает реальный доход. Неужели трудно установить, скажем, 8-процентный предел ставки для таких кредитов для населения, закрыть соответствующие ростовщические микроорганизации, закабаляющие людей?

Из всех экономических секторов страны финансовый и банковский сектор, по международным рейтингам среди стран, является самым отсталым. По качественным показателям наши финансовые банки в этих рейтингах среди стран мира занимают 108 место.

Третье важнейшее направление структурных реформ — **перевод большинства субъектов Федерации на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление**. На примере борьбы с коронавирусной эпидемией мы еще и еще раз убедились, что нельзя из Москвы управлять серьезным делом на всей территории России, что регионы находятся в совершенно других условиях, чем город Москва. И вникнуть во все эти условия из Москвы, если этих регионов 85, невозможно. Поэтому, когда нас прижало с коронавирусом, мы вынуждены были идти на большую самостоятельность регионов, предоставляя им право решать самим, вводить карантин или нет, насколько жесткий, вводить пропуска для автомобилей или нет, закрывать предприятия или нет и т.д.

Я надеюсь, что это приведет наше руководство к выводу, что нужно дать больше прав и возможностей субъектам Федерации. И важнейшая структурная реформа в перспективе — это перевод большинства субъектов Федерации на самокупаемость, самофинансирование и самоуправление.

Сейчас около 90% субъектов Федерации находятся на худшей финансовой системе — дотационной системе. И это при том, что 70% всех субъектов Федерации в центр дают намного больше средств, чем получают. И поэтому они вполне могут находиться на самокупаемости и самофинансировании. Надо только дать им в ведение использование части налогов, которые они сейчас перечисляют в федеральный бюджет,

и одновременно снять с федерального бюджета обязанность дотировать подобные регионы. Подавляющая часть регионов не имеют сегодня в руках средств для саморазвития. Почти целиком зависят от федеральной власти, вынуждены проводить много времени в центре, ходя с протянутой рукой. Им некогда заниматься, и они не заинтересованы сильно в развитии своего региона. Если они будут зарабатывать в регионе больше средств, уделять внимание здесь развитию экономики, то у них просто уменьшат объем дотаций, они мало что выигрывают. Сравните две сходные области по социально-экономическим показателям, одна из которых находится на большой дотации от государства, и вся в долгах, а другая область в разы меньше получает дотации и почти не имеет долгов. Я, например, сравнивал Новгородскую и Псковскую области. Имеет ли Новгородская область какие-то преимущества от того, что она привлекла в свое время иностранные предприятия, быстро развивалась и легко могла стать полностью окупаемой областью? Но центр постоянно повышал цены на электроэнергию и другие товары и услуги, не давая Новгородской области какой-либо компенсации. Я каких-либо преимуществ Новгородской области в сравнении с Псковской не увидел.

Чтобы обеспечить в России социально-экономическое развитие, нужны мощные стимулы для каждого региона. И первый шаг – это перевод их на самофинансирование и самоуправление.

Второй шаг можно сделать позже, заменив административно-экономическое деление России на 85 совершенно несопоставимых субъектов Федерации, некоторые из которых в принципе не могут быть самоокупаемыми. Эта система была введена еще с 1926 г. и с мелкими поправками дожила до сегодняшнего дня. Ее нужно заменить новой продуманной системой, с крупными не только автономными республиками, но и губерниями с серьезными правами.

Сказанное никак не означает ограничения деятельности федеральных органов в осуществлении общероссийских наиболее важных программ, которые явятся просто дополнением к самоокупаемому ведению хозяйства в отдельном регионе.

Конечно, в регулировании нуждается многое и в социальной системе России – в образовании, в здравоохранении, в жилищно-коммунальном хозяйстве с его приватизацией. И, естественно, в пенсионном обеспечении. Но эти структурные реформы надо начинать, когда будет налажен устойчивый экономический рост, люди почувствуют реальное улучшение своей жизни, сокращение социального неравенства, более полное осуществление справедливости и свободы.

Россия является страной огромных возможностей, высокообразованного населения, больших научно-технологических заделов, крупных достижений в отдельных сферах, отраслях, в отдельных организациях и предприятиях, работающих на высоком мировом уровне. И у нас есть все основания в связи с этим жить с верой в будущее.

Контактная информация / [Contact information](#)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82 / The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82, Vernadsky Prospekt, Moscow 119571, The Russian Federation.

Аганбегян Абел Гезевеч / Abel G. Aganbegyan
+7(495) 433-25-91, aganbegyan@ranepa.ru

МИР И РОССИЯ В ПОИСКАХ НОВОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

THE WORLD AND RUSSIA IN SEARCH OF A NEW MODEL OF ECONOMIC DEVELOPMENT

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-70-74

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович

Сопредседатель Организационного комитета МАЭФ, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Ruslan S. GRINBERG

Co-Chairs of the MAEF Organizing Committee, Vice-President of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье рассматриваются предпосылки для обновления социально-экономического устройства современного мира. Обсуждаются контуры новой парадигмы экономической политики и перспективы включения в нее социальных и климатических императивов. Оцениваются шансы и риски отказа от неолиберальной идеологии в поисках ожидаемой гуманизации человеческого общежития. В этом контексте анализируются особенности экономического положения России и рассматриваются факторы отставания страны от остального мира в формировании новой, более адекватной модели хозяйственного механизма.

Abstract

The article deals with the prerequisites for updating the socio-economic structure of the modern world. The contours of a new paradigm of economic policy and the prospects for including social and climatic imperatives are discussed. Chances and risks of rejection of neoliberal ideology in search of humanization of existing economic model of society are assessed. In this context the peculiarities of Russia's economic situation are analyzed and the factors of the country's lagging behind the rest of the world in forming a new more adequate model of economic mechanism are considered.

Ключевые слова

Экономический спад, коронакризис, российская экономика, пандемия, новая экономическая модель, постпандемический мир.

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на основной онлайн-сессии МАЭФ, которая состоялась 14 мая 2020 г.

Keyword

Economic recession, coronavirus, Russian economy, pandemic, new economic model, post-pandemic world.

Недавно Институт экономики подготовил и отправил в Отделение общественных наук РАН научный доклад на тему, каким должен быть ответ России на, в сущности, экзистенциальный вызов, связанный с глубоким экономическим спадом и коронавирусным бедствием. С докладом можно познакомиться на сайте Института. Я же собираюсь поразмышлять об особенностях общемировой ситуации, сложившейся сегодня в социально-экономической сфере, а также выскажу несколько соображений о некоторых фундаментальных проблемах российской экономики.

Вот обычно говорят, что будущее будет другим. Это часто повторяют как мантру. Будто бы переживаемый нами кризис так глубок и носит настолько разрушительный характер, что впору говорить о новой реальности и даже о новой нормальности. На самом деле все это совсем не обязательно. Редко происходит такое. Самый яркий пример – кризис 2008–2009 гг., когда тоже считалось, что чрезмерная финансовая либерализация экономики привела к таким печальным последствиям, что надо взять ее под контроль, финансовый сектор должен быть служанкой реальной экономики, а не ее господином. Все это говорилось очень серьезными и авторитетными людьми. Но на самом деле, когда, как говорится, жизнь налаживалась, все это забывалось. Но бывают исключения, и об этом хотел бы поговорить.

Коронавирусная пандемия заметно активизировала поиски новой модели экономики современного мира. Теперешняя явно не в состоянии справиться с многочисленными вызовами, стоящими перед растерянным человечеством. Сегодня мы наблюдаем интенсивный обмен идеями в этом направлении.

А ведь еще совсем недавно мир не испытывал сомнений по поводу того, какая экономика самая эффективная. Только рыночная. Причем чем свободнее рынок, тем выше благосостояние общества. Корыстолюбие не только не порок, а наоборот, чуть ли не добродетель. Я реализую свои чисто эгоистические намерения, инвестируя собственные деньги в то или иное производство, и тем самым удовлетворяю разнообразные потребности других людей.

Словом, «пороки каждого – благосостояние для всех». Надо только дать простор рыночной стихии, то есть позаботиться о минимизации государственной активности, тотальном дерегулировании экономики, всеохватывающей и быстрой приватизации, отмене госсубсидий и всяческих ограничений в торговле с остальным миром. Следует также коммерциализировать организации гуманитарного сектора экономики, к которому относятся образование, здравоохранение, наука, культура.

Сегодня все это под вопросом. Начавшаяся почти полвека назад эпоха преклонения перед якобы общественно полезной стихией рынка, судя по всему, заканчивается. Пока, правда, главным образом в академическом дискурсе. Рыночный фундаментализм не оправдал ожидания. Всеобщего благосостояния не получилось. А получилось вопиющее социальное неблагополучие: неслыханное богатство немногих при стагнации доходов средних и широкого распространения бедности и нищеты остальных. Разумеется, это слишком общая картина. Каждая страна имеет здесь свои особенности. Главное, однако, состоит в том, что есть, в сущности, консенсус по поводу неприемлемости экономического устройства, основанного на культе «свободного рынка».

Об этом много уже написано и еще больше сказано. В сущности, критика неолиберализма как базы практической экономической политики постоянно нарастала после кризиса 2008 г., но в основном ограничивалась анализом факторов и последствий растущего неравенства. Сегодня же под сомнением сама система рыночного капитализма, а наиболее активные, если не сказать рьяные, его критики – американцы, являющиеся, как известно, законодателями мод в области экономических исследований. Назову здесь, на мой взгляд, наиболее авторитетных людей, таких как Джозеф Стиглиц, Джеймс Гэлбрейт, Нуэль Рубини и Пол Кругман, которые так или иначе ратуют за пересмотр самой модели современной экономики, подвергая сомнению ее «рыночность» вообще, а не просто критикуя ее за отказ от регулирования спонтанности рыночных процессов.

Нам не дано знать, как будет выглядеть новое социально-экономическое устройство в постпандемическом мире. Хочется надеяться, что оно будет справедливым и при этом не утратит ценности свободы. Во всяком случае широкая и весьма глубокая дискуссия по этому вопросу на Западе не может не внушать оптимизма, тем более уже есть успешный опыт «очеловечивания» капитализма. «Новый курс Рузвельта» (30-е годы), «Великое общество» Кеннеди – Джонсона, «Благосостояние для всех» Эрхарда (50–60-е годы) – это первые удавшиеся попытки создания почти бесклассового общества, когда две трети населения страны составляют зажиточный благополучный средний класс.

Нынешняя реальность в чем-то похожа на послевоенную в том смысле, что сегодня, как и тогда, в мире возникла и буквально вопиет потребность в политике социального выравнивания. Но на этот раз положение намного сложнее. Прямо на наших глазах разрушается среда обитания человека, начавшего пожирать плоды собственного безрассудного вторжения в природу. Поэтому чтобы предотвратить наступление климатической катастрофы, надо будет как-то ограничивать два угрожающих человеку феномена – гипериндивидуализм, с одной стороны, и гиперконсюмеризм – с другой. Словом, в будущее экономическое устройство так или иначе должен быть встроен не только социальный, но и экологический императив. И, судя по всему, академическое мировое сообщество демонстрирует в этом отношении почти консенсусное единодушие.

Теперь о том, как Россия участвует в поисках новой экономической модели и нового содержания экономической политики. Случилось так, что сменивший ельцинскую полуанархию путинский авторитаризм, с одной стороны, восстановил всю архаику исполнительной вертикали и вытекающую из нее практику ручного управления, а с другой – сформировал установку бюрократии на повышение эффективности всего и вся через достижение количественных показателей. Все это привело к целому ряду нежелательных результатов. Политический монополизм легко сочетается с экономическим. Закрепляется единство власти и собственности. Приобретает системный характер коррупция. Постоянно воспроизводится массовая бедность и социально неприемлемое материальное неравенство. И наконец, государство вмешивается туда, куда не надо, тщательнее «опекая», например, частный малый и средний бизнес, и всячески старается минимизировать свое участие в таких сферах жизни социума, как образование, здравоохранение, культура и фундаментальная наука, где его никакой частный бизнес в принципе не может заменить.

Нельзя сказать, что власти игнорируют эти негативные явления. Время от времени первые лица государства публично заявляют об исчерпанности прежней модели не только экономики, но и экономической политики. Говорится о необходимости новой парадигмы управления народным хозяйством. Все это, конечно, не может не радовать. Но вот дальше начинаются вопросы. Ключевой из них — что же конкретно намеревается предпринять власть в среднесрочной и долгосрочной перспективе? К сожалению, приходится констатировать, что декларируемые сегодня установки и представления правительственных чиновников и экспертов о путях решения этой задачи не только не внушают оптимизма, но и вызывают дополнительную тревогу.

Снизить государственное присутствие в экономике, провести структурные реформы, повысить эффективность государственных расходов, сократить административные издержки и налоговое бремя для бизнеса — вот основные правительственные идеи, реализация которых должна вывести страну на траекторию устойчивого цивилизованного развития.

Все это уже было и почему-то не дало желаемых результатов. Примитивизация экономики продолжалась и в «тучные», и в «тощие» годы, несмотря на периодические ритуальные заклинания о ее вреде для позиционирования страны в суровом глобальном мире. Вот и сегодня нельзя избавиться от ощущения, что правительство не знает никаких других способов избавления от пресловутой «нефтяной иглы», кроме совершенствования инвестиционного климата, снижения инфляции и концентрации административных усилий на принятых в пожарном порядке очередных не связанных друг с другом национальных проектах.

Словом, в стране сложился хронический системный кризис действующей почти 30 лет определенной модели хозяйствования, и есть все основания полагать, что его глубинная причина — особенности рыночных преобразований, начавшихся в начале 90-х гг. Именно вследствие такой квазирелигиозной убежденности реформаторов во всесии механизмов саморегулирования формировались и росли препятствия, блокирующие рост конкурентоспособности российской экономики в отношении как производственного потенциала, так и качества формируемых рыночных стимулов и институтов.

Власти наши имеют также обыкновение объяснять разочаровывающие итоги реформ так называемыми объективными обстоятельствами, ссылаясь якобы на такой же печальный опыт других постсоциалистических стран. Высокая социальная цена реформ и упрощение структуры хозяйства — будто бы судьба всех переходных экономик, независимо от того, как проводились преобразования — в соответствии с неолиберальными установками или вопреки им. Но факты говорят о другом. Возьмем, например, самый любимый предмет нашей гордости — макроэкономическую стабильность, суть которой — внутренняя и внешняя устойчивость национальной валюты. Если сравнить наши «успехи» в этой области с результатами аналогичных усилий в странах так называемой Вышеградской четверки (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия), то обнаружится картина явно не в пользу России. За период 1990–2019 гг. среднегодовой темп инфляции в России составил 57%, в то время как в странах Вышеградской группы он не превышал 12%. Что же касается внешнего обесценения рубля, то есть динамики его курса к другим валютам, то за последние 20 лет он снизился более чем в 2 раза, а валюты стран Вышеградской группы в это время не только не девальвировали, но наоборот, подорожали на 5–7%.

И последнее. Климатические, социальные, геополитические, а теперь и пандемические вызовы безоговорочно требуют мощной государственной активности. Проблема в том, что без государства не обойтись, но оно может действовать абсолютно контрпродуктивно, то есть игнорировать общественные интересы, если на него нет управы. Поэтому исключительную важность в этих условиях приобретает качество политических систем. Иначе говоря, гражданское общество должно постоянно заботиться о том, чтобы властные институты не имитировали демократию, а реально подчинялись бы принципу «сдержек и противовесов». Это легко сказать и очень трудно сделать. Конечно, власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. Но нет никакого другого способа воспрепятствовать этому, кроме соблюдения демократических правил ее регулярной сменяемости.

Контактная информация / [Contact information](#)

Институт экономики Российской академии наук, 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32.
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow,
117218, Russia
Гринберг Руслан Семенович / Ruslan S. Grinberg
8 (499) 724-15-41, ea3@inecon.ru

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ПОСТКОРОНАКРИЗИСНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ OPPORTUNITIES AND RISKS OF POST-CRISIS ECONOMIC RECOVERY IN RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-75-80

ШИРОВ Александр Александрович

Член Правления ВЭО России, заместитель директора
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН,
член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

Alexander A. SHIROV

Member of the Board of VEO of Russia, deputy director Institute of economic
forecasting Russian Academy of Sciences, Member-correspondent of RAS,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье анализируются основные проблемы развития российской экономики, связанные с пандемией коронавируса COVID-19 и ухудшением ситуации на сырьевых товарных рынках. Рассматриваются альтернативы экономической политики в среднесрочной перспективе. Констатируется, что при возврате к политике микрофинансовой стабилизации возрастают риски долгосрочного стагнационного развития российской экономики.

Abstract

The article analyzes the main problems of the Russian economy development related to the pandemic of COVID-19 coronavirus and the situation on the world commodity markets. Alternatives to economic policy in the medium term are considered. It is stated that the return to the policy of microfinance stabilization increases the risks of long-term stagnation of the Russian economy.

Ключевые слова

Коронакризис, экономическая политики, антикризисный план, резервы, экономический рост.

Keywords

Crown crisis, economic policy, anti-crisis plan, reserves, economic growth.

Кризис, связанный с распространением новой коронавирусной инфекции, стал вызовом как для всего мирового сообщества, так и для традиционных механизмов управления экономикой. Произошедшие события также потребовали изменения подходов к анализу экономической динамики и обоснованию мер экономической политики со стороны как правительственных структур, так и экспертного сообщества. Так как кризис не носил конъюнктурного характера, а был связан с решениями властей по остановке тех или иных секторов экономики, то весь набор антикризисных мероприятий должен был учитывать особенности этого шока новой формации.

Как же кризис отразился на российской экономике? Во-первых, нужно признать, что состояние российской экономики перед ним было далеко на блестящим [1]. Длительный период стагнации, в котором находилась российская экономика, естественным образом ограничил масштабы кризисного падения ключевых макроэкономических индикаторов. Косвенным эффектом низкой экономической активности в предшествующие годы стал относительно низкий уровень корпоративных долгов, особенно внешних, что придает большую устойчивость национальной экономике, достаточно устойчивой является банковская система. Страна вошла в этот кризис со значительным объемом резервов, которые позволяют парировать наиболее тяжелые последствия кризиса. Но главный вопрос сейчас состоит в том, как будут меняться ориентиры развития экономики поле прохождения острой стадии кризиса.

Если в 2020 году наша экономика упадет меньше, чем экономика Германии, то Россия, с высокой вероятностью, станет пятой экономикой мира по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности (ППС). Очень не хотелось бы, чтобы это было сиюминутным результатом, не получившим дальнейшего подкрепления. В связи с этим кризис в мировой экономике может быть использован нашей страной для концентрации усилий по устранению наиболее важных ограничений развития экономики. Одна из проблем состоит в том, что необходим поиск новых вариантов интеграции экономики России в мировое хозяйство, альтернативных сырьевой специализации [2]. Требуется создание новых, в том числе внутренних, источников доходов, способных обеспечить динамичное развитие российской экономики в средне- и долгосрочной перспективе. Для того, чтобы обеспечить устойчивость положения нашей страны, в мире нужна значительная структурная перестройка российской экономики, которая должна опираться на активную политику, отличную от политики макрофинансовой стабилизации. В условиях посткризисного развития требуются действия, способные привести к быстрому восстановлению экономической активности, уровня доходов и жизни населения.

Безусловно, карантинный этап кризиса принес экономике существенные потери, однако в период, когда не работали торговые центры, автосалоны, строительные рынки и т.д., у населения сформировался значительный отложенный спрос. Важно использовать этот фактор для придания экономике ускорения на фазе посткризисного восстановления. В связи с этим на фазе посткризисного восстановления дополнительные меры по стимулированию спроса на товары длительного пользования и жилье могут быть достаточно эффективными.

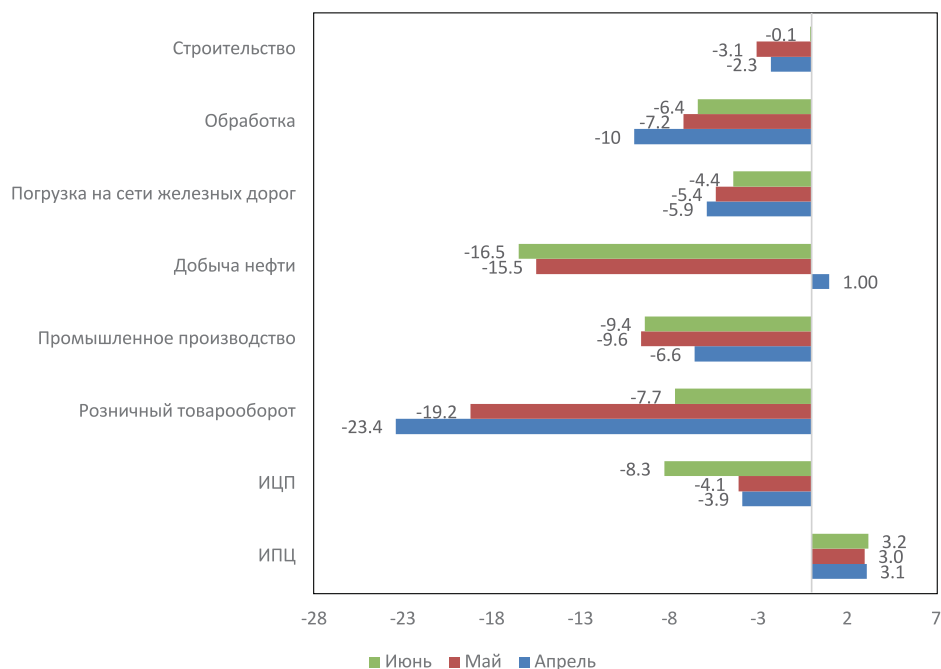
Кроме того, сейчас удачный момент для вложений в новые сектора экономики, там, где у промышленности технологические разрывы, заполняемые импортом. Это направления использования средств может быть даже более эффективным с макроэкономической точки зрения, по сравнению с поддержкой доходов насе-

ления. Важно отметить, что кривая выхода экономики из кризиса на этот раз будет определяться параметрами внутреннего спроса, причем не только потребительского, который безусловно надо будет поддерживать, но и инвестиционного, где крайне важное значение будут иметь действия государства [3].

Если посмотреть на то, как во время кризиса 2008–2009 гг. государство пыталось поддерживать экономическую активность, то в этом опыте можно почерпнуть много полезного. Тот объем средств, который был тогда потрачен, поддержал, с одной стороны, уровень доходов населения, а с другой стороны, финансово-экономическое положение системообразующих предприятий, которые производили важную продукцию (автомобильная техника, дорожная техника, инвестиционные товары). То есть положительный опыт контрциклической политики в России существует, и он мог бы использоваться в данном случае. Основной пакет секторальной поддержки должен использоваться тогда, когда экономика перейдет к стадии активного восстановления. В этом случае экономический эффект от таких мер будет выше и можно рассчитывать на достижение в 2021 г. темпов роста ВВП в 3,5% и даже выше.

В текущей экономической динамике, с одной стороны, отмечается определенный позитив, который состоит в том, что оценки ряда экспертных групп в отношении того, каков будет спад экономики во втором квартале и в целом в 2020 г., по-видимому, оказались чрезмерно пессимистичными. Если посмотреть на динамику промышленного производства, то уже сформировался довольно приличный набор видов деятельности, с довольно большим вкладом в общую экономическую динамику, который, несмотря на весь переживаемый экономикой кризис, демонстрирует положительную экономическую динамику, то есть там наблюдается рост. Это и пищевое, химическое производство, фармацевтика и т.д. Это позволяет уверенно улучшать показатели промышленной динамики после выхода из периода жестких карантинных мер (рисунок). Восстановление промышленного производства могло бы быть и более активным, если бы не решения по сокращению добычи нефти. Например, из снижения промышленного производства

Рисунок.
Динамика
ключевых
макроэко-
номических
индикаторов
в апреле –
июне 2020 г.
(по отноше-
нию к анало-
гичным меся-
цам 2019 г.),
прирост в %

в июне 2020 г. по отношению к аналогичному месяцу 2019 г. на 9,4% примерно 6,6 п.п. приходилось на добычу полезных ископаемых и нефтепереработку.

Одновременно с этим под сильнейшим ударом оказались сектора непродовольственных услуг: туризм, гостиницы и рестораны, розничная торговля и т.д. Все эти направления требуют реализации специальных антикризисных мер. Из промышленных видов деятельности в такой ситуации оказались производства автомобилей и прочей транспортной техники. Около 5 миллионов человек во всех секторах экономики потенциально находятся под угрозой потери рабочих мест. И, конечно, этих людей нужно поддерживать. Снижение реальных располагаемых доходов населения в 2020 г. может составить до 7%. В этих условиях падение ВВП в 2020 г. составит 5–6% [3]. На фоне двухмесячной остановки большей части экономики это не самый плохой результат. Но высокая неопределенность сохраняется в отношении развития ситуации в среднесрочной перспективе 2021–2023 гг.

Главный вопрос — в том, каким образом может измениться экономическая политика, в том числе в рамках плана по восстановлению экономики, разработанного Правительством Российской Федерации.

Если оценить текущие возможности правительства по влиянию на экономическую динамику, то необходимо рассмотреть наиболее эффективные направления такого воздействия. Например: уровень социальных расходов в России находится примерно на среднем уровне (около 12% от ВВП) для стран с аналогичным или чуть большим уровнем подушевых доходов по паритету покупательной способности (ППС). Однако если посмотреть на совокупные расходы расширенного правительства, то здесь Россия отстает от аналогичных по уровню экономического развития стран примерно на 10 процентных пунктов (34% против 43%; в среднем по выборке стран из мониторинга ОЭСР). Этот потенциал наращивания уровня государственных расходов расширенного правительства образовался, в том числе, в результате политики макрофинансовой стабилизации, проводившейся в нашей стране в 2016–2019 гг., когда сохранялась стабильность расходов бюджета в реальном выражении при увеличении доходов бюджетной системы [4]. В этих условиях вклад государства в экономическую динамику складывался ниже потенциального уровня. Однако за счет аккумуляции значительного объема резервов сейчас существует потенциал роста влияния государства как на динамику ВВП, так и на развитие наиболее важных секторов экономики. Особенно важно, что такой резерв имеется в условиях кризиса, связанного не только с глобальной пандемией коронавируса, но и снижения цен на нефть.

В спаде экономики нет ничего хорошего, но замедление экономической активности может быть использовано для перезапуска экономического роста через структурное перераспределение ресурсов в пользу тех направлений развития, которые обладают наибольшим потенциалом роста в среднесрочной перспективе. То есть существует возможность повысить качество роста, что важно для долгосрочных перспектив развития экономики.

Прежде всего, это возможности использования потенциала импортозамещения, причем речь идет о тех направлениях, где созданы производства и существуют технологические заделы. Это такие виды деятельности, как производство электрооборудования, электронного и телекоммуникационного оборудования, химическое производство, оборудования для добычи полезных ископаемых, производство труб, строительных материалов и т.д. Вклад этого фактора может быть довольно значи-

мым. По нашим оценкам, совокупный спрос на такого рода продукцию может превысить 0,6 трлн руб. в год, а дополнительный (прямой и косвенный) эффект на ВВП составить до 0,8 трлн руб. (0,8 п.п. дополнительного роста ВВП). Здесь, на первом этапе, важным может стать расширение государственных закупок таких товаров.

Второе – это структурная перестройка расходов по тем направлениям, которые предполагают качественный рост в ближайшей и среднесрочной перспективе. Речь идет о высокотехнологичных производствах в фармацевтике, микроэлектронике, медицинской технике, авиастроении и т.д. Расширение спроса на такую продукцию может сформировать еще до 1 п.п. прироста среднегодовых темпов роста ВВП в ближайшие пять лет [5].

Однако для того, чтобы все эти эффекты реализовались, необходимо с наименьшими потерями выйти из текущего кризиса. Правительство РФ сформулировало в рамках общенационального плана ряд действий, которые могут влиять на экономическую динамику и насколько они могут быть эффективными. Правительство РФ предполагает, что в рамках реализации мероприятий общенационального плана несырьевой экспорт по итогам 2021 г. вырастет на 5%, реальная зарплата – на 2,5%, розничный товарооборот – на 3%, обработка – на 3%, инвестиции – на 4,5%, и все это даст прирост ВВП на 2,5%. Хотелось бы отметить, что целевые индикаторы роста ВВП в плане правительства достаточно скромны. По нашим оценкам, даже экономическая инерция в 2021 году с высокой вероятностью обеспечит рост ВВП на 2,6–2,8%. С другой стороны, возможны различные дополнительные шоки в российской и мировой экономике, учет которых позволяет ставить столь осторожные целевые ориентиры развития экономики.

В рамках общенационального плана действий правительство сформировало шесть крупных пакетов – это социальная поддержка населения (суммарно около 700 млрд руб. на 2 года); это поддержка занятости (около 50 млрд руб.); самое крупное направление – это реализация крупных инвестиционных проектов (больше 2 трлн руб.); поддержка импортозамещения (чуть менее 1 трлн руб.); поддержка субъектов Российской Федерации (порядка 350 млрд руб.); и наконец – это секторальные меры поддержки (порядка 700 млрд руб.). Секторальные меры поддержки охватывают такие виды деятельности, как строительство, здравоохранение, туризм, связь, транспорт. Ключевых каналов расходования средств по первым пяти пакетам поддержки всего три: первое – бюджетные инвестиции, второе – государственные закупки, третье – поддержка доходов населения. Совокупно эти три канала формируют потенциальный дополнительный рост ВВП на уровне 2,7 триллиона рублей в 2020 году и 2,4 триллиона рублей в 2021 году. Если говорить про секторальные меры поддержки, то их значимость чуть меньше, они дают примерно 400–450 млрд руб. дополнительного роста ВВП в 2020–2021 гг.

Каково же потенциальное влияние этих мер поддержки на российскую экономику? В 2020 г. мы оцениваем его в 3,1% дополнительного прироста ВВП, а в 2021 году – 2,6%. Однако в реальности влияния мероприятий плана на экономическую динамику будет существенно ниже. В чем же проблема? Она состоит в том, что не все эти деньги будут «новыми» для экономики. В значительной степени в плане содержатся уже ранее анонсированные проекты, в том числе и в рамках национальных проектов. Например, инфраструктурный пакет содержит мероприятия по развитию БАМа и Транссиба, развитие центрального московского узла и ряд проектов по строительству автомобильных дорог. То есть план формировался через включение мероприятий в рамках государ-

ственных программ и национальных проектов с некоторым перераспределением расходов в пользу периода 2020–2021 г.

С учетом того, что «новые» расходы с Национальным плане по нашим оценкам составляют лишь 0,9 трлн руб., его фактический положительный вклад в экономическую динамику может составить в 2020 г. не более 0,7 п.п. Таким образом, общее воздействие антикризисных мер позволит лишь незначительно улучшить экономические результаты 2020–2021 годов.

При этом возникает риск того, что ускорение расходов по ряду проектов в 2020–2021 годах приведет к инвестиционной паузе в последующие годы. Особенно этот риск возрастет, если государственная политика будет смещаться в сторону возвращения к логике макроструктурной стабилизации. Мы там можем получить довольно низкий темп экономического роста. Весь фокус экономической дискуссии сейчас должен смещаться в среднесрочную перспективу, и от того, чем она закончится, будет зависеть перспектива развития нашей страны и достижение тех целей развития, которые стоят перед нами, которые ничуть не поменялись за период этого коронакризиса.

Библиографический список

1. Ивантер В.В. *Возможности ускорения темпов экономического роста в России* // *Общество и экономика*. 2019. № 7. С. 5–11.
2. Гусев М.С. *Положение России в мировой экономике: сценарии и прогноз* // *ЭКО*. 2020. № 7. С. 29–43.
3. Акиндинова Н.В., Домбровски М., Широ А.А., Белоусов Д.Р., Воскобойников И.Б., Гурвич Е.Т. *Перспективы восстановления экономического роста в России (По материалам круглого стола в рамках XXI Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ)* // *Вопросы экономики* № 7 (2020). С. 5–50.
4. Савчишина К.Е. *Роль госсектора в перераспределении национального дохода в 2010-х гг.* // *ЭКО*. 2020. № 7. С. 100–110.
5. Порфирьев Б.Н., Широ А.А., Узяков М.Н., Гусев М.С., Шокин И.Н. *Основные направления социально-экономического развития в 2020–2024 гг. и на период до 2035 г.* // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 3 (180). С. 3–15.

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук», 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47.

Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 47, Nakhimovsky Prospekt, 117418, Moscow, Russia

Широв Александр Александрович / Alexander A. Shirov

+7 499 129-32-54, contact@ecfor.ru

ТРОЙНОЙ ШОК И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА¹

TRIPLE SHOCK AND ECONOMIC POLICY

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-81-83

ВЕДЕВ Алексей Леонидович

Заведующий лабораторией структурных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д.э.н.

Aleksey L. VEDEV

Head of Scientific Laboratory of Structural Research of RANEPa, Doctor of Economic Sciences

Аннотация

В рамках тройного негативного шока спад экономики неизбежен. Однако проблема низкого потенциального роста сохраняется. Кризис стимулирует изменения финансовой политики, направленные на поддержку экономического роста.

Abstract

As part of a triple negative shock, a recession is inevitable. However, the problem of low potential growth remains. Crisis stimulates changes in financial policy to support economic growth.

Ключевые слова

Экономическая политика, кризис, экономический рост.

Keywords

Economic policy, crises, economic growth.

В марте 2020 года российская экономика столкнулась с тремя шоками. Во-первых, пандемия коронавируса, во-вторых, падение нефтяных цен, в-третьих, падение спроса на российский экспорт из-за снижения темпов роста мировой экономики (сегодня все международные финансовые и экономические организации прогнозируют отрицательные темпы роста мирового ВВП). Перечисленные факторы негативно воздействуют как на внутренний спрос, так и на предложение товаров и услуг. Минэкономразвития России зафиксировало рост ВВП на 1% в марте и на 1,8% в I квартале текущего года. Однако в апреле 2020 г. падение ВВП составило 12%, хотя предварительно ожидалось снижение на 20%. Особенно сильно упал объем платных услуг населению (на 37,9%), строительство жилья (на 36,5%).

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на основной онлайн-сессии МАЭФ, которая состоялась 14 мая 2020 г.

Строятся различные сценарии выхода из пандемии. В зависимости от сроков снятия режима самоизоляции падение ВВП в 2020 г. оценивается от 5 до 15%. Сохранение низких цен на нефть и темпов роста мировой экономики оценивается как свершившийся факт. Базовый прогноз, подготовленный Институтом Гайдара, предполагает выход ВВП на уровень 2019 г. не ранее 2023 г. В целом ожидается резкое падение ВВП в 2020 г. и плавный восстановительный рост в 2021–2022 гг. Темпы восстановительного роста будут зависеть от темпов роста мировой экономики, цен на нефть, а также объемов помощи государства.

Антикризисные меры проделали эволюцию от налоговых каникул и кредитов с низкими процентными ставками до осознания необходимости прямого финансирования предприятий. Возможность финансирования населения пока отрицается правительством, но дискуссия продолжается. По состоянию на конец мая 2020 г. было принято решение выделения прямого финансирования на детей в размере 10 тыс. руб. на каждого ребенка.

Представляется, что наиболее рациональной стратегией ликвидации последствий пандемии является прямое и косвенное финансирование потерь за счет общественных (государственных) средств. В качестве источников финансирования может рассматриваться ФНБ, денежная эмиссия, внешние заимствования, внутренние заимствования. Отметим также, что в текущих условиях инфляционная угроза достаточно низкая.

Одновременно с пандемией сохраняется проблема низкого потенциального роста. То, что экономика РФ растет недостаточными темпами, стало очевидно уже в конце 2019 г. Именно в тот момент возникла дискуссия о параметрах финансовой политики. Тогда Минэкономразвития в рамках материалов о среднесрочном прогнозе обозначило избыточную жесткость денежной политики и чрезмерную жесткость бюджетной политики. В рамках той дискуссии Минфин напомнил о необходимости жесткого бюджета и сохранения «макроэкономической стабильности». Центральный банк в рамках своего основного документа «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики» указал, что основными проблемами являются структурные диспропорции, которые выступают главными препятствиями для проведения стимулирующей денежной политики.

Сегодня в рамках тройного негативного шока риторика дискуссии об экономической политике кардинально поменялась.

В рамках бюджетной политики предполагается уже дефицит бюджета (то есть государство готово больше расходовать, нежели забирать). Налоговые льготы, прежде всего снижение социальных платежей, носят стимулирующий характер и могут быть использованы и по прошествии пандемии. Активно обсуждается возможное увеличение государственного долга, внутреннего и внешнего. С учетом потенциального таргетирования курса рубля и предельно низкого уровня процентных ставок в развитых странах внешние заимствования выглядят крайне привлекательными. По расчетам Института Гайдара, фундаментально обоснованный курс рубля к доллару США при цене на нефть 30–35 долл. за баррель составляет около 75 руб. за долл., а при 40–45 долл. за баррель – около 70 руб. за долл. Дальнейшая девальвация рубля окажет негативное влияние на инфляцию и промышленность.

Начата дискуссия о целесообразности сохранения бюджетного правила. Существующее бюджетное правило позволяло интенсивно накапливать ресурсы, но ограничивает текущие бюджетные расходы. Отметим, что текущее бюджетное правило – пятое начиная с 2004 года. Ни одно бюджетное правило не было сохранено в кризисы.

Денежная политика смягчается. Очевиден тренд на снижение процентной ставки. Возможно, что и нейтральный уровень реальной ключевой ставки будет сведен к нулю (сейчас нейтральным считается уровень в 2–3%). Снижает структурный профицит ликвидности, и с ростом кредитования нефинансовых предприятий роль кредитов Банка России возрастает. По факту осуществляется таргетирование не только инфляции, но и курса рубля. С 10 марта по 4 июня 2020 г. ЦБР продаст около 10 млрд долл. в рамках действующего бюджетного правила и сделки с акциями Сбербанка.

В конце мая 2020 г. Банк России в рамках «Обзора финансовой стабильности» [3] предупредил о временности антикризисных мер в рамках денежной политики. Здесь представляется необходимым разделить антикризисные и стимулирующие меры, дабы оставить последние в среднесрочной перспективе.

Банковская система пока достаточно устойчива. Доминирование государственных банков облегчает правительству реализацию антикризисных мер. Но и лоббистские возможности крупнейших госбанков достаточно высоки. Можно предположить их стремление сохранить высокую прибыль и переложить все риски на государство. Однако есть опасность сохранения государственной монополии на банковскую систему после завершения кризиса. То, что удобно в кризис, может стать неэффективным для посткризисного роста.

В результате потери от пандемии придется финансировать из общественных сбережений. Но принципиально важно для будущей экономической политики сформулировать ее новые параметры. Очевидно, что будет восстановительный рост. Важно его поддержать и максимально стимулировать, что позволило бы не только компенсировать потери от пандемии, но и выйти на траекторию устойчивого развития.

Библиографический список

1. Мау В.А. Экономика и политика 2019–2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики, № 3, 2020.
2. Березинская О.Б., Ведев А.Л., Ставцева А.А. Потребительские цены: длительный период дезинфляции // Экономическое развитие России. № 11, 2019.
3. Обзор финансовой стабильности, Банк России, 2020 (https://cbr.ru/Collection/Collection/File/27911/OFS_20-01.pdf).

References

1. V.A. Mau *Jekonomika i politika 2019–2020: global'nye vyzovy i nacional'nye otvety. Voprosy Jekonomiki*, № 3, 2020.
2. Berezinskaja O.B., Vedev A.L., Stavceva A.A. *Potrebitel'skie ceny: dlitel'nyj period dezinfljacji. Jekonomicheskoe razvitie Rossii*. № 11, 2019.
3. *Obzor finansovoj stabil'nosti, Bank Rossii, 2020* (https://cbr.ru/Collection/Collection/File/27911/OFS_20-01.pdf).

Контактная информация / Contact information

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 119571, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 82.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russia

Ведев Алексей Леонидович / Aleksey L. Vedev

+7 (499) 956-95-57, vedev-al@ranepa.ru

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: КАК НЕ ДОПУСТИТЬ РЕЦЕССИИ

LIFE AFTER THE PANDEMIC: HOW TO AVOID A RECESSION

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-84-92

ГРИШИН Виктор Иванович

Вице-президент ВЭО России, ректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор

Victor I. GRISHIN

Vice-President of VEO of Russia, Rector of Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье рассматриваются основные социально-экономические последствия пандемии для мировой и российской экономики. Анализируется текущая макроэкономическая ситуация и перспективы ее изменения. Выявляются наиболее важные каналы влияния пандемии на экономические процессы, в том числе глобализацию, развитие мировой торговли, переформатирование мирохозяйственных связей, инвестиции и состояние платежеспособного спроса. Оцениваются возможные последствия для российской экономики совместного действия таких факторов, как временное прекращение работы предприятий, снижение цен на энергоносители и сокращение доходов населения. Предлагаются меры поддержки российской экономики, способные противодействовать кризисным явлениям – стимулирование платежеспособного спроса населения, поддержка малого и среднего бизнеса, увеличение объема государственных и стимулирование частных инвестиций, долгосрочная промышленная политика государства. Обосновывается необходимость более активного использования средств Фонда национального благосостояния для поддержки российской экономики.

Abstract

The paper discusses the main socio-economic consequences of the pandemic for the global and the Russian economy. The author examines the current macroeconomic situation and the outlook. The article discusses how the pandemic can influence such economic processes as globalization, the world trade development, reformation of international relations, investment and consumer demand. The author considers possible consequences of a simultaneous impact of such factors as a temporary shutdown of enterprises, a decrease in prices of energy resources and a decrease in the incomes of population for the Russian economy. The article offers support measures that could help overcome the crisis. These measures are stimulation of the consumer demand, support of small and medium-sized enterprises, increase in the volume of government and private investment as well as a long-term industrial policy of the government. The author explains the need for a more active use of money from the National welfare fund.

Ключевые слова Пандемия, глобализация, мировая торговля, стимулирование платежеспособного спроса, инвестиции, рещоринг, Фонд национального благосостояния.

Keywords Pandemic, globalization, world trade, stimulation of consumer demand, investment, reshoring, National welfare fund.

Пандемия коронавируса серьезным образом повлияла на текущие социально-экономические процессы как в глобальном, так и в национальных масштабах и, несомненно, окажет сильное влияние на их развитие в будущем.

Глобальность и неопределенность ситуации, динамика развития процессов, отсутствие прецедентов и социального опыта по ее разрешению осложняют возможности давать прогнозы на будущее. Однако действия органов власти, скорость их реагирования на ситуацию, адекватность принимаемых мер во многом зависят от способности предвидеть возможные сценарии развития процессов в социально-экономической сфере.

Следует отметить, что еще до начала разворачивания пандемии, в течение последних лет, имело место замедление темпов роста мировой экономики.

В 2019 г. мировые темпы экономического роста снизились до показателей экономического кризиса 2008 г., составив по итогам года 2,3%¹. Замедление темпов роста затронуло большинство ключевых экономик мира – США (2,3% в 2019 г. по сравнению с 2,9% в 2018 г.²); страны еврозоны (1,2% в 2019 г. по сравнению с 1,9% в 2018 г.³); Китай (6,1% в 2019 г. по сравнению с 6,6% в 2018 г.⁴). Экономика России выросла в 2019 г. на 1,3%.

Негативное влияние на темпы экономического роста оказывали, по нашему мнению, следующие факторы:

- инновационная пауза, присущая смене технологических укладов, исчерпание потенциала старых технологий в условиях запаздывания масштабирования новых технологий широкого применения [1];
- инициированные США торговые войны с Китаем, Европейским союзом и нашей страной;
- рещоринг – переформатирование мирового разделения труда и сокращение масштабов мировой торговли [2];
- замедление роста одной из крупнейших экономик мира (Китай) вследствие попадания в «ловушку среднего дохода»;
- наращивание размеров долга в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах. Совокупный объем долга в этих странах вырос со 115% ВВП в 2010 г. до почти 170% ВВП в 2018 г.⁵

1 <https://finance.rambler.ru/markets/43513227-tempy-rosta-mirovoy-ekonomiki-v-2019-g-snizilis-dourovnya-2008-g-i-prodolzhat-zamedlyatsya/>

2 <https://1prime.ru/articles/20200131/830876285.html>

3 https://1prime.ru/state_regulation/20200131/830876728.html

4 <https://www.forbes.ru/biznes/392983-koronavirus-zarazil-ekonomiku-analitiki-uhudshili-prognoz-po-tempam-rosta-kitaya>

5 <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/feature/2020/01/08/january-2020-global-economic-prospects-slow-growth-policy-challenges>

На перечисленные выше негативные тенденции в этом году наложилось и противостояние стран – производителей нефти, что привело к еще большему снижению цен на углеводороды.

Текущая макроэкономическая ситуация

В настоящее время ситуация очень сильно осложнилась в связи с пандемией, влияние которой на экономику будет происходить по следующим направлениям.

1. Активизация процессов возвращения в развитые страны производств, ранее перенесенных в страны с более низкими издержками производства.

Эти процессы начались раньше, когда миру стала очевидна все большая зависимость развитых стран от их аутсорсеров [3]. Но сейчас, когда закрытие на некоторое время торговли с Китаем остановило многие производственные процессы (в том числе в нашей стране), стало ясно, что идеология распределения производства промежуточной продукции по всему миру связана с очень высокими рисками. По оценкам Всемирной торговой организации, общее падение объема мировой торговли из-за пандемии может составить от 13 до 32% в 2020 г.⁶

Важно понимать, что процесс переформатирования существующих цепочек создания ценности требует значительного времени, что неизбежно скажется на объемах выпуска. Иными словами, произойдет рост цен на продукцию при снижении объемов продаж.

2. Разорение многих компаний малого и среднего бизнеса в результате временной остановки производства и разрыва сложившихся производственных связей.

По оценкам ТПП РФ, под угрозой закрытия из-за экономических последствий коронавируса уже на начальном этапе карантинных мер оказались 3 млн предпринимателей⁷. О сложности ситуации свидетельствуют и результаты всероссийского опроса 1508 индивидуальных предпринимателей и собственников малого и среднего бизнеса, проведенного Аналитическим центром НАФИ в конце марта 2020 года⁸. Большинство предпринимателей сходятся во мнении, что влияние пандемии коронавируса на российскую экономику будет максимально негативным. В первую очередь пострадают такие сферы, как пассажирский транспорт дальнего следования, общественное питание и туризм, на втором месте – сферы торговли и услуг. Также значительные убытки понесет рынок развлечений. Каждый пятый предприниматель считает, что пострадают все без исключения отрасли экономики.

По данным Федеральной налоговой службы, количество индивидуальных предпринимателей сократилось за март 2020 г. на 66,8 тыс. Это на 77,2% больше, чем в марте 2019 г.⁹. По официальным оценкам, в секторе МСБ задействовано около 8,6 млн человек¹⁰.

3. Снижение платежеспособного спроса вследствие падения реальных располагаемых доходов населения и роста безработицы.

6 <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2020/5e8ec97f9a79478537a44e47>

7 <https://tass.ru/moskva/8132689>

8 <https://naf1.ru/analytics/biznes-v-izolyatsii/>

9 https://www.kommersant.ru/doc/4327073?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

10 <https://www.kp.ru/daily/27120/4202055/>

Пандемия не может не привести к существенным изменениям в занятости населения и ситуации на рынке труда. Предварительные оценки Международной организации труда прогнозируют рост глобальной безработицы от 5 млн чел. («низкий» сценарий) до 25 млн («высокий» сценарий). Специалисты Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования считают, что пострадать или потерять работу могут около 5 млн россиян¹¹. С учетом сегодняшних 3,5 млн безработных это будет уже 8,5 млн чел. По оценке «Деловой России», приостановка деятельности компаний только в Москве на фоне пандемии коронавируса может привести к потере рабочих мест от 500 тыс. до 1 млн проживающих в столице¹².

Очевидно, что изменится и структура занятости. Существующая ситуация продемонстрировала, что представители некоторых профессий и специальностей могут эффективно работать дистанционно. При этом бизнес и государственные организации смогут сэкономить значительную часть постоянных издержек – арендная плата, офисные помещения, обеспечение рабочего места, транспортные издержки и т.п. Кроме того, отправка части работников в вынужденные отпуска показала, что без некоторых сотрудников можно обойтись.

Денежные доходы населения будут сокращаться вместе с замедлением экономической активности. Динамика этого сокращения будет зависеть от длительности периода ограничений и интенсивности процессов оживления экономики после их снятия.

Согласно данным Центра стратегических разработок, половина российских компаний с момента объявления нерабочих дней в связи с распространением коронавируса прибегли к тем или иным мерам оптимизации бизнеса, прежде всего сокращению зарплаты сотрудников¹³.

Общая сумма номинальных денежных доходов в 2020 г. ожидается на уровне 58 трлн руб. В номинале это сокращение примерно на 6,4% (против 62 трлн руб. в 2019 г.). В реальном выражении, с поправкой на предполагаемую инфляцию, сокращение денежных доходов может достигнуть 10–12%.

4. Уменьшение объема производственных инвестиций.

Очевидно, что сокращение доходов российских компаний, обусловленное временной приостановкой работы, разрывом производственных связей и падением платежеспособного спроса населения, неминуемо скажется на их инвестиционной активности. Без помощи государства большинство компаний не смогут осуществлять значимые инвестиционные проекты.

Если говорить об иностранных инвестициях, то результаты первого квартала текущего года таковы: 17 млрд долл. уже ушло (это 75% от всего прошлогоднего оттока капитала). Объем прямых иностранных инвестиций в российскую экономику сократился в первом квартале 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года в 50 (!) раз – упав с 10,3 млрд долл. в первом квартале 2019 г. до 0,2 млрд долл. в первом квартале 2020 г.¹⁴

11 <https://www.interfax.ru/business/703088>

12 <https://tass.ru/moskva/8132689>

13 <https://tass.ru/ekonomika/8186903>

14 <https://www.kp.ru/daily/27120/4202055/>

В достаточно сложном положении и государственный бюджет. Еще в прошлом году экспорт российской экономики сократился на 6%. В связи с последней сделкой ОПЕК+ и относительно низкими ценами на углеводороды можно прогнозировать существенное сокращение доходов нашей страны от экспорта нефти. С учетом падения мировой экономики по основным статьям экспорта – нефть, газ, металл, продукты нефтехимии – экспортные доходы могут снизиться на 30–40%. И это в условиях, когда расходная часть бюджета неизбежно увеличится в связи непредвиденными затратами на борьбу с пандемией и ее последствиями.

5. Ухудшение состояния банковского сектора.

Здесь будут накладываться друг на друга два процесса. Падение доходов банковского сектора вследствие предоставления кредитных каникул и расширения программ реструктуризации задолженности, с одной стороны, и сокращение спроса на кредиты со стороны населения – с другой.

На 15 апреля заемщики подали в банки более 585 тыс. обращений о реструктуризации задолженности. За неделю рост составил 478 тыс. обращений.

Согласно данным Национального бюро кредитных историй, в первую декаду апреля число заявок на потребительские кредиты снизилось на 60% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, на автокредиты – на 90%, на ипотеку – на 44%, на микрокредиты – на 44%. Выдача новых кредитов наличными с 30 марта по 3 апреля сократилась примерно в 3,3 раза по сравнению аналогичным периодом марта текущего года¹⁵.

По прогнозам экспертов, а они очень различны, возвращение мировой экономики к нормальным условиям функционирования может начаться с июля-августа и продлится как минимум до конца текущего года, а может быть, захватит и будущий год. При этом мировой ВВП может уменьшиться на 3–5%.

По мнению академика В.М. Полтеровича, нашей стране, упустившей возможность диверсификации производства в начале XXI века, предстоят тяжелые испытания. Доля нефтегазовой составляющей в доходах федерального бюджета в последние годы росла и составила в 2018 году 46%. Согласно исследованию, проведенному в 2017 году, 92% российских промышленных предприятий критически зависимы от импорта сырья и материалов. Спад мирового производства и резкое снижение сырьевых цен нанесут серьезный удар по экономике России¹⁶.

Иными словами, наряду с общими негативными тенденциями, против нашей экономики будет играть ее сильная зависимость от внешней торговли, как в плане экспорта энергоносителей, так и в плане импорта конечной и промежуточной продукции. Очевидно, что в условиях экономического спада цены на энергоресурсы в лучшем случае не будут расти, а в худшем – будут снижаться. Снижение ВВП России в негативном варианте можно ожидать от 2 до 10%. Инвестиции в основной капитал могут сократиться на 5–8%, а снижение расходов населения на конечное потребление составит 4–5%. Расчеты показывают, что дефицит консолидированного бюджета при этом может достигать 3,5% ВВП.

15 <https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/398703-dvoynoy-udar-v-rossii-poyavilis-priznaki-nachala-bankovskogo-krizisa>

16 <https://www.kommersant.ru/doc/4323126>

Что можно и нужно делать

Нам важно не забивать себе голову антиинфляционным догматизмом, макроэкономическими и биржевыми индексами [4]. Нам не нужны бесконечные споры об очередных реформах и большой доле государственной собственности. Сейчас как никогда нашей стране необходимо сильное государство, проводящее активную социально-экономическую политику. Нам нужны конкретные, хорошо просчитанные проекты и меры, аналогичные тем, которые провели в 1998 г. Примаков Е.М. и Маслюков Ю.Д.

Основные направления восстановления экономики связаны с оживлением внутреннего рынка и увеличением внутренних инвестиций. В настоящее время в Фонде национального благосостояния скопилось около 12,86 трлн руб. Эти деньги нужно тратить на поддержание экономики на основе тонкого сочетания трех векторов – поддержки населения, поддержки бизнеса и инвестирования в хорошо просчитанные широкомасштабные проекты.

Стимулирование платежеспособного спроса

Поскольку платежеспособный спрос является одним из основных драйверов экономического роста, для всех очевидна необходимость принятия специальных мер для его поддержания и стимулирования.

Существуют несколько основных путей государственной поддержки платежеспособного спроса населения:

■ непосредственная раздача денег населению посредством прямых выплат

Решение о прямых выплатах гражданам приняли, в частности, США, Япония и многие страны Евросоюза. Основным преимуществом данного способа поддержки является прямое стимулирование платежеспособного спроса как непосредственного драйвера экономического развития. Основная проблема – злоупотребление доверием и получение части помощи отнюдь не нуждающимися реципиентами.

■ субсидирование (на безвозвратной основе) расходов простаивающих предприятий на выплату заработной платы, арендные платежи, проценты по кредитам

Это мера уже частично реализуется, но пока в урезанном объеме. Вместе с тем очевидно, что сохранение рабочих мест должно являться одним из основных приоритетов правительства. При этом можно поддержать предложение не отсрочить, а списать предприятиям задолженность по налоговым платежам, образовавшуюся в период кризиса, при условии сохранения занятости в компании.

Еще одно предложение – поставить данные меры поддержки в зависимость не только от сохранения численности персонала (количества полных ставок), но и от снижения расходов самих компаний на оплату труда высшего менеджмента, а также представительских расходов.

■ предоставление нуждающемуся населению в натуральной форме на безвозмездной основе товаров первой необходимости, в том числе лекарственных препаратов

Производство соответствующей продукции может осуществляться в рамках государственного заказа.

■ субсидирование расходов населения на оплату услуг ЖКХ

Речь идет не обо всех расходах, а о целевом минимуме, позволяющем компенсировать расходы на оплату скромных условий проживания.

■ временное снижение бремени расходов компаний и населения – налоговой нагрузки и выплат в социальные фонды

Эта мера частично уже реализуется, но только для отдельных компаний.

■ **стимулирование производства через серьезное увеличение объема государственного заказа, прежде всего, в области инфраструктурных проектов**

Как только существующие в настоящее время ограничения будут сняты, запуск мультипликатора станет жизненно необходимым. При этом необходимо жестко проводить политику преимуществ в приеме на работу граждан России.

■ **повышение уровня заработной платы**

Вполне обоснованными представляются решения по увеличению заработной платы бюджетникам, ее начислению во время карантина. Для увеличения потребительского спроса и улучшения работы здравоохранения, науки, образования надо и сегодня увеличивать финансирование этих отраслей.

Еще одна проблема – относительно низкий размер минимальной заработной платы. В не самой богатой Греции она равна 600 евро. К увеличению минимальной зарплаты до уровня 70% от медианной (18 тыс. руб.) нас призывает и ОЭСР. При этом мы одновременно укрепляем внутренний рынок и повышаем производительность труда.

■ **упрощение порядка получения пособий по безработице**

Мера уже реализуется, но пока не везде эффективно.

■ **стимулирование позитивных ожиданий населения**

Это жизненно необходимая мера, которую надо начинать реализовывать уже сейчас. Население и компании должны верить в поддержку государства и его разумную экономическую политику.

Рост внутренних инвестиций

Считаю, что сегодня государство в состоянии компенсировать недофинансирование инвестиций и более активно включиться в возведение и модернизацию инфраструктурных и социальных проектов. О том, что мы умеем делать это быстро и качественно, свидетельствуют выстроенные в последние месяцы больничные корпуса.

Россию много упрекали в том, что у нас в экономике большая доля государственной собственности. Но именно благодаря этому у нас сейчас есть реальная возможность прямой помощи крупным компаниям, на которых занята значительная часть населения. Необходимо срочно разработать программу конкретных мер поддержки инвестиционной деятельности таких предприятий, что позволит создать заделы для будущего развития.

Еще одно важное направление – увеличение расходов на нацпроекты. Конечно, ресурсы государства нужно тратить очень бережно, выбирая самые эффективные проекты. Но нельзя и дальше только копить на черный день.

Финансисты кивают на отсутствие проектов, на разворовывание средств. Но те проекты, которые мы уже сделали – это Сочи, Крымский Мост, Университет и мосты в Приморье, Чемпионат по футболу – убедительно свидетельствуют о наших возможностях.

Практика показала, что политика опережающего накопления резервов не позволила решить ни одну из важнейших задач социально-экономического развития. ВВП страны растет в 2 раза медленнее мирового, реальные доходы населения сокращаются, зависимость государства от ТЭК увеличивается.

Наша страна выделила сегодня на поддержку экономики и социальной сферы около 2 трлн руб., что составляет около 2% ВВП. США выделили 2 трлн долл. (около 10% ВВП), ЕС и Япония – от 7 до 8% ВВП.

При этом мы имеем золотовалютные резервы, из которых в марте было израсходовано около 6 млрд долл. На 10.04.2020 осталось 565 млрд долл. (из которых золото составляет 110 млрд долл.). Это приблизительно 45 трлн руб. Располагаем примерно 12,86 трлн руб. в Фонде национального благосостояния, а также активами банковской системы – около 80 трлн руб. Хотелось бы напомнить, что эта сфера в прошлом году получила прибыль 2 трлн руб., увеличив ее по сравнению с 2018 г. в 2 раза.

Следует также учитывать, что у нашего государства очень маленький внешний долг. Сальдо внешней торговли составляло 180 млрд долл. (12,5 трлн руб.). Даже если в текущем году мы будем иметь в 2 раза меньше, то потеряем чуть более 6 трлн руб. в консолидированном бюджете из 39.

Усредненное значение необходимых резервов, которое обеспечивает парирование рисков к внутреннему долгу и финансирование критического импорта, составляет около 200 млрд долл. Больше не нужно. Поэтому мы спокойно можем профинансировать самые важные направления.

Заключение

Наша страна имеет достаточные ресурсы, чтобы профинансировать указанные выше направления – увеличение инвестиционной активности и внутреннего спроса. Мы копили соответствующие резервы на черный день. Этот день настал, и сегодня у нас есть возможность выйти из него успешнее, чем многие другие страны.

Российскую экономику в целом с высокой вероятностью ждет рецессия, соответствующая по длительности продолжительности спада мировой экономики. Но вот масштабы спада и особенно его социальные последствия могут быть существенно снижены для России. Формирование специального антикризисного фонда для поддержки отраслей экономики и граждан на фоне ситуации с коронавирусом должно на всех уровнях власти вести к принятию конструктивных управленческих решений и эффективному использованию каждого рубля. Только тогда можно выполнить в полном объеме меры поддержки экономики и социальной поддержки населения.

Библиографический список

1. Полтерович В.М. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // *Вопросы экономики*. 2009. № 6. С. 4–12.
2. Дементьев В.Е. Индустрия 4.0 и парадокс Солоу // В сборнике: *Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции – XXVI Кондратьевские чтения. Под редакцией В.М. Бондаренко*. 2019. С. 124–132.
3. Кондратьев В.Б. Решоринг как форма индустриализации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 9. С. 54–65.
4. Гришин В.И., Устюжанина Е.В., Комарова И.П. ВВП как показатель социально-экономического развития: проблемы измерения и использования // *Российский экономический журнал*. 2018. № 4. С. 34–48.

References

1. Polterovich V.M. (2009) *Gipoteza ob innovacionnoj pauze i strategija modernizacii // Voprosy jekonomiki*, № 6, S. 4–12.

2. *Dement'ev V. E. (2019) Industrija 4.0 i paradoks Solou // V sbornike: Prostranstvennyj potencial razvitija Rossii: nevyuchennye uroki i zadachi na budushhee Sbornik nauchnyh trudov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii – XXVI Kondrat'evskie chtenija. Pod redakciej V.M. Bondarenko. S. 124–132.*
3. *Kondrat'ev V. B. (2017) Reshoring kak forma industrializacii // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija, T. 61, № 9, S. 54–65.*
4. *Grishin V.I., Ustjuzhanina E.V., Komarova I.P. (2018) VVP kak pokazatel' social'no-jekonomicheskogo razvitija: problemy izmerenija i ispol'zovanija // Rossijskij jekonomicheskij zhurnal, № 4, s. 34–48.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова», Россия, 117997, г. Москва, Стремянный переулок, д. 38, кор. 5.
Plekhanov Russian University of Economics, 38-5, Stremyanny per., 117997, Moscow, Russia
Гришин Виктор Иванович / Victor I. Grishin
+7 (499) 236-30-70, rector@rea.ru

ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ВСЕ БОЛЬШЕ НЕСТАНДАРТНЫХ ПОДХОДОВ

ECONOMY IN THE ENVIRONMENT OF PANDEMIC: MORE SUBSTANDARD MEASURES ARE USED

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-93-98

ЕРШОВ Михаил Владимирович

Член Президиума ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н.

Mikhail V. ERSHOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, main director of financial research of Institute for Energy and Finance, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences

Аннотация

Кризисные явления, вызванные пандемией, обнажили дисбалансы и перекосы в глобальной финансово-экономической сфере, которые копились после глобального финансового кризиса. Монетарные регуляторы существенно ограничены в мерах поддержки финансовой системы и экономики, и все больше вынуждены применять нестандартные подходы. Экономические взаимосвязи начинают выглядеть принципиально по-новому. Вероятно, предпринимаемые меры еще больше усилят перекосы, тем самым повышая сложность регулирования рынка и затрудняя выход экономик из кризиса посредством традиционных механизмов.

Abstract

The crisis caused by COVID-19 exposed imbalances in the global economic and financial sphere, which became more intense after the global financial crisis. Monetary authorities have limited scope of measures they can use to cope with the current crisis, thus pushing them to use nonstandard approaches more intensely. Economic linkages acquire a new form and sense. New measures probably will enhance existing imbalances thus making the regulation and measures to overcome the crisis more complex.

Ключевые слова

Денежно-кредитная политика, меры поддержки, мировые финансовые рынки, фондовые рынки, рост экономики.

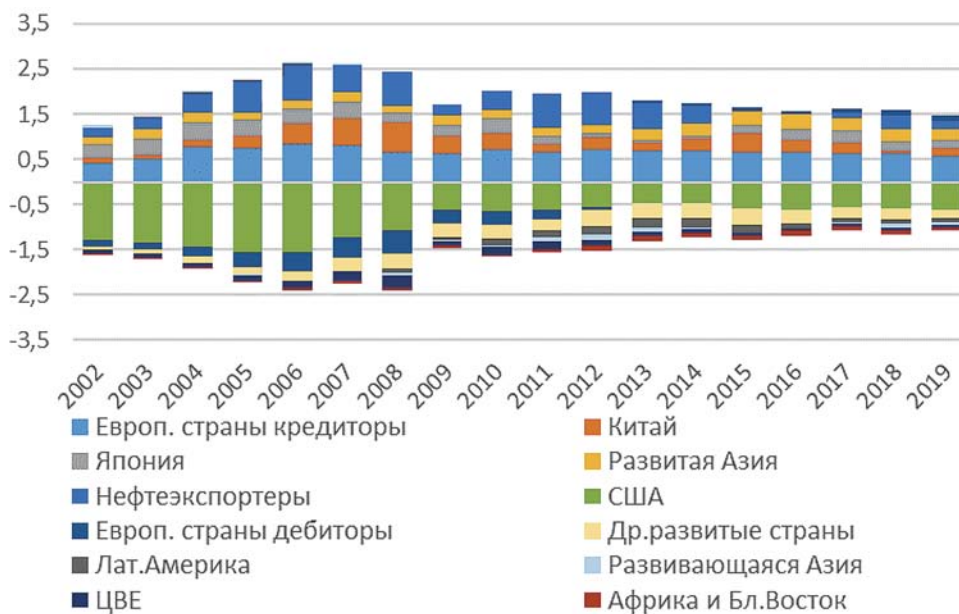
Keywords

Monetary policy, supportive measures, global financial market, stock market, economic growth.

Еще до начала кризисных событий, вызванных пандемией, в глобальной финансово-экономической системе сформировались значительные перекосы. Эти перекосы являются результатом тех масштабных мер поддержки, которые ведущие страны применяли для решения проблем глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. и в послекризисный период для поддержки своих экономик (рис. 1).

Рис. 1.
Глобальные дисбалансы счета текущих операций, % мирового ВВП

Источники:
МВФ

В итоге экономики утратили способность адекватно реагировать на рычаги воздействия со стороны регуляторов. Сейчас центральные банки должны формировать свои денежно-кредитные политики в условиях аномальных алгоритмов взаимодействия. А таких искажений наблюдается все больше и больше. В частности,

- на фондовых рынках наблюдался рекордный рост при низких темпах роста экономики;
- при добавлении масштабной ликвидности в экономику ставки остаются низкими или даже отрицательными, а инвестиции не растут, что подрывает будущий рост экономики;
- при масштабном вливании ликвидности в экономику, что должно было бы иметь инфляционный эффект, цены практически не растут;
- увеличение ликвидности не приводит к обесценению доллара;
- даже по высокорисковым бумагам доходность периодически становится отрицательной.

В новых кризисных условиях появляются также новые несоответствия:

- впервые в истории на рынках устанавливаются отрицательные цены на нефтяные фьючерсы;
- фондовые индексы продолжают рост при резко растущей безработице.

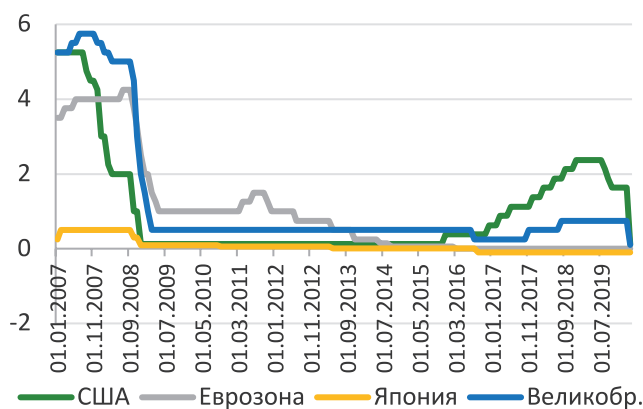
Такие перекосы нарушили нормальное взаимодействие между экономическими процессами и, по сути, приобрели в значительной степени не просто локальный, а часто достаточно системный характер. Это означает, что экономическая система принципиально деформировалась в целом и отмечающиеся аномалии являются следствием этой деформации. Соответственно, такие перекосы требуют адекватных

подходов, которые могут нормализовать ситуацию. Очевидно, что в таких нетрадиционных условиях нетрадиционной экономики требуются и нетрадиционные подходы, которые ранее даже не рассматривались бы.

Действительно, пандемия коронавируса, которая еще больше обострила и выявила все эти деформации, вынудила регуляторы и центральные банки ведущих стран применять еще более нестандартные механизмы.

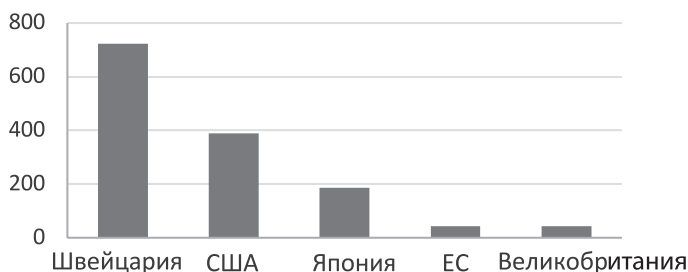
Последние 10 лет крупные страны держали низкие или даже нулевые процентные ставки. Регуляторы применяли специальные меры, чтобы стимулировать банки кредитовать реальный сектор. При этом, хотя уровень долговой нагрузки реального сектора значительно возрос во всем мире, тем не менее темпы роста экономик ускорились незначительно. Центральные банки часто положительно оценивают влияние примененных ими мер стимулирования. Другими словами, без этих мер ситуация в экономике была бы еще менее прочной.

Рис. 2.
Динамика процентных ставок центральных банков ряда стран, %

Источники: центральные банки соответствующих стран

Рис. 3.
Рост денежной базы за 2007–2014 гг., %

Источник: центральные банки соответствующих стран

С началом кризисных явлений в феврале – марте 2020 г. центральные банки стран по возможности снизили свои ставки. ФРС на экстренном заседании уменьшил учетную ставку почти до нуля (0–0,25%). Сейчас процентные ставки центробанков ниже нулевых значений в Еврозоне, Швейцарии и Японии.

Регуляторы расширили механизмы по предоставлению ликвидности финансовому сектору, а также увеличили масштабы применяемых инструментов по пополнению ликвидности. ФРС только за 1,5 месяца влила ликвидность в финансовую систему равную объему 10% денежной массы (M2). Центральные банки двух ведущих стран мира – США и Японии – объявили о практически безлимитном количестве смягчении, которое предполагает покупку гособлигаций в том количестве, в каком будет необходимо, т.е. без ограничений.

ЕЦБ и ФРС объявили, что готовы при кредитовании коммерческих банков принимать в качестве обеспечения облигации даже «мусорного» качества. Более того, центральные банки объявили и о планах покупки облигаций корпоративного сектора, включая бумаги «мусорного» качества.

Регуляторы проводят также покупки «плохих» активов, расчищая балансы банков и даже частных компаний за счет ухудшения собственных балансов. Отметим, что Банк Японии давно проводит такие операции. Еще в 2011 г. глава Банка Японии указывал, что они готовы покупать активы частного сектора даже невысокого качества, что является «исключительно необычной практикой для центрального банка».

Подобные меры центрального банка в отношении частного сектора выглядят весьма показательными. Они свидетельствуют о том, что центральный банк столь обеспокоен положением ситуации в реальном секторе, что он готов даже ухудшить собственное положение для улучшения ситуации в компаниях реальной экономики. Это вполне логично, так как от реальной экономики зависит устойчивость банковского сектора. При слабой реальной экономике не могут успешно функционировать коммерческие банки и финансовый сектор в целом. Тем более в случае ФРС и Банка Японии, которые в немалой степени отвечают и за экономический рост, такая нормализация становится необходимой.

Более того, обращает на себя внимание, что участники экономики не отпускаются на самотек, на волю свободного воздействия со стороны рынка. Им фактически оказывается помощь в стиле плановой административной экономики, и регуляторы при этом, по сути, игнорируют фундаментальную идеологию рыночных отношений, понимая, что вовремя предоставленные даже нерыночные меры помощи являются критически важными и прагматические соображения становятся решающими.

Меры поддержки со стороны центральных банков приводят к росту их балансов (рис. 4).

Объемы поддержки, предоставленные финансово-экономическому сектору, (рассчитанные относительно ВВП, на конец мая 2020 г.), меньше, чем те объемы, которые были в 2007–2009 гг. (рис. 5 и 6). Однако в абсолютных показателях картина несколько иная. Так, в США объем поддержки денежных властей в кризис 2007–2009 гг. составил почти 5 трлн долл., за три месяца 2020 г. в ФРС потрачено, по оценкам, около 4 трлн долл. И, по всей вероятности, объемы будут еще расти.

Рис. 4.
Балансы
центральных
банков стран
G-10, трлн
долл.

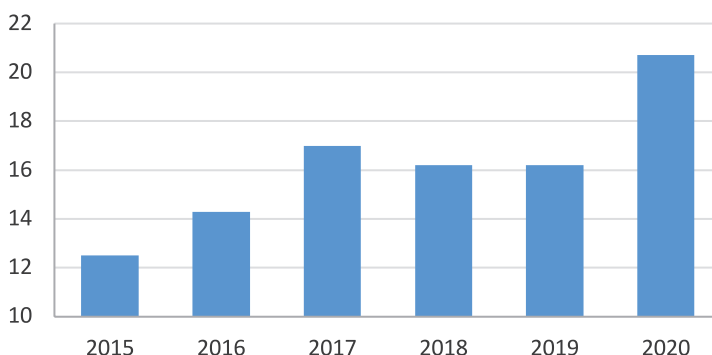

Рис. 5.
Расходы
денежных
властей
на преодо-
ление кризисов
банков-
ских систем
в 2007–2009 гг.,
% ВВП

Источник:
МВФ

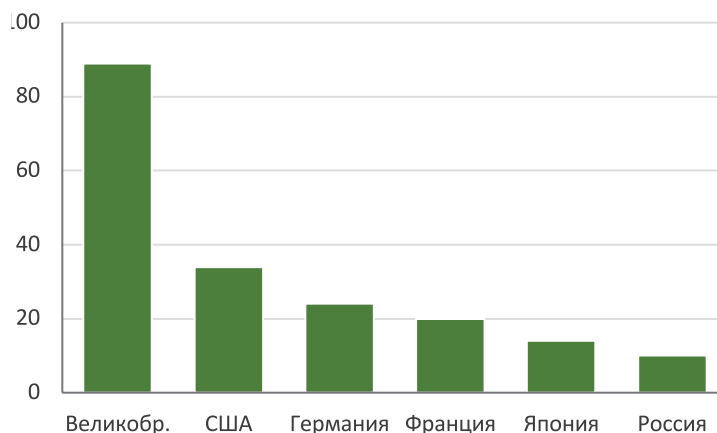

Рис. 6.
Кризис 2020:
фискальные
и монетар-
ные меры
поддержки
(данные
на середину
мая 2020 г.),
% ВВП

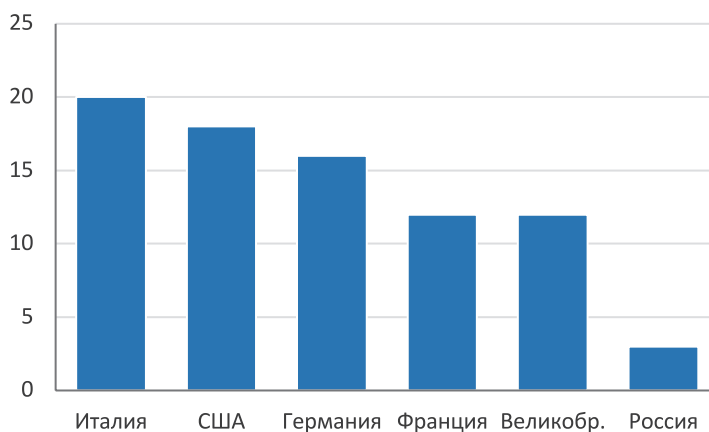

Таблица. Темпы роста ВВП ряда стран в 2020 г.: прогноз МВФ, %

	2020 г.		2020 г.
МИР	-3,0	Франция	-7,2
Развитые страны	-6,1	Италия	-9,1
США	-6,5	Страны с развивающимися рынками	-1,0
Япония	-5,2	Китай	1,2
Великобритания	-6,5	Индия	1,9
Германия	-7,0	Россия	-5,5

Источник: [2]

При этом даже несмотря на столь масштабные и беспрецедентные меры поддержки эксперты ожидают значительного снижения в экономике. Большинство экспертов сходятся во мнении, что по итогам 2020 г. ВВП почти всех ведущих стран перейдут в отрицательную зону; по оценкам МВФ, глобальный ВВП снизится на 3,0%.

Причем, учитывая, что негативные кризисные процессы пока проявились не в полной мере и экономики продолжают снижаться, нельзя исключать, что масштабы поддержки будут увеличиваться. И, очевидно, что перекосы в экономиках, которые уже отмечались, будут нарастать. Более того, экономики, в первую очередь, в ведущих странах, по своей сути будут все менее рыночными, а механизмы взаимодействия между основными процессами и показателями (процентными ставками, денежной массой, валютным курсом, экономическим ростом) будут выглядеть все менее стандартными и все менее традиционными. Не исключено, что повсеместно и в регулировании, и в управлении будет возрастать роль государства и регуляторов в целом. Так что западная экономика, вероятно, будет становиться все менее частной в нынешнем понимании этого термина. Поэтому предстоит немало новых, нестандартных и часто непростых решений для поддержания устойчивости в такой принципиально новой среде.

Обращает на себя внимание и еще одно обстоятельство: в ряде стран – США, Великобритании, Японии и др. – меры поддержки, которые были оказаны их экономикам, гораздо выше, чем меры, принятые в России; между тем падение их ВВП, ожидается, будет больше, чем в РФ (таблица). Это позволяет предположить две гипотезы: что положение их экономик гораздо более тяжелое, чем в России, поэтому даже при более масштабных мерах поддержки в развитых странах эффект от них более слабый. И второе, Россия, может быть, в целом неплохо справляется со своими проблемами даже и при относительно небольшой поддержке. Каков был бы результат, если бы поддержка в РФ была бы столь же значительна, как в развитых странах? Есть над чем подумать.

Библиографический список

1. Ершов М.В. *Мировой финансовый кризис. Что дальше?* – М.: Экономика. 2011. С. 295.
2. IMF. *World Economic Outlook. April 2020.*

References

1. Ershov M.V. *World Financial Crisis. What's next?* – M.: Economica. 2011. P. 295.
2. IMF. *World Economic Outlook. April 2020.*

Контактная информация / Contact information

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49.

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky prospect, GSP-3, Moscow 125993, Russia

Ершов Михаил Владимирович / Mikhail V. Ershov

+7 (495) 787-74-51, lupandina@fief.ru

АДАПТАЦИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА К ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

ADAPTATION OF THE AGRIFOOD SECTOR TO POST-PANDEMIC REALITY

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-99-105

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий», академик РАН, д.э.н., профессор

Aleksander V. PETRIKOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, Head of the All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after AA Nikonov – Federal Research Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье рассматриваются краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные аспекты влияния пандемии, вызванной COVID-19, на сельское хозяйство и агропродовольственный сектор. Обобщаются меры по адаптации данной отрасли к постпандемической реальности, принятые в ряде зарубежных стран и России. Несмотря на то что агропродовольственная экономика наиболее «мягко» отреагировала на экономический кризис, обусловленный пандемией, риски для продовольственной безопасности сохраняются. В этой связи в статье рассмотрен ряд мер по совершенствованию экономической политики с целью повышению устойчивости сельского хозяйства и агропродовольственного рынка.

Abstract

The article examines the short-, medium- and long-term aspects of the impact of the COVID-19 pandemic on agriculture and the agri-food sector. The article summarizes the measures taken in a number of foreign countries and Russia to adapt this industry to the post-pandemic reality. Despite the fact that the agri-food economy has responded most «mildly» to the economic crisis caused by the pandemic, risks to food security remain. In this regard, the article considers a number of measures to improve economic policy in order to increase the sustainability of agriculture and the agri-food market.

Ключевые слова Пандемия, сельское хозяйство, агропродовольственные рынки, государственная поддержка сельскохозяйственных производителей.

Keywords Pandemic, agriculture, agri-food markets, state support for agricultural producers.

В настоящее время еще трудно дать всестороннюю оценку влияния пандемии на экономику, в том числе и на агропродовольственный сектор. Тем не менее можно, исходя из общих соображений, говорить о краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном влиянии, что необходимо учитывать при разработке как антикризисной аграрной политики, так и стратегии развития агропромышленного комплекса с целью обеспечить устойчивость агропродовольственных систем к разного рода шокам, а не только к пандемии.

Из теории и исторического опыта известно, что сельское хозяйство, в силу своей инерционности, более медленно, чем другие отрасли, входит в кризис, но выходит из него тоже медленно. В табл. 1 с известной долей условности перечислены краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные последствия пандемического кризиса для сельского хозяйства и агропродовольственного рынка. Краткосрочное влияние к маю 2020 г. уже проявилось и обсуждалось на различного рода форумах, среднесрочное, да и долгосрочное, начинает проявляться.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) совместно с другими международными организациями опубликовала специальный доклад по рискам для продовольственной безопасности в связи с пандемией [1]. В зоне наибольшего риска находятся страны с низким уровнем ВВП на душу населения и дефицитом продовольствия (нетто-импортеры продовольствия). Статистический анализ ФАО по странам с низким и средним уровнем дохода за период 1995–2017 гг. показывает, что в среднем снижение темпов роста ВВП на один процентный пункт привело к сокращению предложения продовольствия в этих странах на 0,306%. Для сравнения – для группы со средним уровнем дохода, но также чистых импортеров продовольствия сокращение роста ВВП на один процентный пункт привело к сокращению предложения продовольствия на 0,154%. Для чистых стран – экспортеров продовольствия эта взаимосвязь не является статистически значимой (см. [1, с. 4]).

Согласно расчетам ФАО, если оправдается существующий в настоящее время прогноз о снижении мирового ВВП на 3 процента, численность голодающих в мире увеличится на 38 млн человек, а если на 10%, то на 80 млн человек (см. [1, с. 5]), т.е. нынешняя численность голодающих при самом неблагоприятном сценарии может возрасти примерно на 10%.

В этом же докладе сформулировано 5 направлений политики по снижению рисков продовольственной безопасности, связанных с пандемией: (1) удовлетворение неотложных потребностей в продовольствии уязвимых групп населения; (2) усиление программ социальной защиты; (3) продолжение мировой торговли продовольствием; (4) сохранение внутренних систем продовольственного снабжения; (5) поддержка сельскохозяйственных производителей, особенно малых и средних.

Анализ опыт ряда стран и экономических союзов по антипандемической аграрной и продовольственной политике свидетельствует, что она осуществляется в рам-

ках вышеуказанных направлений и зависит от степени самообеспечения продовольствием, уровня доходов населения и бюджетных возможностей государства.

В США реализуется специальная Программа продовольственной помощи в связи с коронавирусом [2], предусматривающая: прямые выплаты фермерам для компенсации потерь от сокращения рыночных доходов (16 млрд долл.), рассрочку фермерских кредитов, помощь региональным и местным дистрибьюторам в целях формирования продовольственных пакетов для нуждающихся (3 млрд долл.), компенсацию (в ряде штатов) стоимости школьного питания из-за закрытия школ, расширение программы дистанционного обучения и телемедицины и др.

Комиссия по сельскому хозяйству Европейского союза приняла решение о поддержке хранения молочной (сухое обезжиренное молоко, сливочное масло, сыр) и мясной (говядина, овца и козлятина) продукции (эта мера позволяет временно выводить продукцию с рынка и стабилизировать цены). Разрешено не соблюдать в течение полугода некоторые правила конкуренции ЕС на рынке молока, цветов и картофеля. Производители молока могут коллективно планировать производство,

Таблица 1. Влияние пандемии на сельское хозяйство и агропромышленный комплекс: краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные аспекты.

№ п/п	Факторы и направления влияния
I	<p>Краткосрочное влияние</p> <ul style="list-style-type: none"> ■ ажиотажный спрос на продукты питания в начале пандемии ■ снижение спроса на продовольствие со стороны гостиничного бизнеса, сферы туризма и общественного питания ■ сбой в поставках ресурсов и услуг для сельского хозяйства, а также в «продовольственных цепочках» из-за ограничений в работе транспорта, усложнения логистики, закрытия розничных рынков ■ закрытие ряда перерабатывающих предприятий с высокой концентрацией работников ■ дефицит сезонных рабочих из-за сокращения миграции ■ нарушение функционирования глобальных агропродовольственных рынков в связи с ограничениями экспорта
II	<p>Среднесрочное влияние</p> <ul style="list-style-type: none"> ■ уменьшение бюджетной поддержки сельского хозяйства и инвестиций в сектор в силу общеэкономического кризиса ■ снижение спроса на продовольствие в связи с сокращением реальных доходов населения ■ рост производственных издержек из-за роста цен на импортные средства производства и материалы
III	<p>Долгосрочное влияние</p> <ul style="list-style-type: none"> ■ усиление «зеленых трендов», биологизация земледелия и животноводства, использование ресурсо- и энергосберегающих технологий, в меньшей степени зависящих от внешних поставок ресурсов и материалов ■ повышение роли региональных и локальных систем продовольственного обеспечения, работающих вне глобальных рынков и в связи с этим рост значения малого и среднего предпринимательства, сельскохозяйственной кооперации, малоформатной торговли, прямых связей между производителями и потребителями продовольствия ■ деурбанизация, более равномерное распределение населения по территории страны для снижения рисков эпидемий и других чрезвычайных ситуаций

а цветоводы и картофелеводы выводить продукцию с рынка. Странам ЕС предоставлено право осуществлять прямые платежи фермерам (до 5 тыс. евро) и малым агропродовольственным предприятиям (до 50 тыс. евро) из остатков фонда развития сельских районов. Увеличены предельные размеры субсидий в рамках мер единой аграрной политики на одно фермерское хозяйство (до 100 тыс. евро) и перерабатывающее (сбытовое) предприятие (до 800 тыс. евро), а также лимиты кредитов фермерам из Европейского сельскохозяйственного фонда развития сельских территорий (до 200 000 евро). Сокращаются контрольные мероприятия на фермах [3].

В Германии АПК признан «системообразующей инфраструктурой», что позволит фермерам получить однократные выплаты (от 9 тыс. до 15 тыс. евро, в зависимости от размера предприятия) в рамках помощи малому бизнесу в случае, если доказано, что экономические трудности возникли вследствие COVID-19.

В странах Евразийского экономического союза основные меры касаются регулирования агропродовольственных рынков. Комиссией союза с 1 апреля по 30 июня с. г. обнулены ввозные таможенные пошлины при импорте в государства ЕАЭС ряда некоторых видов продовольствия.

В Беларуси запрещен вывоз из страны некоторых продовольственных товаров, введено государственное регулирование цен на социально значимые продукты, сначала по расширенному списку, но затем по сокращенному. В Армении оказывается помощь компаниям-импортерам, расширена программа микрокредитования фермерских хозяйств.

Довольно широкий перечень мер принят в Казахстане. Как и в Беларуси, на ряд продуктов регулируются розничные цены. Не запрещен, но квотируется экспорт некоторых видов продовольствия. Выдаются продуктовые наборы нуждающимся. Расширена поддержка сельхозпроизводителей за счет отмены налога на сельскохозяйственные земли, предоставления льготного дизтоплива на весенний сев и др. [4].

В России в целом положение в отрасли стабильно: индексы производства как в сельском хозяйстве, так и в пищевой индустрии и в прошлом году, и в январе – апреле нынешнего года выше, чем в промышленности (табл. 2).

Таблица 2. Индексы производства в ряде отраслей экономики России в 2019–2020 гг., % к соответствующему периоду предыдущего года*

	2019 г.	Январь – апрель 2020 г.
Промышленность	102,3	99,4
Производство пищевых продуктов	104,9	108,3
Сельское хозяйство	104,0	103,0

*https://gks.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm

В 2019 году (табл. 3) несколько снизился экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья и увеличился импорт. Но в первые четыре месяца 2020 года экспорт растет.

Таблица 3. Внешняя торговля продовольствием и сельскохозяйственным сырьем, млрд долл. США*

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	I квартал 2020 г.	
				млрд долл. США	% к I кварталу 2019 г.
Экспорт	20,7	24,9	24,8	6,4	119,2
Импорт	28,8	29,6	29,8	7,5	103,7
Сальдо	-8,1	-4,7	-5,0	-1,1	x

*https://gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d05/95.htm

Тем не менее правительство приняло ряд мер в области сельского хозяйства и агропродовольственного рынка. Это мониторинг цен, выделение кредитов для поддержания запасов в торговле. Введены временные квоты на экспорт зерна в страны вне Евразийского союза, хотя российский экспорт в I квартале 2020 г. по сравнению с 2019 годом, как мы видели, растет. В перечень системообразующих организаций, которые могут претендовать на дополнительную поддержку, включено 96 компаний АПК, головные организации которых находятся в 30 субъектах Российской Федерации. Это крупнейшие агрохолдинги и агрофирмы, от которых зависит продовольственное обеспечение крупных и крупнейших городских агломераций. Выделено дополнительное финансирование программ реализации сельскохозяйственной техники со скидкой – 4,5 млрд руб., программ Росагролизинга – 6 млрд руб. В субъектах Российской Федерации принимаются меры по восстановлению деятельности розничных рынков. Намечена поддержка контейнерных железнодорожных перевозок, доставки рыбной продукции по Северному морскому пути.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что риски как для агропродовольственной экономики, так и для наших потребителей в связи с пандемией сохраняются. Это: (1) сокращение спроса на продовольствие из-за снижения реальных доходов населения; (2) увеличение издержек сельхозпроизводителей в силу роста цен на импортные средства производства и материалы; (3) уменьшение государственной поддержки и инвестиций вследствие бюджетных ограничений как государства, так и частных инвесторов; (4) ухудшение экономической доступности продовольствия для низкодоходных групп населения. Доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки в потребительских расходах домашних хозяйств у нас в среднем более 30%, в то время как в высокоразвитых странах – 10–15%, и любое повышение продовольственных цен для нас очень чувствительно.

Для снижения этих рисков необходимы как краткосрочные, так и среднесрочные и долгосрочные меры.

Возможной краткосрочной мерой может быть, по примеру других стран, поддержка малых предприятий и фермерских хозяйств, которые в большей степени, чем крупные предприятия, сократили объемы продаж и отличаются неустойчивым финансовым положением. Конкретные параметры поддержки целесообразно определить по результатам текущего сельскохозяйственного года.

В среднесрочном и долгосрочном плане для уменьшения рисков от нарушения функционирования глобальных рынков (как ресурсных, так и продовольственных) требуются меры по развитию I сферы АПК: сельскохозяйственного машиностроения, микробиологической промышленности, производства средств защиты растений, ветпрепаратов, селекции и семеноводства сельскохозяйственных культур, племенного животноводства. Именно по этим позициям у нас велика зависимость от внешних поставок.

В собственно аграрной сфере основное внимание должно быть уделено производству качественной продукции как средства повышения иммунитета населения от неблагоприятных факторов внешней среды, а также отраслям, по которым у нас еще не достигнуты критерии продовольственной независимости, список которых расширен в принятой в январе текущего года второй редакции Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации. Это производство говядины, молока, овощей и фруктов. По этим отраслям еще существенна доля импорта.

Кроме того, важно развивать конкуренцию на агропродовольственном рынке путем формирования кооперативной торговли и сбыта, чтобы повысить доступность для потребителя продукции малых предприятий и фермерских хозяйств. Необходимо обеспечить приоритетное развитие малого и среднего агробизнеса, формирование сектора малоформатной, кооперативной торговли с использованием цифровых платформ как альтернативы крупным торговым сетям.

Необходима биологизация сельского хозяйства, разработка и освоение ресурсосберегающих технологий, менее зависящих от поставок внешних ресурсов, использующих в первую очередь внутренние возможности агробиоценозов и поэтому более устойчивых к внешним стрессам. Все это требует новых усилий по развитию сельскохозяйственной науки и образования.

Пандемия со всей очевидностью показала опасность чрезмерной концентрации населения в крупных городских агломерациях. Жизненно необходимо более равномерно разместить население по территории страны. Следует пересмотреть недавно принятую Стратегию пространственного развития Российской Федерации, ориентированную на развитие крупных городов, расширить госпрограмму по комплексному развитию сельских территорий, создать в сельской местности и малых городах новые рабочие места.

Библиографический список

1. COVID-19 global economic recession: Avoiding hunger must be at the center of the economic stimulus. FAO. 2020. Rome. <https://doi.org/10.4060/ca8800en>
2. Программа продовольственной помощи в связи с коронавирусом Coronavirus Food Assistance Program (CFAP). <https://www.usda.gov/media/press-releases/2020/05/19/usda-announces-details-direct-assistance-farmers-through>
3. Коронавирус: Еврокомиссия принимает комплекс мер по дальнейшей поддержке агропродовольственного сектора. https://europa.eu/european-union/topics/agriculture_de
4. Мониторинг принятых государствами – членами ЕАЭС мер, направленных на преодоление негативных последствий распространения коронавирусной инфекции (COVID-2019). <http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Documents/МОНИТОРИНГ%20на%201%2006.pdf>

References

1. *COVID-19 global economic recession: Avoiding hunger must be at the centre of the economic stimulus.* FAO. 2020. Rome. <https://doi.org/10.4060/ca8800en>
2. *Programma prodovol'stvennoj pomoshhi v svyazi s koronavirusom Coronavirus Food Assistance Program (CFAP).* <https://www.usda.gov/media/press-releases/2020/05/19/usda-announces-details-direct-assistance-farmers-through>
3. *Koronavirus: Evrokomissija prinimaet kompleks mer po dal'nejshej podderzhke agroprodovol'stvennogo sektora.*
4. https://europa.eu/european-union/topics/agriculture_de
5. *Monitoring prinjatyh gosudarstvami-chlenami EAJeS mer, napravlennyh na preodolenie negativnyh posledstvij rasprostraneniya koronavirusnoj infekcii (COVID-2019).* <http://www.eurasiancommission.org/ru/covid-19/Documents/MONITORING%20na%201%2006.pdf>

Контактная информация / Contact information

ВИАПИ им. А.А. Никонова – филиала ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1.

Nikonova All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics – branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», 21-1, Bolshoi Kharitonyevsky per., Moscow, 107078, Russia

Петриков Александр Васильевич / Aleksander V. Petrikov
+7(495) 628-30-69, apetrikov@viapi.ru

НОВЫЕ РЕАЛЬНОСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЮ

NEW REALITIES OF THE GLOBAL ECONOMY AND THEIR IMPACT ON RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-106-110

МИРКИН Яков Моисеевич

Заведующий отделом международных рынков капитала Института мировой экономики и международных отношений РАН, член Правления ВЭО России, д.э.н., профессор

Yakov M. MIRKIN

Head of International Capital Markets, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Member of the Board of VEO of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Статья раскрывает возможную эволюцию экономической идеологии в постпандемическом мире (усиление дирижизма, протекционизма, пересмотр концепций развитой и развивающейся экономик, ревизия ценностей индивидуализма, экономической свободы и др.). Дан прогноз новых трендов (реструктурирование глобальной экономики, новые продуктовые ниши, изменения в глобальном спросе и предложении, усиление спроса на первичные ресурсы, индивидуализация массового потребления). Будет ослаблена роль экономики совместного пользования, возникнет сильный публичный интерес к личной собственности, к автономизации жизни в условиях внезапных сильных шоков. Высоки шансы возникновения тренда деагломерации крупнейших городов. Раскрыты особенности влияния новых реальностей на экономику России (вызовы дирижизма, глобальной конкуренции, зависимости от импорта технологий, прежде всего из Китая).

Abstract

The article reveals the possible evolution of economic ideology in the post-pandemic world (strengthening dirigisme, protectionism, revision of the concepts of developed and developing economies, revision of the value of individualism, economic freedom, etc.). A forecast of new trends in the global economy is given (restructuring, changes in global supply and demand, in preferences in the consumption of the global middle class). The role of the «shared economy» will be weakened, a strong public interest will arise in personal ownership, in the ability to maintain a more autonomous life in conditions of sudden strong shocks. The chances of a trend on deagglomeration of the largest cities are estimated. The mechanism of the influence of new realities on the

Russian economy is disclosed (challenges arising from changes in economic ideology, from tougher global competition, from high dependence on imports of equipment and technologies, primarily from China).

Ключевые слова Автономизация, глобальные финансы, дирижизм, новые продуктовые ниши, пост-пандемический мир, протекционизм, реструктурирование, собственность, экономика совместного пользования.

Keywords Autonomy, dirigisme, global finance, ownership, post-pandemic world, protectionism, restructuring, shared economy.

Пандемия неизбежно внесет крупные структурные изменения в мировую экономику.

Идеология, экономические идеи

Усилится дирижизм. Он уже был на подъеме после глобального кризиса 2008–2009 гг. Пандемия показала, что общества большего дирижизма, способные ввести максимум ограничений на начальных этапах пандемии, лучше и быстрее с ней справились (азиатские экономики, континентальная модель (Германия, Австрия, Чехия)). Мобилизационные экономики в экстремальных условиях способны работать лучше на короткой дистанции.

Могут измениться понятия «развитого» и «развивающегося» государства, с учетом того, что развитые государства с их собственными комплексами «свободы – несвободы», с их оптимизированными системами здравоохранения, мало рассчитанными на шоки, оказались более уязвимыми к пандемии. Возникнет широкое обсуждение коллективных моделей поведения в различных обществах и их адаптивности к экстремальным условиям, способности отвечать на шоки (англо-саксонская, азиатская, европейская континентальная, европейская средиземноморская, скандинавская, постсоветская и т.п.).

Как следствие, могут получить широкое хождение взгляды, доказывающие – из практики – преимущества меньших экономических (и иных) свобод, нежели чем в либерализованных обществах Запада, меньшей значимости индивидуальных ценностей. Что это будет означать? Меньше свободы, чем нужно для успешного развития, нарушение баланса между частными свободами и коллективной необходимостью, часто ложно понятой, отказ в этом от «золотого сечения» – в этом огромная угроза для будущего глобальной экономики. Уклон в несвободу или уклон в анархию – у всего этого самые жестокие последствия.

Пандемия объективно содействует идеям усиления надзора за массовым поведением населения, управления частным и коллективным сознанием (фактическая отмена личной тайны, в особенности медицинской, банковской, налоговой, массовое видео- и цифровое наблюдение в системах обработки больших данных, цифровые паспорта в системах мобильной связи, социальный рейтинг – оценки и стимулы «лучшего» поведения).

Резко усилятся идеи протекционизма в ущерб всему, что связано с глобализацией (которая, конечно же, будет продолжаться). Защита национальных или даже

групповых интересов станет идеологическим основанием для торговых и финансовых войн, ослабления многосторонних союзов, соглашений и институтов, попыток реструктуризации в мировой экономике (возврата производства из «мастерских мира» – азиатских экономик на развитый Запад). Усилятся идеи противостояния в системах «свой – чужой», «восток – запад» и т.п.

Пандемия показала, что резервов, терпения «остановить экономики» хватает у обществ максимум на 2–3 месяца. Неизбежно возникнут идеи о том, что можно и нужно жертвовать частью населения, группами риска («экономическая жертвенность») ради целого в экстремальных условиях («коллективный иммунитет», снятие ограничений на пике или на высоком плато пандемии, «отбор по ценности»). Это станет огромным отступом от идей равной, уникальной ценности каждой человеческой жизни. Представьте, что «часть населения, которой жертвуют» за неизбежностью или меньшей ценностью – это вы сами. В любом случае придется научиться жить, работать, внешне поддерживать нормальное существование, когда пандемия еще не ушла, даже на высоком ее плато (примеры – Москва, Лондон).

Будет идеологически узаконена модель «залитой деньгами» экономики, возникшая после кризиса 2008–2009 гг. (интенсивная накачка ликвидностью центральными банками, перевод режима «денежных облегчений» в практически постоянный, «нормальный», метафора – вечно подключенный к организму аппарат искусственного дыхания). Узаконение сверхнизкого процента, отказ от идеи положительного реального процента как единственно возможного. Дальнейшее утверждение в отказе от центральной идеи финансового/банковского посредничества – сохранение и приумножение денежных капиталов клиента. Вместо этого – идеология финансовых услуг, платежей за услуги хранения ликвидности, комиссионных и т.п.

Собственность, автономность

Пандемия показала, как важно в экстремальных условиях иметь «свое», быть автономным, уметь поддерживать пристойные условия существования в условной изоляции от общества. Коллективный страх долго не забудется. Пандемия как фон, учащающиеся техногенные катастрофы, резкие изменения климата будут поддерживать этот страх.

К каким изменениям в коллективном экономическом поведении это ведет? «Сникнут» идеи и практика экономики совместного пользования (sharing economy), аренды всего и вся, каршеринга и т.п. И, наоборот, резко вырастет спрос на собственность, на то, что свое, – недвижимость (дом, квартира, земля и т.п.), предметы длительного пользования, на все, что делает семью более автономной, способной выживать вместо того, чтобы быть «терминалом», подключенным к централизованным коммуникациям («своя» вода, энергия, тепло, продовольствие, даже одежда, любая техника и знания, поддерживающие собственные умения).

Упадет спрос на все то, что поддерживает в крупнейших городских агломерациях образ жизни: «дома – только переночевать, весь день – в офисе, „на улице“, еда, развлечения – публичны» (мини-квартиры и их инфраструктура, «человейники» и их среда обитания). Замедлится или даже прекратится тренд к стягиванию населения в сверхкрупные города. Они особенно опасны во время пандемий или техногенных катастроф, становятся их центрами (в 2020 г. – Нью-Йорк, Лондон, Москва).

Реструктуризация глобальной экономики, попытка возвращения производства в США и зону ЕС из Азии

Пандемия показала, насколько высокой и рискованной стала сверхконцентрация производства в азиатских экономиках – «мастерских мира», прежде всего в Китае. Стали реальностью конфликты государств из-за поставок из Китая (медицинские маски, США и Германия). Зимой – весной 2020 г. крупнейшие компании мира снизили производство из-за сокращения поставок комплектующих из Китая.

Еще одна причина такой попытки реструктуризации – начавшийся перенос рыночной (и политической) власти в Азию. Азиатские экономики перестают существовать только как «мастерская», становясь еще и центром технологий, идей, инноваций, собственности, в т.ч. на патенты, новым ядром глобальных финансов и, постепенно, военным, при темпах роста, опережающих весь мир (Китай, Индия и др.). Где производство – там со временем «нарастает» и все остальное. Эта попытка реструктуризации может быть unsuccessful.

Изменения продуктовых ниш

Точка зрения, ставшая стандартной, – пандемия неизбежно приведет к расширению онлайн против офлайн. «К расширению» – это бесспорно, но вот за счет ли офлайн? С одной стороны, с начала пандемии резко расширились интернет-доставка, интернет-развлечения, интернет-услуги в любых областях, где они могут быть оказаны. С другой стороны, мы – физические существа, мы не можем без физических контактов с реальным миром, не можем не двигаться, не действовать, не менять пространства, в котором находимся.

Длительные карантинные меры резко повысили ценности «реального существования», когда видишь, трогаешь, ощущаешь, участвуешь сам. Из всего этого может возникнуть взрывной спрос на потребление в реальном мире, в соприкосновении с массами других людей, если только, конечно, пандемия не будет присутствовать в нашей жизни как постоянный фон.

Будущие «прорывные» ниши: индустрия офлайн-развлечений, отдыха, туризма, общественного питания, транспорта – всего того, что нам нужно, чтобы с новой силой почувствовать реальный мир. Да, конечно, медицина, фармакология, гигиена. Оборудование и технологии для автономизации (нас самих, наших семей) и наших собственных умений: энергия, тепло, вода, продовольствие, одежда, дом, земля, бытовые удобства.

Что еще? Еще одна продуктовая ниша – знания, но больше практического толка – по сути для выживания, особенно в экстремальных условиях.

Паника первых дней пандемии показала ценность первичных ресурсов (чистая вода, топливо, энергия и т.п.). При прочих равных (без учета действия других факторов) доступ к ним, первичные ресурсы как товар могут цениться выше, чем до пандемии.

Пандемия показала ценность выживания семьей – комфортней, безопасней, больше шансов. Рядом с идеологией одиночек и временных партнерств, получавшей до пандемии все большее распространение, могут вдруг «пойти в рост» идеи семьи как удобного, замкнутого сообщества или большой семьи из нескольких поколений. Соответственно, вырастет спрос на продукты и услуги, обслуживающие такие семьи. До пандемии, с ростом глобального среднего класса, постоянно усиливался тренд к стандартности в продуктах и услугах – система массовой обработки «чело-

веческих тел» и их желаний (спроса) при максимальном удешевлении и оптимизации «затраты – прибыль». В пандемию, в карантинах мы остались наедине с собой. Мы, возможно, лучше осознали себя как людей, стремящихся к чему-то особенному, к выбивающемуся – лично для нас – из больших технологических систем, в которые мы оказались встроены и которые, в общем-то, плохо различают личности. Можно предполагать, что после пандемии выигрывают в экономике те, кто сможет делать вещи и предлагать услуги чуть более лично, чуть индивидуальней, чем до нее.

Воздействие на Россию

России предстоит участвовать в ожесточенной конкуренции за продуктовые ниши, причем с неблагоприятных позиций (сырьевая экономика, зависящая от импорта в 70–90% важнейших технологий). Российская экономика «китаизируется», Китай – торговый партнер № 1 все большее значение приобретают поставки оборудования, комплектующих и технологий из Китая. Нам предстоит найти более сбалансированную позицию в международном разделении труда, стать «менее сырьевыми» внутри глобальных трендов (реструктурирование, протекционизм, продолжение глобализации и становления мультиполярного мира).

Дирижизм, контроль за массовым поведением в России могут приобрести избыточный характер, приближая ее экономику и финансы к административной системе. Роль государства в экономике до 85–90%, сверхконцентрация и сверхцентрализация, расширение прямого управления трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами – возможный, хотя и тупиковый путь. Пока огосударствление – главный тренд, подстегнутый пандемией. Этот «уклон», «занос» важно преодолеть с тем, чтобы не повторить другие уклоны, сделанные Россией в XX веке с огромными жертвами: большевизм 1917–1950-х гг., рыночный фундаментализм начала 1990-х.

Библиографический список / References

1. *Challenges and Opportunities in the Post-COVID-19 World.* – Geneva: World Economic Forum. Insight Report. May 2020.
2. *Coronavirus: The World after the Pandemic* // *Financial Times*. May 2020.
3. *Thomas A. Garrett. Economic Effects of the 1918 Influenza Pandemic Implications for a Modern-day Pandemic.* – Federal Reserve Bank of St. Louis. November 2007.
4. *The World Remade By COVID-19. Scenarios For Resilient Leaders. 3–5 Years.* Deloitte. April 6, 2020.

Контактная информация / Contact information

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy Of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia

Миркин Яков Моисеевич / Yakov M. Mirkin

yakov.mirkin@gmail.com

СИСТЕМНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

A SYSTEM REBOOT OF THE RUSSIAN ECONOMY: KEY DIRECTIONS AND PROSPECTS

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-111-122

КЛЕЙНЕР Георгий Борисович

Заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН), заведующий кафедрой «Системный анализ в экономике» Финансового университета при Правительстве РФ, заведующий Кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор

George B. KLEINER

Deputy Scientific Advisor, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Head of the Department of System Analysis in Economics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Head of the Department of Institutional Economics, State University of Management, Member of the Presidium of VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье предлагается система мер в области экономической политики, целевых установок и организации функционирования экономики, направленных на преодоление последствий эпидемиологического кризиса 2020 г. и перехода экономики России на траекторию устойчивого эволюционного развития. Методологической основой исследования является системная экономическая теория, синтезирующая концепции неоклассической, институциональной и эволюционной теорий на базе теории социально-экономических систем и пространственно-временного анализа. Исследуются как системные проблемы российской экономики, характерные для последних десятилетий, так и локальные проблемы, возникшие вследствие экономической паузы весны – лета 2020 г. Предлагаемые меры сгруппированы в четыре направления, затрагивающие проблемы макроэкономической стабильности, мезоэкономической интеграции и координации, микроэкономического развития и межуровневого взаимодействия. В области макроэкономической стабильности обосновывается необходимость корректировки требований к таргетированию инфляции, обеспечения

последовательности и преемственности стратегических решений на макроуровне, контроля системной сбалансированности экономики, профилактики разрастания процесса банкротства предприятий и роста безработицы. Подчеркивается роль мезоуровня в экономике как незаменимого средства интеграции и координации экономических процессов и объектов. Обращается внимание на возможную роль бартера в восстановлении транзакционных цепочек добавленной стоимости. Демонстрируются перспективы повышения эффективности работы предприятий за счет гармонизации интересов участников хозяйственной деятельности предприятий в ходе формирования и реализации их долгосрочной стратегии.

Abstract

The article proposes an action framework relating to economic policy, setting of objectives and organization of the economy functioning, aimed at overcoming the consequences of the epidemiological crisis of 2020 and the transition of the Russian economy to the trajectory of sustainable evolution. The methodological basis of the study is the system economic theory that synthesizes the concepts of neoclassical, institutional, and evolutionary theories based on the theory of socio-economic systems and spatio-temporal analysis. The system problems of the Russian economy that are characteristic of recent decades, as well as the local issues that have arisen as a result of the economic pause of spring and summer 2020, are being investigated. The proposed measures are grouped into four areas, affecting problems of macroeconomic stability, mesoeconomic integration and coordination, microeconomic development, and inter-level interaction. In the macroeconomic stability field, the necessity of adjusting inflation targeting requirements, ensuring the consistency and continuity of strategic decisions at the macro level, monitoring the system balance of the economy, preventing the growth of enterprise bankruptcies, and rising unemployment are substantiated. The role of the economy's meso level as an indispensable resource of integration and coordination of economic processes and objects is emphasized. Attention to the possible role of barter in restoring transactional value chains is drawn. The prospects of increasing enterprises' efficiency through the harmonization of the interests of participants of an enterprise's economic activities in the formation and implementation of their long-term strategy are demonstrated.

Ключевые слова

Эпидемиологический кризис, перезагрузка экономики, макроэкономическая стабильность, мезоэкономическая координация, микроэкономическое развитие, межуровневое взаимодействие, системная сбалансированность, гармонизация интересов, бартер, стратегическое планирование.

Keywords

Epidemiological crisis, economy's reboot, macroeconomic stability, mesoeconomic coordination, microeconomic development, inter-level interaction, system balance, interests harmonization, barter, strategic planning.

Начинающийся период развития российской экономики является, по сути дела, уникальным в истории России. Режим связанного с пандемией вынужденного простоя экономики и торможения основных экономических процессов, заканчивающийся в настоящее время, создает редкие возможности как для анализа скла-

дывающейся ситуации, так и для ее кардинальной перестройки. К эпидемиологическому кризису весны – лета 2020 г. российская экономика подошла с немалым грузом системных проблем. Низкие темпы роста, недостаточная инновационная активность, снижение покупательной способности значительной части населения и др. – все это требовало принятия самых неотложных мер по переводу экономики на другую траекторию развития. Однако переход движущегося состава на другие рельсы на полном ходу, как правило, невозможен. Беспрецедентный трехмесячный перерыв в работе значимых звеньев российской экономики представляет собой серьезный вызов для экономической науки, экономической политики и системы управления народным хозяйством. Такая ситуация, в целом неблагоприятная для российской экономики, одновременно содержит значимые шансы не только для локальной активизации экономической деятельности, но и для решения ряда застарелых структурных, функциональных и институциональных проблем российской экономики.

В данной статье мы, основываясь на концепциях нового направления в экономической теории – концепциях системной экономики, предлагаем комплексный интегрированный взгляд на совокупность мер по выходу экономики из кризиса и переводу ее на рельсы долгосрочного устойчивого, сбалансированного и эффективного развития. Основная задача – обеспечение фронтального роста экономики как многосубъектной, многоуровневой и полиструктурной системы. Рассматривая экономику в разрезе трех базовых страт – макро-, мезо-, микроуровней, – мы концентрируем внимание не только на первоочередных мероприятиях, направленных на запуск ключевых экономических процессов и реанимацию ключевых экономических систем на каждом из уровней, но и формулируем перспективные цели экономического развития.

Основная задача, стоящая перед экономикой в послекризисный период, – перезагрузка экономики на всех уровнях. Экономика должна превратиться из архипелага слабо связанных между собой региональных, отраслевых и предметных островов (анклавов) в единый народнохозяйственный комплекс взаимосвязанных полиструктурных систем, функционирующих на основе координации и саморегулирования. Экономика должна стать своего рода «системой систем». Сейчас же ее состояние можно охарактеризовать условно как «несистема несистем». Необходимо кардинальное повышение уровня связности экономики, включая ее функциональную и институциональную составляющие в пространстве и во времени. Должен быть достигнут баланс между силами конкуренции и потенциалом кооперации; процессами инновации и стандартизации; критериями экономической эффективности и ограничениями, обусловленными задачами роста благосостояния людей. Поиск этого баланса – одна из актуальных задач экономической науки [1; 2]. Перезагрузка экономики потребует отказа от ряда устоявшихся догм, практики некритического заимствования и перенесения на российскую почву моделей решения социально-экономических проблем, продемонстрировавших свою успешность в странах с иными технологическими и социальными укладами, традициями, историческими прецедентами (см. [3]).

В последнее время для характеристики траектории развития российской экономики используется понятие «догоняющее развитие» [4; 5; 6] и «опережающее развитие» [7]. В обоих случаях подразумевается, так сказать, относительное развитие, где в качестве точки сравнения берется какая-либо другая страна, а сравнение производится по одному или нескольким фиксированным показателям. Сопоставлению, таким образом, подвергается положение двух систем – анализируемой и эталон-

ной – в определенном экономическом пространстве. По нашему мнению, такое сравнение в общем случае нельзя считать корректным. Каждая страна представляет собой самостоятельную сложную систему со своей историей, биографией, геополитикой, особенностями психологии населения и национальным богатством. У каждой страны свой исторический путь, своя миссия в содружестве народов. Как правило, страны не превращаются одна в другую в ходе нормального геополитического развития. Сравнение достигнутых данной страной экономических результатов следует, в первую очередь, вести с аналогичными результатами, относящимися к данной стране в более ранние моменты времени. Иными словами, основой для выбора экономического курса должно быть не сравнение положения страны с положением других стран в пространстве экономических показателей, а сравнение состояния данной страны с ее же состоянием в другие моменты времени.

В основе концепции перезагрузки не должна лежать ни парадигма догоняющего, ни парадигма опережающего развития, а парадигма системного органического саморазвития, в которой сочетаются как внешние целевые ориентиры, так и внутренние закономерности эволюции. При этом внешние показатели других стран могут играть лишь роль косвенных ориентиров, но не системных целевых установок.

Системные проблемы российской экономики могут быть сгруппированы в соответствии со структурой уровней экономики. Как правило, уровневая структура экономики представляется тремя основными уровнями: макроэкономика, мезоэкономика, микроэкономика. Соответственно, проблемы экономики можно разбить на четыре группы: макроэкономические проблемы; мезоэкономические проблемы; микроэкономические проблемы; проблемы во взаимоотношениях между уровнями. К числу макроэкономических проблем относятся дисфункции макроэкономических процессов: низкий темп экономического роста; недостаточный объем инвестиций в основной капитал; снижающийся курс рубля по отношению к основным мировым валютам; слабое влияние регулируемых макроэкономических показателей на экономическую и инновационную активность; низкая доля инновационно активных предприятий. Мезоэкономические проблемы связаны главным образом с дискоординацией экономических агентов, а также чрезмерной дифференциацией экономического состояния регионов и отраслей народного хозяйства. Микроэкономические проблемы обусловлены с деконсолидацией участников хозяйственной деятельности предприятий, снижением целенаправленности и сужением горизонта планирования их деятельности, неэффективностью более четверти российских предприятий, оппортунизмом работников и, как следствие, низким уровнем производительности труда. Проблемы во взаимоотношениях между уровнями носят множественный характер и отражают, прежде всего, тотальное неравенство в объеме прав, обязанностей и доходов представителей разных уровней экономики. Дисфункция межуровневых отношений играет дестимулирующую роль, провоцирует неэффективное распределение рисков между участниками экономической деятельности разного уровня, подрывая тем самым основы безопасности экономического развития страны. В целом сложившаяся система взаимоотношений между компонентами экономики в межуровневом разрезе содержит серьезные признаки общей дезорганизации экономики.

Основные меры экономической политики по преодолению указанных проблем и перспективному развитию экономики в условиях выхода из кризиса 2020 г. сгруппированы ниже по уровням экономики и управления.

1. Макроэкономическая стабильность

Уточнение требований к таргетированию инфляции. Основным требованием к ценовой политике на макроуровне должно быть не ограничение роста цен, а достижение сбалансированности цен, включая цены материальных и нематериальных благ, рабочей силы, кредитных заимствований и иностранной валюты, в отраслевом, региональном и динамическом разрезах для обеспечения стабильности экономики на макроуровне. Основная задача экономической политики в этой сфере должна быть связана с созданием в стране системы т.н. цен единого уровня, обеспечивающей относительную устойчивость цен в пространственном и временном разрезах. Основные принципы формирования такой системы цен в условиях планового хозяйства были разработаны профессором В.Д. Белкиным [8]. В современных рыночных условиях чрезмерная пространственно-временная волатильность цен может вызывать высокоамплитудные колебания инвестиций, что противоречит макроэкономической стабильности и снижает общую эффективность инвестиционной деятельности. Таким образом, основным направлением совершенствования экономической политики в области ценообразования должны стать гармонизация и ограничение волатильности системы цен, тарифов и нормативов во всех сферах народного хозяйства. Такие действия имеют как стратегическую, так и тактическую направленность.

Усиление требований к последовательности и преемственности стратегических решений на макроуровне. В последнее время появилось немало примеров непоследовательности в решениях по экономическим вопросам, принимаемых на высшем уровне управления. Примеры подобных решений можно найти в [1]. Речь в данном случае не идет о решениях, вызванных эпидемией коронавирусной инфекции, поскольку такие решения, как правило, являются реакцией на изменения социально-экономической и эпидемиологической ситуации. В целом непоследовательность решений связана с низким уровнем стратегичности мышления многих чиновников и, соответственно, нестратегичностью управления экономикой. Такая непоследовательность приводит к уменьшению эффективности расходов на поддержание экономики, снижению доверия между экономическими агентами и властью. Вся история попыток имплементации закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» наглядно иллюстрирует неготовность страны к переходу на стратегическое регулирование практически на всех уровнях экономики. Проявления экономики физических лиц как наследство 1990-х гг. [9; 10] играют роль практически непреодолимого барьера на пути перехода страны к фронтальному устойчивому эволюционному развитию. По нашему мнению, необходимо усилить научную экспертизу принимаемых на федеральном уровне нормативно-правовых актов по экономическим вопросам, уделив особое внимание преемственности (последовательности) решений. В каждом случае принятие решений, противоречащих решениям, принятым ранее, должно сопровождаться убедительным научным обоснованием, включающим, если это необходимо, признание прежде принятых решений ошибочными или несвоевременными. Такая мера носит стратегический характер.

Контроль за обеспечением системной сбалансированности экономики. Динамическая сбалансированность экономики определяется в зависимости от соотношения между долями, занимаемыми в экономике четырьмя системными секторами: проектным сектором (совокупностью кратко- и среднесрочных

инвестиционных проектов); объектным сектором (совокупностью предприятий с неограниченным априори жизненным циклом); процессным сектором (совокупностью систем, обеспечивающих распространение инноваций, информации, товаро-материальных ценностей, ментальных моделей и т.п. по территории страны); средовым сектором (совокупностью инфраструктурных систем, обеспечивающих связность экономики). Нарушение подобной сбалансированности приводит к таким негативным явлениям, как перегрев экономики (например, при доминировании проектного сектора); чрезмерные транзакционные издержки (при доминировании объектного сектора); зарегулированность, бюрократизация экономики (при доминировании процессного сектора); снижение экономической активности (при доминировании средового сектора). Контроль за системной сбалансированностью на макроуровне относится к числу мер стратегического характера.

Ограничение процессов увольнения по инициативе работодателей. Следует стремиться к максимальному сохранению занятости на докризисном уровне. Каждый случай увольнения по инициативе работника в течение ближайшего полугодия должен исследоваться Рострудом на предмет анализа добровольности ухода работника. Масштабы трудовой миграции на протяжении восстановительного периода должны быть ограничены. Сокращение численности занятых на каждом предприятии должно носить регулируемый характер и сопровождаться в случае необходимости штрафными санкциями за каждого увольняемого по инициативе администрации работника.

Ослабление зависимости отечественной макроэкономики от колебаний мировой экономической конъюнктуры (мегаэкономики). Следует стремиться к превращению российской экономики в единый народнохозяйственный комплекс, способный к самостоятельному функционированию и саморазвитию, в том числе в условиях неблагоприятных внешних обстоятельств и воздействий. Должны быть активизированы усилия по продолжению политики импортозамещения, т.е. в том числе восстановления таких отраслей, как станкостроение, электронная промышленность, средства коммуникации и связи.

Профилактика расширения процесса банкротства предприятий. В качестве организационной меры, предупреждающей банкротство предприятий, включенных в цепочки добавленной стоимости, целесообразно создание специального регулирующего органа, осуществляющего анализ и контроль финансово-экономического состояния нефинансовых организаций. Такой экономический мегарегулятор должен играть по отношению к предприятиям роль, аналогичную роли ЦБ как мегарегулятора состояния и деятельности кредитно-финансовых организаций. Экономический мегарегулятор вырабатывает нормативные требования к показателям деятельности хозяйствующих субъектов с целью минимизации рисков широкомасштабного банкротства субъектов, а также с целью хеджирования неблагоприятных обстоятельств в деятельности нефинансовых предприятий. Задачей такого органа может стать также фасилитация процессов создания и функционирования цепочек добавленной стоимости путем организации совещательных процедур и применения точечных экономических стимулов и рычагов. Поскольку на первом этапе преодоления кризиса основной задачей восстановления экономики является активизация межфирменных транзакций, налоговая служба может по рекомендации экономического мегарегулятора сни-

жать налоговые требования к предприятиям, активно участвующим в транзакционных цепочках, в частности снижать НДС.

2. Мезоэкономическая интеграция и координация

Развитие российской мезоэкономики как сбалансированного комплекса региональных, отраслевых и межотраслевых мезоэкономических систем.

Мезоэкономический комплекс должен рассматриваться как самостоятельная подсистема экономики, связанная одновременно с макроэкономическим и микроэкономическим уровнями. По сути дела, мезоэкономический комплекс играет роль соединительного звена между макро- и микроэкономическим уровнями, с помощью которого формируется каркас экономики как целостной системы. Основная функция мезоэкономических систем имеет две составляющих. Во-первых, осуществление трансфера новых регулятивных институтов, формирующихся на макроэкономическом уровне, на микроэкономический уровень, уровень хозяйствующих субъектов, домохозяйств и государственных организаций. Мезоэкономический уровень играет роль своеобразного фильтра, селективирующего институты и регламенты с точки зрения возможностей их исполнения на микроуровне. Во-вторых, осуществление распространения успешных инноваций организационно-экономического и функционального характера, возникающих на уровне отдельных микроэкономических организаций и подлежащих распространению на более широкий круг таких организаций. Таким образом, мезоэкономический уровень осуществляет координацию нисходящих, восходящих и горизонтальных потоков инноваций в многоуровневом социально-экономическом пространстве. Для успешного функционирования мезоэкономического комплекса следует создать (частично – воссоздать) систему управления данным комплексом как самостоятельной подсистемы. Первая задача состоит в четкой организации отраслевого управления, в значительной степени потерянного в ходе административной реформы 2004 г. и последующих реорганизаций экономических министерств, агентств и ведомств. Вторая задача – совершенствование развития регионов как объектов мезоэкономики. В рамках разворачивающегося после принятия поправок к Конституции РФ процесса федерализации регионам должны быть предоставлены более широкие права по регулированию налогов и сборов, взимаемых с хозяйствующих субъектов данного региона. Одновременно следует стремиться к выравниванию регионов с точки зрения их социально-экономического состояния. Третья задача состоит в координации отраслевого и территориального развития регионов. Задача носит перманентный характер для российской/советской экономики и требует для своего решения модернизации всей системы институтов регулирования экономики.

Разработка нормативных актов, определяющих статус мезоэкономических организаций, их права и ответственность во взаимоотношениях с органами управления макроуровня и с экономическими агентами микроуровня. Целесообразно ввести специальный статус *мезоэкономической организации*, отличной от статуса микроэкономического агента. Мезоэкономические организации исполняют роль медиаторов, укрепляют взаимодействие между макро- и микроэкономическим уровнями и содействуют превращению многоуровневой и многоукладной российской экономики в единый народнохозяйственный комплекс. Критерии эффек-

тивности организаций, имеющих мезоэкономический статус, должны отличаться от критериев коммерческой эффективности микроэкономических хозяйствующих субъектов, а также от критериев общественной эффективности макроэкономических органов управления.

В период перезагрузки экономики необходимо особое внимание уделить развитию мезоэкономической теории, разработке на этой основе мезоэкономической политики, методов регулирования мезоэкономического комплекса и, наконец, совершенствованию практики функционирования мезоэкономических организаций. Курс мезоэкономической теории должен быть включен в программы учебных заведений (факультетов институтов) экономического профиля как необходимое связующее звено между курсами макро- и микроэкономики в целях повышения адекватности теоретического описания экономических процессов и систем.

Активизация процессов создания и развития социально-экономических экосистем. Экосистемы в последнее время стали одним из наиболее активно изучаемых типов экономических образований [11; 12]. Строго говоря, они не входят в число организаций, поскольку не имеют, как правило, формального членства и единого центра управления. Принадлежность к экосистеме реализуется обычно в виде ощущения *причастности* к определенному кругу агентов. По сути дела, экосистемы ощущаются участниками и наблюдателями как средовые образования с неопределенными и изменчивыми границами в экономическом пространстве. Разнообразные устойчивые цепочки добавленной стоимости входят в экосистемы, но не исчерпывают их. По нашему мнению, экосистемы следует относить к мезоэкономическому уровню и исследовать их, так же как и кластеры, платформы, сети и бизнес-инкубаторы, в рамках мезоэкономического комплекса. В период преодоления эпидемиологического кризиса и последующего восстановления экономики экосистемы должны получить более четкое институциональное оформление, а неопределенность их границ должна быть существенно понижена. Необходима разработка нормативно-правового обеспечения функционирования и развития социально-экономических экосистем. При новом состоянии институциональной системы экономики предприятия, входящие в экосистему, вправе рассчитывать на поддержку с ее стороны. Экосистемы являются принципиально многоотраслевыми образованиями и в этом качестве дополняют такие моноотраслевые организационные образования, как бизнес-ассоциации. Совместная деятельность этих двух типов экономических альянсов способна существенно ускорить восстановление российской экономики.

3. Микроэкономическое развитие

Реконструкция состава участников экономической деятельности. Наряду с юридическим и физическим лицами предлагается ввести понятие *экономического лица*, идентифицирующего самостоятельный обособленный целостный экономический объект, являющийся субъектом в процессах производства, распределения, обмена и потребления экономических благ. Соответственно, должна быть модифицирована система статистического наблюдения, в которой сегодня экономические результаты деятельности хозяйствующих субъектов искажаются из-за отсутствия однозначного соответствия между популяцией хозяйствующих субъектов и множеством юридических лиц (Единый государственный реестр юридических лиц).

Необходимо создание и ведение единого реестра экономических лиц России. Именно экономические лица должны стать основным объектом стратегического планирования и регулирования. Соответственно должна измениться и система налогообложения экономической деятельности. Данная проблема носит стратегический характер, и к ее решению следует приступать после завершения первого этапа восстановления экономики.

Этапы преодоления кризиса и его последствий. Восстановление жизнедеятельности популяции экономических субъектов в современных условиях предлагается осуществлять в три этапа. На первом этапе необходимы меры по стимулированию и поддержке расширения прямых товарных неценовых обменов между потребителями и поставщиками в рамках системы «цепочек добавленной полезности» (не стоимости!). Для этой цели следует активно применять методы, основанные на снижении налогового бремени для предприятий, входящих в подобные цепочки (см. п. 2). В условиях дисфункции системы ценообразования и дефицита оборотных средств временное расширение бартера в экономике позволит восстановить и включить новые хозяйственные связи, активизировать деятельность экономических субъектов. На втором этапе после завершения *структуровосстанавливающего* бартерного этапа при поддержке государства восстанавливается система цен и создаются возможности для инициации и регулирования процесса экономического роста. При этом объектом планирования должны стать не только экономические агенты, но и экономические системы, в которых кроме агентов участвуют их связи, плановые проекторки и т.д. Новый вид планирования (*системное планирование*) необходим для обеспечения фронтального, а не очагового экономического роста. На третьем этапе плановые функции государства уступают место закономерностям саморазвития. В рамках этого этапа предприятия разрабатывают стратегические планы самостоятельно, а их выполнение обеспечивается институтами системного гражданства (аналог институтов корпоративного гражданства). Координация планов в процессе составления осуществляется методами диалогового индикативного планирования; следование этим планам обеспечивается институтами взаимной ответственности членов системного корпоративного сообщества.

Гармонизация структуры управления предприятием. Одновременно с созданием новой системы планирования должна измениться внутренняя структура организации и управления деятельностью предприятий. Модернизированные институты корпоративного управления должны обеспечить сбалансированность прав и обязанностей всех основных групп участников хозяйственной деятельности предприятия: собственников, менеджеров, специалистов, работников. В настоящее время максимальными правами и минимальной ответственностью обладают, как правило, собственники предприятий; наоборот, права работников минимизированы, а ответственность перед руководством предприятия и перед семьями высока. В ходе столкновения порой противоречивых интересов участников практически исчезают интересы предприятия в целом как субъекта корпоративного сообщества. Внедрение стратегического планирования на предприятиях станет мощным стимулом для согласования интересов участников и кристаллизации интересов предприятия как целого. Выход экономики из кризиса на основе указанных принципов позволит перезагрузить экономику не только на макро- и мезоуровне, но и на микроуровне за счет трансформации

предприятий в целостные, внутренне сбалансированные инновационно развитые системы с долгосрочным горизонтом планирования. На это должна быть, по нашему мнению, в первую очередь нацелена активно протекающая в настоящее время цифровая трансформация предприятий. Инновационное развитие таких предприятий обеспечивается за счет внутренних и внешних институтов поддержки инновационного роста, стимулирующих инновационную активность работников как в сфере технологических, так и в сфере организационно-экономических инноваций.

4. Межуровневое взаимодействие

Координация экономических интересов субъектов макро-, мезо- и микроэкономических уровней. Ортодоксальный подход к описанию функционирования экономики опирается на рыночные механизмы учета и реализации интересов самостоятельных экономических агентов – предприятий. В наиболее последовательном виде такой подход предполагает наличие интересов только у физических лиц [13]. Вместе с тем очевидно, что определенные предпочтения имеет не только государство, но и менее масштабные экономические образования, такие как регионы, отрасли, экосистемы, предприятия. Несводимые друг к другу интересы экономических систем разных уровней пронизывают экономику во всех направлениях. Механизмы взаимодействия интересов и их носителей носят весьма сложный характер. В экономическом плане особую роль в таком взаимодействии играют механизмы влияния учета интересов субъектов каждого уровня в ходе принятия макро-, мезо-, микроэкономических решений. Формирование и реализация таких интересов должны осуществляться в рамках системы многоуровневого стратегического планирования. Задача построения такой системы выходит на первый план в качестве одной из основных мер выхода России на траекторию устойчивого самоподдерживающегося роста.

Для учета интересов микроэкономических объектов в макроэкономических решениях целесообразно создание специального законодательного парламентского органа, отражающего интересы хозяйствующих субъектов (палата предприятий). Цели обеспечения экономической безопасности страны требуют также учета интересов отраслей в соответствующем законодательном органе (палата отраслей). В целом создание четырехпалатной структуры законодательной власти (палата социальных субъектов – Государственная Дума РФ; палата субъектов Федерации – Совет Федерации; палата мезоэкономических субъектов – палата отраслей; палата микроэкономических субъектов – палата предприятий) способствовало бы консолидации социально-экономического пространства страны, укреплению отношений доверия и солидарности между субъектами всех уровней экономики и согласованию социально-экономических процессов различных уровней.

Задача экономической науки, предметная область которой охватывает все уровни иерархии социально-экономического пространства и управления, состоит в поиске закономерностей, сопрягающих прошлое, настоящее и будущее страны. Экономическая наука должна играть роль своеобразного стержня, поддерживающего поступательное и устойчивое развитие общества в целом. Соответственно, управленческая наука служит источником средств и механизмом реализации достижений экономической науки в системе «социум – экономика – бизнес –

государство». Системное стратегическое планирование в этих условиях представляет собой не только инструмент преодоления сегодняшнего кризиса, но и средство перевода экономики на рельсы эволюционного устойчивого развития.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00335).

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. О применении научных методов при подготовке решений социально-экономических проблем // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 7. – С. 124–137. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-7-124-137.
2. Бодрунов С.Д. Реиндустриализация в условиях новой технологической революции: дорога в будущее // *Управленец*. – 2019. – Т. 10. – № 5. – С. 2–8. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-5-1.
3. Гринберг Р.С. Технологические революции и социум: мировой тренд и российская специфика // *Экономическое возрождение России*. – 2019. – № 1 (59). – С. 17–22.
4. Полтерович В.М. О стратегии догоняющего развития для России // *Экономическая наука современной России*. – 2007. – № 3 (38). – С. 17–23.
5. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития и гражданская культура // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2017. – Т. 205. – С. 314–328.
6. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Тайна догоняющего развития // *Вопросы экономики*. – 2013. – № 1. – С. 81–96. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-1-81-96.
7. Глазьев С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2015. – Юбилейный съезд Вольного экономического общества России. – С. 86–186.
8. Белкин В.Д. *Избранные труды: в 3 т.* – М.: ЦЭМИ РАН, 2015. Т. 1: Цены единого уровня и экономические измерения на их основе. – 352 с.
9. Клейнер Г.Б. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // *Вопросы экономики*. – 1996. – № 4. – С. 28–34.
10. Клейнер Г.Б. Обратная перспектива. К 90-летию со дня рождения академика РАН Д.С. Львова // *Вестник Российской академии наук*. – 2020. – Т. 90. – № 2. – С. 88–94. DOI: 10.31857/S0869587320020048.
11. Jacobides M.G., Cennamo C., Gawer A. Towards a Theory of Ecosystems. *Strategic Management Journal*, 2018, vol. 39, no. 8, pp. 2255–2276.
12. Thomas L.D.W., Autio E. Innovation Ecosystems in Management: An Organizing Typology, In *Oxford Encyclopedia of Business and Management*. 2020, Oxford, Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190224851.013.203.
13. Тамбовцев В.Л. Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности // *Вопросы экономики*. – 2020. – № 4. – С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-4-5-30.

References

1. Aganbegyan A. On Applying Scientific Methods While Solving Socio-economic Problems [O primenienii nauchnykh metodov pri podgotovke reshenii sotsial'no-ekonomicheskikh problem]. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 7, pp.124-137. DOI: doi.org/10.32609/0042-8736-2013-7-124-137. (In Russ.)
2. Bodrunov S.D. (2019). Reindustrialization in the conditions of new technological revolution: Road to the future [Reindustrializatsiya v usloviyakh novoi tekhnologicheskoi revolyutsii: doroga v budushchee]. *The Manager [Upravlenets]*, vol. 10, no. 5, pp. 2–8. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-5-1. (In Russ.)

3. Grinberg R.S. *Technological revolutions and the society: global trend and russian specificity* [Tekhnologicheskie revolyutsii i sotsium: mirovoi trend i rossiiskaya spetsifika]. *Economic Revival of Russia* [Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii], 2019, no. 1 (59), pp. 17–22. (In Russ.)
4. Polterovich V.M. *About Strategies of Catching up Development for Russia* [O strategii dogonyayushchego razvitiya dlya Rossii]. *Economics of Contemporary Russia* [Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii], 2007, no. 3 (38), pp. 17–23. (In Russ.)
5. Polterovich V.M. *Institutions of catching-up development and civil culture* [Instituty dogonyayushchego razvitiya i grazhdanskaya kul'tura]. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia* [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii], 2017, vol. 205, pp. 314–328. (In Russ.)
6. Evstigneeva L., Evstigneev R. *The Mystery of Catch-up Development* [Taina dogonyayushchego razvitiya]. *Voprosy Ekonomiki*, 2013, no. 1, pp. 81–96. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-1-81-96. (In Russ.)
7. Glazyev S.Yu. *On the urgent measures to enhance the economic security of russia and set the russian economy on course to priority development* [O neotlozhnykh merakh po ukrepleniyu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii i vyvodu rossiiskoi ekonomiki na traektoriyu operezhayushchego razvitiya]. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia* [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii], 2015, Anniversary Congress of the Free Economic Society of Russia [Yubileinyi s'ezd Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii], pp. 86–186. (In Russ.)
8. Belkin V.D. *Selected works: in 3 vols* [Izbrannye trudy: v 3 t.]. M.: CEMI RAS [TsEMI RAN], 2015. V. 1: *Single-level prices and economic measurements based on them* [T. 1: Tseny edinogo urovnya i ekonomicheskie izmereniya na ikh osnove], 352 p. (In Russ.)
9. Kleiner G. *Modern Economics of Russia as an “Economy of Individuals”* [Sovremennaya ekonomika Rossii kak «ekonomika fizicheskikh lits»]. *Voprosy Ekonomiki*, 1996, no. 4, pp. 28–34. (In Russ.)
10. Kleiner G.B. *The reverse perspective. To the 90th Birthday of Academician of RAS D.S. Lvov* [Obratnaya perspektiva. K 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika RAN D.S. Lvova]. *Herald of the Russian Academy of Sciences* [Vestnik Rossiiskoi akademii nauk.], 2020, vol. 90, no. 2, pp. 88–94. DOI: 10.31857/S0869587320020048. (In Russ.)
11. acobides M.G., Cennamo C., Gawer A. *Towards a Theory of Ecosystems*. *Strategic Management Journal*, 2018, vol. 39, no. 8, pp. 2255–2276.
12. Thomas L.D.W., Autio E. *Innovation Ecosystems in Management: An Organizing Typology*, In *Oxford Encyclopedia of Business and Management*. 2020, Oxford, Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190224851.013.203.
13. Tambovtsev V.L. *Narrative analysis in economics as climbing complexity* [Narrativnyi analiz v ekonomicheskoi teorii kak voskhozhdenie k slozhnosti]. *Voprosy Ekonomiki*, 2020, No. 4, pp. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-4-5-30. (In Russ.)

Контактная информация / Contact information

ФГБУН «Центральный экономико-математический институт РАН»,
Россия, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47.
Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences,
47, Nakhiovsky Avenue, Moscow, 117418, Russia
Клейнер Георгий Борисович / George B. Kleiner
george.kleiner@inbox.ru

РАЗВИТИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

DEVELOPMENT OF FUNDAMENTAL INSTITUTIONS FOR GLOBALIZATION

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-123-134

ИВАНОВ Владимир Викторович

Сопредседатель Организационного комитета МАЭФ, член Правления ВЭО России, заместитель президента Российской академии наук, руководитель Информационно-аналитического центра «Наука» РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., к.т.н.

Vladimir V. IVANOV

Co-Chairs of the MAEF Organizing Committee, Member of the Board of VEO of Russia, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences

<https://orcid.org/0000-0002-9823-8767>

Аннотация

Глобализация рассматривается как процесс, подчиняющийся фундаментальным законам развития. Рассмотрены базовые институты глобализации: идеология (религия), финансы, технологии, информация. Показано, что наука и технологии являются главным фактором глобальных трансформаций. В результате гуманитарно-технологической революции сформируется новый мировой (постиндустриальный) уклад. Новая среда обитания человека рассматривается как система «природа – технологии – информация – культура». Проанализированы сценарии формирования нового мирового уклада. Показано, что направления дальнейшего развития будут определены в результате консенсуса общества, бизнеса, власти, информации.

Abstract

Globalization is seen as a process that obeys the fundamental laws of development. The basic institutions of globalization are considered: ideology (religion), Finance, technology, and information. It is shown that science and technology are the main factor of global transformations. As a result of the humanitarian and technological revolution, a new world (post-industrial) way of life will be formed. The new human environment is considered as a system of nature-technology-information-culture. Scenarios for the formation of a new world order are analyzed. It is shown that the directions of further development will be determined as a result of the consensus of society-business-government-information.

Ключевые слова

Мировой уклад, глобальные процессы, технологический уклад, гуманитарно-технологическая революция, постиндустриальное общество, бизнес, власть, финансы, информация.

Keywords

World order, global processes, technological order, humanitarian and technological revolution, post-industrial society, business, government, finance, information.

«Мы мчимся к полностью иной структуре власти, которая создает мир, разделенный не на две, а на три четко определенные, контрастирующие и конкурентные цивилизации. Первую из них символизирует мотыга, вторую – сборочная линия, третью – компьютер».

Э. Тоффлер

Постановка проблемы

Будем рассматривать глобализацию как естественный объективный процесс, обусловленный фундаментальными законами развития Природы, Человека и Общества, движущей силой которого является стремление Человека расширить свое жизненное пространство. Вектор и траектория процесса глобализации задаются базовыми глобальными институтами.

История развития человечества, по сути, есть история научно-технологического прогресса и развития общественно-экономических отношений. По мере накопления знаний и создания на этой основе технологий меняются культура, общественно-экономические отношения, трансформируются государства, создаются международные политические, экономические и военные структуры. Логическую цепочку развития можно представить следующим образом: получение новых знаний – их освоение (образование) – создание новых технологий и продукции – трансформация системы отношений. При этом четко и явно выделяются следующие этапы развития, каждый из которых носит глобальный характер: выживание, освоение новых территорий, технологическое развитие, экономический рост.

Распад социалистической системы стимулировал процесс экономической глобализации и формирование однополярного мира с единым центром глобального управления с использованием экономических и военных механизмов. Это привело к существенному снижению авторитета международных политических институтов, прежде всего ООН, и стимулировало каскад региональных военных конфликтов. Таким образом, были запущены процессы глобальной политической неустойчивости. Локальные политические и экономические кризисы, военные конфликты начала XXI века приобрели системный характер, что может при определенных условиях привести к глобальному кризису. Катализатором глобализации кризисных процессов стала эпидемия коронавируса, о природе которого ни среди ученых, ни среди практиков нет однозначного понимания.

В настоящее время Мир находится в процессе перехода к новому состоянию. Поэтому перед наукой стоит задача определения возможных траекторий развития, определение контуров нового мирового уклада, выявление потенциальных рисков и угроз и разработка механизмов их парирования.

Религия как институт глобализации

На протяжении более чем 2000 лет одним из главных институтов, оказывающих существенное, если не решающее, влияние на формирования мирового уклада,

является христианская религия. Христианство можно считать первым системным глобализационным институтом, распространявшим свое влияние практически на все территории, до которых дошла цивилизация.

О роли церкви можно судить по булле Папы Бонифация VIII (1302 г.) «*Unam Sanctam*», в которой говорилось, что во власти Папы находятся два меча: «*один, подчиняющийся другому, светский – духовному... Духовная власть, правда, передана человеку, но она не человеческая, а божеская, и кто не повинуется ей, противится воле господней и подлежит принудительному спасению*», «*...короли должны служить церкви по первому приказанию папы (ad nutum). Папе принадлежит право карать светскую власть за всякую ошибку. Светской власти это право не дано*» [1, с. 151]. При этом заметим, что речь не идет о каком-то конкретном государстве, а о принципиальных взаимоотношениях светской и религиозной власти.

Роль церкви наглядно просматривается в процедурах церемонии королевского посвящения. Так, например, во Франции начиная с 759 г. коронацию проводили высшие представители Церкви в присутствии знати. При этом король подтверждает приверженность Церкви.

Несмотря на то что христианство имело много различных, зачастую противоречивых, течений, именно религия в течение длительного исторического периода носила надгосударственный характер и составляла идеологическую основу мирового уклада, базирующегося на феодальных отношениях. В результате многовековой борьбы со светской властью Церковь утратила влияние на государственное управление, но частично сохранила воспитательные и образовательные функции.

При этом в XX веке были две попытки замещения религии на глобальном пространстве. Это, прежде всего, коммунистическая идеология, которая по замыслу должна была покорить все страны и континенты. Так, например, один из лозунгов 60-х годов звучал следующим образом: «Коммунизм утверждает на Земле мир, труд, свободу, равенство, братство всех народов». В различных интерпретациях эта идеология дошла до наших дней. Другая идеология, также с претензией на мировое господство, существовала в нацистской Германии с 1933 по 1945 г.

Тем не менее идеологическая глобализация была вынуждена уступить место экономической как наиболее полно отвечающей интересам развития Человека.

Финансово-экономическая глобализация

Вектор развития следующего мирового уклада определил капитализм, стимулировавший интенсивный научно-технологический прогресс и развитие финансово-кредитной системы. При этом произошла замена базовых ценностей. Капитализм изначально рассматривался как служение [2]. Но по мере развития приоритеты принципиально изменились. «Экономика капитализма... управляется рациональным стремлением к максимальному увеличению накопления» [3, с. 130].

И здесь обратим внимание на то обстоятельство, что на рынке существуют только два потребителя конечной продукции и услуг – человек и государство.

Человеку товары и услуги нужны для удовлетворения собственных потребностей. При этом часть своих доходов человек передает государству для обеспечения конституционных функций. В этом плане государство также можно рассматривать как потребителя конечной продукции и услуг.

Приоритетом бизнеса является накопление прибыли в возможно короткие сроки. Это послужило одной из причин преобладающего роста сектора услуг,

поскольку финансовая отдача от этого сектора происходит быстрее, чем от реального сектора экономики.

Ориентация на накопление финансовой прибыли стимулирует интенсивное развитие банковской инфраструктуры, осуществляющей кредитно-денежные операции, иначе говоря, торговлю деньгами. При этом следует отметить, что доступ к финансовым ресурсам регулируется, исходя из цели обеспечения быстрой отдачи. С течением времени в банках сосредотачивается значительный капитал, которым они могут распоряжаться по собственному усмотрению. А это уже принципиальное изменение функций денег: они из ресурса превращаются в инструмент управления. С одной стороны, наличие значительных финансовых ресурсов позволяет развивать бизнес. С другой — тормозить его в случае необходимости, например, путем устранения конкурента. И, что самое главное, банки имеют возможность использовать финансовые ресурсы для влияния на власть.

Международная финансовая система стала основой глобализации, а ее основным признаком — свободное движение капитала. Как отмечал Д. Сорос: *«Возможность свободного движения финансового капитала подрывает способность национального государства контролировать экономику. Глобализация финансовых рынков ведет к упразднению государства всеобщего благосостояния... поскольку люди, нуждающиеся в социальном обеспечении, не могут покинуть свою страну, а финансовый капитал, задействованный в системе социального страхования, — может»* [4, с. 17]. Таким образом, государство исключается из участия в экономическом процессе. Согласившись с этим, и общество, и государство теряют возможность демократического развития, поскольку все управление переходит на уровень глобальных финансовых структур, что, в свою очередь, формирует жесткий, формальный и сверхтоталитарный механизм управления.

Главным инструментом глобального управления стали финансы, по своей природе являющиеся заменителем натурального обмена виртуальными аналогами. Собственно финансовые рынки не подчиняются объективным законам развития природы, человека и общества, а регулируются некоторыми искусственно созданными правилами и алгоритмами. Отсюда вытекают несколько важных следствий.

1. Виртуальное финансовое пространство работает по определенным искусственно создаваемым законам (алгоритмам), которые могут не совпадать с объективными законами природы и общественного развития.

2. Контроль виртуального финансового пространства осуществляют владельцы алгоритмов. Следовательно, глобальный финансовый рынок контролируется достаточно ограниченной группой структур. А это, в свою очередь, создает неравенство в доступе к ресурсам.

Таким образом, сложилась ситуация, когда управление реальными экономическими процессами осуществляется из виртуального пространства. При этом цели управления могут не совпадать с естественной траекторией развития. В результате возникают противоречия, которые с течением времени приобретают антагонистический характер. Так, например, согласно Д. Стиглицу [5], в 2015 году 80 миллиардеров владело теми же богатствами, что и половина населения планеты. Если в пределах одной страны возникающие противоречия можно сглаживать путем проведения соответствующей государственной социальной политики, то на межстрановом уровне такая задача решается значительно сложнее.

Очевидно, что сложившаяся модель финансово-экономической глобализации не имеет перспектив. Поскольку весь процесс сводится, по сути, к созданию однополярного мира, управление которым осуществляется из виртуального пространства ограниченным числом структур, монополизировавших богатства планеты.

Гуманитарно-технологическая глобализация

Процессы глобальных трансформаций и формирования новых общественно-экономических формаций происходят на фоне научно-технологического прогресса. При этом об уровне развития в конкретный исторический период можно судить по набору технологий – технологическому укладу [6].

Можно показать, что научно-технический прогресс подчиняется следующим законам (Законы НТР):

- Коммерческая ценность результатов фундаментальных научных исследований постоянно повышается.
- Стоимость технологий и наукоемкой продукции постоянно снижается.
- Технологии не могут противоречить законам природы.
- Распространение знаний и технологий не имеет границ.

Новые знания и технологии приводят к новым способам организации производства, созданию качественно новых видов продукции, а следовательно, и созданию новых рынков. При этом технологические прорывы могут приводить к формированию новой системы социально-экономических отношений. Так, например, считается общепризнанным, что первая промышленная революция (табл. 1.), произошедшая в результате изобретения паровой машины [7], дала импульс к переходу к капиталистическим формам взаимоотношений.

Последующие II, III и IV промышленные революции [7–9] открывали новые возможности для создания новых технологий, направленных на обеспечение жизнедеятельности человека [10]. Промышленные революции, обусловленные развитием возобновляемой энергетики и цифровых технологий, создали предпосылки Гуманитарно-технологической революции (ГТР) [11–14], суть которой заключается в синхронном развитии науки, технологий и культуры с целью удовлетворения потребностей человека. При этом и развитие технологий, и экономика направлены на решение главной задачи – повышение качества жизни. Следствием ГТР будет новый мировой уклад, в котором лидирующее место займут страны, обеспечивающие высокие темпы роста качества жизни за счет новых технологий.

Технологическая глобализация уверенно потеснила глобализацию экономическую, поскольку в основе научно-технологического прогресса лежат объективные законы, технологии в принципе не могут противоречить законам природы, а их распространение не имеет границ. Более того, стоимость технологий постоянно снижается (2-й закон НТР), что расширяет границы их распространения. Наглядным примером этого служит развитие мобильной телефонии. Следует также отметить, что создание и распространение новых технологий меньше подвержено внешнему регулированию, чем экономическая деятельность. Так, например, если в 1950 г. только две страны имели ядерное оружие (США и СССР), то в настоящее время, несмотря на принятые международные акты, направленные на нераспространение ядерного оружия, в «ядерном клубе» насчитывается уже 10 стран.

Вследствие высоких темпов распространения новых технологий главным объектом конкуренции в глобальном пространстве становится человеческий потенциал. Это обусловлено тем обстоятельством, что именно человек является единственным генератором прорывных идей, которые в дальнейшем находят свое практическое применение. Поэтому государство, обладающее наилучшим человеческим потенциалом, имеет бесспорное преимущество, поскольку может создавать передовые технологии.

Таблица 1. Научно-промышленные революции

Период	Базовая технология	Распределение энергии	Топливо/технологии
Конец XVIII – начало XX	Паровая машина	Локальные источники энергии	Природное сырье с минимальной переработкой
Конец XIX – начало XX	ДВС+электричество	Производство Сеть Потребление	Природные энергоносители/ промышленная переработка
Конец XX – начало XXI	ВИЭ+ИКТ	Производство Потребление Сеть	Силы природы/ высокотехнологичные преобразователи
Начало XXI	Цифровая платформа	SMART GRID	Электрическая энергия
Гуманитарно-технологическая революция			
После 2009 года	NBICS	SMART GRID	Электрическая энергия

Новые технологии всегда были инструментом мировой политики. Страна может иметь сколь угодно высокие темпы экономического роста, но на мировом пространстве лидирующие позиции всегда будут занимать государства (или межгосударственные альянсы), имеющие наиболее развитые фундаментальную науку, научно-технологический потенциал, систему образования и наукоемкую промышленность. Это обеспечивает суверенитет и глобальную конкурентоспособность за счет высокого качества жизни и обладания новейшими вооружениями. Последнее не только позволяет проводить независимую политику, но и в ряде случаев определять правила игры на мировом пространстве.

Технологии не только обеспечивают жизнедеятельность, не только оказывают влияние на общественно-экономические отношения, но и активно изменяют среду обитания человека. При этом необходимо рассматривать два типа технологического влияния. Первый тип – это то влияние, которое оказывается в процессе эксплуатации. Так, например, работа в штатном режиме крупной энергетической системы не оказывает существенного влияния на окружающую среду.

Ко второму будем относить аварийные ситуации, которые даже на одном отдельно взятом объекте (электростанция, химическое производство и т.д.) могут привести к значительным локальным, а при стечении неблагоприятных факторов – к глобальным экологическим последствиям. Также ко второму типу следует отнести и последствия испытаний различных видов высокоэнергетического оружия, прежде всего атомного. При этом отметим, что в условиях ограниченности углеводородных энергоносителей, роста мощности энергетических и промышленных установок существенно возрастают риски крупных техногенных аварий.

На увеличение рисков техногенных катастроф существенное влияние оказывает культурный уровень. Развитие технологий требует и соответствующего роста культуры, поскольку именно человеческий фактор является главным источником проблем. Это относится не только к эксплуатации сложных технических систем, но и к проектированию, изготовлению и даже к культуре принятия политических

Таблица 2. Структура постиндустриального технологического уклада (ПТУ)

Фундаментальные научные исследования		
Приоритеты социально-экономического развития	Ядро технологического уклада	
	Технологический сектор	Базовые технологии
<ul style="list-style-type: none"> ■ Безопасность ■ Жилье и ЖКХ ■ Здравоохранение ■ Образование ■ Продовольствие ■ Транспорт ■ Энергетика ■ Экология ■ Управление 	ТС-1	<ul style="list-style-type: none"> ■ Биотехнологии ■ Лазерные технологии ■ Нанотехнологии ■ Ядерные технологии
	ТС-2	<ul style="list-style-type: none"> ■ ИКТ ■ Космические технологии ■ Социальные технологии ■ Технологии природопользования ■ Энергетика
	ТС-3	<ul style="list-style-type: none"> ■ NBICS-технологии

решений. Следовательно, новые технологии требуют и новых подходов к обращению с ними, т.е. новой технологической культуры. Эта составляющая все время будет возрастать.

Развитие технологического пространства как составной части среды обитания человека, выбор новых направлений технологического развития, обеспечивающих, с одной стороны, необходимые условия для повышения качества жизни, а с другой – минимизирующих негативное влияние на окружающую среду и на человека, выдвинули на повестку дня проблему технологической безопасности – экологии технологий [14, 15].

Наблюдаемые глобальные тенденции показывают, что начинает сбываться прогноз Д. Белла [16] о переходе к постиндустриальному обществу. Этот переход будет осуществляться в рамках ГТР, на базе постиндустриального технологического уклада (ПТУ) (табл. 2), основу которого составят технологии энергетики, материаловедения, жизнеобеспечения, а также информационные технологии, объединенные в технологические секторы [15, с. 78–84].

Всего можно выделить три типа технологических секторов.

ТС-1. Технологический сектор представляют собой совокупность технологий, в основе которых лежат общие фундаментальные научные принципы. К ним относятся: ядерные технологии, лазерные технологии, нанотехнологии, биотехнологии. Так, например, в основе лазерных технологий лежит явление когерентного излучения, а собственно сектор лазерных технологий включает в себя широкий спектр: от медицинских инструментов для проведения микрохирургических операций до мощных технологических систем обработки материалов.

ТС-2. Технологический сектор как совокупность технологий, направленных на решение сходных задач, но различными методами, представляет собой множество технологий, базирующихся на различных исходных законах природы, но направленных

ных на решение одной задачи. Примерами ТС-2 являются: социальные технологии (здравоохранение, образование и т.д.), информационные технологии, нетрадиционные источники энергии.

Наиболее интенсивно развиваются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), которые вместе с энергетикой создают технологический фундамент постиндустриального общества.

Собственно энергетика представляет собой широкий спектр технологий – от добычи полезных ископаемых до создания альтернативных источников энергии. **ТС-3.** Технологический сектор как совокупность технологий, созданных в результате конвергенции наук. В настоящее время все большее распространение получают нано-био-инфо-когнитивные-социальные технологии (NBICS).

В результате ГТР сформируется новый мировой уклад, базирующийся на новых технологиях повышения качества жизни (постиндустриальный технологический уклад), новой культуре и новой экономической парадигме, суть которой составит переход от «человека для экономики» к «экономике для человека».

Информация как глобальный институт развития

Информация является неотъемлемой частью среды обитания человека. От умения собирать информацию, обрабатывать и использовать зависит собственно существование как отдельного индивида, так и всего человечества.

Аналогично обстоят дела и с цифровой интерпретацией информации, что само по себе представляет универсальный язык общения. Не будет преувеличением сказать, что собственно цифровые технологии существуют столько же, сколько и само человечество. Но цифровое отображение является только одним из возможных способов представления информации.

Объективной тенденцией развития является все возрастающий объем информации, который человеку необходимо воспринять и проанализировать. Цифровые технологии сегодня являются неотъемлемым атрибутом жизни и одним из инструментов обеспечения жизнедеятельности.

Современного уровня развития цифровых технологий и техники удалось достичь благодаря фундаментальным научным открытиям и технологическим прорывам в области философии, математики, новых материалов, энергетике. Интенсивное развитие вычислительной техники в середине прошлого века уже тогда позволило говорить о грядущей технологической революции, основные направления которой были сформулированы Н. Винером [7]. Им же были сформулированы и основные требования к цифровым вычислительным системам, которые составляют основу современных информационно-коммуникационных систем.

Современная ситуация в основном подтвердила правильность оценок, а также утверждение К. Шваба: «...существующий уровень управления и осознания текущих изменений по всем областям крайне низок в сравнении с необходимостью переосмысления экономических, социальных и политических систем, чтобы ответить на все вызовы четвертой промышленной революции» [9].

Следует отметить, что к настоящему времени еще не изучены последствия широкого распространения информационных технологий. Однако уже сейчас можно выделить некоторые риски и угрозы, в том числе:

- снижение уровня защищенности человека в результате тотального цифрового контроля,

- появление новых видов преступности,
- стратификация образования культуры,
- снижение роли демократических механизмов.

Из теории управления известно, что наблюдаемость системы является важнейшим условием ее управляемости, т.е. эффективность бизнеса во многом определяется возможностью получения полной информации о состоянии рынка. С этой точки зрения задача развития бизнеса сводится к взятию под контроль основных потребителей товаров и услуг: человека и государства.

Что касается государства, то эта задача решается параллельно двумя путями. Прежде всего, в соответствии с либеральной идеологией, государство должно уйти из экономики. В этом случае с рынка уходит главный конкурент – государство. При этом все экономические рычаги управления оказываются в руках бизнеса, а в глобальном измерении – в руках транснациональных корпораций. Естественно, что в таких условиях ни о каком свободном рынке речи не идет, а по сути, происходит раздел мира на сферы влияния между глобальными бизнес-структурами.

Второй путь – приход бизнеса во власть. В этом случае финансовые, административные, юридические и информационные ресурсы концентрируются в одном центре, что исключает конкуренцию бизнеса и государства.

Что же касается человека, то задача бизнеса сводится к тому, чтобы сформировать потребительские потребности в направлениях, обеспечивающих максимальную прибыль. Иначе говоря, «продать покупателю не то, что ему хочется, а то, что ему надо». Но для этого надо, во-первых, понимать действительные потребности человека, а во-вторых, оказывать влияние на формирование новых потребностей путем проведения активных системных мероприятий по повышению заинтересованности и спроса. И с этой точки зрения информационные технологии представляют практически неограниченные возможности.

В новой реальности информацию следует рассматривать как системообразующий институт нового мирового уклада, как основной интегрирующий институт. Таким образом, информация превращается из ресурса в инструмент управления, что уже наблюдалось на примере денег. Тезис «кто владеет информацией – тот владеет миром» получает новое практическое значение.

Рассмотрим в общем виде возможные предельные сценарии формирования нового мирового уклада.

Монополия на информацию принадлежит политической власти. В этом случае развитие пойдет по жестко заданным алгоритмам, будет осуществлен тотальный контроль над обществом и бизнесом, что, как известно из практики, в итоге приведет к торможению развития и распаду системы.

Монополия на информацию принадлежит бизнесу. В этом случае бизнес через влияние на общество будет формировать общественный заказ, в том числе на власть и новые потребности. Но при этом надо учитывать, что «исторический капитализм – это социальная система, в которой именно те, кто действует по ее правилам, оказывают решающее влияние на социальное целое и задают некие условия. Это такая социальная система, в которой поле действия этих правил (закон стоимости) увеличивалось; те, кто навязывал эти правила, становились все менее склонны к социальному компромиссу; эти правила все более и глубже проникали в социальную ткань, несмотря на то, что общественное противодействие им становилось все сильнее и организованнее» [3].

В итоге реализации этого сценария произойдет передел существующей системы глобального взаимодействия, в результате которого власть от политических структур и системы международных отношений перейдет к транснациональным финансово-промышленным альянсам. При этом государства хотя формально сохраняют свои границы и государственные институты, по факту будут полностью зависеть от этих альянсов. Система образования, воспитания, распределения благ сформирует новую многоуровневую глобальную социальную структуру, с высокими барьерами межуровневых переходов.

Ориентация на финансовую прибыль, прежде всего за счет финансовых спекуляций, приведет к возникновению неравенства как внутри отдельной страны, так и на глобальном пространстве [4, 5, 18], а также к эскалации политических, экономических кризисов и военных конфликтов. При этом нельзя исключить возможности глобального конфликта с использованием ядерного оружия, в силу расширения доступа к этим вооружениям.

Монополия на информацию принадлежит обществу. В этом случае общество формирует собственно заказ на дальнейшее развитие, а также создает условия для его выполнения. Однако, как показывает исторический опыт, в настоящее время отсутствуют механизмы эффективного контроля власти и бизнеса со стороны общества. Научные подходы к решению этой проблемы также не разработаны.

Контуры будущего

Трансформация базовых положений мировых укладов XVII–XXI вв. выглядит следующим образом: религия – абсолютизм – капитализм как служение – капитализм как механизм бесконечного накопления капитала – информация как инструмент управления.

В настоящее время человечество выходит на новый этап развития, что требует ответов на три глобальных вызова текущего века [19]:

- Гуманитарно-технологическая революция, в результате которой сформируется новый мировой уклад.
- Трансформация среды обитания человека, которая должна рассматриваться как система «биология – технология – информация – культура».
- Изменение экономической парадигмы от «человек для экономики» к «экономика для человека».

Сегодня на первое место выходят не столько экономические, сколько системные гуманитарные и технологические проблемы. Будущее определится тем, как они будут решаться в ближайшие десятилетия.

Ключевым вопросом формирования нового Мирового уклада становится достижение консенсуса между Обществом, Властью, Бизнесом, Информацией.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00423-а «Исследование мировой динамики на основе междисциплинарных подходов, математического моделирования и теории гуманитарно-технологической революции».

Библиографический список

1. Лозинский С.Г. *История папства* – М.: Политиздат, 1986. – 382 с.
2. Форд Г. *Моя жизнь. Мои достижения* – М.: АСТ, 2015. – 349 с.

3. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / Науч.ред. и предисл. А.И. Фурсова. Изд. 2-е. – М.: УРСС, ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
4. Сорос Д. О глобализации – М.: Эксмо, 2004 – 224 с.
5. Стиглиц, Д. Великое разделение. Неравенство в обществе или Что делать оставшимся 99% населения? – Москва: Эксмо, 2016. – 480 с.
6. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочных технологических укладов – М.: ВладДар, 1993. – 310 с.
7. Винер Н. Кибернетика и общество – М.: Издательство Иностранной литературы, 1958. – 199 с.
8. Рифкин Д. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом – 2-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2015. – 410 с.
9. Шваб К. Четвертая промышленная революция – М.: Издательство «Э», 2017. – 208 с.
10. NBIC-технологии: инновационная цивилизация XXI века / Казанцев А.К, Киселев В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 384 с.
11. Иванов В.В. Глобальная гуманитарно-технологическая революция: предпосылки и перспективы // Инновации. 2017. № 6. С. 3–8.
12. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Философские основания гуманитарно-технологической революции // Философские науки, Том 62. № 4/2019, с. 76–95
13. Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / Под ред. Иванова В.В., Малинецкого Г.Г., Сиренко С.Н. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 344с. – (Будущая Россия № 28).
14. Дергачева Е.А. Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ. – М.: «ЛЕНАНД», 2015. – 250 с.
15. Иванов В.В. Технологическое пространство и экология технологий // Вестник РАН, 2011, том 81, № 5, с. 414–418
16. Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI (2-е изд.) – М.: Наука, 2015. – 383 с.
17. Белл. Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999 – 956 с.
18. Стиглиц Д. Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства – М.: Альпина Паблишер, 2020 – 430 с.
19. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Большие вызовы XXI века // Инновации, 2020, № 2, 3–12 (doi 10.26310/2071-3010.2020.256.2.001).

References

1. Lozinskij S.G. Istorija papstva – М.: Politizdat, 1986 – 382 s.
2. Ford G. Moja zhizn'. Moi dostizhenija – М.: AST, 2015. – 349 s.
3. Vallerstajin I. Istoricheskij kapitalizm. Kapitalisticheskaja civilizacija/Nauch.red. i predisl. A.I. Fursova. Izd. 2-e. – М.: URSS, LENAND, 2018. – 304 s.
4. Soros D. O globalizacii – М.: Jeksmo, 2004 – 224 s.
5. Stiglic. D. Velikoe razdelenie. Neravenstvo v obshhestve ili Chto delat' ostavshimsja 99% naselenija? – М.: Jeksmo, 2016. – 480 s.
6. Glaz'ev S.Ju. Teorija dolgosrochnyh tehnologicheskikh ukладov – М.: VlaDar, 1993 – 310 s.
7. Viner N. Kibernetika i obshhestvo – М.: Izdatel'stvo Inostrannoј literatury, 1958 – 199 s.
8. Rifkin D. Tre't'ja promyshlennaja revoljucija: Kak gorizontal'nye vzaimodejstvija menjajut jenergetiku, jekonomiku i mir v celom – 2-e izd. – М.: Al'pina non-fikshn, 2015. – 410 s.
9. Shvab K. Chetvertaja promyshlennaja revoljucija – М.: Izdatel'stvo «Je», 2017 – 208 s.
10. NBIC-tehnologii: innovacionnaja civilizacija XXI veka/Kazancev A.K, Kisel'jov V.N., Rubval'ter D.A., Rudenskij O.V. – М.: INFRA-M, 2012. – 384 s.

11. Ivanov V.V. *Global'naja gumanitarno-tehnologicheskaja revoljucija: predposylki i perspektivy*// *Innovacii*, 2017, №6 s.3–8.
12. Ivanov V.V., Malineckij G.G. *Filosofskie osnovanija gumanitarno-tehnologicheskoy revoljucii*//*Filosofskie nauki*, Tom 62. № 4/2019, s. 76–95
13. *Kontury cifrovoj real'nosti: Gumanitarno-tehnologicheskaja revoljucija i vybor budushhego* / Pod red. Ivanova V.V., Malineckogo G.G., Sirenko S.N. – M.: LENAND, 2018. – 344s. – (Budushhaja Rossija № 28).
14. Dergacheva E.A. *Koncepcija sociotehnoprirodnoj globalizacii: mezhdisciplinarnyj analiz*. – M.: «LENAND», 2015. – 250 s.
15. Ivanov V.V. *Tehnologicheskoe prostranstvo i jekologija tehnologij* // *Vestnik RAN*, 2011, tom 81, №5, s.414–418
16. Ivanov V.V. *Innovacionnaja paradigma HHI (2-e izd.)* – M.: Nauka, 2015. – 383 s.
17. Bell. D. *Grijadushhee postindustrial'noe obshhestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya*. – M.: Academia, 1999 – 956 s.
18. Stiglic D. *Ljudi, vlast' i pribyl'. Progressivnyj kapitalizm v jepohu massovogo nedovol'stva* – M.: Al'pina Pablisher, 2020 – 430 s.
19. Ivanov V.V., Malineckij G.G. *Bol'shie vyzovy XXI veka* // *Innovacii*, 2020, № 2, 3-12 (doi 10.26310/2071-3010.2020.256.2.001).

Контактная информация / Contact information

Российская академия наук, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 14.
Russian Academy of Sciences, 14, Leninsky prospect, 119991, Moscow, Russia
Иванов Владимир Викторович / Vladimir V. Ivanov
+7 495 954-44-96, nauka@presidium.ras.ru

О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ РЕСУРСОВ В ПОДЪЕМЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

PUBLIC AND PRIVATE RESOURCES ROLE IN RUSSIAN ECONOMY GROWTH

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-135-140

ПОРОХОВСКИЙ Анатолий Александрович

Заведующий кафедрой политической экономии Экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д.э.н.

Anatoly A. POROKHOVSKY

Chair of the Political Economy Department, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economic Sciences

Аннотация

Пандемия коронавируса ускорила очередной мировой экономический кризис. Глобализация остановилась. Каждая страна вынуждена решать проблемы фактически в одиночку. Внутренние ресурсы играют большую роль. Однако в российской экономике пока нет оптимальной взаимосвязи государственных и частных ресурсов и интересов в достижении национальных целей. Перед страной стоит немало вызовов в разных сферах, но без модернизации экономической модели невозможно решать и другие проблемы. России нужна стратегия развития, поддержанная обществом, бизнесом и людьми.

Abstract

The coronavirus pandemic accelerated another global economic crisis. Globalization has stopped. Each country is forced to solve problems practically alone. Domestic resources play a huge role. However, the Russian economy does not yet have an optimal relationship between public and private resources and interests in achieving national goals. The country faces many challenges in various fields, but without the modernization of the economic model it is impossible to solve other problems. Russia needs the strategy of development supported by society, business and people.

Ключевые слова

Государственные ресурсы, частные ресурсы, оптимизация ресурсов, мировой экономический кризис, российская экономическая модель.

Keywords

Public resources, private resources, optimization of resources, Russian economic model.

Постановка проблемы

Пандемия коронавируса является стихийным, непредсказуемым событием. Оно развивается не по экономическим или социальным законам, но при этом становится фактором состояния и развития экономики. Вместе с тем каждая страна и мир в целом в условиях рыночной глобализации созрели к очередному циклическому кризису, который прогнозировался еще раньше. А такой кризис уже имеет свои традиционные закономерности, которые под воздействием пандемии обнажаются особенно остро – безработица, банкротства, рост цен, социальная напряженность и др.

Становится очевидным, что прежних методов государственного регулирования экономики явно недостаточно. Более того, от государства и бизнеса требуется особое взаимодействие при поддержке общества для преодоления расстройств экономики и формирования новой модели развития. Для обоснования данной теоретической гипотезы кратко рассмотрим следующие вопросы:

- мировой кризис как внешний фактор;
- вся надежда на государство;
- новая повестка дня для России.

В рыночной экономике все имеет свою цену. Важно так построить деятельность государства и таким образом сориентировать бизнес, чтобы цена выхода из кризиса оказалась для людей наименьшей.

Мировой кризис как внешний фактор

После мирового экономического кризиса 2007–2009 гг. накопилось немало диспропорций как в мировом хозяйстве в целом, так и в отдельных национальных экономиках, включая российскую экономику. На конец 2019 г. доля КНР в мировом ВВП, посчитанном по паритету покупательной способности национальных валют, достигла 18,7%, а доля США опустилась до 15,2%. Вообще доля развивающихся стран превысила долю развитых стран в мировом ВВП на 18,4%. Своеобразный центр развития мировой экономики сместился с Запада на Восток. При этом доля России в ВВП превысила 3%, а в мировом экспорте товаров и услуг составила 2% [1, р. 126].

Значительную встряску на дисбаланс мировой экономики оказала пандемия коронавируса, совпавшая с резким падением цен на энергоресурсы, прежде всего на нефть, весной 2020 г. Между тем пандемия стала не причиной, а поводом для современного экономического кризиса, который в течение десяти лет созрел внутри мировой экономики.

Россия оказалась в гуще этих мировых событий. За годы рыночных преобразований экономика страны оказалась не просто открытой для внешнего мира – внешний фактор стал решающим для формирования доходной части федерального бюджета, а без импорта ряда технологий и оборудования останавливается промышленность. Даже в сельском хозяйстве семенной фонд пополняется в основном зарубежными поставками. Эти обстоятельства определяют зависимость российской экономики от мирохозяйственных процессов, сужают широту и глубину маневра внутренней экономической политики. Вновь перед страной во весь рост встал вопрос – какое место занимает Россия в мировой экономике и какова ее роль в глобальном воспроизводственном процессе.

США во что бы то ни стало стремятся сохранить за собой все виды лидерства в мире. Их не устраивает растущая экономическая мощь и влияние КНР. Американские торговые и технологические претензии к китайским компаниям дестабилизируют торговые и валютно-финансовые отношения в мире. И хотя китайская сторона утверждает, что КНР не собирается становиться вторым СССР и не намерен сменить США как мирового лидера, это не успокаивает американскую сторону, которая после 1945 г. привыкла подчинять все в мире своим интересам.

Россия не может избежать влияния на свою экономику мирового циклического развития. Но формат цикла меняется как под воздействием Четвертой промышленной революции, так и вследствие обострения экономических противоречий между США, ЕС и КНР. При таком раскладе сил в мировом хозяйстве у России, чтобы сохранить и усилить политический и экономический суверенитет, остается единственный выбор – укреплять и развивать национальную экономику, оптимизируя степень своей открытости и зависимости от внешних факторов. Для нашей страны США, ЕС и КНР – экономические партнеры-конкуренты. По своей природе рыночная экономика уважает сильных конкурентов. Очередной раз мир бросает вызов России.

Вся надежда на государство

Классическая рыночная ситуация такова, что предполагается решение всех экономических проблем с помощью самих рыночных сил без участия государства. Но уже начиная с мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. именно государство стало драйвером вывода национальной экономики на траекторию роста. Независимо от доли государственного сектора в экономике граждане обращаются к правительствам своих стран с требованиями принять необходимые законодательные и экономические меры для облегчения кризисного бремени и нормализации условий для бизнеса и занятости трудоспособного населения. Роль государства начала также возрастать в условиях повсеместной цифровизации жизни в XXI веке. Не случайно поэтому известный французский экономист, исследующий роль капитала в XXI веке, Томас Пикетти, отмечает в своей новой монографии «Капитал и идеология», что в XX столетии произошла великая трансформация рыночного развития, в результате которой решение проблем происходит не столько экономическим путем, сколько при одновременном участии государства, бизнеса и общества [2, ch. 3].

Так как пандемия по своей природе – это вирусная инфекция особого рода, то борьба с ней включает самые разнообразные, а не только экономические меры. Поэтому организатором такой борьбы выступило государство. В создавшихся условиях больше всего пострадала занятость – резко выросла безработица в явной или скрытой формах, так как деловая активность из-за режима самоизоляции была приостановлена. Более того, лишились заработка прежде всего самозанятые, которые как раз составляют ядро так называемой гигонимики и входят в сферу услуг. А ведь почти 75% экономики развитых стран – это сфера услуг, которая как раз и приняла на себя основной удар сокращения занятости. Выяснилось, что работники государственных структур при режиме самоизоляции оказались в лучшем положении, чем занятые в частном секторе. Однако в целом

рост безработицы повысил градус социальной напряженности, которая особенно опасна в период выборных кампаний.

Вообще занятость в любой стране является своеобразным индикатором благополучия в экономике и обществе. В ходе политических митингов и дебатов обещания снизить уровень безработицы стали обычным делом. Это и понятно, поскольку безработица – это не только потеря дохода, но и рост психологической неустойчивости среди населения.

Вот почему к государству обращаются за помощью и граждане, и бизнес. В период кризиса, обостренного пандемией, население особенно остро ощущает любые проявления несправедливости и неравенства. У людей практически не остается никакого выбора, кроме подчинения государственным решениям о соблюдении режима карантина. Тем самым государство берет на себя полную ответственность за судьбу людей и экономики. И хотя государство располагает самыми большими ресурсами в национальной экономике, все же они не безграничны. Поэтому применение таких ресурсов должно быть целевым, обоснованным и эффективным.

Опыт деятельности разных государств в последние месяцы ясно показывает, что борьба с пандемией сочетается с созданием условий для восстановления экономики, ибо самих по себе рыночных стимулов в подобной ситуации оказывается явно недостаточно. В результате очередной раз подтверждается давно устоявшееся выражение о том, что уже со второй половины прошлого века рыночная экономика превратилась в смешанную экономику, где государство играет роль не судьи на футбольном поле, а выступает гарантом современной системы экономики, являясь ее главным игроком.

Новая повестка дня для России

В ходе рыночных реформ Россия переживает уже не первый обширный кризис. Состояние экономики и общества усугубляется тем, что и весь мир вошел в кризисный штопор, который, по свидетельству многих экспертов и государственных мужей, во всем параметрам превосходит предыдущий мировой кризис 2007–2009 гг. Поэтому перед Россией встала новая повестка дня – как рационально применить ресурсы страны и каким механизмом добиться создания потенциала для движения вперед в обновленном мировом хозяйстве. Территориальные и другие ресурсы страны таковы, что даже по этой причине Россию не устраивает второстепенный статус в мире. Дело, конечно, не в самом по себе статусе, а в уровне и качестве жизни ее многонационального населения.

До сих пор реализация рыночных принципов в стране без ясно выраженных национальных целей не привела ни к консолидации общества, ни к равномерному развитию регионов и созданию единого экономического пространства, ни к полному использованию накопленных капиталов в интересах национального развития. В то же время страна в полной мере ощутила жесткий конкурентный мир и на Западе, и на Востоке. В современном мире невозможно отгородиться от всех. Вместе с тем каждая страна определяет степень своей вовлеченности и зависимости от мировых рынков и их главных игроков – передовых стран и многонациональных корпораций. Если исходить из интересов только бизнеса, то его капитал постоянно тянет на мировые просторы, поэтому часто ему выгоднее не только хранить свои активы

за рубежом, но и инвестировать в иностранные проекты. Как ни странно, сложившееся законодательство такому поведению крупного российского капитала не препятствует. В США, КНР и других странах все компании находятся в таких условиях, что и по учредительству, и по сферам своей деятельности они функционируют не в ущерб национальным интересам своих стран. Даже если заимствовать экономическую модель любой передовой страны, то ее реализация обязательно предполагает беречь честь «национального мундира». Всем хорошо известно, как американское государство поддерживает свои компании по всему земному шару, не гнушаясь применять разного рода санкции против их конкурентов и целых государств, среди которых уже не первый год находится и Россия.

От партнерства государства и бизнеса зависит успех экономического развития. Только в таком партнерстве бизнес не должен относиться к государству иждивенчески. Российские компании должны понимать свою ответственность перед страной, перед обществом. И в этой связи выход из пандемии – это не только ответственность государства и опора на его ресурсы, это в значительной мере обязанность бизнеса взять на себя поддержку национального экономического развития.

Не первый год Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) публикует обзоры деятельности правительств, их эффективности. В последнем издании авторы подчеркивают, как возрастает роль государства в обеспечении стабильности и устойчивого развития [3]. По существу, показывается, что во всем мире созрела потребность в новой модели экономического и социального развития.

Ключевой частью такой российской модели должно стать стратегическое планирование, координирующее эффективное использование всех ресурсов страны и бизнеса для решения текущих и особенно перспективных задач. Пока в стране робко подступали к применению федерального закона о стратегическом планировании, экономический кризис и пандемия стали поворотной точкой не только в развитии России, но и всего мира.

Выводы

За последние годы в развитии России накопилось немало проблем, требующих безотлагательного решения. Привычными способами и в рамках прежней чисто рыночной модели такие проблемы быстро не решить. Чтобы сохранить достойное место в мире по экономическому и социальному развитию в условиях обостряющейся конкуренции, страна должна встать на новые рельсы:

- оптимизировать открытость национальной экономики внешним рынкам таким образом, чтобы были защищены национальные интересы и обеспечена национальная экономическая безопасность;
- повышая роль государства, активизировать ответственность бизнеса, расширяя его вовлеченность в решение проблем страны;
- модифицировать национальную экономическую модель, определив стратегическое планирование ее стержнем.

Библиографический список / **References**

1. *IMF (2019) World Economic Outlook/ IMF. October, Washington, D.C. – 317p.*
2. *Piketty, T.2020.Capital and Ideology/ Harvard University Press, Belknap Press, Cambridge, USA.,London, England – 1104 p.*
3. *OECD (2020), Government at Glance 2019, OECD Publishing. Paris.*

Контактная информация / **Contact information**

МГУ им. М.В.Ломоносова, Российская Федерация,
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.
Lomonosov Moscow State University, 1-46, Lenisky gory, 119991, Moscow, Russia
Пороховский Анатолий Александрович / Anatoly A. Porokhovsky
anapor@econ.msu.ru

Вольное экономическое общество России — первый институт гражданского общества страны, старейшая общественная организация Европы и мира — основано Указом императрицы Екатерины Великой 11 ноября 1765 года.

В 2020 году Вольному экономическому обществу России исполняется — 255 лет.

Подписка на печатные издания ВЭО России

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн подписки podpiska.pochta.ru

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

**Подпис-
ной индекс
в официаль-
ном ката-
логе Почты
России —
ПР999**

В Научных трудах ВЭО России публикуются материалы круглых столов и конференций ВЭО России, статьи ведущих учёных и специалистов по актуальным проблемам экономики.

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» были включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Научные труды ВЭО России представлены в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и научной электронной библиотеке elibrary.ru

Тома Научных трудов размещены на сайте ВЭО России (раздел «Библиотека») www.veorus.ru

ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»

**Подпис-
ной индекс
в официаль-
ном ката-
логе Почты
России —
ПА008**

Научно-популярное аналитическое издание, рассчитанное на специалистов в сфере экономики и широкий круг читателей. Журнал «Вольная экономика» представляет аналитику, свободную от главенствующих доктрин; интервью с учёными и практиками из разных стран мира; экспертные мнения, в том числе и членов Вольного экономического общества России, которые определяют ориентир в современном мире экономики.

Все интервью, новости и аналитические статьи, опубликованные в печатной версии журнала, доступны на сайте <http://freeeconomy.ru>

СИСТЕМНЫЕ УРОКИ ДЛЯ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОГО МИРА

LEARN SYSTEM LESSONS FOR THE POST-PANDEMIC WORLD

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-143-153

НИКОНОВА Алла Александровна

Ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (ЦЭМИ РАН), к.э.н.

Alla A. NIKONOVA

Leading researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Candidate of Economic sciences

Аннотация

Положения системной парадигмы экономики о взаимодействиях ее секторов спроецированы на состояние национальной и мировой системы в ситуации пандемии. Приведены признаки, определяющие современный кризис как терминальный (финишный). Показано, что COVID-19 спровоцировал закономерный отход от капиталистической модели в определенной фазе трех циклов. Результаты вносят вклад в обоснование предпосылок формационного перехода к модели экономических и социальных отношений, которая будет опираться на интеллектуальные факторы роста и гармонию взаимодействий между компонентами социально-экономической системы.

Abstract

The provisions of the systemic paradigm of the economy on the interactions of its sectors have been projected onto the state of both the national and world system in a pandemic situation. The signs defining the modern crisis as terminal (finish) are given. As it is shown COVID-19 provoked an expected departure from the capitalist model in a certain phase of the three cycles. The results obtained are novel as they contribute to the rationale for the formation transition to such model of economic and social relations, which will be based on intellectual factors of economic growth as well as on the harmonic interactions between all the components of the socio-economic system in its development in the post pandemic world.

Ключевые слова

Система, взаимодействия, сбалансированность, терминальный кризис, антикризисная политика, системный переход.

Keywords

System, interactions, balance, terminal crisis, anti-crisis policy, systems transition.

Системные проблемы и цели исследования

России далеко до пятерки стран в сфере инновационного развития: мы на 46-й позиции из 129 [1, р. 317]. Однако в апреле 2020 г. Россия вошла в тройку ведущих стран по показателю количества инфицированных вирусом COVID-19, в середине апреля нас опережали только США. По прошествии двух лет после указа Президента РФ «О национальных целях» [2] масштаб пандемии стал единственным показателем, по которому РФ могла сравняться с развитыми странами. Причины чрезвычайно глубокие; они коренятся в глубинах системного дисбаланса секторов российской экономики, слоев общества, а также в дисфункции управления.

На сегодня, 20 мая 2020 г., непонятно, какой урон нанес и нанесет COVID-19 российской экономике. Очевидным фактом является углубление диспропорций – как между секторами экономики, так и между социальными группами. За апрель, самый тяжелый месяц для России, промышленное производство сократилось на 9,8%, причем обработка сильнее, чем добыча полезных ископаемых: соответственно, на 11,9% и 4,6% (добыча нефти и газа – на 3,1%); снизились реальные доходы; количество безработных увеличилось на 23,4%, до 4,3 млн чел., уровень безработицы достиг 5,8%. Зато резко выросло производство водки: на 32,8%, вина на 13%, пива на 14,2% [3]. В ответ повысилась смертность трудоспособного населения, в которой, как мы видим, виноват не только вирус, но и «градус» на фоне карантина и нагнетания психоза. Напротив, за период пандемии количество долларовых миллионеров увеличилось с 99 чел. до 101 чел., их состояние выросло на 62 млрд долл. [4].

Шок испытывают все страны. В первом квартале 2020 г. к первому кварталу 2019 г. реальный ВВП Германии упал на 2,3%, Италии – на 4,8%, Франции – на 5,4%, Китая – на 6,8%. Промышленность упала еще больше. Уровень безработицы в марте 2020 г., самом тяжелом месяце в мире, составил в Германии 3,5%, Франции – 8,4%, Италии – 8,4%, России – 4,7%. Но динамика потребительских цен в марте к февралю 2020 г. была в России выше, чем в других странах (кроме Италии): в Германии и Франции по 0,1%, в Великобритании 0%, в России 0,6%, а в Китае снижение -1,2% [5]. Уровень проседания экономик будет различным: он существенно зависит от степени адаптивности системы, т.е. способности быстро и адекватно реагировать на возмущения среды, перестраиваться, реорганизовываться и функционировать в изменчивых условиях. Можно утверждать, способность системы к адаптации тесно связана со степенью сбалансированности ее компонентов.

Экономика рассматривается с позиций системной парадигмы как совокупность социально-экономических систем, т.е. обособленных во времени и пространстве относительно устойчивых и целостных частей окружающего мира, которые выделяет наблюдатель по пространственным или функциональным признакам [6, с. 142; 7, с. 8]. С такой точки зрения можно сделать вывод о значимости баланса внутренних компонентов системы, гармонии их взаимодействий как дополняющих друг друга институционально и функционально. В связи с этим секрет Вьетнама, Ю. Кореи, Тайваня, Японии в успехе противовирусных мер – четкая организация, неукоснительная дисциплина, быстрая реакция правительственных структур – преподает урок необходимости согласованности во взаимодействиях частей единого целого. Кроме того, продуманного вмешательства государства, доверия общества, консенсуса социальных групп между собой и с бизнесом. Всего этого недостает России. Масштабы страны затрудняют консолидацию социально-экономической системы,

в частности в борьбе с вирусом, но не объясняют провалы в экономике в течение тридцати лет. Вирус обострил уже назревшие проблемы, которые носят системный характер [8; 9; 10; 11].

Вопрос о том, какую часть потерь можно отнести к пандемии, а какую – на счет системных факторов, представляет значительный научный и практический интерес. Ответ на этот вопрос составляет цель данного исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-010-01028 (а). В статье исследованы концептуальные проблемы сбалансированности российской социально-экономической системы и перспективы выхода из точки бифуркации в контексте тенденций и причинно-следственных связей мировой экономики. Это поможет избежать не только подобных возмущений, но будет способствовать укреплению устойчивости и безопасности страны в переходе к новой модели экономики в пост-пандемическом мире.

Предпосылки терминального кризиса экономической системы

Предпосылок кризиса несколько. Все они тесно связаны с системными проблемами экономики и общества потребления на стадии постиндустриального развития. Выделение в экономической системе четырех ипостасей – экономической теории, экономической политики, управления и экономической реальности [12] – помогает видеть дисбаланс во всех сферах и между ними и предотвращать разбалансировку. С позиций системной теории [13; 14], сбалансированность секторов экономики и целенаправленное управление играет решающую роль в гомеостазе системы. Характеристики состояния и динамики мировой экономики [15; 16; 17] и российской [11; 18; 19] указывают на признаки кризисных диспропорций в различных аспектах. С системной точки зрения «черный лебедь» в форме вируса ярко показал обществу системные противоречия экономики, стал катализатором кризиса во всех ее ипостасях – существующих моделях экономики, политики, управления и практики.

Прежде всего, кризисное состояние экономической системы связано с пределами теории и модели, которая на ней базируется – капиталистической модели производства прибыли без реального производства. Спусковой крючок нажал капитал в присущей ему модели максимизации прибыли и расширении экспансии, он же содействовал продолжительной вирусной агонии в Италии, Испании, США, где властвует рынок, а система здравоохранения не озабочена защитой всех слоев общества. В тех странах, где рынок не является абсолютным регулятором, как например, в Китае, Вьетнаме, удалось погасить быстрее напор пандемии. Как известно, в форс-мажорной ситуации большое участие государства в экономике оказывается более эффективным, централизованные системы могут лучше справиться с критическими флуктуациями системы.

Вместе с этим важно понимать, что COVID-19 не война, не космическая атака и по силе воздействия может сравниться с обычной эпидемией. Суть ситуации в том, что «черные лебеди» – да, случайность, но чрезвычайно большой резонанс от их влияния на жизнь экономики и общества указывает на слабые звенья в мировой и национальных системах и свидетельствует о неспособности к адаптации ввиду глубинных противоречий в системе. «Где тонко, там и рвется», это выявляет закономерность общественного развития, в данном случае – процесс формационного (системного) перехода к новой модели экономики и общественных отно-

шений в постпандемическом мире. На системный переход указывают признаки: 1) полнейшая неустойчивость мировой системы; 2) борьба «верхов»; 3) борьба «верхов» и «низов»; системный переход всегда жесткий в социальном плане, так как новое агрессивно [20].

В России это ярко проявляется, во-первых, в борьбе элит: смене правительства, «наездах» и череде отставок и назначений значимых фигур во власти, противостоянии «чрезвычайщиков» и «нормализаторов» в выборе ограничительных мер в борьбе с вирусом [20]. Во-вторых, в стремлении осуществить антикризисные программы за счет «низов» при сохранении привилегий крупному бизнесу и фактических преимуществ высокодоходным группам населения. К ярким феноменам анти-системного подхода к антикризисной политике и управлению в период флуктуаций отнесем следующие:

- отказ от прогрессивной шкалы налогообложения, даже на краткосрочный период¹;
- решение о взимании налога на вклады с суммы, превышающей 1 млн руб. (по существу, с доходов групп ниже среднего класса), что вызвало рекордный отток денег с депозитов в марте 2020 г.;
- сохранение «бюджетного правила» в налогообложении бизнеса;
- значительные бюрократические препоны для предоставления льгот малым и средним предприятиям (до тридцати справок);
- сохранение бюджетных отношений с регионами, в то время как ресурсодефицитным субъектам РФ труднее всех осуществлять противоэпидемические мероприятия;
- смягчение валютного регулирования, но не ужесточение, как это предложил С.Ю. Глазьев [21] (например, смягчение дисциплинарных мер за нарушение правил [22]);
- нестыковка между объективными требованиями противоэпидемических мер, принятыми мерами и возможностью их исполнения со стороны субъектов разного уровня экономической иерархии, вплоть до домохозяйства и отдельных индивидов;
- несогласованность и хаотичность нормативно-правовых и управленческих мер;
- импотенция власти в принятии решений;
- расхождение слова и дела со стороны властных структур, правительственных организаций, отдельных чиновников; анархические проявления исполнительной дисциплины в бизнесе, органах власти, частной жизни граждан;
- откровенно рукотворный дефицит в удовлетворении витальных потребностей людей, который является явным результатом «оптимизации» здравоохранения;
- принципиальные противоречия в отношениях производственной, управленческой и социальной подсистем, доходящие подчас до низшей степени цинизма со стороны некоторых руководителей, отдельных индивидов и социальных групп.

Таким образом, противоречия из сферы экономических отношений распространяются на социальную сферу, ментальную, моральную и ценностную среду.

В текущей российской практике мы видим отток капитала, спешную погрузку золотых слитков к вывозу из страны, кладку бордюров во время «чумы» вместо режима экономии средств. В более или менее долгосрочном периоде наблюдается полнейшая незаинтересованность бизнеса в инновациях, замедление инвестиций в новые технологии, стагнация инновационной активности предприятий на уровне 8–9% [23].

1 Внесенное накануне голосования по поправкам к Конституции предложение облагать по ставке 15% часть доходов, превышающую 5 млн руб., свидетельствует о крайней степени социальной напряженности, но является половинчатой мерой и не облегчает жизнь абсолютного большинства населения.

Все эти признаки говорят о несистемном характере экономической модели, политики, управления и практики в виде полнейшей неадекватности ситуации и состоянию объекта, экономики и общества, где происходят изменения фундаментального и краткосрочного характера. Такое несоответствие ведет к разбалансированию социально-экономической системы и порождает непредвиденные последствия на выходе из точки бифуркации системы в период терминального кризиса.

Выделим основные системные противоречия в России, которые создают предпосылки кризиса и вызывают необходимость системного перехода к новой модели экономических и общественных отношений:

- 1) несвязность экономических агентов по вертикали и горизонтали, и, как следствие, рассогласованность взаимодействий между всеми практически секторами;
- 2) принципиальные различия не стыкуемых между собой целей экономических субъектов, представляющих хозяйствующие единицы, правительственные и административные структуры, исследовательские, образовательные, общественные и иные организации;
- 3) низкое качество управления, прежде всего, по причине неспособности и нежелания управлять в общесистемных интересах устойчивого роста и научно-технического прогресса;
- 4) последствия реформ на протяжении тридцати лет, которые не исправили, но усилили дисбаланс секторов социально-экономической системы, критическую дифференциацию в обществе.

Утроение пособий по безработице ничто по сравнению со значительным ростом зарплат руководителей ЦБ и других функционеров в период пандемии. Прогулки по расписанию по домам – крайняя степень выражения организационного кризиса, если не фаза эксперимента по стратификации социума и оценке пределов контроля духовной сферы общества.

Таким образом, распространение инфекции и последующее снижение цен нефтяного рынка вступили в резонанс с системным кризисом как российской экономики, так и капиталистической модели западного мира. Кризис является терминальным (финишным), в отличие от структурного кризиса, им охвачены все регионы, виды деятельности, сектора социально-экономической системы, сферы человеческого бытия: экономика, геополитика, экология, социум, психология. Он проявляется в критической фазе всех составляющих: усилении социального неравенства, деградации ценностей, бескрайнего разбалансирования глобальной системы, например, в форме материально-финансовых и пространственных диспропорций. Особенностью современного терминального кризиса являются глубина, размах, скорость распространения, экстернальный характер кризисных явлений, всеобщий рост неопределенности и непредсказуемости развития ситуации, а главное, неготовность глобальной системы к ответу на вызовы в рамках существующей модели.

Согласно теории системных циклов Н.Д. Кондратьева, исследованиям Дж. Арриги в области экономических циклов и накопления капитала, выводам других исследователей мировых циклов [24], именно на 2020 год приходится пересечение трех кривых (рис. 1): восходящего тренда смены технологий (по Н.Д. Кондратьеву) и двух ниспадающих кривых – в краткосрочных циклах Дж. Китчина (соотношения спроса и предложения, следовательно, колебания рыночных цен) и среднесрочных циклах К. Жюгляра (снижения уровня загрузки производственных мощностей и вложений в активную часть основного капитала, роста безработицы).

Рис. 1.
Экономические циклы

Источник:
[24, с. 285]

Интересно, что согласно опубликованным в 2013 г. выводам [24], именно в 2020 г. мировая экономика достигнет края терминального кризиса, знаменующего революцию мировых рынков, и совершит переломный шаг к новой модели общества. «Когда точно наступит критическая степень этого перенапряжения, сказать сложно, но то, что значительный шаг к нему будет сделан именно между 2018 и 2020 гг. (в самом крайнем случае в начале 2020-х гг.) можно утверждать наверняка» [25, с. 205–206].

Системные принципы согласования социально-экономической системы

Влияние «черных лебедей» можно успешно нивелировать в сбалансированной системе, адаптивной к флуктуациям. Такая система готова к трансформации и легче переносит переход к новой модели. Как показали результаты противостояния пандемии в экономиках мира, организационные, регуляторные и социальные факторы являются решающими в кризисной ситуации, в данном случае, в скорости реакции, в масштабах распространения, количестве жертв. Качество организации системы относится к адаптивным ее свойствам, способности и возможности разрешить проблемную ситуацию с минимальным ущербом для всех подсистем и системы в целом. Организационные факторы на макро- и мезоуровне включают (1) структуру экономики и управления; (2) характеристики организации гражданского общества; (3) инфраструктурные аспекты; (4) структуру хозяйственных связей; (5) порядок взаимодействий между акторами, в т.ч. органами власти, организациями, социальными группами; (6) отдельные организационные решения в области реформ и «оптимизации» (например, здравоохранения и образования). В России эти факторы — лимитирующие сбалансированное развитие экономики и благосостояние общества.

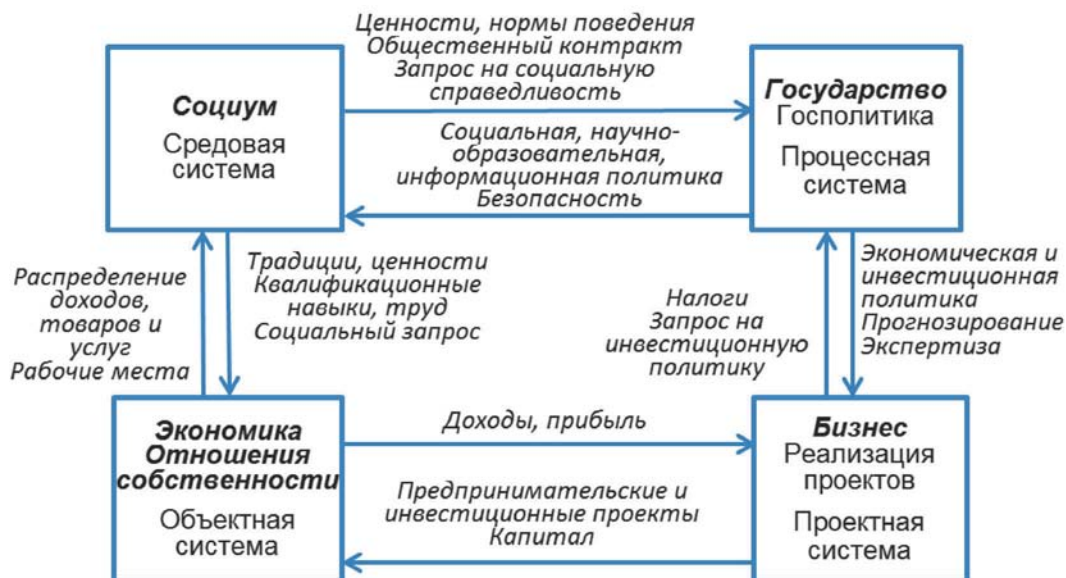
Организация системы определяется во многом особенностями экономической модели, критериями деятельности, мотивами поведения агентов. Согласно системной парадигме экономики [6; 7; 26], организационный порядок системы и способы взаимодействий компонентов системы чрезвычайно значимы для сбалансированности ее в пространственном и временном аспектах. Благодаря этому экономика и общество будут относительно устойчивыми к «вредным» воздействиям со стороны окружения и, напротив, восприимчивыми к прогрессивным новациям. Принципы гармоничных взаимодействий в рамках системной парадигмы инвариантны уровням иерархии и могут быть интерпретированы для любой экономической системы (рис. 2).

В российской действительности все части системы разобщены: к примеру, у нас президент говорит одно, на практике делается другое, поскольку нет связи с реалиями, не работает управление как транслятор властных распоряжений на мезо-

и микроуровень. Дисбаланс капиталистической системы выражается, как правило, в гипертрофии бизнеса в межсекторных взаимодействиях и подчиненной роли экономики, где генерируются источники благосостояния страны, и еще более подчиненной роли – социума и экономики знаний (науки, образования, воспитания личности), где формируются знания, уникальные идеи, таланты и способности людей.

Рис. 2.
Тетрада макро-системы: нормативная модель

Источник: построено на основе [26]

В результате после успешного выхода из мирового кризиса 2008–2009 г. Россия перешла к рецессии, а затем к стагнации [18]. Главные причины дисбалансов: недофинансирование обновления технологической базы, экономики знаний, человеческого развития; «оптимизация» гуманитарной сферы, в которой создается потенциал перспективного роста и развития. Нарушается баланс в ресурсообмене между секторами в ущерб (1) интеллектуальному потенциалу, который выступает решающим драйвером постиндустриальной экономики; (2) социокультурной сфере, которая в качестве средовой системы служит морально-ценностной и нормативной основой производственных и общественных отношений, выбора критериев управления и вектора экономической и научно-технологической политики, то есть значимо определяет характер функционирования системы.

Выводы: императивы системной парадигмы постпандемического мира

Вирусная пандемия не создала, но обнажила системные противоречия и усилила противостояние бизнеса, экономики, государства и социума: кризис недоверия между ключевыми акторами, внутреннее стремление к реализации локальных целей любой ценой, отсутствие согласия в обществе и ответственности за управленческие решения, как в страновом, так и в глобальном масштабе. Как показала пандемия, ТНК еще менее способны справиться с кризисом, нежели государство. Тот факт, что от санкций пострадали наименее защищенные слои, также другие проявления нехватки гуманизма свидетельствуют о глубоких противоречиях хищнической капиталистической системы и закономерных предпосылках перехода к новой модели общественных отношений.

Таким образом, вирус спровоцировал перелом траектории движения глобальной экономической системы, который давно назрел как в сознании интеллектуального авангарда, так и в реальной экономике, находящейся на стадии системного перехода в новую фазу К-цикла [24; 25] – от общества сверхпотребления к интеллектуальному обществу и гуманитарно-технологической формации [27; 28; 29]. Пандемия стимулировала процессы переосмысления модели экономики, переустройства мира, перехода к другому обществу, хотя бы на уровне понимания гуманитарных ценностей и концептуальной значимости модели экономики, основанной, во-первых, на принципах гармонии и комплементарных взаимодействий между акторами; во-вторых, на сокращении непроизводительных затрат и трансакций.

Причины прогиба российской системы под пандемией – внутренние: структурная и организационная несбалансированность, низкое качество управления, что отразилось на неготовности держать двойной внешний удар – вируса и падения цен на нефть. Уроки для системного перехода российской экономики к новой модели в постпандемическом мире: 1. Перестройка взаимоотношений между секторами на принципах взаимовыгодного обмена ресурсами, который способствует наиболее полному исполнению функций всеми акторами, благополучию каждой части целого, синергии и целостности системы. 2. Смена приоритетов, опора на ведущие факторы: интеллектуальные, организационные, социальные, духовные. 3. Встраивание в мировую систему с отношениями сторон в новом качестве, в котором России принадлежит роль системообразующего фактора – новой человеческой общности, ментальности, проводника гуманитарных ценностей, интеллектуального лидера. Для этого следует сфокусировать политику страны на человеческом развитии. Вместе с этим стремиться занять новые ниши в разделении труда. Пандемия облегчает доступ к ряду ниш на мировом несырьевом рынке: химических средств гигиены, фармацевтики, медоборудования, сельхозпродукции, защитной одежды из полимеров и резины [30].

Для того чтобы встроиться в глобальную систему, национальная экономика должна быть структурно и функционально сбалансирована. С этой целью в ЦЭМИ РАН разрабатывается методология построения экосистем на основе системной экономической парадигмы согласования взаимодействий секторов, различающихся пространственно-временными характеристиками [31]. На этой основе многие задачи могут быть решены при помощи стратегического планирования, которое следует осуществлять с привлечением всех заинтересованных сторон.

Библиографический список

1. *The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation*. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf.
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 07.05.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>.
3. Информация о социально-экономическом положении России – 2020 год: январь-апрель 2020 г. Росстат. Официальный веб-сайт. 26.05.2020. URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/oper-04-2020.pdf>.
4. Российские миллиардеры разбогатели на \$62 млрд за время пандемии COVID-19 // Коммерсантъ. 26.05.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4356934?from=hotnews#id1882872>.
5. Важнейшие экономические показатели России и отдельных зарубежных стран. Росстат. Официальный веб-сайт. 21.05.2020. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/89.htm.

6. Клейнер Г.Б. Системная парадигма и экономическая политика // *Общественные науки и современность*. – № 2. 2007. – С. 141–149.
7. Клейнер Г.Б. Предприятие в рыночной среде: модель двойной тетрады // *Экономическая наука современной России*. 2019. № 2 (85). С. 7–15. DOI: 10/33293/1609-1442-2019-2(85)-7-15.
8. Бодрунов С.Д. Национальные проекты и социальная политика // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2019. – Т. 217. – С. 40–49.
9. Глазьев С.Ю. Доклад о глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса. – М.: Финуниверситет, 2020. – 98 с. URL: http://www.fa.ru/Documents/Glaziev_Chaos.pdf.
10. Лившиц В.Н. Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992-2013. – М.: URSS, 2013. – 640 с.
11. Рязанов В.Т. Системные ограничения и возможности неоиндустриального развития экономики России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020. – Т. 221. – С. 114–135.
12. Клейнер Г.Б. Экономическая теория и экономическая реальность: проблемы взаимодействия // *Научные труды Вольного экономического общества России*, 2017. – Т. 206. – С. 459–470.
13. Гаврилец Ю.Н. К синтезу теории систем и кибернетики в экономике. – М.: ЦЭМИ РАН, МАОН, 2009. – 24 с.
14. Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980. – 405 с.
15. Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. – М.: Магистр, 2017. – 352 с.
16. Клинов В.Г. Сдвиги в мировой экономике в XXI веке: проблемы и перспективы развития // *Вопросы экономики*. 2017. № 7. – С. 114–127. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, No. 7, pp. 114–127.
17. Комолов О.О. Деглобализация в контексте мировой экономической стагнации // *Экономическое возрождение России*. 2018. № 4 (58) С. 50–63.
18. Аганбегян А.Г. О драйверах социально-экономического роста // *Научные труды Вольного экономического общества*. 2019. – Т. 218. – С. 108–209.
19. Лившиц В.Н. Бедность и неравенство денежных доходов населения в России и за рубежом; системный анализ некоторых важнейших фрагментов проблемы. – М.: ИЭ РАН, 2018. – 52 с.
20. Фурсов А.И. Не все попадут в светлое будущее. 11.05.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/19260>.
21. Глазьев С.Ю. О прогнозах динамики мировой экономики в условиях пандемии COVID-19 и возможных стабилизационных мерах в рамках ЕАЭС. Евразийская экономическая комиссия. 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economyViewes/Documents/VEES_sovmes_mery.pdf.
22. Приняты поправки о либерализации валютного контроля. РЭЦ. Офиц. веб-сайт. 01.04.2020. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/news/prinyaty-popravki-o-liberalizatsii-valyutnogo-kontrolya/.
23. Официальная статистика: Наука и инновации. Росстат. Офиц. веб-сайт. 31.08.2019. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477>.
24. Айвазов А.Э. Периодическая система мирового капиталистического развития // *Партнерство цивилизаций*. № 3, 2013. – С. 253–289.
25. Глазьев С.Ю., Айвазов А.Э., Беликов В.А. Циклически-волновые теории экономического развития и перспективы мировой экономики // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2019. – Т. 219. – С. 177–211.
26. Клейнер Г.Б. Какая экономика нужна России и для чего? (опыт системного исследования) // *Вопросы экономики*. 2013. № 10. – С. 4–27.
27. Бодрунов, С.Д. Нооиндустриальный переход: экономика креатива и креатив экономики // *Экономическое возрождение России*. 2018. № 4. – С. 5–7.
28. Иванов В.В. Методологические аспекты стратегического планирования в контексте глобальных трансформаций // *Экономическое возрождение России*. 2020. № 1 (63). – С. 6–14.

29. Клейнер Г.Б. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний // *Экономическое возрождение России*. 2020. № 1 (63). – С. 35–42.
30. РЭЦ: коронавирус изменил структуру международного спроса на российскую продукцию. РЭЦ. Офиц. веб-сайт. 13.05.2020. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/news/rets-koronavirus-izmenil-strukturu-mezhdunarodnogo-sprosa-na-rossiyskuyu-produktsiyu/?news=16.
31. Клейнер Г.Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // *Экономическое возрождение России*. 2019. № 1 (59). – С. 40–45.

References

1. *The Global Innovation Index 2019: Creating Healthy Lives – The Future of Medical Innovation*. Ithaca, Fontainebleau, and Geneva: Cornell University, INSEAD, and WIPO, 2019. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf.
2. O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda. Ukaz Prezidenta RF, 07.05.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>.
3. Informatsiya o sotsial'no-ehkonomicheskom polozhenii Rossii – 2020 god: yanvar'-aprel' 2020 g. Rosstat. 26.05.2020. URL: <https://gks.ru/storage/mediabank/oper-04-2020.pdf>.
4. Rossiiskie milliardery razbogateli na \$62 mlrd za vremya pandemii COVID-19 // *Kommersant*. 26.05.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4356934?from=hotnews#id1882872>.
5. Vazhneishie ehkonomicheskie pokazateli Rossii i otdel'nykh zarubezhnykh stran. Rosstat. URL: 21.05.2020. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/89.htm.
6. Kleiner G.B. Sistemnaya paradigma i ehkonomicheskaya politika // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2007. No 2. Pp. 141–149.
7. Kleiner G.B. Sistemnaya paradigma i ehkonomicheskaya politika // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2019. No 2 (85). Pp. 7--15. DOI: 10/33293/1609-1442-2019-2 (85) -7-15.
8. Bodrunov S.D. Natsional'nye proekty i sotsial'naya politika // *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2019. Vol. 217. Pp. 40–49.
9. Glaz'ev S.Yu. Doklad o glubinnykh prichinakh narastayushchego khaosa i merakh po preodoleniyu ehkonomicheskogo krizisa. M.: Finuniversitet, 2020. 98 p. URL: http://www.fu.ru/Documents/Glaziev_Chaos.pdf.
10. Livshits V.N. Sistemnyi analiz rynochnogo reformirovaniya nestatsionarnoi ehkonomiki Rossii: 1992–2013. M.: URSS, 2013. 640 p.
11. Ryazanov V.T. Sistemnye ogranicheniya i vozmozhnosti neoindustrial'nogo razvitiya ehkonomiki Rossii // *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2020. Vol. 221. Pp. 114–135.
12. Kleiner G.B. Ehkonomicheskaya teoriya i ehkonomicheskaya real'nost': problemy vzaimodeistviya // *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2017. Vol. 206. Pp. 459–470.
13. Gavrilets Yu.N. K sintezu teorii sistem i kibernetiki v ehnomike. M.: CEMI RAS, MAON, 2009. 24 p.
14. Khaken G. Sinergetika. M.: Mir, 1980. 405 p.
15. Mir 2035. Global'nyi prognoz / pod red. akad. A.A. Dynkina / IMEMO im. E.M. Primakova RAS. M.: Magistr, 2017. 352 p.
16. Klinov V.G. Sdvigi v mirovoi ehnomike v XXI veke: problemy i perspektivy razvitiya // *Voprosy Ekonomiki*. 2017. No. 7. Pp. 114–127.
17. Komolov O.O. Deglobalizatsiya v kontekste mirovoi ehkonomicheskoi stagnatsii // *Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2018. No 4 (58). Pp. 50–63.
18. Aganbegyan A.G. O draiverakh sotsial'no-ehkonomicheskogo rosta // *Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva*. 2019. Vol. 218. Pp. 108–209.
19. Livshits V.N. Bednost' i neravenstvo denezhnykh dokhodov naseleniya v Rossii i za rubezhom; sistemnyi analiz nekotorykh vazhneishikh fragmentov problemy. M.: Institut ehkonomiki RAS, 2018. 52 p.

20. Fursov A.I. *Ne vse popadut v svetloe budushchee*. 11.05.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/19260>.
21. Glaz'ev S.Yu. *O prognozakh dinamiki mirovoi ehkonomiki v usloviyakh pandemii COVID-19 i vozmozhnykh stabilizatsionnykh merakh v ramkakh EAEHS*. Evraziiskaya ehkonomicheskaya komissiya. 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/economyViews/Documents/VEES_sovmes_mery.pdf.
22. *Prinyaty popravki o liberalizatsii valyutnogo kontrolya*. REHTs. 01.04.2020. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/news/prinyaty-popravki-o-liberalizatsii-valyutnogo-kontrolya/.
23. *Ofitsial'naya statistika: Nauka i innovatsii*. Rosstat. 31.08.2019. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477>.
24. Aivazov A.Eh. *Periodicheskaya sistema mirovogo kapitalisticheskogo razvitiya //Partnerstvo tsivilizatsii*. 2013. No 3. Pp. 253–289.
25. Glaz'ev S.Yu., Aivazov A.Eh., Belikov V.A. *Tsiklicheski-volnovye teorii ehkonomicheskogo razvitiya i perspektivy mirovoi ehkonomiki // Nauchnye trudy Vol'nogo ehkonomicheskogo obshchestva Rossii*. 2019. Vol. 219. Pp. 177–211.
26. Kleiner G.B. *Kakaya ehkonomika nuzhna Rossii i dlya chego? (opyt sistemnogo issledovaniya) // Voprosy Ehkonomiki*. 2013. No 10. Pp. 4–27.
27. Bodrunov, S.D. *Nooindustrial'nyi perekhod: ehkonomika kreativa i kreativ ehkonomiki //Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2018. No 4. Pp. 5–7.
28. Ivanov V.V. *Metodologicheskie aspekty strategicheskogo planirovaniya v kontekste global'nykh transformatsii // Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2020. No 1 (63). Pp. 6–14.
29. Kleiner G.B. *Intellektual'naya ehkonomika novogo veka: ehkonomika postznanii //Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2020. No 1 (63). Pp. 35–42.
30. REHTs: *koronavirus izmenil strukturu mezhdunarodnogo sprosa na rossiiskuyu produktsiyu*. REHTs. 13.05.2020. URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/news/rets-koronavirus-izmenil-strukturu-mezhdunarodnogo-sprosa-na-rossiiskuyu-produktsiyu/?news=16.
31. Kleiner G.B. *Ehkonomika ehkosistem: shag v budushchee // Ehkonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2019. No 1 (59). Pp. 40–45.

Контактная информация / Contact information

117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, 47, ЦЭМИ РАН, к. 1010.
CEMI RAS, 1010 room, 47, Nakhimovsky Prospect, 47, 117418, Moscow, Russia.
Никонова Алла Александровна / Alla A. Nikonova
prettyal@cemi.rssi.ru

СТАНЕТ ЛИ ПАНДЕМИЯ КАТАЛИЗАТОРОМ ДЕУРБАНИЗАЦИИ?¹

WILL A PANDEMIC BECOME A CATALYST FOR DEURBANIZATION?

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-154-164

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий», академик РАН, д.э.н., профессор

Aleksander V. PETRIKOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, Head of the All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics named after AA Nikonov – Federal Research Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Уменьшение рисков, связанных с пандемией, обуславливает необходимость более равномерного распределения населения по территории страны, что связано с постепенным созданием на селе равных с городом условий жизни. По мнению автора, в последнее время в России намечается тенденция к деурбанизации, о чем свидетельствует динамика жилищного и дачного строительства, изменения в характере миграционного обмена между городом и селом, рост популярности сельского и аграрного туризма и другие общественные явления. Вместе с тем село по-прежнему отстает от города по уровню жизни. Устойчивое развитие сельских территорий, несмотря на ряд правительственных мер, не является приоритетом социально-экономической политики государства. Автор анализирует существующие программы развития села и обосновывает направления их совершенствования.

Abstract

Reducing the risks associated with the pandemic necessitates a more even distribution of the population throughout the country, which is associated with the gradual creation in the village of living conditions equal to the city. According to the author,

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на онлайн-конференции «Развитие АПК в условиях постпандемической экономики», которая состоялась 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

recently in Russia there has been a tendency towards deurbanization, as evidenced by the dynamics of housing and summer cottage construction, changes in the nature of migration exchanges between cities and villages, the growing popularity of rural and agrarian tourism and other social phenomena. At the same time, the village still lags behind the city in terms of living standards. Sustainable development of rural territories, despite a number of government measures, is not a priority of the state's socio-economic policy. The author analyzes the existing rural development programs and substantiates the directions for their improvement.

Ключевые слова Деурбанизация, развитие сельских территорий, жилищное строительство, государственная поддержка села, стратегия пространственного развития, аграрная политика, крупный и малый агробизнес.

Keywords Deurbanization, rural development, housing construction, state support of the village, spatial development strategy, agricultural policy, large and small agribusiness.

Одной из тем, обсуждаемой в условиях коронакризиса, стала возможная деурбанизация общества. С одной стороны, уменьшение населения крупных городских агломераций, более равномерное распределение людей по территории страны снижает риски распространения различного рода инфекций, в том числе и коронавирусных. С другой стороны, когда чрезвычайная ситуация наступает, переезд в сельскую местность для многих городских семей становится дополнительной защитой от заболевания. Село выступает территорией безопасности, страхует общество от тяжелых последствий переживаемого катаклизма.

Коронакризис является дополнительным аргументом в пользу ограничений роста крупных и крупнейших городских агломераций и развития сельских территорий, о целесообразности которых многие эксперты говорили и до пандемии, указывая на ряд факторов, стимулирующих деурбанизацию:

- усталость населения крупных городов от ухудшения экологических условий проживания, автомобильных пробок и других неблагоприятных факторов городской жизни;
- рост в общественном сознании ценностей сельского образа жизни (близость к природе, менее напряженный ритм жизни, возможность проживания в усадебном доме и др.);
- изменение потребительских предпочтений в питании в пользу качественной (в т.ч. органической) продукции, отказ от фастфуда;
- стремление изменить стандарты поведения, формируемые массовой культурой, и тяга к ценностям традиционной культуры, местным памятникам культурного наследия;
- формирование материально-технических условий для деурбанизации: развитие транспорта, связи, цифровых технологий, создание высокопроизводительных машин и оборудования, используемых небольшими трудовыми коллективами, и др.

Формы деурбанизации весьма разнообразны: переезд городского населения в сельскую местность на постоянное место жительства; покупка, строительство или аренда «второго жилья» в пригороде; организация горожанами крестьянских (фермерских) хозяйств; развитие садовых, огороднических и дачных объединений; аграрный и сельский туризм; летний отдых в деревне и др. Растет интерес

к краеведческому движению. Возникла общественная инициатива по созданию «родовых поместий и поселений», учреждена Ассоциация владельцев исторических усадеб. С 1989 г. работает общество «Энциклопедия российских деревень», которое создает летописи сел и деревень России. В этнографии появился термин «новая сельскость» для определения разнообразных видов общественной деятельности как сельского, так и городского населения по возрождению деревни.

Проиллюстрируем признаки деурбанизации, проявляющиеся в России, на основе некоторых данных Росстата.

1. Согласно Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года (табл. 1), в стране насчитывалось 75 945 некоммерческих объединений граждан, созданных, как правило, городскими жителями. При этом членам садовых и дачных объединений, число которых составило 73 127 единиц, разрешено строительство на своих участках жилых помещений. Таким образом, в стране на сельских территориях горожанами построено около 73 127 поселений, что составляет 54,7% от численности традиционных сельских населенных пунктов с постоянным населением. При этом более 55% некоммерческих объединений организовано после 1991 г., а среди дачных объединений таких более 83%. Правда, следует подчеркнуть, что большинство из некоммерческих объединений сконцентрировано в пригородной зоне крупных городских центров, но с каждым годом садовые и дачные поселения возникают все дальше и дальше от городской черты.

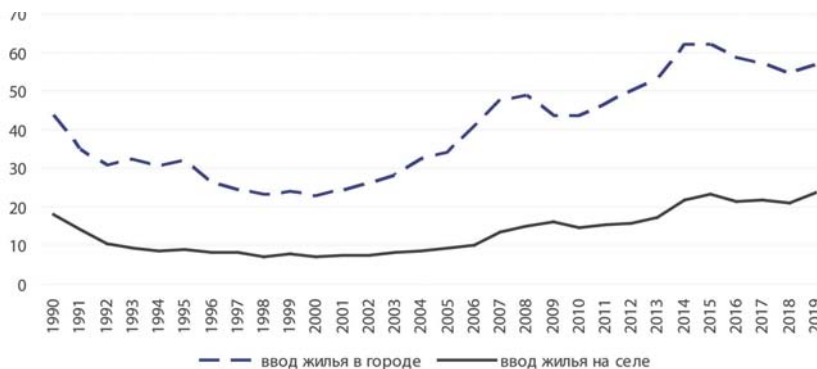
Таблица 1. Численность некоммерческих объединений граждан по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.*

	Некоммерческие объединения граждан	в том числе		
		садоводческие	огороднические	дачные
Численность, ед.	75945	67303	2818	5824
% к итогу	100	88,6	3,7	7,7
Из них создано, %				
до 1971 г.	11,2	12,1	6,0	3,0
1971–1980	8,0	8,5	7,5	3,2
1981–1990	24,0	25,1	25,8	9,8
1991–2000	38,4	40,1	43,4	15,3
2001–2016	18,4	14,2	17,3	68,7

* Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г.: В 8 т. Т. 2, с. 118.

2. Статистика жилищного строительства свидетельствует, что с рубежа 2009–2010 гг. увеличивается объем ввода в действие жилых домов в сельской местности, хотя в абсолютном выражении уступает, естественно, объему жилищного строительства в городах (рис. 1).

**Рис. 1.
Ввод
жилья
в городской
и сельской
местности,
млн кв.
метров**

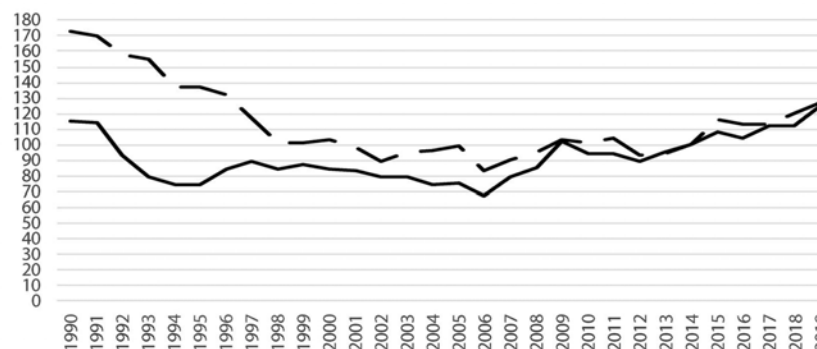

Источник:
<https://www.gks.ru/folder/14458>

Вместе с тем следует отметить (рис. 2), что объем построенного населением жилья за счет собственных и привлеченных средств в сельской местности с 2009 г. выше, чем в городских поселениях, хотя в течение 2001–2008 гг. этот показатель на селе был ниже. С 2014 г. село опережает город по вводу жилых домов в расчете на 1000 человек населения.

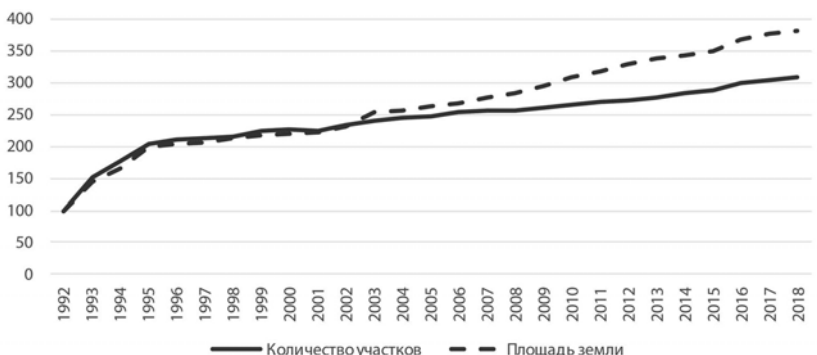
С рубежа 2003–2004 гг. (рис. 3) возросли темпы роста количества и площади земельных участков, выделенных под жилищное строительство; при этом следует отметить, что большинство таких участков предоставляется в малых городах и сельских поселениях.

**Рис. 2.
Отношение
ввода жилья
на селе
по отношению
к вводу
в городе, %**

Источник:
<https://www.gks.ru/folder/14458>

**Рис. 3.
Динамика
земельных
участков
и площади
земли под
индивидуаль-
ное жилищное
строительство,
1992 г. = 100%**

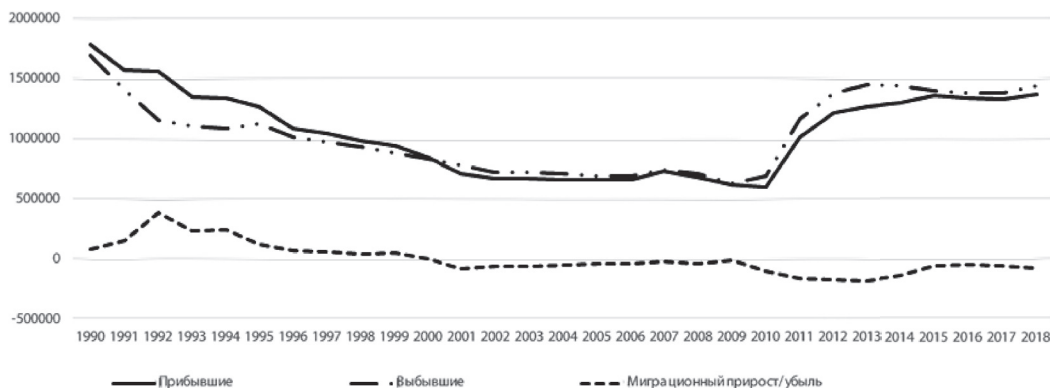

Составлено по данным Росреестра

3. Существенно изменился в последнее десятилетие характер сельско-городской миграции. Несмотря на то что сальдо миграционного обмена между селом и городом с 2001 г. устойчиво остается отрицательным, с 2010 г. увеличивается численность прибывших в сельскую местность (рис. 4).

Рис. 4.
Миграция
сельского
населения,
человек

Источник:
[https://
www.gks.ru/
folder/12781](https://www.gks.ru/folder/12781)

Все эти факты говорят об определенных деурбанизационных тенденциях, хотя и латентных. Эти тенденции проявляются несмотря на то, что в России, по существу, реализуется политика стимулирования урбанизации, при которой приоритет отдается развитию городских агломераций, а село рассматривается как поставщик ресурсов и услуг для города в ущерб развитию его собственного экономического, социально-культурного и экологического потенциала.

Так происходит, несмотря на то, что в ряде нормативно-правовых документов подчеркивается необходимость социального обустройства села и сокращения разрыва между уровнем жизни городского и сельского населения, см. [9], [10], а также принимаются практические меры в данной области. Например, с 2002 по 2012 г. Минсельхозом России реализовывалась Федеральная целевая программа (ФЦП) «Социальное развитие села», трансформированная затем в ФЦП «Устойчивое развитие сельских территорий» на период 2013–2019 гг.; в 2020 г. стартовала Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» до 2025 г.

Между тем, по данным Росстата, располагаемые ресурсы сельских домохозяйств в 2018 г. были на 35% ниже, чем в городе, сельская безработица составляет 8,4%, в то время как в городе – 4,5%; ожидаемая продолжительность жизни при рождении в сельской местности 71,67 года, в городе – 73,34 года (на т.е. на 1,67 года больше). С 2015 года рождаемость на селе ниже, чем в городских поселениях (такое наблюдалось только в период с 1970 по 1977 г.). Продолжает сокращаться сельская сеть социально-инфраструктурных и инженерных объектов.

Несмотря на то что в течение 2014–2019 гг. наблюдался номинальный рост объема финансирования программы «Устойчивое развитие сельских территорий» из федерального бюджета, в долларовом выражении объем выделяемых средств остается неизменным, а в 2015–2016 гг. он снижался (табл. 2). Совокупные расходы на программу (включая средства субъектов Российской Федерации и внебюджетных источников) в 2019 г. по сравнению с 2014 г. снизились.

Таблица 2. Финансирование программы «Устойчивое развитие сельских территорий»*

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего						
млн руб.	38060,5	31745,0	31692,3	35828,4	34600,0	34473,4
млн долл. США	988,6	517,9	471,6	614,6	352,8	532,6
Федеральный бюджет						
млн руб.	10176,6	12215,0	12070,9	14912,4	17100,0	17349,4
млн долл. США	264,3	199,3	179,6	255,8	272,7	268,0
В % от финансирования Государственной программы развития сельского хозяйства	5,45	5,49	5,53	6,38	6,73	5,57

* По данным Национальных докладов о реализации Государственной программы развития сельского хозяйства за соответствующие годы.

Согласно проекту Национального доклада о реализации Госпрограммы развития сельского хозяйства в 2019 г., расходы федерального бюджета на Федеральный проект «Экспорт продукции агропромышленного комплекса» составили в 2019 году 37,1 млрд руб., в то время как на Ведомственную целевую программу «Устойчивое развитие сельских территорий» – 17,3 млрд руб., что в 2,1 раза меньше.

В соответствии с Федеральным законом от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» на реализацию Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» из федерального бюджета предполагается направить 105,3 млрд руб., хотя в соответствии с паспортом программы должны были почти 433 млрд руб. То есть федеральные ассигнования уменьшены в 4 раза по сравнению с первоначально запланированными.

Мотивировка этого решения заключается в том, что расходы на развитие социальной сферы села (помимо упомянутой программы, реализуемой Минсельхозом России) заложены в государственных программах развития образования, здравоохранения, культуры и других. Но разве это не было известно, когда принималась госпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий» (июнь 2019 г.)? Впрочем, сколько средств на село будет израсходовано по линии Минпросвещения России, Минздрава России, Минкультуры России, других министерств и ведомств, остается неизвестным, из федерального закона о бюджете этого узнать нельзя.

Важно отметить и другое: расходы на Федеральный проект «Экспорт продукции агропромышленного комплекса» сокращению не подверглись. Согласно закону о бюджете, они будут профинансированы в полном соответствии с паспортом проекта в объеме 195,3 млрд руб.

Таким образом, поддержка проекта «Экспорт продукции АПК» превысит финансирование Госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий» в 1,85 раза, хотя согласно паспорту проекта и программы все должно было быть диаметрально противоположным: федеральные ассигнования на программу должны были превышать расходы на экспортный проект в 2,21 раза.

Таблица 3. Расходы федерального бюджета на Федеральный проект «Экспорт продукции агропромышленного комплекса» и Государственную программу «Комплексное развитие сельских территорий»

	2020	2021	2022	Всего за 2020–2022
Федеральный проект «Экспорт продукции агропромышленного комплекса»				
В соответствии с паспортом национального проекта «Международная кооперация и экспорт»*	33809,6	66519,0	95000,0	195328,6
В соответствии с ФЗ от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов»**	33809,2	66515,0	95018,2	195342,4
Соотношение расходов по проекту в соответствии с законом о бюджете с расходами согласно паспорту, %	100,0	100,0	100,0	100,0
Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»				
В соответствии с Паспортом Государственной программы***	79197,8	160624,0	193135,5	432957,3
В соответствии с ФЗ от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов»****	35946,2	34378,9	34982,5	105307,6
Соотношение расходов на программу в соответствии с законом о бюджете с расходами согласно паспорту, %	45,4	21,4	18,1	24,3
Соотношение расходов по программе с расходами по проекту (%):				
согласно паспорту программы и проекта	234,2	241,5	203,3	221,7
согласно закону о бюджете	106,3	51,7	36,8	53,9

Источники:

* http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319212/86940486dcdf900dd6adc4f4fe816ecf53cd3777/

** http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339305/c7e6077c9300c647eed2ea00d307144c730c5448/

*** http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339305/c7e6077c9300c647eed2ea00d307144c730c5448/

**** http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339305/06090cd15c2e9beaaba3b4b1e16f49eefce13de7/

Если ранее политика стимулирования урбанизации не получала четкого нормативного воплощения, то теперь это произошло. В плане реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденным распоряжением Правительства РФ от 27.12.2019, выделен особый раздел «Социально-экономическое развитие крупных и крупнейших городских агломераций», где, в частности, предусмотрена разработка проектов федеральных законов «о городских агломерациях» и «о внесении изменений в законодательные

акты Российской Федерации в части развития городских агломераций и межмуниципального сотрудничества». Намечена также разработка не менее 20 долгосрочных планов социально-экономического развития крупных и крупнейших городских агломераций.

Кроме недостаточного финансирования сельских программ, основные черты политики по отношению к селу в рамках урбанистического подхода заключаются в следующем:

- развитие сельских населенных пунктов преимущественно в зоне влияния крупных городских агломераций;
- чрезмерная централизация финансовых потоков и налоговых платежей, дефицит местных бюджетов (в 2018 г. расходы местных бюджетов составили 4,2% ВВП, в 1997 г., когда принимался закон о местном самоуправлении, – 10,9%);
- культивирование в общественном сознании городских стандартов поведения и культуры (на телевидении нет ни одной передачи, посвященной развитию села);
- разработка программ развития села в урбанистических исследовательских центрах;
- приоритетная государственная поддержка крупного агробизнеса, а не малых и средних сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств, что видно по данным табл. 4 и 5, составленных по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Из данных таблиц следует, во-первых, что финансово-кредитная обеспеченность сельскохозяйственных организаций лучше, чем фермеров, а во-вторых, что чем крупнее сельскохозяйственная организация или фермерское хозяйство, тем выше их обеспеченность субсидиями и кредитами.

Таблица 4. Доля сельскохозяйственных организаций с различной посевной площадью, получавших субсидии и кредиты (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года), %

Посевы, га	До 500	500–1500	1500–4000	4000–10 000	Свыше 10 000
Доля получавших субсидии	47,7	80,3	90,3	92,3	95,0
Доля получавших кредиты	11,6	22,4	36,5	48,7	59,6

В настоящее время много надежд в области сельского развития возлагается на государственную программу комплексного развития сельских территорий. По нашему мнению, данная программа – необходимое, но недостаточное условие для развития села.

Во-первых, непонятно, почему в госпрограмму включены города до 30 тысяч населения, в то время как реализуется национальный проект «Жилье и городская среда». Единственный аргумент разработчиков – в том, что в малых городах получают услуги и сельские жители, но ведь селяне обслуживаются и в областных центрах, и даже в Москве, но это не значит, что их надо включать в сельские программы.

Таблица 5. Доля крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей с различной посевной площадью, получавших субсидии и кредиты (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года), %

Посевы, га	До 10	10–50	50–100	100–200	200–500	500–1500	1500–3000	Свыше 3000
Доля получавших субсидии	19,5	19,2	39,4	54,1	66,0	78,4	83,0	87,5
Доля получавших кредиты	5,3	6,7	10,1	14,9	19,8	28,0	37,6	45,1

Во-вторых, при отборе проектов комплексного развития (см. приказ Минсельхоза России от 18.10.2019 № 588) не учитываются социально-культурный и экологический потенциал сельских поселений, а также степень обеспеченности населения объектами социальной и инженерной инфраструктуры. Предпочтение отдается приросту рабочих мест, доле трудоспособного и занятого населения, удельному весу внебюджетного финансирования, большие объемы которого может обеспечить крупный бизнес. Т. е. велик риск того, что программа превратится в инфраструктурное сопровождение развития крупного бизнеса, а не развития территорий в целом.

В-третьих, программа построена по т.н. проектному принципу. С одной стороны, это хорошо: стимулируется участие в программе хозяйствующих субъектов и граждан. Но, с другой стороны, непонятно, какие средства будут выделены на село по нормативному принципу из бюджетов инфраструктурных министерств и ведомств, чтобы удовлетворить базовые потребности сельских жителей. Тем более что госпрограммы развития образования, здравоохранения, культуры и т.д. почти на 100% финансируются из государственного бюджета, в то время как в госпрограмме комплексного развития сельских территорий доля госбюджета составляет 54%.

В-четвертых, программа не содержит прямых мер по развитию несельскохозяйственной занятости на селе, в том числе льготных кредитов на несельскохозяйственный бизнес для сельскохозяйственных организаций и фермеров, например в области лесного хозяйства и лесной промышленности. В то время как в сельских программах ЕС есть целый ряд таких мер, в частности, по насаждению лесов, организации аграрных и лесных систем, улучшению их жизнеспособности, по охране лесной среды, переработке и сбыту лесохозяйственной продукции. В лесной России такие меры отсутствуют.

Кроме рассмотренной программы при соответствующей ее корректировке необходим ряд дополнительных мер в области сельского развития:

- разработка федерального закона об устойчивом развитии сельских территорий, в котором определить само их понятие, которое сейчас в федеральном законодательстве отсутствует, поэтому есть соблазн отнести к сельской местности и города. Далее следует установить, что сельская политика является предметом межведомственного взаимодействия, а не полномочием только Минсельхоза России, как сейчас записано в законе о развитии сельского хозяйства. И самое главное – прописать гарантии государственной поддержки села, чтобы это не зависело от позиции Минфина России;

- требуется существенно укрепить бюджеты органов местного самоуправления на селе, о чем мы уже говорили;
- необходима приоритетная поддержка малых и средних сельскохозяйственных организаций и фермерских хозяйств, выполняющих селообразующие функции, а также стимулирование перехода высокотоварных ЛПХ в фермеры.

Только реализуя рассмотренные меры, можно стимулировать сельское развитие, придать дополнительный импульс деурбанизации, потребность в которой со всей очевидностью продемонстрировала пандемия.

Библиографический список

1. Узун В.Я. Новый чудный мир: что нас ждет после пандемии и кризиса? / Аргументы и факты, 2020 г., № 19.
2. Дальнов А. Футурология села / Журнал «Агроинвестор» от 6 апреля 2020 г. <https://www.agroinvestor.ru/opinion/article/33501-futurologiya-sela/>
3. Эксперты зафиксировали резкий рост спроса на дачи и загородные дома / ИТАР ТАСС, 12 мая 2020 г. – <https://tass.ru/nedvizhimost/8448061>
4. Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения XV научно-практической конференции, посвященной 30-летию общества «Энциклопедия российских деревень» (г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 22 октября 2019 г.) / сост. Петриков А.В., Аверьянов К.А., Котеев С.В., Мельничук Г.А., Степанова Н.В. – М.: ВИАПИ имени А.А. Никонова, Энциклопедия российских деревень, 2019 – 249 с.
5. «Новая сельскость» в современной России: институты, практики, социальное взаимодействие. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. <http://project1092903.tilda.ws/#rec85781690>
6. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: В 9 т. Т. 2: Число объектов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Трудовые ресурсы и их характеристика / Федеральная служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.
7. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. Т. 2: Число объектов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Трудовые ресурсы и их характеристика / Федеральная служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2018.
8. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р). <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2073544/>
9. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174933/2844094b7ba6e57e91fd5bb036ee91d9f6727238/

References

1. Uzun V.Ja. Novyj chudnyj mir: chto nas zhdet posle pandemii i krizisa? / Argumenty i fakty, 2020 g., №19.
2. Andrej Dal'nov Futurologija sela / Zhurnal «Agroinvestor» ot 6 aprelja 2020 g.
3. Jeksperty zafiksirovali rezkij rost sprosa na dachi i zagorodnye doma / IITAR TASS, 12 maja 2020 g.
4. Sel'skaja Rossija: proshloe i nastojashhee: doklady i soobshhenija XV nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhjonnoj 30-letiju obshhestva «Jenciklopedija rossijskih dereven'»(g. Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, 22 oktjabrja 2019 g.) / sost. Petrikov A.V., Aver'janov K. A., Koteev S.V., Mel'nichuk G. A., Stepanova N.V. – М.: VIAPИ imeni A.A. Nikonova, Jenciklopedija rossijskih dereven', 2019 – 249 s.

5. *«Novaja sel'skost'»v sovremennoj Rossii: instituty, praktiki, social'noe vzaimodejstvie. Muzej antropologii i jetnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN.*
6. *Itogi Vserossijskoj sel'skohozjajstvennoj perepisi 2006 goda: V 9 t. T. 2: Chislo ob#ektov Vserossijskoj sel'skohozjajstvennoj perepisi 2006 goda. Trudovye resursy i ih harakteristika: /Federal'naja sluzhba gos. statistiki. M.: IIC «Statistika Rossii», 2008.*
7. *Itogi Vserossijskoj sel'skohozjajstvennoj perepisi 2016 goda: V 8 t. T. 2: Chislo ob#ektov Vserossijskoj sel'skohozjajstvennoj perepisi 2016 goda. Trudovye resursy i ih harakteristika/Federal'naja sluzhba gos. statistiki. M.: IIC «Statistika Rossii», 2018.*
8. *Koncepcija ustojchivogo razvitija sel'skih territorij Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (utv. rasporzazheniem Pravitel'stva RF ot 30.11.2010 № 2136-r).*
9. *Strategija ustojchivogo razvitija sel'skih territorij Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda (utv. rasporzazheniem Pravitel'stva RF ot 02.02.2015 № 151-r).*

Контактная информация / Contact information

ВИАПИ им. А.А. Никонова – филиала ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, 107078,
г. Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1.

Nikonova All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics – branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», 21-1, Bolshoi Kharitonyevsky per., Moscow, 107078, Russia.

Петриков Александр Васильевич / Aleksander V. Petrikov
+7 (495) 628-30-69, apetrikov@viapi.ru

РОССИЯ И МИР ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

RUSSIA AND THE WORLD AFTER THE PANDEMIC

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-165-179

ОРЛОВ Сергей Николаевич

Ведущий научный сотрудник отдела исследований региональных социально-экономических систем Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, руководитель Курганского регионального отделения ВЭО России, д.э.н., профессор

Sergei N. ORLOV

Leading researcher of the research Department of the regional socio-economic systems, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, head of the Kurgan regional branch of VEO of Russia., Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье представлено исследование теоретических подходов к оценке предпосылок и последствий глобального кризиса. От ответа на вопрос о предпосылках зависит выбор направления и инструментов посткризисного развития экономики: стимулирование посткризисного восстановительного роста в рамках прежней структуры экономики либо селективная поддержка и инвестиции в имплементацию и развитие технологий нового технологического уклада, инновационное развитие с принципиально новой ролью финансового сектора и государственных институтов.

Abstract

The article presents a study of theoretical approaches to assessing the prerequisites and consequences of the global crisis. The answer to the question about prerequisites determines the choice of the direction and tools for post-crisis economic development: stimulating post-crisis recovery growth within the previous structure of the economy, or selective support and investment in the implementation and development of technologies of a new technological order, innovative development with a fundamentally new role for the financial sector and state institutions.

Ключевые слова

Посткризисное развитие, циклические кризисы, технологические уклады, системные циклы накопления, национальная доктрина.

Keyword

Post-crisis development, cyclical crises, technological patterns, systemic cycles of accumulation, national doctrine.

Введение

Особенный характер кризиса–2020, его стремительное распространение обусловили принципиальную невозможность поиска выхода в границах прежних представлений и парадигм. По скорости распространения и параметрам экономических последствий кризис представляется классическим «черным лебедем» и объясняется многими экспертами, включая представителей организаций и правительств стран, прямым следствием случившейся пандемии коронавируса (интересно, что автором термина Нассимом Талебом пандемия не признается «черным лебедем», поскольку ее возможно было предсказать).

Цель настоящей статьи – представить иную позицию и точку зрения на случившийся кризис и на роль пандемии – как катализатора, триггера, обеспечившего мощное ускорение реализации сформировавшихся к началу кризиса глобальных экономических предпосылок.

В случае циклической идентификации посткризисному развитию экономики следует придать четко выраженный вектор инновационного технологического развития, целенаправленный инновационный акцент, придать соответствующие технологический вектор и финансовый приоритет, трансформировать выход из кризиса в пролог ускоренного распространения в экономике инновационных и структурных изменений, обусловленных экспоненциальным ростом внедрения инноваций нового технологического уклада, как это уже не раз случалось в мировой экономической истории (рис. 1).

Рис. 1.
Эволюция
технологических
укладов

Источник:
составлено автором на основе:
[1, с. 79;
2, с. 437;
3, с. 71]

Признаки циклических кризисов известны: сокращение объемов произведенного ВВП, резкое падение цен на традиционное сырье, услуги и в конечном итоге – на продукты конечного потребления; ликвидация пузырей на рынках, своего рода приземление экономики вследствие значительного сокращения спроса, прежде

всего, на переоцененные материальные и финансовые активы, на избыточное потребление, на продукты, произведенные на основе устаревающих технологий. Применительно к кризису – 2020 наибольшее сокращение ожидается в сфере услуг, туризма, обслуживающих отраслей: транспорта, логистики, гостиничного, ресторанного бизнеса, розничной торговли, а также дорогих спортивных, телевизионных контрактов и проектов, индустрии развлечения, фэшн- и шоу-бизнеса, гламура и др.

Предпосылки кризиса 2020

Инициировавший начало продолжительной рецессии глобальный кризис 2008 года привел не только к значительному снижению макроэкономических показателей. Прямыми следствиями кризиса помимо рецессии стали обострение геополитической и социальной ситуации, торговые и валютные войны, многочисленные санкции, эскалация локальных конфликтов, судебные, религиозные, гражданские противостояния, рост количества террористических актов [4, с. 3].

Ряд экспертов отмечают в качестве ключевого итога кризиса 2008 года – старт процессов деглобализации, проявившийся в резком увеличении количества реализованных правительствами стран решений и действий, направленных на защиту национальных экономик и рынков.

В течение двенадцати последовавших после кризиса – 2008 лет темпы роста объемов глобальной торговли непрерывно снижались, а количество торговых ограничений импорта, зафиксированных ВТО, по сравнению с докризисным периодом, напротив, непрерывно возрастало и к началу нового кризиса увеличилось более чем на порядок [5]. На смену свободному торговому обмену между странами пришли патернализм и защита национальных производителей (рис. 2, 3).

Рис. 2.
Динамика
индекса миро-
вой торговли

Источник:
составлено
автором
на основе:
[https://
www.wto.org](https://www.wto.org)

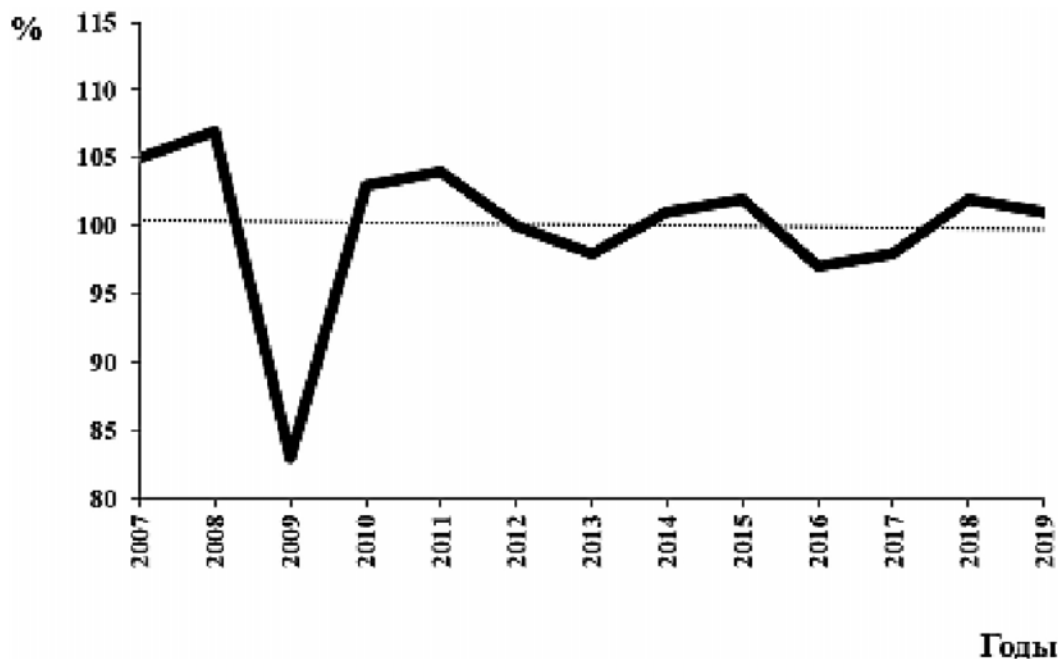
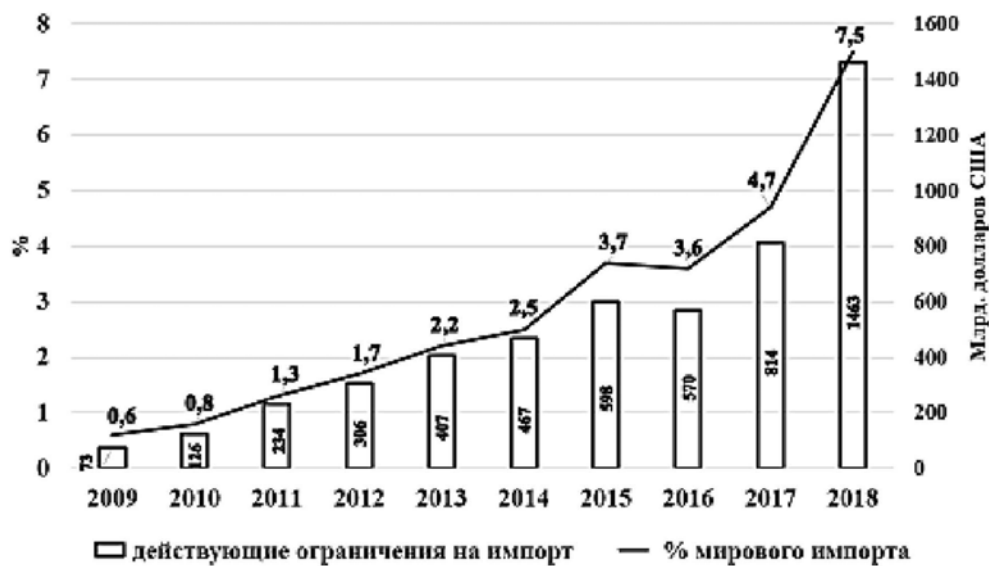

Рис. 3.
Динамика
ограничитель-
ных мер
мирового
импорта
2009–2018 гг.

Источник:
составлено
автором
на основе:
[https://
www.wto.org](https://www.wto.org)

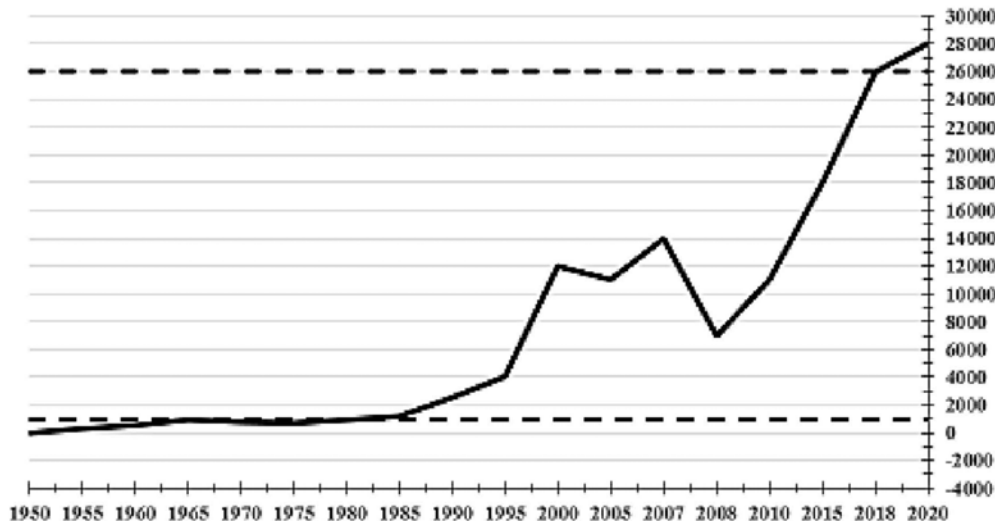

Подобно ужесточению регулирования банковского сектора, введенного после кризиса 2008 года (Basel 3), значительно ограничившего и осложнившего, помимо прочего, финансирование международных операций и кредитование банковским сектором нерезидентов, на протяжении двенадцати посткризисных лет последовательно принимались все более жесткие решения и действия, направленные на создание дополнительных ограничений свободному движению капиталов, нематериальных активов, продуктов, рабочей силы, что подтверждает устойчивость вектора, направленного на ускорение процессов деглобализации, фиксирующего происходящие в мировой финансовой системе, экономике и геополитике структурные изменения.

Кроме того, реализация развитыми странами на протяжении последних четырех десятилетий стратегии, направленной на приоритет сохранения контроля над финансовыми потоками от инвестиций, получение рентных доходов от владения нематериальными активами — патентами, ноу-хау, лицензиями, торговыми марками, доходов от непрерывного роста капитализации фондового рынка и иных действий, характерных для финансовой стадии цикла накопления капитала — финансиализации экономики (рис. 4, 5), привели к росту экономического потенциала развивающихся стран, прежде всего КНР, Индии, РФ, стран Юго-Восточной Азии; позволили указанным странам добиться значительного экономического влияния и заявить не только о выходе из технологической зависимости от развитых стран, но и о собственных глобальных амбициях, демонстрируя лидерство не только в темпах экономического роста и не только в развитии отдельных отраслей, но и ряде глобальных высокотехнологичных проектов (внедрение суперсовременной сети 5G, интернет вещей, квантовые вычисления, использование в производстве промышленных роботов, запуск космических аппаратов, производство современных вооружений, производство ядерных технологий и энергии, суперкомпьютеров, гаджетов, умных устройств, солнечных батарей и др.). Все это свидетельствует о более эффективной и результативной работе в посткризисный период централизованно управляемых экономик, более оперативно и эффективно справляющихся с текущими глобальными вызовами на фоне очевидного кризиса либеральной идеологии

не только в мировой политике и экономике, но и в общественных отношениях. Как следствие, в течение короткого по историческим меркам временного интервала произошла смена глобального лидера производства реального ВВП, рассчитанного по ППС (рис. 6).

Рис. 4
Динамика средне-арифметического индекса курсовой стоимости акций Нью-Йоркской фондовой биржи (индекс Доу-Джонса)

Источник:
составлено автором на основе Яндекс.Новости

Рис. 5.
Признаки финансовализации экономики – финансовой стадии системного цикла накопления капитала (1980–2020 гг.)

Характерные признаки:

1. Низкие темпы экономического роста
2. Преобладание финансового сектора над реальным
3. Растущий разрыв между реальным и финансовым сектором по уровню прибыли и доходов

Критерии:

1. Циклические изменения в экономике, кардинальные изменения техники и технологий
2. Лидерство на рынках представителей новых высокотехнологичных отраслей
3. Вовлечение в мировые экономические связи новых стран
4. Преобладающая форма привлечения капитала через фондовый рынок
5. Монопольное доминирование на финансовом рынке
6. Прибыль – супер цель любого производства и бизнеса
7. Рост и ужесточение конкуренции между странами и корпорациями
8. Развитие традиционного бизнеса ведет к снижению рентабельности капитала
9. Непрерывное снижение рентабельности предприятий реального сектора

Источник:
составлено автором

В контексте изложенного представляется, что ожидаемые глубокие последствия кризиса–2020 связаны прежде всего с его характеристиками классического циклического экономического кризиса, обусловленного одновременно происходящими сменой технологического уклада (ТУ) и системного цикла накопления капитала, вследствие чего происходит ускоренная структурная перенастройка экономики, трансформируются механизмы общественного воспроизводства, динамично имплементируются технологии шестого уклада на фоне падения объемов традиционных, основанных на технологиях, характерных для уходящих ТУ производств, и циклической замены доминировавшей прежней неолиберальной гло-

бальной доктрины на новую национальную доктрину регулировки – активного участия государственных институциональных структур и ресурсов в системном и целенаправленном регулировании развития национальных экономик, вовлечение государства в управление беспрецедентно широкими экономическими аспектами деятельности национальных субъектов, экономическими процессами и структурными изменениями (от формирования на макроуровне направления финансовой политики: таможенной, кредитно-денежной, налоговой, бюджетной и др. до выдачи персональных разрешений и поддержки определенных видов экономической деятельности и взаимодействия с конкретными зарубежными партнерами) в целях обеспечения достижения наилучших результатов и параметров развития национальной экономики, развития различных аспектов деятельности субъектов хозяйствования на основе современных технологических приемов и методов принятия решений [1].

Рис. 6.
Рейтинг стран по ВВП (ППС)

Источник:
составлено автором
на основе
годового
отчета МВФ
за 2019 год:
[https://
www.inf.org](https://www.inf.org)

№	Страна	2019 год, млрд USD	Мировая доля, в %
1	Китай	27307	18,67
2	США	21428	15,20
3	Индия	11043	7,74
4	Япония	5712	4,13
5	Германия	4444	3,21
6	Россия	4390	3,12
7	Индонезия	3736	2,58
8	Бразилия	3481	2,49
9	Великобритания	3162	2,24
10	Франция	3062	2,19
11	Мексика	2616	1,90
12	Италия	2455	1,70

Кроме того, принимая во внимание особенности проявления нового кризиса в геополитической, финансовой, технологической, экологической, исторической, культурно-религиозной сферах, представляется правомерным идентифицировать кризис–2020 не как исключительно эпидемиологический, финансово-экономический либо социальный, а как цивилизационный, имея в виду происходящие глубокие качественные преобразования, динамику движущих сил, основных форм развития экономики и общества (рис. 7).

Посткризисное развитие

Завершение длительного этапа глобального развития, в течение которого доминировали технологии 4–5 ТУ, в границах американского цикла накопления капитала, одновременно означает экспоненциальное ускорение естественных процессов

формирования и развития новой общественной и финансово-экономической архитектуры, сформировавшейся в новую реальность, которую следует классифицировать как переход к шестому технологическому укладу [6, 7, 8], пятому системному циклу накопления капитала [9; 10], развитию третьей информационной цивилизационной волны [11]. Следствием интерференции трех глобальных волн является масштабное развертывание производства продуктов и услуг на базе цифровых и иных инноваций нового технологического уклада, кардинальная трансформация мировой экономической и финансовой системы, проникновение цифровизации и информатизации во все сферы общественной и экономической жизни.

Рис. 7.
Особенности проявления цивилизационного кризиса

Источник:
составлено автором
на основе [1].

Финансовый сектор

В соответствии с теорией системных циклов накопления капитала, разработанной итальянским экономистом Джованни Арриги, изложенной в монографии «Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени», развитой в последующих работах автора, жизненный цикл каждого периода накопления состоит из двух последовательно развивающихся стадий. На первой – стадии материальной экспансии в стране или регионе на базе интенсивной имплементации в реальный сектор экономики новейших технологий – динамично развивается производство продуктов и услуг темпами, значительно опережающими среднемировые. Происходит зарождение нового центра накопления капитала. На второй стадии материальная экспансия трансформируется в финансовую: накопление капитала приобретает финансовый характер, происходит финансиализация экономики, начинается доминирование финансового сектора.

«Так, фазы материальной экспансии (Д – Т) будут соответствовать фазам непрерывных изменений, в течение которых капиталистическая мировая экономика растет в одном направлении. А фазы финансовой экспансии (Т – Д) будут соответствовать фазам прерывистого развития, в течение которых рост в определенном направлении достигнет или приблизится к своему пределу, и капиталистическая

мировая экономика вследствие радикальной реструктуризации и реорганизации „переходит“ на другое направление». [9, с. 48]

Д. Арриги подробно описал эволюцию четырех циклов накопления капитала: генуэзский цикл: XV – начало XVII века; голландский цикл: конец XVI – третья четверть XVIII века; британский цикл: вторая половина XVIII – начало XX века; американский цикл: конец XIX – начало XXI века, а также спрогнозировал развитие в XXI веке нового восточно-азиатского цикла накопления. [12]

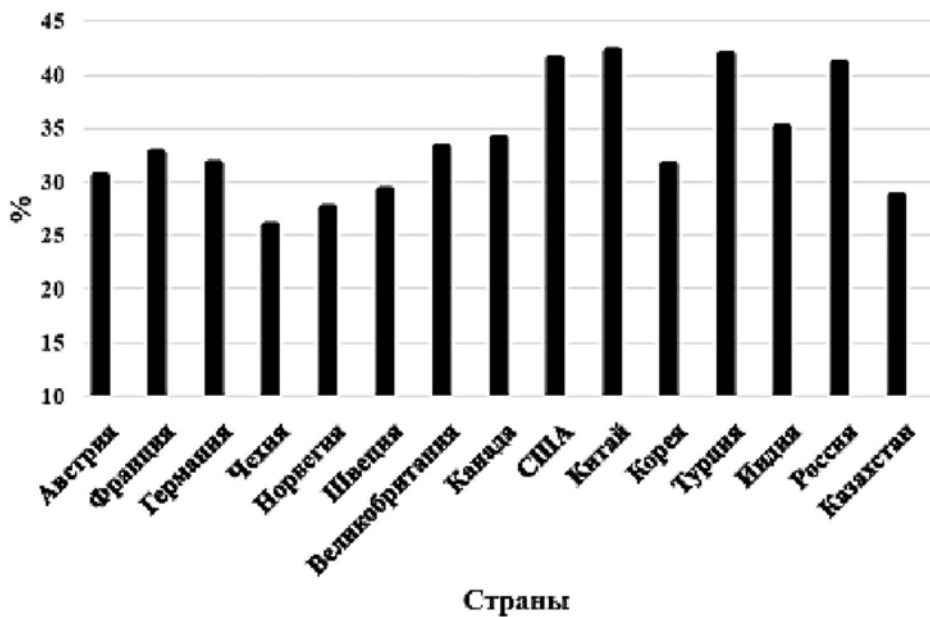
Как следует из представленной периодизации системных циклов накопления, сменяемый и сменяющий циклы на протяжении определенного периода времени сосуществуют; продолжительность каждого цикла составляет более ста лет; последующий цикл по продолжительности короче предыдущего, периодизация стадий циклов накопления совпадает с периодизацией больших циклов Н.Д. Кондратьева и располагается в том же временном диапазоне, что и соответствующие технологические уклады.

Для стадии материальной экспансии характерно активное участие государства в управлении экономикой (меркантилизм, дирижизм, кейнсианство). Финансовой стадии свойственна либеральная политика государства (монетаризм).

Отмеченные закономерности и особенности развития системных циклов накопления формируют векторы развития и тренды как на национальных финансовых рынках, так и в международных экономических отношениях. Так, в период американского цикла накопления на финансовых рынках произошел переход от доминировавшего начиная с 40-х годов прошлого столетия кейнсианства к монетаризму (80-е годы), а в международной торговле на смену свойственной стадии материальной экспансии, проводимой на государственном уровне политике протекционизма пришла характерная для стадии финансовой экспансии политика неолиберализма, реализуемая на основе принципов глобализации экономики и свободной торговли.

Рис. 8.
Коэффициент
Джини стран

Источник:
составлено
автором
на основе:
[https://
www.wto.org](https://www.wto.org)

Помимо выявленных Д. Арриги особенностей, Томас Пикетти в монографии «Le Capital au XXIe siècle» отметил в качестве характерных закономерностей различных этапов эволюции циклов накопления смену вектора динамики дифференциации доходов в обществе и секторах экономики. Дифференциация доходов увеличивается в периоды финансовой экспансии и наоборот, в периоды доминирования реального сектора на первой стадии цикла накопления значительно снижается. Таким образом, огромная дифференциация доходов в обществе – очевидная особенность современной экономики, не идентифицируется как спорадический и неуправляемый процесс, а тесно связана с финансиализацией экономики и, следовательно, может и должна целенаправленно регулироваться государством.

Т. Пикетти обратил внимание, что в периоды низких темпов экономического роста богатство и доходность капитала растут более высокими темпами, нежели оплата труда, которая, заметим, как правило, отстает и от темпов роста экономики.

Таким образом, теоретически обоснованная происходящая в экономике дивергенция уровней развития секторов, отраслей и территорий, дифференциация доходов, обусловленные переходом системного цикла в финансовую стадию, описываемые математическим неравенством:

$$r > g > d$$

где:

r – уровень доходности капитала;

g – уровень экономического роста;

d – уровень роста оплаты труда.

Американский системный цикл накопления капитала, перешедший в 80-е годы прошлого столетия в стадию финансовой экспансии – финансиализации экономики, привел к значительному росту неравенства в обществе [13] (рис. 8).

Рост дифференциации доходов граждан исторически сопровождает страны на протяжении всего американского цикла накопления капитала, но особенно заметно дифференциация увеличилась в период финансовой стадии цикла. Заметим, что относительное снижение остроты социально-экономической дифференциации происходило в результате катаклизмов: мировых и локальных войн, Великой депрессии, а также рецессий, обусловленных накоплением огромных размеров долговых государственных и корпоративных обязательств.

Т. Пикетти предсказал посткризисную Великую рецессию с низкими темпами экономического роста, спрогнозировал, что даже внедрение технологических инноваций и стремительное развитие новых отраслей в условиях финансовой стадии цикла накопления не позволят экономике достигнуть темпов роста, свойственных стадии материальной экспансии. В целях снижения остроты социальных конфликтов, в качестве инструментов снижения избыточной дифференциации и повышения устойчивости экономики на финансовой стадии цикла накопления, Т. Пикетти рекомендовал введение налогов на богатство и прогрессивную шкалу налогообложения личных доходов.

Идентификация кризиса–2020 как циклического позволяет спрогнозировать тренд посткризисных структурных изменений в глобальном и национальном финансовом секторе в соответствии с описанными, неоднократно ранее наблюдаемыми, регулярными циклически происходящими событиями и тенденциями периода восходящей волны нового ТУ, свойственными соответствующей стадии развития цикла накопления капитала.

Для стадии материальной экспансии нового цикла накопления характерно развитие финансового сектора преимущественно по континентальной модели, определяющей доминирование банкинга как ключевого института финансирования развития бизнеса и корпоративного сектора, а также значительное увеличение в финансовом обороте роли государственных ресурсов: покупка ценных бумаг национальных компаний правительством, государственных облигаций Центральным банком через коммерческие банки и некредитные финансовые организации, централизованные кредиты на развитие промышленных предприятий; льготирование получения, гарантирование кредитов, субсидирование процентных ставок по кредитам Правительством, государственные гарантии при выпуске ценных бумаг предприятиями, инвестиционное кредитование и проектное финансирование кредитными организациями под государственные гарантии и льготы, стимулирование инвестиционной активности населения через финансовые, налоговые, иные фискальные стимулы и ковенанты (рис. 9).

Рис. 9.
Материальная стадия нового системного цикла накопления капитала (2020–2060 гг.)

Характерные признаки:

- 1. Высокие темпы экономического роста**
- 2. Приоритетное развитие реального сектора экономики**
- 3. Лидерство реального сектора по уровню прибыли и доходов**
- 4. Снижение участия государств в глобальных проектах**
- 5. Активная роль государств в регулировании национальных экономик**
- 6. Валютные и торговые ограничения**
- 7. Увеличение в хозяйственном и финансовом обороте доли государственных ресурсов**
- 8. Стимулирующая национальная финансовая политика**
- 9. Преобладающая форма привлечения капитала через банковский сектор**
- 10. Рентабельность предприятий реального сектора возрастает опережающими темпами**
- 11. Стимулирование национального производства с высокой долей ДС**
- 12. Рост международной напряженности**

Стадии материальной экспансии свойственна национальная политика активного участия государства в регулировании экономики и патернализм, сворачивание активного участия в глобальных финансовых проектах (это заметно на примере изменения в годы правления администрации Трампа позиции США относительно участия в международных организациях, вытеснения компаний – представителей стран-конкурентов с рынка вооружений, ядерных технологий, IT-индустрии, энергетики, введение и развитие политики незаконных односторонних санкций, введение тарифных и нетарифных торговых барьеров и ограничений, повышение торговых пошлин, беспрецедентная по масштабам эмиссия и снижение процентных ставок ФРС и др.), в значительной степени теряет прежнее значение и экономический смысл вывоз капитала, покупка ценных бумаг и валют иностранных государств и компаний Центральным банком в золото-валютные резервы, вследствие наличия весьма значительных рисков, возрастает роль и значение суверенного финансового сектора в реализации беспрецедентной национальной программы развития экономики и замещения импорта, возникает целесообразность внедрения в практику налога Тобина на спот-операции с иностранными валютами и активами, в целях

снижения эффективности инвестиций в иностранные валюту и активы, стимулирование направления ресурсов инвесторами на покупку национальных активов, поддержание курсовой стоимости национальной валюты на уровне, обеспечивающем конкурентоспособность реального сектора национальной экономики, реализация политики кредитной экспансии Центральным банком, стимулирование национального реального сектора на производство инновационной продукции с высокой долей добавленной стоимости при помощи фискальной, таможенной, кредитно-денежной политики, использование политики протекционизма и защиты национальных производителей в международной торговле.

Развитие национального финансового сектора перманентно входит в число стратегических задач государства, является одним из приоритетов государственной экономической политики. Специфика российского финансового сектора заключается в том, что банковский сектор занимает фактически монопольное положение на финансовом рынке, имея в виду не только долю банкинга в совокупном балансе финансовых компаний (по данным ЦБ РФ на 01.01.2020 доля банкинга в активах финансового сектора составляет примерно 92%) [14, 15] и ВВП, но также лидирующие позиции аффилированных с банками финансовых компаний в небанковской сфере финансового рынка: страхование, НПФ, ПИФ, лизинг, факторинг и др. Лидирующие позиции в указанных сегментах финансового сектора занимают дочерние компании крупнейших банков РФ: Сбербанк, ВТБ, Альфа, Россельхозбанк, Открытие, Тинькофф и др.

Вместе с тем расчеты на то, что банковский сектор станет локомотивом российской экономики, будет самодостаточным в отношении собственной ресурсной базы и обеспечит национальной экономике устойчивый рост, в значительной степени не оправдались, как и расчеты на то, что иностранный капитал и ресурсы национального финансового сектора станут главными источниками инвестиций в развитие массовых конкурентоспособных производств и технологий. Причина не только в инвестиционном климате, который в соответствии с позицией страны в рейтинге Doing Business в последние годы улучшается. Решающую роль, помимо санкций, сыграло непрерывное ужесточение глобального регулирования и ограничение активности банков на протяжении всей стадии финансовой экспансии американского цикла накопления (Basel). Направленность вектора регулирования подталкивает страны к американской модели развития финансового сектора, привлечения средств населения и инвестиционных институтов через небанковские финансовые организации, что соответствует реализации закономерностей, выявленных Т. Пикетти. Именно в период финансиализации экономики банки уступили лидирующие инвестиционные позиции другим участникам финансового рынка, прежде всего финтехкомпаниям, не имеющим банковских лицензий, но аккумулирующим огромные капиталы, не только благодаря росту торгового оборота, но и благодаря размещению ценных бумаг на фондовых площадках и биржах. В условиях финансиализации экономики, в соответствии с приведенной выше формулой, банкам становится значительно выгоднее инвестировать в финансовые активы и сделки, нежели в значительно более рискованные операции, связанные с кредитованием проектов реального сектора экономики. Как следствие, технологические стартапы российские коммерческие банки фактически никогда не кредитовали в силу высоких рисков, особенностей банковского регулирования кредитных рисков и резервной политики ЦБ РФ.

Вместе с тем, поскольку финансовый рынок в РФ фактически только формируется, интересен опыт США, где рынок очевидно перенасыщен и денежными средствами, и инструментами: финансовые инструменты на примере нефтяного рынка в среднем на порядок превосходят обслуживаемые активы реального сектора (например, соотношение запасов реально торгуемой нефти и оборот торгуемых на финансовом рынке срочных финансовых инструментов), как следствие возможны ситуации ухода биржевых котировок в минусовые значения. Характерная ситуация случилась 21 апреля 2020 г. на Нью-Йоркской бирже, когда истек срок майского фьючерсного контракта и его владельцы не смогли принять купленную нефть, в результате чего котировки составили -37,68\$ за баррель.

Рыночные и нормативно-регулятивные тренды, сформировавшиеся в финансовую стадию цикла накопления, ограничивают инвестиционную активность кредитных организаций, в то же самое время цифровизация банковских процессов позволяет достаточно адекватно оценивать и управлять финансовыми рисками при направлении свободных ресурсов на проведение валютных и процентных арбитражных сделок, с участием искусственного интеллекта принимать решения на основе анализа больших данных, включая детальные особенности нормативно-правового регулирования и оценку маржинальности финансовых операций на международных рынках.

Кроме того, как показывает практика в тех случаях, когда сложившиеся ценовые параметры, включая значение курса национальной валюты и инвестиционный климат позволяют той или иной стране привлечь значительный финансовый капитал в реальный и финансовый сектор или отдельные отрасли (опыт Японии 90-х годов прошлого столетия, РФ 10-е годы, КНР вторая половина 10-х – 20-е годы текущего столетия), вступают в силу отраслевые и секторальные санкции, установление значительных торговых и валютных ограничений и пошлин со стороны доминирующей страны, принимающей на государственном уровне специальные решения, блокирующие развитие перспективных отраслей, финансового сектора, а если необходимо, и экономики страны-конкурента в целом. Очевидно, подобные решения может позволить себе лишь страна, эмитирующая резервную валюту, номинирующая в национальной валюте государственный долг, имеющая возможности до определенного исторического момента размещать долг на глобальном рынке практически в неограниченном размере. Страна, реализующая финансовую политику без какой-либо оглядки на заключенные и признанные другими странами нормативные акты и соглашения, систему действующих международных институтов и организаций, оказывающая доминирующее влияние на деятельность и решения международных институтов, регулирующих мировой рынок, международные торгово-экономические и финансовые отношения исключительно в собственных интересах.

Именно поэтому на протяжении 12-летнего восстановительного периода после кризиса 2008 года в РФ наиболее высокие темпы развития сложились в банковском ретейле, розничном кредитовании, рекордном росте вложений в фондовый рынок на фоне беспрецедентного роста фондовых индексов, рекордных размеров полученной в финансовом секторе прибыли в условиях реализуемой регулятором финансового рынка рестрикционной кредитно-денежной политики, ограничивающей инвестиции в реальный сектор экономики и крайне низкие, значительно уступающие среднемировым, темпы экономического роста. [14, 15]

В период финансовой стадии цикла накопления дополнительные преимущества на национальном уровне позволяет получать американская модель финансового рынка, используя финансовую инженерию, широкий ассортимент и инструментарий фондового рынка с ограниченной ролью в инвестиционном процессе коммерческих банков.

В период материальной стадии цикла накопления капитала более соответствующей глобальному экономическому тренду является континентальная модель финансового рынка, которая обеспечивает рост влияния национального банковского сектора в обеспечении адекватного по количественным и качественным параметрам финансирования инвестиций в имплементацию технологий нового уклада, устойчивое развитие национального реального сектора, на основе значительного роста участия государственных ресурсов и институтов в экономике.

В сложившемся контексте цели и задачи финансового сектора должны быть значительно пересмотрены. Цели Банка России как регулятора финансового рынка, отвечающего в большей степени за состояние национального финансового сектора, должны быть существенно расширены: необходимо перейти от исключительно пруденциального регулирования финансового сектора и таргетирования инфляции к таргетированию и регулированию параметров устойчивого развития национальной экономики; от решения задач надзора и регулирования параметров функционирования финансового сектора к обеспечению устойчивого развития российской экономики в целом, отдельных ее секторов и отраслей и, принимая во внимание вступление глобальной экономики в материальную стадию нового цикла накопления, – к обеспечению приоритетного развития реального сектора национальной экономики.

Другими словами, необходимо не только уметь находить решения уравнений со многими параметрами, а реально лишь с одним неизвестным (инфляция), но и решения системы ограничений с несколькими неизвестными, когда целевой функцией являются темпы экономического развития национальной экономики, а управляемыми параметрами, соответственно, курс национальной валюты, индекс инфляции, объем инвестиций в основной капитал, уровень безработицы, количество новых рабочих мест, рост реальных доходов, объем экспорта и др. Ключевым приоритетом государственного регулирования на предстоящий стратегический период материальной стадии цикла накопления (горизонт прогнозирования составляет примерно сорок лет) должно стать развитие реального сектора национальной экономики на технологической базе шестого ТУ; активная роль государственных институтов в структурных преобразованиях, развитии и регулировании экономики: стимулирующая финансовая политика – поддержание стимулирующих процентных и налоговых ставок, активное содействие и кредитование бизнеса, опережающий рост доходов в реальном секторе, поддержание на необходимом уровне совокупного спроса (структуры и объема денежной массы), уменьшение дифференциации доходов; развитие финансового и банковского сектора: значительное увеличение сумм государственных гарантий на вклады, вплоть до 100%-ного государственного покрытия суммы хранящихся в банках депозитов, пересмотр заявленного налогообложения доходов по вкладам и др.

Библиографический список

1. Орлов С.Н., Печоник О.И. Эволюция господства действовавших валютно-денежных систем и периодизация технологических укладов // *Вестник удмуртского университета. Серия «Экономика и право»* – 2014. – Выпуск 2. – С. 78–86.
2. Орлов С.Н. Организационно-технологические тренды цифровой экономики // *Финансовая экономика*. – 2019. – №10. – часть 4. – С. 437–440.
3. Пилипенко Е.В., Гринюк К.П. Промышленный комплекс региона в условиях формирования экономики знаний. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. – 169 с.
4. Орлов С.Н., Киланова Е.Л. Стратегия развития кредитной организации. – Beau Bassin, 2018. – 46 с.
5. Тенденции в мировой торговле, 2008–2018 годы [Электронный ресурс] // ВТО / Статистика торговли / Основные аспекты мировой торговли. Обзор Статистики Мировой Торговли 2019 года. URL: <https://www.wto.org> (дата обращения: 02.04.2020).
6. Кондратьев Н.Д. Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны. Вологда: Областное отделение Государственного издательства. – 1922. – 258 с.
7. Глазьев С.Ю., Микерин Г.И. Длинные волны: НТП и социально-экономическое развитие. М.: Наука, 1989.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. – 163 с.
9. Арриги Джованни. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 472 с.
10. Thomas Piketty *Le Capital au XXIe siècle*, Éditions du Seuil [en] *, Paris, 2013.
11. Э. Тоффлер Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. – С. 6–261.
12. Арриги Джованни Адам. Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век / Арриги Джованни [пер. с англ. Т.Б. Менская] М.: Институт общественного проектирования, 2009. – 456 с.
13. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Россия и страны мира / Стат. Сб. / Росстат. – М., 2018. – 375 с. URL: <https://www.gks.ru> (дата обращения: 02.04.2020).
14. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» [Электронный ресурс] // Рейтинги, обзоры, исследования, конференции. URL: https://www.raexpert.ru/researches/banks/banking_market_2020 (дата обращения: 20.04.2020).
15. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов. [Электронный ресурс] URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).

References

1. Orlov S.N., Pechonik O.I. *Evoluciya gospodstva dejstvovavshih valyutno-denezhnyh sistem i periodizaciya tekhnologicheskikh ukladov* // *Vestnik udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* – 2014. – Vypusk 2. – S. 78–86.
2. Orlov S.N. *Organizacionno-tekhnologicheskie trendy cifrovoj ekonomiki* // *Finansovaya ekonomika*. – 2019. – № 10. – chast' 4. – S. 437–440.
3. Pilipenko E.V., Grinyuk K.P. *Promyshlennyy kompleks regiona v usloviyah formirovaniya ekonomiki znanij*. – Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2014. – 169 s.
4. Orlov S.N., Kilanova E.L. *Strategiya razvitiya kreditnoj organizacii*. – Beau Bassin, 2018. – 46 s.
5. *Tendencii v mirovoj trgovle, 2008–2018 gody* [Elektronnyj resurs] // VTO / Statistika trgovli / Osnovnye aspekty mirovoj torgo vli. *Obzor Statistiki Mirovoj Torgovli 2019 Goda*. URL: <https://www.wto.org> (data obrashcheniya:02.04.2020).

6. Kondrat'ev N.D. *Mirovoe hozyajstvo i ego kon'yunktura vo vremya i posle vojny. Vologda: Oblastnoe otделение Gosudarstvennogo izdatel'stva. – 1922. – 258 s.*
7. Glaz'ev S YU., Mikerin G I. *Dlinnye volny: NTP i social'no-ekonomicheskoe razvitie. M.: Nauka, 1989.*
8. *SHumpeter J. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. M.: Progress, 1982. – 163 s.*
9. Arrigi Dzhovanni. *Dolgij dvadcatyj vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni / Per. s angl. A. Smirnova i N. Edel'mana. – M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 2006. (Seriya «Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo»). – 472 s.*
10. *Thomas Piketty Le Capital au XXIe siècle, Éditions du Seuil [en] *, Paris, 2013.*
11. *E. Toffler Tret'ya volna. – M.: ООО «Firma «Izdatel'stvo ACT», 2004. – S. 6–261.*
12. Arrigi Dzhovanni Adam Smit v Pekine: *CHto poluchil v nasledstvo XXI vek / Arrigi Dzhovanni [per. s angl. T.B. Menskaya] M.: Institut obshchestvennogo roektirovaniya, 2009. – 456 s.*
13. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Elektronnyj resurs] // Rossiya i strany mira / Stat. Sb. / Rosstat. – M., 2018. – 375 s. URL: <https://www.gks.ru> (data obrashcheniya: 02.04.2020).*
14. *Rejtingovoe agentstvo ««Ekspert RA» [Elektronnyj resurs] // Rejtingi, obzory, issledovaniya, konferencii. URL: https://www.raexpert.ru/researches/banks/banking_market_2020 (data obrashcheniya: 20.04.2020).*
15. *Osnovnye napravleniya razvitiya finansovogo rynka Rossijskoj Federacii na period 2019–2021 godov. [Elektronnyj resurs] URL: <https://www.cbr.ru/> (data obrashcheniya: 20.04.2020).*

Контактная информация / Contact information

Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, 620014, Свердловская обл., ул. Московская, 29.
Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29, Moscow Street, 620014,
Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, Russia.
Орлов Сергей Николаевич / Sergey Orlov
+7912 832-87-47, orlovsn@list.ru

О ФАКТАХ И ПРОГНОЗАХ ПО ПОВОДУ КОРОНАВИРУСА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ¹

ABOUT FACTS AND FORECASTS ON THE CORONA-VIRUS AND ITS CONSEQUENCES

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-180-187

ЭПШТЕЙН Давид Беркович

Главный научный сотрудник, Северо-Западный НИИ экономики сельского хозяйства Российской академии наук, д.э.н., профессор

David B. EPSTEIN

Chief Researcher, North-West Research Institute of Agricultural Economics, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Статья посвящена определенным прогнозам развития ситуации в связи с пандемией коронавируса, которые имели место в средствах массовой информации России, а также политических и социальных последствий этой пандемии. Критикуется высказываемая точка зрения о том, что процесс глобализации остановится, так как государства будут вынуждены ради повышения надежности частично закрывать свою экономику, переходить на отечественные и локальные цепочки поставок. Также критикуется определенная математическая неграмотность ряда экспертов, пытающихся судить о динамике пандемии по абсолютным значениям числа инфицированных и объявлять «плато» без учета реальных темпов прироста этого числа и нагрузки на медицинскую систему. Обсуждаются причины страновых различий в уровнях заболеваемости и смертности. Сделан вывод о недостаточной регулируемости российской экономики и тем самым о слабой готовности к подобным шокам, низкой квалификации ряда экспертов и негативного влияния на эти события недостаточного финансирования фундаментальной науки и ее бюрократического реформирования. Обосновывается вывод о том, что в результате этой пандемии и последующей борьбы с экономическим кризисом, вызванным ею, будут сделаны новые важные шаги в направлении социализации, усиления общественного характера развития человеческой цивилизации. Это не исключает, а предполагает обострение геополитических и социальных противостояний, так как развитие происходит неравномерно.

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на Международном научном онлайн-семинаре «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», который состоялся 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

Abstract

The article is devoted to certain forecasts of the development of the situation in connection with the corona virus pandemic which took place in the Russian media, as well as the forecasts of the political and social consequences of this pandemic. The point of view is criticized that the process of globalization will stop, as states will be forced to partially close their economies, to switch to domestic and local supply chains in order to increase reliability. Certain mathematical illiteracy by a number of experts is also criticized, trying to judge the dynamics of a pandemic by the absolute values of the number of infected and declare a "plateau" without taking into account the real growth rate of this number and the load on the medical system. The reasons for country differences in morbidity and mortality are discussed. The conclusion is drawn that the Russian economy is insufficiently regulated and thereby is poorly prepared for such shocks, the low qualifications of a number of experts and the negative impact on these events of insufficient funding for fundamental science and its bureaucratic reform. The conclusion is substantiated that as a result of this pandemic and the subsequent struggle against the economic crisis caused by it, important new steps will be taken in the direction of socialization, strengthening the social character of the development of human civilization. This does not exclude, but involves an exacerbation of geopolitical and social confrontations, since development is uneven.

Ключевые слова

Пандемия коронавируса, глобализация, экспертные прогнозы, длинные и короткие цепочки поставок, регулируемость экономики, роль фундаментальной науки, социализация мирового развития.

Keywords

Coronavirus pandemic, globalization, expert forecasts, long and short supply chains, economic regulation, the role of fundamental science, socialization of world development.

В этой статье я попытаюсь остановиться на том, чему научила нас эта пандемия коронавируса, поразившая мир в первом полугодии 2020 года и оказавшаяся действительно коронной, необыкновенно сильной в том смысле, что едва ли не впервые в мировой истории заставила остановить большую часть экономической деятельности на наиболее экономически развитых континентах мира. Коронавирус действительно оказался королем вирусов по степени отрицательного воздействия на экономику.

И мы еще раз смогли убедиться, что так ярко, казалось бы, проявляющаяся в мегаполисах всего мира независимость современного человека от природы является весьма и весьма относительной и уязвимой.

В момент подготовки этой статьи мы далеко еще не вышли из пандемии и находимся в стадии «живого созерцания» ее течения и непростого, рискованного процесса познания ее многообразных последствий. В связи с этим мы попытаемся изложить свои непосредственные наблюдения и соображения, а также сделать некоторые прогнозы и посмотреть на прогнозы ряда коллег, делая это, по возможности, кратко, тезисно.

И в начальный период пандемии меня поражало, да и сейчас удивляет, как на наших ведущих телеканалах эксперты прямо-таки радуются, говоря,

что наконец-то глобализация уходит, государства закрываются друг от друга, и это позитивная тенденция, и теперь посыплется такое стареющее и слабеющее образование, как Европейский союз. Это, действительно, поразительно, на наш взгляд, так как тенденция к усилению связей всех стран и народов, а в этом и есть подлинное содержание процессов глобализации, очевидно, тенденция закономерная, неотвратимая и, главное, в целом прогрессивная, хотя, безусловно, противоречивая, как и все сущее, и несущая не только достижения, но и проблемы многочисленным странам и народам, в особенности странам и народам периферии и полупериферии. Но именно в такой противоречивой форме осуществляются технический прогресс и социально-экономическое развитие в эпоху глобального капитала.

Разумеется, временно, ввиду самого характера такого явления, как пандемия, государствам и даже регионам, отдельным городам и даже поселкам пришлось закрыться, чтобы локализовать эпидемию, но вот она проходит, и взаимодействие возобновляется.

Есть прогнозы такого типа, что государства теперь, под лозунгом «надежность важнее прибыльности», постараются минимизировать зависимость от поставок из других стран, организуют максимум возможных базовых производств у себя, длинные цепочки поставок сменятся короткими и т.п. Наш прогноз – иной. Пройдет некоторое время после завершения пандемии, и длинные цепочки поставок, межгосударственные экономические связи вновь возобновятся, причем не только в прежних, но и в увеличивающихся объемах. Почему? Ну, просто потому, что пандемия не отменит экономических законов, не отменит конкуренции и стремления производителей и торговли к увеличению объемов сбыта и к получению прибыли. Если зарубежный или отечественный, но «дальний» продукт будет существенно дешевле ближнего с учетом транспортных затрат, при равном или лучшем качестве, то его повезут к потребителю... Конечно, большинство государств постараются выработать меры для большей готовности к ситуациям массовых инфекций и иным шокам, которые эксперты смогут предсказать и осмыслить экономически. Ведь ни мы, ни другие государства, в том числе самые экономически сильные США и страны ЕС, оказались экономически и организационно не готовы к пандемии, о чем речь дальше. Меры по повышению готовности к шокам будут воплощаться в жизнь, но... Но их проведение, повысив надежность, стрессоустойчивость экономики, снизят ее доходность и тем самым сделают еще более актуальным поиск путей повышения этой доходности. И дальнейшее развитие глобализации, конкуренции, снижение затрат окажутся наиболее актуальными и надежными путями дальнейшего развития экономики. Со всеми противоречиями этого развития. И легко предвидеть, что и Европейскому союзу суждено жить и усиливаться, вопреки многочисленным предсказателям и ожидателям его распада и несмотря на выход Великобритании, прежде всего потому, что он, при всех его известных недостатках и противоречиях, оставляет достаточный простор для саморазвития и способствует такому саморазвитию членов этого сообщества и их населения.

В определенной степени опровержением того, что страны после пандемии станут вести себя более эгоистично, закроются друг от друга, является тот факт, что некоторые из них активно помогали другим в этот период, например, Россия и Куба. А Китаю предложили помощь в середине февраля более 30 стран, в т.ч. Россия, Алжир, Беларусь, Камбоджа, Малайзия, Непал, Филиппины, Таджикистан, Таиланд, Тринидад и Тобаго, Турция, ОАЭ, ЕС и другие [1].

К тому же надо учитывать, что справиться с этим вирусом и серьезно продвинуть вперед дело борьбы с вирусными и другими инфекционными заболеваниями в мире можно только всем миром. Не случайно врачи всего мира объединились в борьбе с коронавирусом и активно делились методами лечения. Возможны, и наверняка будут появляться другие, более значимые проблемы нашей биосферы, в которой существует человеческий мир как его часть, и бороться за выживание и процветание в этой биосфере человечество может только совместно. И это вселяет надежду на торжество разума.

Посмотрим на прогнозы по поводу пандемии, связанные со сроками ее спада. Меня удивляло, как еще в апреле на наших ведущих каналах иные продвинутые (во всяком случае, именитые) эксперты говорили: «Нет никакой опасности коронавируса! Это информационная провокация мировой закулисы, чтобы нас запугать и заставить сидеть дома, разрушить нашу экономику. От гриппа, кори и т.п. умирает намного больше...» И даже крупные врачи позволяли себе такие высказывания, хотя с самого начала было известно, что из 100 инфицированных умирает в течение 3–4 недель от 2 до 20 человек! Это ведь означало, что, например, сегодня в вашем подъезде вышло по делам или погулять 100 человек, а через месяц обнаружилось, что из них вернулось только 90. И так каждый день и в каждом подъезде, и не один день, а несколько месяцев...! Те, кто сравнивал смертность от коронавируса со смертностью от гриппа, во-первых, забывали, что грипп-то тоже никуда не делся, им заболевают. А число заболевших гриппом колеблется последние годы от 27 до 88,6 тыс. чел., в среднем за 2015–2018 гг. – 57 тыс. чел. [2, с. 33]. Но смертность от гриппа, вместе с ОРЗ, в эти годы и составляет по стране за 2014–2018 гг. 521 человек [3], в то время как от коронавируса на 30 мая в России умерло уже 3639 чел., то есть почти в шесть раз больше [4].

К тому же эти эксперты безграмотно упускали из виду, что нельзя «в лоб» сравнивать абсолютный показатель смертности от гриппа за год по всему населению страны с числом погибших от коронавируса всего за месяц-два из сравнительно небольшого числа инфицированных, небольшого благодаря принимаемым мерам и поднятой тревоге.

Оказалось, что этой тривиальной математики многие эксперты не видят, не воспринимают ее, но готовы давать советы всей стране. К сожалению, в этом особенность нашего времени, нашего «информационного общества», когда ведущие трибуны страны нередко, и даже в опасных ситуациях, предоставляются малограмотным людям. Таких немало и с учеными степенями. Об этом надо помнить и... срочно повышать качество нашего образования, в том числе математического.

Еще о несложной, но очень важной математике. Обнаружилось, что многие ведущие и эксперты телевидения не знают, что характер динамических процессов определяется не абсолютными величинами, а темпами роста, то есть процентом увеличения наблюдаемых величин. Не так важно для понимания динамики ситуации, сколько человек заразилось сегодня, как то, сколько процентов это составляет к величине уже зараженных и к величине заразившихся вчера.

Я видел, как один из экспертов на Первом канале телевидения, академик, говорил о том, что мы вышли уже на желанное «плато», достигнута стабильность, порядка 10 тыс. новых заболевших ежедневно. Но это было в период, когда число заболевших составляло порядка 130–140 тыс., то есть ежедневный прирост в 10 тыс. составлял 7% ежедневного темпа прироста. А что такое 7% ежедневного прироста?!

Это удвоение числа заболевших за 11 дней и удесятерение этого числа за 35 дней. Это значит, что при таком «плато» в кавычках нам через месяц понадобится в 10 раз больше реанимаций и реаниматоров и т.д. Постоянный темп прироста – это и означает «экспонента», точнее – один из случаев экспоненты. И эти 7% ежедневного прироста в тот период (с последних дней апреля по 6–7 мая) были страшной штукой, ибо одной из главных проблем борьбы с пандемией был резкий скачок нагрузки на медицинскую систему, на реанимационные подразделения, и задача была растянуть этот период быстрого роста, чтобы снизить нагрузку на лечебную систему.

И вот еще одно подтверждение никудышного знания математики, точнее, опасного ее незнания: глава Роспотребнадзора Анна Попова с 15 по 18 мая заявляла, что ситуация стабилизируется [5] и «рост распространения коронавируса в РФ на сегодняшний день остановлен» [6]. О том же 18 мая заявил Мишустин [7]. Между тем в этот период темп прироста числа заболевших колебался от 3,2 до 4,2%, а при 4% прироста удвоение числа заболевших происходит всего за 18 дней². Также надо, очевидно, учитывать соотношение числа заболевших и числа выздоровевших в сутки, чтобы понять динамику нагрузки на медицину. Совсем недавно оно было 5:1 и 4:1. Еще 18 мая оно было 3,2:1, 31 мая – 2,1:1, то есть шел и пока идет существенный рост нагрузки на нашу лечебную систему.

Быстрее, чем по России в целом, снижались темпы прироста в Москве, поскольку сначала они быстрее росли, но во многих регионах темпы прироста пока намного выше московских.

Понятно, что те, кто объявляет о прекращении роста числа заболевших, хотя и успокоить население, но как минимум такие объявления – это неправда, и они могли давать ложный сигнал властям регионов.

Но давайте от математики и психологии пандемии попытаемся перейти к ее экономике и политэкономии.

Насколько российская экономика готова к подобным ситуациям и подвержена государственному регулированию? Вот один из ключевых вопросов сегодня. И пандемия дала свой ответ на него.

Оказалось, что за четыре месяца (с февраля 2020 года)³ государство так и не смогло добиться:

- ни производства простейших масок в необходимых количествах (они до сих пор не всегда есть в аптеках и магазинах);
- ни того, чтобы они были в аптеках по ценам, сопоставимым с затратами на их массовое производство (в 2018–2019 гг. оптовые цены были от 1,5 до 3 руб./шт.), да и розничные были примерно такими же;
- ни того, чтобы малый бизнес мог получить кредиты от банков по обещанным правительством низким субсидированным процентам.

Все еще с большим трудом доходят до врачей и медперсонала, оказавшихся фактически в военных условиях с высокой степенью риска смерти, обещанные президентом надбавки или доходят в меньших размерах и с большим трудом.

Руководители продуктовых сетей не смогли догадаться поставить в продуктовых магазинах экраны из оргстекла между кассирами и покупателями. И, кстати, нередко во многих магазинах продавцы работают без масок...

Достаточно ли выделяемые правительством средства для поддержки населения, в особенности для тех, кто потерял работу, особенно для тех, кто трудился в мелком и среднем бизнесе?! Полную оценку пока дать сложно, но ясно, что разовые

2 Вся информация о заболеваемости и смертности от коронавируса в конкретных странах взята с сайта [4].

3 Эта статья пишется в конце мая 2020 года.

выплаты по 10 тыс. руб. на ребенка и 20 тыс. руб. на взрослого недостаточны, особенно если учесть, что ежемесячный прожиточный минимум составляет от 9,5 тыс. до 12,5 тыс. руб. в месяц, причем он составлен без учета расходов на одноразовые маски, перчатки и т.д. Да и инфляция резко пошла вверх из-за скачка курса доллара.

Пандемия также очень наглядно продемонстрировала колоссальное социальное неравенство и социальную несправедливость в нашей стране. Кто-то может на свои доходы уехать за несколько морей в одну из стран, где вирус практически не проявил себя, а, например, рабочие непрерывных производств должны, как обычно, по 5 дней в неделю, по 40 часов отрабатывать на заводах, фабриках, в мастерских и т.д., причем часто сами эти производства колоссально затрудняют или делают невозможной работу в масках и соблюдение социальной дистанции. И если они не медики, никакие доплаты за риск им не прописаны. И работники сельскохозяйственных предприятий, несмотря на все риски, должны были проводить посевные работы, чтобы в стране были продукты питания и можно было и далее зарабатывать на экспорте зерна, мяса и другого продовольствия больше, чем на экспорте вооружения.

Обращает на себя внимание огромная смертность от коронавируса в развитых капиталистических странах Европы, от 5 до 16% от числа заболевших, при том что в России она пока порядка 1%, в Белоруссии около 0,6%, в Украине — 2,9%⁴. В Германии, где часть населения жила при социализме, смертность существенно ниже, чем в других европейских странах, и составляет 4,7%. Частично это может быть связано с вакцинацией детей, имевшей место в СССР и других соцстранах. Но вряд ли это может объяснить такую колоссальную разницу. Скорее, это связано с наличием в постсоциалистических странах остатков более сильной медицины. Я бы сказал, что в советский период эта была тотальная система медицинской помощи, то есть система, охватывающая всех и при любом заболевании. Такой системы нет в развитых капиталистических странах, несмотря на их очень высокие расходы на медицину, которые, по-видимому, в большой степени идут на повышенные зарплаты врачей и гонорары юристов и де-факто выливаются в существенно меньшую помощь для людей с низкими доходами.

Поразительной по своей циничности была первая идея премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона вообще не принимать серьезных мер защиты против коронавируса, озвученная им где-то в феврале: дескать, нам суждено потерять большой процент наименее приспособленных людей, но именно так мы выработаем национальный иммунитет... [8]. Потом, правда, от этой антигуманной идеи Великобритания отказалась, но де-факто эпидемия продемонстрировала чрезвычайно низкую медицинскую защищенность беднейшего населения и пожилых. Смертность на конец мая в Великобритании оказалась 14%, в Италии — 14,3%, во Франции — 15,6%, в Бельгии — 16,2%. В Швеции, которая также практиковала эксперимент с минимизацией внимания к пандемии, — 12%. В США смертность составила 6%. В Китае — 5,5%, но они смогли настолько энергично и организованно принять меры по локализации инфекции, что число зараженных на один миллион человек у них одно из самых низких в мире — 58 чел., в то время как в США — это 5,5 тыс. чел., во многих странах Европы — 3–5 тыс. чел., в России — 2,8 тыс. чел.

В связи с этим я полагаю, что в ЕС будет серьезный «разбор полетов», то есть гуманитарных и социальных результатов этой волны пандемии, что повлечет за собой крупные шаги в дальнейшем увеличении социализации европейского капитализма.

Однако и ситуация в нашей стране с медициной далеко не блестящая. Оказалось, что многие инфекционные больницы были ликвидированы в ходе уже двадцати-

4 Все данные о числе заболевших, смертности, числе инфицированных и т.д. в период пандемии взяты с сайта <https://coronavirus-monitor.ru/>

летней «оптимизации», а фактически – борьбы за сокращение расходов бюджета. «Своя рука – владыка», и успехи в этом сокращении социальной части бюджета, действительно, достигнуты немалые. Это чувствуют и образование, и наука, и медицина, и все население... Но при этом приходится признать, что по большому счету наша медицинская наука и управляющие ею и медициной организации оказались далеко не на требуемом уровне [9]. Сказались и долгие годы «успешной» борьбы нашей бюрократии с Российской академией наук, также отнюдь не случайной. Она вызвана, как мы показали, засильем ресурсно-экспортных отраслей в нашей экономике и формированием соответствующих групп интересов, препятствующих инновационному развитию [10]. Преодолеть это засилье можно только коллективным участием в работе по изменению ситуации. Между тем именно с коллективным участием трудящихся в социально-политических процессах дело обстоит непросто, учитывая растущую дифференциацию в доходах, в уровне и качестве образования и, соответственно, в социально-политическом потенциале различных слоев населения. Причем это характерно не только для России, но и для всего мира. При этом имеет место тенденция своего рода оглупления масс, усилившаяся с развитием цифровизации в сфере связи. Все больше людей проводят часы, листая ленту новостей смартфона, просматривая мелодрамы и ток-шоу на телевидении, удовлетворяясь примитивизированной информацией и теряя интерес к мало-мальски серьезному чтению, обсуждению и самостоятельному размышлению, а также соответствующие навыки. Кстати говоря, пандемия выявила и факт весьма низкой социальной ответственности больших слоев нашего населения, в первую очередь молодежи⁵. Мы имеем в виду многочисленные нарушения режима самоизоляции и требований соблюдать социальную дистанцию, носить маски при посещении магазинов даже тогда, когда приобрести их стало возможным, и т.п. Отчасти их извиняет то, что со всех телеэкранов все ведущие новостей вторую половину мая радостно объявляют о смягчении ограничений режима во Франции, Италии, Германии и т.д., хотя у нас пока число зараженных продолжает расти темпом 2,3% в сутки. Но о темпах молчат... Нарушители руководствуются тем, что они не боятся заболеть. Но то, что они могут принести инфекцию в свой дом, своим родственникам, а также быть источником заболеваний для многих других людей, инфантильно не принимается во внимание. Вряд ли люди с таким уровнем развития смогут составить надежную опору в борьбе за социальные права.

5 Мы не отрицаем того, что многие тысячи молодых людей трудились волонтерами при обслуживании пенсионеров, помощи больным и т.д., но от общего количества это был очень небольшой процент.

Тем не менее в заключение выскажу уверенность, что мир после этой пандемии вынужден будет измениться в лучшую сторону:

- всем государствам придется объединять усилия и наращивать межстрановую координацию в борьбе с инфекционными заболеваниями;
- потребуются кардинальные изменения в системе медицинского обслуживания и медицинской помощи во всех странах в том числе, и в России, в частности, рост финансирования;
- в России потребуется увеличение вложений в биологическую и медицинскую науку и координация работы в развитии средств борьбы с эпидемиями, а также в фундаментальную экономическую науку для выработки мер борьбы с подобными кризисами;
- потребуется серьезное усиление государственного регулирования экономики, причем как в направлении повышения готовности к инфекционным заболеваниям и иным возможным шоковым воздействиям, так и в усилении воздействия государства для восстановления экономики после шоков.

То есть будут сделаны новые важные шаги в направлении социализации, усиления общественного характера развития человеческой цивилизации.

Вместе с тем, конечно же, история и диалектика учат нас, что эти дальнейшие шаги в направлении социализации будут противоречивыми, сложными и чреватými серьезными конфликтами.

Библиографический список / References

1. Более 30 стран направили Китаю помощь для борьбы с коронавирусом. <https://ria.ru/20200214/1564731083.html>
2. *Здравоохранение в России. 2019: Стат. сборник. Росстат.* – М.: 2019. – 170 с.
3. *Смертность от гриппа.* <https://rosinfostat.ru/smertnost-ot-grippa/>
4. *Коронавирус монитор.* <https://coronavirus-monitor.ru/>
5. *Попова заявила о стабилизации ситуации с COVID-19 в России.* <https://www.ntv.ru/novosti/2339680/>
6. *Рост распространения коронавируса в России остановился.* <https://ria.ru/20200517/1571575134.html>
7. *Мишустин заявил, что рост заболеваемости коронавирусом в РФ остановлен.* https://yandex.ru/news/story/Mishustin_zayavil_chno_rost_zabolevaemosti_koronavirusom_v_RF_ostanovlen-157064f2e1d124e5f1dab4a8d53a3f1b?fan=1&from=newswizard&persistent_id=97907707&wizad=story
8. *Борис Джонсон предложил британцам ждать смертей.* https://yandex.ru/turbo/s/tsargrad.tv/news/boris-dzhonson-predlozhit-britancam-zhdatt-smertej-i-byll-obvinjon-v-unichtozhenii-nacii-cherez-koronavirus_242808
9. *Ваганов А. Пандемия показала, что медицинской науки у нас почти не осталось.* http://www.ng.ru/science/2020-05-26/9_7870_medicine.html
10. *Эпштейн Д.Б. Российская стагнация как результат влияния производственных отношений на производительные силы. // Вопросы политической экономии. № 1. 2020. – С. 84–104.*

Контактная информация / Contact information

Северо-Западный НИИ экономики сельского хозяйства РАН, г. Санкт-Петербург, Пушкин, 196608, шоссе Подбельского, д. 7.

North-West Research Institute of Agricultural Economics of the Russian Academy of Sciences, 7, Podbelsky Highway, 196608, St. Petersburg, Pushkin, Russia.

Эпштейн Давид Беркович / David B. Epstein

+ 7 904 330-98-83, epsteindb@gmail.com

КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ РЕЦЕССИИ: ЧТО ДЕЛАТЬ? HOW TO RESIST RECESSION: WHAT TO DO?

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-188-196

МИРКИН Яков Моисеевич

Заведующий отделом международных рынков капитала Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, член Правления ВЭО России, д.э.н., профессор

Yakov M. MIRKIN

Head of International Capital Markets, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Member of the Board of VEO of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье раскрыты долгосрочные меры, которые нужно начинать уже сегодня (менять прокризисную модель экономики), и краткосрочная политика стимулирования экономики, повышающая ее способность противостоять рецессии. Дана детальная характеристика сложившейся прокризисной модели, делающей экономику стагнирующей, сверхволатильной, отстающей технологически, не полностью ориентированной на повышение качества жизни населения. Предложена формула политики, делающей российскую экономику более устойчивой к рецессиям и шокам. Сделан анализ кризисного состояния экономики в марте – апреле 2020 г. как начального этапа рецессии. Статья содержит аналитический обзор государственных мер поддержки населения и бизнеса, сделан вывод об их недостаточной интенсивности и глубине проникновения. Предложена система стимулов, в значительной мере усиливающих способность экономики противостоять рецессии.

Abstract

The article discloses long-term measures that need to be started today (to change the pro-crisis model of the Russian economy), and short-term policies to stimulate the economy, increasing its ability to weaken the recession. A detailed description is given of the prevailing pro-crisis model, which makes the economy stagnant, super-volatile, technologically lagging, not fully oriented towards improving the quality of life in the country. A policy formula is proposed that makes the Russian economy fast-growing and more resistant to recessions and shocks. The analysis of the shock in the economy in March – April 2020 as the initial stage of the recession is made. The article contains an analytical review of government measures to support the population and business, the conclusion is drawn about their lack of intensity and depth of penetration. A system of incentives is proposed that significantly enhances the ability of the economy to fight the recession.

Ключевые слова Антикризисная политика, бюджет, волатильность, внутренний кредит, компенсация, модель экономики, налоги, рецессия, со-финансирование, ссудный процент, стимул, субсидия.

Keywords Anti-crisis policy, co-financing, budget, compensation, domestic credit, economic model, interest rate, recession, stimulus, subsidy, taxes, volatility.

Есть два ответа на вопрос, как противостоять рецессии: а) менять модель экономики, б) ударное лечение – максимум текущей поддержки и стимулов, чтобы удержать от крупного падения.

Менять модель экономики

Российская модель экономики – прокризисная, сейсмичная. Пока в ней жестко работает закономерность – 1–2 кризиса в 10–15 лет (типично для emerging economies).

Внешние факторы «прокризисности». Она избыточно зависит от внешних переменных, которые сами сверхволатильны – спроса и мировых цен на нефть, газ, металлы и другое экспортное сырье (цены товарных деривативов на биржах Нью-Йорка, Чикаго, Лондона и т.п.), от курса доллара к евро – двух мировых валют (слабый доллар гонит цены активов вверх и наоборот), от потоков горячих денег, спекулятивного капитала (кэрри-трейдеров), которые регулярно запускают, как «спусковой крючок», механизм финансовых кризисов в России. Еще одна сильнейшая зависимость – от динамики экономик двух основных «клиентов» России – Европейского союза (41–42% внешнего товарооборота) и Китая (17–18%, соответственно).

Пока российская экономика – сырьевая, нефтяная, пока ее обмен с внешним миром – это сырье вовне, а навстречу – оборудование, комплектующие, технологии – она «сама себе не принадлежит». Она будет повторять – «с рычагом» – колебания, шоки, приходящие из внешнего мира. Особенно учитывая, что по-прежнему сохраняется зависимость на 60–90% от импорта ключевых технологий, оборудования, электроники, комплектующих, «исходников».

Мы не можем в полной мере противостоять рецессии 2020 г., соединившей падение ключевых экономик мира (США, Европейский союз), сведение до нуля или даже до отрицательных значений роста в Китае, уход мировых цен и спроса на нефть, газ и другое сырье в «низкую» зону.

Мы можем только пытаться ее ослабить.

Внутренние факторы прокризисности. Наша модель экономики больше настроена на стагнацию, чем на стабильный, с быстрыми темпами рост, на постоянную технологическую модернизацию, как встроенную, органическую компоненту. Ее ежегодная динамика, как правило, хуже среднемировой. Азиатские экономики стремительно нагоняют ее. Норма накопления низка годами (22–24%), Китай – 40–42% ВВП, Индия – 32–33% ВВП.¹

Это экономика вертикалей, в которой доля государства достигает 60–65%. Доля среднего и малого бизнеса не превышает 20–21% ВВП (Росстат). В хозяйстве доминируют крупнейшие компании, связанные с государством. Крайне высока концентрация активов, финансовых потоков, ресурсов в Москве. В управлении – избыточная централизация. Более 90% ликвидности российских банков (остатки

средств на их корреспондентских счетах в центральном банке) находится в Москве и Московском регионе (май 2020 г.).

В России нет общедоступного дешевого кредита. Почти 30 лет не можем нормализовать ссудный процент. Зона низкого процента – только через процентные субсидии от бюджета. Государство – важнейший заказчик, арендодатель.

Весь рост – через бюджет, через его заказы, субсидии, софинансирование, налоговые льготы, федеральные инвестиции (национальные проекты (ФЦП или иные программы). Это заранее обрекает экономику на низкие темпы роста. Бюджет не в состоянии дать «и масло, и пушки» – покрыть одновременно и социальные расходы, и расходы на оборону и безопасность, и крупнейшие резервы («бюджетное правило»), и инвестиции в таких размерах, чтобы обеспечить быстрый уверенный рост экономики.

Избыточна налоговая нагрузка (доля налогов и квази-налогов – в зоне 35–40% ВВП, для быстрого уверенного роста нужны 28–32% ВВП). Перегружены налогами прямые иностранные инвестиции. Десятилетия рубль находился в зоне переоцененности (это – тормоз для экономического роста), девальвировался рывками, как следствие кризисов (и пока это продолжается). Низки финансовая глубина / финансовое развитие (financial depth / financial development). Размеры финансового сектора не адекватны величине российской экономики, финансовые рынки – мелкие, с короткими инвестиционными горизонтами, преимущественно – спекулятивные. В 2014–2020 гг. Россия лишилась более 50% банков и других финансовых институтов (ЦБР).

Почти 30 лет Россия – страна вывоза капитала (кроме 2006–2007 гг.). Внешние инвестиции – «наружу», и в страну – преимущественно через офшоры. Сочетание высоких рисков, избыточных налогов и регулятивных издержек выталкивает капиталы из России.

Внутренние источники инвестиций у населения (мировая практика – это главный ресурс длинных денег). По всем опросам более 60% населения не имеют сбережений.

Экономика долгие годы была настроена прежде всего на резервирование (крупнейшие внебюджетные резервные фонды и международные золотовалютные резервы), на противодействие шокам в «черный день». Максимизация резервов, но не инвестиций, не «золотая середина». В течение многих лет подавление инфляции (холодная, ограничительная денежно-кредитная политика), резервирование – против роста.

«Экономика наказаний» – вместо «экономики стимулов». Избыточно высоки регулятивные издержки. Долгие годы число нормативных актов росло по экспоненте. Объемы Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях с момента их принятия выросли примерно в три раза.

Экономика – не универсальна, с огромными пустыми продуктовыми нишами в производстве «сложных вещей» (50 бульдозеров и 300 металлорежущих станков в месяц), «простых вещей» (20 тысяч зонтиков «от дождя и солнца» и 500–800 шт. детских колясок в год на всю страну), в инновациях (чуть больше 3 долл. в год компьютерной техники на каждого российского гражданина от мала до велика). То же – в производстве одежды, обуви, большинства видов бытовой техники (ЕМИСС (Росстат), 2019). Пустые ниши на 70–90% занимают импорт, прежде всего из Китая.

Российская демография — прокризисная. Пока все демографические прогнозы до 2035 г. — негативные, с естественной убылью каждый год в несколько сот тысяч человек. Численность населения способна поддерживаться преимущественно за счет иммиграции (волатильна, низкая квалификация). В регионах России — человеческое «опустынивание». Если убрать из счета крупнейшие города — почти во всех регионах снижение численности населения. 15–20 регионов — зоны национального бедствия с очень низкими продолжительностью и качеством жизни (на уровне беднейших стран).

Россия по ожидаемой продолжительности жизни занимает 95–100-е место в мире. В основе регулирования экономики находится не «человек действующий», а «человек нарушающий», обходящий законы. В этой связи вся система регулирования направлена на надзор, оценку, выявление нарушений, понуждение к «правильному поведению», сбор максимума данных, особенно в цифровом мире, с тем, чтобы «втиснуть» каждого в норму, какой ее себе представляют централизованные институты государства, заставить «правильно работать». Собрать в большие города, в «человейники». Там лучше их обзреть и проще, если нужно, призвать к порядку.

Слишком много экономической несвободы — для роста.

Что делать нельзя. Все то, что оставляет экономику прокризисной, сверхсейсмичной. Нельзя идти по сценарию — «больше государства», «ближе к мобилизационной / административной модели экономики». Он сегодня, как никогда, возможен. Доля государства в экономике до 85–90%, расширение прямого распределения ресурсов (псевдо-Госплан, Госснаб и Госбанк), взрывной рост надзора и прямого воздействия на коллективное поведение населения — под любыми благовидными предлогами. Это тупиковый путь, который приведет Россию к сверхсильным шокам.

Что еще делать нельзя? Оставлять в силе сложившуюся модель экономики. Рано или поздно ее «разорвет» — в отставании по темпам роста, в технологиях.

Что нужно делать. Переходить к модели «экономики роста», как это было сделано более чем в 15–20 странах, совершивших «экономическое чудо» (и совершающих его сейчас) после Второй мировой войны.

Что это значит? Прежде всего, расти с опорой на внутренний спрос, выращивая внутренний рынок, но для этого нужно, чтобы все экономические и административные инструменты в национальном хозяйстве были бы настроены на стимулирование роста. Подчинены — росту, модернизации.

Только те общества и страны побеждают в конкуренции, которые смогли найти «золотое сечение» между свободой и властью, принуждением. Между частным и общим. Дать чуть больше свободы. Не быть только государевыми, только закрепленными.

В этом формула экономики развития, роста. Один — за себя, один — за всех, и все — за одного. Это другой выбор, другая дорожка на развилке. Быстро пойти по ней невозможно, велика сила инерции. Можно повторять бесконечно: «Экономика стимулов! Экономика, в которой больше пряника, чем кнута!» — но слаще не станет. Или: «Вернуть деньги и людей в регионы!», «Все для роста среднего и мелкого бизнеса!», «Обогащайтесь! Все для состоятельности семей!». Отлично, но сразу ничего не случится. Нам хотя бы показать первые шажки, признаки экономической либерализации! Порядка меньше не станет, надзора останется достаточно, но будет гораздо больше свободного дыхания, поддержки для каждого, животворной денежной почвы, чтобы помочь всем, кто готов расти.

У такой политики простая формула: сильные и легкие налоговые стимулы за рост и инвестиции + отказ от повышения (правдой и неправдой) любых налогов, под любыми именами + рост доходной базы регионов (вплоть до малых поселений), реальный бюджетный федерализм + доступный и дешевый кредит (регионам, малому и среднему бизнесу, массовая ипотека в регионах) + умеренно ослабленный курс рубля, скажем, чуть за 70 (мощнейший стимул) + умное усиление таможенной защиты внутреннего производителя + дальнейшее замораживание цен, регулируемых государством + массовые инвестиции из бюджета и внебюджетных фондов, прежде всего, в дороги и социальную инфраструктуру, особенно в России до Урала (в запущенном состоянии) + жесточайшее снижение регулятивных издержек + максимум льгот для прямых иностранных инвесторов, переносящих высокотехнологичные производства в Россию.

С небольшой задержкой – разгосударствление, создание более рыночной среды внутри крупнейших компаний и новая волна приватизации (но не столько в пользу «избранных» или крупных иностранных инвесторов, сколько в интересах среднего класса).

Плюс деагломерация – отказ от политики сосредоточения все больших масс населения в 10–12 крупнейших российских городах, в «человекиках», создание тренда к воссозданию средних и малых поселений, с сопоставимыми условиями жизни на ключевых территориях России, включая ее историческую центральную часть.

Может быть, еще – «администрация роста», с особыми полномочиями, если правительство вновь окажется слишком заваленным текущей операционной работой (то типовое решение). «Государство развития», «минфин развития», «центральный банк развития». «Финансовый форсаж» – ускоренное финансовое развитие, побуждаемое центральным банком и правительством, как это делается в Китае в течение десятилетий (при снижении инфляции и ссудного процента).

У такой политики есть ясное идеологическое основание – «экономика развития» (development economics). Она проводится очень спокойно, небольшими шагами, негромко, чтобы не сорваться в большую инфляцию.

Даже при первых слабых намеках на этот курс бизнес начнет оживать. Нашу экономику легко разогнать до 4–5% роста в год за счет внутренних финансов. Немедленно заморозятся санкции. Выстроится очередь из иностранцев – не рушить нас на финансовых пузырях, как в 1997, 1998, 2008, 2014 годах, а вкладываться всерьез и надолго. Капитал не может устоять перед темпами роста в 4–5%.

Самое странное, что это похоже на трампономику, но только на российский лад. Будет ли новая экономическая политика? Случится ли новый нэп? Она очень нужна. От этого зависит, насколько депрессивность, прокризисность проникнет в ткань российской экономики, сможет ли она в будущем отстроиться как «социальная рыночная», «устойчивая», с низкими рисками, стабильно растущая, развитая технологически и т.п.

Максимум текущей поддержки и стимулов

Точка отсчета – март–апрель, глубина падения. Размеры падения в российском хозяйстве в апреле 2020 г., в различных его сегментах – до 20–40%. Как об этом судить? Хотя бы по доходам федерального бюджета. Доходы от нефти и газа

в апреле 2020 г. упали к апрелю 2019 г. на 39% (даже с учетом девальвации рубля к доллару). НДС внутри России – на 21%, налог на прибыль – на 43% (Минфин).

По оценке, ВВП в апреле 2020 г. упал на 12% к апрелю 2019 г. (Минэкономразвития), промышленное производство в апреле 2020 г. – на 6,6% (Росстат), грузооборот – на 6%, строительство (объемы строительных работ в сопоставимых ценах – на 2,3% (Росстат).

Но нефть, тепло, горячая вода, электроэнергия почти не пострадали. Электропотребление в апреле просело на 3–4% (ЦМАКП). Не катастрофа, скорее – стабильность. На 4% выросло производство продовольствия. Лекарства и медицинские материалы – в плюсе на 13,5%. Спецодежда, медоборудование – почти на 100%. Резко, на десятки процентов, упали машиностроение, электроника, производство мебели, одежды, обуви. Легковые автомобили – почти на 80%, стиральные машины и холодильники для семей – минус 75%. Ввод в строй жилых домов сократился к апрелю 2019 г. на 36,5%.

Бесперебойно работала инфраструктура. Если прекратится подача воды, тепла, энергии, продовольствия, лекарств, если откажут коммуникации и системы безопасности, то обществу грозят потрясения. У России XX века был такой опыт. Ничего этого не произошло. В этом – залог стабильности, жизнеспособности всех нас. После паники первых дней не было проблем с продовольствием. Прогноз урожая зерновых в России на 2020 г. – порядка 120 млн тонн (kremlin.ru, 20 мая). Это – норма, это значит – быть с хлебом.

Безработица – здесь угрозы, высокие риски. Есть ли еще точки отсчета в нашей экономике? Годы опросы показывают, что 60–70% населения не имеют сбережений, а, если они есть, то на несколько месяцев жизни (2019–2020, НАФИ, «Росгосстрах Жизнь», «Открытие»). У 60–70% работающих семей не хватает денег до зарплаты. 10 тыс. руб., цена продуктов на 1–1,5 месяца, кажутся, действительно, большими деньгами. В семьях малый запас прочности для выживания.

На каждого россиянина, от мала до велика, на 1 апреля 2020 г. приходились 124 тыс. руб. кредитов (ЦБР). За год (с апреля по апрель) личные кредиты выросли почти на 20%. Долги по ЖКХ – примерно по 8–10 тыс. руб. на каждого из нас. Для спокойных времен – ничего страшного. В кризис – высокие риски.

Сколько людей уволено в кризис? За март – апрель число официально зарегистрированных безработных выросло в 2,4 раза. В России их стало 1,3 млн чел. (Росстат). Но «официальные» – лишь часть безработных. Обычно их в 4,5–5 раз больше, примерно 5,5–6 млн чел. В публичной статистике – 4,3 млн чел. (Росстат, апрель). Безработица – на уровне 2009 г. (глобальный кризис) и середины 1990-х годов. 12% тех, кто был в «самоизоляции», потеряли работу (опрос НАФИ, 20 мая). Но бывает и хуже. В 1999 г. безработица превысила 10–11 млн чел. Главное – не забраться в эту «красную зону».

Малый и средний бизнес – это 20–21% ВВП (Росстат), более 12 млн рабочих мест (ФНС). 53,3% компаний характеризуют свое положение как «кризис» и «катастрофа»; 62,2% оценивают шанс выживания ниже 50%; деятельность приостановлена у 35,7% компаний, на пике карантина не работало 56,1% компаний; 55,6% компаний отметили, что спрос сократился на 50% и более; ключевые трудности – невозможность платить заработную плату (52,4%), аренду и налог на имущество (42,8%).²

2 Мониторинг на 19 мая
«Мнение малого и среднего бизнеса о мерах государственной поддержки в период эпидемии коронавируса» // COVID -19. Последствия для бизнеса и экономики. Приложение к докладу Президенту РФ – 2020 Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей.

Глубина государственной поддержки населения и бизнеса. На 20–25 мая 2020 г. из 161 кодов ОКВЭД (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности) 95 кодов не включены в список пострадавших отраслей и программы поддержки, на 26 меры поддержки распространяются лишь частично.³ Только порядка 10% компаний России смогли воспользоваться господдержкой. Субсидии в размере МРОТ могут получить лишь 18% малых и средних предприятий.

Расходы, уже осуществленные на господдержку – примерно 0,5 трлн руб. (размеры Фонда национального благосостояния на начало марта 2020 г. – 8,3 трлн руб., на начало мая – 12,4 трлн руб.), больше 10% ВВП (Минфин). Международные резервы на 1 марта – 570 млрд долл., на 1 мая – 567 млрд долл. (ЦБР).

Экономика упала, а деньги «под матрасом» растут. Нам больно сейчас, нам очень нужна помощь – населению и бизнесу. Нам нужно срочно уходить в быстрый рост, в инвестиции. Будем распечатывать кубышку?

Меры поддержки – стандартны, в рамках мировой практики. Прямая денежная помощь населению – «мельче», чем в развитых странах, ограничена выплатами на детей + косвенно, зарплата и «больничные» в госсекторе. Более широкая помощь названа «вертолетными деньгами» («разбрасываемыми с вертолета»), отвергнута.

Поддержка бизнеса – льготные кредиты для выплаты зарплаты (воспользовались – 5,6%, отказали – 7,7%, не нуждаюсь – 34,4%), реструктуризация ссуд (7%, 9,5%, 51,6% соответственно), кредитование под 2% годовых (0,4%, 4,1%, 28,4%), прямое возмещение зарплаты (16,7%, 10,4%, 13,7%), снижение или отсрочка налогов, квази-налогов, арендных платежей по государственному или муниципальному имуществу (5,9%, 4,0%, 68,5%).

Освобождение от уплаты налогов (кроме НДС) за второй квартал 2020 года (воспользовались – 7,7%, отказали – 3,4%, не нуждаюсь – 15,7%), снижение размера страховых взносов до 15% от суммы заработной платы выше МРОТ (21,7%, 2,0%, 21,2% соответственно), отсрочка по всем видам налогов (за исключением НДС) на 6 месяцев (16,5%, 3,3%, 26,3%), снижение в регионах налоговых ставок по упрощенной системе налогообложения (6,6%, 2,0%, 26,0%), продление сроков уплаты страховых взносов (6,6%, 2,0%, 27,2%).

В 50–60 регионах меры поддержки расширены (прямые денежные субсидии бизнесу, освобождение от арендных платежей, расширенный круг налогов, по которым даны послабления, льготные кредиты и процентные субсидии). Финансовые возможности регионов крайне ограничены.

Очевидно, что глубина проникновения мер поддержки очень невелика.

Центральный банк. В отличие от кризисов 1998, 2008–2009, 2014–2016 гг. Банк России ведет именно антикризисную политику – снижает процентную ставку, «не закручивает кран» в предоставлении ликвидности экономике, удерживает валютный курс рубля после взрывной девальвации, не растрачивая золотовалютные резервы, не допускает массовых и ярких банкротств банков и, соответственно, паники населения.

Как противостоять рецессии в текущей экономической политике. Ответы очевидны – чуть меньше «жадничать», чуть меньше растягивать расходование резервных фондов в помощи экономике и населению. Максимум стимулов, поддержки – и минимум новых запретов. Нельзя больше плодить штрафы, наказания – с ними перебор. Ударная помощь / лечение на начальных этапах кризиса (болезни экономического организма) могут в гораздо большей мере противодействовать его даль-

³ Там же. Здесь и ниже – извлечения из указанного приложения к докладу.

нейшему разворачиванию, нежели чем «идти» за кризисом / «болезнью», усиливая меры поддержки / «лекарства» по мере его углубления. Инструменты:

а) расширение круга субъектов получателей поддержки – население (новые целевые группы), бизнес (расширение списка пострадавших отраслей, ослабление критериев получения поддержки);⁴

б) рост поддержки (прямой, косвенной) до 8–10% ВВП, учитывая «прокризисность» экономики; прямые оперативные расходы из ФНБ – до 25–35% его величины;

в) дальнейшее смягчение денежно-кредитной и процентной политики, нормализация процента (последовательное снижение ключевой ставки ЦБР до 3–3,5%), поддержание умеренно ослабленного курса рубля, в меньшей зависимости от колебаний цен на нефть (примерно 73–75 руб. за долл. США);

г) кредитование бизнеса под низкий процент, основанное на рефинансировании Банком России коммерческих банков под 1–1,5%, с ограничением процентной маржи (преимущественно для среднего и малого бизнеса в регионах, с должными критериями качества кредитов);

д) расширение финансовой помощи из федеральных средств (бюджет, ФНБ) на покрытие дефицита региональных бюджетов (возмещение части доходов, падающих в кризис, а также под региональные программы поддержки).

Важно открыть новые целевые группы населения для целевой поддержки, тех, кому хуже всего, кто находится в группах риска. В России живут 13,8 млн человек старше 70 лет. 15 тыс. рублей – это стоимость запаса продуктов, по меньшей мере, на месяц. По оценке – не больше 150 млрд рублей (если дать возможность отказаться тем, кому такая помощь не нужна). Это – 1,3% Фонда национального благосостояния. Инвалиды первой группы и дети – инвалиды (это отдельная группа). Их – порядка 2 млн человек. Сколько для них нужно денег? 30 млрд руб., или 0,3% Фонда национального благосостояния.

Важно, чтобы «план восстановления экономики», любые другие планы, которые неизбежно возникнут в кризисные годы, дали максимум помощи. Лечение – «ударное», а не вслед за развитием кризиса, с отставанием от него, не дожидаясь следующих шоков.

4 Примеры – там же. Раздел «Пакет дополнительных мер поддержки».

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. *Экономика России на распутье. Выбор посткризисного пространства.* – М.: Астрель, ВКТ, АСТ, 2010.
2. Бодрунов С.Д. *Ноономика.* – М.: Культурная революция, 2018.
3. Миркин Я., Жукова Т., Бахтараева К., Комова А. *Механизмы стимулирования сверхбыстрого роста: мировая практика.* М.: Магистр, 2018.
4. Миркин Я., Кудинова М., Левченко А., Бахтараева К., Жукова Т., Бунатян А. *Финансовые стратегии модернизации экономики: мировая практика.* – М.: Магистр, 2014.
5. Полтерович В.М. *Элементы теории реформ.* – М.: Экономика, 2007.
6. *Weaker Global Outlook Sharpens Focus on Domestic Reforms. Russian Economic Report № 42.* – Wash.: World Bank, December 2019.

References

1. *Aganbegjan A.G. Jekonomika Rossii na rasput'e. Vybor postkrizisnogo prostranstva.* – M.: Astrel', VKT, AST, 2010.
2. *Bodrunov S.D. Noonomika.* – M.: Kul'turnaja revoljucija, 2018.
3. *Mirkin Ya., Zhukova T., Bahtaraeva K., Komova A. Mehanizmy stimulirovanija sverhbystrogo rosta: mirovaja praktika.* M.: Magistr, 2018.
4. *Mirkin Ya., Kudinova M., Levchenko A., Bahtaraeva K., Zhukova T., Bunatjan A. Finansovye strategii modernizacii jekonomiki: mirovaja praktika.* – M.: Magistr, 2014.
5. *Polterovich V.M. Jelementy teorii reform.* – M.: Jekonomika, 2007.
6. *Weaker Global Outlook Sharpens Focus on Domestic Reforms. Russian Economic Report № 42.* – Wash.: World Bank, December 2019.

Контактная информация / Contact information

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Российская Федерация, 117997, г. Москва, Профсоюзная ул., 23.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia.

Миркин Яков Моисеевич / Yakov M. Mirkin
yakov.mirkin@gmail.com

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ЦЕЛЕВОЙ ПРИНЦИП

REFORM OF THE SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT SYSTEM AT THE CURRENT STAGE. TARGET PRINCIPLE

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-197-202

АГАФОНОВ Владимир Анатольевич

Ведущий научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (ЦЭМИ РАН), д.э.н.

Vladimir A. AGAFONOV

Leading researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Doctor of Economic Sciences

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются основные направления реформирования системы управления развитием региональных социально-экономических систем, заключающиеся в широком внедрении принципов и методов стратегического управления. Предлагаются подходы к обеспечению широкого участия акторов социально-экономических процессов в обосновании и мониторинге стратегических решений на мезоуровне. Инструментом исследования являются принципы системного анализа основных процедур стратегического управления на мезоуровне. Вновь создаваемая модель, которую мы можем охарактеризовать как «целевое управление системами», должна базироваться на принципах системного рассмотрения всех объектов управления. Важной функцией такой модели является постоянный анализ и интеграция целей и путей и механизмов развития всех подсистем, образующих рассматриваемую социально-экономическую систему.

Abstract

This article reviews the main areas of reform of the regional socio-economic systems in the broad implementation of principles and methods of strategic management techniques.. Approaches have been proposed to ensure the broad participation of actors in socio-economic processes in the justification and monitoring of strategic decisions at the meso-level. The research tool is the principles of a systematic review

of strategic management at the meso-level. The newly created model that we can describe as «targeted systems management» should be based on the principles of systemic review of all management facilities. An important function of this model is the continuous analysis and integration of the development goals of all sub-systems under consideration by the society.

Ключевые слова Социально-экономическая система, мезоуровень, проблемы социального и экономического развития, стратегия, программно-целевое управление, проекты.

Keywords Socio-economic system, meso-level, social and economic development, strategy, program-oriented governance, projects.

Неэффективность сложившейся за последние 20 лет государственной системы управления экономикой и необходимость ее глубокого реформирования к настоящему времени стала общепризнанным мнением и в научных кругах, и в обществе в целом. На уровне общественного восприятия понимание этого проявилось в ходе борьбы с COVID-19. Цель реформирования – обеспечение возможностей и стимулов к развитию общества в экономическом, социальном и экологическом аспектах. Основой реформирования должна стать смена существующей модели управления, представляющей собой смесь либеральной концепции, не всегда эффективных методов директивизма и макрорегулирования. Вновь создаваемая модель, которую мы можем охарактеризовать как «целевое управление системами», должна базироваться на принципах системного рассмотрения всех объектов управления. В совокупности эти принципы формулировались в работах [1]–[4]. Методология целевого и программно-целевого управления была глубоко рассмотрена еще в начале 80-х годов прошлого века, [2], [3]. Важной функцией такой модели является обеспечение возможностей участия субъектов, заинтересованных в разработке и реализации управленческих решений, принимаемых государственными органами, и оценки их общественной эффективности. Также объектами такой оценки должны быть решения, принимаемые частным бизнесом. Одной из важнейших составляющих такой системы является система стратегического управления. Основным требованием, предъявляемым к такой системе, является обеспечение возможности эффективной реализации процедур разработки и реализации стратегии развития социально-экономической системы (СЭС), являющейся объектом анализа и управления.

Важнейшее понятие развития СЭС любого уровня является многоаспектным и может рассматриваться с позиций различных заинтересованных членов социума. Например, для многих экономистов смысл развития заключается в ускорении экономического роста, который, с одной стороны, обусловлен, а с другой стороны, влечет за собой прочие социальные, экологические и технологические изменения. С точки зрения бизнес-сообщества, экономическое развитие в первую очередь должно способствовать повышению конкурентоспособности и деловой активности, накоплению знаний в сфере управления повышением уровня развития персонала. Представители органов государственного управления, могут связывать развитие с повышением рейтинга региона, повышением его роли в общестрановых социально-экономических процессах, улучшении региональных целевых показателей,

соответствующих приоритетам развития страны в целом, начиная от демографических показателей и заканчивая показателями голосования на парламентских и президентских выборах. Защитники окружающей среды представляют его как устойчивое развитие, гармонизирующее экологические, экономические и социальные системы. Представители общественных организаций и профсоюзов связывают экономическое развитие с повышением заработных плат, стипендий, пенсий и пособий, повышением уровня базового образования и качества подготовки кадров. Для руководителей и специалистов в сфере местного самоуправления экономическое развитие – это способ укрепления муниципальной экономики в целях сокращения бедности и неравенства, создание новых, более качественных рабочих мест, реализация социальных проектов и программ. Различия в понимании развития и наиболее актуальных его направлений различными субъектами целеполагания находят свое отражение в понимании и формулировках наиболее острых проблем. Таким образом, есть и объективные различия в «проблемополагании». Проблема как объект управления может рассматриваться, во-первых, как идентифицированное расхождение между существующими или прогнозируемыми и желательными характеристиками функционирования определенных подсистем и элементов СЭС, во-вторых, проблема может быть идентифицирована как общественно осознанная оценка недостижения ряда целей развития, приписываемых определенным подсистемам СЭС. Наличие проблем является препятствием на пути движения к желательному состоянию рассматриваемой СЭС в целом, то есть к достижению целей развития. Поэтому можно рассматривать развитие СЭС как совокупность процессов устранения (решения) проблем.

Современная социально-экономическая ситуация может быть охарактеризована как «проблемная». В СМИ и научных публикациях часто упоминается ряд проблем социального и экономического развития, которые носят хронический характер. Среди них – необходимость перехода от сырьевой к инновационно-технологической, постиндустриальной модели социально-экономического развития; низкая конкурентоспособность продукции предприятий перерабатывающей промышленности; недостаточный уровень экспорта товаров и услуг, в первую очередь АПК, туризма и рекреации, а также продукции перерабатывающей промышленности; низкая инновационная активность предприятий большинства секторов экономики; недостаточное развитие малого и среднего бизнеса; устаревание производственного аппарата и технологическое отставание в ряде отраслей; недостаточное качество человеческого потенциала и дефицит высококвалифицированных трудовых ресурсов; неудовлетворительный уровень компетентности работников органов управления всех уровней и, как следствие, низкая обоснованность и эффективность принимаемых и реализуемых управленческих решений; проблемы социального развития, в частности: рост противоречий между обществом и властью, рост взаимного отчуждения; низкая социальная и деловая активность населения, низкий уровень доходов населения и рост их дифференциации; неудовлетворительный уровень обеспечения важнейших социальных потребностей (здравоохранение, образование, социальная инфраструктура за пределами крупных городов, АПК, ЖКХ, судопроизводство и полиция, муниципальный транспорт и пр.).

Все перечисленные проблемы носят хронический характер, и их существование в значительной степени обусловлено существующей в стране «либеральной» моделью государственного регулирования социально-экономических процессов

развития при олигархо-бюрократической организации общества. С учетом сложившейся социально-экономической ситуации общие принципы государственного управления в нашей стране должны кардинально измениться. Система управления в целом характеризуется совокупностью правил и принципов принятия решений в сфере управления экономическими процессами, различными субъектами управления на разных уровнях хозяйствования, а также регламентом их взаимодействия между собой, а также между ними и объектами управления. Назрела необходимость их коренного реформирования на основе принципов системного анализа и управления социально-экономическими процессами. Вновь создаваемую модель можно охарактеризовать как целевое управление системами (ЦУС). Среди основных принципов формирования и функционирования модели ЦУС необходимо отметить следующие.

1. Важнейшим принципом принятия управленческих решений является целевой принцип, согласно которому в основе процессов управления социально-экономическими системами (СЭС) каждого уровня от федерального до муниципального и любой ведомственной принадлежности в основе принятия управленческих решений должен лежать анализ целей развития данной СЭС. Критерием эффективности принятия решений является максимизация результатов, характеризуемых улучшением принятых целевых показателей развития, формируемых измеряемых в пространстве приоритетных целей развития СЭС. Данный принцип осуществляется в форме значительного расширения сферы использования методологии и методики программно-целевого планирования.

2. Субъектами управления являются органы управления корпоративного, муниципального и регионального уровня, а объектами управления – хозяйствующие субъекты и реализуемые ими проекты. У различных субъектов целеполагания может быть разный взгляд на одну и ту же проблему. Например, на проблемы здравоохранения по-разному смотрят пациенты, поставщики ресурсов для здравоохранения, медицинские работники и чиновники. То же справедливо и для системы образования и т.д. С позиций обеспечения эффективного управления стратегией решения проблем субъекты реализации и субъекты управления реализацией стратегии должны быть интегрированы. Одним из важнейших условий такой интеграции является участие всех заинтересованных акторов во всех процессах принятия управленческих решений. То есть процесс управления развитием должен представлять собой единый процесс, объединяющий органы управления, хозяйствующие субъекты и общество. В частности, цели развития системы в целом и пути их достижения формулируются на основе взаимосогласования и интеграции частных целей. Тем самым реализуется принцип единства субъектов целеполагания и реализации стратегий достижения сформулированных целей.

Проблемы, факторы их воспроизводства, цели деятельности и проблемы развития проявляются в деятельности конкретных предприятий и условиях осуществления конкретных проектов. Следовательно, на этом же уровне должно осуществляться управление разработкой и реализацией стратегий развития.

3. Основным условием и задачей функционирования новой системы является обеспечение оптимального совмещения директивных форм управления и управления, базирующегося на использовании стимулирующих, мотивационных механизмов регулирования процессов развития на всех уровнях управления. Необходимо определение и в ряде случаев институциональное закрепление областей и видов

деятельности, где необходимо усиление государственного регулирования. В частности, здравоохранение, образование, стратегические отрасли экономики и виды деятельности (например, транспорт и связь, социальное обеспечение, фундаментальная наука и др.). Должно быть достигнуто рациональное соотношение между стратегическим видением национальных и региональных проблем на уровне органов госуправления и использование хозяйственной инициативы частного бизнеса и мотивации гражданского общества в разработке и реализации управленческих решений.

4. Каждый потенциальный объект управления, попавший в сферу внимания органов управления, должен анализироваться как система, то есть должны исследоваться все его системные атрибуты: структура в разрезе функциональных подсистем, цели их развития и системы в целом, проблемы развития и подходы к их решению, связи с внешней средой, формы управления и др.

5. На верхнем уровне структуризации исследуемой СЭС объективно выделяются региональные и отраслевые системы, образующие верхний слой мезоуровня. Каждая из них может быть декомпозирована дальше «вниз», образуя слои более низких уровней. Каждая из подсистем должна рассматриваться как система, обладающая собственными целями и органами управления. Следовательно, каждой из них может соответствовать своя частная стратегия развития. Таким образом, важнейший принцип ЦУС — это последующая их интеграция на более «высоком» уровне, а также координация их в процессе реализации.

6. Реальными объектами содержательного управления процессами разработки и реализации стратегических решений должны являться реализующие их конкретные целевые программы, проекты и мероприятия. Поэтому каждая исследуемая СЭС структурируется до уровня конкретных проектов и мероприятий, которые могут быть объектом стандартных процедур управления. Из этого следует, что содержательный анализ проблем развития и потенциальных направлений их решения осуществляется, во-первых, на мезоуровне, а во-вторых, со степенью детальности, позволяющей описывать управляющие действия в «привязке» к конкретным мероприятиям и проектам.

7. Принятие управленческих решений осуществляется «снизу вверх», когда первоначально разрабатываются варианты стратегий развития СЭС на мезоуровне регионов, муниципальных образований и отраслевых комплексов, а затем интегрируются на более высоком, федеральном, уровне национальных проектов и федеральных целевых программ, естественно, за основу берутся сформулированные на федеральном уровне приоритетные цели, проблемы и задачи национального развития.

8. Выработка стратегий и принятия решений органами государственного управления должна быть абсолютно прозрачна для всех акторов, участвующих в формулировании проблем, поскольку речь идет об общественном мониторинге использования бюджетных средств.

В заключение особо отметим, что с позиций системного подхода важнейшими факторами внедрения ЦУС являются внедрение в общественное сознание и хозяйственную практику положения, что обязательной составной частью системы управления является общественное обсуждение наиболее важных проблем социально-экономического развития, причин их воспроизводства и основных направлений решения. Реформирование системы управления — это в значительной степени

реформирование системы общественных ценностей и приоритетов развития. Одной из наиболее значимых должна быть ценность человеческого потенциала. Кроме этого, должно быть модифицировано отношение и восприятие категорий стабильности и изменчивости. Система управления и общественное мнение должны быть ориентированы на то, что мы начинаем жить в изменяющемся мире и адаптация и готовность к этим изменениям должна быть аналогична готовности к вирусным инфекциям.

Библиографический список

1. Клейнер Г.Б. Экономика, моделирование, математика. Избранные труды. – ЦЭМИ РАН, 2016.
2. Проблемы методологии комплексного социально-экономического планирования. Под ред. Н.П. Федоренко, Ю.Р. Лейбkinда, Е.З. Майминаса – М.: «Наука», 1983.
3. Проблемы разработки и реализации комплексных программ. Под ред. Н.П. Федоренко, Ю.Р. Лейбkinда, Е.З. Майминаса – М.: «Наука», 1984.
4. Агафонов В.А. Стратегический менеджмент. Модели и процедуры. – М.: «Инфра-М», 2017.

References

1. Kleiner G.B. *Economica, modelirovanie, matematika. Izbrannie trudi* [Economics, modeling, mathematics. Selected works]. М.: CEMI RAN, 2016.
2. *Problems of integrated socio-economic planning. Rare.* N.P. Fedorenko, S.R. Leibkindu, E.Z. Maiminas – М: «Science», 1983.
3. *Problems of formulation and realization of complex programs Rare.* N.P. Fedorenko, S.R. Leibkindu, E.Z. Maiminas – М: «Science», 1984.
4. Agafonov V.A. *Strategicheskyy menedgment. Modely i prtcedury* [Strategic Management. Models and procedures]. М.: «Infra-M», 2017.

Контактная информация / Contact information

117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47, ЦЭМИ РАН.
CEMI RAS, 47, Nakhimovsky Prospect, 47, 117418, Moscow, Russia.
Агафонов Владимир Анатольевич / Vladimir A. Agafonov
+7 (499) 129-16-44, v-agafonov@yandex.ru

ОТ ПРИРОДНО-ТЕХНОГЕННЫХ И ДРУГИХ УГРОЗ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

FROM NATURAL-TECHNOGENIC AND OTHER THREATS TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-203-212

ВАСИЛЬЕВ Станислав Николаевич

Главный научный сотрудник, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова Российской академии наук (ИПУ РАН), академик РАН
Stanislav N. VASSILYEV

Chief researcher, Trapeznikov Institute of Control Sciences of of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences

ГОНЧАРЕНКО Станислав Степанович

Президент Евроазиатского транспортного инновационного центра (ЕАТИЦ), доцент Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), к.э.н.

Stanislav S. GONCHARENKO

President, Euro-Asian Transport Innovation Center, Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Candidate of Economic sciences

Аннотация

Статья посвящена анализу влияния искусственного интеллекта и цифровых технологий на общество и их значения для экономики, экологии и противодействия природным и техногенным угрозам. Рассматриваются проблематика искусственного интеллекта, его состояние, эволюция, факторы его продвижения и развития. Акцентируется значение цифровых технологий для перехода цивилизации к ноосферному состоянию с приоритетами науки и информации, как ресурсов развития, над энергией и веществом и с главенством духовно-нравственных ценностей. Рассматриваются факторы стратегического развития России и роль роботизации в реиндустриализации восточных и других регионов страны.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the importance of artificial intelligence and digital technologies for countering the threats of both natural and man-made disasters, as well as for the sustainable development of civilization. The problems of artificial intelligence, its condition, evolution, advancement factors and amplification prospects are considered. The importance of digital technologies for the transition of civilization to a qualitatively new Noosphere state with the accelerated development of intellectual and spiritual processes over matter is emphasized. The factors of Russia's strategic growth and the role of robotics in the reindustrialization of its eastern and other regions are considered.

Ключевые слова Цифровые технологии, искусственный интеллект, робототехника, ноосфера, устойчивое развитие.

Keywords Digital technologies, artificial intelligence, robotics, noosphere, sustainable development.

Введение

Пандемия с коронавирусом и нарастание инфодемии обратили мир в новую реальность, обнажив слабые и сильные стороны государств, их конституционных строев, социальных, научно-технологических, экономических и экологических моделей развития. Пандемия COVID-19 – первая глобальная эпидемия в эпоху социальных сетей, породившая не только инфодемию, но и широкое использование цифровых средств.

Государства должны опереться на платформы цифрового мониторинга, моделирования и управления социумом, его средой обитания и экономикой на разных уровнях власти и госуправления для ситуационного анализа обстановки и динамики ее развития, обеспечивая качество жизни и здоровье с сохранением приватности частной жизни и не подменяя обработку данных манипулятивным социальным контролем. Настоящее и будущее «цифровизации» среды жизнедеятельности человека сегодня связываются с IT-технологиями в области искусственного интеллекта (ИИ), с проектами телемедицины, умного дома – города – общества и т.п.

В некоторых странах, относящих себя к демократии, звучат разноречивые оценки успешности борьбы Китая с COVID-19: «образ т.н. „развития без демократии“ потускнел» (не справились) или «цифровой диктатуре легче» (справились, но ценой нарушения приватности частной жизни). К тому же борьба за лидерство в мире обострилась тем, что в 2017 г. Китай объявил о программе достижения глобального лидерства в области ИИ.

При всеобщей перегрузке СМИ темой пандемии и на фоне вынужденной дистанционной работы человека тематика ИИ и партнерских отношений человека с ИИ неизменно находятся в центре внимания.

Искусственный интеллект

Создание партнерской атмосферы в развивающемся цифровом мире и единение человечества на максимально гуманизированной и экологизированной основе на фоне национальных интересов цифрового суверенитета и роботизации цифровых систем – новый вызов устойчивому развитию человечества, хотя о перспективности искусственного интеллекта (ИИ) широко заговорили еще в 50-е годы прошлого века. Тогда же стал использоваться и сам термин «искусственный интеллект», обозначающий именно область исследований и IT-разработок. Первые достижения по автоматизации решения математических, игровых и других задач логическими, эвристическими и другими методами окрылили авторов, но затем энтузиазм несколько ослаб, поскольку явно недоставало производительности компьютеров, а цифровизация данных с бумажных носителей требовала времени.

А через два десятилетия – новый всплеск интереса к ИИ: создавались прикладные экспертные системы на логических правилах, системы нейросетевой обра-

ботки данных с усиленными методами машинного обучения, хотя сыграло свою роль и усиление производительности тогдашних ЭВМ.

В настоящее время рост интереса и бурное развитие ИИ можно объяснить следующими факторами. Прежде всего, возможностями существенного сокращения ручного труда и повышения прибыльности бизнеса на основе внедрения цифровых технологий с интеллектуализацией; масштабом накопленных и используемых цифровых данных и развитием коммуникационных средств с уменьшением возрастной асимметрии пользователей, что особенно проявилось в условиях пандемии; предпочтением удаленной работы, высказываемым как сотрудниками, так и некоторыми их руководителями, отмечающими повышение производительности сотрудников на «удаленке»; улучшением характеристик компьютеров – их производительности, объема памяти, мобильности, энергоэкономичности; расширением дистанционно предоставляемых сервисов. Это не только информационные и вычислительные, но и аппаратные сервисы, благодаря доступности автономной (беспилотной) и другой удаленной техники, опробуемой не только для информационных целей мониторинга, но и в киберфизических задачах доставки материалов и предметов на расстояние и пр.

Функциональная нацеленность ИИ разнообразна. Это задачи автоматического и автоматизированного приема, передачи, накопления, обработки информации и управления. В числе этих задач – распознавание видеообразов и речи, анализ трехмерных сцен, автоматизация рассуждений, межязыковой перевод естественно-языковых и других текстов и речи, машинное обучение, выявление закономерностей, визуализация и анализ больших данных, семантические модели и вычисления, управление в сетях и сетями, облачные вычисления, интернет вещей и многое другое.

Разработки гражданского и военного назначения, в т.ч. в стратегически значимой для страны сфере управления автономными (беспилотными) мобильными объектами космической, авиационной, морской, наземной и многосредовой природы, критически нуждаются в технологиях ИИ для обработки сигналов, данных и знаний (например [1–4]). Таковы, в частности, задачи группового преследования и маршрутизации в конфликтных средах, которые в силу своей сложности, помимо классических, нуждаются в ИИ [4, 5]. При этом традиционные вычислительные средства (моделирования, анализа, оптимизации и др.) комплексуются с IT-продуктами ИИ (логические средства автоматизации рассуждений, нейросети распознавания образов, классификации, машинного обучения, генетические и другие средства эволюционной оптимизации и адаптации, модели когнитивной эволюции и др.). Перспективны разработки, интегрирующие нейросетевые и символьные методы и расширяющие область применения ИИ [15–7]. Например, в процессе обучения нейросети распознаванию образов и естественно-языковых текстов анализ изображений ведется совместно с анализом связанных с ними ЕЯ-текстов [7].

Наиболее активно развиваются сейчас такие направления, как обработка больших данных (BigData) с обучением и автономизацией агентов, планирующих самостоятельно свои действия. Под агентами можно понимать как программы (софтботы в сетях и пр.), так и беспилотный транспорт (складской, пассажирский) и прочих роботов (например, роботов-манипуляторов в сборочном и других производствах). Исследователей интересуют также такие направления, как семантическое моделирование, автоматизация проектирования онтологий, создание мультидисциплинарных моделей ИИ; комплексирование методов достоверного и правдоподобного вывода с методами гипотезирования; моделирование рефлексии, децентрализо-

ванное групповое управление, многокритериальное принятие решений в задачах жесткого реального времени и др. В проблематике т.н. интеллектуального анализа данных партнерские человеко-машинные системы являются основным средством генерации нового знания в различных приложениях от медицины до наук о человеке и обществе [8].

Перечисленные IT-разработки, хотя и претендующие называться интеллектуальными, правильнее называть интеллектными (Intelligent) [9], т.е. использующими наработки ИИ как области исследований. Интеллектные системы пока не умеют «самоозадачиваться» (целеполагать), т.е. не умеют ставить себе задачи, причем по большому счету – подобно человеку, т.е. осознавая обстановку и себя в ней.

Промышленные, медицинские и другие роботы – это в основном роботы-манипуляторы или подвижные роботы с контролируемой последовательностью не только целей, но и действий, т.е. интеллектные роботы. Интеллектуальными (Intellectual) будут называться будущие разработки со способностями не только автоматического достижения цели, но и самоозадачивания, т.е. обладающие, помимо реактивных и других регуляторных механизмов целенаправленного поведения, также и механизмами самого целеполагания. Обладая элементами интуитивного и ассоциативного мышления и даже псевдосознания, они освободятся от нацеленности на частные классы так или иначе близких задач, пусть даже разных областей. Так что в ИИ – огромное поле интереснейших задач, в т.ч. по нейросимвольному моделированию возникновения адаптивного поведения агентов, мотиваций и планирования индивидуальных и групповых действий с элементами целеполагания, по эволюционному подавлению внутривидовой и межвидовой конкуренции.

Сегодня же к интеллектуальным можно отнести человеко-машинные системы с целеполаганием человека. Применительно к ним президент В. Путин употребил термин «партнерские системы». На Международном форуме «Artificial Intelligence Journey» (Москва, 8–9.11.2019) он акцентировал также внимание на необходимости создания «свода этических правил» взаимодействия между людьми и продуктами ИИ, что важно для цифрового мира. Именно технологии ИИ могут и должны помочь гасить инфодемию в социальных сетях, не подминая их, тем более что эта проблема выходит из технологической в гуманитарно-правовую и социально-политическую сферы.

К устойчивому развитию

Интересный подход к проблеме устойчивого развития общества по результатам моделирования когнитивной эволюции познавательных способностей биоорганизмов предложен в [10]. В частности, некоторыми выводами по моделированию устранимости конкуренции биоорганизмов было бы интересно дополнить концепцию т.н. «суперинтеллектуального» общества 5.0 из [11] (по-другому – «суперумного» общества [12]), где, помимо оценок обоснованности суждений о влиянии на общество искусственного интеллекта, общество 5.0 характеризуется оптимальным сочетанием ресурсов общества посредством интеграции реального (физического) и виртуального (цифрового) пространства в условиях рыночной конкуренции. Проблеме преодоления сложности интеграции необходимых для этого моделей и технологических средств посвящена также работа [13].

COVID-19 – не исключение, а одна из череды проблем прошлого и будущего. И мир должен быть подготовлен лучше к встрече с ними. Странам необходимо сотрудничать и учиться управлять в науке и искусстве противодействия угрозам,

в т.ч. крупномасштабными системами. Трагедия пандемии должна инициировать стремление к росту, развитию и добрососедству. Так, президент В. Путин молниеносно отреагировал по одному из важнейших направлений. Учитывая, что разрастание эпидемии связано со скученностью людей и циркуляцией людского потока через объекты высокой плотности (популярные мировые туристские объекты), потока – разносящего болезнь по миру, он дал установку экстренно развивать внутренний туризм. А это значит индустрию, практически новую, точнее забытую старую для России, с необходимым качеством и доступностью во многих регионах. Индустрию – с новыми требованиями к культуре, строительству, транспорту и многому еще.

Государства должны создать механизмы предсказания опасных явлений и борьбы с ними. COVID-19 показал, что любое государство в первую очередь беспокоится за свою страну, свою экономику, свой строй и почти всегда – свой народ. Это в определенной степени оправданно и даже спасительно. Но этого недостаточно, требуется международное сотрудничество, в т.ч. в сфере здравоохранения, ибо государственный изоляционизм может привести к катастрофе для всей цивилизации, и не только от «бионапасти». К этому относится, например, неприятие отдельными государствами, в первую очередь великими державами США и Китаем, единых требований по экологии. Очевидна потребность в парадигме развития стран и человечества в целом, учитывающей разные виды опасностей, в т.ч. амбиций государств, их блоковости и конкуренции, зачастую агрессивной, а также опасностей корыстных интересов транснациональных компаний.

Пандемия и проблемы противостояния ей актуализируют целеполагание и единение взглядов на развитие России в XXI веке. Стране необходимо применить принцип стратегического управления – превратить угрозы в возможности, слабые стороны (проблемы) – в сильные. Соответственно: «Проблемы России – это ее пока еще не использованные возможности». И в этом отношении у России объективные предпосылки для стремительного прорывного развития существуют: самая обширная территория в мире, в два раза превышающая территорию каждого из ближайших по ранжиру соседей (Китай и США) и огромный экологический резерв человечества; самый большой запас сырьевых ресурсов, в несколько раз превышающий ближайших по запасам соседей (Китая и США); обширная зона плодородия, проходящая широтной полосой через всю страну и имеющая 44% всех черноземов Земли.

Однако состояние и перспективы наращивания ВВП ведущих стран мира по оценке МВФ [14], представленные в таблице, показывают необходимость увеличения ВВП России на порядок для выхода на уровень лидеров. Другие проблемы России – а) низкая производительность труда, б) недостаточная численность населения для столь обширной территории и такого объема сырьевых ресурсов мирового уровня, в) асимметрия заселенности и освоения различных регионов, г) известные проблемы в сфере образования и науки (они же – снова причины других проблем) и др.

Стране нужна миссия, поддерживаемая всем народом, миссия, вызывающая общенациональный творческий, производственный порыв. Порыв, которому подчинены все силы, средства и механизмы государства. Кто и что мы, Россия, для своего народа и для всего мира, для стран СНГ, для стран дальнего зарубежья? Миссии есть у многих стран. Миссия России определена, но пока нет единения интересов и интеграции усилий. Миссия – в реализации национальной стратегии устойчивого развития с преодолением внешних и внутренних угроз, системных кризисов,

построением общества высокого качества жизни и ответственным вкладом в развитие ноосферных процессов на планете [15, 16]. Миссия – показать пример успешного начала реализации этой стратегии, увлекающей страны и народы в ноосферу с глобальным устойчивым со-развитием природы и техносферы, с приоритетами нравственности и сознания над социальным бытием, интеллектуально-духовных процессов над материальными, приоритетами науки и информации, как ресурсов развития, над энергией и веществом.

Таблица 1.
Состояние и перспективы наращивания ВВП ведущих стран мира

МВФ: крупнейшие экономики мира по размеру номинального ВВП, \$ млрд		2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
1	США	20 494	21 345	22 198	23 060	23 923	24 813	25 729
2	КИТАЙ	13 407	14 217	15 468	16 807	18 207	19 714	21 310
3	ЯПОНИЯ	4 972	5 176	5 495	5 808	6 134	6 476	6 849
4	ГЕРМАНИЯ	4 000	3 964	4 157	4 335	4 527	4 714	4 912
5	ИНДИЯ	2 717	2 972	3 258	3 577	3 924	4 306	4 729
6	ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	2 829	2 829	2 927	3 027	3 142	3 266	3 399
7	ФРАНЦИЯ	2 775	2 762	2 876	2 982	3 100	3 220	3 354
8	ИТАЛИЯ	2 072	2 026	2 090	2 142	2 201	2 257	2 323
9	БРАЗИЛИЯ	1 868	1 960	2 063	2 156	2 256	2 360	2 468
10	КАНАДА	1 711	1 739	1 832	1 926	2 027	2 134	2 242
11	КОРЕЯ	1 619	1 657	1 744	1 832	1 930	2 036	2 151
12	РОССИЯ	1 631	1 610	1 667	1 725	1 783	1 846	1 921
13	ИСПАНИЯ	1 426	1 429	1 497	1 560	1 627	1 693	1 766
14	АВСТРАЛИЯ	1 418	1 417	1 481	1 551	1 630	1 716	1 801
15	МЕКСИКА	1 223	1 241	1 298	1 358	1 424	1 495	1 570

Ранее Россия показала миру примеры выхода из системных кризисов, теперь уже классические. «Новый курс Рузвельта» с выходом США из Великой депрессии не является пионерным. В его основе – опыт СССР, его первых пятилеток, реализовавший стратегический план ГОЭЛРО. При этом план реализовывался в еще более критической ситуации, когда не было перепроизводства и достаточной индустриальной и транспортной основы. Для изучения этого передового для мировой практики опыта Россию посещали американские ученые, подготовившие «Новый курс Рузвельта».

Образование, культура и СМИ должны соответствовать сфере разума – быть опережающими, воспитывающими и ориентирующими на высоконравственные цели. «Человеческое знание состоит не из одной математики и технологий... это еще только низшее знание, высшее объемлет собой мир нравственный», – в предвидении технократического кризиса человечества писал еще В.Г. Белинский.

Успехи фундаментальной и прикладной биомедицины, и не только на поле боя с COVID-19, как и успехи всей науки, тоже относятся к числу важнейших факторов авторитета государства и весомости его голоса в мировой ноосферной политике. Устойчивое развитие человечества и само его существование подвержены глобальным рискам в условиях автаркии стран, изоляционизма или блоковости, которые нивелируют возможности кооперативного решения общих проблем.

Для ускоренного прорывного развития России крайне необходимо масштабное расширение индустриального пространства с выверенной и оптимальной моделью ускоренной реиндустриализации Сибири, Дальнего Востока и Россий-

ского Севера в виде Генеральной схемы развития и размещения производительных сил, аналогичной разработке 1968 года. Обоснование этой необходимости содержится в исследованиях отечественных ученых (в т.ч. [17–20]), с целой системой фондо- и трудоемких стратегических проектов, и в числе первых – развитие транспортной инфраструктуры для новых транспортно-промышленных комплексов (ТПК).

Главным транспортно-промышленным поясом должен быть Северный широтный экономический пояс на базе сквозной Северо-Российской евразийской широтной железнодорожной магистрали, включающей Сахалинскую дорогу, Байкало-Амурскую магистраль, Северо-Сибирскую магистраль и железнодорожные выходы на Баренцево, Белое и Балтийское моря. Этот пояс на перспективных месторождениях с мощными промышленными объектамикратно увеличит ВВП страны.

Проблема дефицита трудовых ресурсов вызовет сильнейшую потребность ТПК в автоматизации производственных и вспомогательных процессов и повышении качества жизни людей. Применение роботов и включающих их робототехнических комплексов (РТК) позволит не только сократить дефицит работников, но и повысить производительность труда. По данным Центра экономических показателей при Лондонской школе экономики в развитых странах до 10% прироста ВВП за последние годы обусловлено внедрением промышленной робототехники, у которой в России пока ряд проблем [21]. От объемов ВВП США и Китая – эти 10% равны объему сегодняшнего ВВП России, будучи лишь дополнением к приросту за счет самой реиндустриализации страны. И эту аналитическую задачу должны решить ученые в будущей целевой НИР. Переход к роботизированным производственным системам в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642) представлен в числе первых приоритетов. Понадобятся и дополнительные формы преобразования страны (свободные экономические зоны, кластеры). Создание широкого спектра масштабируемых малолюдных производств на основе РТК и, как следствие, увеличение ВВП страны будет амбициозным компонентом стратегии устойчивого развития и источником психологического подъема энтузиазма российского народа, как это бывало не раз в нашей истории. При упреждающем создании новых рабочих мест и переквалификации работников роботизация не вызовет безработицы, а нехватка инженеров и математиков-программистов в сфере РТК устранима мерами повышения привлекательности этих профессий, предпринимаемыми сейчас в стране.

В создании РТК и роботов нуждаются не только производственные системы промышленности, но и медицинская, космическая и другие отрасли страны. Эволюция этих разработок в направлении от интеллектуальных систем к созданию автономных интеллектуальных систем – актуальное направление научно-технологического развития государства. Требуют постоянного внимания проблемы развития электроники и программно-аппаратных платформ цифровизации, а также проблемы цифрового суверенитета – гарантированной защиты цифровых платформ и инфраструктур государства с противодействием утечке данных и инноваций, а также злонамеренному их использованию, включая проблемы государственного и международного правового обеспечения партнерской атмосферы цифрового мира.

Заключение

Миссия России – показать пример успешной реализации национальной стратегии устойчивого развития, увлекающий страны в глобальное устойчивое со-развитие человечества, природы и техносферы. Возможности есть. Дело за реализацией, а для этого необходимо единение интересов и усилий.

Библиографический список

1. Aksaray D., Vasile C.-I., Belta C. *Dynamic Routing of Energy-Aware Vehicles with Temporal Logic Constraints* // *Proc. of the International Conference ICRA on Robotics and Automation*. – Stockholm, Sweden. – 2016. – P. 3141–3146.
2. Galyaev A.A. *On the Detection Functional in Motion of an Object in a Threat Environment* // *Automation and Remote Control*. – 2011. – Vol. 71, № 4. – P. 634–639.
3. Leahy K., Zhou D., Vasile C.I., Oikonomopoulos K., Schwager M., Belta C. *Provably Correct Persistent Surveillance for Unmanned Aerial Vehicles Subject to Charging Constraints* // *Experimental Robotics*. – 2016. – P. 605–619.
4. Васильев С.Н., Галяев А.А. *Логико-оптимизационный подход в задачах преследования группы целей* // *ДАН*. – 2017. – Т. 474, № 6. – С. 1–7.
5. Komendantskaya E. *First-order Deduction in Neural Networks* // *Proc. of the 1st Internat. Conf. LATA on Language and Automata Theory and Applications*. – Tarragona, Spain. – 2007. – P. 307–319.
6. Katz G., Barrett C.W., Dill D.L., Julian K., Kochenderfer M.J. *An Efficient SMT Solver for Verifying Deep Neural Networks* // *CAV*. – 2017. – P. 97–117.
7. Mao J., Gan C., Kohli P., Tenenbaum J.B., Wu J. *The Neuro-symbolic Concept Learner: Interpreting Scenes, Words, and Sentences from Natural Supervision* // *ICLR*. – 2019. – P. 1–28.
8. Финн В.К. *Об эвристиках ДСМ-исследований* // *Научно-техническая информация. Сер. 2*. – 2019. – № 10. – С. 1–34.
9. Васильев С.Н. *Формализация знаний и управление на основе позитивно-образованных языков* // *Информационные технологии и вычислительные системы*. – 2008. – № 1. – С. 3–19.
10. Редько В.Г. *Моделирование когнитивной эволюции: На пути к теории эволюционного происхождения мышления*. – М.: ЛЕНАНД. – 2019. – 264 с.
11. Норицугу У. *Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric* // *Экономические стратегии*. 2017, № 4. – С. 2–11.
12. Гончаров С.С., Свириденко Д.И. *Проблемы цифровизации и семантическое моделирование* // *Материалы XII Мультиконференции по проблемам управления (МКПУ-2019)*. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд. ЮФУ. – 2019, т. 1. – С. 16–19.
13. Каляев И.А. *Камо грядеши?* // *Экономические стратегии*. – М.: ИЭС. – 2019, т. 21, № 5 (163). – С. 6–15.
14. *Крупнейшие экономики мира. [Электронный ресурс]*. – https://yandex.ru/images/search?pos=3&img_url=https%3A%2F%2Fpbs.twimg.com%2Fmedia%2FD4LMB_LWAAAF4A7.jpg%3Alarge&text=Экономика+России+2019+место+в+мире&rpt=simage&source=related-duck.
15. *Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи, результаты*. Под ред. В.А. Коптюга, В.М. Матросова, В.К. Левашова. – М.: Изд. «Academia». – 2000. – 397 с.
16. Селезнев Г.Н., Христенко В.Б., Залиханов М.Ч., Львов Д.С., Матросов В.М., Гранберг А.Г., Левашов В.К., Урсул А.Д., Шелехов А.М. *Научная основа стратегии устойчивого развития Российской Федерации*. Под общ. ред. М.Ч. Залиханова, В.М. Матросова, А.М. Шелехова. – М.: Изд. Госдумы РФ. – 2002. – 392 с.
17. Гончаренко С.С., Персианов В.А. *Роль социальной инфраструктуры в экономике России*. – М.: НП «Центр стратегического партнерства». – 2013. – 339 с.

18. *Проблемные регионы ресурсного типа: азиатская часть России.* – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, ИИ СО РАН, ИСЭМ СО РАН. – 2005. – 377 с.
19. *Транспортно-промышленное освоение Сибири и Дальнего Востока и приграничных территорий – системный фактор прорывного развития экономики России, ее интеграции в мировую систему («Горизонт–2030»), ч. II: Аналитический доклад Байкальского экономического форума. Под науч. ред. С.Н. Васильева, В.И. Сулова, В.А. Персианова, С.С. Гончаренко, Т.Н. Есиковой.* – М. – Новосибирск: ИПУ РАН, ИЭОПП СО РАН, ЕАТИЦ. – 2006. – 192 с.
20. Прокофьева Т.А., Гончаренко С.С., Семенов Н.Н., Элларян А.С. *Стратегическая доктрина развития транспорта и формирования интегрированных транспортно-логистических систем в регионах Европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока.* – М.: ОАО «ИТКОР». – 2020. – 226 с.
21. Перепелица А.А. *Промышленная робототехника в России. Состояние и проблемы развития. Видение интегратора.* [Электронный ресурс]. – http://alphajet.ru/knowledge/articles/stati_45.html.

References

1. Aksaray D., Vasile C.-I., Belta C. *Dynamic Routing of Energy-Aware Vehicles with Temporal Logic Constraints* // *Proc. of the International Conference ICRA on Robotics and Automation.* – Stockholm, Sweden. – 2016. – P. 3141–3146.
2. Galyaev A.A. *On the Detection Functional in Motion of an Object in a Threat Environment* // *Automation and Remote Control.* – 2011. – Vol. 71, № 4. – P. 634–639.
3. Leahy K., Zhou D., Vasile C.I., Oikonomopoulos K., Schwager M., Belta C. *Provably Correct Persistent Surveillance for Unmanned Aerial Vehicles Subject to Charging Constraints* // *Experimental Robotics.* – 2016. – P. 605–619.
4. Vassilyev S.N., Galyaev A.A. *Logical-optimization Approach to Pursuit Problems for a Group of Targets* // *Doklady Mathematics.* – 2017. – Vol. 95, no. 3. – P. 299–304.
5. Komendantskaya E. *First-order Deduction in Neural Networks* // *Proc. of the 1st Internat. Conf. LATA on Language and Automata Theory and Applications.* – Tarragona, Spain. – 2007. – P. 307–319.
6. Katz G., Barrett C.W., Dill D.L., Julian K., Kochenderfer M.J. *An Efficient SMT Solver for Verifying Deep Neural Networks* // *CAV.* – 2017. – P. 97–117.
7. Mao J., Gan C., Kohli P., Tenenbaum J.B., Wu J. *The Neuro-symbolic Concept Learner: Interpreting Scenes, Words, and Sentences from Natural Supervision* // *ICLR.* – 2019. – P. 1–28.
8. Finn V.K. *Ob evristikakh DSM-issledovaniy* // *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Ser. 2.* – 2019. – № 10. – S. 1–34.
9. Vassilyev S.N. *Formalizatsiya znaniy i upravlenie na osnove pozitivno-obrazovannykh yazykov* // *Informatsionnye tekhnologii i vychislitel'nye sistemy.* – 2008. – № 1. – S. 3–19.
10. Red'ko V.G. *Modelirovanie kognitivnoi evolyutsii: Na puti k teorii evolyutsionnogo proiskhozhdeniya myshleniya.* – М.: LENAND. – 2019. – 264 s
11. Noritsugu U. *Obshchestvo 5.0: vzglyad Mitsubishi Electric* // *Ekonomicheskie strategii.* 2017, № 4. – S. 2–11.
12. Goncharov S.S., Sviridenko D.I. *Problemy tsifrovizatsii i semanticheskoe modelirovanie* // *Materialy XII Mul'tikonferentsii po problemam upravleniya (MKPU-2019).* – Rostov-na-Donu; Taganrog: Izd. YuFU. – 2019, t. 1. – S. 16–19.
13. Kalyaev I.A. *Kamo gryadeshi?* // *Ekonomicheskie strategii.* – М.: IES. – 2019, t. 21, № 5 (163). – S. 6–15.
14. *Krupneishie ekonomiki mira.* https://yandex.ru/images/search?pos=3&img_url=https%3A%2F%2Fpbs.twimg.com%2Fmedia%2FD4LMB_LWAAAF4A7.jpg%3Alarge&text=Экономика+Росси+2019+место+в+мире&rpt=simage&source=related-duck
15. *Novaya paradigma razvitiya Rossii v XXI veke. Kompleksnye issledovaniya problem ustoichivogo razvitiya: idei, rezul'taty.* Pod red. V.A. Koptuyuga, V.M. Matrosova, V.K. Levashova. – М.: Izd. «Academia». – 2000. – 397 s.

16. Seleznev G.N., Khristenko V.B., Zalikhanov M.Ch., L'vov D. S., Matrosov V.M., Granberg A.G., Levashov V.K., Ursul A.D., Shelekhov A.M. *Nauchnaya osnova strategii ustoichivogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii. Pod obshch. red. M.Ch. Zalikhanova, V.M. Matrosova, A.M. Shelekhova.* – M.: Izd. GosDumy RF. – 2002. – 392 s.
17. Goncharenko S.S., Persianov V.A. *Rol' sotsial'noi infrastruktury v ekonomike Rossii.* – M.: NP «Tsentr strategicheskogo partnerstva». – 2013. – 339 s.
18. *Problemye regiony resursnogo tipa: aziatskaya chast' Rossii.* – Novosibirsk.: IEOPP SO RAN, II SO RAN, ISEM SO RAN. – 2005. – 377 s.
19. *Transportno-promyshlennoe osvoenie Sibiri i Dal'nego Vostoka i prigranichnykh territorii – sistemnyi faktor proryvnogo razvitiya ekonomiki Rossii, ee integratsii v mirovuyu sistemu («Gorizont-2030»), ch. II: Analiticheskii doklad Baikal'skogo ekonomicheskogo foruma. Pod nauch. red. S.N. Vassilyeva, V.I. Suslova, V.A. Persianova, S.S. Goncharenko, T.N. Esikovoi.* – M.-Novosibirsk: IPU RAN, IEOPP SO RAN, EATITs. – 2006. – 192 s.
20. Prokof'eva T.A., Goncharenko S.S., Semenov N.N., Ellaryan A.S. *Strategicheskaya doktrina razvitiya transporta i formirovaniya integrirovannykh transportno-logisticheskikh sistem v regionakh Evropeiskogo Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka.* – M.: OAO «ITKOR». – 2020. – 226 s.
21. Perepelitsa A.A. *Promyshlennaya robototekhnika v Rossii. Sostoyanie i problemy razvitiya. Videnie integratora.* http://alphajet.ru/knowledge/articles /stati_45.html

Контактная информация / Contact information

ИПУ РАН, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 65.

Trapeznikov Institute of Control Sciences of RAS, 65, Profsoyuznaya Street, Moscow, 117997, Russia

Васильев Станислав Николаевич / Stanislav N. Vassilyev

vassilyev_sn@mail.ru

ЕАТИЦ, 119072, г. Москва, ул. Новоданиловская, д. 2, корп. 1.

EATIC: 2-1, Novodanilovskaya Street, Moscow, 119072, Russia

Гончаренко Станислав Степанович / Stanislav S. Goncharenko

goncharenkoss@mail.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ «ЗЕЛЕННЫХ» ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ НЕСТАЦИОНАРНОЙ ЭКОНОМИКИ И ГЛОБАЛЬНЫХ СДВИГОВ

ON GREEN ENERGY TECHNOLOGIES' PROSPECTS IN UNSTABLE ECONOMIC CONDITIONS AND GLOBAL CHANGES

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-213-218

ТЕРЕНТЬЕВ Николай Евгеньевич

Старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН), к.э.н.

Nikolay E. TERENTIEV

Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (IEF RAS), Candidate of Economic sciences

Аннотация

В статье с учетом тенденций усиления нестабильности мировой хозяйственной системы и глобальных сдвигов проанализирована роль «зеленого» фактора в выработке новой модели социально-экономического развития при переходе к шестому технологическому укладу. В этом контексте рассмотрены некоторые тренды развития мирового энергетического сектора, а также возможности и ограничения развития возобновляемой энергетики и других «зеленых» энергетических технологий в мире и в России.

Abstract

The article analyzes the role of green factor of socio-economic development in the context of growing global economic instability and extending scale of global technological (new industrial revolution), geoeconomic and geopolitical shifts. The necessity of introducing new model (paradigm) of socio-economic development, human and environment oriented based on sustainable development paradigm is substantiated. Such a model to be efficient must fit three interrelated core priorities: (1) generate substantial economic growth rates, (2) extent environmental «limits to growth» i.e. prevent environment and climate from catastrophic degradation and (3) reduce economic inequality, both at

a country level and between countries. The model under consideration requires new strategic management system at different levels of economic system – from global to a company level. In this context selected trends, opportunities and limitations of green energy technologies globally and in Russia are described.

Ключевые слова «Зеленая» экономика, энергоэффективность, возобновляемые источники энергии, изменения климата, нестационарные условия, глобальные сдвиги, «зеленый» рост, новая промышленная революция.

Keywords Green economy, energy efficiency, climate change, renewable energy, unstable economic conditions, global changes, green growth, new industrial revolution.

Проблемы выработки новой модели социально-экономического развития в условиях нестационарной экономики и глобальных сдвигов

Мировая экономика в настоящее время находится на этапе системных трансформаций, характеризующихся глобальными технологическими, геоэкономическими и геополитическими сдвигами. Это повышает стратегические риски развития экономики России и требует выработки новой модели стратегического управления.

При анализе особенностей переходной российской экономики после начала рыночных преобразований в отечественной научной литературе получило распространение ее описание как нестационарной, т.е., по определению В.Н. Лившица и соавторов, «хозяйственной системы, которой присущи достаточно резкие и плохо предсказуемые изменения многих макроэкономических показателей, динамика которых не отвечает нормальному рыночному циклу, а скорее, присуща кризисным и посткризисным рыночным процессам» [1, с. 121] в противоположность «стационарной» экономике, характерной для промышленно развитых стран, «показатели деятельности которой относительно плавно меняются» [1, с. 121]. Исходя из такой трактовки, российская экономика до настоящего времени сохраняет определенные черты нестационарности, что обусловлено высокой зависимостью макроэкономической стабильности от цен на энергоресурсы, относительной неразвитостью фондового рынка и финансовой системы в целом, периодически наблюдаемыми резкими колебаниями курса рубля и т.д.

Отметим, что в последние годы правомерен вопрос о существенном росте нестационарности макроэкономических условий и в промышленно-развитых странах, а также на глобальном уровне в целом, что является последствием мирового экономического кризиса 2007–2009 гг., сохранения значительных дисбалансов в финансовой системе (рост долговой нагрузки государств). В определенном смысле данные тенденции отражают объективные трудности процесса выработки новой модели социально-экономического развития, соответствующей активно формируемому в мире шестому технологическому укладу (в зарубежной и отечественной литературе для его описания активно используется также термины «новая промышленная революция», «Индустрия 4.0» и др.). Данный уклад, доля которого в структуре ВВП США, по оценкам, уже достигает 10%, а в России не достигает и 1% [2, с. 32], базируется на нескольких группах передовых промышленных и информационных технологий: цифровой экономике (искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные

5G и др.); нанотехнологиях и новых материалах на их основе; роботизации; аддитивном производстве (промышленная 3D-печать); «зеленых» технологиях, направленных на экологизацию производства, и др. (подробнее см. [2]).

Важной особенностью будущей модели развития шестого технологического уклада, на наш взгляд, является не только масштаб технологических изменений и их усиливающееся влияние на условия жизни населения и общественные процессы, но также то, что такая модель для обретения своей устойчивости и запуска в мире новой долгосрочной волны экономического роста должна отвечать трем принципиальным условиям. Во-первых, обеспечить достаточную динамику экономики и устойчивую занятость для сохранения социально-экономической стабильности и повышения качества жизни населения. Во-вторых, за счет технологических инноваций «расширить пределы роста», т.е. обеспечить возможности дальнейшего экономического роста без катастрофического ухудшения состояния окружающей среды. В-третьих, смягчить проблему возрастающего в мире неравенства доходов и качества жизни, как внутристранового, так и межстранового.

Указанные задачи предполагают существенную трансформацию систем стратегического управления на всех уровнях от глобального до уровня отдельной компании, выработку новых принципов функционирования социально-экономических систем разного уровня иерархии.

Роль «зеленого» фактора в переходе к новой модели социально-экономического развития

Масштаб и системный характер требуемых изменений в мировом хозяйстве обусловил принятие промышленно-развитыми и ведущими развивающимися странами стратегии перехода к устойчивому развитию, формализованной в виде 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН до 2030 г. и являющейся частью концепции «зеленой» экономики и «зеленого» роста, разрабатываемой с 2007–2009 гг. экспертами Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Данные концептуальные платформы, с одной стороны, выступают в качестве рамок для осуществления экономической политики отдельными странами; с другой стороны, предлагают наборы конкретных показателей и индикаторов, позволяющих отслеживать прогресс на глобальном и национальном уровнях (см., например, [3]).

Процессы становления «зеленой» экономики в мире и тем более в России в последние годы характеризуются противоречивыми тенденциями. С одной стороны, наблюдается значительный рост инвестиций в «зеленые» технологии в различных секторах (оцениваемый в объеме в несколько сотен миллиардов долл. в год), принятие «зеленых» стандартов в строительстве, все более тесная интеграция возобновляемой энергетики в энергосистемы ведущих экономик, активное расширение парка электромобилей, особенно в крупных городах, и т.д.. С другой стороны, «зеленые» технологии во многих секторах по-прежнему остаются чрезмерно капиталоемкими и высокорисковыми, а темпы их внедрения отстают от целевых уровней. Особенно явно это проявляется в России, где несмотря на определенный прогресс в последние годы «зеленая» экономика, по сути, лишь начинает свое развитие.

Основной причиной недостаточной динамики развития «зеленой» экономики в мире и в России является, на наш взгляд, отсутствие эффективных государственных стратегий, а также недостаточная эффективность применяемых механизмов эконо-

мической политики, стимулирующих внедрение «зеленых» технологий. Формирование «зеленой» экономики предполагает системный характер структурных изменений отраслей и секторов экономики (в первую очередь энергетики, транспорта и промышленности), а также в сфере занятости (включая возникновение ряда новых профессий); создание новых межотраслевых технологических.

Стратегическое управление этим процессом в России на макроэкономическом и отраслевом уровнях не может ограничиваться системой экономических и институциональных мер поддержки отдельных групп «зеленых» технологий. Необходимо формирование целостной экономической модели развития, в рамках которой должны быть разработаны конкретные приоритеты экологизации промышленных производств и инфраструктурных отраслей в их тесной взаимосвязи с общими задачами модернизации экономики. Реальный, а не декларируемый переход к модели устойчивого развития и «зеленой» экономике как ее воплощению требует системного изменения приоритетов экономической (включая денежно-кредитную) политики, перехода к новым социально и экологически ориентированным принципам взаимодействия государства, общества и бизнеса.

Выработка новых принципов стратегического управления – методологически сложная задача. В рамках настоящего исследования ограничимся выделением следующих положений, которые, на наш взгляд, должны быть учтены в новой стратегии государственного управления.

1. Приоритет наряду с ростом экономики максимизации человеческого и природного капитала. Стратегии социальной поддержки населения, обеспечения социальной инфраструктурой (включая сеть учреждений здравоохранения и образовательных учреждений) должны быть ориентированы не на оптимизацию исключительно экономических показателей, но на максимизацию социальных эффектов и качества жизни населения в долгосрочной перспективе. С этих позиций наблюдаемые в России в последние годы сокращения числа объектов социальной инфраструктуры, отдельные изменения стандартов в системе высшего и профессионального образования и др. могут быть признаны неэффективными, поскольку, обеспечивая краткосрочные экономические выгоды («оптимизацию»), ведут к негативным долгосрочным последствиям для общества.

2. Тесная интеграция приоритетов внедрения «зеленых» технологий в России с задачами модернизации экономики и повышения ее конкурентоспособности. Представляется, что все значимые законодательные изменения в области экономического регулирования и промышленной политики должны быть взаимно согласованы, не создавать дополнительных рисков, а напротив, повышать потенциал экономического роста, обеспечения занятости и роста благосостояния населения. С этих позиций явно контрпродуктивным является широко обсуждаемая в настоящее время разработка проекта федерального закона о государственном регулировании выбросов парниковых газов, который, будучи формально ориентированным на смягчение последствий острой проблемы глобальных изменений климата, на практике может создать недопустимые ограничения для развития российской экономики.

Возможности и ограничения развития «зеленых» энергетических технологий в мире и в России в условиях долгосрочных глобальных сдвигов

Ключевую роль в реализации задач экологизации экономики, стабилизации глобальной концентрации парниковых газов и перехода к устойчивому развитию

играет энергетический сектор. Текущие тенденции его развития характеризуются, с одной стороны, интенсивной модернизацией традиционной энергетики, активным развитием инновационных направлений, в первую очередь возобновляемых источников энергии (ВИЭ), повышением роли электроэнергетики и др. Вместе с тем наблюдаются серьезные дисбалансы в развитии и обеспечении доступа населения мира к энергетическим ресурсам (в частности, около 1 млрд чел. не имеет доступа к электроэнергии [4, р. 23]); темпы технологической модернизации энергетического сектора существенно отстают от необходимых для выполнения целевых показателей Парижского соглашения по климату (удержание совокупного роста среднемировой температуры приземного воздуха в пределах 1,5°C и не более 2°C).

Развитие «зеленой» энергетики в мире и в России в ближайшие годы будет идти по нескольким основным направлениям. Во-первых, центральную роль в последние годы играет (и в обозримой перспективе продолжит играть) фактор повышения энергетической эффективности. По оценкам Международного энергетического агентства, в случае реализации всех объявленных в настоящее время государственных программ модернизации ежегодные общемировые инвестиции в повышение энергетической эффективности возрастут с 240 млрд долл. в 2018 г. до 445 млрд долл. к 2030 г. и 635 млрд долл. к 2040 г., т.е. совокупно на 11,7 трлн долл. до 2040 г. При реализации сценария устойчивого развития, предусматривающего выполнение целевых показателей Парижского соглашения, совокупный объем рассматриваемых инвестиций до 2040 г. может составить 16,7 трлн долл. [4, р. 299].

Во-вторых, ожидается дальнейший рост вводимых мощностей и постепенный рост доли в энергобалансе ВИЭ, совокупные общемировые инвестиции в которые, по прогнозам Международного энергетического агентства, в рамках сценария реализации утвержденных мер к 2040 г. могут превысить 10 трлн долл. (5,233 трлн долл. в 2019–2030 гг. и 4,772 трлн долл. в 2031–2040 гг.); а в рамках сценария устойчивого развития достичь к 2040 г. 15,868 трлн долл. (7,793 и 8,075 трлн долл. соответственно [4, р. 299]).

В третьих, происходит интенсивная модернизация энергетической инфраструктуры в промышленно развитых и особенно развивающихся странах, направленная в том числе на создание интегрированных интеллектуальных энергетических сетей, использующих наряду с централизованной распределенную генерацию энергии и минимизирующих потери как за счет сокращения утечек в коммунальных сетях, так и благодаря оптимизации режимов потребления конечными пользователями.

Что касается России, то развитие «зеленых» энергетических технологий должно быть тесно связано с общей стратегией модернизации ТЭК страны и включает три взаимосвязанных направления. Во-первых, увеличение темпов повышения энергоэффективности, по которым Россия в настоящее время отстает от среднемировых показателей. Во-вторых, технологическая модернизация в традиционной энергетике, направленная на внедрение наилучших доступных технологий, сокращение потерь энергии на всех стадиях добычи и транспортировки энергоресурсов, а также снижение вредных выбросов в атмосферу и повышение эффективности управления отходами производства; развитие глубокой нефтепереработки и др.; развитие энергетической системы России, обеспечение доступа к энергетической

инфраструктуре по всей территории страны, в том числе путем развития ВИЭ, особенно в труднодоступных районах. Уже в настоящее время некоторые проекты ВИЭ становятся экономически окупаемыми в российской Арктике, и в будущем зона их эффективного использования значительно расширится (подробнее см. [5]).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 18-010-01028а).

Библиографический список

1. Лившиц В.Н., Тищенко Т.И., Фролова М.П., Лившиц С.В. Системная оценка эффективности крупномасштабных мероприятий в нестационарной российской экономике / В кн. Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2019): материалы Двенадцатой международной конференции 1–3 октября 2019 г., Москва / под общ. ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна. – М.: ИПУ РАН, 2019. – С. 18–126.
2. Модернизация промышленности и развитие высокотехнологичных производств в контексте «зеленого» роста. Монография / Под ред. акад. РАН Б.Н. Порфирьева. – М.: Научный консультант, 2017. – 434 с.
3. OECD (2017). *Green growth indicators 2017*. – Paris: OECD Publishing. – 160 p.
4. IEA (2019). *World energy outlook 2019*. – Paris: International Energy Agency, 2019. – 808 p.
5. Семикашев В.В., Воронина С.А. Энергоснабжение российской Арктики: состояние, проблемы и пути решения // Вести в электроэнергетике. 2018. № 6.

References

1. Livshits V.N., Tishchenko T.I., Frolova M.P., Livshits S.V. *Sistemnaya otsenka effektivnosti krupnomasshtabnykh meropriyatiy v nestatsionarnoi rossiiskoi ekonomike / V kn. Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem (MLSD'2019): materialy Dvenadtsatoi mezhdunarodnoi konferentsii 1–3 oktyabrya 2019 g., Moskva / pod obshch. red. S.N. Vasil'eva, A.D. Tsvirkuna*. – M.: IPU RAN, 2019. S. 118–126.
2. *Modernizatsiya promyshlennosti i razvitie vysokotekhnologichnykh proizvodstv v kontekste «zelenogo» rosta. Monografiya / Pod red. akad. RAN B.N. Porfir'eva*. – M.: Nauchnyi konsul'tant, 2017. – 434 s.
3. OECD (2017). *Green growth indicators 2017*. – Paris: OECD Publishing. – 160 p.
4. IEA (2019). *World energy outlook 2019*. – Paris: International Energy Agency, 2019. – 808 p.
5. Semikashev V.V., Voronina S.A. *Energosnabzhenie rossiiskoi Arktiki: sostoyanie, problemy i puti resheniya // Vesti v elektroenergetike*. 2018. № 6.

Контактная информация / Contact information

ИНП РАН, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47.
IEF RAS, 47, Nakhimovsky prospect, 117418, Moscow, Russia
Терентьев Николай Евгеньевич / Nikolay E. Terentiev
ternico@yandex.ru

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ РФ

ACHIEVING THE GOALS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE POST-PANDEMIC ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-219-227

ЮНУСОВ Ильдар Альбертович

Доцент кафедры экономической теории и управления ресурсами Казанского национального исследовательского технического университета имени А.Н. Туполева (КНИТУ-КАИ имени А.Н. Туполева), к.э.н.

Ildar A. YUNUSOV

Associate Professor of the Department of Economics and Resource Management, Tupolev Kazan National Research Technical University, PhD in Economics

ЮНУСОВ Ленар Альбертович

Профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности имени И.Н. Герчиковой Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, академик Международной академии менеджмента, д.э.н., профессор

Lenar A. YUNUSOV

Professor of the Moscow State Institute of Foreign Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В настоящее время мировое сообщество осознало, что долгосрочное благополучное существование человечества на Земле возможно только в условиях пересмотра экономической парадигмы. Необходимо обеспечить рациональное использование природных ресурсов, обеспечить снижение нищеты, предоставить равный доступ к образованию и качественной медицине. Были определены цели устойчивого развития. Однако человечество столкнулось с барьером на пути достижения устойчивого развития в виде COVID-19. На сегодняшний день остро стоит вопрос о том, как скоро экономика вернется на докризисный уровень и можно будет говорить о достижении целей устойчивого развития.

Abstract

Currently, the world community has realized that the long-term well-being of mankind on Earth is possible only in the context of a revision of the economic paradigm. It is necessary to ensure the rational use of natural resources, reduce poverty, and provide equal access to education and quality medicine. Sustainable development goals were defined. However, humanity has faced a barrier to achieving sustainable development in the form of COVID-19. One of the negative aspects of globalization is that global problems have an impact on national economies. After the announcement of the pandemic, a self-isolation regime was introduced in the Russian Federation. This led to the suspension of many small businesses. Entrepreneurs are faced with the situation that they do not have the ability to pay for their credit obligations. Also, self-isolation has led to the fact that we can expect an increase in the unemployment rate after the liquidation of small businesses. Today, there is an urgent question of how soon the economy will return to pre-crisis levels and we can talk about achieving the sustainable development goals.

Ключевые слова

Устойчивое развитие, ВВП, безработица, социальное неравенство, девальвация, пандемия, самозанятые, предпринимательство.

Keywords

Sustainable development, GDP, unemployment, social inequality, devaluation, pandemic, self-employed, entrepreneurship.

Цели устойчивого развития ООН (ЦУР) на период 2016–2030 годов, которые сформулированы в «Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Они не только отражают идеологию устойчивого развития и сбалансированно сочетают социальные, экономические и экологические приоритеты, но и содержат конкретные инструменты достижения [3]. Среди этих целей можно выделить:

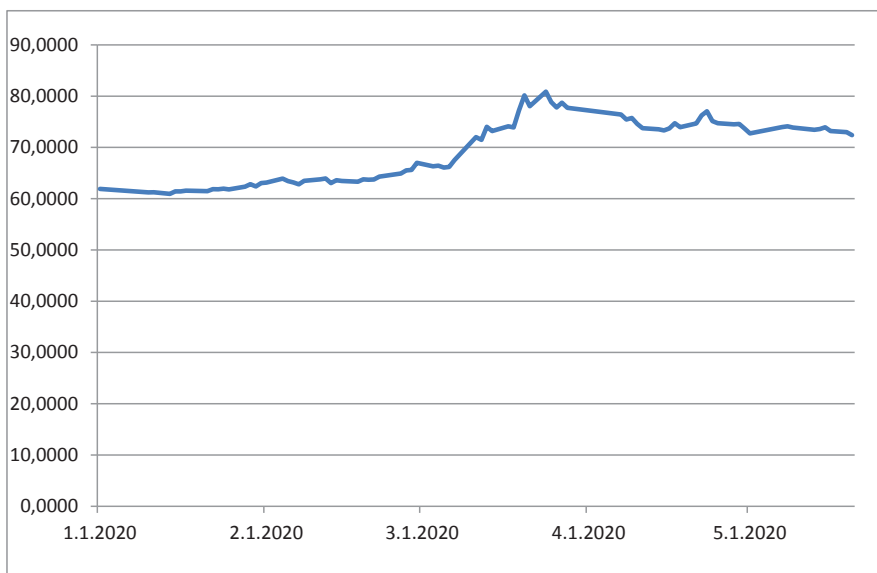
- повсеместную ликвидацию нищеты во всех ее формах;
- ликвидацию голода, обеспечение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства;
- обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте;
- обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех;
- обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех;
- содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех;
- создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям;
- укрепление средств достижения устойчивого развития и активизацию работы механизмов глобального партнерства в интересах устойчивого развития.

2020 год начался с того, что весь мир встретился с врагом, против которого еще нет оружия. Имя этому врагу COVID-19. Он парализовал весь мир. 31 декабря 2019 г. ВОЗ была проинформирована об обнаружении случаев пневмонии,

вызванной неизвестным возбудителем. Ситуация распространялась столь стремительно, что 11 марта 2020 г. эпидемия была признана пандемией. Столь скорое развитие ситуации ввергло весь мир в самоизоляцию. По оценкам Всемирного банка, падение мировой экономики приведет к тому, что за чертой бедности окажутся около 60 млн человек по всему миру. По оценкам МОТ работу потеряют 1,5 млрд человек.

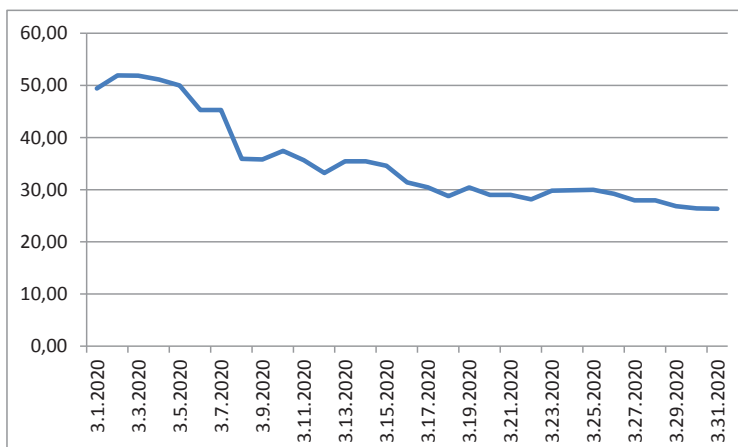
Экономика РФ в полной мере ощутила на себе сильное негативное влияния внешних факторов, среди коих можно назвать цены на нефть. Курс рубля и экономика РФ в целом зависима от цен на нефть. На цену нефти повлияли политические факторы и снижение спроса в условиях пандемии.

Рис. 1.
Курс российского рубля по отношению к доллару (январь – май 2020 г.) [2] (составлено автором)

Как видно из рис. 1, с января по март 2020 г. курс рубля по отношению к доллару сохранял относительную устойчивость. В марте 2020 г. произошел резкий скачок курса рубля по отношению к доллару США. 4 марта 2020 г. курс рубля к доллару США составлял 66,44 руб. за 1 доллар США. 13 марта 2020 г. – 74,02 руб., 24 марта 2020 г. – 80,88 руб.

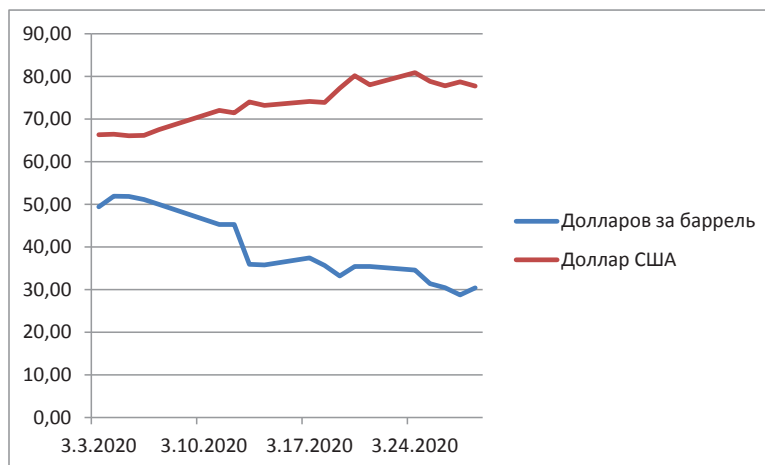
Рис. 2.
Цена на нефть марки Brent, долларов США за 1 баррель (март 2020) (составлено автором)

Несмотря на заявления некоторых представителей власти о том, что российский рубль не зависит от цен на нефть, можно проследить тот факт, что 4 марта 2020 г. цена за баррель нефти марки Brent составляла 51,13 долл. США, 13 марта 2020 г. – 35,44 долл. США, 23 марта 2020 г. – 29,82, 31 марта 2020 г. – 26,35.

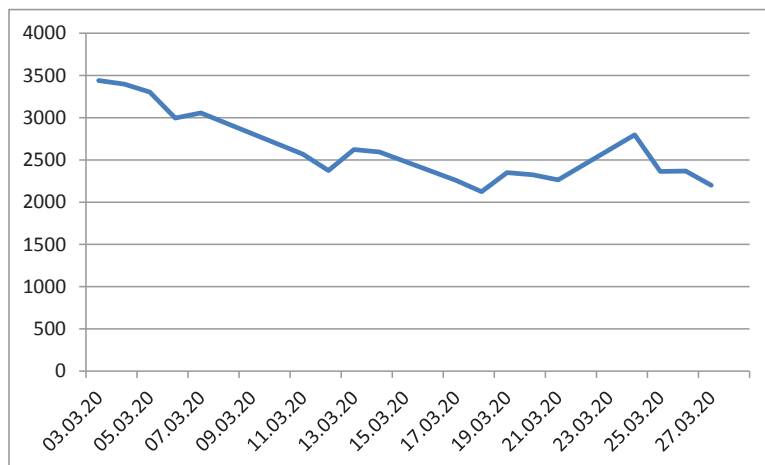
Совмещение двух предыдущих графиков демонстрирует наглядную картину зависимости курса рубля от цен на нефть.

Рис. 3.
Зависимость курса рубля от цен на нефть (составлено автором)

Как видно из графика, можно наблюдать тесную корреляционную связь между ценой на нефть и курсом российского рубля по отношению к доллару США.

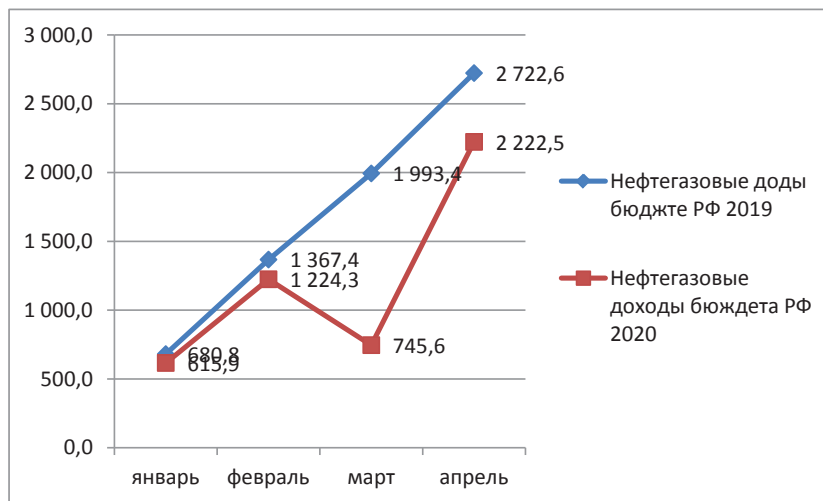
Рис. 4.
Цена на нефть марки Brent рублей за 1 баррель (март 2020) (составлено автором)

При исследовании рублевых цен на нефть можно констатировать, что их падение происходит более сглаженно за счет девальвации рубля. Однако, несмотря на плавное снижение рублевых цен на нефть, данное обстоятельство свидетельствует о выпадении доходной части бюджета РФ. В ходе последних событий, в условиях приостановки функционирования многих отраслей экономики РФ, Правительство РФ взяло на себя дополнительные обязательства. Среди них – дополнительные выплаты медицинским работникам, пособия на детей от 3 до 15 лет, вывоз российских граждан из-за рубежа и т.д. Данные меры окажут существенное давление на бюджет РФ, что приведет к увеличению дефицита бюджета РФ.

На рис. 5 можно видеть сравнительный анализ нефтегазовых доходов бюджета РФ в 2019 и 2020 гг.

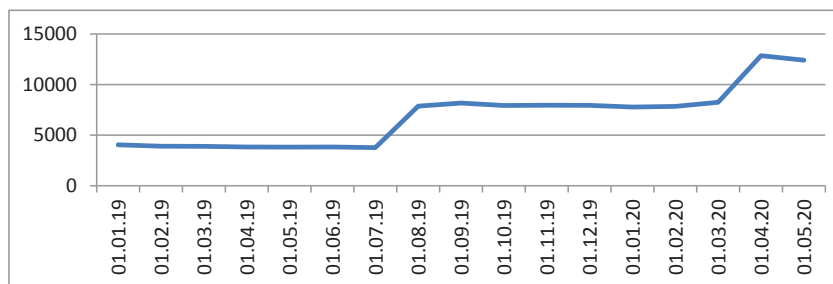
Рис. 5.
Сравнительный анализ нефтегазовых доходов бюджета РФ январь – апрель 2019–2020 гг. (млрд руб.) [2]

Проведя сравнительный анализ поступлений нефтегазовых доходов в бюджет РФ накопленным эффектом, мы видим, что в марте 2020 г. было резкое снижение поступлений в бюджет от нефтегазовых доходов (данные за апрель 2020 г., оценка). В марте 2020 г. в бюджет РФ поступило нефтегазовых доходов на сумму 745,6 млрд руб. За аналогичный период 2019 г. данный показатель составил 1993,4 млрд руб. Нефтегазовые доходы бюджета РФ в марте 2020 г. оказались ниже в 2,6 раза, чем в марте 2019 г.

Согласно бюджетному правилу, выпадение нефтегазовых доходов компенсируется из Фонда национального благосостояния.

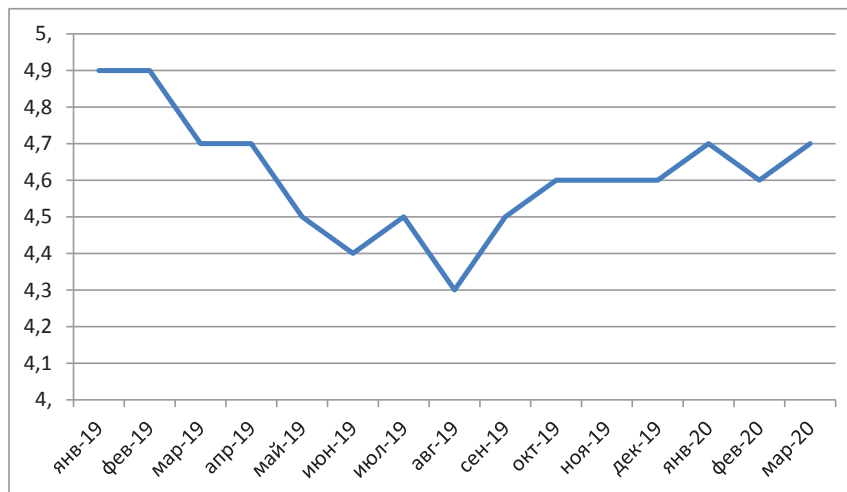
Рис. 6.
Динамика ФНБ с января 2019 г. по май 2020 г. (млрд руб.) (составлено автором)

Несмотря на выпадающие нефтегазовые доходы, ФНБ демонстрирует рост, как в рублевом, так и в долларовом выражении. По состоянию на 1 мая 2020 г. ФНБ составлял 168,35 млрд долл. США (12405,77 млрд руб.), или 10,9% ВВП. Из чего можно сделать вывод, что выполнение обязательств Правительства РФ возможно только в условиях запуска печатного станка. Это приведет к инфляции и негативно отразится на цели устойчивого развития в части ликвидации нищеты. Инфляция приведет к падению реальных доходов населения. И постулат «В кризис богатые богатеют, а бедные беднеют» подтвердит свою актуальность. По данным Forbes, российские миллиардеры за время пандемии увеличили свое благосостояние на 62 млрд долл. США.

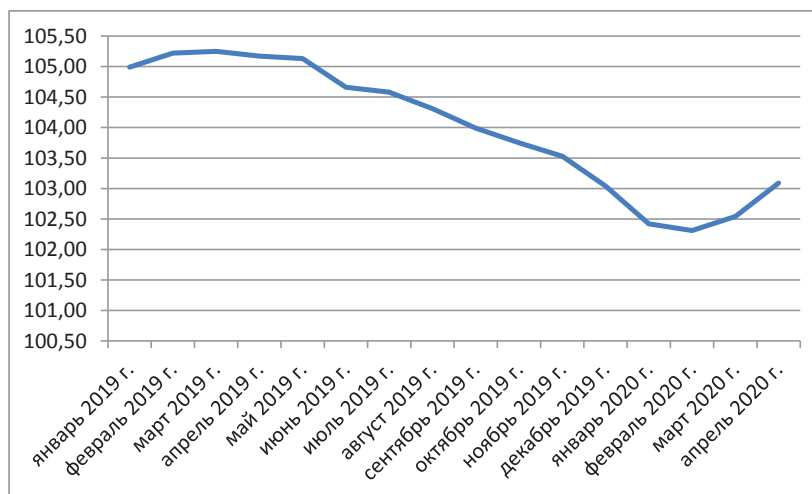
Также в сложившейся ситуации многие эксперты сходятся во мнении, что совокупность таких факторов, как падение цен на нефть и пандемия, оказывают существенное давление на экономику РФ. Эксперты оценили падение номинального ВВП РФ в апреле 2020 г. (на 28% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.).

Рис. 7.
Уровень безработицы в РФ с января 2019 г. по апрель 2020 г. (%) [7]

Как видно на рис. 7, до августа 2019 г. наблюдалось снижение уровня безработицы. В августе 2019 г. уровень безработицы составил 4,3%. По данным Росстата, уровень безработицы в марте 2020 г. достиг показателя марта 2019 г. (4,7%). На сегодняшний день нет данных по безработице на апрель 2020 г., однако можно спрогнозировать дальнейший рост данного показателя.

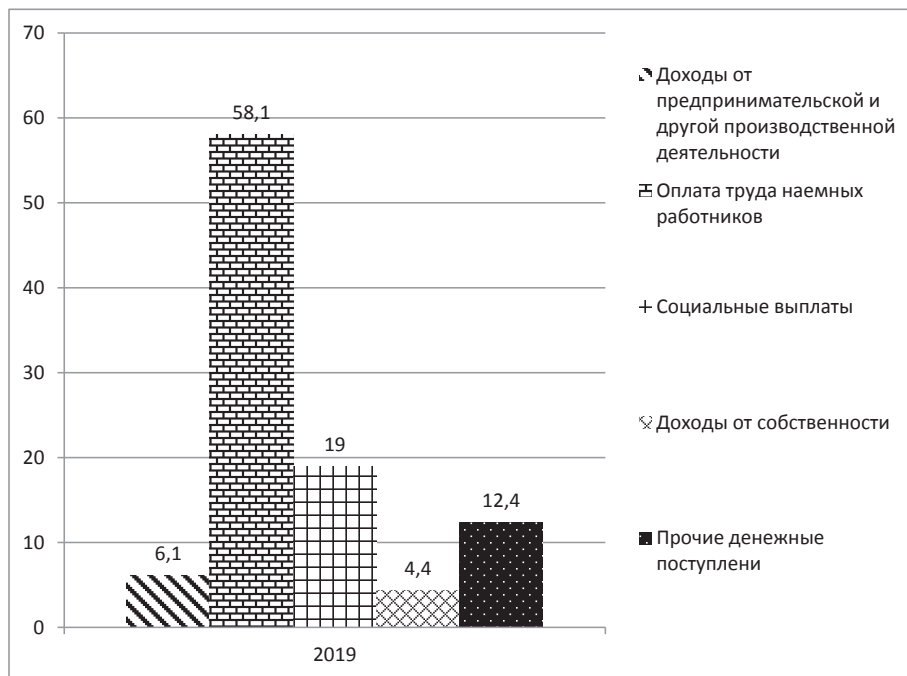
Рис. 8.
ИПЦ с января 2019 г. по апрель 2020 г. (%) [7]

Аналогично ситуация обстоит с индексом потребительских цен, ожидается скачок этого показателя. До ситуации с пандемией рост ИПЦ сдерживало падение реальных доходов населения после 2014 г. из-за падения курса рубля относительно доллара США.

Анализируя структуру доходов населения РФ, также сложно ожидать достижения целей устойчивого развития.

Рис. 9.
Структура
доходов насе-
ления РФ
2019 г. (%) [5]

Если говорить о структуре доходов населения в РФ, то в 2019 г. наибольшую долю составляла оплата труда наемных работников (58,1%). Ожидаемо низки доля доходов от предпринимательской деятельности и доходы от собственности. Дело в том, что большая часть жилья сдается «втемную», без оформления и уплаты налогов. Следовательно, большая часть доходов от сдачи внаем жилья не учтена. Государство реализует попытки вывести часть доходов населения под учет через институт самозанятых. Однако этим инструментом воспользовались в первую очередь индивидуальные предприниматели и некоторые организации. Индивидуальные предприниматели, дабы снизить налоговую нагрузку и не использовать кассовые аппараты, перешли сами и перевели своих работников в самозанятые. Организации вывели за штат часть своих сотрудников и оформили с ними вместо трудовых договоров договоры гражданско-правового характера.

Одним из показателей данного обстоятельства является тот факт, что на 1 сентября 2019 г. общее количество заемщиков в РФ составляло 39,5 млн человек. 37% занятых по состоянию на сентябрь 2019 г. имели потребительский кредит. На портфель потребительских кредитов (без учета кредитных карт) на 1 сентября 2019 г. приходится 42% совокупной задолженности по кредитам физических лиц. В 2019 г. был зафиксирован рост задолженности по потребительским кредитам в сочетании с другими кредитными продуктами, к 1 сентября 2019 г. таких заемщиков было 42%. Для сравнения, на начало 2015 г. только 34% заемщиков имели в сочетании с потребительским кредитом другой кредитный продукт. С 2017 г. 9,2 млн человек (39% заемщиков, имевших потребительский кредит) погасили задолженность по кредиту и не брали новых потребительских кредитов, а у 12 млн человек (45% заемщиков), имеющих потребительский кредит на 1 сентября 2019 г., отсутствовала задолженность по потребительским кредитам в 2017 г., то есть они являются относительно новыми клиентами для сектора потребительского кредитования. С начала 2019 г. 4 млн человек (16% заемщиков) погасили задолженность по потребительским кре-

дителям и не брали новых кредитов, а 5,6 млн человек (21% заемщиков), не имевших задолженности на 1 января, взяли кредит [1].

Заемщики чаще допускают просрочки по кредитам на небольшие суммы. Среди заемщиков, получивших кредит после 1 января 2017 г., доля заемщиков с просрочкой по кредитам на сумму до 100 тыс. руб. составляла 19%. Кредиты на незначительные суммы несут большой социальный риск [1].

В условиях пандемии предприниматели столкнулись с ситуацией, что у них нет возможности отвечать по своим кредитным обязательствам. Также следует ожидать увеличение уровня безработицы после ликвидации предприятий малого бизнеса.

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать несколько выводов:

- Несмотря на позитивную риторику Правительства РФ о том, что РФ не зависит от цен на нефть, что, несмотря на мировую конъюнктуру, они смогут удержать экономику от «штопора», с этим нельзя согласиться. На протяжении десятилетий была упущена возможность инвестировать в инфраструктуру и инновации.

- Увеличение доли среднего класса невозможно в условиях, когда в структуре доходов населения доминирующее положение занимают заработная плата наемных работников (58,1%) и пенсии (19%).

- Падение реальных доходов населения не приведет к ликвидации нищеты. По данным Росстата в 2019 г., за чертой бедности было 18,1 млн чел. После пандемии наиболее сильно пострадает малый бизнес, около 1–1,5 млн чел. лишатся работы (пессимистический сценарий). Закредитованность населения тоже не говорит в пользу ликвидации нищеты.

- Рост безработицы. В марте 2020 г. уровень безработицы составлял 4,7%. По итогам 2020 г. следует ожидать показателя 8–9,5%.

На сегодняшний день остро стоит вопрос о том, как скоро экономика вернется на докризисный уровень и можно будет говорить о достижении целей устойчивого развития.

Библиографический список

1. *Анализ тенденций на рынке кредитования физических лиц в 2015–2019 годах на основе данных бюро кредитных историй. Информационно-аналитический материал.* – М., 2019.
2. *Банк России. Годовой отчет за 2019 год* <https://cbr.ru>
3. *Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева.* – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 298 с.
4. *Обзор финансовой стабильности № 2 (15) II–III кварталы 2019 года.* <https://cbr.ru>
5. *Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения. Апрель 2020 / под ред. Л.Н. Овчаровой.* – М.: НИУ ВШЭ, 2020.
6. *Социально-экономическое положение России. Москва январь – март 2020 года № 3*
7. <http://www.gks.ru>

References

1. *Analiz tendencij na rynke kreditovanija fizicheskikh lic v 2015–2019 godah na osnove dannyh bjuro kreditnyh istorij. Informacionno-analiticheskij material.* M., 2019
2. *Bank Rossii. Godovoj otchet za 2019 god* <https://cbr.ru>

3. *Doklad o chelovecheskom razvitii v Rossijskoj Federacii za 2016 god / pod red. S.N. Bobyleva i L.M. Grigor'eva.* – М.: *Analiticheskij centr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii*, 2016. 298 s.
4. *Obzor finansovoj stabil'nosti № 2 (15) • II–III kvartaly 2019 goda.* <https://cbr.ru>
5. *Monitoring social'no-jekonomicheskogo polozhenija i social'nogo samochuvstvija naselenija. Aprel' 2020 / pod red. L.N. Ovcharovoj.* – М.: *NIU VShJe*, 2020.
6. *Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Rossii. Moskva janvar'–mart 2020 goda № 3*
7. <http://www.gks.ru>

Контактная информация / Contact information

КНИТУ-КАИ имени А.Н. Туполева, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 10.

Tupolev Kazan National Research Technical University, 10, K. Marx Street, Kazan, Russia

Юнусов Ильдар Альбертович / Ildar A. Yunusov

ildardjan@yandex.ru

МГИМО, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

State Institute of Foreign Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 76, Prospect Vernadsky, Moscow, Russia

Юнусов Ленар Альбертович / Lenar A. Yunusov

arv_kaz@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: УРОКИ КОРОНАВИРУСА — НЕДОПУСТИМОСТЬ ПРОБЛЕМНЫХ ИННОВАЦИЙ В УПРАВЛЕНИИ

HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT: LESSONS FROM THE CORONAVIRUS — THE INADMISSIBILITY OF THE QUESTIONABLE INNOVATIONS IN GOVERNANCE

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-228-236

ВАРШАВСКИЙ Александр Евгеньевич

Главный научный сотрудник, руководитель лаборатории,
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
(ЦЭМИ РАН), д.э.н., к.т.н., профессор

Alexander E. VARSHAVSKY

Head of the laboratory, Central Economics and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS), Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Technical Sciences, Professor

Аннотация

Рассмотрены проблемы развития человеческого капитала, возникающие при реформировании сферы образования, науки и здравоохранения. Анализируется деятельность органов управления, предлагаемые ими проблемные инновации, ведущие к снижению качества образования, ухудшению системы здравоохранения, наносящие вред науке и не обеспечивающие преемственность знаний.

Abstract

The problems of human capital development that arise during the reform of education, science and health are considered. The reform activity of government bodies, their questionable innovations that lead to a decrease in the quality of education,

deterioration of the health system, harm to science and do not ensure the continuity of knowledge are analyzed.

Ключевые слова Человеческий капитал, образование, наука, здравоохранение, реформы, управление, проблемные инновации.

Keywords Human capital, education, science, healthcare, reforms, management, questionable innovations.

Введение

Переход к экономике, основанной на знаниях, требует повышения финансирования науки, образования, здравоохранения, определяющих уровень развития человеческого капитала. Однако ограниченность имеющихся средств ведет к стремлению органов государственного управления контролировать их использование, для чего проводятся реформы с помощью новых подходов, чаще всего заимствованных за рубежом и не учитывающих специфику развития России (экономический спад в результате перехода к рынку, затянувшееся преодоление последствий шоковой терапии). Основное внимание при этом уделяется количественным показателям, использование которых негативно воздействует на развитие человеческого капитала.

В данном случае можно говорить о проблемных инновациях в управлении, которые характеризуются тем, что наносят вред объекту управления, причем этот вред может быть значительным (подробнее о проблемных инновациях см. [1]).

Развитие человеческого капитала и проблемы реформирования

Инноваторы-реформаторы желают все изменить, не сохраняя лучшее и хорошее от старого и предлагая, как им кажется, новое, хотя оно и заимствуется в других странах. Они считают, что образование и здравоохранение – это услуги, которые востребованы на протяжении всей жизни человека [2, 3, 4, 5]. Эти «услуги» должны конкурировать с зарубежными, они приобретают глобальный (хотя пока еще, к счастью, не в масштабах Вселенной) характер: школы, колледжи, вузы, поликлиники, больницы и другие лечебные учреждения должны конкурировать не в своем регионе или своей стране, а во все мире. Меньшие масштабы их не устраивают – у них глобальное мышление, как у некоторых управленцев и экономистов из США.

Конечно, эти услуги доступны пока только богатым, но реформаторы – оптимисты, они считают: когда-нибудь все смогут воспользоваться этими благами, благосостояние людей будет расти, станут более дешевыми соответствующие услуги; в результате экономического роста (его, однако, пока у нас нет) возрастет благосостояние сограждан, которые психологически подготовлены инвестировать в свое образование и здоровье, причем россияне мечтают о том времени, когда за все они смогут сами за себя платить [2] (это напоминает о мечтах жить, как при коммунизме).

Реформаторы мечтают снять нагрузку с государства, так как, по их мнению, должны возрасти частные расходы на развитие человеческого капитала. Реформаторы, однако, мало что делают, когда требуется приложить определенные усилия. Так, они обосновывают, например, и единую ставку НДС – бороться с уходом от налогов трудно, пусть ставка будет одинаковой для всех, надо доказывать,

что в этом случае сбор налогов будет эффективнее (хотя по опыту развитых стран перераспределение доходов дает значительные ресурсы для развития человеческого капитала).

Безусловно, они оптимистически возлагают надежды на новые технологии, особенно на цифровизацию, которые должны радикально изменить характер услуг, способствующих повышению человеческого капитала (однако, не задумываясь, с одной стороны, над тем, как и когда начнет производиться оборудование для этого в нашей стране, а с другой — не думая о рисках, которые сопряжены с использованием инноваций, многие из которых являются проблемными). Коронавирус им в этом, безусловно, помогает.

Правда, коронавирус помогает и другим — так, широко используемый американский онлайн-сервис видеоконференций система Zoom использует метод шифрования, при котором кодируются данные не между пользователями, а между сервером и пользователем, т.е. компания имеет доступ к незашифрованному видео- и аудио контенту конференций, что позволяет шпионить за пользователями, передавать файлы в правоохранительные органы по запросу, а также облегчает условия для сбора информации (новые идеи в науке, результаты социологических опросов и т.п.) [6].

Рассмотрим проблемы, возникающие при реформировании сферы образования, науки и здравоохранения.

Сфера образования

О проблемах средней школы, учебных программах, ЕГЭ уже много сказано, вряд ли стоит все это повторять, поэтому остановимся только на высшем образовании. Реформаторы правильно озабочены тем, что сейчас наблюдается избыток специалистов с высшим образованием и нехватка среднего технического персонала. Их беспокоит доступность, всеобщность высшего образования, так как, очевидно, они озабочены тем, что при этом некому работать на производствах. И в то же время они считают, что если человек хочет иметь диплом о высшем образовании, то он должен иметь возможность его получить (то есть получить не знания, а диплом).

Они указывают на то, что современное образование стало всеобщим и что оно является непрерывным, поэтому задача вуза — дать возможность каждому учиться на протяжении всей жизни. Именно в университетах (часто, у далеких от практической жизни преподавателей) надо будет всю жизнь учиться и подучиваться. Легко при этом догадаться, что непрерывное обучение, безусловно, выгодно вузам, — оно обеспечит им хорошую материальную поддержку в долгосрочной перспективе.

Однако реформаторы забывают о том, что должны существовать курсы повышения квалификации на предприятиях и в организациях и что вузы не могут подготовить специалистов так, как делается там, т.е. они не учитывают роль неотделимых (tacit) знаний, получаемых в результате практической деятельности и сотрудничества со специалистами на работе.

По их мнению, система двухступенчатого образования (бакалавриат и магистратура) отвечает требованиям времени, позволяет уточнять специализацию еще в период обучения в университете, даже на первых курсах (хотя мало кто на первом или втором курсе может понять, что будет дальше — опыт показывает, что обычно только через 3–4 года студент начинает понимать, чем ему хочется заниматься).

Особое внимание уделяется ими и интернационализации образования. Они обеспокоены тем, что рост доходов способствует оттоку студентов за рубеж. Глядя

на университеты США и некоторых наиболее развитых стран, они также начинают думать об экспорте образования, т.е. о том, чтобы вузы смогли больше зарабатывать. Действительно, раз образование – услуга, то за нее надо получить побольше денег.

А для этого следует прежде всего расширять преподавание на английском языке, причем в аудитории должно быть достаточное число студентов, не знающих русского языка, программа обучения должна быть разработана на английском языке, а также необходимо привлечение иностранных ученых [2]. В соответствии с такой политикой с 2010 по 2017 г. у нас произошел рост принятых на обучение иностранцев более чем в два раза, причем доля студентов из стран Азии и Африки возросла на 3,9 п.п.

По мнению реформаторов, программа обучения должна быть индивидуальной и поэтому состоять из модулей, некоторые из которых «можно получать в других университетах, в том числе и в зарубежных» (на что фактически и нацелена Болонская концепция, авторы которой имели в виду привлечение молодежи в свои страны).

Наконец, коронавирус дал инноваторам еще один шанс – они заявили об успешном опыте перевода образования в школах и вузах России на дистанционную форму с помощью цифровых технологий, который, по их мнению, должен стать «эталоном» для системы образования в России в будущем (это, естественно, вызвало многочисленные протесты со стороны преподавателей, ученых и представителей других специальностей [7]).

Главное, реформаторы не учитывают того, что все эти реформы и предложения, как правило заимствованные за рубежом без серьезного анализа их негативных последствий в условиях низкого уровня затрат на образование (по данным ВШЭ в 2015 г. общие затраты на образование составляли в России 4,3% ВВП, тогда как в Великобритании – 6,7%, Франции – 6,0%, США – 5,3%), ведут к существенному снижению качества образования, а это мы и наблюдаем в последние годы после введения бакалавриата и практически полного отказа от специалитета.

Сфера науки

Последствия реформ в науке не менее серьезны. В Минобрнауки РФ после кризиса 2008 г. решили: устойчивое развитие сдерживается из-за низкой производительности труда в образовании, науке, наукоемких отраслях, и поэтому для повышения эффективности экономики необходима оценка результативности деятельности учреждений науки и образования, см. [8]. Затем эти идеи чиновниками неуклонно развивались, без учета справедливой критики со стороны ученых.

Так, серьезной критике подвергается предложенная Минобрнауки РФ методика Комплексный балл публикационной результативности. В открытом письме Ученого совета Института философии РАН Президенту РФ справедливо дается негативная оценка этой проблемной инновации [9].

Подобные методики являются проблемными инновациями в управлении наукой. Они создаются чиновниками, не имеющими других возможностей для управления наукой, кроме использования количественных показателей, хотя в мировой практике в последние годы возвращаются к тому, чтобы учитывать экспертные оценки при анализе качества научных работ (как это делалось в СССР ранее) и отказываются от библиометрических показателей при выделении финансовых ресурсов на НИОКР.

Напомним: библиометрия стала применяться для оценки результативности научных работников в университетах США с целью контроля за выделяемыми из федерального бюджета средствами – в конце 1980-х гг. субсидии вузам на НИОКР были

увеличены более чем в два раза, отчего пострадало преподавание и «даже стали культивировать науку сомнительного качества» [10]. Но в России эти методы вводятся и для институтов РАН, хотя финансирование НИОКР изменяется очень мало.

В последние годы за рубежом все больше отмечается, что библиометрические методы используются неправильно. Показательно мнение Д. Пендлбери, который был аналитиком цитирования в компании Clarivate Analytics (ранее подразделение компании Thomson Reuters). Он считает, что библиометрический подход был неправильно понят или неправильно использован многими органами управления в сфере НИОКР – такими, как органы и комитеты по предоставлению грантов и т.п. Внедрение упрощенной системы мер для оценки и предоставления грантов (такой как индекс Хирша или импакт-фактор) часто изменяет поведение ученых, которые нацеливаются на достижение определенных показателей, а не сосредотачиваются на своих исследованиях. По его мнению, это очень вредно для науки. Необходимо, чтобы анализ цитирования был дополнением к экспертной оценке [11].

Методы управления наукой, копируемые в США и других странах, внедряются у нас с большим лагом без учета всех негативных последствий. Оценка исключительно по количественным показателям ведет к росту быстрых публикаций, не стимулирует развитие перспективных долгосрочных исследований, нацеливает на быстрое получение краткосрочных, второстепенных результатов. Кроме того, при межстрановых сопоставлениях необходимо учитывать преимущество англоязычных стран, что подтверждается результатами моделирования [12].

О некорректном использовании библиометрии говорится уже много лет (см., например, [13, 14, 15]), но все это не принимается во внимание. Уже более 15 лет тому назад было показано в работах ЦЭМИ РАН, см. [13,16] и затем отдельными учеными за рубежом, что целесообразнее эффективность труда ученых оценивать по показателю «число статей в расчете на единицу затрат». С его помощью можно увидеть, что результативность наших ученых не хуже, чем ученых ряда наиболее развитых стран.

Реформаторы, имея поверхностное представление об организации науки в США, Германии и других странах, считают, что именно в вузах ведутся исследования [17]. Они забыли, а может быть, и не знают, как развивалась наука в нашей стране, каковы ее особенности, почему приоритет был отдан Петром I Российской академии наук. Поэтому и РАН в 2013 г. подверглась по их желанию глубоким изменениям якобы из-за «архаичности и неэффективности» [18].

Они недопонимают, что прямая обязанность вузов – прежде всего обучение студентов, а не проведение исследований. Еще в 2010 г. в докладе Лиги европейских исследовательских университетов (LERU) отмечалось: из-за расширения ИР в университетах «наука окажется врагом высшего образования, а не его дополнением». Там же сказано: нужно отказаться от представления об университете как «о супермаркете, продающем модульные продукты» [19, 13].

Итог такого управления – сокращение численности исследователей: за 20 лет в 1997–2017 гг. она возросла по данным ОЭСР практически во всех странах (например: в Чехии – с 27 444 до 59 789, Франции – с 197 032 до 416 217, Германии – с 397 130 в 2003 г. до 623 125, Венгрии – с 21 999 до 42 729 человек), но только в России сократилась – с 455 108 (в 1995 г. – 518 690) до 359 793 человек. Это означает, что еще не решена важнейшая проблема преемственности знаний, о которой мы писали еще 25 лет тому назад [20].

Эти данные свидетельствуют о наиболее важной проблеме – об отсутствии ответственности, значительной потере неотделимых (tacit) знаний в нашей стране в условиях низкого уровня затрат на НИОКР (по данным ВШЭ в 2017 г. внутренние затраты на НИОКР составляли в России 1,11% ВВП, тогда как в Великобритании – 1,69%, Франции – 2,25%, США – 2,74%, Японии – 3,14%, Южной Кореи – 4,23% ВВП).

Сфера здравоохранения

Что касается здравоохранения, то, по мнению реформаторов, повышение доходов ведет к отказу от экономии на здоровье [2] и следует рассмотреть вариант, когда массовая медицинская помощь в случае простых заболеваний оплачивается пациентами, а государство оплачивает лишь тяжелые случаи. Но при этом забывается, что по зарубежным меркам доля бедных у нас стране значительна.

Если оценивать уровень бедности по методике ОЭСР, то есть доля населения с доходом ниже 50% среднего медианного дохода – это бедные, то доля бедного населения составит около 27 млн, что больше данных Росстата в 1,42 раза. При этом должна учитываться доля тех, кто с трудом сводит концы с концами (в странах ОЭСР таких 21%). Таким образом, реформаторы не учитывают, что около 40% населения не смогут отказаться, если пользоваться их терминологией, от экономии на здоровье.

Старение населения, появление новых лекарств, рост цен на медикаменты повышают затраты на медицинское обслуживание. Во многих странах медицинские организации объединяются с целью экономии и, как считается, для того, чтобы сделать лечение более эффективным (в США и др. странах с конца 1990-х гг.).

Вряд ли это является совпадением, но в России в результате оптимизации, по данным Росстата, в 2000–2015 гг. уменьшилось число больниц с 10,7 до 5,4 тыс. и поликлиник на 12,7% – до 18,6 тыс. По данным РАПСИ численность больничных организаций сократилась с 12,8 тыс. в 1990 г. до 5,3 тыс. в 2017 г., что меньше, чем в 1932 г. (5962 больницы), а численность врачей санитарно-противоэпидемической группы и врачей по общей гигиене составляла в 2000 г. – 27,8, в 2012 г. – 18,6, в 2017 г. – 13,6 тыс. (это ощутилось при пандемии коронавируса). При этом частные расходы на медицину в целом выросли на 104% в 2005–2018 гг. и расходы на платные медицинские услуги на 121% (причем в 2011–2018 гг. они возросли примерно в 1,5 раза).

Все это было сделано по примеру США, где за 10 лет произошло 640 слияний больниц, Англии (там были объединены почти 50% больниц) и т.д., хотя качество медицинского обслуживания от этого не улучшилось (по признанию Л. Печатникова, для разработки программы оптимизации системы здравоохранения Москвы приглашались западные эксперты [21]). При этом, однако, забывалось, что затраты на здравоохранение в США значительно выше (по данным Всемирного банка, в 2016 г. общие расходы на здравоохранение составляли в России 5,3%, в Англии – 9,8%, Франции – 11,50%, США – 17,1% ВВП). В конце 2019 г. даже Т. Голикова, ответственная за реформу, признала неудачной оптимизацию здравоохранения, а по мнению А. Силуанова, медучреждения находятся «в ужасном состоянии» [22].

Ситуация, связанная с коронавирусом в 2020 г., подтверждает существование значительных проблем из-за нехватки медицинских учреждений и больничных коек.

По-видимому, страны с социально ориентированной экономикой для реформаторов не могут быть примером – они ничего о них не знают, либо не хотят знать.

Еще один пример: в Белоруссии сохранилась санитарно-эпидемиологическая система СССР (профилактические и санитарные службы в СССР были эффективными даже при отсутствии современного оснащения медицинских учреждений) [23].

Заключение

Пандемия коронавируса приведет, очевидно, к деглобализации, централизации управления в каждой стране, стимулирует еще большую ориентацию на цифровизацию.

В этих условиях особенно возрастает роль органов управления в выборе и реализации эффективной политики, способствующей обеспечению национальной безопасности, долгосрочному социально-экономическому и научно-технологическому развитию с учетом специфики нашей страны. Для будущего страны особенно важно развитие человеческого капитала, определяемое уровнем развития сферы образования, науки и здравоохранения. С этих позиций необходимо подходить к оценке и анализу возможных последствий предлагаемых реформ в экономике и управлении. В условиях недостаточного финансирования образования, науки и здравоохранения в сравнении со многими странами следует отказаться от слепого копирования инноваций, вводимых за рубежом с целью экономии.

Необходимо учитывать положительный опыт развития человеческого капитала, накопленный в СССР, использовать рекомендации и привлекать к разработке государственных документов ученых РАН, отраслевых научных организаций и вузов, основываясь на результатах экспертной оценки их научных отчетов и публикаций.

В свою очередь, все это предполагает тщательное обсуждение и жесткий контроль разрабатываемых реформ со стороны общества, принятие определенных мер по установлению персональной ответственности за разработку и использование проблемных инноваций в социально-экономической сфере и проведение неэффективной политики.

Библиографический список

1. Варшавский А.Е. *Проблемные инновации: риски для человечества*. – М.: ЛЕНАНД, 2014.
2. Мау В.А. *Человеческий капитал: вызовы для России* / В.А. Мау. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013.
3. Кузьминов Я. «Реформа образования: причины и цели». *Отечественные записки*. 2002. № 1 (2). – С. 91–105.
4. *Реформа школьной системы образования (отечественный и зарубежный опыт)*. Бюллетень о сфере образования. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, декабрь 2016. ac.gov.ru/publications/.
5. Вишневский А., Кузьминов Я., Шевский В., Шейман И., Шишкин С. *Российское здравоохранение: как выйти из кризиса* // Полит.ру. Интернет журнал. 2006. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/07/19/healthcare>.
6. Жукова К. Все «дыры» Zoom: чем рискуют пользователи самого популярного сервиса видеоконференций эпохи карантина, 23 апреля 2020. <https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/tehnologii/398629-vse-dyry-zoom-chem-riskuyut-polzovateli-samogo-populyarnogo-servisa>.
7. *Обращение к Президенту Российской Федерации В.В. Путину*. <http://www.netrani.rf/новости/1708-обращение-к-президенту-российской-федерации-в-в-путину.html>

8. Андрей Фурсенко: Разработаны критерии результативности работы научных организаций, 25.11.2008. <https://www.mk.ru/politics/article/2008/11/25/11331-andrey-fursenko-razrabotanyi-kriterii-rezultativnosti-raboty-nauchnyih-organizatsiy.html>
9. Рубцов А. Журнальная имитация: чем опасна новая методика Минобрнауки. РБК, <https://www.rbc.ru/opinions/society/11/02/2020/5e4114479a794708f1fd4fe1>
10. Гэри МакУилльямс, Джон Кэри, Дори Янг, Чак Хокинс Джесси Вашингтон. Сокращение финансирования научных исследований в вузах США. Бизнес уик, 1992, № 10.
11. Sneha Kulkarni. Misuse of bibliometric analysis shifts scientists' focus from their research to pursuing scores. Interview with David A. Pendlebury, Jul 18, 2017, <https://www.editage.com/insights/misuse-of-bibliometric-analysis-shifts-scientists-focus-from-their-research-to-pursuing-scores>
12. Варшавский Л.Е. Исследование влияния качества человеческого капитала на инновационную активность. / Глава 3./ Инновационная ориентация российских экономических институтов / Под ред. В.Е. Дементьева. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
13. Варшавский А.Е. Основные проблемы оценки результативности и эффективности деятельности научных организаций. «Концепции» № 1 (33). – М.: «ВИНИТИ-Наука», 2015, с. 3–8.
14. Иванов В.В., Варшавский А.Е., Маркусова В.А. Библиометрические показатели российской науки и РАН (1997-2007). Вестник РАН, 2009, № 6 – с. 164–182.
15. Варшавский А.Е., Маркусова В.А. Методологические проблемы международного сравнительного анализа результатов научной деятельности. Инновационная политика: Россия и Мир: 2002–2010 / под общ. Ред. Н.И. Ивановой и В.В. Иванова; Российская академия наук. – М.: Наука, 2011, с. 407–441.
16. «Инновационный менеджмент в России: вопросы стратегического управления и научно-технологической безопасности» / Рук. авторского коллектива В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский. – М.: Наука 2004.
17. Федюкин И., Фрумун И. Российские вузы-флагманы // Pro et Contra. 2010. № 3. с. 23–31.
18. Панов П. Дмитрий Ливанов: Поведение Фортова – просто лицемерие. «Известия». 5 июля 2013.
19. Boulton G. University Rankings: Diversity, Excellence and the European Initiative. League of European Research Universities. Advice Paper, Nr. 3 – June 2010.
20. Варшавский А.Е., Варшавский Л.Е. Экономические и социальные проблемы сохранения науки в России. Экономика и матем. методы, 1995, Т. 31, вып. 3.
21. Малышева Е., Рейтер С., Забавина Ю. Расследование РБК: куда завела Россию реформа здравоохранения. 26 окт. 2014, <https://www.rbc.ru/investigation/business/26/10/2014/544cfa0acb20f3b7672b59d>
22. Губенко А. Голикова признала неудачной оптимизацию здравоохранения в регионах. РБК: 3 ноября 2019. <https://www.rbc.ru/society/03/11/2019/5dbecba99a79470b57a29e69>
23. Кишиневский Д. «Плохая вакцина хуже вируса». 30 марта 2020 г. <https://news.mail.ru/society/41148783/>

References

1. Varshavskij A.E. Problemnye innovacii: riski dlja chelovechestva. М.: LENAND, 2014.
2. Mau V.A. Chelovecheskij kapital: vyzovy dlja Rossii / V.A. Mau. – М.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2013.
3. Kuz'minov Ja. «Reforma obrazovaniya: prichiny i celi». Otechestvennye zapiski. 2002. № 1 (2). S. 91–105.
4. Reforma shkol'noj sistemy obrazovaniya (otechestvennyj i zarubezhnyj opyt). Bjulleten' o sfere obrazovaniya. Analiticheskij centr pri pravitel'stve Rossijskoj Federacii, dekabr' 2016. ac.gov.ru/publications/
5. Vishnevskij A., Kuz'minov Ja., Shevskij V., Shejman I., Shishkin S. Rossijskoe zdavoohranenie: kak vyjti iz krizisa // Polit.ru. Internet zhurnal. 2006. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/07/19/healthcare>.
6. Zhukova K. Vse «dyry» Zoom: chem riskujut pol'zovateli samogo populjarnogo servisa videokonferencij jepohi karantina, 23 aprelja 2020. <https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/tehnologii/398629-vse-dyry-zoom-chem-riskuyut-polzovateli-samogo-populyarnogo-servisa>.

7. *Obrashhenie k prezidentu Rossijskoj Federacii V.V.PUTINU*. <http://www.petrani.rf/novosti/1708-obrashhenie-k-prezidentu-rossijskoj-federacii-v-v-putinu.html>
8. *Andrej Fursenko: Razrabotany kriterii rezul'tativnosti raboty nauchnyh organizacij*, 25.11.2008. <https://www.mk.ru/politics/article/2008/11/25/11331-andrej-fursenko-razrabotanyi-kriterii-rezultativnosti-raboty-nauchnyh-organizatsiy.html>
9. *Rubcov A. Zhurnal'naja imitacija: chem opasna novaja metodika Minobrnauki*. RBK, <https://www.rbc.ru/opinions/society/11/02/2020/5e4114479a794708f1fd4fe1>
10. *Gjeri MakUill'jams, Dzhon Kjeri, Dori Jang, Chak Hokins Dzhessi Vashington. Sokrashhenie finansirovanija nauchnyh issledovanij v vuzah SShA. Biznes uik*, 1992, № 10.
11. *Sneha Kulkarni. Misuse of bibliometric analysis shifts scientists' focus from their research to pursuing scores. Interview with David A. Pendlebury, Jul 18, 2017*, <https://www.editage.com/insights/misuse-of-bibliometric-analysis-shifts-scientists-focus-from-their-research-to-pursuing-scores>
12. *Varshavskij L.E. Issledovanie vlijanija kachestva chelovecheskogo kapitala na innovacionnuju aktivnost'. / Glava 3./ Innovacionnaja orientacija rossijskih jekonomicheskikh institutov /Pod red. V.E. Dement'eva. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009.*
13. *Varshavskij A.E. Osnovnye problemy ocenki rezul'tativnosti i jeffektivnosti dejatel'nosti nauchnyh organizacij.«Konceptii» №1 (33). – M.: «VINITI-Nauka», 2015, s. 3–8.*
14. *Ivanov V.V., Varshavskij A.E., Markusova V.A. Bibliometricheskie pokazateli rossijskoj nauki i RAN (1997-2007). Vestnik RAN, 2009, №6 s. 164–182.*
15. *Varshavskij A.E., Markusova V.A. Metodologicheskie problemy mezhdunarodnogo sravnitel'nogo analiza rezul'tatov nauchnoj dejatel'nosti. Innovacionnaja politika: Rossija i Mir: 2002-2010 / pod obshh. Red.N.I. Ivanovoj i V.V. Ivanova; Rossijskaja akademija nauk. – M.: Nauka, 2011, s. 407–441.*
16. *«Innovacionnyj menedzhment v Rossii: voprosy strategicheskogo upravlenija i nauchno-tehnologicheskoy bezopasnosti»/ Ruk. avtorskogo kollektiva V.L. Makarov, A.E. Varshavskij. M.: Nauka 2004.*
17. *Fedjukin I., Frumin I. Rossijskie vuzy-flagmany // Pro et Contra. 2010. № 3. s. 23–31.*
18. *Panov P. Dmitrij Livanov: Povedenie Fortova – prosto licemerie. «Izvestija» 5 ijulja 2013.*
19. *Boulton G. University Rankings: Diversity, Excellence and the European Initiative. League of European Research Universities. Advice Paper, Nr. 3 – June 2010.*
20. *Varshavskij A.E., Varshavskij L.E. Jekonomicheskie i social'nye problemy sohranenija nauki v Rossii. Jekonomika i matem. metody, 1995, T. 31, vyp. 3.*
21. *Malysheva E., Rejter S., Zabavina Ju. Rassledovanie RBK: kuda zavela Rossiju reforma zdravoohranenija. 26 okt. 2014, <https://www.rbc.ru/investigation/business/26/10/2014/544cfa0acbb20f3b7672b59d>*
22. *Gubenko A. Golikova priznala neudachnoj optimizaciju zdravoohranenija v regionah. RBK: 03 nojabrja 2019. <https://www.rbc.ru/society/03/11/2019/5dbecba99a79470b57a29e69>*
23. *Kishinevskij D. «Plohaja vakcina huzhe virusa». 30 marta 2020 g. <https://news.mail.ru/society/41148783/>*

Контактная информация / Contact information

117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47, ЦЭМИ РАН.
CEMI RAS, 47, Nakhimovsky Prospect, 47, 117418, Moscow, Russia
Варшавский Александр Евгеньевич / Alexander E. Varshavsky
varshav@cemi.rssi.ru

СТРОИТЕЛЬНАЯ ОТРАСЛЬ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ И УСЛОВИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО РОСТА В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ СТРУКТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

CONSTRUCTION INDUSTRY: DEVELOPMENT TRENDS, IMPACT OF THE PANDEMIC, AND CONDITIONS FOR RECOVERY GROWTH IN THE CONTEXT OF STRUCTURAL MODERNIZATION

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-237-243

ДОРЖИЕВА Валентина Васильевна

Руководитель Центра инновационной экономики и промышленной политики, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук (ИЭ РАН), к.э.н., доцент

Valentina V. DORZHIEVA

Leading Researcher, Center for Innovation Economy and Industrial Policy, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Economics, Associate Professor

Аннотация

В статье исследуются тенденции и перспективы развития российской строительной отрасли в современных условиях. На основе данных United Nations Statistics Division (UNSD) автором построен рейтинг стран-лидеров по объемам строительства в мировой экономике в 2018 г., в котором Россия занимает 9-е место, а также представлены тренды изменения показателя «Доля сектора строительства в ВВП» России и стран-лидеров в 1990–2018 гг. Проиллюстрированы динамика изменения темпов роста некоторых показателей, характеризующих

развитие строительной отрасли, за последние десять лет. Анализируются экспертные оценки и прогнозы о влиянии пандемии COVID-19 на строительную отрасль. Выявлены причины низкой готовности к вызовам и рискам российской строительной отрасли, которые необходимо учитывать при проведении структурной модернизации и определении целевых установок в документах стратегического планирования развития отрасли.

Abstract

The article examines the trends and prospects of development of the Russian construction industry in modern conditions. Based on data from the United Nations Statistics Division (UNSD), the author built a rating of the leading countries in terms of construction volumes in the world economy in 2018, in which Russia ranks 9th, and also presents trends in the indicator «the Share of the construction sector in GDP» of Russia and the leading countries in 1990-2018. The dynamics of changes in the growth rates of some indicators that characterize the development of the construction industry over the past ten years are illustrated. Expert assessments and forecasts on the impact of the COVID-19 pandemic on the construction industry are analyzed. The reasons for low readiness for the challenges and risks of the Russian construction industry have been identified, which should be taken into account when carrying out structural modernization and defining targets in the documents of strategic planning for the development of the industry.

Ключевые слова

Строительная отрасль, структурная модернизация, стратегия развития строительной отрасли, постпандемическое развитие.

Keywords

Construction industry, structural modernization, construction industry development strategy, post-pandemic development.

1 Под строительной отраслью понимаем сферы жилищного, промышленного, транспортного и инфраструктурного строительства, производство строительных материалов и строительной техники, относящихся к следующим

COVID-19 продемонстрировал, что мир уже никогда не будет таким, каким он являлся до трансформаций 2020 г. Весь вопрос, в каком направлении пойдет трансформационный процесс в результате введения мобилизационных механизмов и каковы будут качественные характеристики постпандемического мира. Появляющиеся прогнозные оценки развития экономики, как российской, так и мировой, в текущем году и в 2021 году свидетельствуют о том, что кризис, вызванный пандемией, ведет к сворачиванию значительной части бизнеса, резкому снижению совокупного спроса, росту безработицы и числа банкротств [1]. По разным оценкам сокращение мирового ВВП по итогам 2020 г. составит 0,5–2,5%. Применительно к российской экономике кризисные явления повлекут большее сокращение ВВП – от 3,8 до 10,2% [2], падение промышленного производства может составить от 0 до 6,6%, а восстановление экономики и ее отраслей будет продолжительнее. В связи с этим целью настоящего исследования является определить на основе анализа современных тенденций развития и различных экспертных оценок о влиянии пандемии направления восстановительного/постпандемического развития строительной отрасли России в контексте задач структурной модернизации.

Следует отметить, что за последние десять лет отечественная строительная отрасль¹ (далее – СО) претерпела существенные структурные преобразования,

видам деятельности (кодам) Общероссийского классификатора видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) (ОКВЭД 2): 08, 16, 23, 28, 29, 41–43, 71, 81.3.

2 Государственные институты развития – URL: <https://www.minstroyrf.ru/about/institutes/>

обусловленные рядом факторов, среди которых основными являются законодательные новации, в том числе в сфере стратегического планирования развития отрасли и государственного регулирования. В рамках реализуемого государством масштабного плана по структурной модернизации СО государством созданы институты развития по стимулированию реформирования и формированию эффективных механизмов управления жилищным фондом – Государственная корпорация Фонд содействия реформированию ЖКХ (Фонд ЖКХ), рынком ипотеки – АО «ДОМ. РФ» (до марта 2018 года – АИЖК), государственной экспертизой – Федеральное автономное учреждение «Главное управление государственной экспертизы» (ФАУ «Главгосэкспертиза России»)². На систему саморегулируемых организаций (СРО) заменена система государственного лицензирования. Вместе с тем до сих пор исполнение данного плана осуществляется с отставанием и составляет только 70%, а предпринятые меры практически не изменили ситуацию в СО.

В научной литературе среди отечественных и зарубежных исследователей сформировался консенсус в отношении важной роли СО, которая является ключевой/базовой отраслью национальной экономики, определяет решение важнейших социально-экономических задач, задает темпы экономического развития, существенным образом влияет на развитие как отдельных территорий, так и страны в целом, участвует в создании и модернизации производственных и непроизводственных основных фондов для всех отраслей национальной экономики, в развитии инфраструктуры, обеспечении безопасности и качества жизни человека.

Таблица. Топ-10 стран-лидеров по объемам строительства в мировой экономике

Страны	Строительство в 2018 г., млрд долл.	Доля строительства в мире в 2018 г., %	Строительство на душу населения в 2018 г., долл.	Доля строительного сектора от ВВП национальной экономики в 2018 г., %
Китай	934,2	19,7	660,2	6,9
США	839,1	17,7	2567,90	4,1
Япония	275,5	5,8	3347,40	5,9
Индия	201,2	4,2	148,6	8,0
Германия	180,5	3,8	2193,20	5,1
Великобритания	154,7	3,3	2324,10	6,1
Франция	138,7	2,9	2054,30	5,6
Канада	125,4	2,6	3393,60	7,9
Россия	121,2	2,6	841,9	8,2
Австралия	111,8	2,4	4514,10	8,3

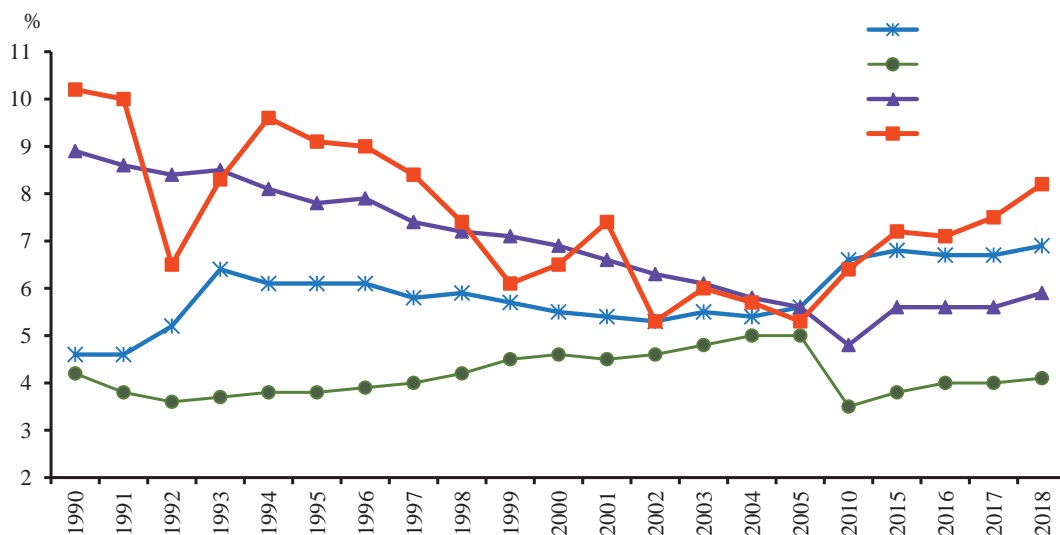
Источник: составлено автором по данным United Nations Statistics Division (UNSD, Отдел статистики ООН) – URL: <http://data.un.org/>

По состоянию на 1 января 2020 г. СО формирует около 280 тыс. организаций, в которых работает более 6,3 млн чел.³. В составе национальных основных фондов доля инвестиций на строительство объектов инфраструктуры и зданий составляет более 50%.

Согласно данным статистики ООН, Россия входит в топ-10 стран-лидеров и занимает 9-е место, а ее доля по объемам строительства в мировой экономике составляет 2,6% (таблица). Крупнейшими являются СО Китая (19,7%), США (17,7%) и Японии (5,8%).

Конкурентоспособность национальной СО в 1990–2018 гг. отражает сопоставительный анализ трендов изменения показателя «Доля сектора строительства в ВВП» России и стран-лидеров (рис. 1)

Рис. 1.
Сравнительный анализ динамики изменения доли сектора строительства в ВВП России и стран-лидеров в 1990–2018 гг.

Источник: составлено автором по данным Росстата – URL: <https://www.gks.ru/> и Отдела статистики ООН. URL: <http://data.un.org/>

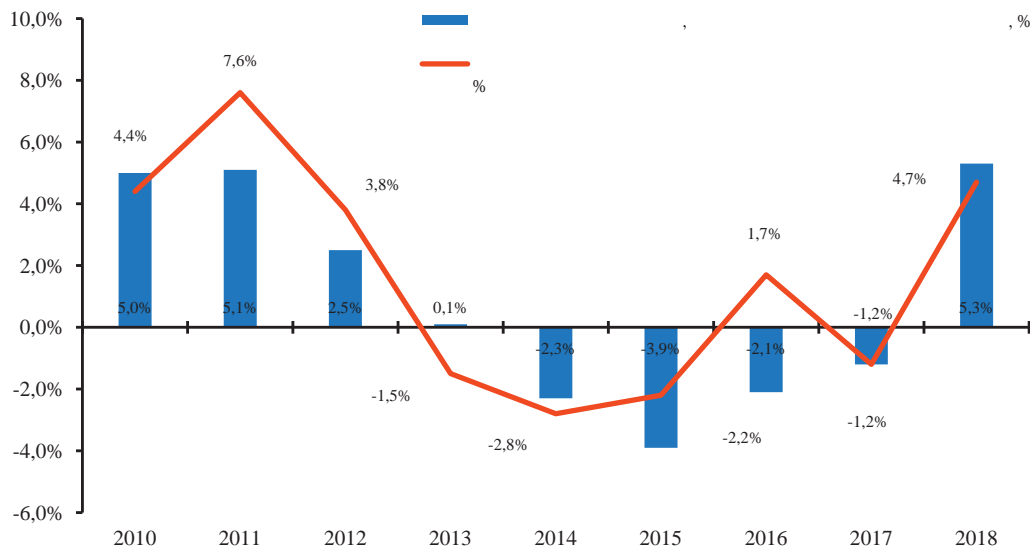
На протяжении последних десяти лет наблюдается положительная динамика объема строительных работ, добавленной стоимости, созданной строительными компаниями России, и инвестиций в основной капитал. Однако в пересчете в ценах 2008 года либо по средневзвешенному годовому курсу доллара США динамика совершенно иная и значения показателей за последние 10 лет лишь приблизились к уровню 2008 г. [3]. Кроме этого, для большинства организаций СО деятельность является низкорентабельной (4,8–7%) и удерживается стабильно ниже среднего показателя по экономике (7,7–12,3%) [4]. Так, например, в рейтинге топ-170 только 131 компания имеет положительное сальдо прибыли и убытков и составляет 14,6 млрд руб., что составляет 0,4% от их общей выручки. За рубежом этот показатель для аналогичных выбороккратно больше и достигает 3–5% выручки компаний [3].

3 Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации – URL: <https://www.gks.ru/>

Как правило, СО одна из первых ощущает на себе проявления любых кризисов и первой выходит из состояния спада, вытягивая за собой другие смежные отрасли [5]. При этом сильнее реагируют на незначительные изменения конъюнктуры мирового рынка СО крупнейших национальных экономик. Так, по данным Минстроя РФ, СО России уже в период с 2013 г. по 2017 г. столкнулась с резким ухудшением макроэкономической конъюнктуры, отразившейся на темпах роста по произведенным в строительстве валовой добавленной стоимости и объему работ, несмотря на их номинальный рост (рис. 2).

Рис. 2. Динамика изменения темпов роста по показателям развития строительной отрасли

Источник: интерпретировано по данным портала Стратегия развития строительной отрасли РФ до 2030 года [6] – URL: <http://stroystategy.ru/#docs>

По разным экспертным оценкам, состояние СО, несмотря на проводимые государством структурные реформы, остается в стагнации и будет ухудшаться из-за распространения коронавирусной инфекции и падения курса национальной валюты. Среди причин низкой готовности отечественной СО к будущим вызовам и рискам можно выделить: недостаточный спрос на строительство, обеспечивающих объем заказов для подрядчиков, и инвестиций из государственного бюджета, капитальных вложений корпоративного сектора и финансовых средств населения; нарушение сроков строительства и его финансирования; низкий уровень инновационного и технологического развития, в том числе цифровизации; снижение деловой активности и ухудшение финансового состояния предприятий отрасли; снижение численности занятых; рост цен на основные виды и услуги, в том числе вызванный введением международных экономических санкций, резкими падениями курса национальной валюты.

Уже появилось немало прогнозных оценок о влиянии пандемии на СО и условия постпандемического развития в текущем году и в 2021 году. Ассоциация «Национальное объединение строителей» (НОСТРОЙ) отмечает, что рост неопределенности в экономике и ухудшение финансового положения российских предприятий уже привели к негативным последствиям в СО, а именно: срываются планы строительства из-за остановок в связи с карантинными мерами; сократились инвестиции в строительные проекты; выросла стоимость строительных материалов на 4–17%; одновременно сокращается как объем спроса на строительство, так и объем предложения на рынке недвижимости; увеличивается объем незавершенного строительства⁴.

Согласно исследованию Фонда «Институт экономики города» [7], в регионах, где сконцентрировано 74% незавершенного строительства жилья, потери застройщиков из-за остановки строек могут составить до 1,3 трлн руб. Так, общий объем остановленных строек по договорам участия в долевом строительстве составляет 5,2 трлн руб., а сроки ввода растянутся по более 70% строящегося жилья. По оценкам агентства «Национальные кредитные рейтинги» (НКР), если крупные застройщики смогут справиться с последствиями кризиса, то небольшие компании, особенно в депрессивных регионах, столкнутся с угрозой исчезновения [8].

⁴ По данным портала НОСТРОЙ. Ситуационный центр по поддержке подрядчиков и застройщиков. – Режим доступа: https://nostroy.ru/nostroy/situation_center/

Согласно прогнозу Института исследований и экспертизы ВЭБ.РФ валовая добавленная стоимость в СО по итогам II второго квартала 2020 г. снизится на 11,2%, но быстро восстановится, и ее потери за текущий год составят 0,2% ВДС [2]. Во многом это будет определяться эффективностью проведения антикризисных мер и реализацией Стратегии развития строительной отрасли Российской Федерации до 2030 года [6].

Таким образом, возникшие из-за пандемии новые вызовы и риски осложнили реализацию поставленных национальных целей и стратегических задач в краткосрочной перспективе и потребуются корректировка стратегии развития. Вместе с тем это не означает необходимость пересмотра целей долгосрочного развития, а обуславливает повышение требований к государственной политике по повышению темпов роста и качества развития СО на базе формируемой в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» концептуальной основы системы документов стратегического планирования развития отрасли.

В новых условиях сложность и масштабность системной структурной модернизации СО, обуславливающей применение антикризисных мер и мобилизационных механизмов. Это потребует от государства проведения выверенной последовательной экономической политики на основе целевых установок правительства (регуляторов), так как принимаемые меры государственной поддержки изменяют институты, отвечающие за распределение ресурсов между видами деятельности или секторами, и обеспечивают развитие одних секторов за счет других в полном объеме либо частично.

Библиографический список

1. *Тенденции развития российской экономики в условиях пандемии коронавируса и возможные антикризисные меры* / Институт исследований и экспертизы ВЭБ. РФ, 2020. – URL: <http://www.inveb.ru/ru/articles-menu/247-tendentsii-razvitiya-rossijskoj-ekonomiki-v-usloviyakh-pandemii-koronavirusa-i-vozmozhnye-antikrizisnye-mery>
2. *Влияние COVID-19 на российскую экономику* / McKinsey & Company, 2020. – URL: <http://www.kovernino.ru/?id=24309>
3. Коник А.В., Соломатина И.А. Анализ применения моделей социально-экономического развития строительной отрасли в условиях экономического кризиса // *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд*. 2015. С. 105–111.
4. Анпилов С.М., Сорочайкин А.Н. О стратегии развития строительной отрасли РФ (Часть 1) // *Эксперт: теория и практика*, 2019. № 1 (1). С. 7–14.
5. *Инвестиции в инфраструктуру. Строительство. Крупнейшие компании и главные тренды отрасли* // Аналитический обзор InfraONE Research, 2019. 65 с.
6. *Проект Стратегии развития строительной отрасли Российской Федерации до 2030 года* – URL: <http://stroystategy.ru/>
7. *Оценка объема незавершенного жилищного строительства в регионах и их столицах: каково влияние корона-кризиса?* // Фонд «Институт экономики города». 2020. 38 с.
8. *Крупнейшие застройщики потеряют до \$200 млрд из-за коронавируса* // РБК, 6 апреля 2020 г. – URL: <https://www.rbc.ru/business/06/04/2020/5e8774be9a79472deb5bcabb?from=center>

References

1. *Tendencii razvitiya rossijskoj ekonomiki v usloviyah pandemii koronavirusa i vozmozhnye antikrizisnye mery/ Institut issledovanij i ekspertizy VEB. RF, 2020. – URL: <http://www.inveb.ru/ru/articles-menu/247-tendentsii-razvitiya-rossijskoj-ekonomiki-v-usloviyakh-pandemii-koronavirusa-i-vozmozhnye-antikrizisnye-mery>*
2. *Vliyanie COVID-19 na rossijskuyu ekonomiku / McKinsey & Company, 2020. – URL: <http://www.kovertino.ru/?id=24309>*
3. *Konik A.V., Solomatina I.A. Analiz primeneniya modelei sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya stroitel'noi otrasli v usloviyakh ehkonomicheskogo krizisa // Sovremennye tendentsii v ehkonome i upravlenii: novyi vzglyad. 2015. S. 105–111.*
4. *Anpilov S.M., Sorochaikin A.N. O strategii razvitiya stroitel'noi otrasli RF (Chast' 1) // Ehkspert: teoriya i praktika, 2019. №1 (1). S. 7–14.*
5. *Investitsii v infrastrukturu. Stroitel'stvo. Krupneishie kompanii i glavnye trendy otrasli // Analiticheskii obzor InfraONE Research, 2019. 65 s.*
6. *Proekt Strategii razvitiya stroitel'noj otrasli Rossijskoj Federacii do 2030 goda – URL: <http://stroystategy.ru/>*
7. *Otsenka ob'ema nezavershennogo zhilishchnogo stroitel'stva v regionakh i ikh stolitsakh: kakovo vliyanie korona-krizisa? // Fond «Institut ehkonomiki gorodA». 2020. 38 s.*
8. *Krupneishie zastroishchiki poteryayut do ₺200 mlrd iz-za koronavirusa // RBK, 6 aprelya 2020 g. – URL: <https://www.rbc.ru/business/06/04/2020/5e8774be9a79472deb5bcabb?from=center>*

Контактная информация / Contact information

117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, Институт экономики РАН.
Institute of Economics of RAS, 32, Nakhimovsky prospect, 117218, Moscow, Russia
Доржиева Валентина Васильевна / Dorzhieva Valentina Vasilievna
vv2006uu@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

DIGITAL ECONOMY IN THE PANDEMIC CONTEXT

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-244-250

САЛЫГИН Валерий Иванович

Директор Международного института энергетической политики и дипломатии (МИЭП) МГИМО МИД России, член-корреспондент РАН, д.т.н., профессор

Valery I. SALYGIN

Director of International Institute for Energy Policy and Diplomacy (MIEP) MGIMO, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences, Professor

МАРКИН Антон Сергеевич

Ведущий аналитик Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России

Anton S. MARKIN

Leading analyst at the Energy and Digital Economy Strategic Research Center in Energy and Digital Economy, MIEP MGIMO

Аннотация

В условиях карантинных ограничений автоматизация и цифровизация бизнеса – ключевой фактор минимизации потерь на производстве. Таким образом, компании, которые осуществили трансформацию бизнеса, сейчас способны обеспечивать приемлемый уровень производства и удержать позицию на рынке. В результате, несмотря на высокий уровень популярности тренда цифровизации в бизнесе, спрос и актуальность проведения эффективных мероприятий по цифровой трансформации возрастает.

Статья посвящена ключевым трендам развития цифровой экономики в условиях пандемии. В рамках статьи раскрывается принцип цифровой трансформации экономики и промышленности, с фокусировкой на элементы цифровизации отдельных бизнес-процессов. Также в рамках работы приводятся преимущества автоматизации и цифровизации ключевых промышленных процессов на производстве в условиях пандемии. Ключевая задача статьи – определение комплекса эффективных мероприятий для формирования дорожных карт и стратегий по цифровой трансформации бизнеса.

Abstract

Under quarantine restrictions, automation and digital transformation of business is a key factor in minimizing production losses. Thus, the companies which have carried

out digital transformation are now able to provide an acceptable production level and maintain a market position. However, despite the high popularity of the digitalization trend in business, demand and relevance of effective digital transformation is rising.

This article focuses on key digital economy development trends in the pandemic context. The article reveals the of digital transformation principle in economy and industry, focusing on the elements of specific business processes digitalization. Also, the paper presents the benefits of key industrial processes automation and digitalization under the pandemic conditions. The article key task is to define a set of effective measures for the formation of digital transformation road maps and strategies for of business.

Ключевые слова Цифровизация, автоматизация, бизнес-процессы, пандемия, ТЭК, нефтегазовая отрасль.

Keywords Digital transformation, pandemic, automatization, oil&gas industry, business-process optimization.

Введение

Сегодня цифровая экономика является не просто актуальным экономическим трендом, а совершенно новой логикой организации бизнес-процессов в любой отрасли. Задача цифровизации как структурного процесса трансформации экономики состоит в полном переосмыслении бизнес-модели производства и организации работы предприятия/компании. Многие ошибочно считают, что внедрение цифровых технологий – это и есть цифровая трансформация бизнеса, однако это всего лишь инструмент трансформации бизнеса.

Цифровизация является крайне популярным явлением в России, задачи по трансформации различных секторов экономики включены в перечень приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации в соответствии с указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Эти задачи включены в перечень стратегических направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года.

Принцип цифровой трансформации

Несмотря на актуальность и популярность цифровизации, главной ошибкой при трансформации предприятия/компании является подмена понятий «цифровизация» и «модернизация оборудования/перевооружение промышленного объекта». Ключевая цель такой трансформации – создание качественного, эффективного цифрового актива, где минимизированы расходы и затраты и максимально оптимизирована модель бизнес-процессов. Модернизация оборудования, например внедрение в производство систем 3D-проектирования (CAD – computer-aided design) последнего поколения, не является цифровизацией в полном объеме, а представляет собой только часть алгоритма трансформации предприятия.

Цифровизация любого предприятия, в том числе нефтегазового комплекса, состоит в глубоком анализе бизнес-процессов, цепочки производства, логистики

и окружающих факторов для определения стратегии и дорожной карты мероприятий по цифровой трансформации. Современная «цифровая революция» или «Четвертая промышленная революция» экономики похожа на аналогичные трансформации промышленного производства в прошлом. Соответственно, подход к грамотной модернизации любого предприятия или технологической цепочки любой крупной компании реализуется в рамках следующих этапов:

- оценка цифровой зрелости компании/проведение обследования цифровой архитектуры;
- формирование перечня мероприятий по оптимизации цифровой архитектуры компании;
- автоматизация и цифровизация бизнес-процессов;
- анализ и оптимизация существующей модели бизнес-процессов.

Цифровизация операционной деятельности

Реализация задачи по цифровизации промышленных процессов базируется на определенном алгоритме действий. Первый этап – это комплексный аудит текущей организации бизнес-процессов и промышленного производства. На данной стадии проводится оценка цифровой зрелости предприятия, включая оценку матриц и схем отрисовки бизнес-процессов, включая глубину таких моделей.

Второй этап заключается в обеспечении полной автоматизации всей производственной цепочки (если это не было сделано раньше). Ключевой результат второго этапа – автоматизация и объединение всех производственных элементов в единую систему, включая трассировку процессов.

После автоматизации с внедрением журналов событий и трассировки проводится комплексная проверка текущей модели бизнес-процессов на предмет достоверности. В данном случае важно оценить, насколько текущая матрица бизнес-процессов соответствует реальному протеканию процессов производства.

Цифровизация операционной деятельности заключается в создании «цифровых фабрик» или интеллектуального производства. Преимущество «цифровых фабрик» состоит в обеспечении принятия точных решений в режиме реального времени с возможностью кросс-функционального взаимодействия на всех этапах производства, сохраняя при этом качество и надежность продукции.

Для создания «цифровой фабрики» или «цифровой среды» любого производства необходимо провести ряд поэтапных взаимосвязанных мероприятий:

- оцифровку основных бизнес-процессов;
- автоматизацию;
- внедрение систем для анализа больших данных.

Среди основных технологических направлений цифровизации операционной деятельности на первом месте по-прежнему стоит оцифровка основных бизнес-процессов и создание единого цифрового информационного пространства, то есть объединение процессов проектирования, подготовки производства, закупок материалов и оборудования и послепродажного обслуживания на единой цифровой платформе.

Еще одна важная область – предиктивная аналитика и симуляторы, которые позволяют предвидеть возможные ситуации заранее. Предиктивная аналитика предполагает анализ больших объемов информации о процессе производства на промышленных объектах с целью выявления скрытых закономерностей.

Таким образом, создание «цифровой фабрики» базируется на внедрении в производство следующих элементов (см. рисунок):

- цифровизация бизнес-процессов;
- модульность;
- единое цифровое пространство;
- автоматизация;
- стандартизация;
- анализ больших данных;
- внедрение симуляторов промышленных процессов.

Рисунок.
Элементы
«цифровой
фабрики»

Интегрированный подход к промышленному производству позволяет систематизировать и упростить бизнес-процессы предприятия, внедрить прозрачную систему контроля и мониторинга, что позволяет корректировать существующие алгоритмы и производственные планы в режиме реального времени, что в конечном итоге позволяет создать качественный «цифровой актив».

Цифровая экономика в условиях пандемии

В условиях внедренных карантинных мер в большинстве стран мира, приостановления работы большого количества предприятий, запрета физического контакта сотрудников на объектах значимость цифровой экономики возрастает. При высоком уровне цифровизации производства процессы проходят автоматически с дистанционным контролем диспетчерского центра. Компании, которые уже провели цифровую трансформацию, понесли наименьшие финансовые и технологические потери, так как смогли обеспечить непрерывность производства, несмотря на требования по самоизоляции для сотрудников.

Глобальная пандемия выступила в качестве вызова для бизнеса и промышленности, полностью изменив «правила игры». Большинство предприятий и компаний осознали важность автоматизации и цифровизации производства и бизнес-процессов, внедрения риск-ориентированного подхода на предприятиях, а также предиктивной аналитики и гибкой стратегии бизнеса. Такие механизмы уже десятилетиями используются на объектах ТЭК для обеспечения низкой аварийности и готовности к ЧС. Например, на трубопроводных системах компании TransCanada внедрены цифровые системы для удаленного предотвращения и ликвидации разрыва трубопровода, Equinor внедряет роботизированные станции по добыче на континентальном шельфе, которые полностью работают без участия человека, компания BP внедрила системы автоматического закрытия подводных скважин, управления насосами, визуального мониторинга удаленных объектов добычи и др.

Таким образом, ТЭК, имея многолетний опыт работы в условиях постоянного риска ЧС, а также по внедрению систем по удаленному управлению и анализу производственных процессов, может стать хорошим примером, в определенных случаях даже «лучшей практикой», на которую можно ориентироваться для осуществления цифровой трансформации и обеспечения готовности бизнеса к чрезвычайным ситуациям.

Библиографический список

1. Журнал *Automationmag*. URL: <https://www.automationmag.com/features/the-father-of-invention-dick-torley-looks-back-on-the-40th-anniversary-of-the-plc.html>
2. Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утверждены Правительством РФ 29.09.2018)
3. Отчет компании Accenture. Цифровая Энергетика. URL: https://www.accenture.com/t20150523T022424Z_w_/nl-en/_acnmedia/Accenture/Conversion-Assets/DotCom/Documents/Global/PDF/Dualpub_1/Accenture-Digital-Innovation-Pipelines-Leveraging-Emerging-Technologies-Maximize-Value.pdf?la=en
4. Официальный сайт компании ENI. URL: https://www.eni.com/en_IT/innovation.page
5. Официальный сайт Baker Hughes, a GE Company. URL https://www.geoilandgas.com/sites/geog/files/intellistream_brochure_final.pdf
6. Официальный сайт Baker Hughes, a GE Company. URL: https://www.geoilandgas.com/intellistream?_ga=2.207663378.1811487503.1522751664-518376913.1522751664
7. Официальный сайт BP. Plant Operations Adviser. URL: https://www.bp.com/en_us/bp-us/media-room/press-releases/bp-and-ge-launch-new-offshore-digital-technology.html
8. Официальный сайт Exxon Mobil. R&D and Innovations. URL: <https://corporate.exxonmobil.com/en/energy/research-and-development/innovating-energy-solutions/research-and-development-highlights>
9. Официальный сайт Exxon Mobil. R&D technology brochure. URL: https://cdn.exxonmobil.com/~media/global/files/energy-and-environment/research_development_tech_brochure.pdf
10. Официальный сайт Honeywell. Experion PKS. URL: <https://www.honeywellprocess.com/en-US/explore/products/control-monitoring-and-safety-systems/integrated-control-and-safety-systems/experion-pks/Pages/default.aspx>
11. Официальный сайт ISA. URL: <https://www.isa.org/>
12. Официальный сайт Saudi Aramco. URL: <http://www.saudiaramco.com/en/home/innovation.html>
13. Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года».

14. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
15. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».
16. ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» от 21.07.2011 № 256-ФЗ.
17. ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ.
18. Brendan Galloway and Gerhard P. Hancke. Introduction to Industrial Control Networks” IEEE Communications Surveys and Tutorials. 2012. URL: <http://www.rfidblog.org.uk/Preprint-GallowayHancke-IndustrialControlSurvey.pdf>
19. PwC, Всемирные исследования Digital IQ. URL: <https://www.pwc.ru/ru/riskassurance/assets/diq-RUS.pdf>
20. Smith, C. L., “Process Control for the Process Industries – Part 2: Steady State Characteristics,” Chemical Engineering Progress, pp. 67–73 (March 2017).
21. Svrcek, William Y., et al. “A Brief History of Control and Simulation.” A Real Time Approach to Process Control, John Wiley & Sons Inc., 2014, pp. 1–2.

References

1. Automationmag Journal. URL: <https://www.automationmag.com/features/the-father-of-invention-dick-morley-looks-back-on-the-40th-anniversary-of-the-plc.html>
2. Accenture report. Digital Energy. URL: https://www.accenture.com/t20150523T022424Z_w_/nl-en/acnmedia/Accenture/Conversion-Assets/DotCom/Documents/Global/PDF/Dualpub_1/Accenture-Digital-Innovation-Pipelines-Leveraging-Emerging-Technologies-Maximize-Value.pdf?la=en
3. ENI official web-site. URL: https://www.eni.com/en_IT/innovation.page
4. Baker Hughes official web-site. URL https://www.geoilandgas.com/sites/geog/files/intellistream_brochure_final.pdf
5. Baker Hughes, official web-site. URL: https://www.geoilandgas.com/intellistream?_ga=2.207663378.1811487503.1522751664-518376913.1522751664
6. BP. Plant Operations Adviser. BP official web-site URL: https://www.bp.com/en_us/bp-us/media-room/press-releases/bp-and-ge-launch-new-offshore-digital-technology.html
7. Exxon Mobil. R&D and Innovations. URL: <https://corporate.exxonmobil.com/en/energy/research-and-development/innovating-energy-solutions/research-and-development-highlights>
8. Exxon Mobil. R&D technology brochure. URL: https://cdn.exxonmobil.com/~media/global/files/energy-and-environment/research_development_tech_brochure.pdf
9. Honeywell. Experion PKS. URL: <https://www.honeywellprocess.com/en-US/explore/products/control-monitoring-and-safety-systems/integrated-control-and-safety-systems/experion-pks/Pages/default.aspx>
10. ISA official web-site. URL: <https://www.isa.org/>
11. Saudi Aramco official web-site. URL: <http://www.saudiaramco.com/en/home/innovation.html>
12. Brendan Galloway and Gerhard P. Hancke. Introduction to Industrial Control Networks” IEEE Communications Surveys and Tutorials. 2012. URL: <http://www.rfidblog.org.uk/Preprint-GallowayHancke-IndustrialControlSurvey.pdf>
13. PwC, Digital IQ. URL: <https://www.pwc.ru/ru/riskassurance/assets/diq-RUS.pdf>
14. Smith, C. L., “Process Control for the Process Industries – Part 2: Steady State Characteristics,” Chemical Engineering Progress, pp. 67–73 (March 2017).
15. Svrcek, William Y., et al. “A Brief History of Control and Simulation.” A Real Time Approach to Process Control, John Wiley & Sons Inc., 2014, pp. 1–2.
16. Osnovnye napravlenija dejatel'nosti Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda (utverzhdenykh Pravitel'stvom RF 29.09.2018)

17. *Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 13.11.2009 № 1715-r «Ob Jenergeticheskoj strategii Rossii na period do 2030 goda»;*
18. *Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2018 № 204 «O nacional'nyh celjah i strategicheskix zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda»;*
19. *Ukaz Prezidenta RF ot 01.12.2016 № 642 «O strategii nauchno-tehnologičeskogo razvitija Rossijskoj Federacii»;*
20. *FZ «O bezopasnosti ob#ektov toplivno-jenergetičeskogo kompleksa» ot 21.07.2011 № 256-FZ;*
21. *FZ «O strategičeskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» ot 28.06.2014 № 172-FZ;*

Контактная информация / Contact information

МИЭП МГИМО МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76.
MIEP MGIMO, 76, Vernadsky prospect, 119454, Moscow, Russia
Салыгин Валерий Иванович / Salygin Valery Ivanovich
+7 (495) 229-53-83, miep@mgimo.ru
Маркин Антон Сергеевич / Anton S. Markin
anton.s.markin@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ СИСТЕМ РЕГИОНА

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN ENSURING SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF SPATIAL INFRASTRUCTURE SYSTEMS IN THE REGION

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-251-259

СУРНИНА Надежда Матвеевна

Заведующая кафедрой информационных технологий и статистики ФГБОУ
ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор
Nadezhda M. SURNINA

Head of the Department of Information Technologies and Statistics, Ural State
Economic University, Doctor of Economic Sciences, Professor

ШИШКИНА Елена Александровна

Доцент кафедры информационных технологий и статистики ФГБОУ
ВО «Уральский государственный экономический университет», к.э.н.

Elena A. SHISHKINA

Associate Professor, Department of Information Technologies and Statistics, Ural
State University of Economics, PhD in Economics

Аннотация

Статья посвящена исследованию цифровой экономики и цифровизации в аспекте обеспечения устойчивого развития пространственных инфраструктурных систем региона. Сформулирована теоретическая платформа исследования, базирующаяся на теории пространственной, региональной экономики, устойчивого развития, обоснована методология, включающая причинно-следственный, системный подходы. Определено, что цифровая трансформация является системным процессом и требует взаимосогласованности проектов развития инфраструктуры на основе единых методологических положений и принципов, интеграции в информационное пространство, экосистему цифровых платформ.

Abstract The article studies the development of the digital economy and digitalization in the aspect of ensuring the sustainable development of spatial infrastructure systems in the region. The authors present a theoretical research platform, based on the theory of spatial, regional economics, sustainable development, substantiated a methodology that includes a causal, systemic approach. In the work, the authors identified key areas and indicators of digitalization of transport and energy infrastructure as spatial systems of the region. In the work, it is proved that digital transformation is a systemic process, requires the coordination of development projects, common methodological principles and principles, integration into the information space, and the ecosystem of digital platforms.

Ключевые слова Цифровизация, инфраструктура, пространственная инфраструктурная система, региональное развитие, электроэнергетика, транспорт.

Keywords Digitalization, infrastructure, spatial infrastructure system, regional development, electric power industry, transport.

Введение

Устойчивое развитие пространственных инфраструктурных систем региона определяется совокупностью факторов, способностью к функционированию в изменяющихся экономических, политических, социальных, информационных условиях. Распространение цифровых технологий разрушает устоявшиеся модели производства, потребления, создавая как возможности, так и проблемы для устойчивого развития [1]. Таким образом, актуальность проводимого исследования обусловлена: во-первых, усилением влияния информационных технологий на конкурентоспособность экономики, устойчивость развития регионов и инфраструктуры; во-вторых, несмотря на осознание необходимости и активного внедрения информационных технологий в различные сферы экономической деятельности и пространственные инфраструктурные системы, остаются недостаточно изученными вопросы оценки влияния цифровизации на развитие и организацию инфраструктуры в экономическом пространстве региона. Целью работы является исследование влияния процессов цифровизации на обеспечение устойчивого развития пространственных инфраструктурных систем региона. Основу работы составили принципы пространственной, региональной экономики, теории устойчивого развития, причинно-следственного, системного подходов.

Приоритеты и параметры цифровизации пространственных инфраструктурных систем региона

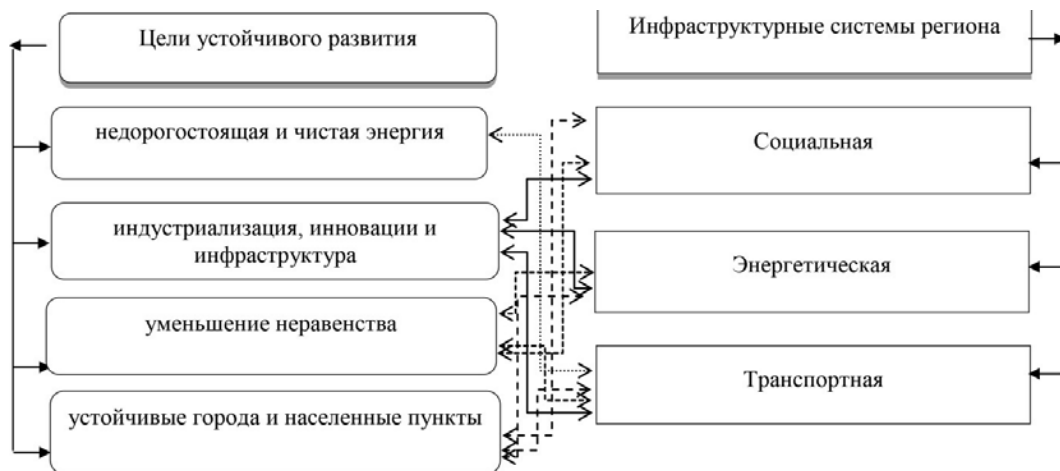
В настоящее время цифровая экономика и цифровизация получили широкое распространение как в науке, так и практической деятельности. Среди современных работ, посвященных изучению цифровизации, следует выделить труды таких ученых, как Авдеева И.Л., Акбердина В.В., Горлов К.Н., Егоров С.М., Истомина Е.А., Козырев А.Н., Халин В.Г., Чернова Г.В. и др. [2–5]. В последние годы значительно увеличилось количество публикаций, раскрывающих различные аспекты цифровизации, Industry 4.0, при этом наибольшее количество работ принадлежит авторам из США, Китая и Великобритании. Отмечается увеличение числа цифровых платформ, кото-

рые являются важнейшим элементом экосистемы цифровой экономики различного уровня [6–8]. Особенностью изучения цифровизации пространственных инфраструктурных систем региона является рассмотрение их как пространственно определенных взаимных систем – обслуживающих взаимосвязанных, взаимодействующих между собой и внешней средой элементов, структур или объектов, деятельность которых направлена на обеспечение устойчивого развития территорий, изменение организации пространства.

Понятие устойчивого развития применительно к территориям, пространственным системам рассмотрено в работах П.М. Иванова, Н.Г. Кузнецовой, С.Г. Тягловой, Д.В. Пресняковой, Н. Тимчук, Р. Шнипера, Л.И. Абалкина и др. [9–11] как способность региональной экономики к развитию, постоянному обновлению и совершенствованию, сбалансированности и социальной ориентации. Основными характеристиками устойчивости для пространственных систем становятся способность стабильного функционирования в условиях внешних воздействий, адаптивность к ним.

В настоящее время достижение целей устойчивого развития как стратегического универсального направления развития стран и регионов получило институциональное оформление и количественное измерение в связи с принятием 25 сентября 2015 года Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Генеральная Ассамблея ООН, 2015) [12]. Документ содержит 17 взаимосвязанных и неразделимых целей и задач в области устойчивого развития (ЦУР), между которыми выделяются более 300 взаимосвязей. Рассмотрим подробнее взаимосвязь целей устойчивого развития и развития пространственных инфраструктурных систем региона (рис. 1).

Рис. 1.
Взаимосвязь целей устойчивого развития и пространственных инфраструктурных систем региона

Указанные на рис. 1 взаимосвязи ЦУР и инфраструктурных систем не являются единственными и исчерпывающими, поэтому достижение устойчивого развития рассматривается как системный процесс и должно быть основано на комплексном подходе. Влияние пространственных инфраструктурных систем на устойчивость развития регионов проявляется в изменении отдельных аспектов территориальной организации и реализации обеспечивающей функции. Следует обратить внимание на работы С.И. Яковлевой [13], в которых представлена классификация инфраструктуры по «отраслевому» принципу с определением функционально зависимых сфер общественной жизни:

экономической, социальной, экологической. В реалиях информационного общества для реализации указанных функций, особое значение имеет политика в области развития цифровых технологий. Акбердина В.В. предлагает выделять стадии трансформации промышленного комплекса, представляя их в виде пирамиды, каждая из которых имеет определенный «ген цифровизации» [14]. Платформа цифровых продуктов и услуг является важнейшим элементом экосистемы цифровой региональной экономики [15]. На примере транспортной и электроэнергетической пространственных инфраструктурных систем рассмотрим возможности и проблемы, связанные с цифровизацией и передовыми технологиями для обеспечения их устойчивого развития.

В условиях цифровой экономики транспорт является обеспечивающим элементом социально-экономических процессов, мобильности населения, создания новых продуктов. По оценкам центра стратегических разработок (<https://www.csr.ru/>), цифровизация транспортной инфраструктуры может повысить ее эффективность на 35%, прирост к ежегодным темпам роста ВВП 1% (Транспорт России: информационно-статистический бюллетень. М., 2019 г.). Решение задач развития транспортной инфраструктуры реализуется в соответствии с приоритетным направлением научно-технологического развития РФ (Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642): «связанность территорий РФ, интеграция в международные транспортные системы, повышение доступности транспортных услуг». Переход к интенсивному, инновационному и социально ориентированному типу развития транспортного комплекса¹ на основе отечественных информационно-коммуникационных технологий и программного обеспечения к 2024 г. определен в программе «Цифровой транспорт и логистика» (Цифровой транспорт и логистика ЦТЛ (ведомственный проект) <http://www.tadviser.ru/>). Результатом реализации мероприятий программы должно стать повышение доступности, усиление связанности экономического пространства, рост эффективности компаний, снижение коммуникационных разрывов и нагрузки на окружающую среду. Особенностью модели цифровизации транспортной инфраструктуры является формирование документов на основе индуктивного принципа [16], предполагающего наличие основной программы – «Цифровой транспорт и логистика» и одноименной Ассоциации, включающей ведущие российские компании в сфере транспорта, формирование единой цифровой платформы транспортного комплекса, ее интеграцию в экосистему цифровых платформ. В то же время цифровая трансформация транспортной инфраструктуры имеет системный характер, поэтому происходит не так быстро, ввиду технологических, физических особенностей.

Важнейшей составляющей формирования цифровой экономики является цифровая энергетика. Согласно результатам исследований ИНЭИ РАН [17], создание интеллектуальной энергетики с использованием возобновляемых источников энергии (при доле 4,5% к 2030 году) в России снизит потребность в установленной мощности более чем на 10%, а энергопотребление почти на 9% (140 млрд кВт/ч) до 2030 года. В настоящее время цифровизация электроэнергетики рассматривается как системная задача, решение которой определено в рамках ведомственного проекта «Цифровая энергетика» (<https://minenergo.gov.ru/node/14559>), программы «Цифровая трансформация электроэнергетики России» (Концепция «Цифровая трансформация 2030». ПАО «Россети». Москва 2018 г. 31 с., далее – Концепция 2030), направленных на переход к новой технологической парадигме в электроэнергетике, представляющей организацию энергоснабжения как экосистему производителей и потребителей энергии, интегрирующихся в общую информационную инфраструктуру [18]. В аспекте

1 «О результатах деятельности Министерства транспорта Российской Федерации за 2018 год, целях и задачах на 2019 год и плановый период до 2021 года»: стенограмма Доклада министра транспорта Е. Дитриха на итоговом расширенном заседании коллегии Министерства транспорта РФ. <https://www.mintrans.ru/documents/16/9903?type=16>.

реализации целей устойчивого развития **наиболее значимыми задачами цифровизации электроэнергетики являются** – адаптивность компании к новым задачам и вызовам, улучшение характеристик надежности электроснабжения потребителей, повышение доступности электросетевой инфраструктуры для бизнеса и населения. В 2020–2024 гг. планируется сокращение количества этапов технологического присоединения к электросети до двух, времени на их прохождение до 90 дней, а также снижение затрат на получение доступа к энергосети (распоряжение Правительства РФ от 17.01.2019 № 20-р (ред. от 17.01.2020) «Об утверждении плана „Трансформация делового климата“ и признании утратившими силу актов Правительства РФ»). Согласно Концепции 2030 сетевые организации в рамках единой компании. Основу цифровизации электроэнергетики составляет иерархический принцип, согласно которому организационно-управленческий механизм, цели, задачи развития и цифровизации определяются в едином ведущем документе, при наличии программ дочерних сетевых организаций (по филиалам). В то же время указанные особенности порождают проблему разного понимания цифровизации в компаниях отрасли, что затрудняет информационный обмен между субъектами электроэнергетики. Таким образом, внедрение цифровых технологий в развитие пространственной инфраструктурной системы электроэнергетики направлено на повышение ее доступности для населения, бизнеса, эффективного обеспечения электроэнергией субъектов рынка с минимальными транзакционными издержками, уровня инфраструктурного обеспечения территорий, изменение качества экономического пространства на основе усиления его однородности, связанности [16].

Систематизируем результаты проведенного исследования (таблица).

Таблица. Целевой анализ цифровизации пространственных инфраструктурных систем региона

Тип инфраструктурной системы	Документы	Цель цифровизации	Параметры
Электроэнергетическая (электросетевая)	«Цифровая энергетика», программа «Цифровая трансформация электроэнергетики России» (Концепция цифровой трансформации 2030 ПАО Россети), Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	Преобразование энергетической инфраструктуры посредством внедрения цифровых технологий, переход к интеллектуальной энергетике, управлению спросом и ценозависимое снижение потребления	Гарантированное обеспечение доступной электроэнергией; внедрение интеллектуальных систем управления электросетевым хозяйством на основе цифровых технологий; ориентация на отечественные разработчики и производители; максимальная совместимость с ранее реализованными технологическими решениями; обеспечение синхронизации используемых протоколов и технологий

Тип инфраструктурной системы	Документы	Цель цифровизации	Параметры
Транспортная	Цифровой транспорт и логистика – ЦТЛ (ведомственный проект); Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	Формирование единого мультимодального цифрового транспортного и логистического пространства на территории РФ, сокращение транзакционных издержек для предприятий, развитие коммуникаций между центрами экономического роста	повышение уровня безопасности на транспорте; развитие транзитного потенциала РФ на основе разработки и внедрения цифровых технологий; объединение усилий, компетенций и программ транспортных и логистических компаний, бизнеса и государства в интересах ускорения цифровой трансформации сфер транспорта и логистики и др.

Составлено по: Цифровой транспорт и логистика ЦТЛ (ведомственный проект) <http://www.tadviser.ru/>; Концепция цифровая трансформация 2030. ПАО «Россети». Москва 2018 г. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р; Ведомственный проект «Цифровая энергетика» <https://minenergo.gov.ru/node/14559>

Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2018 года № 2101-р (с изменениями на 13 марта 2020 года)

Результаты целевого анализа цифровизации пространственных инфраструктурных систем региона показывают усиление ее коммуникационной, интегрирующей, процессуальной функций, ослабление дифференцирующей, размещенческой роли, усиление свойств связности и однородности пространства. При этом цифровизация пространственных инфраструктурных систем региона будет иметь разнонаправленное влияние на параметры устойчивого развития: усиливая экономическую, социальную и экологическую составляющую на основе увеличения производительности, снижения выбросов, обеспечения доступности для населения и бизнеса и др. В то же время сохраняются риски цифровизации – макроэкономические [19], государственного регулирования, рыночные, налоговые, технологические (внешние) риски, как следствие усиления неравенства, различия в возможностях использования технологий и доступа к ним, которые нарушают социальные и экономические основы устойчивости.

В результате выполненной работы можно сделать следующие выводы:

- предложен методический подход к исследованию устойчивости развития пространственных инфраструктурных систем региона, заключающийся в рассмотрении инфраструктуры как пространственно определенной взаимной системы, деятельность которой направлена на обеспечение устойчивого развития территорий;
- определено, что целевыми показателями и критериями цифровизации транспортной и энергетической инфраструктуры как пространственных инфраструктурных систем являются повышение связанности экономического пространства, его доступности, рост экономической эффективности компаний, повышение интенсив-

ности экономических процессов в пространстве региона, снижение дифференцирующей роли инфраструктуры в пространстве;

■ влияние цифровизации на устойчивость развития пространственных инфраструктурных систем региона имеет разнонаправленный характер, с одной стороны способствует сокращению транзакционных издержек для предприятий, росту производительности труда, снижению неблагоприятного воздействия на окружающую среду и др., с другой стороны, создает цифровые формы нежелательного поведения, правовые, нормативные проблемы, связанные со способностью устройств и алгоритмов принимать решения с использованием анализа данных.

Библиографический список

1. *Цифровое развитие: проблемы и возможности: Записка секретариата ЮНКТАД TD/B/66/5 // Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию Distr.: General 6 May 2019 Russian Original: English Совет по торговле и развитию Шестьдесят шестая сессия Женева, 24–28 июня 2019 года.*
2. Авдеева И.Л., Головина Т.А., Парахина Л.В. Развитие цифровых технологий в экономике и управлении: Российский и зарубежный опыт // *Вопросы управления.* 2017. № 6 (49). С. 51–56.
3. Горлов К.Н., Ильичева М.В. Цифровизация как основа устойчивого развития региона: социально-политический и экономический аспекты // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки.* 2018. № 4. С. 42–49.
4. Егоров С.М. Информационные технологии в региональном управлении. – М.: Эксмо, 2015. – 323 с.
5. Козырев А.Н. Цифровая экономика и цифровизация в исторической ретроспективе [Электронный ресурс]. URL: <http://Medium.comCEMI-RAS>. Ноябрь, № 11. 2017.
6. Санникова Т.Д., Богомолова А.В., Жигалова В.Н. Зарубежные модели цифровой трансформации и перспективы их использования в российской практике // *Экономические отношения.* – 2019. – Том 9. – № 2. – С. 481–494.
7. Положихина М.А. Регулирование процесса цифровизации экономики: европейский и российский опыт // *Россия и современный мир.* – 2019. – № 4. – с. 64–81.
8. Fonseca L.M. Industry 4.0 and the digital society: concepts, dimensions and envisioned benefits // *Proceedings of the international conference on business excellence.* – 2018. Vol. 12 (1). – P. 386–397.
9. Преснякова Д.В. О дефинициях «Устойчивость» и «Устойчивое развитие» в экономической науке // *Социально-экономические явления и процессы.* 2011. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-definitsiyah-ustoychivost-i-ustoychivoe-razvitiye-v-ekonomicheskoy-nauke>.
10. Ускова Т.В., Копосова Е.Н. Устойчивое развитие региона: от концептуальных основ к практическим результатам // *Проблемы развития территории.* 2008. № 43. С. 21–31.
11. Региональные экономические системы и их устойчивость [Текст]/ А.И. Бородин, Н.Н. Киселева // *Вестник Удмуртского Университета. Экономика и право.* 2011. Вып. 4.
12. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. A/RES/70/1 https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R
13. Яковлева С.И. Инфраструктурное обеспечение регионального развития: авт. диссер. ... д-ра экон. наук / Санкт-Петербург, 2005. С. 12.
14. Акбердина В.В. Трансформация промышленного комплекса России в условиях цифровизации экономики // *Journal of New Economy.* 2018. № 3. С. 82–99.
15. Бабаян Е.Б., Тимиргалеева Р.Р., Гришин И.Ю. Распределенная инфраструктура отраслевой экосистемы цифровой экономики региона // *International Journal of Open Information Technologies.* 2019. № 7.

16. Шишкина Е.А., Сурнина Н.М. Цифровизация инфраструктурных систем: контуры пространственных трансформаций // e-FORUM. – 4 (9). – 2019.
17. Прогноз развития энергетики мира и России 2019 / под ред. А.А. Макарова, Т.А. Митровой, В.А. Кулагина; ИНЭИ РАН – Московская школа управления СКОЛКОВО – Москва, 2019. – 210 с. – ISBN 978-5-91438-028-8.
18. Цифровая энергетика: новая парадигма функционирования и развития / под ред. Н.Д. Рогалева. – М.: Издательство МЭИ, 2019. – 300 с.
19. Curran D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy // *European journal of social theory*. – 2018. Vol. 21 (2). – P. 207–226.

References

1. *Tsifrovoye razvitiye: problemy i vozmozhnosti: Zapiska sekretariata YuNKTAD TD/B/66/5 // Konferentsiya Organizatsii Ob»edinennykh Natsii po trgovle i razvitiyu Distr.: General 6 May 2019 Russian Original: English Sovet po trgovle i razvitiyu Shest'desyat shestaya sessiya Zheneva, 24–28 iyunya 2019 goda.*
2. Avdeeva I.L., Golovina T.A., Parakhina L.V. *Razvitiye tsifrovyykh tekhnologii v ekonomike i upravlenii: Rossiiskii i zarubezhnyi opyt // Voprosy upravleniya. 2017. № 6 (49). S. 51–56.*
3. Gorlov K.N., Il'icheva M.V. *Tsifrovizatsiya kak osnova ustoichivogo razvitiya regiona: sotsial'no-politicheskie i ekonomicheskie aspekty // Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. 2018. №4. S. 42–49.*
4. Egorov S.M. *Informatsionnye tekhnologii v regional'nom upravlenii. – M.: Eksmo, 2015. – 323 s.*
5. Kozyrev A.N. *Tsifrovaya ekonomika i tsifrovizatsiya v istoricheskoi retrospektive [Elektronnyi resurs]. URL: <http://Medium.comCEMI-RAS. Noyabr, № 11. 2017 g.>*
6. Sannikova T.D., Bogomolova A.V., Zhigalova V.N. *Zarubezhnye modeli tsifrovoy transformatsii i perspektivy ikh ispol'zovaniya v rossiiskoi praktike // Ekonomicheskie otnosheniya. – 2019. – Tom 9. – № 2. – S. 481–494. doi: 10.18334/eo. 9.2.40661*
7. Polozhikhina M.A. *Regulirovanie protsessa tsifrovizatsii ekonomiki: evropeiskii i rossiiskii opyt // Rossiya i sovremennyy mir. – 2019. – № 4. – S. 64–81.*
8. Fonseca L.M. *Industry 4.0 and the digital society: concepts, dimensions and envisioned benefits // Proceedings of the international conference on business excellence. – 2018. Vol. 12 (1). – P. 386–397.*
9. Presnyakova D.V. *O definitsiyakh «Ustoichivost'» i «Ustoichivoe razvitiye» v ekonomicheskoi nauke // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2011. № 8.*
10. Uskova T.V., Koposova E.N. *Ustoichivoe razvitiye regiona: ot kontseptual'nykh osnov k prakticheskim rezul'tatam // Problemy razvitiya territorii. 2008. № 43. S. 21–31.*
11. *Regional'nye ekonomicheskie sistemy i ikh ustoichivost' [Tekst] / A.I. Borodin, N.N. Kiseleva // Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Ekonomika i pravo. 2011. Vyp. 4.*
12. *Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustoichivogo razvitiya na period do 2030 goda Rezolyutsiya, prinyataya General'noi Assambleei 25 sent. 2015 goda A/RES/70/1 https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R*
13. Yakovleva S.I. *Infrastrukturnoe obespechenie regional'nogo razvitiya: avt. dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora ekonomicheskikh nauk / Sankt-Peterburg, 2005. S. 12*
14. Akberdina V.V. *Transformatsiya promyshlennogo kompleksa Rossii v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki // Journal of new economy. 2018. № 3. S. 82–99.*
15. Babayan E.B., Timirgaleeva R.R., Grishin I.Yu. *Raspredeleennaya infrastruktura otraslevoi ekosistemy tsifrovoy ekonomiki regiona // International Journal of Open Information Technologies. 2019. № 7.*
16. Shishkina E.A., Surnina N.M. *Tsifrovizatsiya infrastrukturykh sistem: kontury prostranstvennykh transformatsii // e-FORUM. – 4 (9). – 2019.*

17. *Prognoz razvitiya energetiki mira i Rossii 2019 / pod red. A.A. Makarova, T.A. Mitrovoi, V.A. Kulagina; INEI RAN–Moskovskaya shkola upravleniya SKOLKOVO – Moskva, 2019. – 210 s. – ISBN 978-5-91438-028-8*
18. *Tsifrovaya energetika: novaya paradigma funktsionirovaniya i razvitiya / pod red. N.D. Rogaleva. – M.: Izdatel'stvo MEI, 2019. – 300 s.*
19. *Curran D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy // European journal of social theory. – 2018. Vol. 21 (2). – P. 207–226.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45.

Ural State Economic University, 62/45, March 8 Street / People's Will Street, Ekaterinburg, 620144,
Russia

Сурнина Надежда Матвеевна / Nadezhda M. Surnina
decane@usue.ru

Шишкина Елена Александровна / Elena A. Shishkina
le_gre@mail.ru

ОЦЕНКА УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ФАКТОРА УМЕНЬШЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

ASSESSMENT OF HUMAN DEVELOPMENT CONDITIONS THROUGH THE PRISM OF HEALTH DEVELOPMENT AS A FACTOR IN REDUCING REGIONAL DEVELOPMENT DIFFERENTIATION IN RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-260-269

ФЕДОНИНА Оксана Васильевна

Доцент кафедры теоретической экономики и экономической безопасности
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет имени Н.П. Огарева», к.э.н.

Oksana V. FEDONINA

Associate Professor of the department Theoretical Economics and Economic Security,
Ogarev Mordovia State University, PhD in economics

Аннотация

В настоящей статье проведен статистический обзор показателей, отражающих состояние сферы здравоохранения Республики Мордовии как ключевой характеристики, отражающей состояние человеческого потенциала региона. Отмечено, что дифференциация уровней регионального развития – определенная норма. Однако существует определенный уровень неравенства, после которого оно становится проблемой, и основная задача государственного регулирования заключается в недопущении аномально высокой территориальной дифференциации. Человече-

ский потенциал является движущей силой прогресса, при этом только высокий уровень развития здравоохранения сможет обеспечить его стимулирование. В статье обозначены основные проблемы в области здравоохранения и пути нейтрализации выявленных угроз.

Abstract

This article provides a statistical review of indicators reflecting the state of the healthcare sector of the Republic of Mordovia as a key characteristic reflecting the state of the region's human potential. It is noted that the differentiation of levels of regional development is a certain norm. However, there is a certain level of inequality, after which it becomes a problem, and the main task of state regulation is to prevent anomalously high territorial differentiation. Human potential is the driving force behind progress, and only a high level of health development can ensure its stimulation. The article outlines the main problems in the field of health and ways to neutralize the identified threats.

Ключевые слова

Дифференциация уровня регионального развития, неравенство, индекс человеческого развития, индекс человеческого развития с учетом неравенства, человеческий потенциал, здравоохранение.

Keywords

Differentiation of the level of regional development, inequality, human development index, human development index taking into account inequality, human potential, health care.

Одной из основных проблем устойчивого развития становятся возрастающие масштабы пространственной дифференциации, усиление социально-экономического неравенства в развитии территорий [3]. Различия проявляются в валовом региональном продукте, экономическом развитии, уровнях жизни населения, диспропорциях в бюджетной обеспеченности регионов. Такие тенденции прослеживаются на различных территориальных уровнях стран, регионов и муниципальных образований.

Объектом исследования является дифференциация уровня регионального развития как фактор, тормозящий экономический рост в контексте оценки человеческого потенциала территории.

Методологические основы исследования: общенаучные методы (анализ и синтез, аналогия, индукция и дедукция и др.) и специальные методы (наблюдение экономических показателей и сравнение их с соответствующими значениями).

Уровень развития экономики страны в целом определяется состоянием социально-экономического развития ее субъектов, которое во многом зависит от пространственного расположения и имеющихся ресурсов. Так, теория П. Кругмана опирается на идею о том, что региональная дифференциация непосредственно связана с наличием конкурентных преимуществ территорий [17]. Соответственно, детерминанты развития региона:

- факторы «первой природы»: природные ресурсы и выгодное географическое положение (способствуют формированию конкурентных преимуществ и снижению транспортных издержек);

- факторы «второй природы»: человеческий потенциал, агломерационный эффект и институциональная инфраструктура.

Для современной постиндустриальной эпохи характерны в большей степени факторы «второй природы».

Кроме того, необходимо отметить, что определенную роль в степени неравенства развития регионов играет прогнозируемость тех или иных процессов как эндогенного, так и экзогенного характера. К таким можно отнести, несомненно, пандемию COVID-19, которая несет отрицательный внешний эффект.

Стоит отметить, что устранить полностью неравенство развития регионов невозможно и, по моему мнению, это является нецелесообразным. Абстрактное равенство в условиях современной экономики будет означать потерю конкурентоспособности экономики, приведет к отсутствию стимулов развития. Однако существует определенный уровень неравенства, после которого оно становится не только экономической, но и политической проблемой, и основная задача государственного регулирования заключается в недопущении аномально высокой территориальной дифференциации [2, с. 217].

Современный уровень развития регионов Российской Федерации характеризуется высокой степенью дифференциации. По ключевым индикаторам – состояние бюджета региона и бизнеса, благосостояние население – продолжает существовать разрыв в уровне развития регионов с высоким и низким темпами.

Условно можно выделить тип успешного региона: обязательное наличие либо сырьевой или институциональной ренты, либо высокодиверсифицированного обрабатывающего сектора (в том числе обрабатывающего добываемое в регионе сырье). Наличие природных, производственных, ресурсов, а также высокоплатежеспособного населения способствует высокой активности, повышает привлекательность региона для инвесторов. Для региона характерен высокий уровень индекса человеческого развития. Индекс человеческого развития (ИЧР) используется для того, чтобы выявить, насколько уровень данного показателя отличается между странами, находящимися на разном уровне развития (развитые, развивающиеся и недостаточно развитые страны). Также используется для оценки проводимой государством социально-экономической политики и ее воздействия на качество жизни [4].

Тип отстающего региона: отсутствие ренты, слабый корпоративный сектор, зависимость регионального бюджета от финансирования из «центра», отток населения в более развитые регионы [8, с. 121]. Такие регионы могут показывать заметную положительную динамику благодаря небольшому импульсу и эффекту низкой базы, но обычно в течение короткого промежутка времени. Наличие большого количества таких регионов оказывает негативное влияние на развитие национальной экономики и других регионов.

ИЧР с учетом неравенства (ИЧРН) рассматривает дифференциацию с позиции гендерной принадлежности, диспропорций в доходах и места жительства. Данное негативное социально-экономическое явление является опасным, так как может стать источником девиантного поведения населения, тем самым замедлить развитие человеческого потенциала. О равенстве в стране можно говорить, когда уровень ИЧР и ИЧРН совпадают, но чем ниже уровень ИЧРН и разница с ИЧР, тем выше неравенство и велика вероятность перехода из группы с высоким уровнем человеческого развития в группу со средним уровнем. Также между субъектами с разными уровнями человеческого развития существует огромное неравенство в области здоровья, в сфере образования.

Республика Мордовия (РМ) относится к регионам 2-го типа. Среди факторов «первой природы» обладает только выгодным географическим положением. Поэтому большую роль в росте экономики региона играют факторы «второй природы», в частности человеческий потенциал.

Сравнивая Россию и Республику Мордовию, можно отметить, что по ключевым показателям регион отстает: ВРП на душу населения РМ ниже общероссийских значений, что говорит о низких доходах региона, причиной которых является отсутствие средств регионального бюджета и высокая долговая нагрузка региона; доля населения с доходами ниже прожиточного минимума РМ превышает общероссийский и имеет отрицательную динамику роста; уровень Индекса Джини как по России, так и по Мордовии выходит за пороговое значение (8 раз), что говорит о неравномерном распределении доходов; коэффициент депопуляции находится в зоне риска, так как количество умерших превышает родившихся человек в 1,6 раза, что снижает воспроизводство человеческого потенциала в регионе [15].

Представим соответствующие риски в табл. 1.

Таблица 1. Реестр возможных рисков в сфере развития человеческого потенциала

Категория риска	Описание риска и последствий его реализации	Возможный ущерб	Вероятность	Уровень риска
Низкий уровень инвестиций в человеческий потенциал	<ul style="list-style-type: none"> ■ низкий темп экономического роста ■ низкий уровень образования населения ■ низкий уровень культуры населения ■ высокий уровень смертности населения 	Высокий	Высокая	Требует немедленного реагирования
Снижение средней начисленной заработной платы	<ul style="list-style-type: none"> ■ снижение уровня и качества жизни ■ неспособность населения к накоплению человеческого потенциала ■ рост доли бедного населения 	Высокий	Высокая	Требует немедленного реагирования
Высокий уровень коэффициента депопуляции	<ul style="list-style-type: none"> ■ сокращение численности рабочей силы ■ высокая нагрузка на социальное обеспечение и медицинское обслуживание пожилых людей 	Высокий	Высокая	Требует немедленного реагирования

Хочется отметить, что основным и приоритетным показателем в оценке качества населения является здоровье, от которого зависит не только благополучие общества, но и экономические успехи государства. Данный показатель в значительной степени зависит от множества факторов, таких как уровень экологической ситуации, проводимой социально-экономической политики, целого ряда демографических характеристик. Здоровье населения в текущих условиях пандемии COVID-19 подвергается серьезным воздействиям. Существует сильная взаимосвязь между здо-

ровьем, измеряемым через ожидаемую продолжительность жизни при рождении, и доходами на душу населения. Высокий уровень здоровья, значительных инвестиций в здравоохранение и его доступность положительно воздействует на уровень доходов населения. Это в первую очередь выражается через высокую производительность труда работников и качество выполненных работ, что ведет к повышению показателей экономического роста страны.

Рассмотрим основные показатели здравоохранения в табл. 2.

Таблица 2. Основные показатели здравоохранения Республики Мордовия

Показатели здравоохранения РМ	2014	2015	2016	2017	2018
Число больничных организаций	39	34	33	33	32
Число больничных коек – всего	7525	6580	6511	6272	6282
на 10000 человек населения	93	82	81	78	79
Число фельдшерско-акушерских пунктов	492	489	488	486	485
Число коек (врачебных и акушерских) для беременных женщин и рожениц	380	318	308	281	295
Численность врачей всех специальностей – всего, человек	4364	4340	4330	4290	4258
на 10000 человек населения	54,0	53,7	53,6	53,3	53,5
Численность среднего медицинского персонала, всего, человек	9498	9317	9115	9170	8918
на 10000 человек населения	117,4	115,4	112,7	113,9	112,1

На начало 2019 года в Республике Мордовии функционировали 32 врачебные больничные организации. Кроме того, насчитывалось 77 врачебных амбулаторно-поликлинических организаций (самостоятельных и входящих в состав других организаций) и 485 фельдшерско-акушерских пунктов. Мощность амбулаторно-поликлинических организаций Минздрава РМ составляла 17,3 тыс. посещений в смену. В 2019 году на 10000 человек населения в Мордовии приходилось: 53,5 врачей, 112,1 средних медработников и 79,0 больничных коек [5].

Хочется обратить внимание на отрицательную динамику всех рассмотренных показателей.

Число больничных учреждений в результате оптимизации системы здравоохранения сократилось с 39 до 32 единиц, число ФАП – с 492 до 485 единиц. В результате сократилась и численность врачей и среднего медицинского персонала, как в абсолютном выражении, так и на 10 тыс. человек.

В 2018 году обеспеченность населения врачами, оказывающими медицинскую помощь в амбулаторных условиях, в целом по Российской Федерации составила 20,8 (на 10 тыс. населения), при этом наибольшие показатели обеспеченности врачами отмечаются в городе Санкт-Петербурге (31,4), в Чукотском автономном округе (30,2), в Ханты-Мансийском автономном округе (29,5), Республике Северная Осетия – Алания (28,4) и Ненецком автономном округе (27,3), а самые низкие – в Курганской (12,1) и Псковской (14,2) областях, Чеченской Республике (14,6), Костромской области (14,9) и в Еврейской автономной области (15,3) [5].

С 2014–2018 годов наблюдается снижение на 1,3% по всем составляющим. Это можно связать с оптимизацией здравоохранения 2010 года, которая привела к массовому закрытию больниц, фельдшерско-акушерских пунктов и прежде всего в районах региона. Она заключалась в оптимизации расходов за счет закрытия неэффективных больниц и расширения использования высокотехнологичных медучреждений. При этом можно заметить, что количество больниц и коек уменьшается, но доступность медицинской помощи растет.

Перечень мер социальной поддержки врачей устанавливается субъектами Российской Федерации, исходя из финансовых возможностей конкретного субъекта Российской Федерации, которые включают мероприятия, направленные на улучшение положения и социального статуса медицинских работников, в том числе:

- выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений врачам и специалистам с высшим профессиональным образованием, работающим в медицинских организациях;
- решение жилищных вопросов (предоставление жилья по договорам социального и служебного найма, предоставление безвозмездной единовременной субсидии на компенсацию части стоимости приобретаемого (строящегося) жилья, субсидии на компенсацию части платежа по кредитному договору (договору займа), безвозмездное предоставление земельных участков).

При этом отсутствует единообразный подход к установлению размеров указанных компенсаций. К примеру, компенсация оплаты за жилое помещение и услуг жилищно-коммунального хозяйства предоставляется в следующих субъектах Российской Федерации: в Тверской, Тульской, Ульяновской областях, Республике Мордовии. Сумма указанной компенсации варьируется от 300 до 745 рублей [5].

Остаются проблемы и в значительной дифференциации заработной платы медицинских работников по различным медучреждениям [14].

В 2013–2014 годах в структуре заработных плат в большинстве регионов выплаты по окладам (гарантированная часть) не превышали 30% [16]. Следствием этого являлись внутрирегиональные различия в размерах заработных плат специалистов одинаковой специальности и квалификации в однотипных учреждениях (в некоторых регионах более чем в три раза), в том числе из-за возможности субъективного решения работодателя при назначении стимулирующих выплат. Низкая доля гарантированных выплат отражается на интересах в первую очередь молодых специалистов, поскольку в первые годы работы стимулирующие выплаты минимальны, а они в структуре достигали более 50%.

Рассмотрим ИЧР РФ в сравнении с РМ, так же показатели финансирования здравоохранения.

Таблица 3. Расходы федерального бюджета РФ в % по отношению к ВВП и республиканского бюджета Республики Мордовии в % к ВРП

Название индикатора	Уровень	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Отношение государственных расходов на здравоохранение к ВВП, %	РФ	1,08	0,74	0,65	0,51	0,59	0,68
	РМ	н. д.	н. д.	2,84	2,72	1,25	1,32

Название индикатора	Уровень	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	РФ	69,3	70,7	71,4	72,3	73,4	73,7
	РМ	68,9	70,2	70,9	71,9	72,7	72,9
Индекс развития человеческого потенциала	РФ	0,781	0,798	0,807	0,815	0,816	0,816
	РМ	0,810	0,832	0,848	0,853	0,863	0,867
Индекс развития человеческого потенциала с учетом неравенства	РФ	0,617	0,713	0,714	0,731	0,741	0,743

Пороговое значение: Отношение государственных расходов на здравоохранение к ВВП (ВРП), % – 5;
 Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет – 75; Индекс развития человеческого потенциала – 0,8;
 Индекс развития человеческого потенциала с учетом неравенства – 0,8.

Хочется отметить, что отношение государственных расходов на здравоохранение к ВВП – показатель, отражающий выполнение государством важнейшей социальной функции, связанной с обеспечением здоровья граждан. Пороговое значение должно составлять не менее 5%. Согласно табл. 3 на 2018 год данный показатель по РФ составляет 0,68%, по РМ – 1,32%.

Можно заметить, что ИЧР как по России, так и по Мордовии имеет положительную динамику, рост данного показателя за 9 лет составил: по РФ – 104%, по РМ – 107%, а рост ИЧРН по РФ составил 120%.

Отметим отдельные задачи государственной программы в области здравоохранения: [12]

- снижение смертности от новообразований (в том числе злокачественных) к 2025 году до 185 на 100 тыс. населения;
- снижение смертности населения в трудоспособном возрасте к 2025 году до 380 на 100 тыс. населения;
- повышение удовлетворенности населения качеством медицинской помощи к 2025 году до 54%;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении к 2025 году до 76 лет;
- снижение смертности от болезней системы кровообращения к 2025 году до 500 на 100 тыс. населения.

На территории Республики Мордовии также действует ряд постановлений и программ, регламентирующих основные направления развития человеческого потенциала. Среди основных можно отметить: программу развития здравоохранения Республики Мордовия на 2013–2020 годы; программу Республики Мордовии «Развитие образования в Республике Мордовия» на 2014–2020 годы и другие. Особая роль в развитии человеческого потенциала отводится в стратегии развития региона [13, 11].

Но проанализированные индикаторы свидетельствуют об определенных проблемах развития человеческого потенциала с позиции состояния здравоохранения: сокращение учреждений здравоохранения, количества больничных коек, недофинансирование здравоохранения и др. Анализ сферы здравоохранения Республики Мордовии позволил выявить следующие угрозы экономической безопасности. Реальные угрозы: рост общей заболеваемости, в т.ч. по сердечно-сосудистым заболеваниям; сокращение финансирования сферы здравоохранения, недостаточное для эффективного формирования человеческого капитала. Потенциальные угрозы:

нехватка медицинского персонала; сокращение количества ЛПУ; недостаточные темпы внедрения инноваций в здравоохранении региона и др.

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время значительные надежды и ожидания ускорения развития экономики территории в целом связаны с поиском и реализацией возможностей, в том числе социально-экономического развития ее субъектов, хотя совершенно очевидно, что развитие их происходит неравномерно.

Развитие человеческого потенциала становится приоритетной стратегической задачей региона, а уровень человеческого развития определяет степень развития страны. Человеческий потенциал является движущей силой прогресса, при этом только высокий уровень развития здравоохранения сможет обеспечить его стимулирование.

Необходимым мероприятием по нейтрализации угрозы недостаточного финансирования сферы здравоохранения должно быть перераспределение бюджетных средств путем увеличения расходов бюджета по направлению «Здравоохранение» [7]. По величине бюджетных расходов в процентах ВВП Россия уступает развитым странам и странам Центральной и Восточной Европы более чем на 1% ВВП. Этого недостаточно для страны, которая хочет конкурировать со странами – лидерами в области инноваций и технологий. Однако в финансовом обеспечении отрасли имеется еще множество нерешенных проблем. За последние три года реализован перечень мероприятий по реструктуризации системы оказания медицинской помощи и повышению ее эффективности, проведены модернизация системы обязательного медицинского страхования, внедрение нового метода оплаты стационарной медицинской помощи – за законченные случаи лечения, классифицированные по клинико-статистическим группам, обязательное информирование медицинскими организациями граждан о стоимости оказанных им за счет государственных средств медицинских услуг, дополнительное медицинское страхование «ОМС+» и др. Необходимо повысить эффективность отрасли без увеличения государственного финансирования. Для этого нужны существенные преобразования в организации оказания медицинской помощи и механизмах ее финансирования. Но ликвидация структурных диспропорций в отрасли идет медленно [1, с. 74].

Главными приоритетами политики в сфере здравоохранения в ближайшие годы должны стать: снижение нагрузки на участковую службу (обеспечение притока врачей в этот сектор и разукрупнение участков), обеспечение более тесных медико-технологических связей между отдельными медицинскими службами, укрепление первичной медико-санитарной помощи в целом и повышение квалификации, социального статуса и уровня трудовой мотивации медицинских работников. В политике в области финансирования здравоохранения в сложившейся ситуации приоритетами должны стать обеспечение максимально возможной стабильности финансирования медицинских организаций и прозрачности правил распределения ресурсов.

Направления минимизации рисков в развитии человеческого потенциала территории в целом:

- Увеличение доли расходов государства в образование, здравоохранение и культуру.
- Создание эффективной системы поддержки социально уязвимых слоев населения.
- Принятие национальных программ демографического развития, увеличение материального поощрения при рождении ребенка, возрождение традиционных семейных ценностей.

Библиографический список

1. Баранов Д.Н. Современное состояние и направления трансформации здравоохранения в Российской Федерации / Д.Н. Баранов // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2018. – № 2 (25). – С. 69–76.
2. Бирюкова М.В. Критерий оценки региональной дифференциации регионов / М.В. Бирюкова, А.В. Ефремов // Поиск. – 2016. – № 1 (3). – С. 216–218.
3. Глазьев С.Ю. О стратегии устойчивого развития экономики России / С.Ю. Глазьев, Г.Г. Фетисов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1. – С. 23–35.
4. Доклад ПРООН – Индексы и индикаторы человеческого развития. – 2019. – 111 с.
5. Здравоохранение в России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018.
6. Королюк Е.В. Сокращение межрегиональной дифференциации как элемент сбалансированного пространственного и регионального развития России / Е.В. Королюк // Экономика и парадигма нового времени. – 2017. – № 1. – С. 16–22.
7. Кривенко Н.В. Эффективность финансирования здравоохранения для обеспечения экономической безопасности региона / Н.В. Кривенко, А.И. Цветков // Экономика региона. – 2018. – № 14 (3). – С. 970–986.
8. Кузнецова О.В. Пирамида факторов социально-экономического развития регионов / О.В. Кузнецова // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 121–131.
9. Любимов И.В. От человеческого капитала к экономическому росту: прямая дорога или долгое блуждание по лабиринту? / И.В. Любимов // Вопросы экономики. – 2017. – № 8. – С. 5–23.
10. Маслихина В.Ю. Приемлемый уровень межрегиональной дифференциации в России для обеспечения устойчивого развития / В.Ю. Маслихина // Теория и практика общественного развития. – 2017. – № 12. – С. 93–96.
11. О Стратегии социально-экономического развития Республики Мордовия до 2025 г. [Электронный ресурс]: Закон Республики Мордовия от 1 октября 2008 г. № 94-З. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 06.06.2019 № 254. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
13. Портал госпрограмм РФ [электронный ресурс]: официальный сайт. – режим доступа: <https://programs.gov.ru/portal>.
14. Российское здравоохранение в новых экономических условиях: вызовы и перспективы: Доклад НИУ ВШЭ по проблемам развития системы здравоохранения / рук. авт. колл. С.В. Шишкин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 84 с.
15. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
16. Федонина О.В. Состояние человеческого капитала (капитал здоровья) как фактор инновационного развития территории / О.В. Федонина // Общество: политика, экономика, право. 2015. – № 1. С. 33–35.
17. Fujita M. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade.* / Fujita M., rugman P., Venables A. – Cambridge: MIT Press, 1999. – 367 p.

References

1. Baranov D.N. *Sovremennoe sostoyanie i napravleniya transformatsii zdravookhraneniya v Rossiiskoi Federatsii* / D.N. Baranov // *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie.* – 2018. – № 2 (25). – S. 69–76.

2. Biryukova M.V. Kriterii otsenki regional'noi differentsiatsii regionov / M.V. Biryukova, A.V. Efremov // *Poisk*. – 2016. – № 1 (3). – S. 216–218.
3. Glaz'ev S. Yu. O strategii ustoichivogo razvitiya ekonomiki Rossii / S. Yu. Glaz'ev, G. G. Fetisov // *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. – 2013. – № 1. – S. 23–35.
4. *Doklad PROOON – Indeksy i indikatory chelovecheskogo razvitiya*. – 2019. – 111 s.
5. *Zdravookhranenie v Rossii: Stat. sb. / Rosstat*. – M., 2018.
6. Korolyuk E.V. Sokrashchenie mezhregional'noi differentsiatsii kak element sbalansirovannogo prostranstvennogo i regional'nogo razvitiya Rossii / E.V. Korolyuk // *Ekonomika i paradigma novogo vremeni*. – 2017. – № 1. – S. 16–22.
7. Krivenko N.V. Effektivnost' finansirovaniya zdravookhraneniya dlya obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti regiona / N.V. Krivenko, A.I. Tsvetkov // *Ekonomika regiona*. – 2018. – № 14 (3). – S. 970–986.
8. Kuznetsova O.V. Piramida faktorov sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov / O.V. Kuznetsova // *Voprosy ekonomiki*. – 2013. – № 2. – S. 121–131/
9. Lyubimov I.V. Ot chelovecheskogo kapitala k ekonomicheskomu rostu: pryamaya doroga ili dolgoe bluzhdanie po labirintu? / I.V. Lyubimov // *Voprosy ekonomiki*. – 2017. – № 8. – S. 5–23.
10. Maslikhina V. Yu. Priemlyemy uroven' mezhregional'noi differentsiatsii v Rossii dlya obespecheniya ustoichivogo razvitiya / V. Yu. Maslikhina // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. – 2017. – № 12. – S. 93–96.
11. O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Mordoviya do 2025 g. [Elektronnyi resurs]: zakon Respubliki Mordoviya ot 1 oktyabrya 2008 g. № 94-Z. – Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tant Plyus».
12. O Strategii razvitiya zdravookhraneniya v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda [Elektronnyi resurs]: ukaz Prezidenta RF ot 06.06.2019 № 254. – Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul'tant Plyus»
13. Portal gosprogramm RF [elektronnyi resurs]: ofitsial'nyi sait. – rezhim dostupa: <https://programs.gov.ru/portal>.
14. Rossiiskoe zdravookhranenie v novykh ekonomicheskikh usloviyakh: vyzovy i perspektivy: Doklad NIU VShE po problemam razvitiya sistemy zdravookhraneniya / ruk. avt. koll. S.V. Shishkin; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». – M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017. – 84 s.
15. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Elektronnyi resurs]: ofitsial'nyi sait. – Rezhim dostupa: <http://www.gks.ru>.
16. Fedonina O.V. Sostoyaniye chelovecheskogo kapitala (kapital zdorovia) kak faktor innovatsionnogo razvitiya territorii / O.V. Fedonina // *Obshchestvo: politika. ekonomika. pravo*. 2015. – № 1. S. 33–35.
17. Fujita M. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade.* / Fujita M., rugman P., Venables A. – Cambridge: MIT Press, 1999. – 367 r.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева», 430005, РФ, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.
Ogarev Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya Street, Saransk 430005, Russia
Федонина Оксана Васильевна / Oksana V. Fedonina
+7 (927) 177-39-35, oks_fedon@mail.ru

ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ТИПУ ПОЛИТИКИ СОЦИАЛЬНО- ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

DIAGNOSIS OF SOCIAL COMPETITIVENESS OF ENTERPRISES BY TYPE OF SOCIAL AND LABOUR RELATIONS POLICY

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-270-277

МИЛЯЕВА Лариса Григорьевна

Заведующая кафедрой «Экономика предпринимательства» Бийского технологического института (филиала) «Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова», д.э.н., профессор

Larisa G. MILYAEVA

Head of the Department Entrepreneurship Economics, Biysk Technological Institute (branch) of Polzunova Altai State Technical University, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье обоснованы критерии, предъявляемые к индикатору социальной конкурентоспособности, и концептуальные подходы к выявлению типа политики социально-трудовых отношений (ПСТО); доказана взаимосвязь уровневых индикаторов (социальной конкурентоспособности и ПСТО), положенная в основу профильного методического инструментария; представлены и проанализированы результаты пилотной апробации методики диагностики социальной конкурентоспособности предприятия, обосновавшие правомерность ее тиражирования в профильных изданиях.

Abstract

Crisis postandemic processes, which exacerbated the socio-economic situation in most Russian enterprises, intensified the need to find an adequate social indicator and to develop a methodology for its diagnosis. The conceptual basis of the presented article is formed by the idea of diagnostics of the level of social competitiveness of the enterprise according to the type of the policy of social and labor relations (PSTO). The originality of the author's position consists in the identification of three types of PSTO (progressive type, transformative, having three varieties, and regressive), providing different levels (from high to low) and relief of profiles (from zero to

unacceptable) of social competitiveness. The author gave a detailed description of the tools of collection and processing of primary information (materials of the survey of targeted respondents) – Questionnaire of diagnostics of social competitiveness and Map-identifier of the level of social competitiveness. The article presents and analyzes the results of the pilot testing of the methodology of diagnostics of social competitiveness of the enterprise, which justified the legality of its replication in the relevant publications.

Ключевые слова Социальная конкурентоспособность, политика социально-трудовых отношений, уровневые индикаторы, рельефность профиля социальной конкурентоспособности, методический инструментарий.

Keywords Social competitiveness, social and labour relations policy, level indicators, relief of social competitiveness profile, methodological tools.

Постпандемические кризисные процессы, охватившие российскую экономику, существенно обострив социальную напряженность в трудовых коллективах хозяйствующих субъектов (предприятий, организаций), актуализировали потребность в диагностике специфического показателя – социальной конкурентоспособности анализируемых объектов. Являясь структурной составляющей общей (интегральной) конкурентоспособности, уровень социальной конкурентоспособности приобретает все большую значимость и позиционирование в качестве самостоятельного критериального параметра рейтинговой оценки предприятий, способствующего (или, напротив, препятствующего) его инновационным преобразованиям и экономическому развитию (или, по крайней мере, стабилизации). Представляется, что уровень социальной конкурентоспособности, отражающий степень благополучности внутренней среды предприятия, непосредственно связан с его трудовыми ресурсами.

Не углубляясь в дискуссию о наиболее адекватном индикаторе, в качестве которого предлагается использовать различные показатели (уровень лояльности трудовых ресурсов, социально-психологический климат, степень социальной безопасности и т.д.), представляется логичным представить авторскую точку зрения на указанную проблему.

Очевидно, что показатель, позиционируемый в качестве индикатора социальной конкурентоспособности, должен удовлетворять, по меньшей мере, двум критериям: 1) быть сопричастным к внедрению инноваций – прогрессивных изменений, обеспечивающих переход анализируемого объекта на новый, качественно более высокий, то есть, конкурентоспособный уровень; 2) иметь социальный сущностный аспект, отражающий определенный характер взаимодействия и взаимоотношений участников инновационного процесса, под которыми в зависимости от рассматриваемого уровня следует понимать трудовые ресурсы территории или персонал предприятий.

Не секрет, что важнейшим компонентом процесса внедрения инноваций [1–2] выступает социальный (мотивационно-психологический) аспект, сопряженный с принятием (одобрением) или, напротив, отторжением (явным или скрытым бойкотированием) предстоящих изменений определенной частью участников иннова-

ционного процесса. В данном контексте необходимо подчеркнуть, что в последние годы активизировалась позиция ученых [3–5], ассоциирующих условия внедрения инноваций со сложившейся структурой социально-трудовых отношений (СТО), а точнее, с долей деструктивных типов СТО, тормозящих внедрение инноваций. В целом, разделяя мнение о влиянии структуры СТО на социальные условия обеспечения конкурентоспособности анализируемого хозяйствующего субъекта, автор считает целесообразным акцентировать моменты, по его мнению, формирующие концептуальную основу социального измерения конкурентоспособности:

1. Во-первых, идентификация показателя социальной конкурентоспособности анализируемого объекта с уровневим индикатором типа политики социально-трудовых отношений ($У^{ПСТО}$).

2. Во-вторых, допустимость диагностики политики социально-трудовых отношений по выявленной структуре СТО.

3. В-третьих, правомерность выделения трех типов политик СТО:

- ПСТО (Д) – регрессивной политики, сдерживающей внедрение инноваций, реализующейся в условиях доминирования в структуре социально-трудовых отношений деструктивных (Д) типов СТО;

- ПСТО (К) – прогрессивной политики, способствующей внедрению инноваций, реализующейся в условиях доминирования в структуре социально-трудовых отношений конструктивных (К) типов СТО;

- трансформационной политики, имеющей три разновидности:

- а) ПСТО (dД; К) – трансформационная политика социально-трудовых отношений, в структуре которой доминируют деструктивные типы СТО, но уже присутствуют признаки конструктивной политики;

- б) ПСТО (Д; К) – трансформационная политика социально-трудовых отношений, в структуре которой в равной степени присутствуют признаки деструктивной и конструктивной политик;

- в) ПСТО (dК; Д) – трансформационная политика социально-трудовых отношений, в структуре которой доминируют конструктивные типы СТО, но еще присутствуют признаки деструктивной политики.

Подчеркнем, что все акцентированные моменты составляют методологическую основу профильной методики, сопряженной с диагностикой уровня социальной конкурентоспособности ($У^{СК}$) по типу политики социально-трудовых отношений:

1) высокий $У^{СК}$ обеспечивается ПСТО (К);

2) уровень $У^{СК}$ выше среднего – ПСТО (dК; Д);

3) средний $У^{СК}$ – ПСТО (Д; К);

4) уровень $У^{СК}$ ниже среднего – ПСТО (dД; К);

5) низкий уровень социальной конкурентоспособности ($У^{СК}$) наблюдается при ПСТО (Д).

Для сбора первичной информации предлагается специальная анкета – Опросник диагностики социальной конкурентоспособности по типу политики социально-трудовых отношений (Опросник ДСК), аккумулирующий 20 вопросов, адекватных параметрическим характеристикам известных типов СТО [6–10]: пяти конструктивных (патернализм, социальное партнерство, конкуренция, солидарность, субсидиарность) и пяти деструктивных (дискриминация, трудовой конфликт, трудовая конфронтация, трудовой эгоизм, трудовой оппортунизм). Подчеркнем, что на каждый вопрос должно быть представлено три варианта ответов: вариант «а», оцениваемый в 2 балла; вариант «б», оцениваемый в 1 балл; вариант «в», оцениваемый в 0 баллов.

Принципиально, что Опросник ДСК включает вопросы, исключающие прямое использование анализируемого критериального показателя «социальная конкурентоспособность»:

1. На Вашем предприятии регламентация труда (детально прописанные должностные инструкции, методики и процедуры выполнения работ и т.д.):
 - а) четкая и повсеместная;
 - б) четкая, но локальная;
 - в) повсеместно формальная?
2. На Вашем предприятии возможность реализации скрытой личной выгоды за счет нанесения умышленного ущерба предприятию:
 - а) полностью отсутствует;
 - б) затрудняюсь ответить;
 - в) имеется?
3. Ущемление трудовых прав на Вашем предприятии:
 - а) в принципе не допустимо;
 - б) редко, но происходит;
 - в) происходит регулярно?
4. Возможность для развития лидерских качеств на Вашем предприятии:
 - а) однозначно имеется;
 - б) скорее имеется;
 - в) отсутствует?
5. Оценка и анализ конкурентоспособности персонала на предприятии:
 - а) проводятся регулярно и неформально;
 - б) проводятся по мере надобности;
 - в) либо не проводятся, либо проводятся формально?
6. Взаимосвязь конкурентоспособности и уровня оплаты труда работников на Вашем предприятии:
 - а) строго регламентирована;
 - б) соблюдается по возможности;
 - в) отсутствует?
7. Наличие заключенных правовых актов социального партнерства для Вашего предприятия:
 - а) строго обязательно;
 - б) по возможности;
 - в) не обязательно?
8. На Вашем предприятии открытое по форме, ощутимое по силе противоборство субъектов трудовых отношений:
 - а) отсутствует полностью;
 - б) периодически возникает;
 - в) возникает регулярно?
9. Возможность для проявления элементов трудового эгоизма на Вашем предприятии:
 - а) отсутствует;
 - б) скорее отсутствует;
 - в) имеется?
10. Открытые трудовые конфликты работников с администрацией Вашего предприятия:
 - а) отсутствуют полностью;
 - б) иногда возникают;
 - в) происходят регулярно?

11. Принятая на Вашем предприятии регламентация труда предполагает самостоятельность в работе:
 - а) минимальную;
 - б) умеренную;
 - в) максимальную?
12. Осознание общей ответственности за результаты труда на Вашем предприятии:
 - а) норма трудового поведения;
 - б) присуще большинству работников;
 - в) исключение из правил?
13. Возможность работы в условиях сокрытия резервов рабочих мест на Вашем предприятии:
 - а) полностью отсутствует;
 - б) практически отсутствует;
 - в) имеется?
14. Трудно устранимое (принципиальное по своей сути) противостояние трудовых интересов наемных работников и директората Вашего предприятия:
 - а) отсутствует;
 - б) редкое явление;
 - в) характерное явление?
15. На Вашем предприятии имеется возможность иногда незаметно отлынивать от исполнения своих должностных обязанностей:
 - а) полностью исключена;
 - б) затрудняюсь ответить;
 - в) имеется?
16. Незаконное продвижение по служебной лестнице на Вашем предприятии:
 - а) не допустимо;
 - б) единичный случай;
 - в) распространено?
17. Легко устранимое (непринципиальное по своей сути) противостояние трудовых интересов наемных работников и директората на Вашем предприятии:
 - а) отсутствует;
 - б) затрудняюсь ответить;
 - в) имеется?
18. На Вашем предприятии личная ответственность за работу:
 - а) предусмотрена повсеместно;
 - б) предусмотрена избирательно;
 - в) отсутствует?
19. Явно выраженный коллективизм в работе на Вашем предприятии:
 - а) широко распространен;
 - б) проявляется локально;
 - в) затрудняюсь ответить?
20. Характер коллективного договора на Вашем предприятии:
 - а) конструктивный, неформальный;
 - б) затрудняюсь ответить;
 - в) формальный?

Безусловно, представленные в Опроснике ДСК вопросы и варианты ответов на них носят рекомендательный характер, поскольку в случае практического использования методики (и соответствующей корректировки параметров прогрессивной и регрессивной политик социально-трудовых отношений под специфику предприятия) также подвергаются изменению.

Для анализа материалов опросной статистики предлагается специальная Карта-идентификатор, соотносящая варианты ответов Опросника ДСК с типами ПСТО, позволяющая диагностировать по сумме набранных баллов тип политики социально-трудовых отношений и, соответственно, уровень социальной конкурентоспособности:

- 1) от 0 до 8 баллов – регрессивный (деструктивный) тип политики социально-трудовых отношений ПСТО (Д), обуславливающий низкий уровень социальной конкурентоспособности ($U_H^{СК}$) от 0 до 0,20;
- 2) от 9 до 18 баллов – трансформационный тип ПСТО (dД; К) с уровнем социальной конкурентоспособности ниже среднего ($U_{НС}^{СК}$) от 0,21 до 0,45;
- 3) от 19 до 27 баллов – трансформационный тип ПСТО (Д; К) со средним уровнем социальной конкурентоспособности ($U_C^{СК}$) от 0,46 до 0,69;
- 4) от 28 до 33 баллов – трансформационный тип ПСТО (dК; Д) с уровнем социальной конкурентоспособности выше среднего ($U_{ВС}^{СК}$) от 0,70 до 0,84;
- 5) от 34 до 40 баллов (включительно) – прогрессивный (конструктивный) тип политики социально-трудовых отношений ПСТО (К), обеспечивающий высокий уровень социальной конкурентоспособности ($U_B^{СК}$) от 0,85 до 1,00.

Важнейшим результатом исследования с использованием представляемой методики является профиль социальной конкурентоспособности, выявляемый по результатам сравнительного опроса представителей различных функциональных категорий персонала (руководителей, специалистов, служащих и т.д.).

Предлагается четыре градации рельефности профиля социальной конкурентоспособности:

- нулевая (эталонная) рельефность, если в разрезе всех функциональных категорий работников достигнуто цифровое соответствие уровневых индикаторов ($U^{СК}$);
- практически отсутствующая рельефность, если в разрезе всех функциональных категорий работников достигнуто градационное соответствие уровневых индикаторов (в пределах конкретного интервала);
- приемлемо-допустимая рельефность, если несоответствие уровневых индикаторов по функциональным категориям работников находится в пределах соседних градаций (например, среднего и выше среднего или высокого и выше среднего и т.д.);
- недопустимая (несогласованная) рельефность, если разброс уровневых индикаторов социальной конкурентоспособности работников выходит за пределы соседних градаций.

Представляется, что констатация недопустимой рельефности профиля $U^{СК}$ влечет дополнительные действия (повторное анкетирование, интервьюирование и т.д.), нацеленные на выявление причин несогласованности мнений респондентов. Как показывает накопленный опыт, они могут быть различными: от формального заполнения Анкет (Опросника ДСК) до принципиальной позиции определенной категории работников предприятия.

Полученные результаты служат основанием для обоснования адресных управленческих решений (при необходимости), направленных на реализацию политики социально-трудовых отношений, способствующей внедрению на предприятии про-

грессивных изменений (инноваций) за счет снижения сопротивления определенной части персонала, то есть на обеспечение приемлемо-допустимых уровня и профиля социальной конкурентоспособности персонала предприятия.

Осенью 2019 года методика диагностики социальной конкурентоспособности по типу социально-трудовых отношений предприятия успешно прошла апробацию на одном из градообразующих предприятий г. Бийска, входящих в состав НП «Алтайский биофармацевтический кластер». Объем выборки респондентов (N = 95 человек) составил 30% от списочного состава персонала; структура опрошенных работников соответствовала категориально-функциональной структуре персонала.

Основные результаты исследования сводились к следующим моментам:

1. В сложившейся структуре социально-трудовых отношений доминировали конструктивные типы СТО. В частности, абсолютными лидерами выступали «конкуренция» и «партнерство»; соответственно, безусловными аутсайдерами – «дискриминация» и «трудовой оппортунизм».
2. На предприятии реализовалась трансформационная политика социально-трудовых ПСТО (dK; Д), обеспечивающая средневзвешенный уровень социальной конкурентоспособности 0,78 (выше среднего).
3. По результатам исследования была диагностирована практически отсутствующая рельефность профиля ($U^{СК}$ варьировался в диапазоне от 0,72 до 0,83, то есть в пределах одной градации).

В контексте кризисных экономических явлений, сопряженных с нарушением весной 2020 года типового режима работы у большинства российских предприятий, в том числе и у обследованного, трансформационный анализ социальной конкурентоспособности представляет безусловный интерес как с научной, так и с прикладной (адаптационной) точек зрения.

В заключение необходимо подчеркнуть, что правомерность тиражирования указанной методики в профильных изданиях обосновывают, по меньшей мере, два обстоятельства: 1) с одной стороны, чрезвычайная актуальность проблематики диагностики и управления социальной конкурентоспособностью, возросшая в постпандемический период; 2) с другой стороны, типовой характер методики, не требующий существенной корректировки в процессе практического использования.

Библиографический список

1. Миляева Л. Управление конкурентоспособностью персонала в инновационной среде // *Человек и труд*. 2007. № 7. С. 78–81.
2. Фомина С.А. Оценка и стимулирование персонала организаций в условиях перехода экономики страны на инновационный путь развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Омск, 2008.
3. Беляев В.И. Организационные структуры и организационные культуры формирования и развития институтов социально-трудовых отношений на предприятиях // *Стратегия бизнеса*. 2016. № 2 (22). С. 3–5.
4. Беляев В.И., Кузнецова О.В., Пяткова О.Н. Социально-трудовые отношения: современное состояние и направления развития концептуальной модели // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2018. № 42. С. 41–60.
5. Пяткова О.Н. Управление институциональной трансформацией социально-трудовых отношений при решении проблем сопротивления персонала изменениям: автореф. дис. канд. экон. наук. Санкт-Петербург, 2020.

6. Нехода Е.В. *Методологические и теоретические основы исследования социально-трудовых отношений*. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2007. – 200 с.
7. Барбашин Е.А., Фомин О.С., Филимонов О.А. *Механизмы воздействия социально-трудовых отношений на качество трудовой жизни работников // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2012. № 1. С. 58–60.
8. Ильин А.И., Кассим К.Д.А. *Критериальный анализ социально-трудовых отношений // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии*. 2014. № 7. С. 25–27.
9. Янченко Е.В. *Управление развитием социально-трудовых отношений: теоретико-методические основы // Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2014. № 1 (25). С. 66–79.
10. Траилина В.Г. *Анализ социально-трудовых отношений в актуальном целевом контексте // Проблемы современной экономики*. 2015. № 3 (55). С. 155–161.

References

1. Milyaeva L. *Upravlenie konkurentosposobnost'yu personala v innovacionnoj srede // CHelovek i trud*. 2007. № 7. S. 78–81.
2. Fomina S.A. *Ocenka i stimulirovanie personala organizacij v usloviyah perekhoda ekonomiki strany na innovacionnyj put' razvitiya: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Omsk, 2008*.
3. Belyaev V.I. *Organizacionnye struktury i organizacionnye kul'tury formirovaniya i razvitiya institutov social'no-trudovyh otnoshenij na predpriyatiyah // Strategiya biznesa*. 2016. № 2 (22). S. 3–5.
4. Belyaev V.I., Kuznecova O.V., Pyatkova O.N. *Social'no-trudovye otnosheniya: sovremennoe sostoyanie i napravleniya razvitiya konceptual'noj modeli // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. 2018. № 42. S. 41–60.
5. Pyatkova O.N. *Upravlenie institucional'noj transformaciej social'no-trudovyh otnoshenij pri reshenii problem soprotivleniya personala izmeneniyam: avtoref. dis. kand. ekon. nauk. Sankt-Peterburg, 2020*.
6. Nekhoda E.V. *Metodologicheskie i teoreticheskie osnovy issledovaniya social'no-trudovyh otnoshenij*. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. – 200s.
7. Barbashin E.A., Fomin O.S., Filimonov O.A. *Mekhanizmy vozdejstviya social'no-trudovyh otnoshenij na kachestvo trudovoj zhizni rabotnikov // Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii*. 2012. № 1. S. 58–60.
8. Il'in A. I., Kassim K.D.A. *Kriterial'nyj analiz social'no-trudovyh otnoshenij // Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozyajstvennoj akademii*. 2014. № 7. S. 25–27.
9. YAnchenko E.V. *Upravlenie razvitiem social'no-trudovyh otnoshenij: teoretiko-metodicheskie osnovy // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. 2014. № 1 (25). S. 66–79.
10. Trailina V.G. *Analiz social'no-trudovyh otnoshenij v aktual'nom celevom kontekste // Problemy sovremennoj ekonomiki*. 2015. № 3 (55). S. 155–161.

Контактная информация / Contact information

Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова,
659305, Алтайский край, г. Бийск, ул. имени Героя Советского Союза Трофимова, д. 27.
Polzunova Altai State Technical University, 27, Trofimov Street, Biysk, 659305, Altai region, Russia
Миляева Лариса Григорьевна / Larisa G. Milyaeva
lgm@bti.secna.ru

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССА ЗАКУПКИ ДЛЯ РАЗВИВАЮЩЕГОСЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО КОНЦЕРНА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОПК В УСЛОВИЯХ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОГО МИРА

PROMISING AREAS FOR IMPROVING THE PROCUREMENT PROCESS FOR THE DEVELOPING HIGH-TECH CONCERN OF THE DOMESTIC DEFENSE INDUSTRY

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-278-284

ГРИГОРЬЕВ Михаил Николаевич

Профессор Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный создатель космической техники, Заслуженный изобретатель РФ, Почетный работник ВПО, к.т.н., профессор

Mikhail N. GRIGORYEV

Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Honored Creator of Space Technology, Honored Inventor of the Russian Federation, Honorary Worker of VPO, Ph. D., professor

ДЖАНАЕВ Чингис Бадмаевич

Директор департамента закупочной и имущественной политики, АО «Концерн воздушно-космической обороны „Алмаз – Антей“»

Chingis B. DZHANAEV

Director of the Procurement and Property Policy Department, Almaz–Antey Concern of Aerospace Defense JSC

СИДОРОВ Евгений Александрович

Ведущий специалист отдела обеспечения закупочной деятельности, АО «Конструкторское бюро специального машиностроения»

Evgeny A. SIDOROV

Leading specialist of the procurement support department, Design Bureau of Special Engineering JSC

Аннотация Важным резервом повышения экономической и функциональной эффективности российского ОПК является совершенствование закупочной деятельности развивающихся высокотехнологичных концернов. Этот процесс ведется повсеместно, поэтому обмен опытом представляет большой интерес для отрасли в целом. Анализ Программы по повышению качества управления закупочной деятельностью АО «Концерн ВКО „Алмаз – Антей“» демонстрирует ее высокую адаптивность к турбулентности внешнеэкономической среды, наибольший интерес для коллег из ОПК могут представить ее основные новаторские решения.

Abstract An important reserve for increasing the economic and functional efficiency of the Russian defense industry is the improvement of procurement activities in its developing high-tech concerns. This process is carried out everywhere, so the exchange of experience is of great interest for the industry as a whole. The analysis of the Program to improve the quality of procurement management of JSC concern VKO Almaz–Antey demonstrates its high adaptability to the turbulence of the external economic environment, and its main innovative solutions may be of the greatest interest to colleagues from the defense industry.

Ключевые слова Закупка, программа, концерн, логистика, управление цепями поставок.

Keywords Procurement, program, concern, logistics, supply chain management.

Значительная часть предприятий Российского ОПК сегодня объединена в профильные концерны. По объективным причинам этот процесс может продолжаться. Таким образом, возникает необходимость организовать тесное взаимодействие предприятий, имеющих свои особенности и традиции в организации закупки. Работа в составе концерна открывает как перед ним самим, так и перед предприятиями, в него входящими, дополнительные возможности по увеличению экономической и функциональной эффективности их деятельности за счет использования подходов современной логистики и управления цепями поставок в закупке, повышает эффективность в условиях общемировой неопределенности, глобальных сбоях цепей поставок в случаях тотального карантина, вызванного пандемией [1].

В свете изложенного целесообразно проанализировать накопленный опыт и наметить пути совершенствования процесса закупки для характерного концерна отечественного ОПК, с учетом того, что на сегодняшний день ни у кого в мире, в стране или на отдельно взятом предприятии нет наработок по ведению закупочной деятельности в эпоху экономической и эпидемиологической непредсказуемости.

Закупочная деятельность предприятий российского ОПК реализуется в жестко очерченном правовом поле, сформированном федеральными законами [2, 3], Указом Президента РФ [4], а также подзаконными нормами. Сегодня во исполнение Закона № 223-ФЗ уже издано более 30 нормативных правовых актов, сам этот Закон с момента своего принятия подвергался изменениям более 25 раз. Кроме того, следует учитывать, что порядок формирования кооперации в ОПК устанавливается Правительством Российской Федерации и на практике возникает ряд серьезных трудностей, в частности, в связи с вопросами ценообразования, определения поставщиков, защиты информации, ограничения субъектного состава участников закупок,

контроля и надзора, юридической ответственности, закупок с неопределенным объемом и иными вопросами [5]. Следует полагать, что после пандемии в законодательную базу будут внесены очередные изменения, призванные регулировать деятельность в условиях общемировой неопределенности и отсутствия понятия глубины протекающего процесса, с целью недопущения остановки производств.

Эти обстоятельства требуют от лиц, осуществляющих закупки, скрупулезного знания постоянно совершенствуемой правовой базы и, самое главное, умелого ее использования в реалиях не только отечественной экономической жизни, а также с учетом различных форс-мажоров глобального масштаба. Определенные трудности в организации закупочной деятельности предприятий ОПК создают международные санкции в отношении Российской Федерации. Их преодоление увеличивает трудоемкость закупки и требует от исполнителя специальных знаний. С сожалением надо отметить, что отечественные вузы не готовят в заметном количестве специалистов по закупке, хорошо разбирающихся в специфике ОПК [6].

Все это потребовало от концернов российского ОПК системы скоординированных действий по совершенствованию процесса закупки, в значительной мере опирающегося на их корпоративные возможности [7].

Так АО «Концерн ВКО „Алмаз – Антей“» принял в 2019 году Программу по повышению качества управления закупочной деятельностью и развитию закупочной деятельности интегрированной структуры Концерна.

Программа, прежде всего, направлена на:

- создание и развитие автоматизированной Системы управления закупками (включая комплекс нормативно-регламентирующих документов по закупочной деятельности);
- обеспечение информационного обмена с потенциальными поставщиками;
- организацию системы «одного окна» при закупках продукции;
- интеграцию процессов планирования производственной и закупочной деятельности дочерних обществ Концерна (далее – ДО).

Эксперты, проанализировавшие проект Программы, единодушно отмечали, что реализация указанных в ней стратегических инициатив позволит оптимизировать цепи поставок Концерна, снизить текущие расходы за счет снижения стоимости приобретения материальных ресурсов, соответствующих предъявляемым требованиям, обеспечивающим сроки, объемы и качество выпускаемой продукции, повысить эффективность закупочной деятельности.

Программа включает мероприятия по следующим основным направлениям:

1. Проведение оценки и повышение квалификации персонала, не только непосредственно участвующего в осуществлении закупок, но и персонала, ответственного за формирование конкретной потребности заказчика, исполнение договора и его оплату.
2. Реализация управления полным жизненным циклом закупок.
3. Обеспечение кросс-функционального взаимодействия при осуществлении закупочной деятельности.
4. Внедрение категорийного управления закупками.
5. Внедрение и развитие информационно-коммуникационных технологий в закупочной деятельности.
6. Совершенствование регламентации и методологии по закупочным вопросам для интегрированной структуры Концерна.

7. Внедрение риск-ориентированного подхода и комплаенс-контроля при осуществлении закупочной деятельности.

Подробно остановимся на работе с персоналом, поскольку в текущих условиях одним из ключевых факторов повышения качества управления закупочной деятельностью является развитие компетенций закупщиков и персонала, ответственного за формирование конкретной потребности заказчиков, исполнение договора и его оплату.

В целях повышения результативности деятельности закупщиков Концерна было признано целесообразным осуществить:

- создание центра развития компетенций в области закупок (семинары и тренинги для ознакомления с законодательством, приобретения технических навыков и навыков управления договорами и проектами, проведения переговоров, приобретения знаний в области современных информационных технологий, в области иных смежных функций и т.д.);
- проведение закупочных хакатонов (форумов специалистов из различных областей) и воркшопов (интенсивных учебных мероприятий);
- формирование отдела методологического сопровождения закупок в составе службы закупок Концерна;
- создание библиотеки практических рекомендаций, руководств и иных документов методической направленности на основе лучшего опыта и практик;
- формирование профессионального сообщества закупщиков Концерна для подготовки и/или анализа регламентов, законопроектов, руководств, их обсуждения и для обмена опытом и компетенциями;
- обеспечение активного участия закупщиков в кросс-функциональных командах и новых проектах, реализация которых требует проведения закупок;
- геймификацию (использование игрового мышления для вовлечения работников в решение задач) процессов анализа закупок с целью выявления наиболее результативных вариантов и поощрения их организаторов;
- подготовку сводных рейтингов качества закупочной деятельности, деятельности по формированию потребностей заказчика и исполнению договоров на предприятиях Концерна в целях выявления общих тенденций в закупочной деятельности за анализируемый период.

Кроме перечисленного выше, для организационного обеспечения процесса повышения компетентности закупщиков в Концерне предусмотрен регулярно обновляемый ежегодный план совместных встреч с поставщиками наиболее важной продукции, там отражено совместное с ними участие в научно-технических конференциях и иных мероприятиях для обмена информацией и опытом.

Во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203, которым утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, внедрение и развитие информационно-коммуникационных технологий в закупочной деятельности является составной частью цифровой трансформации деятельности Концерна.

В целом предполагается осуществить модернизацию операционной функции закупок, как и иных бизнес-процессов на основе использования цифровых технологий, включая развитие механизмов интерактивного взаимодействия с заказчиками и поставщиками, внедрение платформенных решений, формирование архитектуры работы с данными, обеспечение их обработки в режиме реального времени, широкого применения предиктивной аналитики.

В целях обеспечения взаимодействия закупочных подразделений с цифровой инфраструктурой Концерна по принципу «одного окна» признано необходимым создание так называемого «цифрового сотрудника».

Под «цифровым сотрудником» в данном случае подразумевается программное решение, которое автоматизирует модели использования людьми компьютерных технологий для решения задач, основанных на правилах и алгоритмах. При этом «цифровой сотрудник» предполагает выполнение роли интеллектуального помощника. Так как «цифровой сотрудник» представляет собой программный продукт, то у него практически нет ограничений по количеству внутренних клиентов, которым будет предоставляться сервис.

«Цифровой сотрудник» представляет собой средство обработки больших данных. Он является новым цифровым активом Концерна, который может быть использован для реализации проектов автоматизации и роботизации иных операционных подсистем Концерна.

На текущий момент можно говорить о недостаточной автоматизации и роботизации закупочной деятельности [8] интегрированной структуры Концерна. Сотрудники люди выполняют набор рутинных функций, которые заключаются в сборе информации (заявки на закупку, базы данных, предложения поставщиков), обработке собранной информации (анализ коммерческих предложений и сведений из баз данных и иных источников) и формировании результата (выбор лучшего предложения, заключение договора на закупку). Данная рутинная работа может быть описана набором правил и возложена на «цифрового сотрудника» [9].

Главной функцией «цифрового сотрудника» в закупках станет анализ потребности дочерних обществ Концерна в материально-технических ресурсах, анализ спецификаций и сопоставление их с источниками формирования предложений. «Цифровой сотрудник» будет осуществлять подбор контрагентов, подготовку закупочной документации, а также организовывать процесс коммуникации.

Таким образом, применительно к закупочной функции «цифровой сотрудник» является инструментом, позволяющим повысить прозрачность и объективность закупок, предсказуемость взаимодействий заказчиков и поставщиков, а также сократить сроки и уменьшить трудозатраты при подготовке договорных и закупочных документов.

Существенным элементом цифровой трансформации Концерна в закупках является также создание и развитие интегрального склада. Интегральный склад собирает информацию об остатках на складах всех предприятий. При этом дочерние общества Концерна получают возможность запрашивать через корпоративный интернет-портал наличие нужных им позиций на складах других предприятий, организовывать «заем» или покупку у них этих позиций.

По мнению экспертов, привлеченных к оценке этого проекта, оперативное управление интегральным складом позволит:

- снизить общую «залеживаемость» товаров (здесь имеются в виду остатки транзитных норм, а также ранее приобретенных, но не используемых товаров);
- внедрить принципы бережливого производства в складскую и закупочную деятельность (приблизиться к принципу Just In Time для определенных категорий товаров);
- экономить оборотные средства предприятий за счет уменьшения их «заморожки на складе»;
- формировать страховой запас исходя из реальных остатков товарно-материальных ценностей (ТМЦ) на складах интегрированной структуры Концерна;

- оказывать услуги ответственного хранения на основе оптимальной схемы перемещения и хранения ТМЦ между складами предприятий и поставщиков.

Наряду с вышеперечисленными плюсами оперативного управления интегральным складом следует отметить необходимость внедрения и реализации системы маневрирования запасами в условиях широко понимаемой непредсказуемости.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что совершенствование закупочной деятельности является весьма актуальной задачей для концернов отечественного ОПК. Этот факт вполне осознан руководством этих структур. Среди лидеров в данном направлении можно назвать АО «Концерн ВКО „Алмаз – Антей“», где работа ведется скоординированно по всем подразделениям на основе перспективного плана. Нарботки данной программы носят локальный характер при стабильной ситуации. К числу прогрессивных оригинальных решений, подлежащих внедрению согласно этому плану, следует отнести программное решение «цифровой сотрудник», концепцию интегрального склада и технологию геймификации (использование игрового мышления для вовлечения работников в решение задач) процессов анализа закупок с целью выявления наиболее результативных вариантов и поощрения их организаторов.

Одной из задач данной статьи ее авторы видят в объединении усилий специалистов-закупщиков из ОПК для создания технологической среды на базе современных ИКТ, позволяющей отрасли успешно решать ее специфические задачи в условиях нарастания турбулентности внешней среды.

Библиографический список

1. Колодко Г.В. *Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики.* 2020. № 5. С. 25–44.
2. *Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», ред. от 02.08.2019 № 263-ФЗ.*
3. *Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе», ред. от 18.02.2020 № 20-ФЗ.*
4. *Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2017 № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции».*
5. Джанаев Ч. Б., Воскобойников В. П. *О некоторых вопросах соотношения законодательства о публичных закупках и законодательства о государственном оборонном заказе // Публичные закупки: проблемы правоприменения № 7 Материалы VII Международной конференции (13–14 июня 2019 г., МГУ им М.В. Ломоносова), 2019. С. 69.*
6. Шлычков В.В. *Мировая депрессия 2020 г. как источник угроз и новых вызовов для российской экономики // Вестник экономики, права и социологии.* 2020. № 1. С. 41–44.
7. Афанасьев К.А., Вагнер И.В., Григорьев М.Н., Дигусов Н.Н., Охочинский Д.М., Охочинский М.Н., Уваров С.А., Чириков С.А. *Логистика и управление цепями поставок в высокотехнологичных отраслях национальной экономики. Монография в 3 томах. Том 1. Аэрокосмическая промышленность, СПб, 2017.*
8. Калимуллова Э.Р. *Постпандемический прогноз развития рынка образования // В сборнике: LXXII Международные научные чтения (памяти Н.Г. Басова) Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Москва, 2020. С. 26–27.*
9. Григорьев М.Н., Дигусов Н.Н., Уваров С.А. *Информационные системы и технологии в логистике. Учебник. В трех томах. Том I. Информационные системы в логистике (2-е издание, переработанное и дополненное). – СПб, 2017.*

References

1. Kolodko G.V. *Posledstviya. E`konomika i politika v postpandemicheskom mire // Voprosy` e`konomiki. 2020. № 5. S. 25–44.*
2. *Federal`nyj zakon ot 18.07.2011 № 223-FZ «O zakupkax tovarov, rabot, uslug ot del`ny`mi vidami yuridicheskix licz», red. ot 02.08.2019 № 263-FZ.*
3. *Federal`nyj zakon ot 29.12.2012 № 275-FZ «O gosudarstvennom oboronnom zakaze», red. ot 18.02.2020 № 20-FZ.*
4. *Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21.12.2017 № 618 «Ob osnovny`x napravleniyax gosudarstvennoj politiki po razvitiyu konkurencii».*
5. *Dzhanaev Ch.B., Voskoboynikov V.P. O nekotory`x voprosax sootnosheniya zakonodatel`stva o publichny`x zakupkax i zakonodatel`stva o gosudarstvennom oboronnom zakaze // Publichny`e zakupki: problemy` pravoprimeneniya № 7 Materialy` VII Mezhdunarodnoj konferencii (13-14 iyunya 2019 g., MGU im M.V. Lomonosova), 2019. s. 69.*
6. *Shly`chkov V.V. Mirovaya depressiya 2020 g. kak istochnik ugroz i novy`x vy`zovov dlya rossijskoj e`konomiki// Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2020. № 1. S. 41–44.*
7. *Afanas`ev K. A., Vagner I.V., Grigor`ev M. N., Digusov N.N., Oxochinskij D.M., Oxochinskij M.N., Uvarov S.A., Chirikov S.A. Logistika i upravlenie cepyami postavok v vy`сокotexnologichny`x otraslyax nacional`noj e`konomiki. Monografiya v 3 tomax, Tom 1 Ae`rokosmicheskaya promy`shlennost`, SPb, 2017.*
8. *Kalimullova E`.R. Post-pandemicheskij prognoz razvitiya ry`nka obrazovaniya//V sbornike: LXXII Mezhdunarodny`e nauchny`e chteniya (pamyati N.G. BASOVA) Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 2020. S. 26–27.*
9. *Grigor`ev M. N., Digusov N.N., Uvarov S.A. Informacionny`e sistemy` i texnologii v logistike. Uchebnik. V trex tomax. Tom I Informacionny`e sistemy` v logistike (2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe), SPb, 2017.*

Контактная информация / Contact information

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82, Vernadsky Prospekt, Moscow, 119571, Russia

Григорьев Михаил Николаевич / Mikhail N. Grigoryev

АО «Концерн ВКО „Алмаз – Антей“», Россия, 121471, г. Москва, ул. Верейская, 41.

Almaz-Antey Concern of Aerospace Defense JSC, 41, Vereiskaya Street, 121471, Moscow, Russia.

Джанаев Чингис Бадмаевич / Chingis B. Dzhanayev

АО «Конструкторское бюро специального машиностроения»,

Россия, 192012, г. Санкт-Петербург, Проспект Обуховской Обороны, 120, лит. ЕЧ.

Design Bureau of Special Engineering JSC, 120 ECh, Obukhovskoy Defense prospect, 192012, St. Petersburg, Russia

Сидоров Евгений Александрович / Evgeny A. Sidorov

+7 (960) 250-83-03, vuvavalt@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МЕРЫ ПО ПОВЫШЕНИЮ ДОСТУПНОСТИ ИПОТЕЧНОГО КРЕДИТА В РОССИИ

MODERN MEASURES TO INCREASE THE AVAILABILITY OF MORTGAGE LOANS IN RUSSIA

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-285-289

ЦЫГАНОВ Александр Андреевич

Руководитель Департамента страхования и экономики социальной сферы
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.э.н.,
профессор

Alexander A. TSYGANOV

Head of Department Insurance and Social Economics, Financial University under the
Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Ипотека в 2010-х гг. в России стала популярным способом улучшения жилищных условий, доступным по ряду причин не для всех жителей страны. В материале раскрываются меры по повышению доступности и их результативность в современных условиях.

Abstract

Mortgages in the 2010s in Russia became a popular way to improve housing conditions, available for a number of reasons, not for all residents of the country. The material discloses measures to increase accessibility and their effectiveness in modern conditions.

Ключевые слова

Жилье, ипотека, кредит, доступность.

Keywords

Housing, mortgage, loan, affordability.

Наличие большого потенциального спроса на приобретение жилой недвижимости и улучшение жилищных условий определяется несколькими факторами. Так, часть причин была заложена еще в советский период, когда нормировалось предоставление жилья, в том числе коммунального. В то же время были сформированы качественные характеристики городской застройки, что в настоя-

щее время привело к реализации реновации в Москве и ее обсуждению в остальных крупных городах. Значительный миграционный поток из небольших городов и поселков в крупные города, завершение урбанизации России устойчиво формируют спрос на покупку и аренду жилья в городах-миллионниках. Данные и иные факторы показывают важность ипотечного кредитования для населения России и необходимость поддержания доступности ипотечного кредита.

Существующий в России опыт оценки доступности жилья [1–4] показывает, что в нашей стране велика роль государства [5], которое не всегда делает все возможное для решения жилищных вопросов населения. При этом в дальнейшем данные вопросы будут подниматься более остро, когда они распространятся на длительное время проживающих в России мигрантов [6, 7]. В современных условиях меры по поддержанию и повышению доступности ипотечного кредита нуждаются в модернизации, адекватной состоянию экономики и социальной сферы.

На совещании у Президента РФ В.В. Путина, состоявшемся 16 марта 2020 года, были выработаны меры по поддержке строительства, включающие в себя и субсидирование ипотечной ставки при покупке новостройки до 6,5%¹. Субсидироваться будет приобретение квартир стоимостью до 3 млн рублей по всей России, но для Москвы и Санкт-Петербурга установлена повышенная планка в 8 млн рублей. Если обратиться к статистике докризисного 2019 года, то такой суммы хватит в большинстве регионов на двух или даже небольшую трехкомнатную квартиру, включая столичные регионы, где велика доля сделок по улучшению жилищных условий (т. е. с большим первоначальным взносом, часто формируемого за счет реализации имеющегося жилья).

Антикризисные ставки

Конечно, многое будет зависеть от реального платежеспособного спроса на жилье, но и предложенный механизм поддержки спроса на жилье комфорт-класса будет пользоваться популярностью. Расчет на сохранение спроса на жилье базируется на понимании значительного потенциального спроса, накопленного во многом еще с советских времен (когда не только москвичей, но и представителей новой общности – советского народа испортил нерешаемый жилищный вопрос, о чем говорит нереализованная программа предоставления отдельной квартиры каждой советской семье – Государственная программа СССР «Жилье-2000», принятая в 1986 году), и на признании стабильности доходов бюджетников. Именно они в условиях кризиса могут поддержать спрос в ближайшее время, а после можно надеяться на восстановление экономики и рост занятости и доходов и остального населения.

Доступность ипотечного кредита складывается из нескольких показателей, не все из которых имеют исключительно финансовую природу. Понятно, что высокая стоимость недвижимости при низкой процентной ставке не ведет напрямую к повышению доступности жилья. Важно, чтобы для потенциального ипотечного заемщика был доступен (посилен) платеж по кредиту, который зависит и от величины кредита, и от срока кредита, и от кредитной ставки и сопутствующих платежей. Конечно, величина кредитной ставки и стоимость квадратного метра определяют экономическую доступность недвижимости, и именно на эти осязаемые показатели направлены новые антикризисные меры поддержки строительства и ипотечного кредитования.

Одним из возможных путей снижения величины эффективной кредитной ставки является поддержка и внедрение лучших практик ипотечного кредитования, имею-

1 Новая программа льготной ипотеки привлечет в стройку 1 трлн руб. // <https://www.rbc.ru/business/16/04/2020/5e9866e39a7947ec3b9b1259> – режим доступа 18.04.2020

щихся в России и за рубежом. Это может помочь снизить ставку для вторичного жилья, рынок которого может испытывать существенные затруднения из-за ограниченности спроса, который будет перетекать на субсидируемый первичный рынок. Психологически это тоже важно: покупатель первичного жилья получит уверенность в ликвидности приобретаемой квартиры и не будет считать, что покупка может обесцениться со временем.

Развитие рыночного потенциала

При разработке государственных программ и стратегий редко учитывается фактор уверенности в возможности расплатиться по кредиту, когда потенциальный заемщик мог бы улучшить свои жилищные условия, но психологически не готов брать кредит в силу неуверенности в завтрашнем будущем. А ведь именно уверенность заемщика в своем будущем определяет его экономическое поведение. Опыт развитых ипотечных рынков показывает, что внедрение программ консультирования, разъяснения прав и обязанностей заемщика, формирование программ помощи заемщикам, попавшим в сложную жизненную ситуацию, ведет к повышению уровня уверенности и приходу за ипотечным кредитом одних из лучших заемщиков, умеющих рассчитывать свои возможности и планировать свою жизнь.

Полномасштабное внедрение разработанных ДОМ.РФ стандартов ипотечного кредитования позволит снизить операционные издержки ипотечных банков, что наравне с оптимизацией бизнес-процессов и внедрением электронного документооборота может дать снижение ставки на 0,5 п.п. или повысить рентабельность бизнес-процессов у коммерческих банков. Это в перспективе повысит конкуренцию среди ипотечных кредиторов, а значит, качество и клиентоориентированность их услуг.

В 2017–2019 гг. были заметны усилия ДОМ.РФ по созданию рынка ипотечных ценных бумаг, способного создать источник недорогого и доступного фондирования для ипотечных банков. На дополнительный эффект можно и нужно рассчитывать за счет снижения стоимости услуг инфраструктурных институтов ипотечного рынка (оценка, страхование и т.п.).

Дополнительно существенного эффекта можно добиться за счет регулирования комиссий банков с договоров страхования, в которых банк является выгодоприобретателем и, соответственно, должен быть заинтересован в снижении риска больше, чем в комиссионном доходе. К сожалению, регулирование рыночного ценообразования нерыночными методами обычно дает противоположный эффект, в этой связи нашим кредитным организациям требуется время для осознания собственных приоритетов при работе с заемщиком.

Поддержка строительства

16 марта 2020 г. были анонсированы меры по прямой поддержке застройщиков – выделение средств госкомпании «ДОМ.РФ» в размере 50 млрд руб. для выкупа жилья комфорт-класса, которое в условиях кризиса может не найти покупателя. В случае покупке массивов жилья, целых домов или подъездов в них можно ожидать расширения программы как коммерческой, так и социальной аренды жилья, которая стартовала в Москве и Воронеже в 2019 г. Социальная аренда – хороший вариант повышения доступности жилья для тех, кто не может позволить себе ипотечный кредит сегодня, но нуждается в понятной и прозрачной долгосрочной

аренде. При этом заключение договора социальной аренды жилья не препятствует в дальнейшем получению квартиры по договору социального найма в случае постановки на учет в очереди на получение муниципального жилья.

С учетом современных условий и важности достройки жилья, а не превращения недостроев в зону социального неблагополучия было принято решение о докапитализации Фонда защиты прав граждан – участников долевого строительства на 30 млрд руб. Эта мера позволит своевременно и эффективно достроить существенное количество накопившихся за 2000-е гг. объектов незавершенного строительства. Важно, чтобы выбор варианта именно достройки этих объектов был экономически мотивированным и технически возможным.

Формирование прозрачных условий выделения земельных участков, подведения коммуникаций и получения разрешений и согласований должно привести к снижению стоимости строительства. Обсуждавшая в прошлые годы «регуляторная гильотина» в данном случае должна привести к успеху, хотя и риски здесь велики – доступное строительство для одних не должно создавать сложности и угрозы для рядом живущих граждан. Вызывают вопросы механизм перевода назначения земель для разрешения жилищного строительства, практика легализации апартаментов и имеющихся по России де-факто жилых гаражей и эллингов, специально построенных с целью жилья.

Успехи и перспективы развития

На сегодня в России предпринимаются меры по повышению уверенности потенциальных заемщиков в своих силах своевременно и в полном объеме обслуживать свой ипотечный кредит. Среди успехов следует отметить введение права заемщика на получение «ипотечных каникул» и меры по повышению защищенности при покупке новостроек и заключении ДДУ (введение эскроу-счетов).

Пока еще полностью не оформилась система защиты прав потребителей финансовых услуг: институт «финансового омбудсмена»² еще находится в процессе становления на начальной стадии, но позитивные итоги деятельности службы Банка России по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг уже видны на материалах судебной статистики второй половины 2010-х гг. в части защиты потребителей страховых услуг.

Среди задач на ближайшее будущее – создание системы обязательного независимого консультирования потенциального заемщика перед заключением ипотечного договора, а также создание прозрачных и понятных условий перекредитования (рефинансирования), то есть обеспечения права заемщика на позитивное изменение условий договора при улучшении условий кредитования на российском рынке. Отметим, что в условиях самоизоляции весны 2020 года резко вырос запрос на дистанционные способы консультирования, и вполне реально организовать и обеспечить бесперебойное функционирование на базе сайтов «Госуслуги» и МФЦ «Мои документы».

Развитие доступности ипотечного кредита не должно подменять решения вопросов доступности жилья, которые решаются не только на основе приобретения жилья в собственность. Важно и настоятельно необходимо обеспечить легализацию рынка частных арендных квартир и формирование прозрачного рынка арендного жилья, что начинает делаться на основе введения в эксплуатацию арендных домов компании ДОМ.РФ.

2 Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, должность которого введена в связи с принятием Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Законом предусмотрено поэтапное распространение деятельности Финансового уполномоченного на различные секторы финансового рынка.

Библиографический список

1. Горюшкин А.А. Оценка эффективности влияния государственных мер на доступность жилья населению // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки*. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 140–147.
2. Косарева Н.Б., Полиди Т.Д. Доступность жилья в России и за рубежом // *Вопросы экономики*. 2019. № 7. С. 29–51.
3. Минченко М.М., Ноздрин Н.Н. Динамика доступности жилья для населения России в 2008–2014 гг. // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 2 (161). с. 89–105.
4. Стерник Г.М., Апальков А.А. Количественная оценка влияния различных факторов на доступность жилья и ипотеки // *Урбанистика и рынок недвижимости*. 2015. № 1. С. 6–16.
5. Бесхмельницын Н. Роль государства в обеспечении доступности жилья для населения России. *Проблемы теории и практики управления*, 2005. 6. С. 15–21.
6. Грызенкова Ю.В. Европейский опыт обеспечения доступным жильем в рамках миграционной политики // *Корпоративная экономика*. 2016. № 2 (6). С. 12–15
7. *Новые траектории развития финансового сектора России / под ред. М.А. Эскиндарова, В.В. Масленникова*. – М.: Когито-Центр, 2019. 367 С.

References

1. Goryushkin A.A. Ocenka effektivnosti vliyaniya gosudarstvennyh mer na dostupnost' zhil'ya naseleniyu // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki*. 2013. t. 13, vyp. 4. s. 140–147.
2. Kosareva N.B., Polidi T.D. Dostupnost' zhil'ya v Rossii i za rubezhom // *Voprosy ekonomiki*. 2019. № 7. s. 29–51.
3. Minchenko M.M., Nozdrina N.N. Dinamika dostupnosti zhil'ya dlya naseleniya Rossii v 2008–2014 gg. // *Problemy prognozirovaniya*. 2017. № 2 (161). s. 89–105.
4. Sternik G.M., Apal'kov A.A. Kolichestvennaya ocenka vliyaniya razlichnyh faktorov na dostupnost' zhil'ya i ipoteki // *Urbanistika i ryok nedvizhimosti*. 2015. № 1. s. 6–16.
5. Beskhmel'nicyn N. Rol' gosudarstva v obespechenii dostupnosti zhil'ya dlya naseleniya Rossii. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2005. 6. s. 15–21.
6. Gryzenkova Y.V. Evropejskij opyt obespecheniya dostupnym zhil'em v ramkah migracionnoj politiki // *Korporativnaya ekonomika*. 2016. № 2 (6). s. 12–15
7. *Novye traektorii razvitiya finansovogo sektora Rossii / pod red. M.A. Eskindarova, V.V. Maslennikova*. M.: Kogito-Centr, 2019. 367 s.

Контактная информация / Contact information

Финансовый университет при Правительстве РФ, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.
Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky prospect,
Moscow, 125993, Russia
Цыганов Александр Андреевич / Alexander A. Tsyganov
al_ts@rambler.ru

НАЛОГОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН И БИЗНЕСА В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

TAX INSTRUMENTS FOR SUPPORT OF PEOPLE AND BUSINESS AFTER PANDEMIА

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-290-297

ТЕРНОПОЛЬСКАЯ Галина Борисовна

Доцент департамента учета, анализа и аудита ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», к.э.н.

Galina B. TERNOPOLSKAYA

Associate Professor of the Department of accounting, analysis and audit, Financial University under the Government of the Russian Federation, PhD in Economics

ТЮТЮРЮКОВ Николай Николаевич

Член Экспертной группы по налогообложению Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации ФС РФ, член Вольного экономического общества России, д.э.н.

Nikolay N. TYUTYURYUKOV

Member of the Expert Group on Taxation of the Committee on Budget and Financial Markets of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation, Member of the Free Economic Society of Russia, Doctor of Economic Sciences

Аннотация

Сложные экономические решения приходится принимать в период пандемии коронавируса и постпандемический период всем странам, и Россия – не исключение. Эти решения направлены на быстрее восстановление экономики. Но некоторые решения власти по поддержке граждан и бизнеса спорны. Эффективный бизнес и ответственные граждане осуществляли свою деятельность с полной уплатой налогов в бюджет в предыдущие годы, и они вправе ожидать от государства, что оно в сложный постпандемический период поддержит их. Авторы рассматривают в статье примеры таких решений: введение необлагаемой суммы дохода в целях исчисления НДФЛ, возмещение уязвимым слоям населения части уплаченных ими сумм НДС, увеличение на краткосрочный период размера необлагаемого налогами имущества. Выкладки авторов подкреплены статистическим материалом.

Abstract

All countries, including Russia, must make difficult economic decisions during COVID pandemic and afterwards. These decisions should be aimed at fast economic recovery. However, certain decisions of the government, labeled as support measures for people and businesses, are controversial. The efficient businesses and responsible people paid their taxes in full during previous years, and they may expect that the state will support them during turbulent post-pandemic times. The authors analyzed the relevant statistics and based on that discuss the examples of such decisions: introduction of minimum exempt income for PIT purposes, reimbursement of VAT for socially insecure people, and short-term increase of exemption threshold for property taxes.

Ключевые слова

Постпандемический период, НДФЛ, НДС, налог на прибыль, налог на имущество, транспортный налог, налоговые инструменты, возмещение сумм НДС по чекам, налоговый вычет, МРОТ, прожиточный минимум, потребительская корзина, перенос налоговых убытков.

Keywords

Post-pandemic period, personal income tax, value added tax, corporate profits tax, property tax, transportation tax, tax instruments, VAT reimbursement, tax deduction, minimum monthly salary, subsistence level, consumer basket, loss carry forward.

К третьему десятилетию XXI века мир вступает в качественно новую реальность. Своеобразным спусковым механизмом послужила новая коронавирусная инфекция, которая с необычайной скоростью не только сама стала общемировой проблемой, но и породила ряд экономических, социальных и других проблем. Напрашивается сравнение текущего экономического состояния в мире с Великой депрессией почти столетней давности, среди основных последствий которой было падение доходов населения и, соответственно, схлопывание спроса.

Россия не исключение. Действие с апреля 2020 г. режима самоизоляции показало: «подушка безопасности» и у граждан, и у предприятий недостаточна даже для того, чтобы вынести двухмесячный простой экономики.

В этих условиях государство решило поддержать бизнес. Но без платежеспособного спроса населения бизнесу даже при поддержке государства не справиться с кризисом. Поэтому логично задаться вопросом – есть ли у государства налоговые механизмы поддержки бизнеса и граждан? Наибольшее влияние на кошелек граждан оказывают два налога – НДС и НДФЛ. Рассмотрим их возможности.

Хотя юридически предприятия и являются плательщиками НДС, «входные» суммы налога, уплаченные поставщикам, им компенсируются, а сумма НДС с реализации входит в цену продаваемого товара (работы, услуги). Фактически предприятия выступают налоговыми посредниками, образуя этакую цепочку, в каждом звене которой создается и облагается налогом добавленная стоимость. Бремя же уплаты всех сумм НДС в федеральный бюджет в итоге ложится на конечных потребителей, то есть на население России. Заметим, что гражданину становится известной только сумма НДС, уплачиваемая им на последнем этапе, поскольку она в явном виде выделена в чеке в магазине розничной торговли.

В предкризисные 2015–2019 годы происходил стабильный рост поступлений сумм НДС (см. табл. 1).

Таблица 1. Динамика поступления сумм НДС, млрд руб.

	2015	2016	2017	2018	2019	Рост, %
Всего	2589,4	2808,3	3233,4	3762,4	4486,6	173
В том числе по виду деятельности «торговля розничная...»	125,6	141,4	194,8	212,3	276,7	220
Доля всего, %	4,9	5,0	6,0	5,6	6,2	

Источник: форма 1-НОМ за соответствующие года (www.nalog.ru), расчеты авторов

Стабильно росла и доля НДС, поступающего из сектора розничной торговли. Государство для реализации своих задач получало с каждым годом от граждан (в явном и неявном виде) все бóльшие суммы. Экономическое развитие, предшествующее пандемии, позволяло с уверенностью смотреть в будущее. Но, как говорится, ничто не вечно под луной...

В апреле 2020 г. из-за связанного с пандемией кризиса поступления сумм НДС снизились до 220,1 млрд руб., что на 26,7% меньше уровня апреля прошлого года [1]. Но в прошлые-то годы граждане обеспечивали гарантированно растущие суммы поступавшего в бюджет НДС и имеют право в сложной ситуации рассчитывать на помощь государства!

Тем более что, помогая гражданам, государство помогло бы розничной торговле, которой сейчас как никогда необходим платежеспособный спрос (и которая, кстати, внесена в перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции [2]).

Какую конкретную помощь государство могло бы оказать своим гражданам? Четко просматриваются три способа (социальный – выдачу продуктовых сертификатов – мы не рассматриваем).

Первый способ хотя и неналоговый, но очень тесно с налогами связанный, т.к. речь идет о бюджетных деньгах, в существенной части сформированных налогами, – раздача денег людям для совершения покупок, так называемые «вертолетные» деньги. Об этом пути часто высказываются официальные лица и эксперты.

Глава ЦБ Эльвира Набиуллина заявила, что прямые выплаты населению как адресная поддержка нужны, но раздача «денег с вертолета» как инструмент денежно-кредитной политики в России не актуален. Глава аналитического управления банка БКФ Максим Осадчий выступает с более жесткой позицией, вовсе называя призывы к прямым выплатам абсолютно всем популистскими. «Это крайняя мера денежно-кредитной политики, когда другие меры оказываются недостаточно эффективными. Бездумное разбрасывание „вертолетных денег“ будет несправедливо – помощь получат и те, кто в ней не нуждается. Следует также учитывать и инфляционный шок в результате такого вливания денег в экономику», – сказал он. [3]

Авторы считают, что к этому способу действительно стоит относиться с осторожностью, но по другой причине. Данные статистики говорят о том, что более 21% российских граждан накануне кризиса работали в неформальной экономике, то есть

налоги не платили. Разумеется, учитывая, что Россия является социальным государством, помогать надо всем гражданам. Но тем, кто налоги не платит, бюджетная помощь возможна в пределах МРОТ или прожиточного минимума, а тем, кто работал в формальных секторах и платил законодательно установленные налоги, – им помощь возможна в большем размере, например, $2/3$ суммы последнего дохода, по которым они отчитались перед основными контролирующими органами – ФНС и ПФР России – накануне кризиса. Конечно, мы согласны с М. Осадчим: «вертолетные» деньги – не для обеспеченных граждан (чи доходы попадают в 9–10 децильные группы), а для тех, кому они реально помогут выжить.

Второй способ – это уже чисто налоговый инструмент – компенсация уплаченных сумм НДС при приобретении товаров и услуг некоторым категориям покупателей. Конечно, полная компенсация уплаченных сумм НДС невозможна, но вполне возможно временное возмещение сумм НДС наиболее уязвимым слоям населения. К ним относятся люди, чи семейные доходы не позволяют им нормальное существование. Логично, если компенсация будет проводиться по товарам и услугам, которые входят в состав минимальной потребительской корзины (т. е. по алкогольной и табачной продукции, разумеется, суммы НДС возмещаться не должны). Обратим внимание, что данный способ обеспечивает реальную помощь, ведь суммы НДС возмещаются по реально приобретенным и действительно нужным человеку товарам (в отличие от «помощи» залежавшимися на складах или не пользующимися спросом у населения товарами).

Потери федерального бюджета при этом способе минимальны, так как уязвимые слои населения приобретают в основном продукты питания, реализация которых облагается НДС по ставке 10% (по данным Росстата, около половины расходов 20% наименее обеспеченных граждан – покупка продуктов для питания дома).

Третий способ – тоже налоговый – введение необлагаемой налогом на доходы физических лиц суммы, а именно прожиточного минимума. Почему именно его, а не МРОТ? Дело в том, что в России доходы получают не только работники, но и индивидуальные предприниматели, самозанятое население, граждане, работающие по гражданско-правовым договорам. Для последних категорий граждан МРОТ – не актуальное понятие, оно имеет отношение только к работающим по трудовым договорам. К тому же сумма МРОТ при ее установлении увязывается с прожиточным минимумом, а не наоборот (методика и обоснованность их расчета не является предметом нашей статьи).

Таблица 2. Динамика сумм доходов физических лиц, выплаченных налоговыми агентами, и числа получателей этих доходов

	2015	2016	2017	2018	Изменение, %
Доходы, полученные от налоговых агентов, млрд руб.	21898,8	23445,2	24700,5	27417,4	25,2
Граждан, получивших доходы от налоговых агентов, млн чел.	67,4	66,2	64,2	63,3	-6,1
Средний годовой доход, полученный от налоговых агентов, руб./чел.	324 908	354 157	384 743	433 134	33,3

Источник: данные формы 5-НДФЛ (www.nalog.ru), расчеты авторов

За предкризисные годы средний годовой доход граждан, полученный от налоговых агентов, увеличился на 33% (см. табл. 2), но заметим, что при этом количество получивших доходы граждан уменьшилось на 4 млн чел. Кто-то из них, возможно, стал предпринимателем, а кто-то перешел, увы, в неформальный сектор экономики и стал «невидим» для ФНС.

Росстат подтверждает рост доходов граждан, растет и средняя зарплата. Но что интересно: рост средней номинально начисленной зарплаты идет медленнее, нежели рост МРОТ – 135,2% против 189,1% (см. табл. 3). Эта динамика свидетельствует об относительном обеднении граждан.

И это при том, что методика расчета МРОТ, по мнению и ученых, и профсоюзов, требует изменения. Еще в 2014 г. глава ФНПР Михаил Шмаков озвучил предложения президенту России: «Профсоюзы добились, что до 2016 г. МРОТ должен быть доведен до уровня прожиточного минимума. Но прожиточный минимум считается по очень плохой методике, которая идет к нам еще из середины 50-х годов прошлого века» [4]. Профсоюзы считают, что говорить надо о рациональной потребительской корзине, размер которой еще в 2014 г. оценивался ими на уровне 16–18 тыс. руб. Но даже в 2019 году размер МРОТ не достиг этого уровня!

Таблица 3. Динамика средней заработной платы, величины МРОТ, прожиточного минимума за период 2015–2019 гг., руб./мес.

	2015	2016	2017	2018	2019
Средняя зарплата	32 495	34 030	36 709	39 709	43 944
МРОТ	5965	7500	7800	11 163	11 280
Прожиточный минимум для трудоспособного населения	10 187	10 466	10 573	11 069	11 510
Доля МРОТ в средней зарплате, %	18,4	22,0	21,2	28,5	25,7

Источник: Росстат, справочные данные СПС «КонсультантПлюс», расчеты авторов

Эти данные свидетельствуют о том, что назрела необходимость провести реформу НДФЛ и ввести необлагаемый минимум в размере прожиточного минимума – стоимостной оценки потребительской корзины. Сумма эта для среднего россиянина (на 2019 г. – 17955 руб. в год) довольно существенна. Да, эту сумму недополучит бюджет, при том, что из-за пандемии величина потерь бюджета и так может быть достаточно большой (прогноз академика А. Аганбегяна – реальные располагаемые доходы снизятся на 8–10% [5], Институт исследований ВЭБ.РФ дал оценку в 17,5% [6]). Но надо помнить, что по Конституции РФ (ст. 2) высшей ценностью является человек, а не бюджет.

Тем не менее потери бюджета вполне можно нивелировать, если реализовать предложения академика С. Глазьева, выдвинувшего идею о вводе в ЕАЭС налога на неторговые валютнообменные операции, чтобы ограничить вывозы капитала за рубеж, а сборы от налога использовать в общих целях [7]. Положительную

роль может сыграть и реализация предложения президента России обложить 15-процентным налогом доходы в виде дивидендов, выводимые на зарубежные счета.

Собственно, введение с 2001 г. плоской шкалы НДФЛ предполагало, в том числе, стимулировать граждан оставлять заработанные деньги в экономике России. Однако практика показала, что «богатые» граждане предпочитают тратить деньги не в России, а вывозить их в иные юрисдикции и делать покупки там, в том числе приобретать недвижимость. Конечно, запретить этого нельзя, но можно защитить интересы российского бюджета: например, обложить средства, покидающие Россию навсегда по неэкономическим причинам, еще раз НДФЛ по основной ставке. Тогда возможности бюджета в преодолении кризиса и его последствий будут шире.

Итак, наши предложения ориентированы на поддержку платежеспособного спроса населения с использованием механизма всего лишь двух федеральных налогов. Этот механизм нацелен на оказание достойной помощи тем гражданам, которые ранее заботились о благосостоянии государства, честно платя налоги.

В конце хотелось бы еще акцентировать внимание на оказании помощи бизнесу. Выделение денег из бюджета наиболее пострадавшим отраслям – это хорошо. Но деньги получают и эффективные предприятия, и убыточные (ведь любой предприниматель, чтобы обосновать их получение, может много чего порассказать о важности своего бизнеса для России как в экономическом, так и в социальном плане). Под эффективно функционирующим предприятием мы понимаем предприятие, выпускающее необходимую рынку продукцию и приносящее прибыль учредителям.

В некоторых странах допускается переносить текущий налоговый убыток на предыдущий период для возврата уплаченной суммы налога на прибыль предыдущего периода. Предлагаем реализовать такой же механизм в России: помощь будет автоматически предоставляться только тем предприятиям, которые в предыдущие периоды эффективно работали и перечисляли налоговые платежи в бюджетную систему, а не разрабатывали «бесприбыльные» или «убыточные» схемы.

И снова о гражданах. За предыдущие налоговые периоды отмечался рост доли обязательных платежей в структуре использования денежных доходов населения России, то есть неувеличение налоговой нагрузки на бизнес сопровождалось увеличением налоговой нагрузки на население (см. табл. 4).

Таблица 4. Динамика оплаты обязательных платежей, взносов в структуре использования денежных доходов населения России, %

	2015	2016	2017	2018
Оплата обязательных платежей, взносов и прочие расходы	13,7	13,8	14,1	15,1

Источник: Росстат (<https://www.gks.ru/folder/13397?print=1> – доступ 23.05.2020)

Законами субъектов РФ по транспортному налогу, по налогу на имущество организаций, по земельному налогу (и нормативными актами муниципальных образований по земельному налогу) могут быть предусмотрены налоговые льготы.

Например, в Республике Башкортостан ряд организаций освобожден от уплаты налога на имущество (Закон Республики Башкортостан от 10 апреля 2020 г. № 243-з). К ним относятся субъекты МСП, включенные в соответствующий реестр и осуществляющие определенную деятельность: в частности, дневной уход за детьми, туристическую деятельность, показ кинофильмов, общепит и пр. От уплаты транспортного налога освобождены некоторые предприниматели Тюменской области за налоговый период 2019 года и организации за налоговый период 2020 года (Закон Тюменской области от 10 апреля 2020 г. № 25). Такая льгота распространяется на тех, кто использует транспорт в деятельности по транспортировке и хранению, в сфере общественного питания, здравоохранения и социальных услуг, образования, гостиничного обслуживания, культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

Считаем, что аналогичные схемы поддержки (временно, на один год) можно предусмотреть и для граждан. Например, можно исключать из налоговой базы по налогу на имущество физических лиц не 20 кв. м, а 40 кв. м. Можно освободить от уплаты транспортного налога физических лиц, автотранспорт которых имеет мощность мотора до 150 л.с. Конечно, такие меры поддержки следует оказывать не всем подряд, а только гражданам, которые отчитывались о доходах за предыдущие налоговые периоды и честно платили налоги.

Государство предпринимает определенные меры, но это точечные меры. Например, рассматривается возможность оказания материальной помощи самозанятым (физическим лицам, занятым в бизнесе) в размере 12 130 руб., которую они смогут потратить на уплату налога в 2020 году. Речь же должна идти о всем населении страны.

Библиографический список

1. Маркелов Р. Поступления налогов в России упали на треть // *Российская газета*. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/06/postupleniia-nalogoov-v-rossii-upali-na-tret.html> (дата обращения 15.05.2020).
2. «О внесении изменений в перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции»: постановление Правительства РФ от 12 мая 2020 г. № 657. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. РИА Новости [электронный ресурс] 2020. URL: <https://ria.ru/20200424/1570491913.html> (дата обращения 16.05.2020).
4. Латухина К. Профсоюзы предлагают изменить методику расчета МРОТ // *Российская газета*. 2014. URL: <https://rg.ru/2014/03/14/mrot-site.html> (дата обращения 16.05.2020).
5. Аганбегян А. Где деньги лежат. Академик Аганбегян – о том, как «перепрыгнуть» от кризиса к росту // *АиФ*. – 2020. – № 20. – С. 14.
6. Старостина Ю., Канаев П. Эксперты ВЭБ оценили влияние вируса на экономику России // *РБК*. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2020/5e919e0a9a7947391241d05b> (дата обращения 16.05.2020).
7. Анисимова Н. СМИ узнали о просьбе ЦБ к Минэку сдержать публичную активность Глазьева // *РБК*. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/04/2020/5ea0b4799a79474abe98d9ec> (дата обращения 16.05.2020).

References

1. Markelov R. Postupleniya nalogov v Rossii upali na tret' // Rossiiskaya gazeta. 2020. URL: <https://rg.ru/2020/05/06/postupleniia-nalogov-v-rossii-upali-na-tret.html> (accessed 15.05.2020).
2. «O vnesenii izmenenij v perechen' otraslej rossijskoj jekonomiki, v naibol'shej stepeni postradavshih v uslovijah uhudshenija situacii v rezul'tate rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii»: postanovlenie Pravitel'stva Rossii ot 12 maja 2020g. № 657. Dostup iz spravocno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
3. RIA Novosti [elektronnyi resurs] 2020. URL: <https://ria.ru/20200424/1570491913.html> (accessed 16.05.2020).
4. Latukhina K. Profsoyuzy predlagayut izmenit' metodiku rascheta MROT // Rossiiskaya gazeta. 2014. URL: <https://rg.ru/2014/03/14/mrot-site.html> (accessed 16.05.2020).
5. Aganbegyan A. Gde den'gi lezhat. Akademik Aganbegyan – o tom, kak «pereprygnut'» ot krizisa k rostu // AiF – 2020 – № 20 – p. 14.
6. Starostina Yu., Kanaev P. Eksperty VEB otsenili vliyanie virusa na ekonomiku Rossii // RBC. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2020/5e919e0a9a7947391241d05b> (accessed 16.05.2020).
7. Anisimova N. SMI uznali o pros'be TsB k Mineku sderzhat' publichnuyu aktivnost' Glaz'eva // RBC. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/04/2020/5ea0b4799a79474abe98d9ec> (accessed 16.05.2020).

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,
125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49.
Financial University under the Government of the Russian Federation, 125993 (GSP-3), Moscow,
Leningradskij prosp., 49.
Тернопольская Г.Б. / G.B. Ternopolskaya
Тютюрюков Н.Н. / N.N. Tyutyuryukov
lasconi@mail.ru

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА УСИЛИВАЮТСЯ¹

MEASURES TO SUPPORT REAL SECTOR STRENGTHEN

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-298-303

ЕРШОВ Михаил Владимирович

Член Президиума ВЭО России, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.э.н.

Mikhail V. ERSHOV

Member of the Presidium of VEO of Russia, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences

ТАНАСОВА Анна Станиславовна

Эксперт Финансового университета при Правительстве РФ, к.э.н.

Anna S. TANASOVA

Expert of Financial University under the Government of the Russian Federation, PhD in Economics

Аннотация

В статье подчеркивается особенность текущего глобального экономического кризиса. Говорится о важности реального сектора для обеспечения стабильности на финансовых рынках. В России также остро стоит проблема поддержки реального сектора и населения. Без применения комплексных целенаправленных мер страна может упустить возможности, которые перед ней открываются, и даже потерять достигнутые ранее позиции.

Abstract

The article focuses on the specificity of the current crisis. The real sector is in the core of the crisis thus making the sector highly important for stability of financial markets. In Russia the issues of real sector and household sector support are very important. Targeted and comprehensive measures are needed. Without such measures the country may miss the opportunities that emerge and may lose its current positions in the world economy.

Ключевые слова

Денежно-кредитная политика, меры поддержки, мировые финансовые рынки, фондовые рынки, рост экономики.

Keywords

Monetary policy, supportive measures, small and medium business, economic growth.

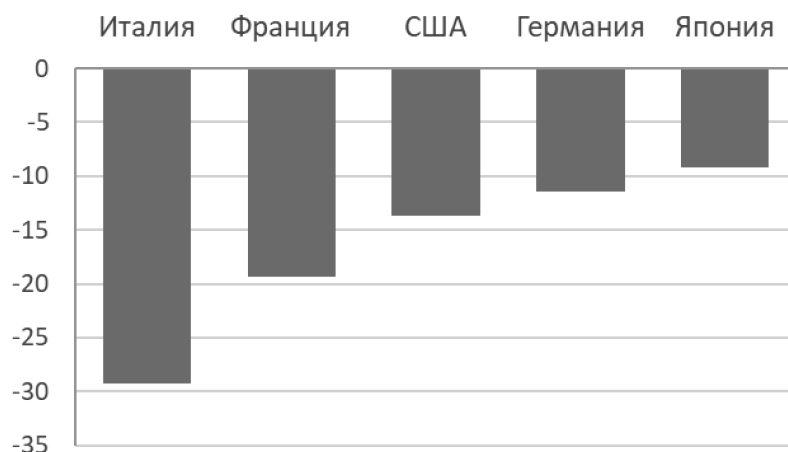
¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве РФ.

Новые кризисные процессы, которые начались в глобальной экономике в первой половине 2020 г. вследствие пандемии коронавируса, вызвали беспрецедентные меры поддержки со стороны как правительств, так и монетарных регуляторов стран. Впервые в мире кризис вследствие пандемии приобрел столь глобальный характер. Текущий кризис имеет свои особенности: остановка производств и меры изоляции, которые принимались в большинстве стран, привели к существенному и быстрому сокращению как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Масштабно сократилась мировая торговля, нарушились глобальные цепочки поставок продукции и комплектующих.

В этот раз основным пострадавшим в большинстве стран пока является реальный сектор. Именно ему сейчас уделяется первоочередное внимание. Отметим, что значительно сократилось промышленное производство в основных ведущих странах в марте – апреле (рис. 1). В США в апреле на 14% упало число выпуска новых автомобилей. В Китае наибольший спад в промышленности пришелся на январь и февраль, составив более 13%.

Рис. 1.
Спад
промышленного производства
в ряде стран
в апреле
2020 г., г/г, %*

* Данные за март 2020 г. по Германии и Италии

Источник: национальная статистика соответствующих стран.

Наиболее провальным, как ожидается, будет второй квартал 2020 г.; далее, по мере выхода из режима изоляции, экономическая активность будут восстанавливаться. Тем не менее международные организации и регуляторы пересмотрели прогнозы в сторону ухудшения (отметим, что этот пересмотр произошел практически за три месяца, за которые картина глобальной экономики радикально изменилась). По итогам 2020 г. ожидается спад ВВП во всех развитых странах (минус 6,1% по оценкам МВФ), а в наиболее быстрорастущих странах Азии темпы роста экономики замедлятся до уровня менее 2%. Глобальный ВВП сократится на 3% [1].

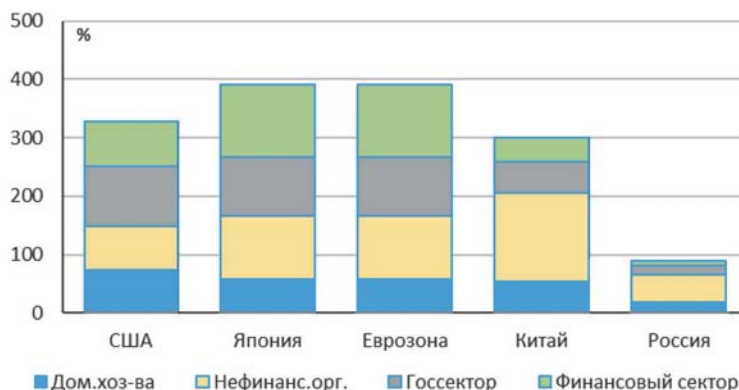
Кризисные явления резко проявились и на финансовых рынках. Ведущие фондовые индексы упали на 25%, нефтяные цены снизились на 80%. В мировой финансовой системе начались проблемы с ликвидностью и условия на финансовых рынках ужесточились. Однако меры центральных банков, которые были приняты в довольно быстром режиме, способствовали смягчению ситуации. Кроме того, банковский сектор ведущих стран имеет более прочные показатели, чем они были в период до глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. (выше показатели капитала, ликвидности и т.д.), что позволяет регуляторам сфокусироваться в большей части на реальном секторе. Но и проблемы финансового сектора находятся в поле зрения

регуляторов. Существенное ухудшение положения в реальной экономике может привести к кризисным явлениям в финансовой системе. По оценкам МВФ, «текущий кризис представляет серьезную угрозу для финансовой стабильности» [2].

Ухудшение платежеспособности реального сектора и населения может вызвать рост просрочки по задолженности и масштабные дефолты. Этому же будет способствовать нарушение глобальных цепочек поставок, восстановление которых потребует немало времени. Очевидно, что это затормозит экономический рост и усилит проблему возврата кредитов. Ситуация осложняется высоким уровнем за кредитованности корпораций и населения во многих странах (рис. 2).

Рис. 2.
Долговая нагрузка секторов экономики ряда стран, % ВВП

Источник: [3]

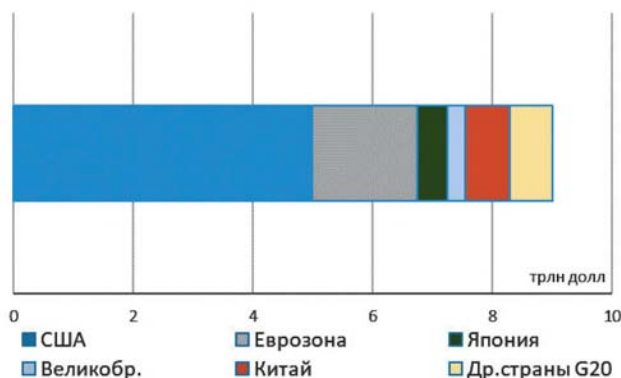
Проблемы выходы из кризиса и, соответственно, улучшение финансового состояния усугубляются сжатием потребительского спроса и со стороны частного сектора. Кроме того, ограничения, которые будут сохраняться, вероятно, какое-то время, будут тормозить эффективное восстановление экономической активности.

Это может вызвать эффект домино и сильно дестабилизировать финансовые рынки в сложившихся условиях высокой взаимозависимости реального и финансового секторов, а также высокой взаимозависимости между секторами финансового рынка. Ухудшение качества активов и рост плохих кредитов будут значительной проблемой для банков, по оценкам Европейского банковского управления. Пандемия, по мнению регулятора, может серьезно осложнить деятельность банков, многие из которых не в состоянии этот кризис пройти успешно. Потери банков в Европе могут превысить 380 млрд евро [4]. Поэтому быстрое восстановление реального сектора экономик является критически важным во всем мире.

Регуляторы всех стран оказывают масштабную поддержку своим экономикам. Центральные банки только стран G-20 анонсировали меры более чем на 9 трлн долл., что составляет около 10% глобального ВВП. Наиболее масштабные меры предпринимает ФРС США. Ее программы кредитования и меры количественного смягчения составляют порядка 55% всех мер, заявленных регуляторами стран G-20 (рис. 3).

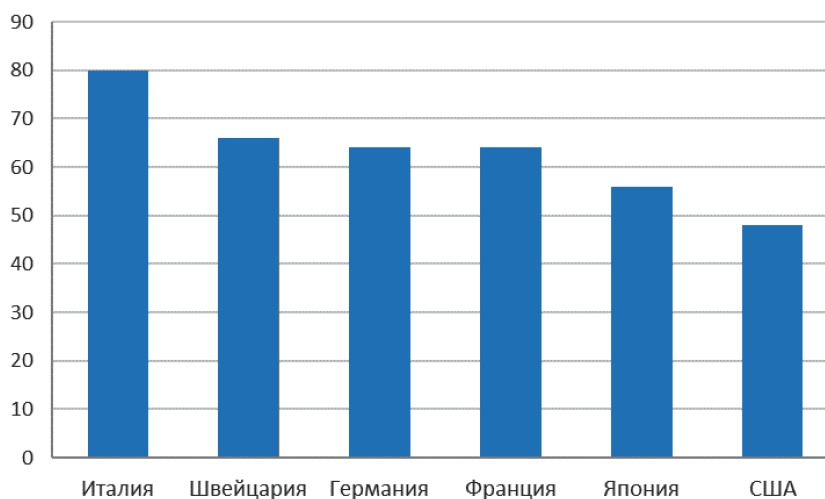
Риски, исходящие из реального сектора, определяют направление первоочередных мер поддержки в большинстве стран как со стороны государства, так и со стороны центральных банков в сторону реального сектора. В частности, наиболее пострадавшим является сектор малого и среднего бизнеса (МСБ), в котором занято довольно значительное число населения. Во многих странах в малом бизнесе (организации с численностью менее 250 человек) работают более 50% всех занятых (рис. 4).

Рис. 3.
Анонсированная поддержка центральными банками стран G-20, трлн долл.

Источник: оценки ДойчеБанка

Рис. 4.
Доля занятых в малом бизнесе (орг. с численностью до 250 чел.)*, %

* Данные по США включают организации с численностью занятых до 500 чел.

Источник: OECD.

При этом финансовые регуляторы находятся в довольно непростой ситуации, когда еще до начала кризиса процентные ставки были на низких уровнях и применялись различные механизмы стимулирования банков по кредитованию реального сектора. Центральные банки все чаще используют нестандартные и несвойственные их практике меры, зачастую даже ухудшая свои балансы и беря на себя риски реального сектора.

Начало кризисных процессов в феврале – марте привели к ужесточению условий на кредитных рынках, что ограничило возможности реального сектора по привлечению средств. В результате одним из ключевых механизмов сдерживания негативных процессов было предоставление масштабного объема ликвидности со стороны центральных банков. В дальнейшем принимаемые меры в значительной степени касались смягчения условий по кредитованию реальной экономики. В числе таких мер – отсрочка платежей по кредитам, реструктуризация кредитов, льготные кредиты (которые, например, для организаций могут быть списаны при сохранении численности занятых) и др.

Среди мер поддержки ряд центробанков объявили также о выкупе даже плохих активов частного сектора. Отметим, что Банк Японии применял такой механизм поддержки своей экономики еще с 2011 г. ФРС также планирует выкупать кредиты МСБ.

Объявлена программа по покупке таких кредитов посредством специальной компании, созданной ФРС и Казначейством США, на сумму 600 млрд долл. Эта сумма составит 95% кредитов, а 5% останется на балансах банков. И здесь регуляторы готовы к существенному ухудшению качества своих балансов для стабилизации ситуации.

Тем не менее меры поддержки реальной экономики в значительной степени фокусируются на поддержке посредством кредитования. Выход их кризиса, опирающийся во многом на дальнейший рост долговой нагрузки реального сектора, обеспечит лишь хрупкую устойчивость глобальной экономики. Сокращение доходов населения во всем мире в ближайший год будет способствовать сохранению низкого спроса, что окажет понижающее давление на производство. Нельзя исключать, что выход из кризиса будет непростым и небыстрым. Затяжной период низкого спроса в глобальном масштабе может привести к определенному изменению профиля производственного сектора, особенно в сегменте потребительских товаров. В условиях низких доходов более востребована будет продукция относительно более дешевого сегмента, что повлияет на производства. Это в целом снизит качество жизни значимой части населения.

В этой связи крайне важно осуществлять адекватные и своевременные меры поддержки российской экономики, которые необходимы для успешного выхода из кризиса. На начало июня 2020 г. анонсирован общенациональный план выхода из кризиса, который включает около 500 мероприятий. Полный объем помощи еще предстоит оценить. Между тем до указанного плана в России совокупные объемы поддержки экономики со стороны Банка России и правительства страны, анонсированные на конец мая 2020 г., составили 3–4% ВВП. Применяются довольно разнообразные механизмы поддержки бизнеса и населения с использованием инструментов денежно-кредитной, валютной, бюджетной, в т.ч. налоговой, социальной политики. Поддержка населения включает прямые целевые выплаты определенной категории лиц, а также отсрочки по кредитам, реструктуризацию кредитов и т.д. Среди мер поддержки бизнеса – перенос на более поздние сроки выплат по ряду налогов и сборов, снижение взносов в фонды, приостановка мер взыскания, реструктуризация кредитов, льготные кредиты, государственные гарантии, льготные кредиты с возможностью списания при сохранении числа занятых и т.д. В значительной мере эти послабления относятся к представителям МСБ, пострадавшим от режима изоляции из-за пандемии.

К пострадавшим относится не только МСБ. Снижение цен на российский сырьевой экспорт негативно повлияет и на крупный системообразующий бизнес в стране. Причем каналов негативного воздействия несколько. Опрос крупнейших российских компаний показал [5], что среди наибольших угроз для своего бизнеса они видят дальнейшее обесценение рубля (80% опрошенных) и снижение внутреннего спроса (78%). В краткосрочном периоде более 70% компаний ожидают сокращения доходов; 63% опрошенных собираются оптимизировать свои расходы.

Действительно, удешевление рубля способствует росту цен, сжатию спроса, удорожанию комплектующих, которые важны для российских компаний и, как следствие, для внутреннего спроса в целом, что существенно тормозит перспективы выхода из кризиса. Внутренний спрос является важнейшим драйвером экономического роста. Поэтому важно мерами регуляторов помочь реальному сектору выйти из кризиса, не существенно увеличив кредитную нагрузку сектора. Возможно, целесообразно создать банк плохих долгов, который бы начал более активно покупать плохие долги компаний.

Реальный сектор является важнейшим элементом экономической системы, а потому его поддержка во всех странах вызывает столь пристальное внимание. В этой связи указанный сектор является предметом комплексного многостороннего стимулирования, которое в нынешних условиях представляется необходимым. В России также необходимо использовать весь комплекс возможных мер, от дотаций, субсидий, льготных процентных ставок до расчистки балансов, оптимизации портфелей и т.д. Более того, необходимы меры, стимулирующие спрос на продукцию реального сектора. Причем речь, как представляется, должна идти и о доходах домашних хозяйств.

В условиях столь комплексной ситуации, при которой отмечается и стресс со стороны спроса, и стресс со стороны предложения, очевидно, требуются и столь же многоплановые меры решения проблемы, которые позволяли бы также многомерно и комплексно решать проблемы с учетом всех возникающих звеньев в этой ситуации. Указанная комплексность позволит одновременно смягчить шоки спроса и предложения. В противном случае может увеличиться разрыв между теми странами, которые применяют широкий комплекс мер, и теми, которые эти меры применяют ограниченно. Для России крайне важно не потерять те возможности, которые открываются текущим моментом, и использовать все имеющиеся рычаги для сохранения своих позиций в мире.

Библиографический список

1. *IMF. World Economic Outlook. April 2020.*
2. *IMF. Global Financial Stability Report. April 2020.*
3. *IIF. Global Debt Monitor. January 2020.*
4. *European Banking Authority. COVID-19 is placing unprecedented challenges on EU banks. 25.05.2020.*
5. *Опрос финансовых директоров ведущих российских компаний. Ключевые тенденции. Первое полугодие 2020. Исследовательский центр компании «Делойт» СНГ.*

References

1. *IMF. World Economic Outlook. April 2020.*
2. *IMF. Global Financial Stability Report. April 2020.*
3. *IIF. Global Debt Monitor. January 2020.*
4. *European Banking Authority. COVID-19 is placing unprecedented challenges on EU banks. 25.05.2020.*
5. *Survey of financial directors of leading Russian companies. Research Center of Deloitte CIS.*

Контактная информация / Contact information

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация, 125993 (ГСП-3), г. Москва, Ленинградский просп., 49.

Financial University under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky prospect, GSP-3, Moscow 125993, Russia

Ершов Михаил Владимирович / Mikhail V. Ershov
+7 (495) 787-74-51, lupandina@fief.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ВЫЗОВЫ, УРОКИ, ТРЕНДЫ, ВОЗМОЖНОСТИ

EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIA AFTER A PANDEMIC: CHALLENGES, LESSONS, TRENDS, OPPORTUNITIES

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-304-322

ЗЕРНОВ Владимир Алексеевич

Ректор Российского нового университета (РосНОУ), председатель совета Ассоциации частных образовательных организаций высшего образования и профессиональных образовательных организаций России (АНВУЗ России), член правления Российского союза ректоров, член попечительского совета Ассоциации иностранных студентов России, член совета Российского профессорского собрания, д.т.н., профессор

Vladimir A. ZERNOV

Rector of the New Russian University (RosNOU), Chairman of the Council of the Association of Private Educational Organizations of Higher Education and Professional Educational Organizations of Russia (ANUZ of Russia), Member of the Board of the Russian Union of Rectors, Member of the Board of Trustees of the Association of Foreign Students of Russia, Member of the Council of Russian Professor meetings, Doctor of Technical Sciences, Professor

МАНЮШИС Альгирдас Юозович

Ректор Московского международного университета, член Правления Вольного экономического общества России, заслуженный работник Высшей школы РФ, член Союза ректоров Москвы и Московской области, академик, член Президиума Международной академии менеджмента, д.э.н., профессор

Algirdas Yu. MANYUSHIS

Rector of the Moscow International University, Honored Fellow of the Higher School of Russian Federation, member of the Managing Board of the Free Economic Society of Russia, academician, member of the Presidium of the International Academy of Management, Member of the Moscow Rector's Council, Doctor of Economics Sciences, Professor

ВАЛЯВСКИЙ Андрей Юрьевич

Проректор по развитию Московского международного университета,
к.э.н.

Andrey Yu. VALYAVSKY

Vice-Rector for Development, Moscow International University,
Candidate of Economic Sciences

УЧЕВАТКИНА Надежда Владимировна

Заместитель директора Центра прикладных инновационных разработок
Московского международного университета, к.х.н., доцент

Nadezhda V. UCHEVATKINA

Deputy Director of the Center for Applied Innovation, Moscow International
University, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor

Аннотация

В статье рассматриваются последствия перехода на дистанционные образовательные технологии, необходимость которого вызвана пандемией COVID-19. Проанализированы преимущества и недостатки такого обучения, с которыми столкнулись школа и высшая школа как в России, так и в мире. Отмечается, что существуют объективные трудности, например, отсутствие технических средств как у обучающихся, так и у обучаемых, отсутствие навыков использования цифровых инструментов и др. Необходимо продолжить отработку новых образовательных технологий, апробацию адекватных форм и методов их реализации. В статье представлена позиция Ассоциации частных образовательных организаций России – АНВУЗ России, которая выступила с инициативой начать разработку комплекса мер по поддержке государством высшего образования как одной из приоритетных сфер общественного развития.

Abstract

The article discusses the consequences of the transition to distance educational technologies, the need for which is caused by the global pandemic of COVID-19. The advantages and disadvantages of such training, which faced the school and higher school both in Russia and in the world, are analyzed. It is noted that there are objective difficulties that it is difficult for teachers to overcome in this situation, for example, the lack of technical tools for both teachers and students, lack of skills in using digital tools, etc. What requires the search for new educational formats, means and methods of the pedagogical society. In addition, the authors presented the position of the Association of Private Educational Organizations of Russia – ANVUZ of Russia, which took the initiative to begin developing a set of measures to support the state of higher education as one of the priority areas of social development.

Ключевые слова

Трансформация образовательного пространства, дистанционное обучение, дистанционные образовательные технологии, онлайн-обучение, COVID-19.

Keywords

Transition of the educational space, distance education, distance education technologies, online education, COVID-19.

Пандемия COVID-19 – глобальный вызов мировому сообществу

Пандемия, вызванная распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, коренным образом меняет условия функционирования всех отраслей и сфер народного хозяйства. Начать хотя бы с того, что даже точно определить, когда наступит период «после пандемии» сегодня не представляется возможным. Эксперты спорят, какую конфигурацию будет иметь кривая распространения пандемии: U-, W-, L-образную или какую-то другую форму [1, 2], вырабатывается ли иммунитет у уже переболевших, возможны ли повторные заражения, когда придет «вторая волна» заражений, будет ли коронавирусная инфекция иметь сезонный характер, когда будет разработана вакцина против этого вируса и найдены ли эффективные средства и протоколы лечения уже заболевших и т.д. [3]. Общим местом стали заявления: «мир находится на пороге радикальных перемен», «мир уже не будет прежним», «после коронавируса все будет иначе» и др. Все «говорящие головы из телевизора» (особенно политологи) стали экспертами-вирусологами. Мы постоянно слышим «предсказания», спектр которых чрезвычайно широк: от «все пропало, шеф...» до «врешь, не возьмешь...».

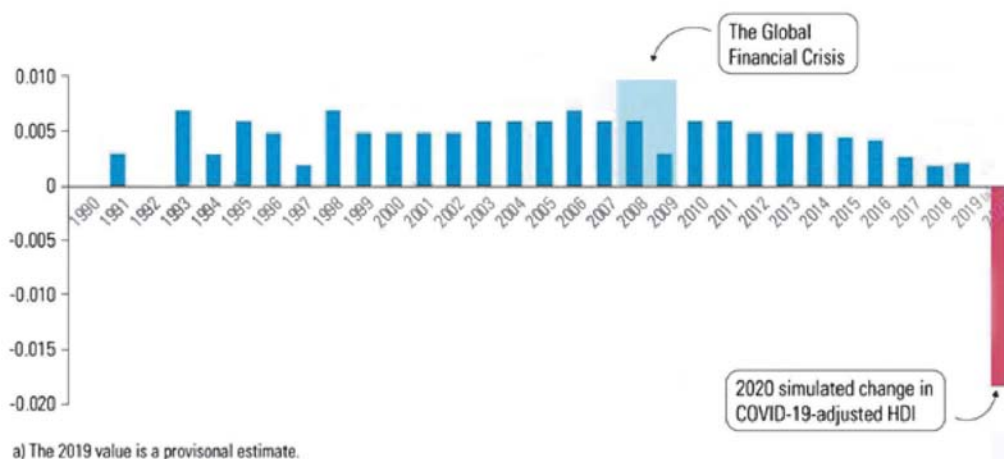
В любом случае ясно, что человечество столкнулось с серьезнейшим глобальным вызовом. Нужен профессиональный системный анализ новой ситуации со стороны экспертного сообщества для выработки адекватной стратегии, позволяющей снизить возможные риски и найти оптимальные пути дальнейшего развития. Важным шагом в этом отношении стал состоявшийся в мае 2020 г. Московский академический экономический форум (МАЭФ), организованный Российской академией наук и Вольным экономическим обществом России. На Форуме ведущие российские ученые и практики дали свои оценки сложившейся ситуации и предложили конкретные рекомендации по преодолению объективных трудностей [4].

Важнейшим негативным результатом коронавирусной инфекции стала мировая рецессия, обусловленная комплексом объективных факторов, вызвавших цепочку следствий: принятие большинством стран мер по противодействию распространению коронавирусной инфекции (карантин, самоизоляция и др.) – закрытие границ – спад производства, прекращение функционирования предприятий ряда отраслей экономики (транспорт, туризм, сфера обслуживания и др.) – разрыв технологических цепочек, сложившихся на основе международного разделения труда, прекращение кооперационных поставок продукции – снижение доходов людей и платежеспособного спроса – приостановка деятельности и закрытие (банкротство) предприятий малого и среднего бизнеса (особенно ориентированных на удовлетворение повседневного спроса) и т.д. Мировой экономический кризис усугубился обвальным падением цен на энергоносители, что особенно сильно ударило по экспортерам нефти, в том числе по России.

За последние 30 лет в мире произошел целый ряд экономических кризисов, включая Глобальный финансовый кризис 2007–2009 годов. Каждый из них сильно ударил по экономическому развитию, но в целом выгоды от связанного с этим развития превысили ущерб в мировом масштабе в годовом исчислении», – сказал администратор United Nations Development Programme (Программа развития ООН-ПРООН) Ахим Штайнер. «COVID-19 – с его тройным ударом по здравоохранению, образованию и доходам – может изменить эту тенденцию». Спад в основных областях человеческого развития ощущается в большинстве стран – богатых и бедных – в каждом регионе. Число погибших от COVID-19 в мире превысило 300 000 человек, в то время как глобальный доход на душу населения в этом году, как ожидается, сократится на четыре и более процента (рис. 1).

В связи с закрытием школ, по оценкам ПРООН, «эффективный коэффициент внешкольных занятий» (доля детей младшего школьного возраста, скорректированная с учетом детей, не имеющих доступа к Интернету) показывает, что 60 процентов детей не получают образование, что приводит к показателю глобального уровня, достигнутого в 1980-х годах [5].

Рис. 1. Динамика изменения индекса человеческого развития в мире по годам [5]

Выступивший на пленарном заседании МАЭФ академик А.Г.Аганбегян дал анализ перспектив развития России в предстоящий период. По его мнению, в 2020 году Россию ждет глубокий структурный кризис. ВВП снизится на 8%, реальные доходы населения на 8–10%, бюджет сократится в полтора раза, финансовые результаты предприятий и организаций – в два раза, число бедных увеличится с 18 до по крайней мере 30 миллионов. Тем не менее, ученый уверен, что в рамках кризиса есть и предпосылки для перехода России к социально-экономическому росту. В первую очередь следует серьезно относиться к восстановлению доходов, не допустить роста безработицы и бедности. На эти цели академик предлагает направлять по 10–15 трлн руб. в год, основная часть из которых может быть потрачена в виде беспроцентных или низкопроцентных кредитов с государственным возмещением банку кредитной ставки [6].

Пандемия коронавирусной инфекции стала глобальным вызовом, потребовавшим выработки адекватных стратегий, системы мер по снижению возникающих рисков. Сфера образования оказалась одной из немногих важнейших областей человеческой деятельности, способной продолжать эффективное функционирование в особых (чрезвычайных) условиях. Для этого образовательные организации должны были перейти на новую – удаленную – организацию своей деятельности, включающую:

- обеспечение качественного образовательного процесса на основе дистанционных образовательных технологий;
- обеспечение удаленного функционирования самой образовательной организации как объекта управления.

Новая ситуация существенно меняет правовой, экономический и организационно-управленческий режим их функционирования, создает дополнительные вызовы, в том числе финансового характера. Для выполнения своей миссии – подготовки высококвалифицированных специалистов международного уровня на основе реализации образовательных программ, соответствующих лучшим мировым стандартам, – образовательные организации в новых чрезвычайных условиях сталки-

ваются с серьезными трудностями. С одной стороны, необходимы существенные вложения в новые дистанционные образовательные технологии, обеспечивающие перевод учебного процесса в формат опосредованного (удаленного) взаимодействия педагогов и студентов, организацию удаленного функционирования образовательных организаций как объектов управления, формирование принципиально нового контента, переподготовка преподавательских и административно-управленческих кадров и многое другое. С другой – объективно сужается финансовая база (доходы) образовательных организаций: падает платежеспособный спрос населения, что для образовательной организации выражается в возникновении существенных рисков: значительном росте обращений обучающихся и их родителей с ходатайством об отсрочке (или снижении) платы за обучение; под вопросом оказывается обеспечение контрольных цифр нового набора студентов; вполне вероятно необходимость пересмотра ценовой политики вузов в сторону снижения; весьма вероятно снижение притока иностранных обучающихся и др.

Проблемы, стоящие перед отечественным образованием в связи с пандемией, и конкретные направления их решения были обсуждены на проведенном Президентом РФ В.В. Путиным 21 мая 2020 г. в режиме видеоконференции совещании. Оценивая сложившуюся ситуацию, В.В. Путин отметил, что «российская система образования и наши школьники, студенты, их наставники выдержали эти испытания, и выдержали достойно» [7].

Выступившие на совещании министры просвещения, науки и образования, ректоры ведущих университетов, директора школ, руководители регионов высказали важные предложения по развитию отечественного образования. Намечено существенно увеличить количество бюджетных мест в вузы уже в 2020/2021 учебном году, ввести льготную (под 3% годовых) систему кредитования платного обучения студентов, лучше отразить сложившуюся ситуацию в национальных проектах и региональных программах, расширить возможность бесплатного использования интернет-ресурсов и лучших дистанционных образовательных программ, скорректировать процедуру выпуска школьников, проведения ЕГЭ, приемную кампанию в вузы и др. В.В. Путин предложил «...ежегодно начиная с 2021 года увеличивать количество бюджетных мест в вузах по приоритетным направлениям развития экономики, социальной сферы. И отдавать эти места преимущественно в вузы регионов. Считаю, – сказал президент, – что мы должны пойти на такой шаг уже в текущем году и выделить дополнительные бюджетные места, чтобы не менее 60 процентов выпускников школ смогли претендовать на бесплатное обучение в высших учебных заведениях» [7].

Новые вызовы существенно осложняют функционирование всех образовательных организаций. Но особенно сильно они бьют по негосударственным вузам, имеющим значительно меньшие возможности по гарантированному привлечению ресурсов развития. В этих условиях обязательные затраты, необходимые для осуществления качественного учебного процесса, содержание и обслуживание имущественного комплекса, выполнение обязательств перед преподавателями и сотрудниками, а также обязательств по уплате налогов и сборов в федеральный и региональный бюджеты, арендные и коммунальные платежи зачастую превышают внутренние (собственные) возможности образовательных организаций.

Негосударственные вузы готовы со своей стороны сделать все возможное для обеспечения качественного выполнения миссии образовательной организации. Однако их собственные возможности ограничены.

Ассоциация частных образовательных организаций России – АНВУЗ России – выступила с инициативой начать разработку комплекса мер по поддержке государством высшего образования как одной из приоритетных сфер общественного развития, в том числе:

- предусмотреть в национальных проектах, федеральных и региональных программах целевое финансирование поддержки образовательных организаций, особенно в период действия особого режима. Большинство этих вопросов относится к национальным проектам «Образование» и «Наука»;
- предусмотреть выделение большего количества бюджетных мест (КЦП), выделить дополнительные бюджетные места уже на 2020/2021 учебный год, в том числе для негосударственных вузов;
- освободить от налогообложения благотворительные взносы на развитие образовательных организаций;
- ввести освобождение от арендных платежей (или существенное их снижение) образовательных организаций, арендующих площади, находящиеся в федеральной, региональной и муниципальной собственности на период действия особого режима и на фиксированный период после его завершения;
- снизить размеры страховых взносов, начисляемых на фонд оплаты труда, (например, с 30 до 15% по аналогии с предприятиями малого и среднего бизнеса) на период действия особого режима;
- ввести освобождение от оплаты коммунальных услуг для образовательных организаций на период действия особого режима;
- ввести временное освобождение от платежей в части уплаты федеральных, региональных и местных налогов и сборов на период действия особого режима;
- распространить на вузы право воспользоваться льготным кредитом (под 2% годовых) на финансирование затрат на заработную плату работников с последующим погашением задолженности по кредиту государством при условии сохранения стабильного трудового коллектива (неувольнения работников).

Переход на дистанционные образовательные технологии: проблемы и решения

Чрезвычайные меры по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции COVID-19 привели к необходимости всем образовательным организациям перейти к повсеместному, а главное, реальному применению дистанционных образовательных технологий. Был издан ряд указов Президента РФ, мэра Москвы, приказов Министерства науки и высшего образования РФ. Минобрнауки РФ рекомендовало вузам перейти на дистанционное обучение. В связи с этим все очные занятия, включая лекционные, практические и даже лабораторные (при наличии виртуальных аналогов), были перенесены в виртуальную среду [8–11].

Большинство правительств во всем мире также временно закрыли учебные заведения, пытаясь сдержать распространение пандемии COVID-19. Эти общенациональные закрытия затрагивают почти 70% обучающихся. Большинство стран ввели временное закрытие границ, что затрагивает интересы миллионов зарубежных обучающихся (рис. 2) [12].

По данным Минобрнауки РФ, около 80% российских университетов полностью перешли на дистанционный формат работы со студентами, а из подведомственных Министерству вузов – все 100% (по материалам Брифинга министра науки и выс-

шего образования Валерия Фалькова от 25.03.2020) [13]. Здесь следует заметить, что на самом деле важен не процент формально перешедших на дистант вузов, а качество предоставляемых ими образовательных услуг. А оно, к сожалению, пока у разных университетов очень различается.

Рис. 2.
Сведения
о закрытии
образователь-
ных организа-
ций в мире
в связи
с COVID-19
(по данным
UNESCO на
23.05.2020)
[12].

И хотя в большинстве российских университетов уже давно использовалась электронная информационно-образовательная среда (ЭИОС) и дистанционные образовательные технологии, обязательный полный переход на удаленный режим работы для всех участников образовательного процесса оказался серьезным стрессом и был сопряжен с большими сложностями как для администрации учебного заведения, так и для преподавателей и обучающихся.

Как отмечает ректор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова В.И. Гришин, «...если у вас нет проблем, значит, у вас нет дистанта. Решение проблем происходило поэтапно, да и сами проблемы были разноплановыми». Приведенная В.И. Гришиным структуризация проблем перехода на дистант в значительной мере характерна для всех вузов [14].

Первый блок проблем – инструментальный. Преподаватели провели ревизию имеющихся у них технических средств, и первые две недели были посвящены овладению новым инструментарием.

Второй блок проблем – методический. Преподаватели столкнулись с тем, что необходимо методически переформатировать учебные материалы, загрузить их в новый дистанционный формат.

И третий блок проблем, возможно, самый сложный – психологический. Профессуре пришлось перейти определенный психологический барьер при переходе на дистант. Профессия преподавателя сродни актерской. Профессор без студенческой аудитории чувствует себя, как артист перед пустым зрительным залом. Частично эту нехватку живого общения компенсируют занятия в формате вебинаров.

Многие преподаватели уже имели большой опыт проведения дистанционных занятий, поэтому основное внимание было уделено выбору удобной платформы. Сейчас практически все виды аудиторной работы – дискуссии, мозговой штурм,

проектные сессии, групповые презентации, деловые игры – преподаватели проводят в виртуальном пространстве.

Что касается студентов, то, с одной стороны, они относятся к поколению Z, молодые прогрессивные пользователи интернета и различных гаджетов. Технические аспекты не вызвали у ребят никаких затруднений, им даже было интересно апробировать новые форматы проведения занятий. С другой стороны, студенты признаются, что им пришлось выполнять большой объем заданий и больше прикладывать самостоятельных усилий к освоению учебных курсов.

Важными требованиями к системе стали ее надежность, пропускная способность интернет-каналов, наличие учебно-методических материалов и специального контента, ориентированного именно на дистанционное образование, простота создания и размещения такого контента, доступность сервисов и платформ для преподавателей и обучающихся.

Следуя методическим рекомендациям Министерства науки и высшего образования РФ [15], вузы разработали приемлемые для их уровня развития IT-инфраструктуры с учетом доступных собственных и внешних ресурсов, сценарии реализации дистанционного обучения и требования к форматам учебного процесса. В результате у каждого вуза возник свой набор инструментов и сценариев для организации обучения в онлайн-среде.

Наибольшую популярность среди вузов получили LMS-платформы для размещения контента и проверки знаний студентов, вебинарные сервисы для онлайн-лекций и консультаций, социальные сети и мессенджеры для обеспечения коммуникаций обучающихся с преподавателями и рассылок по электронной почте для доставки контента.

Многие вузы смогли воспользоваться бесплатными онлайн-курсами от ведущих российских и зарубежных университетов, размещенных на национальной (НПОО) и международных (Coursera, edX и др.) платформах.

Наиболее популярными, условно-бесплатными зарубежными сервисами, примененными вузами для проведения онлайн занятий, были: Zoom, Skype, Microsoft Teams. Из российских платформ: ВКонтакте, webinar.ru, Вебинар FM.

Для общей характеристики особенностей позиционирования образовательной организации в новых условиях можно рассмотреть результаты обобщенного SWOT-анализа деятельности типичного сильного негосударственного вуза, например, Российского нового университета (РосНОУ) и Московского международного университета (ММУ) при переходе на дистанционные образовательные технологии.

Сильные стороны:

- Наличие опыта реализации образовательного процесса в электронной информационно-образовательной среде (ЭИОС) на основе дистанционных образовательных технологий. ММУ уже на протяжении ряда лет ведет более 30 основных профессиональных образовательных программ высшего образования (ОПОП ВО) по восьми направлениям подготовки: Экономика, Менеджмент, Государственное и муниципальное управление, Реклама и связи с общественностью, Юриспруденция, Лингвистика, Журналистика, Психология. В ММУ дистанционно учатся более 8 тысяч студентов из всех субъектов Российской Федерации.
- Наличие специального подразделения (в ММУ это более 30 высококвалифицированных специалистов), отвечающего за качественное обеспечение образовательного процесса в ЭИОС на основе дистанционных образовательных технологий.

- Наличие современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, собственной платформы (включающей программное обеспечение и аппаратно-технический комплекс) для реализации образовательных программ в удаленном формате.
- Наличие высококвалифицированного преподавательского состава, способного работать в ЭИОС на основе современных дистанционных образовательных технологий.
- Нарботка собственного контента и технологий (в том числе процедур, протоколов, правил) реализации образовательного процесса в удаленном формате.
- Регулярное повышение квалификации ППС в области дистанционных образовательных технологий.
- Постоянный мониторинг качества реализации образовательного процесса, изучение степени удовлетворенности обучающихся, обратная связь со студентами.

Слабые стороны:

- Риски снижения доходной базы Университета (снижение платежеспособности потенциальных абитуриентов/студентов, вынужденное снижение цен за образовательные программы, снижение набора и др.).
- Недостаток собственных ресурсов для постоянного развития учебно-методической базы и материально-технической инфраструктуры дистанционного образования.
- Недостаточная подготовленность некоторых «традиционных» преподавателей при необходимости одновременно перейти на дистанционные образовательные технологии.
- Недостаточная техническая оснащенность некоторых преподавателей для ведения качественного образовательного процесса в удаленном формате.
- Недостаточная техническая оснащенность некоторых студентов для качественного обучения в удаленном формате.
- Психологические проблемы (у преподавателей и студентов) при переходе на удаленное обучение.

Возможности:

- Принятие базовых решений со стороны регулятора (Правительство РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Рособрнадзор) в области применения дистанционных образовательных технологий.
- Меры по поддержке вузов (в том числе негосударственных) со стороны государства (в разработке).
- Наличие определенного доступного (в том числе бесплатного) отечественного и зарубежного положительного опыта по разработке и применению современных дистанционных образовательных технологий (платформы, контент образовательных программ, методические указания и др.).
- Повышение готовности потенциальных студентов к обучению в удаленном формате.
- Повышение доступности и привлекательности дистанционных образовательных программ за счет снижения стоимости обучения.

Угрозы:

- Снижение качества образования, уровня подготовки и квалификаций специалистов.
- Недостаточная проработанность нормативной юридической базы регулирования дистанционного образования.
- Недостаточная помощь со стороны государства вузам (особенно негосударственным) в условиях пандемии: включение в государственные программы поддержки, предоставление льгот по налоговым платежам, аренде и др.

- «Вымывание» из образовательного пространства небольших (особенно негосударственных) вузов, неспособных выдерживать конкуренцию с крупными государственными университетами.
- Принудительное замещение собственных образовательных программ (и, соответственно ППС) дистанционными программами крупных центральных университетов, что приведет к снижению качества образовательного пространства в регионах (вплоть до полной его потери).

Рассмотрим некоторые стороны цифровой трансформации образовательного процесса на основе перехода к обучению в электронной информационно-образовательной среде и дистанционным образовательным технологиям подробнее.

Условия для дистанционного обучения

Для оценки происходящего в настоящее время вынужденного перехода на дистанционное обучение необходимо ответить на следующие вопросы:

- Какие факторы (социальные, институциональные, административные) определили готовность вузов к переходу на дистанционные технологии обучения?
- Достаточны ли внутренние и внешние ресурсы для осуществления такого перехода? В частности, достаточен ли уровень развития IT-инфраструктуры для технической поддержки изменений? Обладают ли сотрудники и преподаватели необходимыми компетенциями для осуществления поставленных задач?
- Какие этапы процесса перехода вызвали наибольшие затруднения у участников? Какие организационные механизмы давали сбои?
- Каковы результаты перехода на дистанционное обучение для студентов, преподавателей, руководителей вузов, административно-управленческого и вспомогательного персонала? В чем причина недостижения целей или негативной обратной связи от участников? Какие проблемы необходимо решить для улучшения результатов?

Одним из условий эффективного осуществления образовательного процесса в удаленном режиме является наличие у преподавателя и студента компьютера (или аналогичного гаджета) соответствующего уровня, доступ к интернету, уровень технологической оснащенности учебного заведения (информационная инфраструктура), наличие эффективных онлайн-платформ для обучения и простой доступ к ним, а также подготовка преподавателей и студентов к дистанционному обучению.

На данный момент имеются выраженные сложности, препятствующие эффективному обучению в ситуации пандемии [16]. Часть из них обусловлена проблемами с надежным подключением к интернету и доступом к цифровым устройствам. Другая – со сложностями в адаптации к особенностям коммуникаций в цифровой среде. В частности, результаты исследования PISA 2018 года [17], в котором приняли участие 79 систем образования стран и отдельных регионов, в том числе 36 стран ОЭСР, охватившего более 600 000 учащихся 15-летнего возраста, показывают довольно неутешительные данные по усвоению ими пройденного материала. Это сопряжено прежде всего с рядом таких негативных факторов для обучающихся, как отсутствие: комфортного места для учебы, доступа к компьютеру для осуществления учебной деятельности, доступа к интернету из дома, удобной онлайн-платформы для дистанционного обучения и т.п.

Другая проблема заключается в том, что педагоги вынуждены преподавать в системе, которая к этому не подготовлена. На данный момент мало преподавателей понимает, какие из множества решений являются наиболее эффективными

и как можно их наилучшим образом реализовать. В результате используются не самые удачные практики онлайн-обучения и дистанционное обучение имеет скорее «экстренный» характер. В данном случае дополнительным барьером выступает тот факт, что на сегодня не вполне ясно, какие технологии и форматы наилучшим образом подойдут конкретной возрастной группе учащихся. Отдельной трудностью является ограниченность кооперативных и совместных форм обучения, что особенно актуально для практических областей, таких как музыка, театр, танцы и т.д.

Трудности, связанные с дистанционным обучением, возникают и у самих обучающихся, в особенности у тех, кто не обладает достаточным уровнем внутренней мотивации и нуждается в постоянном внешнем контроле, который в настоящее время ослаблен. Впоследствии это может привести к существенному отставанию от учебной программы уязвимых групп учащихся. В связи с кризисной ситуацией многие школьники и студенты испытывают также эмоциональные трудности, для преодоления которых также необходимы определенные усилия и ресурсы.

Важной проблемой, отмечаемой Организацией Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) [18], являются последствия интенсивного онлайн-обучения для здоровья учащихся, которые теперь больше времени проводят перед экранами мониторов, в связи с чем рекомендуется совмещать цифровую деятельность с деятельностью без гаджетов. Онлайн-лекции могут быть сокращены и объединены с нецифровой образовательной деятельностью.

В самой сложной ситуации оказались предметы, основанные на лабораторной базе, которую достаточно сложно оцифровать. Симуляторов лабораторий в открытом доступе не существует, а те, что есть, зачастую не соответствуют уровню сложности образовательных программ и моделируемых реальных процессов.

Положительные стороны онлайн-образования

Естественной реакцией на кризисную ситуацию может стать попытка воспроизвести знакомые системы, например, начать видеотрансляцию традиционных лекций (типа «говорящая голова»). Однако это было бы существенным упрощением и даже профанацией. Цифровые технологии дают возможность организовать обучение по-новому, помочь переосмыслить основные принципы организации современного образования. В данной ситуации пандемический вызов может стимулировать поиск новых творческих решений.

Одним из магистральных путей трансформации современного образования является предоставление обучающемуся возможности самостоятельно формировать гибкие образовательные траектории, обеспечение академической мобильности, позволяющей изучать дисциплины, относящиеся к различным отраслям знаний/специальностей и преподаваемые в различных учебных заведениях. Дистанционные образовательные технологии открывают в этом отношении широкие возможности.

В дистанционном формате появляются новые возможности для сотрудничества, творческих решений, готовности учиться у других и пробовать новые инструменты для обучающихся, которые обретают большую самостоятельность и возможность взять на себя ответственность за свое обучение. Они могут пробовать новые форматы обучения, проходить дополнительные онлайн-курсы, соответствующие их интересам, а также образовывать группы по интересам, делиться своими идеями и достижениями с другими студентами и преподавателями.

Онлайн-образование открывает доступ к высококачественному контенту лучших университетов студентам из самых отдаленных регионов, что очень важно для России с ее огромной территорией и наличием существенных различий в доступности традиционных образовательных услуг.

Дистанционное обучение предоставляет преподавателям возможность разрабатывать творческие проекты, помогающие преодолеть ограничения раздельного местонахождения (например, совместное обучение на основе деловых игр).

Помощь в развитии цифровых образовательных технологий оказывают и высокотехнологичные корпорации, многие из которых предлагают свои инструменты и решения бесплатно. Все эти действия, безусловно, отражают положительные тенденции в обществе.

Перспективы онлайн-образования. Отечественный и зарубежный опыт

Любой кризис больше всего ударяет по болевым точкам и уязвимым группам. Одна из них – недофинансированные системы высшего образования. По оценке академика А.Г. Аганбегяна [19] государственная поддержка образования должна быть увеличена с нынешних 2% до как минимум 5% ВВП. При существующем порядке без всеобщего охвата цифровыми технологиями останутся вузы, не сумевшие сформировать «подушку безопасности», многие «традиционные» преподаватели, малообеспеченные студенты, частично иностранные студенты. В России, как и во всем мире, также готовятся и уже осуществляются меры по поддержке отечественного образования (о предложениях АНВУЗа в этом отношении говорилось в начале статьи).

Анализ зарубежного опыта перехода на дистант в условиях пандемии позволяет выявить ряд проблем, с которыми сталкивается и российское образование. Часть малообеспеченных студентов откажутся от высшего образования в пользу более насущных потребностей. В первую очередь это касается стран с высокой платой за обучение (США, Великобритания, Австралия и пр.). Активный переход на онлайн-образование может отбросить эти страны на несколько лет назад в вопросах равенства между студентами из разных социально-экономических групп.

В ряде стран разворачиваются дискуссии о том, должны ли университеты поддерживать своих студентов, и если да, то как. Африканские университеты дарят или предоставляют на время своим студентам компьютеры и предлагают оплатить им доступ в интернет. Университет Чикаго, элитный исследовательский вуз США, пообещал, что стоимость обучения и других университетских услуг за 2020/21 учебный год не вырастет. 52 тайских университета и ряд вузов в Объединенных Арабских Эмиратах уменьшили плату за обучение. И этот процесс продолжится. Университеты будут предлагать стипендии, фиксировать или снижать плату за обучение для того, чтобы удержать лучших студентов. Это хорошо с точки зрения меритократии и социальной справедливости, но ставит вопрос о дополнительном финансировании университетов со стороны государства [20].

Среди университетов кризис в первую очередь затронет частные вузы, университеты, зависимые от платы за обучение и в значительной степени от денег, поступающих от иностранных студентов. Так, бюджет австралийских вузов на пятую часть состоит из платы за обучение иностранных студентов.

Правительства Австралии, Великобритании и США уже выделили существенные суммы для поддержки своих университетов. В некоторых странах (например США)

создаются экстренные фонды для поддержки иностранных студентов. Сами университеты поддерживают своих студентов, выплачивая материальную помощь, доставляя документы по миграционному сопровождению в общежития и устраивая регулярные онлайн-встречи по поддержке [20].

Передовые мировые университеты сейчас уделяют особое внимание психологической поддержке своих студентов и сотрудников, настраивая системы сервисов по ментальному здоровью под онлайн-формат и повышенный уровень тревоги, страха и одиночества. Здесь наиболее уязвимы университеты, в которых такие сервисы отсутствуют, включая китайские и российские. И там и там есть точечные инициативы в отдельных вузах, обычно идущие от самих студентов и не закрывающие все риски и трудности. Университеты зачастую просто не знают о том, кто нуждается в помощи.

Изменения должны произойти в деятельности сотрудников и преподавателей университетов. Чтобы быть конкурентоспособными, им придется осваивать технологии владения информационными ресурсами, инструментами, взаимодействия со студентами в онлайн-формате. Тот, кто сможет это лучше сделать, тот и будет конкурентоспособным в новой академической среде. Но при этом не следует преувеличивать значимость инструментов, в том числе цифровых технологий. Важнейшим фактором эффективности образовательного процесса остается профессионализм самого преподавателя как носителя современных знаний и навыков, которые он передает студентам.

Многим, даже хорошим «традиционным» преподавателям не хватает навыков работы в цифровой среде. Зачастую у них не было достаточно времени и мотивации на освоение новых инструментов, перестройку образовательного процесса, поддержки со стороны технических служб университета, которые играют важную роль при внедрении новых технологий. Обучение преподавателей в столь сжатые сроки, как правило, свелось к инструктивным внутренним совещаниям, коротким вебинарам от экспертного сообщества, рекомендациям и инструкциям по работе с различными сервисами и платформами, размещенными на сайтах организаций. Вопросы педагогического дизайна и проработки проектов курсов даже не ставились в повестке перехода на дистанционное обучение. Это было оправданно вследствие форс-мажорных обстоятельств, которые заставили вузы мобилизовать все имеющиеся ресурсы и совершить рывок в массовом экстренном внедрении дистанционных образовательных технологий, но не может считаться удовлетворительным в планомерном использовании инструментов онлайн-обучения, требующем гораздо более длительного времени.

Электронный контент, созданный для решения вызванных пандемией кризисных сиюминутных проблем, следует отличать от полноценных онлайн-курсов, предполагающих создание гибкой интерактивной «студентоцентричной» онлайн-среды для контролируемого освоения знаний и навыков обучающимися. И, как следствие, – нет оснований судить об эффективности онлайн-обучения в целом только по тем результатам, которые будут получены в этом «глобальном эксперименте» экстренного перехода на дистанционное обучение.

Мнения экспертов по дальнейшему распространению онлайн-обучения существенно различаются. Директор по связям с общественностью ВШЭ Андрей Лавров предполагает, что после карантина «устаревшие форматы – такие как традиционные лекции – не вернуться назад», а некоторые курсы полностью останутся

в онлайн [21]. Именно в ВШЭ в 2019 году разработали модель, позволяющую прогнозировать активность студентов онлайн-курсов. Модель позволяет отслеживать активность студента внутри курса – например, просмотрит ли он видеолекцию и прочтет ли необходимый материал. Исследование с использованием модели выявило, что 65% студентов имеют нулевую активность уже на второй неделе обучения, и только у 5% студентов активность в ходе обучения повышается [22].

Переход на онлайн-обучение значительной части вузов предлагал еще в конце 2018 года и ректор ВШЭ Ярослав Кузьминов [23]. Тогда обсуждалось разделение вузов на базовый, продвинутый и ведущий уровни, при которых базовый вуз замещает значительную часть предметов онлайн-курсами, разрабатываемыми ведущими университетами. Такая модель сейчас внедрена в некоторых вузах отчасти вынужденно, из-за карантина. Ее положительные стороны и недостатки должны быть еще оценены профессиональным сообществом. Высшая школа экономики в этом году начала обучение по полностью онлайн-овой магистерской программе на платформе Coursera.

Многие вузы переходят к смешанному формату очного образования, который включает в себя использование массовых открытых онлайн-курсов, обратную связь с преподавателем через различные удаленные платформы и сервисы.

При переходе в онлайн, естественно, возникают новые роли у сотрудников университетов, связанных с менеджментом и сопровождением образовательного процесса. Онлайн – это не анархия. Когда хочешь – тогда и смотришь лекции. Она требует поддержания электронного расписания, распределение образовательной деятельности, заданий. Большая часть из этого будет переведена в электронный формат. Будет внедряться электронная цифровая подпись преподавателей, ответственных администраторов и менеджеров образовательного процесса. И это тоже принципиально изменит учебный процесс.

Сейчас одна из главных задач – развитие технологий оценивания. Нужно проводить идентификацию того, кто сдает экзамен или выполняет задание. И вообще, отслеживать процесс проведения экзамена, если он проходит в дистанционном формате. Для этого нужно построить систему распознавания лиц. Отработать систему отслеживания самостоятельной работы студента. Эти технологии в последнее время развивались в связи с появлением различных форматов онлайн-образования. Но сейчас их настройка становится задачей национального масштаба.

По мнению экспертов, через некоторое время возникнут центры передачи и оценки знаний, где студент может в виртуальном формате получить доступ к выбранному им самим курсу, пройти тот или иной экзамен в виде диалога с преподавателем или в формате выполнения различных заданий [24]. Правильно подобранные материалы курса, исходя из целей и задач обучения и характеристик учебного процесса в онлайн-среде, обеспечат обучающимся образовательный результат, а преподавателю – положительную обратную связь. Такой подход подразумевает, что онлайн-обучение – это прежде всего когнитивный и социальный процесс, а не просто процесс передачи информации посредством интернета.

Означает ли состоявшийся в значительной мере вынужденный переход на дистанционные образовательные технологии закат классического образования? По нашему глубокому убеждению, это далеко не так. Как и в любом сложном деле, требующем системного подхода и учета целого комплекса взаимосвязанных факторов, такого рода крайности вредны и даже опасны.

Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова приводит такие данные: «Интересно настроение в сфере профессорско-преподавательского состава и как они оценивают происходящее. 96 процентов преподавателей лично перешли на дистанционный формат образования за это время. 91 процент преподавателей считают, что были приняты достаточные меры, которые были приняты в наших университетах. 87 процентов преподавателей считают, что занятия по их курсам все-таки лучше проводить в очном формате, и 67 процентов преподавателей не соглашаются с тем, чтобы в будущем семестре лекции, семинары были в основном в онлайн-формате. Это подтверждает ту мысль, что личное общение, особенно при преподавании фундаментальных дисциплин, дисциплин, связанных с практикумами, с экспериментами, безусловно, потребует формы общения и прежней формы» [7].

«Цифра», телекоммуникации, – подчеркнул В.В. Путин, – открывают колоссальные возможности, вы это всё хорошо знаете. Но, конечно же, они не заменят живого общения учителя и ученика, творческой, командной, товарищеской среды школ, вуза, колледжа. Все слухи и вбросы о том, что дистанционное образование полностью заменит и вытеснит очное, что будут закрыты традиционные школы и университеты, рассматриваю как откровенную провокацию. Тем более что система образования не только учит, но и воспитывает, во многом формирует личность, передает ценности и традиции, на которых основано наше общество» [7].

Никакие удаленные технологии не заменят исключительной роли «университетской среды», именно очное погружение в которую дает не только романтические воспоминания о лучших студенческих годах, но и формирует ядро будущих профессиональных сообществ: выпускники МГУ или Гарварда, НИУ ВШЭ или Массачусетского технологического, РосНОУ или ММУ всегда узнают и поймут друг друга. Личные контакты с профессором, экспертом, научным руководителем ничем полноценно не заменить. А навыки человеческого общения в академической среде в значительной мере определяют культурный уровень человека и человечества в будущем.

Поэтому, на наш взгляд, речь должна идти не о подавлении или замене одной образовательной технологии на другую, а о разумном их сочетании, добиваясь усиления преимуществ и ослабления недостатков каждой из них в отдельности.

Университеты в постпандемическом мире

Пандемия коронавируса COVID-19 еще раз продемонстрировала возрастание роли университетов как творческих интеллектуальных центров, драйверов развития, как на уровне стран и регионов, так и глобального мирового сообщества в целом.

Многие вузы выделяют финансовые и человеческие ресурсы на исследования COVID-19. Это открывает широкий простор для фундаментальных и прикладных естественно-научных и социально-экономических исследований этой важнейшей проблемы. Так Российским новым университетом (РосНОУ) разработана и апробирована инновационная технология лечения коронавирусной инфекции с использованием сверхвысокочастотного модулированного электромагнитного излучения. Создан уникальный аппаратно-технологический комплекс, испытания которого в «полевых» условиях лечения тяжелобольных дало очень обнадеживающие результаты.

Университеты исследуют не только вирус сам по себе, но и последствия пандемии для социального и экономического поведения и политических систем в целом. Министр науки и образования РФ В.Н. Фальков предложил «в текущем году запу-

стить новый долгосрочный проект поддержки российских университетов... Главной целью этого проекта должно стать существенное увеличение вклада университетов в достижение национальных целей развития страны» [7].

Это, безусловно, движение в правильном направлении. Более того, учитывая общемировой тренд возрастания роли творческого интеллектуального труда в современном постиндустриальном обществе, соответственно, возрастает и роль университетов как «кузницы» творческих кадров, отвечающих требованиям мирового сообщества XXI века. От самого общества поступает запрос, а от студентов, преподавателей и экспертного сообщества как главных «актеров» университетского движения – предложение на еще большую роль университетов. На наш взгляд, после пандемии увеличится политический вес университетов как экспертных центров и, может быть, возникнет тенденция формирования нового института гражданского общества – института научных советников. В целом со взрывным ростом доверия к экспертному мнению близится эра нового уровня влияния и ответственности университетов – профессиональной и этической ответственности перед студентами, преподавателями и обществом в целом.

Пандемия дала серьезный толчок к переосмыслению важнейших сторон жизни мирового сообщества. Мощную потребность в переменах испытывает мировое и российское образовательное пространство. Нужна новая стратегия развития российского образования. Для того, чтобы российское образование соответствовало новым вызовам, необходимо, не увлекаясь отдельными (хотя и важными) технологическими инновациями (например, дистанционными образовательными технологиями), провести его системную трансформацию в направлении создания современной конкурентной образовательной среды, где найдут свое место образовательные организации различных масштабов, направленностей и правового статуса, в том числе государственные и негосударственные университеты [25]. Большая работа в этом направлении проведена АНВУЗом России при подготовке предложений по так называемой «регуляторной гильотине».

Библиографический список

1. Джон Харди: «Кривая восстановления будет находиться где-то между U-образной и L-образной кривой». Режим доступа: URL: <https://www.finversia.ru/interview/dzhon-khardi-krivaya-vostanovleniya-budet-nakhoditsya-gde-to-mezhdu-u-obraznoi-i-l-obraznoi-krivoi-73791>
2. Пандемия COVID-19 глазами математика, или почему классическая модель SEIRD не работает. Режим доступа: URL: <https://habr.com/ru/post/500348/>
3. «Если мы не справимся к осени – будет вторая волна»: в России стартовало исследование по изучению иммунитета к коронавирусу. Режим доступа: URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fargumenti.ru%2Fsociety%2F2020%2F05%2F664570>
4. Московский академический экономический форум. 14 мая – 31 мая 2020 года. «Постпандемический мир и Россия: новая реальность?». Режим доступа: URL: <https://maef.veorus.ru/>
5. COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery. Режим доступа: URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/COVID-19_and_human_development_0.pdf
6. Материалы Московского академического экономического форума МАЭФ-2020: «Постпандемический мир и Россия: новая реальность?» Источник – сайт Вольного экономического общества России, Режим доступа: URL: <http://www.veorus.ru/события/хроника-мероприятий/sostoyalas-onlayn-sessiya-maef-2020/>

7. Путин В.В. Совещание по текущей ситуации в системе образования в условиях распространения новой коронавирусной инфекции. Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63376>
8. Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».
9. Приказ Минпросвещения России от 17.03.2020 № 103 «Об утверждении временного порядка сопровождения реализации образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, образовательных программ среднего профессионального образования и дополнительных общеобразовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.03.2020 № 57788).
10. Приказ Минобрнауки России от 14.03.2020 № 397 «Об организации образовательной деятельности в организациях, реализующих образовательные программы высшего образования и соответствующие дополнительные профессиональные программы, в условиях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации».
11. Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ (ред. от 07.05.2020) «О введении режима повышенной готовности».
12. COVID-19 Educational Disruption and Response. Режим доступа: URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>.
13. Брифинг Валерия Фалькова в пресс-центре Правительства Российской Федерации 25.03.2020. Режим доступа: URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2502
14. Гришин Виктор Иванович. Интервью РИА НОВОСТИ 02.05.2020. Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20200508/1571122339.html>.
15. Методические рекомендации Минобрнауки от 18.03.2020 «Экспертные разъяснения по вопросам, возникающим в связи с использованием онлайн-курсов в целях предупреждения распространения коронавирусной инфекции». Режим доступа: URL: https://spb.hse.ru/data/2020/03/26/1552979228/METODICHESKIE_REKOMENDATSII_MINOBRNAUKI_OT_18_03_2020.pdf
16. Агранович М.Л. Организация образования в условиях пандемии. Практика стран ОЭСР. Режим доступа: URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza>
17. Learning remotely when schools close: How well are students and schools prepared? Insights from PISA Режим доступа: URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=127_127063-iiwm328658&title=Learning-remotely-when-schools-close
18. Resnick L.B. *Toward a cognitive theory of instruction // Learning and motivation in the classroom.* – Routledge, 2017. – С. 5-38.
19. Академик Аганбегян оценил экономическую ситуацию России в кризисе. РАНХиГС. Режим доступа: URL: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/akademik-aganbegyan-otsenil-ekonomicheskuyu-situatsiyu-rossii-v-krizise/>
20. Дара Мельник. Высшее образование в мире: какие проблемы высветила пандемия. Режим доступа: URL: <https://www.skolkovo.ru/sp/anti-fragility/article/vysshee-obrazovanie-v-mire-kakie-problemy-vysvetila-pandemiya/>
21. Трудности на дистанции. Была ли российская система образования готова к переходу в онлайн из-за коронавируса. «Коммерсантъ» от 28.03.2020. Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4307297>
22. Студентов проверили на онлайн-прилежание. Ученые ВШЭ разработали математическую модель оценки программ дистанционного обучения. Газета «Коммерсантъ» №125 от 18.07.2019, стр. 5. Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4033814>

23. Лекции переносят в онлайн-аудиторию. Ярослав Кузьминов намерен обязать преподавателей читать курсы в цифровом формате. Газета «Коммерсантъ» № 179 от 02.10.2018, стр. 5 Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758336>
24. Мир после пандемии: вузы уходят на дистанционку и уже не вернуться? Комсомольская правда. Екатеринбург. 08.04.2020. Режим доступа: URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/27114/4193198/>
25. Зернов В.А., Манюшиц А.Ю., Юнусов Л.А. Независимые университеты: системная трансформация образовательного пространства России. Труды Вольного экономического общества России. Том 210, № 2/2018. Москва, Изд. ВЭО России, 2018 г., – 457 с., с. 366–400.

References

1. Dzhon Hardi: «Krivaja vosstanovlenija budet nahodit'sja gde-to mezhdu U-obraznoj i L-obraznoj krivoj». Rezhim dostupa: URL: <https://www.finversia.ru/interview/dzhon-khardi-krivaya-vosstanovleniya-budet-nakhoditsya-gde-to-mezhdu-u-obraznoi-i-l-obraznoi-krivoi-73791>
2. Pandemija COVID-19 glazami matematika, ili pochemu klassicheskaja model' SEIRD ne rabotaet. Rezhim dostupa: URL: <https://habr.com/ru/post/500348/>
3. «Esli my ne spravimsja k oseni – budet vtoraja volna»: v Rossii startovalo issledovanie po izucheniju immuniteta k koronavirusu. Rezhim dostupa: URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fargumenti.ru%2Fsociety%2F2020%2F05%2F664570>
4. Moskovskij akademicheskij jekonomicheskij forum. 14 maja – 31 maja 2020 goda. «Postpandemicheskij mir i Rossija: novaja real'nost'». Rezhim dostupa: URL: <https://maef.veorus.ru/>
5. COVID-19 and Human Development: Assessing the Crisis, Envisioning the Recovery. Rezhim dostupa: URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/COVID-19_and_human_development_0.pdf
6. Materialy Moskovskogo akademicheskogo jekonomicheskogo foruma MAJeF-2020: «Postpandemicheskij mir i Rossija: novaja real'nost'?» Istochnik – sajt Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii, Rezhim dostupa: URL: <http://www.veorus.ru/sobytaja/hronika-meroprijatij/sostoyalas-onlayn-sessiya-maef-2020/>
7. Putin V.V. Soveshhanie po tekushhej situacii v sisteme obrazovanija v uslovijah rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii. Rezhim dostupa: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63376>
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 aprelja 2020 g. № 239 «O merah po obespečeniju sanitarno-jepidemiologičeskogo blagopoluchija naselenija na territorii Rossijskoj Federacii v svjazi s rasprostraneniem novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19)».
9. Prikaz Minprosveshhenija Rossii ot 17.03.2020 № 103 «Ob utverzhenii vremennogo porjadka soprovozhdenija realizacii obrazovatel'nyh programm nachal'nogo obshhego, osnovnogo obshhego, srednego obshhego obrazovanija, obrazovatel'nyh programm srednego professional'nogo obrazovanija i dopolnitel'nyh obshheobrazovatel'nyh programm s primeneniem jelektronnogo obuchenija i distancionnyh obrazovatel'nyh tehnologij» (Zaregistrovano v Minjuste Rossii 19.03.2020 № 57788).
10. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 14.03.2020 № 397 «Ob organizacii obrazovatel'noj dejatel'nosti v organizacijah, realizujushhij obrazovatel'nye programmy vysshego obrazovanija i sootvetstvujushhie dopolnitel'nye professional'nye programmy, v uslovijah preduprezhdenija rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii na territorii Rossijskoj Federacii».
11. Ukaz Mjera Moskvy ot 05.03.2020 № 12-UM (red. ot 07.05.2020) «O vvedenii rezhima povyshennoj gotovnosti».
12. COVID-19 Educational Disruption and Response. Rezhim dostupa: URL: <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>.
13. Brifing Valerija Fal'kova v press-centre Pravitel'stva Rossijskoj Federacii 25.03.2020. Rezhim dostupa: URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2502

14. Grishin Viktor Ivanovich. Interv'ju RIA NOVOSTI 02.05.2020. Rezhim dostupa: URL: <https://ria.ru/20200508/1571122339.html>.
15. Metodicheskie rekomendacii Minobrnauki ot 18.03.2020 «Jekspertnye raz#jasnenija po voprosam, vznikajushhim v svyazi s ispol'zovaniem onlajn-kursov v celjah preduprezhdenija rasprostraneniya koronavirusnoj infekcii». Rezhim dostupa: URL: https://spb.hse.ru/data/2020/03/26/1552979228/METODICHESKIE_REKOMENDATSII_MINOBRNAUKI_OT_18_03_2020.pdf
16. Agranovich M.L. Organizacija obrazovanija v uslovijah pandemii. Praktika stran OJeSR. Rezhim dostupa: URL: <https://firo.ranepa.ru/novosti/105-monitoring-obrazovaniya-na-karantine/789-agranovich-ekspertiza>
17. Learning remotely when schools close: How well are students and schools prepared? Insights from PISA Rezhim dostupa: URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=127_127063-iiwm328658&title=Learning-remotely-when-schools-close
18. Resnick L.B. *Toward a cognitive theory of instruction // Learning and motivation in the classroom.* – Routledge, 2017. – S. 5-38.
19. Akademik Aganbegjan ocenil jekonomicheskiju situaciju Rossii v krizise. RANHiGS. Rezhim dostupa: URL: <https://www.ranepa.ru/sobytiya/novosti/akademik-aganbegyan-otsenil-ekonomicheskuyu-situatsiyu-rossii-v-krizise/>
20. Dara Mel'nik. Vysshee obrazovanie v mire: kakie problemy vysvetila pandemija. Rezhim dostupa: URL: <https://www.skolkovo.ru/sp/anti-fragility/article/vysshee-obrazovanie-v-mire-kakie-problemy-vysvetila-pandemiya/>
21. Trudnosti na distancii. Byla li rossijskaja sistema obrazovanija gotova k perehodu v onlajn iz-za koronavirusa. "Kommersant#" ot 28.03.2020. Rezhim dostupa: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4307297>
22. Studentov proverili na onlajn-prilezhanie. Uchenye VShJe razrabotali matematicheskiju model' ocenki programm distancionnogo obuchenija. Gazeta "Kommersant#" №125 ot 18.07.2019, str. 5. Rezhim dostupa: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4033814>
23. Lekcii perenosjat v onlajn-auditoriju. Jaroslav Kuz'minov nameren objazat' prepodavatelej chitat' kursy v cifrovom formate. Gazeta «Kommersant#» № 179 ot 02.10.2018, str. 5 Rezhim dostupa: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3758336>
24. Mir posle pandemii: vuzy uhodjat na distancionku i uzhe ne vernutsja? Komsomol'skaja pravda. Ekaterinburg. 08.04.2020. Rezhim dostupa: URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/27114/4193198/>
25. Zernov V.A., Manjushis A.Ju., Junusov L.A. Nezavisimye universitety: sistemnaja transformacija obrazovatel'nogo prostranstva Rossii. Trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. Tom 210, №2/2018. Moskva, Izd. VJeO Rossii, 2018 g., – 457 s., s. 366–400.

Контактная информация / Contact information

АНО ВО «Российский новый университет», 105005, Москва, ул. Радио, д. 22
Russian New University, 22 Radio str., 1050005, Moscow, Russia
Зернов Владимир Алексеевич / Vladimir Zernov
+7 (495) 925-03-83, rector@rosnou.ru

АНО ВО «Московский международный университет», 125040, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17.
Moscow International University, 17, Leningradsky Prospekt, 125040, Moscow, Russia
Манюшис Альгирдас Юозович / Algirdas Manyushis
8 (800) 301-09-30, rectorat@mmu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE UNIVERSITY AT THE REGIONAL LEVEL

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-323-328

МАНТАЕВА Эльза Ивановна

Проректор по экономике и инновациям ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», д.э.н., профессор

Elza I. MANTAIEVA

Vice-rector for Economics and innovation, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Doctor of Economic Sciences, Professor

ГОЛДЕНОВА Виктория Сергеевна

Доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», к.э.н.

Victoria S. GOLDENOVA

Associate Professor of state and municipal management Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, PhD in Economics

СЛОБОДЧИКОВА Инна Валентиновна

Доцент кафедры государственного и муниципального управления ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», к.э.н.

Inna V. SLOBODCHIKOVA

Associate Professor of state and municipal management Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, PhD in Economics

Аннотация

Современные университеты характеризуются высокой социальной ответственностью, предоставляют образовательные услуги высокого качества, а также активно участвуют в обеспечении социально-экономической стабильности региона. Региональные университеты используют свои ресурсы на благо общества. Цифровая трансформация радикально меняет экономику, образование и образ жизни в целом. Для современного общества информационные технологии, цифровая среда, дистанционное образование, умные технологии становятся естественной частью повседневной жизни. В связи с этим система образования также должна изменяться, приобретая соответствующие характеристики. Из всех факторов, оказываю-

щих наибольшее влияние на активизацию внедрения и использования цифровых технологий, особая роль принадлежит образовательному и научному потенциалу региона. Университеты становятся локомотивами развития не только образования, но и социальной, экономической, культурной сфер региона.

Abstract

Modern universities are characterized by high social responsibility, provide high-quality educational services, and are also actively involved in ensuring the socio-economic stability of the region. Regional universities use their resources for the benefit of society. Digital transformation is radically changing the economy, education and lifestyle in general. For modern society, information technology, the digital environment, distance education, smart technologies are becoming a natural part of everyday life. In this regard, the education system must also change, acquiring the appropriate characteristics. Of all the factors that have the greatest impact on enhancing the implementation and use of digital technology, a special role belongs to the educational and scientific potential of the region. Universities are becoming the locomotives of the development of not only education, but also the social, economic, cultural spheres of the region.

Ключевые слова

Цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, регион, кадровый потенциал, опорный университет, дистанционное обучение, социальная ответственность вуза, умные технологии.

Keywords

Digitalization, information and communication technologies, region, human resources potential, reference University, distance learning, social responsibility of the University, smart technologies.

Современный мир стремительно меняется. Более интенсивное внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь общества, сферу производства и услуг, сферу экономики и государственного управления, сферу науки и образования предопределило появление новых требований к уровню развития коммуникаций, информационных технологий.

Ускоренный уровень развития информационно-коммуникационных технологий в последнее время определил возможность мобильного доступа к информационным ресурсам как в профессиональной, так и в личной жизни людей, позволил государству и обществу сформулировать новые задачи по перестройке жизненного пространства [1].

Новые технологии не просто открывают перед обществом широкие перспективы познания окружающей действительности через призму инновационных изобретений и гаджетов, но и влияют на формирование новых типов индустриального, научного и образовательного пространств. Четвертая промышленная революция сегодня выступает важной составляющей увеличения значения научно-исследовательской и производственной деятельности. Она стала естественным следствием развития техники и технологий, совершенствования, усложнения компьютеров и расширения их сферы использования. Ее задача тесно связана с технологическим и цифровым развитием всех сфер жизнедеятельности современного общества. Эти изменения означают формирование новой уникальной образовательной среды,

направленной на внедрение передовых, цифровых и инновационных технологий в процесс обучения [2].

Кризис, вызванный распространением коронавируса, будет способствовать переходу к «цифровому капитализму» во многих сферах жизнедеятельности [3]. В частности, в период пандемии дистанционная форма обучения стала единственной доступной формой получения знаний учащимися школ и вузов. Организация обучения в дистанционном формате основывается на использовании современных информационных технологий, информационных ресурсов (базы данных, электронные учебные и методические пособия, обучающие и контролирующие системы, электронные библиотеки и т.д.) [4]. Дистанционное обучение существует уже не первый год и успешно используется в различных программах, при этом одним из последствий текущей пандемии можно назвать ускоренное внедрение цифровых технологий в самых разных областях, в первую очередь в образовании. Таким образом, цифровые технологии предоставляют возможность для воплощения в жизнь процессов интеграции науки и образования, для развития высших учебных заведений и других образовательных учреждений в современных условиях.

Кроме этого, привычная роль университета, которая заключалась в образовании и развитии науки, постепенно выходит за рамки, тем самым формируется третья роль – социальная ответственность. Социальная ответственность рассматривается в первую очередь в теории заинтересованных сторон, тем самым университет, учитывая потребности регионального сообщества в целом, становится значимым субъектом, который берет на себя не только обязанность организации комфортных и достойных процессов образования, науки и труда, но и формирует внешнюю общественную среду региона. Реализация социальной ответственности в предпринимательском университете складывается из таких составляющих, как: коммерциализация имеющих важное общественное значение инновационных продуктов, предоставление высококачественных услуг населению, обеспечение достойных условий труда, благотворительная деятельность, что в целом способно оказать влияние на экономические показатели и имидж предпринимательского университета, стимулировать социально-экономическое развитие региона [5].

Университет как важный элемент регионального социокультурного пространства должен не просто удовлетворять образовательные потребности населения, но и решать актуальные для данной территории задачи экономического и социально-политического характера [6]. При этом существенно возрастает значение региональных опорных университетов в процессе достижения цели развития цифровой экономики. Следует отметить, что Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова на сегодняшний день выступает центром развития науки, образования, культуры Республики Калмыкии. Учитывая, что вуз является единственным крупным высшим учебным заведением в регионе, на него наряду с образовательной и научной ложится «третья миссия» – социальная. Это означает, что на университет государство возлагает социальную ответственность за развитие региона, акцентируя внимание на участии в процессах, влияющих на уровень качества жизни в регионе.

Региональный опорный университет стал площадкой проведения научных конференций и форумов, при поддержке правительства региона на базе вуза проводится форум «Инновационная Калмыкия». Сегодня инновационная инфраструктура университета – это важная составляющая развития инновационной экономики

региона. Также в университете созданы малые инновационные предприятия, осуществляющие деятельность в таких сферах, как растениеводство, животноводство, создание новых аппаратных систем, трехмерное прототипирование и других. Отметим, что за последнее десятилетие существенно активизировалась научная деятельность ученых университета, возрос их авторитет на региональном, федеральном и международном уровнях. Ученые вуза принимают участие в разработке и реализации стратегических документов развития республики и столицы региона. Специфика республики определила многопрофильность опорного университета, деятельность которого направлена на преодоление целого ряда вызовов, имеющих в экономике и демографии. В целях удержания в регионе талантливой молодежи на базе сформированной научно-инновационной инфраструктуры университета реализуются проекты в сфере развития инновационно-предпринимательской деятельности [7].

В данном контексте социальная роль университета связана с его участием в жизни регионального сообщества, в социальной, экономической сферах, что, в свою очередь, способствует развитию территории, обеспечивает социальную стабильность, экономический рост, инновационное развитие, переход к цифровому обществу, укреплению международного сотрудничества. Проблемы и вопросы социального-экономического характера можно решать только в совокупности общих усилий органов государственного и муниципального управления, общественных организаций, бизнеса, образовательных учреждений. Современный вуз с высокой степенью социальной ответственности осуществляет свою деятельность не только как организация, отвечающая только требованиям образовательных стандартов, но и вступает во всестороннее взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами.

В условиях модернизации системы высшего образования в России дополняются и функции университета. В наиболее общем виде наряду с базовыми функциями (научная, образовательная, воспитательная, культурная) современному вузу становятся присущи следующие: инновационная, предпринимательская, информационная, социальной ответственности. Университет становится активным участником в процессах, связанных с предпринимательством, трансфером знаний в экономику, развитием молодежного предпринимательства, цифровой трансформацией государственного управления, международным сотрудничеством, волонтерством, улучшением качества жизни территории. Поэтому университету для того, чтобы исполнить свою региональную роль, недостаточно просто оказывать образовательные услуги, необходимо активно участвовать в развитии региона. Так, в стратегии социально-экономического развития Республики Калмыкии на период до 2030 г. предусмотрено создание научно-образовательного кластера как структурно-функционального объединения групп компаний с широким привлечением ресурсов регионального опорного университета, являющегося основным источником и проводником инноваций и обеспечивающим компании новыми конкурентоспособными технологиями и разработками [8]. Кроме этого, на реализацию пяти стратегических научных проектов в рамках программы развития университета правительством республики в 2018 г. выделено по региональному гранту 17,4 млн руб., а также из федерального бюджета поступило 8 млн руб. [7]. Что, в свою очередь, отражает понимание органами региональной власти роли и значения вуза и его потенциала в социально-экономическом развитии республики.

Таким образом, опорный вуз принимает активное участие в социально-экономическом развитии региона. Современная модель университета предполагает не только вклад в подготовку кадров для региональной экономики, научно-исследовательскую и проектную деятельность в интересах региона, а также его культурную, социальную, политическую и гражданскую роль, что в последнее время приобретает особую актуальность. При этом региональные университеты столкнулись с необходимостью реализации не только таких основных видов деятельности, как обеспечение качественного образования, проведение научных исследований, но и с необходимостью привлечения ресурсов для их осуществления. В современных условиях на этапе создания цифрового общества на региональный опорный вуз ложится ответственность за формирование цифровой экономики в контексте перехода на новый уровень развития государства.

Библиографический список

1. Абросимова М.А. Подход к решению задачи внедрения умных технологий в вузе // В сборнике: Проблемы и перспективы развития образования в России. Сборник материалов XLVII Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 257–262.
2. Махова О.А., Аракелян С.М. Системы умного образования для цифрового российского общества: проблемы и перспективы, мифы и реальность // В сборнике: Конвергенция цифровых и материальных миров: экономика, технологии, образование. Сборник научных статей международной научной конференции. 2018. С. 258–269.
3. Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19. Счетная палата Российской Федерации: <http://www.ach.gov.ru/upload/pdf/COVID-19-digital.pdf>.
4. Баландина И.В., Попова Е.И. Дистанционное обучение: правовые аспекты // Вопросы педагогики. 2020. № 5–1. С. 51–54.
5. Булгакова М.А., Пашук Н.Р. Роль и оценка уровня социальной ответственности в предпринимательском университете // Государственный советник. 2019. № 2 (26). С. 105–113.
6. Смирнова О.В. Роль университета в социокультурном пространстве города // В сборнике: Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Материалы III Международной научной конференции. Под редакцией С.С. Аванесова, Е.И. Спешиловой. 2020. С. 500–508.
7. Отчет о самообследовании ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» за 2018 год.
8. <http://economy.kalmregion.ru/deyatelnost/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-respubliki-kalmykiya/> – официальный сайт министерства экономики и торговли Республики Калмыкии.

References

1. Abrosimova M.A. Approach to solving the problem of implementing smart technologies in higher education // In the collection: Problems and prospects of education development in Russia. Collection of materials of the XLVII all-Russian scientific and practical conference. 2017. Pp. 257–262.
2. Makhova O.A., Arakelyan S.M. smart education Systems for digital Russian society: problems and prospects, myths and reality // In the collection: Convergence of digital and material worlds: Economics, technology, education. Collection of scientific articles of the international scientific conference. 2018. Pp. 258–269.
3. Digital technologies and cybersecurity in the context of COVID-19 dissemination. Accounting chamber of the Russian Federation: <http://www.ach.gov.ru/upload/pdf/COVID-19-digital.pdf>.

4. *Balandina I.V., Popova E.I. Distance learning: legal aspects // Questions of pedagogy. 2020. № 5–1. Pp. 51–54.*
5. *Bulgakova M.A., Pashuk N.R. the Role and assessment of the level of social responsibility in the entrepreneurial University // State adviser. 2019. No. 2 (26). Pp. 105–113.*
6. *Smirnova O.V. the Role of the University in the socio-cultural space of the city // In the collection: Visual anthropology – 2019. City-University: living space and visual environment Materials of the III International scientific conference. Edited By S.S. Avanesov and E.I. Speshilova. 2020. Pp. 500–508.*
7. *report on self-examination of the Kalmyk state University NAMED after B.B. Gorodovikov for 2018.*
8. *<http://economy.kalmregion.ru/deyatelnost/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-respubliki-kalmykiya/> – official website of the Ministry of economy and trade of the Republic of Kalmykia.*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11.

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, 11, Pushkin Street, 358000, Elista, Republic Kalmykia, Russia

Мантаева Эльза Ивановна / Mantaeva Elsa Ivanovna

mantaeva08@yandex.ru

Голденова Виктория Сергеевна / Goldenova Victoria Sergeevna

goldenova-vs@yandex.ru

Слободчикова Инна Валентиновна / Slobodchikova Inna Valentinovna

slobodchikova-iv@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО ВУЗА В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

STRATEGY OF DEVELOPMENT OF AGRARIAN UNIVERSITY IN POST-PANDEMIC PERIOD

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-329-338

ТРУБИЛИН Александр Иванович

Ректор ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», д.э.н., профессор

Alexander I. TRUBILIN

Rector of Trubilin Kuban State Agrarian University,
Doctor of Economic Sciences, Professor

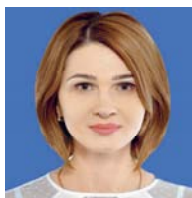

ГАЙДУК Владимир Иванович

Заведующий кафедрой институциональной экономики и инвестиционного менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», д.э.н., профессор

Vladimir I. GAIDUK

Head of the Department of Institutional Economics and Investment Management
Trubilin Kuban State Agrarian University, Doctor of Economic Sciences, Professor

КОНДРАШОВА Анна Викторовна

Доцент кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», к.э.н.

Anna V. KONDRASHOVA

Associate professor of the Department of Institutional Economics and Investment
Management, Trubilin Kuban State Agrarian University, PhD in Economics

Аннотация

Представлены результаты разработки стратегии аграрного вуза на основе укрепления его конкурентных преимуществ. Необходимо формирование конкурентных преимуществ, основанных на эффективности управления университетом путем усиления внутренних компетенций и результативности деятельности. Уточнена стратегическая цель

1 Статья публикуется по материалам доклада, представленного на региональной онлайн-конференции «Экономика регионов в постпандемический период», которая состоялась 28 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

вуза, включающая формирование современного научно-образовательного центра, лидирующего в сфере подготовки кадров для АПК и внедрения передовых аграрных технологий. Проведенный SWOT-анализ позволил отразить основные результаты и конкурентные преимущества вуза. Рассмотрены организационно-экономические аспекты формирования стратегии, призванной решать вопросы обеспечения аграрного сектора экономики страны высококвалифицированными специалистами, отвечающими мировым стандартам в современных условиях. Ключевыми задачами новой стратегии вуза в постпандемический период станут углубление интеграции с университетами и научными организациями; тесная кооперация с реальным сектором экономики для увеличения вклада в технологическое развитие отраслей экономики. Важно совершенствование подготовки высококачественных специалистов для всех сфер АПК, поиск новых источников доходов и путей сокращения расходов университета.

Abstract

The results of developing the strategy of an agricultural university based on the strengthening of its competitive advantages are presented. It is necessary to create competitive advantages based on the effectiveness of university management by strengthening internal competencies and performance. The strategic goal of the university was clarified, including the formation of a modern scientific and educational center, the leader in the field of training for the agricultural sector and the introduction of advanced agricultural technologies. The SWOT analysis made it possible to reflect the main results and competitive advantages of the university. The organizational and economic aspects of the formation of a strategy designed to address the issues of providing the agricultural sector of the country's economy with highly qualified specialists that meet international standards in modern conditions are considered. The key tasks of the new university strategy in the post-pandemic period will be the deepening of integration with universities and scientific organizations; close cooperation with the real sector of the economy to increase the contribution to the technological development of economic sectors. It is important to improve the training of high-quality specialists for all areas of the agricultural sector, the search for new sources of income and ways to reduce university costs.

Ключевые слова

Стратегия, управление, аграрный вуз, эффективность, SWOT-анализ, образовательные услуги, направления развития.

Keywords

Strategy, management, agricultural university, efficiency, SWOT analysis, educational services, development directions.

Стратегия развития аграрного вуза представляет собой генеральную программу действий, выявляющую приоритетные проблемы при оказании образовательных услуг и ресурсы для достижения основной цели. Она формулирует ключевые цели и основные пути их достижения.

В современных трансформационных условиях уровень качества системы образования обусловлен преимущественно формируемыми компетенциями образовательными учреждениями. Поэтому важно создание конкурентных преимуществ, основанных на эффективности управления университетом путем усиления внутренних компетенций и результативности деятельности.

В настоящее время Кубанский государственный аграрный университет – крупнейший российский аграрный вуз страны, динамично развивающийся центр образования, науки и инноваций. За вклад в сельскохозяйственную науку и подготовку высококвалифицированных специалистов вуз отмечен орденом Трудового Красного Знамени и благодарностью Президента Российской Федерации. За 97 лет подготовлено более 150 тысяч специалистов для разных отраслей народного хозяйства. В настоящее время в Кубанском ГАУ обучается более 15 тыс. студентов [1, 2].

Разработка и реализация стратегии развития КубГАУ имеет целью участие вуза в модернизации высшего образования на основе инновационного подхода, объединяющего образование, науку, бизнес, власть, а также совершенствование подготовки высококвалифицированных кадров в аграрном секторе экономики.

Стратегическая цель вуза – формирование современного научно-образовательного центра, лидирующего в сфере подготовки кадров для АПК и внедрения передовых аграрных технологий в регионе, а по отдельным направлениям деятельности – в России. Кубанский ГАУ обеспечивает подготовку специалистов, способных составить достойную конкуренцию на мировом рынке труда по внедрению инновационных технологий в различные отрасли АПК для эффективного развития сельских территорий, достижения продовольственной, экономической безопасности и обеспечения конкурентоспособности России на мировых агропродовольственных рынках [1].

Инновационное развитие университета предполагает использование в учебном процессе результатов научных исследований, проводимых на высоком уровне, внедрение инновационного подхода в деятельность вуза, обеспечивающие в конечном счете эффективное развитие АПК. Анализ сильных и слабых сторон вуза отражен в табл. 1. Для современного аграрного сектора характерен дефицит специалистов, способных применять инновационные технологии на практике и работать на современной ресурсосберегающей технике [3, 4]. Высок спрос на специалистов, обладающих набором компетенций для реализации НИОКР.

В Краснодарском крае более половины жителей проживают в сельской местности, а в Кубанском ГАУ более 75% студентов из сельской местности. Это кадровый потенциал для устойчивого развития сельских территорий. Кубанский ГАУ является образовательным центром, обеспечивающим подготовку кадров для региона по агробиологическим и инфраструктурным направлениям. В условиях острой конкуренции в ЮФО вуз занимает лидирующие позиции по количеству абитуриентов на инженерные направления подготовки.

Кубанский ГАУ подтверждает статус лидера аграрного образования и науки. В состав университета входят: 17 факультетов, 81 кафедра, два научно-исследовательских института, Краснодарский региональный институт агробизнеса и два учебно-опытных хозяйства. Бренд вуза известен не только в регионе, России, но и за рубежом. Выпускники университета являются ведущими специалистами отрасли, руководителями в органах власти и управления, политиками.

В рейтинге образовательных организаций высшего образования Министерства сельского хозяйства РФ вуз входит в первую тройку. По рейтингу Министерства сельского хозяйства РФ Кубанский ГАУ признан лидирующим вузом, по рейтингу агентства «РИА Новости» сохраняются ведущие позиции по трудоустройству выпускников. Университет участвует в реализации приоритетной региональной программы «Повышение производительности труда и поддержка занятости». Высока привлекательность реализуемых в университете образовательных программ.

Таблица 1. SWOT-анализ: сильные и слабые стороны ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

Сильные стороны

- крупнейший вуз по численности студентов и профессорско-преподавательского состава в Краснодарском крае, лидер аграрного образования в России;
- система менеджмента качества в Кубанском ГАУ сертифицирована по международным стандартам серии ISO 9000;
- высокая востребованность образовательных программ, реализуемых в вузе, развитие практико-ориентированного обучения и реализация программ дополнительного образования;
- успешное функционирование электронной информационно-образовательной среды в вузе;
- высокая степень соответствия и результативности научно-инновационной деятельности вуза федеральным и региональным приоритетам развития аграрного сектора;
- функциональная полнота научных исследований, генерирующих новые знания по отраслям народного хозяйства;
- рост заключенных и выполненных договоров на проведение НИР, внедрение и сопровождение разработок ученых университета с научными фондами и предприятиями страны, проведение активной работы двух научно-исследовательских институтов, обеспечивающих значительные объемы выполненных научно-исследовательских работ и услуг;
- существенный рост грантовой активности ученых, рост поданных заявок на изобретения, увеличение числа полученных патентов, свидетельств на базы данных и программы для ЭВМ;
- реализация защищенных патентами научных разработок в 10 малых инновационных предприятиях вуза;
- благодаря эффективному внедрению научных разработок ученых университета два учебно-опытных хозяйства «Кубань» и «Краснодарское» ежегодно входят в число лучших сельскохозяйственных предприятий Краснодарского края;
- финансовое состояние университета оценивается как стабильное. Постоянное обеспечение в полном объеме своевременной выплаты зарплаты, стипендий, выплат детям-сиротам, не допускается просроченной кредиторской задолженности;
- университет имеет статус центра международного образования и академической мобильности;
- активное участие студентов и преподавателей в международных стипендиально-грантовых программах Минобрнауки России;
- рост активности международного лекторского обмена, в вузе функционирует подготовительное отделение для иностранных граждан;
- усиление движения студенческих трудовых отрядов, активная работа студенческого совета университета, усиление физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы;
- регулярная организация более двухсот патриотических мероприятий, посвященных героическим страницам истории (гражданско-патриотическое направление);
- системный характер мероприятий, выполняемых волонтерами университета;
- имеющаяся материально-техническая база позволяет осуществлять все виды образовательной, научно-исследовательской деятельности (студенты на 100% обеспечены местами в общежитиях, имеется современная лабораторная и научно-технологическая база, включая уникальное оборудование для проведения отраслевых НИОКР);
- высокая квалификация персонала и значительный кадровый резерв;
- разработка совместно с работодателями образовательных программ и их рецензирование.

Слабые стороны

- количество мест для приема в вузы Краснодарского края и численность выпускников, желающих получать высшее образование, находятся практически на одном уровне;
 - высокая конкуренция в области образовательных услуг как в Краснодарском крае, так и ЮФО;
 - низкая привлекательность целевой подготовки как для поступающих, так и для заказчиков обусловлена сложностью подбора абитуриентов соответствующим требованиям для поступления со стороны заказчика, длительным сроком подготовки специалиста;
 - снижение спроса со стороны работодателей на выпускников магистратуры и аспирантуры;
 - недостаточное финансирование научных исследований и несоответствие научно-лабораторной базы мировому уровню приборного оснащения;
 - невысокий удельный вес численности иностранных студентов из стран Европы, достаточно длительный период адаптации иностранных студентов;
 - недостаточное представление социокультурных и общественных мероприятий университета в рекламно-информационных материалах на российском и международном уровнях;
 - высокий уровень износа материально-технической базы;
 - невысокая доля стоимости машин и оборудования (не старше 5 лет) в общей стоимости машин и оборудования;
 - объекты недвижимого имущества университета требуют модернизации и реконструкции, в том числе с учетом необходимости создания доступной среды для инвалидов и лиц с ОВЗ;
 - повышение среднего возраста научно-педагогических работников;
 - отсутствие долгосрочного прогноза реальной потребности кадров для отраслей АПК региона.
-

В рамках реализации проекта «Цифровой университет» создана электронная информационно-образовательная среда, включающая образовательный портал, учебные компьютерные классы, центр обработки данных. В современных трансформационных условиях важно развитие практико-ориентированного обучения [5]. Поэтому и в дальнейшем целесообразна разработка мероприятий по усилению практико-ориентированного обучения с использованием базы учебно-опытных хозяйств, ветеринарной клиники и др.

В России высока конкуренция со стороны зарубежных университетов и инновационных структур. Отсутствует единый эффективный механизм обеспечения экономической безопасности субъектов агропромышленного комплекса и продовольственной безопасности региона. Кроме того, быстро происходит моральное старение научно-лабораторной базы, необходимой для НИР и инновационной деятельности. Имеются проблемы воспроизводства кадрового потенциала вуза и связанное с этим сокращение числа ведущих научных школ [6]. Поэтому важна функциональная полнота научных исследований, генерирующих новые знания по отраслям народного хозяйства. Так, в вузе научно-исследовательскую работу успешно ведут более 16 научных школ, охватывающих 15 отраслей наук. Результаты научно-исследовательских работ защищают в семи диссертационных советах. В 2017–2019 гг. издано более 80 учебников, 700 учебных пособий и 440 монографий. Материалы размещаются на образовательном портале университета и используются при подготовке студентов в вузах системы Минсельхоза России. Возрастает количество заключенных и выполненных договоров на проведение научно-исследовательских работ, внедряются и сопровождаются разработки ученых университета с научными фондами и предприятиями страны [7, 8]. Активная работа двух научно-исследовательских институтов обеспечивает значительные объемы выполненных научно-исследовательских работ и услуг. Важно привлекать обучающихся

к научным исследованиям, различными формами НИР охвачено около 90% студентов дневной формы обучения.

Наблюдается рост поданных заявок на изобретения, увеличение числа полученных патентов, свидетельств на базы данных и программы для ЭВМ. В 2017–2019 гг. учеными вуза поданы 452 заявки на изобретения, получено 569 патентов, 585 решений о выдаче патентов, 42 свидетельства на базы данных и программы для ЭВМ. На научно-технических советах рассмотрены и рекомендованы к внедрению 407 запатентованных разработок, заключено 50 лицензионных договоров. В 2019 г. по критерию создания объектов интеллектуальной собственности в рейтинге образовательных организаций высшего образования Министерства сельского хозяйства РФ вуз оказался на 3-м месте. Благодаря эффективному внедрению научных разработок ученых университета два учебно-опытных хозяйства «Кубань» и «Краснодарское» ежегодно входят в число лучших сельскохозяйственных предприятий края.

Преподаватели университета ежегодно принимают участие более чем в 40 международных и национальных выставках и конкурсах, на которых в 2017–2019 гг. было получено 106 медалей, из которых 51 золотая. В 2019 г. на XXII Московском международном салоне изобретений и инновационных технологий «Архимед» получено 5 медалей и 8 международных наград ассоциаций изобретателей Словении, Португалии, Польши, Румынии, Саудовской Аравии, Ирана, Тайваня, Ирака; на международной агропромышленной выставке «Агрорусь-2019» получено 5 золотых медалей и Гран-при конкурса; на выставке «Золотая осень – 2019» получили медали 14 представленных проектов.

Университет имеет статус центра международного образования. В 2019 г. общее количество иностранных обучающихся на всех курсах и по всем формам обучения составляло более 700 человек. В вузе активизированы все формы академической мобильности (зарубежные групповые образовательные и научные стажировки, лекторский обмен, обучение сроком триместр и более, повышение квалификации). Студенты и преподаватели активно участвуют в международных стипендиально-грантовых программах Минобрнауки России. Важен рост активности международного лекторского обмена. В 2019 г. на базе университета прошли стажировку студенты и преподаватели из ведущих вузов Франции, Германии, Индии, Нигера, Азербайджана и Казахстана. Растет число соглашений о сотрудничестве с зарубежными образовательными организациями Испании, Германии, Чехии, Индии, Израиля, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Нигера, Бурунди и др. В вузе функционирует подготовительное отделение для иностранных граждан. В этих условиях важно участвовать на лидирующих позициях в Программе Европейского союза в области образования Erasmus+, а также в консорциуме вузов – экспортеров российского образования.

Ежегодно расширяется база практической подготовки обучающихся. В 2019 г. более 1250 организаций Краснодарского края и Республики Адыгеи являлись базами практик для студентов вуза.

В настоящее время отсутствует долгосрочный прогноз реальной потребности кадров для отраслей АПК региона. Поэтому системная деятельность Центра по трудоустройству выпускников содействует подбору необходимых кадров для предприятий и учреждений. Сведения о трудоустройстве размещаются в социальной сети «ВКонтакте» в группах «Работа для студентов КубГАУ», «КубГАУ – Кубанский государственный аграрный университет» и других официальных группах вуза, с обязательной ссылкой на официальный сайт университета. Ежегодно проводится «День

карьеры». КубГАУ имеет самый высокий процент трудоустройства среди вузов региона (ежегодно более 70% трудоустроенных).

Осуществляется системная работа по подготовке высококвалифицированных специалистов для АПК, которая охватывает все возрастные категории населения и начинается с профориентационной работы со школьниками [9]. Системная работа с учащимися агротехноклассов поддерживает преемственность между общим и профессиональным образованием, помогает определиться выпускникам школ с выбором профессии и подготовиться к освоению программ высшего образования. Так, в 2019 г. эта работа проводилась с муниципальными образованиями Динского, Калининского, Абинского, Апшеронского и Каневского районов, а также в городах Краснодар, Тимашевск, Хадыженск. В течение года более 500 учащихся школ этих районов и городов приняли участие в мастер-классах по всем прикладным направлениям университета. Ежегодно проводятся «Дни открытых дверей» с мастер-классами, которые посещают в год около 5 тыс. чел.

Регулярно осуществляются выездные мероприятия в муниципальные образования края. В 2018 г. проведено 18 выездов, на которых присутствовало более 5 тыс. школьников. В рамках практики выездных ректоратов проводилась работа с администрациями районов, предприятиями и организациями по обеспечению целевого набора, ориентированного на дальнейшее трудоустройство по избранному направлению.

Исследование возможностей и угроз в рамках проведенного SWOT-анализа отражает необходимость развития практико-ориентированного обучения и компетенций цифровой экономики, в том числе «умного» сельского хозяйства (табл. 2).

В 2020 г. система образования впервые в своей истории столкнулась с беспрецедентной ситуацией, обусловленной эпидемией коронавируса. С 14 марта 2020 г. вузам РФ было рекомендовано перейти в дистанционный режим работы.

По мнению В. Фалькова, «существенно возросла нагрузка на преподавателей, многие из которых до ситуации с эпидемией не имели опыта работы в виртуальной среде. Сохранение качества образования потребовало от педагогов больше времени и дополнительных усилий для подготовки к занятиям. Стало заметно больше индивидуальной работы со студентами и дополнительных консультаций. Во многом благодаря усилиям преподавателей большинство из студентов положительно оценивают уровень преподавания в этих непростых, почти экстремальных, условиях. Во-вторых, информационная инфраструктура большинства вузов оказалась не готова к полному переводу учебного процесса в онлайн. В этих вопросах мы в максимально короткие сроки должны обеспечить свой суверенитет: доработать и внедрить отечественные цифровые платформы для вузов. Опыт организации обучения в дистанционном формате наглядно продемонстрировал и дефицит достаточного количества современных онлайн-курсов» [10].

Ключевыми задачами новой стратегии вуза в постпандемический период станут:

- углубление интеграции с университетами и научными организациями в области биотехнологий, производства и переработки сельскохозяйственной продукции, агроинженерии, экологии, научно-информационного обеспечения АПК, создания импортозамещающих технологий. При этом важно укрепление и развитие научно-исследовательской и инновационной инфраструктуры университета: центра прогнозирования и мониторинга научно-технологического развития АПК в области точного сельского хозяйства, автоматизации и роботизации; центра инновационного садоводства и виноградарства; центра биологического тестирования ветеринарных

Таблица 2. SWOT-анализ: возможности и угрозы ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина»

Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> ■ развитие практико-ориентированного обучения и компетенций цифровой экономики, в том числе «умного» сельского хозяйства; ■ участие на лидирующих позициях в Программе Европейского союза в области образования Erasmus+, а также в консорциуме вузов – экспортеров российского образования; ■ адресная профориентационная работа; ■ повышение конкурентоспособности выпускников в динамически развивающейся глобальной рыночной экономике путем совершенствования комплексности в подходе к образовательному процессу: «продукт» = «теоретические знания» + «практика» + «карьера»; ■ дальнейшее укрепление и развитие научно-исследовательской и инновационной инфраструктуры университета; ■ дальнейшая популяризация и продвижение на рынок научных разработок; ■ высокий спрос на специалистов, обладающих набором компетенций для реализации НИОКР; ■ высокий коммерческий потенциал комплексных наукоемких работ; ■ усиление работы по привлечению новых источников доходов; ■ сохранение доли обучающихся в университете иностранных студентов и слушателей подготовительного отделения для иностранных граждан; ■ дальнейшее обучение преподавателей через систему регулярно проводимых методических семинаров с целью повышения активности участия НПР в воспитательном процессе; ■ рост внебюджетных источников финансирования обновления материально-технической базы; ■ совершенствование кадровой политики университета за счет собственного воспроизводства кадров (повышение эффективности подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре) и создание условий для привлечения высококвалифицированных специалистов со стороны; ■ увеличение заинтересованности работодателей в выпускниках вуза путем вовлечения их в формирование и реализацию образовательных программ. 	<ul style="list-style-type: none"> ■ постоянно меняющиеся условия конкурентной среды могут сделать неактуальными современные ключевые компетенции, что определяет зависимость конкурентоспособности от создания будущих компетенций, требующих аккумуляции и интеграции навыков, находящихся как внутри, так и вне организации; ■ уровень качества системы образования обуславливается не только компетенцией образовательных институтов, а находится в зависимости от других активных участников образовательного процесса; ■ высокая конкуренция в образовательном пространстве; ■ демографические проблемы сказываются на формировании и привлечении контингента абитуриентов; ■ доступность услуг образования в режиме online, предлагаемых ведущими вузами страны; ■ рост себестоимости образовательных услуг; ■ высокая конкуренция со стороны зарубежных университетов и инновационных структур; ■ проблемы воспроизводства кадрового потенциала вуза и связанное с этим сокращение числа ведущих научных школ; ■ снижение платежеспособности потребителей образовательных услуг, особенно среди сельского населения; ■ существующая система обеспечения выполнения государственного задания («подушное» финансирование) не предусматривает содержание инфраструктуры; ■ географическая удаленность ведущих центров социальной и общественной жизни страны; ■ отток талантливой молодежи в крупные города, где сосредоточены ведущие вузы. Это создает угрозы кадровому обновлению НПР вуза за счет привлечения молодых преподавателей; ■ нехватка оперативной информации о рынке труда, востребованности специалистов АПК по региону, стране в целом и за рубежом.

препаратов и кормовых добавок; лаборатории молекулярно-генетических исследований в АПК мирового уровня;

■ тесная кооперация с реальным сектором экономики для увеличения вклада в технологическое развитие отраслей экономики. Важно выстраивание партнерства с компаниями-лидерами рынка для обеспечения быстрого трансферта в образование и исследования передовых практик и капитализации результатов интеллектуальной деятельности [6];

■ популяризация и продвижение на рынок научных разработок, диверсификация источников финансирования вуза за счет коммерциализации научных результатов, которые соответствуют приоритетам развития российской экономики [8]; разработка новых и актуализация реализуемых основных профессиональных образовательных программ высшего образования с учетом запросов работодателей и требований профессиональных стандартов;

■ совершенствование подготовки высококачественных специалистов для всех сфер АПК. Для успешного выполнения поставленных задач университет будет уделять особое внимание укреплению материально-технической базы и совершенствованию инфраструктуры, обеспечивающей высокопродуктивную, эффективную и безопасную научно-образовательную среду, гарантирующую подготовку высококвалифицированных специалистов, способных обеспечить продовольственную безопасность страны. Приоритетным направлением развития университета в области образования останется совершенствование практико-ориентированного и проектного обучения и создание единой цифровой образовательной среды, что позволит готовить высококвалифицированных специалистов, необходимых экономике в постпандемический период;

■ поиск новых источников доходов и пути сокращения расходов университета, в том числе за счет реализации программы энергосбережения, аутсорсинга отдельных услуг, внедрения системы бюджетирования в структурных подразделениях.

Кубанский ГАУ будет концентрировать свои усилия на создании эффективной академической среды, гарантирующей подготовку высококвалифицированных специалистов, способных обеспечить продовольственную и экономическую безопасность страны.

Библиографический список

1. Трубилин А.И. Проблемы подготовки высококвалифицированных кадров для села / А.И. Трубилин, В.И. Гайдук // *Инновации в АПК: проблемы и перспективы*. – 2017. – № 4 (16). – С. 42–50.
2. Сайт ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина». – Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://kubsau.ru>.
3. Кондрашова А.В. Анализ выбора инвестиционных инновационных проектов в сфере АПК в условиях ограниченного финансирования / А.В. Кондрашова // *В мире научных открытий*. – 2012. – № 2–5 (26). – С. 285–293.
4. Гайдук В.И. Продовольственная безопасность Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы / В.И. Гайдук, А.В. Кондрашова, М.Г. Паремусова // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика*. – 2017. – № 2 (200). – С. 61–71.
5. Трубилин А.И. Система оценки знаний и рейтингового тестирования студентов / А.И. Трубилин, О.В. Григораш // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. – 2016. – № 116. – С. 1038–1050.

6. Трубилин А.И. О повышении качества подготовки студентов / А.И. Трубилин, О.В. Григораш // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. – 2016. – № 11. – С. 75–78.
7. Трубилин А.И. Как повысить престиж аграрных вузов / А.И. Трубилин // *Животноводство Юга России*. – 2015. – № 2 (4). – С. 6–8.
8. Трубилин А.И. Традиции, фундаментальность, инновации / А.И. Трубилин // *Высшее образование в России*. – 2013. – № 1. – С. 55–59.
9. Трубилин А.И. Управление проектами: учеб. пособие / А.И. Трубилин, В.И. Гайдук, А.В. Кондрашова. – Краснодар: КубГАУ, 2017. – 153 с.
10. Фальков В. Образование в условиях COVID-19. Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2613.

References

1. Trubilin A.I. Problemy podgotovki vysokokvalificirovannykh kadrov dlja sela / A.I. Trubilin, V.I. Gajduk // *Innovacii v APK: problemy i perspektivy*. – 2017. – № 4 (16). – С. 42–50.
2. Sajt FGBOU VO «Kubanskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet im. I.T. Trubilina». – *Jelektronnyj resurs*. – *Rezhim dostupa*: <https://kubsau.ru>.
3. Kondrashova A.V. Analiz vybora investicionnykh innovacionnykh projektov v sfere APK v uslovijah ogranichenogo finansirovanija / A.V. Kondrashova // *V mire nauchnyh otkrytij*. – 2012. – № 2-5 (26). – С. 285–293.
4. Gajduk V.I. Prodovol'stvennaja bezopasnost' Rossijskoj Federacii: sostojanie, tendencii, problemy / V.I. Gajduk, A.V. Kondrashova, M.G. Paremuzova // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 5: Jekonomika*. – 2017. – № 2 (200). – С. 61–71.
5. Trubilin A.I. Sistema ocenki znaniy i rejtingovogo testirovanija studentov / A.I. Trubilin, O.V. Grigorash // *Politematicheskij setevoj jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. – 2016. – № 116. – С. 1038–1050.
6. Trubilin A.I. O povyshenii kachestva podgotovki studentov / A.I. Trubilin, O.V. Grigorash // *Alma mater (Vestnik vysšej shkoly)*. – 2016. – № 11. – С. 75–78.
7. Trubilin A.I. Kak povysit' prestizh agrarnykh vuzov / A.I. Trubilin // *Zhi-votnovodstvo Juga Rossii*. – 2015. – № 2 (4). – С. 6–8.
8. Trubilin A.I. Tradicii, fundamental'nost', innovacii / A.I. Trubilin // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. – 2013. – № 1. – С. 55–59.
9. Trubilin A.I. *Upravlenie proektami: ucheb. posobie* / A.I. Trubilin, V.I. Gajduk, A.V. Kondrashova. – *Krasnodar: KubGAU, 2017. – 153 s.*
10. Fal'kov V. *Obrazovanie v uslovijah COVID-19*. *Rezhim dostupa*: https://minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2613.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», 350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, д. 13.

Trubilin Kuban State Agrarian University, 13, Kalinina Street, 350044, Krasnodar, Russia

Трубилин Александр Иванович

+7 (861) 221-59-42, trubilin.a@kubsau.ru

Гайдук Владимир Иванович

vi_gayduk@mail.ru

Кондрашова Анна Викторовна

tigrasmall@yandex.ru

СТРУКТУРНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ В СФЕРАХ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ: УСЛОВИЯ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

STRUCTURE REFORMING IN NATURAL MONOPOLIES SPHERES: CIRCUMSTANCES OF NEW REALITY AND CONTINUING PROBLEMS

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-339-346

БЕЛОУСОВА Наталия Ивановна

Ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН), д.э.н.

Nataliya I. BELOUSOVA

Leading Researcher, Federal Research Center «Computer Science and Control» of the Russian Academy of Sciences (FRC CSC RAS), Doctor of Economic Sciences

Аннотация

Цель – исследование складывающихся тенденций и концептуальных установок, на которых базируются оценки процессов реструктуризации в сферах российских естественных монополий с учетом теоретической обоснованности, происходящих и намечаемых законодательных корректировок. Выделены этапы развития законодательного обеспечения и формирования механизмов реализации структурных преобразований. Применительно к условиям новой реальности определены «болевы точки» развиваемых в этих сферах подходов с включением в анализ способов преодоления ранее нерешенных в процессе структурного реформирования проблем.

Abstract

The objective is to research the emerging trends and conceptual issues, on which the estimates of restructuring processes are based in Russian natural monopolies spheres, taking into account theoretical foundations as well as legislative adjustments in current regime and provisions under discussion. The stages of development of legislative support and formation of mechanisms for implementing the projected structural changes in the spheres are highlighted. With regard to the circumstances of the new reality, «painful points» of the developing approaches in the spheres are revealed including the analysis of ways to overcoming some previously unsolved continuing problems in the processes of natural monopolies structure reforming.

Ключевые слова Естественные монополии, структурное реформирование, этапы реформ, новая реальность, теоретическая обоснованность, законодательные изменения, механизмы реализации, инвестиции, общие и специфические подходы, тенденции к унификации.

Keywords *Natural monopolies, structure reforming, stages of the reforms, new reality, theoretical foundations, legislative adjustments, mechanisms of implementation, investment, total and specific approaches, trends to unification.*

Условия новой реальности, связанные со стагнацией и, далее с обострением кризисных явлений в экономике в сочетании с пандемией, характерны для современного этапа развития нашей страны и во многом определяют общий контекст анализа в данной работе.

В самом деле, согласно [1, с. 182], «...с 2013 г., экономика России находится в стагнации, из которых два года, в 2015 и в 2016 гг., была рецессия». В качестве одной из ключевых характеристик стагнации, в том числе применительно к сферам деятельности, которые принято относить к естественно-монопольным, весьма показательным является приводимый в [1, с. 186] факт о том, что в 2013–2015 гг. «главное сокращение инвестиций произошло по линии крупных корпораций – Газпрома, Роснефти, РЖД, Росатома и Ростехнологии. Их суммарные инвестиции, которые составляли более четверти всех инвестиций в стране, снизились на 30%, прежде всего, за счет Газпрома...».

При изначально растущей, хотя и немоноотонной, тенденции роста грузооборота за период 2013–2019 гг., далее, в условиях развертывания пандемии, транспортная отрасль естественным образом отреагировала на кризисные явления, произошли изменения в характере динамики транспортной деятельности, индуцированные снижением спроса на грузовые и пассажирские перевозки, приостановкой работы ряда промышленных предприятий, предприятий сферы услуг. Так, индекс (темп снижения) промышленного производства, согласно оперативным данным Росстата, в январе – апреле 2020 г. в сравнении с аналогичным периодом 2019 г. составил 99,4%, в апреле 2020 г. – соответственно 93,4%, а в апреле в сравнении с мартом текущего года – 90,8%.

Статистика первых месяцев 2020 г. (в сравнении с аналогичными данными за 2019 г.) дает следующие значения показателей динамики транспортной деятельности, непосредственно вызванные цепной реакцией на производственную динамику и снижение подвижности населения. Индекс (темп снижения) общего грузооборота транспортной отрасли (включая объем работы транспорта организаций всех видов экономической деятельности по перевозкам грузов) в марте 2020 г. в сравнении с мартом 2019 г. составил 92,9%, по сравнительным данным за первые кварталы двух смежных лет – 96% [2, с. 6, 82].

Сопоставительная динамика пассажирооборота транспорта общего пользования (в части железнодорожного, автомобильного/автобусы и воздушного) за аналогичные периоды 2020 г. к 2019 г. характеризуется следующими показателями: по первым кварталам – 96,3%, за март – 78,8%. В марте 2020 г. темп снижения пассажирооборота в сравнении с февралем этого же года составил 87,6% [2, с. 86].

Преодоление пока нарастающих кризисных явлений в стране и в мире связано с решением комплекса проблем на различных уровнях межгосударственного и государственного управления, включая макро-, мезо- и микроуровень. При этом на всех уровнях структурным преобразованиям, потенциально позволяющим в перспективе выйти на новое качество развития, отводится первостепенная роль. Особенно если учитывать, что хотя установки на эффективные структурные изменения в российской экономике активно провозглашались на всем протяжении российских рыночных реформ, с начала 1990-х годов, но, как показал опыт дальнейшего развития, они оказались недостаточно действенными.

На мезоэкономическом уровне, применительно к сферам естественных монополий, осуществление структурных реформ в значительной мере инициировалось специальными законодательными инициативами, и в этом одна из существенных особенностей проведения соответствующих мероприятий – с некоторым временным лагом, в сравнении с преобразованиями других сфер экономики.

Процессы структурного реформирования отечественных естественных монополий растянулись на десятилетия и продолжаются до настоящего времени, «вклиниваясь» в новую экономическую реальность и привнося с собой проявление некоторых позитивных тенденций, так же как и «шлейф» нерешенных проблем и неоправданных ожиданий (прежде всего, инвестиционного характера).

Развитие законодательного обеспечения и формирование механизмов реализации структурных реформаций в рассматриваемых сферах в сжатой форме и преимущественно на концептуальном уровне может быть представлено следующим образом. Так, до середины 1990-х годов, масштабы структурных изменений были ограниченными, регулирование деятельности инфраструктурных предприятий – монополистов осуществлялось в общем контексте макроэкономических мероприятий по изменению форм собственности и приватизации. В значительной мере усилия госрегулирования на этом этапе были сосредоточены на корректировках уровней цен на услуги инфраструктурных монополистов – преобразованных из отраслевых министерств РАО «Газпром» и РАО «ЕЭС России» – исходя из их динамики в сравнении с динамикой цен на продукцию промышленных предприятий.

«Перелом» в ситуации наступил с принятием 17.08.1995 ФЗ «О естественных монополиях» [3], в котором понятию естественной монополии был придан легальный статус, позволяющий конструктивно использовать это понятие в практике государственного управления, определять набор возможных и допустимых мер госрегулирования, формировать реестры естественных монополистов. В 1997 г. и далее формировался пакет законодательных документов по структурным реформам в сферах естественных монополий (начиная с [4, 5]). На этом этапе институциональных преобразований конкретизировался отраслевой состав – первоначально с охватом электроэнергетики, газовой сферы, железнодорожного транспорта и связи, были заданы направления их структурного реформирования (далеко не в полной мере реализованные, особенно применительно к газовой отрасли). Соответствующие структурные мероприятия [5] определялись созданием конкуренции производителей электроэнергии в региональных зонах оптового рынка; обеспечением доступа независимых организаций к газотранспортной системе РАО «Газпром»; выведением из системы федерального железнодорожного транспорта объектов социальной сферы, неиспользуемых производственных мощностей (ремонтных, строительных, машиностроительных предприятий), их приватизацией;

созданием условий для развития конкуренции на рынках железнодорожных транспортных услуг, с обеспечением равного доступа к инфраструктуре для различных перевозчиков и др.

В 2003 г. на законодательном уровне (в виде поправок к [3] от 10.01.2003) в качестве собственно естественно-монопольной была выделена сфера предоставления услуг по использованию инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, создана корпорация ОАО «РЖД», другие инфраструктурные предприятия, включаемые в реестры естественных монополистов. Можно рассматривать это как «реперную точку» очередного этапа структурного реформирования, связанного с дальнейшей конкретизацией, ориентированной на учет естественно-монопольной специфики объектов, а также с расширением круга отраслей и сфер деятельности, включаемых в сферу госрегулирования субъектов хозяйствования. Осуществляется отделение инфраструктуры от операций по доставке грузов и пассажиров и их выделение в отдельные компании (в том числе в форме создания дочерних и зависимых обществ) и т.п. Весьма существенна для финансового анализа и формирования экономических оценок процессов реструктуризации – законодательно принятая в 2007 г. (как результат одной из поправок к [3]) установка на раздельный учет доходов и расходов по видам экономической деятельности. Так, на железнодорожном транспорте – учет отдельно по пассажирским перевозкам (с выделением дальних перевозок и пригородных), по грузовым перевозкам и т.п.

Со значительным запозданием, лишь к концу 2008 г., т.е. с более чем десятилетним лагом от развертывания программы структурных мероприятий, для условий нашей страны с ее обширными пространствами и сложной административно-территориальной организацией, обозначился переход к следующему этапу, определяемому включением в компоненты структурного реформирования субфедеральной составляющей. Так, согласно [6] выделены сферы участия региональных властей в осуществлении госрегулирования деятельности естественных монополий в отраслевом и видовом разрезе. На предыдущих этапах структурных реформ в сферах российских естественных монополий при формировании и принятии управленческих решений приоритет явно отдавался федеральному уровню управления с территориальными подразделениями, обладающими ограниченными полномочиями.

Представляется, что особенности происходящего в настоящее время этапа развития законодательного обеспечения и формирования механизмов реализации структурных реформаций в сферах естественных монополий в значительной мере связываются с проявлением заметной общей тенденции к унификации в госрегулировании [7]. Приоритет отдается разработке и внедрению законодательных документов обобщающего, интегрального характера, зачастую – при нивелировании в них учета отраслевой и видовой специфики.

Унификация проявляется и в попытках выработки (или использования готовых) универсальных (единообразных) способов/схем оценки для различных отраслей и сфер деятельности, ценовых/тарифных и других мер госрегулирования (к сожалению, не всегда достаточно корректных), в том числе охватываемых структурным реформированием. В сферах естественных монополий в последние годы эта тенденция особенно усиливается: и путем «подпитки» в виде периодических импульсов оживления дискуссионного ракурса, и в виде конкретных законодательных инициатив органов антимонопольного регулирования (Федеральной антимонопольной службы – ФАС) [8, 9] по отмене ключевого для данных сфер законодательного

документа [3]. Предполагается сократить количество сфер естественных монополий (с 14 до 8), оставив в статусе естественных монополий только инфраструктурные сферы [9]. Отдельные положения ФЗ «О естественных монополиях» предполагается распределить между двумя ФЗ: «О защите конкуренции» [10] и подготавливаемым проектом закона «Об основах государственного регулирования цен (тарифов)» [11].

Заметим, что в качестве примера некорректности некоторых предлагаемых в [11] унифицированных мер ценового/тарифного регулирования следует отметить рекомендации по использованию метода оценки доходности инвестированного капитала, что может приводить, как показано еще в [12], к т.н. «избыточному инвестированию», соответственно, нерациональному использованию источников средств, неоправданному завышению уровней цен.

В течение ряда лет (пяти и более) практически остается неизменной, и неоднократно высказывается на парламентском и других уровнях, позиция ФАС по настоятельной необходимости упразднения ФЗ «О естественных монополиях» ([8, 9], с учетом обсуждений на недавнем, от 04.03.2020, заседании, в рамках правительственного часа в ГД ФС РФ). Приводимые доводы и аргументация в значительной мере исходят из того, что в существующем виде этот закон дает естественным монополистам «...дополнительные права не жить по законам конкуренции... А для естественных монополий правила должны быть еще строже» [8]. Но просто замена этого закона «актуальной главой в законе о конкуренции» (как предполагается в [8]) не вполне поможет решению проблемы, если не определить типы вводимой конкуренции. Применительно к таким сферам деятельности, в силу особенностей их технологии, с необходимостью предполагается включение в анализ развития конкурентоспособных рынков, совместимых с естественной монополией [13].

Анализ показывает, что действительно целый ряд формулировок этого закона и подходы к регламентации далеки от идеальных представлений об объекте и методах его регулирования что, однако, не означает однозначно необходимость устранения этого закона. Ряд положений, установленных в [3], в том числе в части базовых определений, не вполне отвечают требованиям некоторых «стандартов». Прежде всего – с позиций представлений, разрабатываемых в рамках одного из направлений современной экономической теории – теории естественной монополии, существенным образом ориентированной на решение задач, связанных с оценкой мероприятий по структурному реформированию ([13–15] и др.).

Можно привести целый ряд выполненных ранее исследовательских работ ([16, 17] и др.), в которых критика используемых в госрегулировании естественных монополий подходов носит, в основном, конструктивный характер и была направлена на их корректировку, причем в рамках [3]. То есть в выработанных рекомендациях, в том числе по корректировке дефиниций ключевых понятий, речь вовсе не шла о его отмене, но, прежде всего, о целесообразности преодоления (оставаясь в рамках этого закона) упрощенного представления о естественной монополии как объекте регулирования, неоднозначности установленных трактовок. Далее – о некорректности использования для идентификации естественных монополий экономических индикаторов с ориентацией на средние, а не на совокупные издержки. Кроме того, указывалось на недопустимость противопоставления понятий «естественная монополия» и «конкуренция», неприемлемость априорной идентификации естественных монополий и включения в реестры естественных монополистов преимущественно на основе использования чисто бюрократических процедур и т.п.

Соответственно, выявленные направления оценки могут рассматриваться как «болевые точки», знание которых необходимо для определения и совершенствования адекватных способов оценки в сферах естественных монополий, выхода на новый, приемлемый уровень управления, отвечающий не только необходимым требованиям корректности, но и условиям новой экономической реальности и законодательства.

В части возможности формирования обоснованных оценок структурных мероприятий способы преодоления как старых, так и возникающих в условиях новой реальности проблем во многом связываются с использованием в системе государственного регулирования потенциала моделей и методов теории естественной монополии ([13–18] и др.). Соответствующие теоретико-прикладные подходы охватывают проведение процедур идентификации естественных монополий, выделение из них собственно естественно-монопольных сегментов деятельности, оценки целесообразности осуществления мероприятий по обособлению/объединению видов экономической деятельности, оценки уровней цен доступа к инфраструктуре и т.п.

Вполне «хорошая новость» относительно учета в рамках предлагаемых законодательных изменений естественно-монопольной специфики – ориентация при определении естественных монополий на сетевые активы (причем с учетом их взаимозаменяемости) [9], с которыми в значительной мере и связывают особенности отраслевой инфраструктурной технологии. При этом, если принимать в расчет указанные выше теоретико-прикладные подходы, то ответ на вопрос о правомерности на основе такой априорной идентификации отнесения сетевых активов к естественным монополиям не так однозначен и требует дополнительной проверки [18].

В заключение нельзя не отметить, что не следует переоценивать значение конкуренции в рассматриваемых сферах как импульса инвестиционного развития. Ставка на то, что «снижение регуляторной нагрузки на эти сферы потенциально является основанием для того, чтобы повысить их инвестиционную привлекательность» [9], может оказаться не вполне оправданной (как показывает отечественный и во многом зарубежный опыт структурного реформирования естественных монополий), и потребуются задействование специальных стимулов.

В целом для выработки эффективных управленческих решений в рассматриваемых сферах, в том числе в условиях новой реальности, необходимо обеспечить сбалансированное сочетание и дополнение общих и специфических подходов, в том числе в рамках их законодательной регламентации.

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. О драйверах социально-экономического роста // Труды ВЭО России. Аналитические материалы МАЭФ-2019. – 2019. Том 218. С. 180–209.
2. Социально-экономическое положение России (январь – март 2020 года). Вып. 3. М.: Росстат. 2020. 337 с. www.gks.ru
3. Федеральный закон РФ «О естественных монополиях» от 17.08.1995 № 147-ФЗ (с изменениями и дополнениями).
4. Указ Президента РФ от 28.04.1997 № 426 «Об основных положениях структурной реформы в сферах естественных монополий».

5. *Постановление Правительства РФ от 25.05.1998 № 506 «О внесении изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 1997 г. № 987 «Об утверждении Программы мер по структурной перестройке, приватизации и усилению контроля в сферах естественных монополий».*
6. *Постановление Правительства РФ от 10.12.2008 № 950 «Положения об участии органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов в осуществлении государственного регулирования и контроля деятельности субъектов естественных монополий и о пределах такого регулирования и контроля».*
7. Белоусова Н.И. Об оценке тенденции к унификации в государственном регулировании естественно-монопольных подсистем // *Актуальные проблемы экономики и права.* 2019. Т. 13, № 2. С. 1251-1260. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.2.1251-1260.
8. ФАС хочет отменить закон о естественных монополиях. 04.03.2020. <https://regnum.ru/news/есопоту/2875039.html>
9. Сейчас их четырнадцать, останется восемь. Заместитель главы ФАС Сергей Пузыревский о реформе регулирования госмонополий // *Коммерсантъ.* № 56 от 01.04.2019. с. 2.
10. *Федеральный закон РФ «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (с изменениями и дополнениями).*
11. *Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования цен (тарифов)» (актуальный на 22.01.2019).*
12. Averch H., Johnson L.L. Behavior of the Firm under Regulatory Constraints // *The American Economic Review.* 1962. Vol. 52. No. 5. P. 1053–1059.
13. Baumol W.J., Panzar J.C., Willig R.D. Contestable Markets and the Theory of Industry Structure – N. Y.: HBJ, 1982, 497p.
14. Evans D., Heckman J.A. Test for Subadditivity of the Cost Function with the Application to the Bell System // *American Economic Review.* 1984. V. 74. P. 615–623.
15. Sueyoshi T. Divestiture of Nippon Telegraph and Telephone // *Management Science.* 1996. V. 52. No. 9. P. 1326–1351.
16. Белоусова Н.И., Васильева Е.М. Вопросы теории государственного регулирования и идентификации естественных монополий. – М.: КомКнига, 2006, 320 с.
17. Белоусова Н.И., Васильева Е.М., Лившиц В.Н. Модели идентификации естественных монополий и государственного управления ими (возможности расширения классической теории) // *Экономика и математические методы.* 2012. Том 4. № 3. С. 64–78.
18. Белоусова Н.И., Васильева Е.М. Диагностика свойств сетевых инфраструктурных технологий в реформируемой системе госрегулирования российских естественных монополий // *Российский экономический журнал.* 2019. № 3. С. 25–35. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-3-25-35.

References

1. Aganbegyan A.G. O draiverakh sotsial'no – ekonomicheskogo rosta // *Trudy VEO Rossii. Analiticheskie materialy MAEF-2019.* – 2019. Tom 218. S. 180–209.
2. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii (yanvar'-mart 2020 goda).* Vyp. 3. М.: Rosstat. 2020. 337 s. www.gks.ru
3. *Federal'nyi zakon RF «O estestvennykh monopoliyakh» ot 17.08.1995 № 147-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami).*
4. *Ukaz Prezidenta RF ot 28.04.1997 № 426 «Ob osnovnykh polozheniyakh strukturnoi reformy v sferakh estestvennykh monopolii».*

5. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25.05.1998 № 506 «O vnesenii izmeneniya v Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 7 avgusta 1997 g. № 987 «Ob utverzhdenii Programmy mer po strukturnoi perestroike, privatizatsii i usileniyu kontrolya v sferakh estestvennykh monopolii».*
6. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 10.12.2008, №950 «Polozheniya ob uchastii organov ispolnitel'noi vlasti sub"ektov Rossiiskoi Federatsii v oblasti gosudarstvennogo regulirovaniya tarifov v osushchestvlenii gosudarstvennogo regulirovaniya i kontrolya deyatel'nosti sub"ektov estestvennykh monopolii i o predelakh takogo regulirovaniya i kontrolya».*
7. *Belousova N.I. Ob otsenke tendentsii k unifikatsii v gosudarstvennom regulirovanii estestvenno-monopol'nykh podsystem // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2019. T. 13, № 2. S. 1251-1260. DOI: 10.21202/1993-047X. 13.2019.2.1251-1260*
8. *FAS khochet otmenit' zakon o estestvennykh monopoliyakh. 04.03.2020. <https://regnum.ru/news/economy/2875039.html>*
9. *Seichas ikh chetyrnadtsat', ostanetsya vosem'. Zamestitel' glavy FAS Sergei Puzyrevskii o reforme regulirovaniya gosmonopolii // Kommersant. № 56 ot 01.04.2019. s. 2.*
10. *Federal'nyi zakon RF «O zashchite konkurentsii» ot 26.07.2006, № 135-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami).*
11. *Proekt federal'nogo zakona «Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya tsen (tarifov)» (aktual'nyi na 22.01.2019).*
12. *Averch H., Johnson L.L. Behavior of the Firm under Regulatory Constraints //The American Economic Review. 1962. Vol. 52. No. 5. P. 1053–1059.*
13. *Baumol W.J., Panzar J.C., Willig R.D. Contestable Markets and the Theory of Industry Structure – N. Y.: HBJ, 1982, 497r.*
14. *Evans D., Heckman J.A. Test for Subadditivity of the Cost Function with the Application to the Bell System // American Economic Review. 1984. V. 74. P. 615–623.*
15. *Sueyoshi T. Divestiture of Nippon Telegraph and Telephone // Management Science. 1996. V. 52. No. 9. P. 1326–1351.*
16. *Belousova N.I., Vasil'eva E.M. Voprosy teorii gosudarstvennogo regulirovaniya i identifikatsii estestvennykh monopolii. – M.: KomKniga, 2006, 320 s.*
17. *Belousova N.I., Vasil'eva E. M., Livshits V.N. Modeli identifikatsii estestvennykh monopolii i gosudarstvennogo upravleniya imi (vozmozhnosti rasshireniya klassicheskoi teorii) // Ekonomika i matematicheskie metody. 2012. Tom 4. № 3. S. 64–78.*
18. *Belousova N.I., Vasil'eva E.M. Diagnostika svoistv setevykh infrastrukturykh tekhnologii v reformiruemoi sisteme gosregulirovaniya rossiiskikh estestvennykh monopolii // Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal. 2019. № 3. S. 25–35. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-3-25-35.*

Контактная информация / Contact information

ФИЦ ИУ РАН, 119333, г. Москва, ул. Вавилова, д. 44, кор. 2.
FRC CSC RAS, 44-2, Vavilova Street, 119333, Moscow, Russia
Белуосова Наталия Ивановна / Nataliya I. Belousova
+7 (917) 524-60-96, natabel.52@mail.ru; belousova@isa.ru

НОВАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ РОССИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

NEW PARADIGM OF RUSSIA'S DEVELOPMENT IN THE ERA OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-347-356

БОНДАРЕНКО Валентина Михайловна

Ведущий научный сотрудник,
Институт экономики Российской академии наук, к.э.н.

Valentina M. BONDARENKO

Leading Researcher, Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences, PhD in Economics

Аннотация

В статье описаны результаты исследований, в которых автором решена фундаментальная задача по формированию нового знания как основы обоснования новой парадигмы развития России и всего человеческого сообщества в эпоху глобальных трансформаций через понимание того, что человечество преследует только одну конечную цель, что развитие рассматривается с позиции целостности, системности, комплексности и на базе объединения всех наук в единое трансдисциплинарное знание и все анализируется через единый показатель – «время» и через «единый критерий эффективности» развития человеческой системы – «время между».

Abstract

The novelty of the new scientific paradigm lies in the fact that it allows us to determine the laws of development of a global society through the understanding that humanity has only one final goal in its development, that the development of a global society is viewed from the perspective of integrity, consistency, complexity and based on the unification of all sciences and spiritual knowledge into a single transdisciplinary knowledge and only in relation to this specific development goal, that everything is analyzed using one indicator – «time» and a single criterion for the effectiveness of the development of the human system – «time between» the goal and the reality in which the world is. The shorter the «time between» interval, the closer humanity is to achieving the goal. This provided a key to understanding the development paradigm, which inevitably should replace the existing one. The solution to this problem helps prevent the causes of crises, climate change, environmental disasters, the occurrence of real or hidden wars using climate, information and biological weapons, for example, as a pandemic of the COVID-19 virus.

Ключевые слова Новая научная парадигма, новая парадигма развития человеческого сообщества, цель, целостность, системность, комплексность, междисциплинарность, время, критерий эффективности.

Keywords A new scientific paradigm, a new paradigm for the development of the human community, goal, integrity, systematicity, comprehensiveness, interdisciplinarity, time, effectiveness criterion.

Введение

14 мая 2020 года в международном мультимедийном пресс-центре МИА «Россия сегодня» состоялась онлайн-сессия второго Московского академического экономического форума (МАЭФ) на тему: «Постпандемический мир и Россия: новая реальность?». Со вступительным словом онлайн-сессию открывал президент Российской академии наук, академик А.М. Сергеев, а модератором сессии был президент Вольного экономического общества России, президент Международного союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор С.Д. Бодрунов. В работе сессии приняли участие известные в мире науки ученые. Основная задача этой сессии заключалась в том, чтобы сформулировать пути выхода из глубочайшего кризиса, охватившего практически все страны мира, вызванного пандемией вируса COVID-19 [1]. Участники онлайн-сессии форума – академики и бывшие сотрудники правительства давали свои оценки по разным направлениям развития России в постпандемический период: каким будет падение ВВП России в этом году с учетом накопившихся за время стагнации проблем, нефтяного коллапса и шока, вызванного пандемией и другие сценарии. Оценки оказались самыми разнообразными, отличались в разы и, по мнению многих участников, труднореализуемые [2]. Но самое главное – все предложения участников сессии формулировались в рамках существующей социально-экономической модели развития, не определяли причины возникновения пандемии вируса COVID-19 и ее последствия, несмотря на то что сегодня таких публикаций огромное количество. Разброс точек зрения огромный: от искусственного происхождения вируса, используемого различными мировыми структурами в своих интересах, до сговора мировой финансовой элиты с целью охладить мировую экономику из-за перепроизводства товаров и денег и т.д. и т.п. Вместе с тем многие докладчики сессии, как и авторы публикаций, утверждают, что после завершения пандемии вируса COVID-19 мир будет другим. Но каким?

Новая парадигма развития

Будет ли это реанимирование существующей модели развития за счет, например, перехода к инновационной экономике (в который раз?) [3]. Или что-то иное? Пока не ясно. Но о переходе к новой парадигме развития в научном сообществе России никто не говорит.

Здесь следует сказать, что термин «парадигма» происходит от древнегреческого слова «παράδειγμα», которое переводится как «пример, модель, образец». В литературе встречается много определений понятия «парадигма», но, несмотря на такой плюрализм в интерпретации этого понятия, основоположником, который ввел данный термин в научный оборот, является Томас Самуэль Кун [4]. Т. Кун под парадигмами

подразумевает признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений. Такой дискуссии в российском академическом сообществе пока не ведется.

Вместе с тем в мире уже давно идет дискуссия о необходимости и возможности перехода к новой парадигме развития. Эта проблема уже давно обсуждается, например, на страницах таких крупнейших мировых изданий таких на страницах таких журналов, как: *World Futures*¹, *Technological Forecasting and Social Change*², *Futures*³ и *Cadmus Journal*⁴.

Как пишут авторы статей в этих изданиях, становление новой парадигмы является чрезвычайно актуальным вопросом, поскольку сложившаяся система человеческого развития перестала отвечать современным реалиям. Данная проблема изучается разными исследователями. Чаще всего ученые рассматривают вопрос перехода к новой парадигме в рамках конкретной области: политики, образования, медицины, философии и многих других [5].

Но есть исследования, в которых затрагиваются проблемы изменения парадигмы развития человеческого сообщества в целом. Так, в журнале *World Futures* была опубликована статья одного из авторов доклада Римскому клубу Эрвина Ласло под названием «Эволюция. Новая парадигма». В ней он еще в конце XX века рассматривал становление новой парадигмы в контексте эволюции человеческого сообщества. Надо сказать, что его исследования являются актуальными и сейчас. Он считал, что «концепция эволюции выходит далеко за рамки происхождения человечества...» [6].

В 2013 году в *Cadmus Journal* была опубликована статья «В поисках новой парадигмы глобального развития». Необходимость перехода человечества на новую парадигму развития авторы обосновывают тем, что экономический рост истощает мировую базу природных ресурсов с пугающей скоростью, угрожая долгосрочными катастрофическими изменениями в климате. Конкуренция за скудные ресурсы обостряет конкуренцию между странами. Глобализация разрушает барьеры, изолирующие национальные экономики, делая государства все более уязвимыми для дестабилизирующего воздействия за пределами национальных границ. Распространение ядерного и другого оружия создает новые угрозы национальной и региональной безопасности. Человечеством, кажется, как пишут авторы статьи, движут взаимоисключающие, противоречивые цели, ведущие к явно неразрешимым проблемам.

1 *World Futures*, <https://www.tandfonline.com/loi/gwof20>. Журнал исследований новой парадигмы, главный редактор журнала Эрвин Ласло, автор одного из докладов Римскому клубу.

2 *Technological Forecasting and Social Change*, <https://www.journals.elsevier.com/technological-forecasting-and-social-change>. Фред Филлипс, главный редактор журнала – одного из самых рейтинговых мировых изданий.

3 *Futures*[®] – <https://www.journals.elsevier.com/futures>, международный рецензируемый междисциплинарный журнал, посвященный среднесрочному и долгосрочному будущему культур и обществ, науки и техники, экономики и политики, окружающей среды и планеты, отдельных людей и человечества.

4 *Cadmus Journal* www.cadmusjournal.org, один из журналов Всемирной академии искусств и науки. Распространяется во все страны мира. Всемирная академия искусства и науки: WAAS – неправительственная организация, основанная в 1960 году видными интеллектуалами со всего мира, в т.ч. А. Эйнштейном и Р. Оппенгеймером, для разработки новых перспектив и инновационных подходов для решения глобальных задач, стоящих перед человечеством. Академия зарегистрирована в Калифорнии и имеет специальный консультативный статус при ЭКОСОС ООН. <http://worldacademy.org>

И так далее и тому подобное. По мнению авторов этой статьи, существующая сегодня парадигма глобального развития основана на ряде ложных предположений, предпосылок и принципов. Они могли быть полезны в прошлом, но теперь представляют серьезные препятствия для глобального социального, экономического и политического прогресса. Иными словами, существует множество причин, по которым настоящая парадигма развития не дает оптимальных решений [7].

Новая научная парадигма

В вышеупомянутой статье авторы также пишут, что для понимания новой парадигмы развития необходима новая научная парадигма, так как многочисленные проблемы имеют общие черты: все они выходят за рамки узких дисциплинарных границ. Они взаимосвязаны и взаимозависимы и не поддаются решению путем частичного отраслевого подхода. Подходы к решению этих проблем зависят от противоречивых требований, приоритетов и интересов. Рассматриваемые как в целом, так и в отношении друг к другу, они предстают перед человечеством как связь взаимосвязанных проблем беспрецедентной сложности. То есть существует множество причин, по которым настоящая парадигма не дает оптимальных решений. Авторы также утверждают, что нынешняя парадигма основана на устаревших экономических теориях и предположениях, таких, например, как непогрешимость свободного предпринимательства. Происходит это потому, что в этих теориях игнорируется очевидный факт, что нерегулируемые рынки, как и другие сети, не являются ни свободными, ни справедливыми, поскольку они неизменно становятся искаженными в пользу раннего или самого мощного адаптера. Эти изыскания подтолкнули авторов сделать основополагающий вывод: мир срочно нуждается в свежем мышлении, чтобы сформулировать новую интеллектуальную научную парадигму, которая должна основываться на новом наборе идей и новых принципах их применения. И уже на основе этого интеллектуального продукта делать предложения по формированию новой парадигмы развития человеческого сообщества.

Так, например, Гарри Джейкобс⁵ в 2014 году в статье «Новая Парадигма: необходимость и возможность» писал, что смена парадигмы не только возможна, она неизбежна. Существующая парадигма должна уступить место новой парадигме. Но для этого требуется разработка интегрированной науки об обществе, основанной на общих принципах для замены фрагментированных дисциплин, которые преобладают сегодня. Мир срочно нуждается в новом мышлении. Необходимо сформулировать новую интеллектуальную парадигму, которая полностью охватит взаимосвязь и взаимозависимость всех аспектов глобального общества и социального развития. Более того, новая парадигма должна иметь своей целью оптимизировать благосостояние и благополучие для всех людей и основываться на предпосылке о том, что демократические принципы и общечеловеческие ценности являются единственной жизнеспособной основой, благодаря которой возможен устойчивый прогресс человечества [8].

Далее, Гарри Джейкобс, уже в статье 2017 г., вновь отмечает, что существующие научные теории не отвечают современным реалиям, что подтверждают различные неопровержимые доказательства. Он убежден, то, что мы называем знанием, на самом деле является лишь примером разума, подтверждающего его собственные предположения в узких границах четко определенной, но неявной концептуальной системы. По его мнению, ни один из физических фактов не может быть адекватно объяснен с помощью господствующей научной теории, но гораздо сложнее физи-

5 В настоящее время Гарри Джейкобс является Президентом и главным исполнителем директором Всемирной Академии Искусств и наук (WAAS).

ческих систем оказываются человеческие социальные системы, поскольку «на психически сознательных людей влияют не только физические обстоятельства, условия, действия и события, но также интенсивность и взаимодействие между человеческой энергией, ощущениями, эмоциями, отношениями, убеждениями и ценностями участвующих людей и социокультурной средой, в которой они находятся» [9].

Фред Филлипс, главный редактор одного из самых рейтинговых мировых изданий – журнала «Technological Forecasting and Social Change» (Технологическое прогнозирование и социальные изменения) в своей статье «Парадокс глобализации» пишет, что глобализация в ее нынешнем виде работает против устойчивости. Но он видит причины этого явления только в «корпоративном краткосрочном подходе, несовместимом с долгосрочным устойчивым развитием». Но при этом пишет о необходимости формирования парадигмы с акцентом на принципы устойчивого развития, предусматривающие применение такого методологического инструментария, который позволяет увидеть прошлое и настоящее через понимание будущего [10].

В настоящее время в вышеперечисленных и других журналах появляется все больше статей и других авторов, которые подчеркивают острейшую необходимость разработки новой парадигмы развития глобального мира, но на базе новых знаний, на базе новой научной парадигмы, соответствующей запросу времени – эпохе глобальных трансформаций. Но при этом надо вспомнить, о чем писал по этому поводу Томас Кун в своей книге «Структура научных революций». Он отмечал, что научная парадигма как система фундаментальных концепций и теорий, которые на протяжении некоторого времени направляют развитие человеческой науки, возникает только лишь в развитой науке, когда академическое общество готово принять ту или иную концепцию или теорию как базу для исследований. Любая научная парадигма зависит от уровня развития общества: низкий уровень общественного сознания не примет научную парадигму. Историческим примером такого феномена является пример сербского ученого электро- и радиотехники Н. Теслы (1856–1943) и русского ученого-космиста К.Э. Циолковского (1857–1935). Если же научная парадигма соответствует уровню развития общественного сознания и она признана большинством членов академического сообщества, то парадигма становится официальной научной идеологией, объединяющей вокруг себя основную массу исследователей.

Автор данной статьи также уже много лет занимается исследованием закономерностей развития человеческой системы. Для их полного понимания на основе эмпирических, политэкономических и мировоззренческих исследований автору пришлось разработать новый методологический инструментарий, который постепенно стал основой новой научной парадигмы⁶.

6 Бондаренко В.М. *Прогнозирование будущего сквозь призму новой методологии познания или прогнозировать будущее можно только из будущего! Глава 6 в книге «Прогнозирование будущего: новая парадигма».* Фетисов Г.Г., Бондаренко В.М. (ред.) / М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2008. С. 220–270.

Бондаренко В.М. *Взгляд из будущего на формирование стратегии развития России, или есть у России несырьевое будущее // Вестник ИЭ РАН, № 1, 2008.*

Bondarenko Valentina M., Ilya V. Ilyin & Andrey V. Korotayev *Transition to a new global paradigm of development and the role of the united nations in this process // World Futures, 2017.*

Бондаренко В.М. *Структурная модернизация в условиях формирования цифровой экономики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 2. С. 172–191. DOI: 10.18184/2079–4665.2018.9.2.172–191.*

Научная парадигма: новый взгляд

Новизна новой научной парадигмы заключается в том, что она позволила определить закономерности развития глобального общества [11]. Достигнуто это прежде всего через понимание того, что человечество в своем развитии объективно, хотим мы того или нет, преследует только одну конечную цель. Это цель удовлетворить высшую потребность каждого индивида (которую он в полной мере пока не осознает) стать совершенным в физическом, интеллектуальном и духовном плане и достигнуть высокого уровня сознания. По сути, человеческий потенциал для достижения этой цели является основой принципа единства человечества.

Второй постулат новой научной парадигмы заключается в том, что развитие глобального общества необходимо рассматривать с позиции целостности, системности, комплексности и на базе объединения всех наук и духовных знаний в единое междисциплинарное, вернее, трансдисциплинарное знание. И использовать его только по отношению к этой выявленной объективно заданной цели развития. Известно, как об этом пишет журнал *Futures*, что еще с начала XXI века одним из прогрессивных и современных подходов является междисциплинарный подход. Эффективная кооперация и сотрудничество между сотрудниками разных дисциплин, как пишет этот журнал, позволяют максимизировать потенциальные выгоды междисциплинарных исследований и становятся фундаментом для будущей исследовательской деятельности [12]. В разрабатываемой автором новой научной парадигме использование междисциплинарного подхода в союзе с такими подходами, как целостность, системность, комплексность и все вместе только в понимании необходимости достижения объективно заданной цели развития дает совершенно фантастический синергетический эффект. Он позволяет понять, что только таким образом устраняется хаос, сложность и неопределенность и минимизируется во времени и в пространстве поиск ответов на все проблемы развития. Но сегодня многие ученые доказывают, что хаос, сложность, неопределенность и кризисы — это естественное, даже необходимое условие развития. В ответ обосновываются новые отрасли знаний, еще больше создающие преграды в понимании проблем развития.

В новой научной парадигме третий и четвертый постулаты заключаются в том, что все анализируется через единый показатель — «время» и через «единый критерий эффективности» развития человеческой системы — «время между» выявленной целью и той реальностью, где мир находится. Чем меньше «время между», тем ближе человечество и каждый индивидум приближаются к реализации цели. Это дало ключ к пониманию той парадигмы развития, которая неизбежно должна прийти на смену существующей. Иными словами, мы получили ключ к пониманию будущего.

Актуальность и своевременность решения этих задач заключается в том, что они позволяют выявить и предотвратить причины возникновения кризисов, климатических изменений и экологических катастроф. Она также позволяет предупредить возникновение реальных войн с применением, например, атомного и другого современного оружия или скрытых войн с применением климатического, биологического, информационного и иного оружия, поражающего подчас не только отдельные государства, а в целом весь глобальный мир. Сегодня мы являемся свидетелями такой формы войны, как пандемия вируса COVID-19.

Таким образом, мы видим, что любая из проблем развития России или любой страны глобального общества это не экономическая, и не техническая, не медицинская проблема или какая-либо другая проблема. В том числе, как автор об этом

много раз писала в своих статьях, это не проблема построения информационной или инновационной экономики на базе технологий Индустрии 4.0, это не проблема построения цифровой экономики или проблема борьбы с любой пандемией. Это проблема системная, обществоведческая, это проблема мировоззренческая [13, 14]. То есть это проблема неизбежной смены той парадигмы развития, которая господствует на планете и порождает все эти проблемы. Сегодня кризисы, хаос, сложности и другие невзгоды воспроизводятся в рамках этой парадигмы развития в глобальных масштабах и с возрастающей скоростью и вероятностью катастрофы.

Новая научная парадигма, апробированная во многих публикациях автора на протяжении длительного времени, оказалась способной обосновать новую парадигму развития, новую модель будущего, новую модель жизнеустройства всего человеческого сообщества. А также предложить эффективный механизм ее формирования не только в отдаленной перспективе, но и в ближайшие годы [14].

Это дало ключ к пониманию того, что большинство социально-экономических, политических и иных неопределенностей и кризисов являются характеристиками конкретного этапа развития, происходящего в конкретный момент времени и связанного с конкретной парадигмой развития. Адекватной парадигмой для будущего России и мира является та, которая учитывает объективные законы развития и создает все условия для достижения конечной цели.

Развитие России в эпоху глобальных трансформаций

Итак, что же мы понимаем под будущим развитием России в эпоху глобальных трансформаций? Каковы ее возможные модели?

Исследования показали, что четвертая технологическая революция в сегодняшней парадигме развития предопределяет возникновение многочисленных угроз и рисков. А в другой новой парадигме развития может стать необходимым условием ее становления. Это как в классической политэкономии. Новому уровню развития производительных сил должны соответствовать новые производственные отношения. При их несоответствии возникает кризис.

Россия и все страны мира быстро переняли различные достижения Индустрии 4.0, такие как искусственный интеллект (ИИ), интернет вещей, биотехнологии и нейротехнологии. Это предопределяет, что развитие может пойти по одной из трех потенциальных моделей глобального общества, каждая из которых имеет наличие собственной системы отношений между государством, обществом, бизнес-сообществом и конкретными индивидами в зависимости от выбранных целей развития.

Первая модель: Общество сознательно или бессознательно выбирает свои цели развития, а небольшая группа людей ставит свои собственные цели. Все эти наборы целей различны. Развитие происходит методом проб и ошибок, и будущее неопределенно, то есть движение к разным целям никогда не может достичь точки, где оно запускает переход к новой социально-экономической модели, механизм функционирования которой обеспечивает достижение во времени и в пространстве единой объективно заданной цели. Кроме того, различные цели, неизбежно, будут источником непредсказуемой напряженности и конфликтов.

Вторая модель: Развитие остается в рамках нынешней системы. Но это запрограммированный процесс, служащий интересам небольшой группы людей. В этой модели преследуется цель, поставленная этой группой, и соответствует ее ценностям. Такая модель включает в себя тенденцию к технологической сингулярности, ядро которой

составляют ИИ, биотехнологии и другие технологии для управления и манипулирования человеческим сознанием. Эта модель имеет конечной целью контроль над каждым конкретным человеком и над миром для того, чтобы максимизировать прибыль. Это повлечет за собой растущие риски для государства, общества и личности, а также предотвратит переход к новой социально-экономической парадигме развития, не говоря уже о том, что это, скорее всего, подорвет реализацию высших человеческих устремлений и единая объективно заданная цель никогда не будет достигнута.

Третья модель: цифровые и другие высокие технологии Индустрии 4.0 создают условия для принятия мировым сообществом новой модели развития, новой модели жизнеустройства, предполагающей понимание конечной цели и служащей интересам общества, бизнеса и каждого индивида в полном согласии и единстве. Эта модель означает приоритет интересов конкретных людей, гармонизацию и согласование максимально различных интересов людей в реальном времени, производство, основанное на цифровых технологиях и удовлетворяющее персонализированные максимально разнообразные потребности конкретных людей в реальном времени. Она также предопределяет отсутствие избыточного производства, которое помогает экономить ресурсы, решать экологические проблемы, останавливать негативные изменения климата и предотвращать стихийные бедствия. Самое главное, это позволит каждому человеку иметь больше времени для самореализации, будет стимулировать людей, особенно молодых, к участию в быстром и устойчивом развитии в стремлении к самореализации и самосовершенствованию. В этом случае технологическая сингулярность синхронизируется с сингулярностью возникновения новых отношений между людьми и с их осознанием необходимости эволюционного и необратимого процесса достижения конечной цели развития.

В своих опубликованных ранее работах автор много раз писала, что в настоящее время мир располагает между первой и второй моделями [15]. Однако пандемия вируса COVID-19 в сочетании с быстро развивающимися и внедряемыми в практику жизни цифровыми технологиями и широкомасштабными инновациями, обеспечивающими взаимосвязь с конкретным индивидом и в сочетании с надвигающимся мировым кризисом и растущими конфликтами, приводящими к обострению международных отношений и т.д. – быстро (ускоренно) подталкивают мировое сообщество ко второй модели развития. К модели, как обосновано нашими исследованиями, которую неизбежно ждет апокалипсис. Но вместе с ускорением внедрения технологий Индустрии 4.0, особенно цифровых технологий, пандемия вируса COVID-19 подтолкнула к тому, что одновременно все в больших масштабах приходит осознание (рост сознания) в необходимости ускоренной смены существующей парадигмы развития. Ведь недаром почти 200 известных деятелей культуры, ученых и спортсменов подписали открытое письмо с призывом к лидерам и гражданам изменить свой образ жизни, чтобы предотвратить экологическую катастрофу. Письмо опубликовала французская газета *Le Monde*. И как говорится в документе, пандемия коронавируса заставила людей осознать всю угрозу существованию человечества, поэтому «простой корректировки привычек будет недостаточно». Авторы призвали человечество «отказаться от несостоятельной логики и работать над изменением целей, ценностей и принципов экономического развития», поскольку потребительская философия привела людей «к отрицанию самой жизни» [16]. Таким образом, конечная, объективно заданная цель развития человека и общества, сформулированная автором, может быть достигнута лишь при условии признания правительствами всех стран, и в пер-

вую очередь России, того факта, что внедрение в жизнь различных передовых технологий создает условия для реализации наиболее угрожающих сценариев гибели существующей глобальной человеческой системы. Исходя из этого признания, они могут взаимодействовать со своим населением и мировым сообществом для того, чтобы поставить реализацию третьей модели на первое место в своих повестках дня и разработать единую стратегию для ее реализации в целях защиты своих стран и обеспечения как общей безопасности, так и устойчивого развития.

Заключение

Переход на новую парадигму развития России позволит обеспечить согласование интересов каждого отдельного человека с интересами других лиц на каждом местном уровне и в реальном масштабе времени. Следовательно, синхронизация технологической сингулярности цифровой экономики с сингулярностью вновь складывающихся отношений между людьми представляет собой достаточные условия для достижения желаемого момента в будущем. Все ценности человека и общества могут быть жизнеспособными и осуществимыми только в том случае, если они определяются этой конечной целью.

Практическое использование нового знания – новой научной парадигмы позволяет решать проблемы развития не только России, но и в целом глобального мира и любой страны в отдельности не методом «проб и ошибок», а осознанно, с пониманием конечной цели и в интересах каждого конкретного человека, живущего на планете Земля. Прогнозный горизонт реализации новой парадигмы развития не 2024 или 2030 год, а на всю перспективу, пока не будет достигнута цель.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00809.

Библиографический список

1. Дивный новый мир после пандемии <http://www.sib-science.info/ru/ras/krizis-budet-namnogo-glubzhe-14052020>; <http://www.sib-science.info/ru/ras/na-vykhode-iz-pandemii-rossii-potrebuyutsya-15052020>
2. Экономисты РАН о постпандемической экономике: кто в лес, кто по дрова. ИА Regnum, 19/05/2020 <https://regnum.ru/news/2953790.html>
3. Как изменится мировое устройство после коронавируса: «Деньги – это просто цифра» <https://www.mk.ru/science/2020/05/24/kak-izmenitsya-mirovye-ustroystvo-posle-koronavirusa-dengi-eto-prosto-cifra.html>
4. Томас Кун «Структура научных революций» / пер. с англ. яз. И.З. Налетова, М., 1975, 288 с.
5. Barrera J., Saura-Mas S., Blanco A. Transperformative education: toward a new educational paradigm based on transdisciplinarity and artistic performativity // *World Futures*, 2018. P. 275–297 <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02604027.2018.1463761>.
6. Laszlo E. Evolution: The new paradigm // *World Futures*, 1987. P. 151.
7. Ivo Šlaus, Garry Jacobs In Search of a New Paradigm for Global Development // *CADMUS Volume 1 – Issue 6*, May 2013, P. 1–7.
8. Jacobs G. New Paradigm The Necessity and the Opportunity // *CADMUS Volume 2 – Issue 2*, May 2014, p. 7–23.
9. Jacobs G. A New Paradigm of Life and Consciousness // *World Futures*, 2017. P. 365–375.
10. Phillips, Fred. (2018). From my perspective: The globalization paradox // *Technological Forecasting and Social Change*. 143. 319–320. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.06.016>
11. Бондаренко В.М. Бескризисное развитие: миф или реальность? – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ЛЕНАНД, 2014. 304 с.

12. H. Bridle, A. Vrieling, M. Cardillo, Y. Araya u L. Hinojosa, «Preparing for an interdisciplinary future: A perspective from early-career researchers» // *Futures*, № 53, pp. 22–32, 2013.
13. Информационное общество, инновации и долгосрочная стратегия России, часть 1 и 2 // *Информационное общество 2008*, № 5–6 и 2009, № 1.
14. Бондаренко В.М. ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ВИДЕНИЕ ИЗ БУДУЩЕГО // *Теоретическая экономика*, 2019, № 5, С. 38–49.
15. Bondarenko V. SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT MODELS IN THE Digital transformation era // *Journal of Economic Science Research*, Singapore. 2019, № 6.
16. Мадонна и Роберт де Ниро призвали поменять образ жизни после пандемии https://www.gazeta.ru/culture/news/2020/05/07/n_14390797.shtml

References

1. Divnyj novyj mir posle pandemii <http://www.sib-science.info/ru/ras/krizis-budet-namnogo-glubzhe-14052020;> <http://www.sib-science.info/ru/ras/na-vykhode-iz-pandemii-rossii-potrebuyutsya-15052020>
2. Jekonomisty RAN o postpandemicheskoj jekonomike: kto v les, kto po drova. IA Regnum, 19/05/2020 <https://regnum.ru/news/2953790.html>
3. Kak izmenitsja mirovoe ustrojstvo posle koronavirusa: «Den'gi – jeto prosto cifra» <https://www.mk.ru/science/2020/05/24/kak-izmenitsya-mirovoe-ustrojstvo-posle-koronavirusa-dengi-eto-prosto-cifra.html>
4. Tomas Kun «Struktura nauchnyh revolucij» / per. s ang. jaz. I.Z. Naletova, M., 1975, 288 s.
5. Barrera J., Saura-Mas S., Blanco A. Transperformative education: toward a new educational paradigm based on transdisciplinarity and artistic performativity // *World Futures*, 2018. P. 275–297 <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02604027.2018.1463761>
6. Laszlo E. *Evolution: The new paradigm* // *World Futures*, 1987. P. 151.
7. Ivo Šlaus, Garry Jacobs *In Search of a New Paradigm for Global Development* // *CADMUS Volume 1 – Issue 6*, May 2013, P. 1–7.
8. Jacobs G. *New Paradigm The Necessity and the Opportunity* // *CADMUS Volume 2 – Issue 2*, May 2014, p. 7–23.
9. Jacobs G. *A New Paradigm of Life and Consciousness* // *World Futures*, 2017. P. 365–375
10. Phillips, Fred. (2018). *From my perspective: The globalization paradox.* // *Technological Forecasting and Social Change*. 143. 319–320. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.06.016>
11. Bondarenko V.M. *Beskrisisnoe razvitie: mif ili real'nost'?* – Izd. 2-e, pererab. i dop. – M.: LENAND, 2014. 304 s.
12. H. Bridle, A. Vrieling, M. Cardillo, Y. Araya u L. Hinojosa, «Preparing for an interdisciplinary future: A perspective from early-career researchers» // *Futures*, № 53, pp. 22–32, 2013.
13. *Informacionnoe obshhestvo, innovacii i dolgosrochnaja strategija Rossii, chast' 1 i 2* // *Informacionnoe obshhestvo 2008*, № 5–6 i 2009, № 1.
14. Bondarenko V.M. VOZMOZhNYE MODELl RAZVITlJa CIFROVOJ JeKONOMIKI: VIDENIE IZ BUDUSHhEGO // *Teoreticheskaja jekonomika*, 2019, № 5, S. 38–49.
15. Bondarenko V. SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT MODELS IN THE Digital transformation era // *Journal of Economic Science Research*, Singapore. 2019, № 6.
16. *Madonna i Robert de Niro prizvali pomenjat' obraz zhizni posle pandemii* https://www.gazeta.ru/culture/news/2020/05/07/n_14390797.shtml

Контактная информация / Contact information

117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, Институт экономики РАН.
Institute of Economics of RAS, 32, Nakhimovsky prospect, 117218, Moscow, Russia
Бондаренко Валентина Михайловна / Valentina M. Bondarenko
bondarenko@ikf2011.ru

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СТРУКТУРЫ НЕРЫНОЧНЫХ И СМЕШАННЫХ ЭКОНОМИК (НА ПРИМЕРЕ ЮГОСЛАВСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛИЗМА)

KEY COMPONENTS OF NON-MARKET AND MIXED ECONOMIES (EXAMPLE: YUGOSLAV SOCIALIST MODEL)

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-357-365

КРОТОВА Мария Владимировна

Старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук (ИНП РАН), к.э.н., доцент

Mariya V. KROTOVA

Senior Research, Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (IEF RAS), PhD in Economics, Associate Professor

Аннотация

Современный курс Российской Федерации на создание сильного, социально-ориентированного, базирующегося на традиционных ценностях государства означает необходимость проведения независимой от МВФ денежно-кредитной политики и подчинения ЦБ РФ системе исполнительной власти РФ; отказ от сдерживания государственных инвестиций и социальных расходов исключительно на основе макроэкономических подходов, введение прогрессивного налогообложения доходов граждан, а также восстановление валютного регулирования и валютного контроля, способного обеспечить финансовую базу для развития импортозамещающих производств. Стратегическим направлением становится создание эффективных инструментов и методов контроля и автоматизированного управления технико-экономическими процессами с помощью цифровых технологий, замыкающих суверенный контур циркулирования управленческой и финансовой информации.

Разработке посткризисной структурной политики России может способствовать использование научного метода аналогий, в частности изучение социально-экономических моделей, альтернативных и административно-командной системы бывшего СССР, и современного глобально-финансового капитализма.

Abstract

The post-crisis economic development of the Russian Federation requires a new approach to the very paradigm for the new methods not only of the state governance, but a corporative governance as well. It should be noted that the majority of existing theoretical and methodical approaches and ideas used, do not meet the goal of achievement of real sovereignty and, global leadership set for Russia. As urges the author, modern Russian corporate governance methods and models often suffer from the lack of a coherent, systemic approach to managerial processes within large industrial companies. Moreover, the very language of economic and managerial studies that has been “borrowed” from US and EU business practices in 1990`s do not meet the goals and challenges that modern Russia faces today.

Thus increases the demand to review not only the Soviet experiences but other non-capitalist and statist economic models as well. The economic model that has been established in the former Socialist Federative Republic of Yugoslavia in the second half of the XX century is worth studying in this context as well. The so-called Yugoslav socialist model, as it has turned out today, was neither isolated from the outside world, nor non-viable. Economic systems of modern countries like Viet Nam, Syria, Belarus and Serbia – all of them to some extent resemble the Yugoslav socialist model or use similar practices.

Ключевые слова

Суверенитет России, долгосрочное экономическое развитие России, бизнес, корпоративное управление, предприятие, Евразийская цивилизация, югославская модель социализма.

Key words

Russian sovereignty, Russian long-term economic development, business, corporate governance, enterprise, Eurasian civilization, Yugoslav socialist model.

С точки зрения долгосрочного развития в начале 2020-х гг. перед страной стоит стратегическая задача, обратная той, что решала исполнительная власть в нашей стране в 1990-е годы. Реформы конца XX века обеспечивали контур для функционирования рыночных структур. На повестке дня стоит формирование макроэкономической, финансовой и информационной среды, обеспечивающей реализацию национальных интересов. Но, как и в 1990-е годы, для формирования новой экономики одного макроэкономического регулирования недостаточно. В свете посткризисного восстановления и последующего перехода в режим устойчивого роста на основе национальных интересов принципиально важны постановка и решение научных задач, находящихся на стыке фундаментальных и прикладных исследований: о перспективной структуре экономики России, которая была бы органичным развитием суверенной валютно-финансовой и макроэкономической политики, включая такие компоненты, как соотношение частной и государственной собственности по видам деятельности и их комплексам (отраслям – в прежней методологии); балансе финансовой централизации и децентрализации, уровнях принятия хозяйственных решений и т.п. Конечным итогом структурных преобразований должно стать возникновение устойчивого контура национальной экономики РФ, в котором суверенная финансовая политика автоматически поддерживается гармоничной системой хозяйственных связей и практик. О дефиците идей для посткризисной структурной политики свидетельствуют и противоречивые оценки перспек-

тив малого бизнеса: от его «вымирания» в существующем виде до необходимости специальных решений по его восстановлению в прежнем виде, даже пожертвовав низким технологическим уровнем — в пользу стимулирования конечного спроса и придания дополнительной динамики всей экономике.

Несмотря на большой массив публикаций гуманитарного, идеологического и религиозно-философского характера (например, в деловой газете «Взгляд»¹), вопросы влияния ценностей и отношений между субъектами рынка на экономические практики и, в частности, управление бизнесом практически не рассматриваются. Материалы, например, сетевого сообщества LEADER-ID, ориентированного на молодых людей, готовящихся к менеджерской карьере, строятся на международных практиках обеспечения процессов принятия решений и оценки результатов. Адаптация заимствованных методов к отечественной реальности происходит, как правило, в процессе решения конкретных менеджерских задач; либо же строятся специальные дорожные карты перехода от действующих управленческих практик к новым, по сути, импортированным. Представляет особый интерес оценка, в том числе и стоимостная, «цены» отказа от не обязательно неэффективных и устаревших, но старых, сложившихся и частично соответствующих отечественной традиции методов управления предприятиями, персоналом, целыми отраслями, а также рисков, связанных с модернизацией хозяйственных практик, что в полной мере проявилось после реформы здравоохранения в России.

Первый блок научно-исследовательских задач непосредственно относится к деятельности Вольного экономического общества и Российской академии наук, где сосредоточен основной интеллектуальный потенциал фундаментальных исследований. Одним из направлений их является изучение социально-экономических моделей, альтернативных и административно-командной системы бывшего СССР, и современного глобально-финансового капитализма. На фоне поиска антикризисной инициативы для России оказывается актуальным изучение опыта стран, входивших в состав бывшей Социалистической федеративной республики Югославия, социально-экономическая система которой получила в отечественной исследовательской практике название югославской, или реже — белградской, модели социализма, существовавшей с 1945 по 1991 год и подробно описанной, например, в работе [Кириллина Л.А., Пилько А.С., Чуркина И.В. История Словении. Институт славяноведения РАН: СПб «Алетейя», 2011. — 480 с., с. 383–390].

Определяющий фактор для выбора югославской модели как объекта исследования — это в первую очередь близость стран, входивших в состав бывшей Социалистической федеративной республики Югославия, к России по общим славянским корням, приверженности народов традиционным ценностям; не менее важна здесь перспектива для нашей страны устойчивого геополитического союза с государствами, сформировавшимися после распада южнославянской федерации.

С геополитической точки зрения югославская модель социализма представляла собой экономический базис, обеспечивающий проведение достаточно независимой внешней политики, равно как и для реализации социальной политики, в наибольшей мере соответствующей ценностям народа, его представлениям о справедливом распределении собственности и денежных доходов. Югославия все время своего существования на мировой арене придерживалась курса на неприсоединение ни к одному из существовавших в то время в мире военно-политических блоков. В период «холодной войны» второй половины XX в. многие идеи Движения неприсоединения (созданного при активнейшем участии основателя Югославии И.Б. Тито)

¹ См., например, сетевой ресурс www.vz.ru.

совпадали с интересами Советского Союза лишь частично, что предопределило в целом дружественные, но непростые отношения между СССР и СФРЮ. Между советской и югославской трактовками социалистического строя имелись существенные различия в идеологии и управленческой практике, основными из которых были активное вовлечение югославских предприятий во внешнюю торговлю как экспортеров, а также сохранение малого бизнеса на фоне ограниченной урбанизации.

Главным и общим для неприсоединившихся стран стал принцип суверенитета, экономически реализуемого через ограничения доминирования частного капитала в экономике. Опыт Белоруссии [Микроэкономика: Бондарь А.В., Воробьев В.А., Сухарева Н.Н. — Мн.: БГЭУ, 2007, 420 с.] и Сербии, отказавшихся в 1990-х гг. от копирования европейской социально-экономической модели, можно считать продолжением в том числе и югославской политэкономической традиции. В качестве модели системы управления и хозяйствования, близкой к югославской, следует отметить и распространившийся на Ближнем Востоке арабский социализм, известный в России под аббревиатурой БААС, который сохранился в современной Сирии, являющейся страной-наблюдателем в Движении неприсоединения. Схожей идеологией и социально-экономической системой обладает социалистический Вьетнам.

При переходе от политического к экономическому языку возможно предложить следующую трактовку главных «компонент», или определяющих структурных элементов, такой социально-экономической модели, включая вызовы, угрозы и риски, связанные с этими компонентами.

1. Приоритетные для национальных целей и безопасности государства сферы экономической деятельности, включая недра, энергетику, оборонную и тяжелую промышленность, являются юридически неотчуждаемыми и закрепляются в государственной собственности, как правило, на уровне национальных Конституций. Такая структура является инструментом обеспечения максимального (из всех известных мировой практике) уровня защиты национальных компаний от проникновения в эти виды деятельности иностранного капитала. Исключение составляет возникновение потребности страны во внешних заимствованиях по линии международных финансовых институтов. Более того, в случае высокой экономической эффективности, т.е. в отсутствие объективной потребности в реструктуризации, при 100%-ной государственной собственности не создается предпосылок для заимствования несвойственных стране методов корпоративного управления, оценки экономической и управленческой эффективности дочерних структур и управленцев, чуждой национальным традициям бизнес-этики.

Если считать эту позицию критерием наличия у современной России экономического базиса для устойчивого, суверенного развития, то наиболее полно такой контроль государства — в сфере собственности — существует в атомной промышленности в форме государственной корпорации «Росатом». Оборонная промышленность, через сложную и не раскрываемую по стратегическим мотивам структуру капитала, также замкнута в своем контуре собственности на государственную корпорацию «Ростех»; на уровне отдельных предприятий и вертикально-интегрированных компаний (находящихся под управлением «Ростеха») сохраняется акционерная форма собственности.

Принципиально важно отметить, что «Ростех» и «Росатом», являющиеся неотчуждаемыми стратегическими комплексами, обладают сегодня юридическим статусом некоммерческой организации, находящимся в определенном концептуальном

противоречии с действующей редакцией главы 1 Гражданского кодекса РФ. Действующая редакция ГК РФ исключает регистрацию государственных коммерчески ориентированных вертикально-интегрированных компаний, в структуру которых входят другие государственные предприятия или подконтрольные государству акционерные общества. Государственное предприятие, в том числе убыточное и не подлежащее банкротству, может быть, согласно ГК РФ, исключительно унитарным. Холдинговая интегрированная компания, наподобие «РОСНАНО», может иметь долю государства в акционерном капитале под 100%, но этот статус юридически не гарантирует их неотчуждаемости. Запрет на приватизацию оформляется решением исполнительной власти, но системного отражения в законодательстве не имеет.

Противоречия правового характера в отношении оборонных и высокотехнологичных производств, хотя и не представляют непосредственной угрозы, но могут быть источником рисков в перспективе.

Другой сегмент крупного бизнеса, обеспечивающего стратегические цели и задачи государства, – ТЭК – в настоящее время оформлен в качестве вертикально-интегрированных акционерных компаний (ПАО). Доля государства здесь в целом держится в районе контрольного пакета, т.е. превосходит 50%. За последние два десятилетия исполнительная власть РФ проводила активную политику восстановления контроля за капиталом акционерных компаний, что означало уход от хозяйственных концепций 1990-х гг., не исключавших перспективу демонополизации газовой промышленности, полной приватизации нефтяной промышленности и электроэнергетики. Правительство РФ² также ежегодно утверждает инвестиционную программу для каждой из компаний ТЭК. Некоторые стратегические решения, в т.ч. касающиеся экспорта, инвестиций и структурных решений, сформулированы в указах Президента РФ. Все это позволяет считать существующий уровень контроля государства в ТЭК адекватным его роли в экономике и геополитическим рискам, но юридический запрет отчуждаемости активов компаний-недропользователей отсутствует и здесь.

Корпоративное управление в вышеназванных хозяйственных комплексах является областью, по большей части закрытой для детального анализа на соотношение традиционных и заимствованных ценностей и норм, методов и критериев оценки деятельности управленцев и сотрудников. Источником данных здесь выступают в том числе и диссертационные работы, защищаемые специалистами соответствующих компаний. Эмпирический анализ представленной в них информации указывает на то, что проникновение заимствованных практик менеджмента на предприятия тем выше, чем меньше формальное участие государства в их капитале: это эффект «консервации» лучших управленческих практик. В оборонной промышленности³ он в целом выше, чем в ТЭК⁴; к тому же в последнем больше применяется импортных программных продуктов. Степень привлечения зарубежных менеджерских практик –

2 В дополнение к тарифному и техническому регулированию.

3 См. по: на правах рукописи. Селезнева И.Г. *Организационные и экономические механизмы государственного регулирования высокотехнологичной промышленности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук по спец. 08.00.05.* – М.: ЦЭМИ, 2019.

4 См. по: на правах рукописи. Гулулян А.Г. *Оценка экономической эффективности использования технологий цифровых месторождений при принятии управленческих решений в нефтегазовом производстве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук по спец. 08.00.05.* – М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2017.

как и наличие оригинальных отечественных традиций управления – существенно разнится в зависимости от всей истории корпоративного управления, начиная с периода становления компании 1990-х гг.

2. Наука, культура, образование, и социальная сфера являются неотчуждаемыми сферами деятельности и ответственности государства, что по сути материализует общественный запрос на национальную идеологию, идею. В основе идеи образования союзной Югославии лежало единство славянских народов, независимость и сопротивление фашизму [Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке. Сб. статей: ред. Силкин А.А. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 400 с.]

Доступность социальных услуг для всех категорий населения приравнивает их с юридической точки зрения к социальным правам. Экономическим аспектам функционирования идеологической и социальной сфер в странах с их государственным финансированием, особенно с позиций взаимосвязи целей и средств управления, уделяется недостаточное внимание. Анализ системных связей между идеологией и государственно-финансовым управлением социально-идеологической сферой показывает ряд принципиальных возможностей и угроз:

- из идеологического характера социальной сферы неизбежно следует ее принципиальная некоммерциализуемость, а не только юридическая неотчуждаемость, как у коммерческих компаний, нарушение принципа некоммерциализуемости способно при определенных социально-экономических кризисах привести к серьезным угрозам общественной безопасности;
- и текущее, и инвестиционное финансирование социальной сферы осуществляется правительством за счет перераспределения налоговых доходов и результатов деятельности государственных промышленных компаний; это не только механизм компенсации убыточности социальной сферы, но и прямая материализация принципа солидарности государства, бизнеса и граждан;
- принцип национальной солидарности может быть также воплощен в солидарном характере пенсионной системы, которая, как показывает практика, становится уязвимой при столкновении с жесткими бюджетными ограничениями.

Положение современной России по данной компоненте содержит в себе определенные риски. В здравоохранении наиболее устойчивыми оказались те сегменты и организации, которые подвергались минимальным реорганизациям на протяжении последних 30 лет. Реформа Российской академии наук (2013 г.), лишившая старейшую в стране научную и общественную организацию средств и юридического статуса для ведения самостоятельной научно-инновационной деятельности, так же как и изменения в пенсионном обеспечении (2018 г.), указывают на то, что финансовые и фискальные приоритеты при управлении наукой, культурой, образованием, медициной – зачастую реализуются в ущерб принципам общественной солидарности.

3. Государство формирует долгосрочные программы социально-экономического развития, привлекает средства частного бизнеса и создает систему национального участия в решении стратегических задач. Данная компонента управления смешанной экономикой с сильной ролью государственного сектора и национальной идеологии – это материализация принципа общественной солидарности. Участие в крупных проектах может рассматриваться и как долгосрочный источник развития национально ориентированного среднего и инновационного бизнеса. В современ-

ной отечественной практике крупнейшая инициатива по участию крупного бизнеса в совместном финансировании приоритетных проектов принадлежит д.э.н. А.Р. Белоусову, в течение 2016–2020 гг. занимавшему различные высокие должности в системе исполнительной власти РФ. На уровне министерств и субъектов Федерации юридическим оформлением реализации «солидарных» экономических инициатив (например, создание новых предприятий, модернизация учреждений здравоохранения, реставрация памятников культуры) являются проекты, получающие статус приоритетных и реализуемые органами исполнительной власти на основе государственно-частного партнерства.

Распространение государственно-частного партнерства является в настоящее время позитивным фактором, позволяющим частично компенсировать недостаток бюджетных ассигнований на развитие науки, культуры, образования, медицины. Относительно перспективы развития государственно-частного партнерства в социальной сфере, среднем и инновационном бизнесе возникает непростая институциональная развилка:

- приоритетные проекты и государственно-частное партнерство может быть использовано органами власти в качестве периодически применяемой антикризисной меры, позволяющей компенсировать риски снижения общего уровня финансирования стратегически важной социальной сферы, а также коммерциализировать ряд изначально нерыночных технологий и услуг;
- государственно-частное партнерство станет системным способом финансирования, и в условиях сокращения доли регулярного, осуществляемого на сметной (а не на проектной) основе бюджетного финансирования оно эволюционирует в де-факто основной источник обеспечения деятельности социальной сферы, с соответствующими возможностями и рисками;
- проектный принцип может быть распространен на деятельность более широкого круга предприятий и организаций, существенно изменив принципы работы и управления как социальной сферой, так и среднего, регионального и инновационного бизнеса. В этом случае сам проектный принцип управления существенно модифицируется и станет магистральным для развития бизнеса, ориентированного на конечный спрос.

4. Смешанная экономика с доминированием государственного сектора и достаточно высокой налоговой нагрузкой на бизнес, обеспечивающей социальную сферу, является весьма жесткой управленческой структурой, теоретически ограничивающей ее эффективность и устойчивость. История бывшей Югославии позволяет указать на основной «компенсатор», обеспечивавший жизнеспособность ее социально-экономической модели на протяжении пяти десятилетий. Для Балкан, как и для восточных стран, строивших в XX в. смешанную экономику, это был малый бизнес, а также традиционная (*grassroots* в англоязычной литературе) социальная активность, сформировавшиеся естественным путем под влиянием исторических, национальных, религиозных, культурных и территориальных традиций. Благодаря им в смешанной экономике формируется массовый частный сектор, который, как правило, признается не столько экономической деятельностью, сколько образом жизни населения и не подлежит жесткому регулированию. Масштабы деятельности *grassroots* и ее виды — от розничной торговли до выдачи займов под доходы от традиционных видов малого и среднего бизнеса — наиболее распространены в странах, где исповедуют различные направления Ислама.

На схожих гипотезах о низовой социально-экономической активности выстроены исследования А.В. Чаянова, посвященные русскому крестьянству первой четверти XX века. В 1930-х гг. именно эта, крестьянско-артельная часть социалистической экономики СССР, была полностью уничтожена в период коллективизации и форсированной индустриализации и была восстановлена только в конце 1980-х гг.

На данном направлении современная экономика нашей страны сталкивается с наибольшей долгосрочной неопределенностью. В условиях формального разнообразия форм рыночной экономики на рубеже 2010–2020 гг. малый бизнес и иная деятельность grassroots и в России, и во многих странах с разными социально-экономическими системами сталкиваются с глобальным, до конца не оцененным вызовом, уже не политического, а комплексного структурно-технологического технологического характера. Его основные составляющие – это:

- переход к массовой торговле устройств на базе цифровых технологий и их использование в сферах деятельности, связанных с личным пространством и личными потребностями человека;
- потребность в обеспечении безопасности в условиях новых эпидемий, освоения труднодоступных территорий и под воздействием крупномасштабных природных либо техногенных катастроф;
- совершенствование государственной системы налогового и технического регулирования, их сопряжение с цифровыми технологиями;
- изменение покупательских и клиентских предпочтений, разработка крупными компаниями новых товаров и услуг, ориентированных непосредственно на личное потребление, появление новых методов продвижения товаров, главным образом в виртуальном пространстве.

Как следует из перечисленного списка-описания компонент смешанной экономики с государственным участием, принципиально важны не сами компоненты этой социально-экономической системы, но и ее историческая динамика. Не менее важны также риски, угрозы и вызовы, связанные с перспективой эволюции каждой из компонент – в той мере, в какой мы понимаем их с позиции сегодняшнего дня.

Все сказанное выше вовсе не означает необходимость копирования в 2020-х гг. в России социально-экономической модели второй половины XX века. Сравнительный подход к анализу основных элементов югославской модели социализма с тем, как организованы аналогичные области современной российской экономики. Речь идет о тех инструментах и методах, которые наиболее известны мировой практике, юридические и экономические инструменты обеспечения геополитического, концептуального и – в зависимости от наличия необходимых ресурсов – экономического суверенитета, вовсе не сводящегося к примитивной автаркии.

Введение укрупненных «компонент» для описания сходных по своей культурной, институциональной и политической традиции социально-экономических систем (стран, государств) выводит исследователя на необходимость применения системного подхода [Спицнадель В.Н. Основы системного анализа: Учеб. посо-

бие. – СПб.: «Изд. Дом „Бизнес-пресса“», 2000 г. – 326 с.], позволяющий ориентироваться социально-экономических систем, наработанных мировой практикой.

Вообще же системный подход может обеспечить отечественным исследователям дополнительный ресурс к развитию экономического и идеологического, концептуального суверенитета. Ведь для смешанной экономики с государственным участием надлежащего терминологического аппарата анализа и описания не хватает, либо он есть, но полностью привязан к реалиям отечественной практики до 1991 года и требует актуализации. Последняя задача является долгосрочной и требует объединения усилий фундаментальной науки – институтов Российской академии наук, ВЭО, объединений предпринимательского сообщества.

Библиографический список

1. Бондарь А.В., Воробьев В.А., Сухарева Н.Н. *Микроэкономика*. – Минск: БГЭУ, 2007 с.
2. Кириллина Л.А., Пилько А.С., Чуркина И.В. *История Словении*. Институт славяноведения РАН: СПб «Алетейя», 2011. – 480 с.
3. *Вместе в век конфликтов. Россия и Сербия в 20 веке*. Коллективная монография. Редактор Силкин А.А. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 400 с.
4. Спицнадель В.Н. *Основы системного анализа*. Учебное пособие. – СПб.: «Деловая пресса», 2000. 326 с.

References

1. Bondar` A. V., Vorobiev V.A., Sukhareva N.N. *Microeconomics*. – Minsk: BSEU, 2007 p.
2. Kirillina L.A., Pilko A.S., Churkina of I.V. *History of Slovenia*. Institute of Slavic studies of RAS.: SPB «Aleteya», 2011. – 480 p.
3. *Together in the century of conflicts. Russia and Serbia in the 20th century*. Collective monography. Editor Silkin A.A. M.: Institute of Slavic studies of RAS, 2016. – 400 p.
4. Spitsnadel V.N. *Basicsof the system analysis*. Education guidance. – SPb, «Business press», 2000. 326 p.

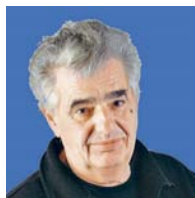
Контактная информация / Contact information

ИНП РАН, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47.
IEF RAS, 47, Nakhimovsky prospect, 117418, Moscow, Russia
Кротова Мария Владимировна / Mariya V. Krotova
+7 (916) 118-37-93, mw_krotowa@mail.ru

ПОСТЭПИДЕМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ОБОСТРЯЕТ ПРОБЛЕМЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЭСТОНИИ)¹

THE POST-EPIDEMIC CRISIS WAS AN EXACERBATION OF THE PROBLEMS OF POST- INDUSTRIAL TRANSFORMATION OF THE EMPLOYMENT STRUCTURE (FOR EXAMPLE, ESTONIA)

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-366-371

ВАЙНГОРТ Владимир Леонтьевич

Член правления Консалтинга «Кардис», д.э.н.

Vladimir L. VAINGORT

Member of the Board, «Kardis» Consulting, Doctor of Economic Sciences

Пандемия совпала по времени с кризисом рынка труда, вызванным постиндустриальным развитием. Исчезают профессии, требующие высокой квалификации, а также офисный планктон. Постоянные трудовые договора заменяются обязательно-правовыми соглашениями с фрилансерами. Средний класс распадается на «креативный слой» и массу «работающих бедных», выполняющих малоквалифицированный труд. Расширяется также прекариат за счет мигрантов (эксплуатация которых обеспечивается арендой рабочей силы). Постэпидемический кризис обострил проблему неравенства. Требуется новые модели социальной поддержки беднеющего населения.

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на Международном научном онлайн-семинаре «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», который состоялся 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

Abstract

In countries of post-industrial development based on the digitalization of the economy the coronavirus epidemic coincided with a crisis in the labor market caused by radical changes in the structure of employment. Many professions are becoming a thing of the past, requiring high qualifications (and appropriate training). The office plankton disappears. The nature of the employment relationship is changing: permanent employment contracts replaced by short-term legal agreements with freelancers. Accordingly, the structure of society is changing. Middle class is breaking up into a lesser creative layer (with higher pay) and a bigger «working poor» layer performing low-skilled (and low-paid) labor. The precariat is also expanding at the expense of migrants (whose operation is ensured by basis of the so-called rent of labor). The experience of Estonia is advancing farther in digitalization than others in the post-Soviet space – showed that eliminating unemployment does not exclude rising poverty. The post-epidemic crisis exacerbated the problem of inequality, since it accelerated the atomization of labor and closed the export of labor in the single market labor of the European Union. New models of social support for the poor need to be worked on.

Ключевые слова Цифровизация уничтожает средний класс; кризис рынка труда ускорила пандемия.

Keywords Digitalization destroys the middle class; labor market crisis sped up pandemic.

Эстония дальше других постсоветских государств продвинулась в постиндустриальном развитии, означающем не только многоаспектную цифровизацию, но и всестороннее развитие человеческого капитала по всем его составляющим. Соответственно, почти за 30 лет государственной самостоятельности (после 1990 г.) в Эстонии радикально изменилась структура экономики (как показано в табл. 1), а также структура рынка труда.

Таблица 1. Отраслевая структура экономики Эстонии, в %, 1990–2016 гг. [1]

<i>Отрасль</i>	<i>1990</i>	<i>2000</i>	<i>2010</i>	<i>2016</i>
Сельское хозяйство	15,7	4,8	3,2	2,6
Промышленность	39,6	21,9	22	20,9
Строительство	7,2	5,9	5,9	6
Торговля	8	14,2	13,3	14,3
Транспорт	6,4	15,7	14,2	13,6
Услуги (в т. ч. ИТ)	23,1	37,5	41,3	42,6

В таблице 2 показано число предприятий (по убывающей), действующих в Таллине по 18 основным видам деятельности (на декабрь 2019 г.), средняя зарплата в этих отраслях и число работников.

Справочно

Средняя зарплата в целом по Таллину – 1745 евро.

Характерно для постиндустриальной экономики, что самая высокая оплата труда в отрасли «ИТ и связь», почти на 50% выше среднегородской. Далее следует зарплата в отрасли «финансовая и страховая деятельность». И, что было невозможно в индустриальной экономике, в первой пятерке по оплате труда оказалось «образование», а в первой половине списка – «наука» (6-е место) и «здравоохранение»

Таблица 2. Число предприятий по основным видам деятельности (отраслям), средняя зарплата (в €), а также число работников (декабрь 2019 г., Таллин) [2]

Вид деятельности	Число предприятий с работниками	Средняя зарплата	Число работников
Опт. и розн. торг., ремонт мотор. трансп. средств	4558	1347	44019
Проф., науч. и тех. деятельность	3587	1923	14281
Строительство	2470	1645	15133
Обрабатывающая пром.	1749	1539	28686
ИТ и связь	1669	2559	19747
Адм. и вспомогательная деятельность	1520	1344	25831
Грузоперевозки и склад	1434	1515	17819
Деятельность в недвижимости	1307	1577	4541
Прочее обслуживание	1179	1327	5563
Размещение и питание	964	980	13161
Искусство, развлечение и свободное время	543	1656	6476
Здравоохранение и социальная деятельность	525	1851	16081
Финанс. и страх. деятельность	517	2429	11109
Образование	333	2188	17255
С/х, лесное хозяйство, рыболовство	102	1670	371
Водоснабжение, канализация, переработка отходов	61	1419	1738
Снабжение: электр., газ., пар. и кондиционирование воздуха	43	2297	2627
Горная промышленность	13	2389	214

(7-е место). Оплата труда в производственных отраслях, а также административная деятельность оказались во второй (нижней) половине списка. То есть самые высокие зарплаты (и концентрация работников) в отраслях, относящихся к экономике знаний. И чем дальше – по мере развития знаниеемкой экономики, – тем скорее идет трансформация структуры рынка труда. Исчезают целые группы работников, ранее составлявших основу среднего класса²: синие и белые воротнички; рабочие высокой квалификации (вроде ж/д-машинистов или станочников и наладчиков оборудования – которые не требуются для технологических линий, управляемых искусственным интеллектом). Исчезает также «офисный планктон», лаборанты высокой квалификации и квалифицированный технический персонал архитектурных и конструкторских бюро (в результате комплексной цифровизации рутинных операций, требовавших специальных знаний). Наконец, значительно уменьшается штат чиновников среднего уровня государственного и муниципального управления (также в результате цифровизации).

Средний класс разделяется на «креативный слой» (или «креативный класс» по Р. Флориде), «создающий в результате творчества интеллектуальные и материальные ценности» [3], с оплатой труда, превышающей медианную в два и более раза, и слой «работающих бедных» – занимающихся трудом, не требующим высокой квалификации и существенной подготовки, а также специального образования хотя бы на уровне бакалавриата. Этот слой – аналог французских «желтых жилетов», в условиях Эстонии получающих

² Автор относит к среднему классу лиц, которым банки готовы предоставлять ипотечные жилищные кредиты, либо оформлять лизинг для приобретения новых легковых автомобилей в ценовом диапазоне от 20 до 30 тыс. €. В условиях Эстонии и то и другое возможно при годовом долговременно гарантированном доходе выше 30 тыс. € (или среднемесечном доходе выше 2500 €). Медианная зарплата в Эстонии по состоянию на 01.01.2020 – 1116 €. То есть нижняя линия для отнесения к среднему классу – более чем двукратное превышение медианной зарплаты.

в месяц брутто-зарплату от 584 евро (минимальная зарплата, установленная законом при полной занятости) до 1100 евро (уровень медианной оплаты), что при уровне цен к началу 2020 года, а также стоимости услуг ЖКХ позволяет еле-еле сводить концы с концами. Рост рабочих мест низкой квалификации и малой оплаты прежде всего связан с ростом занятости в сфере соцобеспечения – в большой мере в результате увеличения возраста населения, и в том числе среди работающей его части – как видно из табл. 3.

Таблица 3. Распределение работающих по возрасту (в тыс. человек и в %) по годам [4]

Возраст	Работающие	Год												
		2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
15-74	кол-во	615,6	651,7	657,6	656	593,9	568	603,2	614,9	621,3	624,8	640,9	644,6	658,6
	%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
15-24	кол-во	60,7	62,3	66,6	68,7	52,4	45	53	52,1	49,6	48	49,3	49,3	51,6
	%	9,9	9,6	10,1	10,5	8,8	7,9	8,8	8,5	8,0	7,7	7,7	7,6	7,8
25-49	кол-во	380	399,8	397,9	393,1	356	346,5	360,3	363,8	366,4	368,8	378,4	377,7	385,8
	%	61,7	61,3	60,5	59,9	59,9	61,0	59,7	59,2	59,0	59,0	59,0	58,6	58,6
50-74	кол-во	174,9	189,6	193,1	194,2	185,5	176,5	189,9	198,9	205,3	208	213,2	217,6	221,2
	%	28,4	29,1	29,4	29,6	31,2	31,1	31,5	32,3	33,0	33,3	33,3	33,8	33,6

В здравоохранении Эстонии складывается геронтологическая служба, а в сфере социального обеспечения только в 400-тысячном Таллине действует несколько десятков пансионатов для одиноких пенсионеров и создана специальная служба ухода за пожилыми людьми на дому. Заметный рост малоквалифицированных рабочих мест до пандемии обеспечивало развитие туризма; сети ресторанов, кафе, баров, гостиниц, транспортного сервиса и т.п. Опыт Эстонии подтвердил точку зрения Р. Капелюшника [5] о том, что в постиндустриальной экономике новых технологий не произойдет высвобождения людей. Наоборот, рост потребности в рабочих местах сферы услуг снимает проблему безработицы. Самые низкооплачиваемые рабочие места обеспечивает прекариатизированный слой мигрантов из Украины и Молдавии (нещадно эксплуатируемых на основе т.н. аренды рабочей силы).

При такой структуре рынка труда меняется характер трудовых отношений. «Креативный слой» атомизирован и представлен, в основном, фрилансерами, действующими на основе не постоянных, а обязательно-правовых договоров (иногда с разными работодателями одновременно). Но даже если лица этого слоя трудятся в больших коллективах (типа эстонских представительств американских компьютерных фирм, разрабатывающих программное обеспечение), они работают дистанционно и по свободному графику (иногда в коворкингах либо ориентированных на них кафе).

По отношению к слою малоквалифицированных и малооплачиваемых работников работодатели также стараются минимизировать постоянный персонал, предпочитая отношения с работниками на основе договоров подряда (что позволяет строить гибкие структуры занятости). В отрасли строительства, например, даже крупные по обороту фирмы имеют трудовые договора только с ИТР и несколькими высококвалифицированными рабочими, выступающими на стройках инструкторами либо бригадирами многочисленных постоянно меняющихся групп рабочих-подрядчиков. Фирмы такси, парикмахерские, ремонтные предприятия и т.п. в качестве подрядчиков используют предпринимателей – физических лиц либо паевые товарищества с одним работником (что разрешает эстонское законодательство).

Такая структура занятости обусловила значительный уровень относительной бедности (по данным Евростата в 2019 году составлявшей 25% домохозяйств). Расслоение среднего класса и нарастающая прекариатизация привели к росту социального неравенства, которое явно увеличится в постэпидемический период в результате действия трех факторов, действующих, по крайней мере, на протяжении летне-осеннего периода 2020 года.

Первый из них – неясность эпидемиологической обстановки и рекомендации медиков опасаться контактов на неопределенный срок. В результате городское население резко снижает потребление в сфере общепита, развлечений, шопинга, внутреннего туризма, предпочитая дистанционный труд – особенно летом, используя для этого дачи, собственные либо съемные.

Второй фактор снижения потребления – преобладание отложенного спроса на товары длительного использования с целью создания личной финансовой подушки безопасности из-за опасения повторения карантина.

И, наконец, третий, существенный для Эстонии фактор – полное закрытие турпотока. В Таллине летом и осенью 2020 года не будет традиционных фестивалей, выставок, Дней старого города и Дней моря, крупных международных ярмарок и т.п. До сентября не планируются туристические авиачартеры, а также автобусные турпотоки из РФ и Финляндии. С начала июня идут массовые сокращения в гостиницах и ресторанах, а также турбюро. Выживут в этой сфере только предприятия, которые приобретут (часто после банкротства) крупные международные сети. Но и они не станут сохранять персонал.

Перечисленные факторы сработают на падение внутреннего потребления, что повлечет волну ликвидаций в малом бизнесе. Правда, на снижение безработицы сработает планируемое расширение сферы здравоохранения (в том числе в результате развития экспорта медицинских услуг). Но количественные показатели в этой сфере определятся не ранее августа. Прогнозируется рост потребности в индивидуальном репетиторстве учащихся в связи с малой результативностью дистанционного обучения в средней школе. Понятно направление изменений в торговле: крупные торговые центры уже закрываются в связи с бурным ростом интернет-торговли в сочетании с возрождением магазинов в шаговой доступности для жилых районов. Однако этот процесс не повлияет на рост безработицы в связи с быстрым ростом потребности в доставщиках продуктов и товаров, упаковщиков, диспетчерских служб и т.п.

Проблема работающих бедных и до пандемии была головной болью Евросоюза. Эксперименты с так называемой базовой зарплатой не увенчались успехом. Опыт Эстонии показывает, что значительно более эффективный путь: использование общественных фондов потребления.

Доказана пятилетним опытом целесообразность бесплатного городского транспорта в Таллине. В Тарту вводится свободное бесплатное использование велосипедов. В Таллине осуществляется бесплатное горячее питание всех учащихся с 1-го по 12-й класс. Полностью бесплатное образование, включая магистратуру и докторантуру. Бесплатное соцобеспечение пенсионеров. В Таллине расширяется зона городского социального жилья (возводимого на основе муниципально-частного партнерства).

Кроме того, постэпидемическая ситуация создаст возможности для увеличения госучастия в эффективных отраслях, что обеспечит прямой переток части финансового дохода (дивидендов) государству. В Эстонии так функционирует энерге-

тика, порты (где крупный пакет у государства). Подчеркну, не огосударствление, а государственно-частное партнерство. Возрождается кооперация. Появился первый банк, включенный в систему потребительской кооперации. Поддержка частных так называемых системообразующих отраслей – открытая коррупция. А поддержка путем вхождения в капитал менее коррупционна и экономически разумна. Необходима институционализация этих форм.

Главная задача в период постэпидемии: пройти между Сциллой роста государственного вмешательства во все сферы жизни общества и Харибдой роста малооплачиваемого труда. Так называемая адресная помощь со стороны государства требует создания специального многочисленного и малоэффективного чиновничьего аппарата, чего легко удастся избежать путем развития института общественных фондов потребления.

Библиографический список

1. Успешные предприятия, основанные в 1989, 1994, 1999, 2004, 2009, 2014 гг. // Деловые ведомости. 30 января 2019 г. Спецвыпуск № 2. С. 6–22.
2. Ettevõtluse statistika kohalike omavalitsuste kaupa // Maksu- ja Tolliamet. URL: <https://www.emta.ee/et/kontaktid-ja-ametist/maksulaekumine-statistika/ettevotluse-statistika-kohalike-omavalitsuste-kaupa> (дата обращения: 18.02.2020).
3. Флорида Р. Большая перезагрузка. Как кризис изменит наш образ жизни и рынок труда / Пер. с англ. М. Неклюдовой. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2012.
4. TT0202: Hõivatud vanuserühma ja tegevusala (EMTAK 2008) järgi // Eesti Statistika. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=TT0202> (дата обращения: 21.02.2018).
5. Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110–128.

References

1. Uspeshnyye predpriyatiya, osnovannyye v 1989, 1994, 1999, 2004, 2009, 2014 gg. // Delovyye vedomosti. 30 yanvarya 2019 g. Spetsvypusk № 2. P. 6–22.
2. Ettevõtluse statistika kohalike omavalitsuste kaupa // Maksu- ja Tolliamet. URL: <https://www.emta.ee/et/kontaktid-ja-ametist/maksulaekumine-statistika/ettevotluse-statistika-kohalike-omavalitsuste-kaupa> (last visited: 18.02.2020).
3. Florida R. Bol'shaya perezagruzka. Kak krizis izmenit nash obraz zhizni i rynek truda / Per. s angl. M. Neklyudovoi. M.: Izdatel'skii dom «Klassika-XXI», 2012.
4. TT0202: Hõivatud vanuserühma ja tegevusala (EMTAK 2008) järgi // Eesti Statistika. URL: <http://andmebaas.stat.ee/Index.aspx?DataSetCode=TT0202> (last visited: 21.02.2018).
5. Kapelyushnikov R.I. O sovremennom sostoyanii ekonomicheskoi nauki: polusotsiologicheskie nablyudeniya // Voprosy ekonomiki. 2018. № 5. P. 110–128.

Контактная информация / Contact information

«Кардис», Пярнуское шоссе, 82-101, г. Таллин, 10131, Эстония.
«Kardis», Pärnu mnt., 82-101, Tallinn, 10131, Estonia
Вайнгорт Владимир Леонтьевич / Vladimir L. Vaingort
kardis@kardis.ee

РЫНОК ЖИЛЬЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

RUSSIAN HOUSING MARKET IN THE CONDITIONS OF POST- PANDEMIC ECONOMY

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-372-379

ШАПАРГИНА Анастасия Николаевна

Старший научный сотрудник, Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, к.э.н.

Anastasiya N. SHAPARGINA

Senior Researcher, Luzin Institute of Economic Problems, Kola Science Center, Russian Academy of Sciences, PhD in Economics

ЕМЕЛЬЯНОВА Елена Евгеньевна

Старший научный сотрудник, Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского научного центра Российской академии наук, к.э.н.

Elena E. EMELYANOVA

Senior Researcher, Luzin Institute of Economic Problems, Kola Science Center, Russian Academy of Sciences, PhD in Economics

Аннотация

Целью данной статьи является оценка динамики развития рынка жилья России в контексте COVID-19 с проведением аналогий с кризисным 2014 годом и анализ возможных последствий. В статье с помощью методов сравнительного анализа, экстраполяции, контент-анализа, визуализации проведен анализ тенденций развития рынка жилья при их сопоставлении с кризисным 2014 годом, оценен спрос на жилье со стороны населения и определены возможные последствия ограничений и мер, введенных в связи с эпидемией. Предложены рекомендации для поддержки региональных жилищных рынков и по эффективному распределению финансовой помощи от государства, стимулирующей развитие и охват всех субъектов Российской Федерации.

Abstract

The purpose of the article is to assess trends of the development of the housing market in Russia in the context of COVID-19 with drawing analogies with the crisis 2014 and to analysis of possible consequences. Using the methods of comparative analysis, extrapolation, content analysis and visualization, in the article the trends in

the development of the housing market when compared with the crisis of 2014 are analyzed; the population housing demand is estimated and the possible consequences of the restrictions and measures introduced by the state in connection with the epidemic are identified. Recommendations to support regional housing markets and the effective distribution of financial assistance from the state, stimulating the development and coverage of all subjects of the Russian Federation, are proposed.

Ключевые слова Рынок жилья, цена, платежеспособный спрос, COVID-19, пандемия, население.

Keywords Housing market, price, solvent demand, COVID-19, pandemic, population.

В начале 2020 года мировая экономика столкнулась с той же проблемой, что и 90 лет назад в самом начале Великой депрессии. Эпидемия коронавируса, которая началась в Китае в конце 2019 года и распространилась на весь мир, поражает все сферы экономической деятельности. В Китае впервые с 1992 года произошел экономический спад, 21 января объемы торгов на биржах в Гонконге, Шанхае и Шэньчжэне снизились на 2–3,5 процента, неделю спустя, когда число случаев продолжило расти, вирус отразился и на ведущем индексе Британской фондовой биржи FTSE 100 и мировых ценах на нефть [1]. Практически вся экономическая активность остановилась под влиянием распространения коронавируса — от потребительских покупок до производства товаров и услуг. В странах на фоне обширного охвата населения новой коронавирусной инфекцией правительством вводятся различные ограничительные меры деятельности предприятий, что продуцирует резкое падение производства и снижение прибыли, а соответственно, уменьшение штата сотрудников, приводящее к безработице и потере дохода у населения. Тем не менее, очевидно, что COVID-19 будет иметь неравномерные экономические последствия в разных странах и внутри них.

В России первые пациенты с коронавирусной инфекцией появились 31 января, а уже в конце марта для профилактики распространения вируса на территории страны президент В. Путин объявил нерабочие дни, которые продлились до 12 мая [2]. Деятельность всех отраслей экономики оказалась под давлением COVID-19, а население стало терять работу, «ощущать» падение доходов ввиду применения различных способов экономии финансовых ресурсов в организациях (например, отмена стимулирующих выплат и премий) и менять потребительское поведение.

Рынок жилья и его устойчивое развитие, в силу специфики обращающегося на нем товара, имеет очень важное значение для развития любой страны и очень чувствителен к любым изменениям макроэкономической среды. В связи с этим целью данной статьи является оценка динамики развития рынка жилья России в контексте COVID-19 с проведением аналогий с кризисным 2014 годом и анализ возможных последствий.

Рынок жилья является одним из индикаторов, характеризующих развитие экономических и социальных процессов, не только в масштабах страны, но и на региональном и муниципальном уровнях. Динамичное развитие жилищной сферы демонстрирует определенный прогресс территорий, развитие строительной отрасли, платежеспособности населения, уровень инвестиционной активности, предпри-

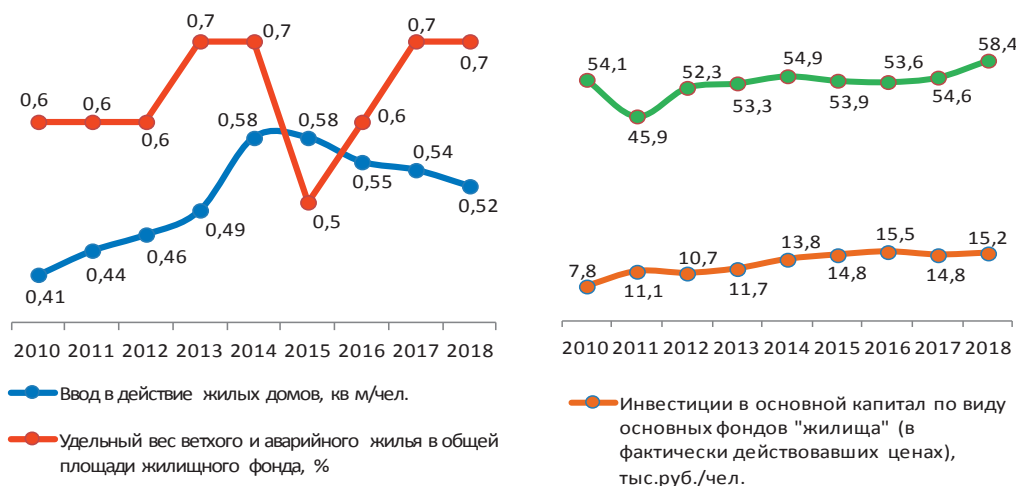
нимательства и социальной сферы [3, с. 55–63]. Оценка жилищного рынка включает в себя ряд индикаторов – это качество жилищного фонда, объемы жилищного строительства и уровень инвестиций в жилищную сферу, стоимость недвижимости и платежеспособный спрос населения. При этом цены на недвижимость, формируемые общим спросом, отражающим платежеспособность населения, и предложением, характеризующим экономическую активность, являются важным индикатором доходов населения и перспектив развития городов и регионов.

Жилищный рынок наиболее чувствителен к изменениям макроэкономических показателей в стране и мире, так как тесно связан с такими отраслями экономики, как строительство, инвестиции, доходы населения и платежеспособный спрос. Поэтому негативному влиянию экономических кризисов в первую очередь подвержен именно рынок жилья [4, с. 29–35].

Об этом свидетельствуют и ниже приведенные данные (рис. 1), характеризующие экономические показатели развития рынка недвижимости «до», «в период» и «после» экономического кризиса 2014 года, вызванного мировым падением цен на нефтяном рынке, резким ослаблением национальной валюты и падением доходов населения в стране.

Рис. 1.
Показатели развития рынка жилья в Российской Федерации в период 2010–2018 гг.

Рассчитано авторами.
Источник [5]

На основании мониторинга выше приведенных данных очевидно сокращение строительной отрасли (показатель «Ввод жилья в эксплуатацию») начиная с кризисного 2014 г. с отложенным одновременным резким ростом доли ветхого и аварийного жилья по стране, хотя до этого периода оба показателя имели выраженную положительную тенденцию, которая так и не восстановилась даже спустя 4 года к концу 2018 г. Это означает, что темпы обновления жилищного фонда в целом по стране резко замедлились, что ведет к «старению» жилищного фонда и однозначно сказывается на рынке недвижимости, который в основном, за исключением городов-миллионников и крупных административных центров субъектов РФ, представлен вторичным жильем и не решает проблему улучшения качества жилищных условий населения.

А вот показатели стоимости жилья (несмотря на незначительное «проседание» цен в посткризисный период в районе 2,5%) и инвестиции в жилищную сферу (бла-

годаря активной господдержке строительной отрасли) практически не изменились и на всем протяжении имели устойчивую положительную динамику.

Сам по себе уровень цен на жилье не отражает ситуацию на жилищном рынке, так как тесно связан с платежеспособностью населения, которая, прежде всего, определяется уровнем доходов населения по отношению к стоимости квадратного метра на рынке жилья. Для определения доступности жилья нами был рассчитан индекс доступности, показывающий отношение стоимости 1 кв. м к среднему душевому доходу населения (чем ниже индекс, тем больше покупательская способность населения к приобретению жилья) и среднегодовой уровень долговой нагрузки населения по жилищным и ипотечным кредитам (задолженность по жилищным и ипотечным кредитам к среднему душевому доходу) (рис. 2).

Рис. 2.
Показатели платежеспособности населения Российской Федерации

Рассчитано авторами.
Источник [6]

Индекс доступности жилья в стране вплоть до 2017 г. планомерно сокращался, после чего опять наметился рост. Такое поведение показателя в кризисные для страны и жилищной отрасли 2014–2016 гг. характеризуется скорее не ростом доходов населения, а все же некоторым снижением цен на недвижимость, которые в дальнейшем к 2018 г. восстановились, а доходы населения остались на прежнем уровне, поэтому и индекс доступности жилья ухудшился к концу исследуемого периода. Однако чем выше уровень индекса доступности жилья, тем больший объем привлекаемых кредитных средств необходим для покупки жилья, что также зависит от доходов населения и определяет уровень долговой нагрузки по уплате жилищных и ипотечных кредитов.

Показатель уровня долговой нагрузки имеет устоявшуюся динамику роста, что отражает снижение платежеспособности населения по выполнению взятых на себя долговых обязательств по уплате жилищных и ипотечных кредитов и возрастающую «закредитованность» граждан. Кроме этого, в период кризиса резко сократились объемы вложений населения на приобретение недвижимости, определяемые долей в структуре расходов населения на покупку недвижимости в суммарных доходах населения. Расходы на приобретение жилья планомерно увеличивались вплоть до 2014 г., после чего произошло резкое падение показателя в 1,5–2 раза, но уже к 2017–2018 гг. объемы вложений населения в недвижимость превысили докризисный уровень, что говорит о стабилизации развития рынка недвижимости.

Однако, не успев до конца восстановиться после кризисных явлений в мировой и национальной экономике периода 2014–2016 гг., очередное падение цен

на нефть и ослабление национальной валюты в 2020 г., еще более осложнившееся эпидемиологической обстановкой, в связи с распространением коронавирусной инфекции, и снижением доходов и платежеспособности населения в прогнозном периоде приведет к еще большим проблемам на рынке жилья. Полноценно влияние данных процессов возможно будет оценить только в 2021–2022 гг. при появлении официальных данных об индикаторах, характеризующих жилищный рынок, таких как темпы ввода жилья в эксплуатацию, изменение доли аварийного жилья, уровня инвестиций и ценообразования на недвижимость.

На данный момент при использовании официальных данных Центрального банка России возможен анализ изменения активности населения на рынке жилья и его платежеспособности в самом начале развития пандемии. Сложная эпидемиологическая обстановка в стране, приведшая к приостановке многих отраслей производственно-экономической деятельности, а также сферы услуг и малого бизнеса, еще больше усугубит платежеспособность населения на приобретение жилья и выполнение долговых обязательств по ранее взятым ипотечным и жилищным кредитам.

Приобретение жилья редко обходится без привлечения заемных банковских средств [7, с. 23–27], на объемы выдачи которых, помимо всего прочего, значительное влияние имеет процентная ставка по жилищным кредитам, которая регулируется Центробанком и сильно зависит от макроэкономических показателей в стране (рис. 3).

Рис. 3.
Объем предоставленных жилищных и ипотечных кредитов и уровень средней ставки по процентам в РФ

Источник:
данные
Центрального
банка России
[8]

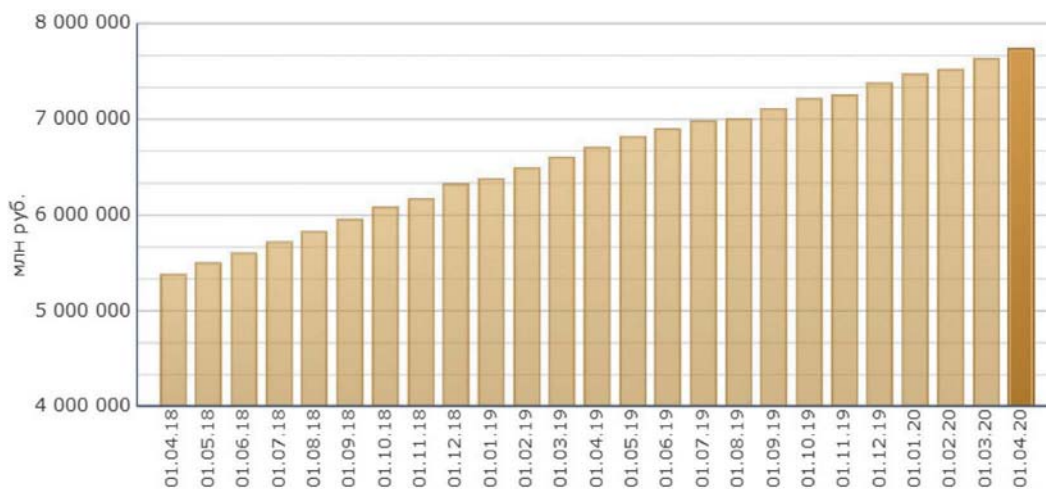
Согласно официальным данным [8], с начала пандемии у нас в стране (конец марта 2020 г.) уровень средневзвешенной процентной ставки не изменился и остается на уровне 8,7–8,6%, что в основном обусловлено правительственными мерами поддержки строительной отрасли. А вот уровень взятых жилищных и ипотечных кредитов в марте – апреле 2020 г. резко вырос по сравнению с началом года, что вызвано потребительским поведением населения, когда расстабилизация экономики (падение цен на нефтяном рынке и снижающийся курс национальной валюты) провоцирует население инвестировать сбережения в наиболее стабильные активы – недвижимость. Однако это явление имеет краткосрочный характер и при сопутствующих негативных факторах, вызванных пандемией – простоем производства, снижением уровня доходов населения и ростом безработицы – в прогнозном периоде приве-

дет к сокращению выдаваемых кредитов на приобретение жилья. Такое поведение данного показателя наглядно продемонстрировал и посткризисный 2015 г., когда объемы выданных кредитов сократились более чем на 30% к 2014 г.

Абсолютно точно можно спрогнозировать значительное увеличение задолженности по ранее выданным жилищным кредитам, которая является своеобразным индикатором снижения платежеспособности населения в связи со сложившейся ситуацией. Так, по данным Банка России [9] (рис. 4), уровень задолженности населения и без усугубившейся обстановки из-за коронавирусной инфекции и мер, принятых правительством в рамках борьбы с пандемией, имеет устойчивую положительную динамику, средний прирост которой по отношению к предыдущему году составляет порядка 15%.

Рис. 4.
Задолженность по ипотечным и жилищным кредитам в РФ

Источник:
данные сайта
Центрального
банка России
[9]

В прогнозном периоде данный показатель еще больше увеличится и будет свидетельствовать о повышенной закредитованности и несоответствии доходов населения ситуации на жилищных рынках.

По итогам проведенного исследования, определяющего проблемы экономического развития, в том числе строительной отрасли, в условиях пандемии коронавируса, проецируя результаты анализа восстановления рынка жилья России после кризиса 2014 г. только к 2018 году, можно спрогнозировать, что рынок недвижимости отреагирует на очередной финансовый кризис практически так же, как и в 2014 году. В условиях пандемии COVID-19, падения цен на нефть, волатильности курса валют, обесценивания доходов граждан и возрастающей безработицы его полное восстановление следует ожидать не ранее 2022 года.

Можно предположить, что основными трендами на жилищном рынке будут: снижение платежеспособного спроса ввиду усиливающейся безработицы, падение доходов населения и замедление темпов роста строительства ввиду роста издержек.

Если период начала кризиса 2020 г. характеризовался ажиотажным спросом на недвижимость ввиду попытки населения сохранить свои накопленные денежные средства, то объявленные президентом нерабочие дни с 26 марта по 11 мая приведут к спаду реальных доходов населения и снижению спроса на недвижимость. Поэтому для того чтобы поддержать продажи, инвесторам, скорей всего, придется

снизить средние цены за 1 кв. м, даже несмотря на такие сдерживающие факторы, как себестоимость, финансовые модели, банковское финансирование и эскроу-счета.

Ситуация с вторичным жильем неоднозначна и может оказаться гораздо сложнее, особенно в отдаленных от центра субъектах РФ, где более низкие темпы строительства. Возможно, из-за вынужденного возвращения населения из центра на периферию спрос на вторичное жилье возрастет, но вряд ли он будет подкреплен финансово.

Что касается рынка аренды, то на нем будет наблюдаться превышение предложения над спросом в столичных регионах, поскольку из-за кризиса многие потеряют работу и будут вынуждены вернуться в регионы. И наоборот, в удаленных регионах ввиду возврата части населения из «центра» и отсутствием свободных денежных средств спрос на аренду жилья может увеличиться.

На сегодняшний день государство приняло пакет мер для поддержки рынка жилья. Например, программа субсидированного ипотечного кредитования жилья в новостройках со ставкой 6,5% (аналог программы 2014–2016 гг., но со ставкой 12%); выкуп жилья в проектах, в которых продано 30–80% от общего количества квартир госкомпанией «ДОМ.РФ» (планируемый объем выкупа жилья составит примерно 3 млн кв. м, его в будущем планируется предоставить льготникам, стоящим в очереди на жилье, или продать на рынке после того, как спрос восстановится).

Реализуемый комплекс мер поддержки представляет собой одну из самых масштабных программ помощи жилищному сектору за всю историю его развития. Никогда ранее не реализовывались одновременно программы субсидирования для покупателей и застройщиков, иными словами, не осуществлялась одновременная поддержка спроса и предложения. Хочется отметить, что все принятые законодательные инициативы направлены в первую очередь на поддержку рынка первичного жилья, строящегося, как правило, в столичных регионах, в то время как региональные рынки жилья в большинстве своем остались без поддержки.

Для поддержки региональных жилищных рынков и эффективного распределения финансовой помощи от государства, стимулирующей развитие и охват всех субъектов Российской Федерации, необходимо:

- государственное субсидирование процентной ставки не только на приобретение недвижимости в новостройках, но и на вторичном рынке;
- увеличить платежеспособность населения путем дальнейшего снижения процентных ставок по ипотеке и реализации дополнительных кредитных программ;
- повышать уровень жизни, доходов и занятости населения;
- реализовывать различные целевые программы по улучшению жилищных условий населения с учетом региональной специфики;
- оказывать государственную поддержку населения по оплате жилого помещения и коммунальных услуг и улучшению жилищных условий.

Реализация предложенных мероприятий по поддержке рынка жилья позволит охватить большую часть субъектов РФ и, что особенно актуально, выработать самые эффективные стратегические решения по поддержке данной отрасли.

Библиографический список

1. Торги на биржах Шанхая и Шэньчжэня. Далее: https://finance.rambler.ru/markets/43624441/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

2. Коронавирус. Хроника распространения <https://rg.ru/2020/03/03/koronavirus-hronika-rasprostraneniia.html>
3. Коломак Е.А., Кукушкин Р.Г. Оценка влияния агломерационных процессов на рынок жилья // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19. № 1. С. 55–63.
4. Ванина Т., Оболонкова А. Государственное влияние на рынок жилья // Белгородский экономический вестник. 2013. № 3 (71). С. 29–35.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Стат. сб. / Росстат: М., 2019. 1204 с.
6. Емельянова Е.Е., Чапаргина А.Н. База данных «Рынок жилья северных и арктических регионов России». Свидетельство о государственной регистрации № 2019621181 от 4 июля 2019 г.
7. Ковалева Л.В., Омелянович А.С. Рынок жилья и покупательское поведение потребителей // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т. 7. № 3. С. 23–27 URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_7_112.pdf.
8. Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/ (дата обращения: 15.05.2020).
9. Задолженность по ипотечным и жилищным кредитам // Банк России. URL: <https://cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage/ML/> (дата обращения: 02.05.2020).

References

1. Torgi na birzhakh Shankhaya i Shen'chzhenya. Dalee: https://finance.rambler.ru/markets/43624441/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (Reference date: 24.04.2020).
2. Koronavirus. Khronika rasprostraneniya <https://rg.ru/2020/03/03/koronavirus-hronika-rasprostraneniia.html> (Reference date: 24.04.2020).
3. Kolomak E.A., Kukushkin R.G. Otsenka vliyaniya aglomeratsionnykh protsessov na rynek zhil'ya // Mir ekonomiki i upravleniya. 2019. T. 19. №1. S. 55–63.
4. Vanina T., Obolonkova A. Gosudarstvennoe vliyanie na rynek zhil'ya // Belgorodskii ekonomicheskii vestnik. 2013. №3 (71). S. 29–35.
5. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2019. Stat. sb. / Rosstat: M., 2019. 1204 s.
6. Emel'yanova E. E., Chapargina A.N. Baza dannyykh «Rynok zhil'ya severnykh i arkticheskikh regionov Rossii». Svidetel'stvo o gosudarstvennoi registratsii № 2019621181 ot 4 iyulya 2019 g.
7. Kovaleva L.V., Omel'yanovich A.S. Rynok zhil'ya i pokupatel'skoe povedenie potrebitel'ei // Uchenye zametki TOGU. 2016. T. 7. № 3. S. 23–27 URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_7_112.pdf.
8. Pokazateli ryuka zhilishchnogo (ipotechnogo zhilishchnogo) kreditovaniya // Bank Rossii. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/ (Reference date: 15.05.2020).
9. Zadolzhennost' po ipotechnym i zhilishchnym kreditam // Bank Rossii. URL: <https://cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage/ML/> (Reference date: 02.05.2020).

Контактная информация / Contact information

Институт экономических проблем имени Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН, 184209, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, 24а.

Luzin Institute for Economic Studies – Subdivision of the Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences», 24a, Fersman Str., Apatity, Murmansk region, Russia, 184209.

Чапаргина Анастасия Николаевна / Anastasiya N. Chapargina

achapargina@yandex.ru

Емельянова Елена Евгеньевна / Elena E. Emelyanova

leka.apatity@gmail.com

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ИНДУСТРИЮ ТУРИЗМА (ИСПАНИЯ, ИТАЛИЯ И ТУРЦИЯ) THE EFFECT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON TOURISM (SPAIN, ITALY AND TURKEY)

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-380-390

АКБУЛАЕВ Нурходжа Назирходжа

Преподаватель, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), факультет экономики турецкого мира, кафедра экономики и делового администрирования, к.э.н. ORCID: orcid.org/0000-0003-4271-9550

Nurkhodzha N. AKBULAEV

Lecturer, Azerbaijan State Economic University (UNEC), Azerbaijan, Baku
Faculty of Economics of the Turkish World, Department of Economics and Business
Administration, PhD in Economics

МАМЕДОВ Илькин Муслюм

Аспирант, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), Международный центр магистратуры и докторантуры (IMDC), факультет экономики и управления

Ilkin M. MAMMADOV

Graduate student, Azerbaijan State Economic University (UNEC), International Center
for Magistracy and Doctoral Studies (IMDC), Faculty of Economics and Management

АЛИЕВ Васиф Зираддин

Аспирант, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), факультет экономики турецкого мира, кафедра экономики и делового администрирования

Vasif Z. ALIYEV

Graduate student, Azerbaijan State Economic University (UNEC), Department
of Economics and Business Administration, Faculty of Economics of the Turkish World

Аннотация

Основная цель данного исследования – определить текущие и потенциальные последствия пандемии, вызванной новой вирусной инфекцией COVID-19, изучить влияние введенных обязательных мер на развитие туристического сектора экономики в Италии, Испании и Турции, в том числе на гостиничный сектор, местные авиакомпании и уровень занятости в данных сферах. На основании официальных данных Всемирной организации здравоохранения, Всемирной туристической организации, Кноена Corporation сделаны выводы о ситуации в сфере туризма, разработаны необходимые меры для поддержания компаний, занятых в данном секторе экономики.

Abstract

The main purpose of the article is to determine the current and potential consequences of the pandemic caused by the new virus infection COVID-19, to study the impact of the introduced mandatory measures on the development of the tourism sector in Italy, Spain and Turkey, including the hotel sector, local airlines and the level of employment in these spheres. Based on information from the World Health Organization, the World Tourism Organization, Knoena Corporation, conclusions are drawn about the situation in the tourism sector, and necessary measures have been developed to support companies engaged in this sector of the economy.

Ключевые слова

Болезни, туризм, отели, авиакомпании, Испания, Италия, Турция.

Keywords

Disease, tourism, hotels, airlines, Spain, Italy, Turkey.

1 *Всемирная туристская организация, ЮНВТО, ВТООН – специализированное межправительственное учреждение системы ООН, объединяющее 158 стран-участниц, шесть ассоциированных территорий, две территории в статусе наблюдателя и более 500 аффилированных организаций.*

Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ) объявила «чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение». Ситуация развивается очень стремительно, ежедневно растет число заболевших и погибших. Медицинские и научные издания по всему миру объединились для проведения исследований.

Этот вирус затронул все страны и сферы деятельности. В данной работе будет рассмотрено влияние вируса на развитие туризма в странах: Испания, Италия и Турция.

Сектор туризма в настоящее время является одним из наиболее пострадавших от вспышки COVID-19, которая оказывает влияние как на предложение, так и на спрос на поездки. Это создает дополнительный риск ослабления мировой экономики, геополитической, социальной и торговой напряженности, а также неравномерной работы на основных рынках выездного туризма.

Учитывая эволюционирующий характер ситуации, еще слишком рано оценивать полное воздействие COVID-19 на международный туризм. Для своей первоначальной оценки ЮНВТО¹ использует сценарий 2003 года в качестве ориентира, учитывая размеры и динамику глобальных путешествий и текущих сбоев, географическое распространение COVID-19 и его потенциальное экономическое воздействие.

На сегодняшний день, по оценкам ЮНВТО, в 2020 году число международных туристов в мире может снизиться на 20–30% по сравнению с прогнозируемым ростом в 3–4% в начале января 2020 года.

Это может привести к потере от 30 до 50 млрд долл. США (поступления от международного туризма).

Оценки для других регионов мира в настоящее время преждевременны ввиду быстро меняющейся ситуации.

ЮНВТО подчеркивает, что к любой оценке следует относиться с осторожностью из-за неустойчивой и неопределенной эволюции вспышки, которая может привести к дальнейшим пересмотрам. Эти оценки следует интерпретировать с осторожностью, учитывая величину, волатильность и беспрецедентный характер явления.

Началом распространения болезни можно считать конец декабря 2019 года, когда в Китае (провинция Хубэй город Ухань) был зарегистрирован первый

случай заражения пневмонией неизвестного происхождения. Первым заболевшим считается местный житель, работающий на местном рынке морепродуктов и животных.

Официальная информация о вспышке пневмонии неизвестного характера от властей Китая была представлена 31 декабря 2019 г. Далее заболевание распространялось очень стремительно, чем объясняются следующие события:

- 22 января 2020 г. – город Ухань закрыт на карантин;
- 24 января 2020 г. – городские округа, прилегающие к эпицентру эпидемии, закрыты на карантин.

По официальной информации властей Китая, распространение вируса было зафиксировано во всех административных образованиях Китая провинциального уровня.

Уже 30 января 2020 г. ВОЗ объявила о чрезвычайной ситуации, а 11 февраля 2020 г. заболеванию было присвоено название «коронавирусное заболевание», или «COVID-19».

Китайскими учеными был определен возбудитель – коронавирус, который вызывает тяжелую форму острого респираторного синдрома, известного как «атипичная пневмония».

Отличительным признаком, затрудняющим борьбу с вирусом, является большая продолжительность инкубационного периода (от 2 до 14 дней). Несмотря на это, еще до выявления симптомов носитель является переносчиком. Также стоит отметить огромное количество бессимптомных пациентов. У данных лиц не выявлены клинические проявления вируса, но в то же время они могут заражать окружающих людей.

11 марта 2020 г. ВОЗ была обнародована информация о том, что вирус перерос в категорию «пандемия», а через два дня центром этой пандемии стала Европа (в частности, такие страны: Италия и Испания).

По последним официальным данным (по состоянию на 20 апреля 2020 г.) выявлено более 2,4 млн случаев заражения в 210 странах мира. Из них более 600 тыс. чел. выздоровело, подтверждено более 165 тыс. летальных исходов, что составляет 21% от всех случаев заражения.

Стоит отметить, что данные показатели могут значительно отличаться от реальной ситуации, так как некоторые государства (Италия, Швейцария и др.) отказываются от тестирования лиц, у которых выявлены незначительные симптомы заболевания.

Президент Всемирного экономического форума Булут Багчи заявил, что убыток индустрии туризма во всем мире от пандемии на конец 2020 года может составить триллион долларов США. На начало марта данная величина составила 600 млн долл.

«Сейчас экономические потери в секторе туризма из-за вспышки COVID-19 составляют \$600 млн, к концу года они могут достичь триллиона долларов. Учитывая скорость, с которой распространяется вирус, и его влияние на туризм, работу в этой сфере могут потерять 50 млн человек».

За год прибыль от сферы туризма составляет примерно 1,7 трлн руб. В марте спад этого сектора составил 70%.

Порядка 60 сфер экономики прямо или косвенно связаны с туристической деятельностью. По данным международных экспертов, суммарный мировой убы-

ток в этих отраслях может составить 5 трлн долл. И даже после окончания пандемии восстановление мировой экономики будет достаточно тяжелым.

Большинство стран, в том числе Италия, Испания и Турция, приняли решение о закрытии границ и прекращении авиасообщения в целях снижения темпов распространения вируса. Эти меры являются основной причиной приостановления деятельности в сфере туризма.

Для того чтобы определить влияние коронавируса на сферу туризма, необходимо определить: из каких поступлений складывается данный доход.

Так, по данным сайта Knoema Corporation², к международным поступлениям от туризма относятся расходы прибывающих в страну иностранных граждан, которые включают в себя:

- платежи национальным транспортным перевозчикам;
- предоплаты за товары и услуги;
- доходы гостиничного сектора и т.д.

В табл. 1 и табл. 2 представлены доходы от международного туризма в Италии, Испании и Турции с 2007 по 2018 г. и доля данной сферы в ВВП страны соответственно. Представленные данные позволяют сделать вывод о том, что доходы от туризма делают большой вклад в ВВП стран. Доходы от международного туризма ежегодно увеличиваются.

Стоит отметить, что в 2020 году этот показатель значительно снизится из-за пандемии.

2 Knoema Corporation – это частная нью-йоркская компания, специализирующаяся на технологиях обработки данных.

Таблица 1. Доходы от международного туризма, млн. долл.

	Италия	Испания	Турция
2007	46 134	63 491	21 662
2008	46 217	68 875	26 446
2009	40 407	59 795	26 331
2010	38 432	58 348	26 318
2011	43 271	67 809	30 302
2012	40 943	62 936	31 566
2013	43 943	68 414	36 192
2014	45 562	71 656	38 855
2015	41 415	62 449	35 597
2016	42 423	66 982	26 788
2017	46 719	75 906	31 870
2018	51 602	81 250	37 140

Таблица 2. Общий вклад сферы туризма в ВВП, %

	Италия	Испания	Турция
2007	11,2	13,7	10,8
2008	10,5	14,0	11,2
2009	9,9	13,6	12,6
2010	9,9	13,3	10,6
2011	10,5	13,5	11,6
2012	11,1	13,8	11,2
2013	11,7	13,8	11,5
2014	12,1	14,1	12,2
2015	12,7	14,0	12,1
2016	12,7	14,2	11,3
2017	13,0	14,5	11,2
2018	13,2	14,6	12,1

Рис. 1. Доля доходов от туристической сферы в ВВП, %

Можно предположить, что больше всего пострадает Испания, так как именно в данной стране доля доходов от туризма является наибольшей. Так, в 2018 году данная величина была равна 14,6%. В то время как в Италии и Турции – 13,2% и 12,1% соответственно.

В то же время нельзя учитывать тот факт, что распространение вируса в данных странах происходило по-разному. И количество зарегистрированных случаев заболеваемости, выздоровевших и погибших отличается. Если в Испании зарегистрировано 213 тыс. подтвержденных случаев заражения, в Италии – 187 тыс., то в Турции данный показатель значительно ниже (98 тыс. случаев по данным на 20 апреля 2020 г.).

Таблица 3. Статистика распространения COVID-19, чел. (по состоянию на 20 апреля 2020 г.)

	Подтверждено	Выздоровело	Летальные исходы
Италия	187 327	54 543	25 085
Испания	213 024	89 250	22 157
Турция	98 674	16 477	2 376

Воздействие на отели. Мировой рынок гостиничных услуг находится сейчас в сложной ситуации и несет колоссальные убытки из-за пандемии. Пострадали не только небольшие, но и крупные гостиницы и отели, которые принимали основной поток иностранных постояльцев.

Одной из крупных затрат в данном секторе бизнеса является заработная плата сотрудника. Поэтому существует большая угроза увольнения большого количества людей.

В Италии, Испании и Турции закрыты почти 95% отелей. По данным СМИ в Италии убытки составляют почти 400 млрд руб. в день.

Чрезвычайная ситуация в области здравоохранения привела к параличу всей цепочки поставок, который генерирует около 12% ВВП Италии. По экспертным оценкам в первой половине 2020 года, доходы от туризма снизятся на 73%.

Так, в Италии ожидаемый оборот составляет всего 16 млрд евро по сравнению с 57 млрд за аналогичный период прошлого года. Летний сезон также поставлен под угрозу, в который ежегодно прибывают в страну 25 млн чел.

Меры, направленные на сдерживание распространения вируса COVID-19 приведет к тому, что в 2020 году в Италии снизится оборот в секторе ресторанного и гостиничного сектора (72 748 компаний с оборотом 37,8 млрд евро в 2019 году) на 16,7 млрд евро, что равно снижению, по сравнению с 2019 годом, на -44,1%. Больше всего пострадали отели: убыток составил 7,9 млрд, что составляет -53,8%, в то время как предприятия общественного питания сократились на 8,8 млрд. И составили -37,9%.

Это оценки, количественно оцененные Бюджетной обсерваторией Совета Srls на 2019 год и Фондом национальных бухгалтеров. Это влияние связано как с падением спроса, которое затронуло сектор еще до начала чрезвычайной ситуации в Италии, так и с блоком действий, наложенным указом, с тем чтобы противостоять чрезвычайной ситуации в области здравоохранения.

Но помимо огромного экономического ущерба возникает и другая проблема. Из-за пустынных улиц и закрытых магазинов риск преступности возрастает, а отели, заполненные телевизорами, компьютерами и роскошной мебелью, разграбляют.

С начала глобального распространения коронавируса гостиничный сектор был одним из наиболее затронутых из-за мер по борьбе с пандемией. Авиакомпании держат свои самолеты на земле, страны закрывают свои границы для прибывающих иностранцев, ограничения распространяются, и отели видят, что их бизнес испаряется, до такой степени, что некоторые отели в Испании предложили медицинское обслуживание своих комнат, чтобы поддержать систему здравоохранения.

Все это начинает отчетливо отражаться в мартовских данных о ситуации с гостиничным туризмом, только что опубликованных Национальным статистическим институтом (INE), которые показывают снижение количества ночевков в отелях на 61,1% в марте по сравнению с тем же месяцем предыдущего года из-за прекращения его деятельности после объявления о состоянии тревоги в стране перед лицом пандемии коронавируса.

После воздействия коронавируса отели и туристические агентства путешествий пытаются справиться с коронавирусом с помощью мер, которые приносят пользу для своих клиентов. В частности, в Испании Мелиа, Аворис (Barceló) и Room Mate начали различные кампании, чтобы остановить падение резервов из-за боязни заражения.

Meliá запустила 72-часовую кампанию, в которой все ее клиенты, как частные, так и из агентств и дистрибьюторского сектора, могут сделать предварительный заказ с правом бесплатной отмены. Другими словами, клиенты могут отменить свое бронирование за 24 часа до прибытия и оплатить только первую ночь, если они не отменили бронирование и решили не путешествовать.

Под девизом «Пусть ничто не остановит ваш отпуск» Meliá предлагает скидки до 45%, чтобы смягчить воздействие вируса. «В моменты неопределенности и риска паралича в отрасли компании должны реагировать с большей гибкостью и возможностями, прежде всего обеспечивая спокойствие и предоставляя время для оценки развития кризиса, который может меняться день ото дня», – убеждала исполнительный вице-президент и главный исполнительный директор Meliá Габриэль Эскаррер.

Со своей стороны, Room Mate также предпринял аналогичные меры в Италии, упрощая политику отмены или изменения бронирования в этой стране, особенно для клиентов, которые не заключили это право и планируют поездку до 20 мая. В этом случае, если клиент отменяет поездку, сеть сохраняет депозит, который можно использовать в течение следующих шести месяцев.

Avorís, туристическая компания Grupo Barceló, следовала этой линии и начала кампанию без сборов за отмену всех своих бронирований до 31 мая. Клиенты могут пользоваться бесплатной отменой, если они обращаются за 15 дней до запланированной даты организованной поездки.

Воздействие на авиакомпании. Глобальная экономика сильно пострадала от распространения коронавируса, и одним из наиболее пострадавших секторов является авиационная промышленность.

По оценкам Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA), в этом году авиакомпании могут потерять до 252 млрд долл. дохода в результате воздействия вируса или 38% по сравнению с 2019 годом. В секторе произошел резкий спад пассажиропотока из-за ограничений.

Европейские авиалинии потеряют доходы в размере 89 000 миллионов долларов (82 000 миллионов евро) из-за COVID-19. Италия и Испания будут наиболее затронутыми странами, анализируется сегодня новый отчет Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA). По экспертным данным, 6,7 млн рабочих мест, связанных с воздушным транспортом, находятся в опасности (на 1,1 млн больше, чем в расчетах, сделанных в начале года).

Новые цифры, которые учитывают трехмесячный сценарий ограничений воздушного транспорта с последующей постепенной отменой этих мер, окажут негативное влияние в размере 452 млрд долл. (419 млрд евро) на валовой внутренний продукт (ВВП).

«В то время, когда авиакомпании сталкиваются с беспрецедентным кризисом ликвидности, нам крайне необходимы финансовая поддержка со стороны европейских правительств и нормативная поддержка», — заявил региональный вице-президент IATA по Европе Рафаэль Шварцман, представляя данные.

Испания потеряет 114 миллионов пассажиров и получит убыток в 15 500 млн долл. В данной стране наибольшее количество рабочих мест, связанных с опасной авиацией, 901 300, согласно IATA.

Убыток Италии эксперты оценивают в пределах от 11 500 до 17 900 млн долл., что создает риск для 310 000 рабочих мест на итальянском рынке.

Прямая финансовая поддержка, займы и облегчение бремени задолженности, а также временное ослабление правил (например, в отношении компенсации за отмену рейсов) — вот некоторые из рецептов, которые IATA предлагает Европе в случае возникновения воздушного кризиса.

Итальянская авиакомпания Alitalia будет полностью национализирована из-за финансового ущерба, вызванного вспышкой.

Правительство объявило, что контроль над этой компанией теперь будет полностью зависеть от Министерства экономики.

Согласно данным частной ассоциации авиапредприятий Турции (TÖSHİD), потери дохода в авиационном секторе в Турции могут быть 100–120 миллионов долларов.

Согласно Платформе публичного раскрытия информации Turkish Airlines, общее количество пассажиров компании, которое составило 5,9 млн в марте 2019 года, составило 2,8 млн за тот же период 2020 года с сокращением на 53 процента.

Хотя количество пассажиров на внутренних рейсах сократилось на 44,9%, на международных рейсах оно сократилось на 59,1%. Заполняемость пассажиров в марте 2020 года составила 63,3%, снизившись на 17,6 пункта. Турецкие авиалинии перевезли 2 495 300 человек на внутренних линиях в марте прошлого года и 1 383 125 человек в том же месяце этого года.

Воздействие на занятость. Кризис, вызванный коронавирусом COVID-19, будет иметь далеко идущие последствия для рынка труда, согласно первой оценке Международной организации труда: согласно оценкам, от 5,3 до 24,7 млн человек потеряют свои рабочие места. По сравнению с мировым финансовым кризисом 2008–2009 годов безработица в мире увеличилась на 22 млн человек.

Сокращение рабочих мест также приводит к огромной потере заработка для работников. По оценкам исследования, на конец 2020 года они составят от 860 000 до 3,4 млрд долл. Это приведет к снижению потребления товаров и услуг, что, в свою очередь, повлияет на перспективы компаний и экономики.

Все это приведет к значительному росту бедности трудящихся, поскольку «давление на доходы, вызванное снижением экономической активности, будет иметь разрушительные последствия для работников, которые находятся за чертой бедности или ниже ее».

По оценкам Международной организации труда, во всем мире от 8,8 до 35 млн человек будут страдать от бедности, по сравнению с первоначальной оценкой на 2020 год (которая прогнозировала сокращение на 14 млн во всем мире).

В наиболее уязвимом положении оказались сотрудники, занятые в сфере туризма, а именно обслуживающий персонал авиакомпаний, гостиниц и отелей.

Поскольку авиационная отрасль продолжает страдать от слабого спроса на поездки на фоне распространения коронавируса по всему миру, уровень занятости в данной сфере продолжает снижаться. Во всем мире в сфере туризма занято в общей сложности 65,1 млн чел., обеспечение которых ежегодно составляет 2,7 трлн долл.

Так, компания Turkish Airlines (THY) уволила в общей сложности 1200 человек, в то время как Unifree Duty Free İşletmeciliği A.Ş. отправила в отпуск 400 человек, в то время как TGS Yer Hizmetleri A.Ş. – 200 человек по контракту.

В Испании в зоне риска оказались 30% занятых в сфере туризма, что составляет более 2 млн чел. В Италии этот показатель равен – 22% (1,2 млн чел.).

Кроме того, ожидается экспоненциальный рост неполной занятости, поскольку экономические последствия вспышки вируса приведут к сокращению рабочего времени и заработной платы.

Стратегии государства для поддержки туристической индустрии. Пандемия COVID-19 глубоко потрясла экономику и условия труда во всем мире. Но как правительства многих пострадавших стран отреагировали на эту чрезвычайную ситуацию? Какие шаги они предприняли для защиты занятости и бизнеса? В специальном выпуске итальянского электронного журнала о трудовом праве, опубликованном факультетом социологии и экономического права Болонского университета, собраны различные решения, предложенные сорока странами мира.

Некоторые инициативы являются общими для всех или почти всех, например, мотивация для удаленной работы или использование даже новых форм отпусков. Другие связаны с индивидуальным национальным контекстом, таким как обращение в той или иной степени к увольнениям или более «творческие», такие как распределение пособий для незаявленных работников. Различная картина, из которой возникают усилия правительств, которые в последние месяцы пытаются найти баланс между чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения и экономическим кризисом.

Критические проблемы в сфере занятости, с которыми сталкиваются правительства во всем мире, являются общими: последствия для занятости из-за закрытия многих предприятий и коммерческой деятельности, риски для здоровья работников, занятых в основных службах (начиная с медицинских работников), отсутствие возможности работать у родителей с маленькими детьми после закрытия школ, условия сильной уязвимости, в которых оказались многие фрилансеры, работники с нестандартной занятостью.

Чтобы ответить на эти проблемы, некоторые из принятых решений были признаны общими почти для всех рассматриваемых стран. Например, стимул работать удаленно, продвижение форм, даже новых, отпусков или, в некоторых случаях, навязывание использования отпусков. В то время как для работников, занятых основными видами деятельности или участвующих в первых посткарантинных постепенных открытиях,

часто возникают интенсивные внутренние дебаты, которые в некоторых случаях становятся предметом консультаций между правительством и профсоюзами о мерах по предотвращению, которые должны быть приняты, делая доступным защитный материал, инструкции по соблюдению здоровья.

Вместо этого, взглянув на выбор, сделанный правительствами для защиты рабочих мест, затронутых вспышкой пандемии и принудительным прекращением деятельности, исследователи выделили два разных подхода. С одной стороны, есть такие страны, как Франция, Португалия, некоторые латиноамериканские страны, а также Италия, где активно использовались схемы, аналогичные нашим увольнениям, с целью защитить рабочие места, насколько это возможно. С другой стороны, есть более заметно либеральные страны, такие как Испания и Турция, где меры поддержки занятости были более ограниченными и избирательными, и это привело к потере многих рабочих мест, особенно среди молодых работников и временных работников.

В целях поддержки сферы туризма государства различных стран выделяют целевые субсидии, вводят льготное кредитование и оказывают поддержку, снижая налоговое бремя для компаний.

Выводы и рекомендации

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что пандемия, вызванная коронавирусом, является беспрецедентной ситуацией, которая оказала влияние на все сферы жизни практически в каждой стране. Наиболее пострадавшим сектором экономики является туризм, в том числе гостиничный бизнес и авиасообщение.

Для сохранения данных сфер правительства стран оказывают посильную поддержку компаниям. Автором также были разработаны специальные меры поддержки внутреннего и международного туризма:

- Необходимо сфокусировать усилия, ресурсы и меры поддержки государства на развитии приоритетных туристских территорий, повышая их инвестиционную привлекательность и улучшая условия для вложения в туристский бизнес.
- Реализация широкой общенациональной информационно-пропагандистской кампании по популяризации местных туристических направлений среди испанских граждан.
- Упрощение визового режима.
- Уменьшение стоимости виз.
- Применение новых технологий для прохождения пограничного контроля.
- Облегчение налоговой политики для наиболее пострадавших секторов экономики.
- Введение льгот и стимулов для обеспечения поддержания бизнеса.

Библиографический список

1. *Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]: ВОЗ. М: who.int, 2002–2020. Режим доступа: World Wide Web. URL: <https://www.who.int/ru> (дата обращения: 22.04.2020).*
2. *Карта коронавируса [Электронный ресурс]: CORONOVIRUS. М: coronavirus-monitor.ru, 2019–2020. Режим доступа: World Wide Web. URL: <https://coronavirus-monitor.ru/> (дата обращения: 22.04.2020).*
3. *Мировой атлас данных [Электронный ресурс]: Кноета. М: knoeta.ru, 2007–2020. Режим доступа: World Wide Web. URL: <https://knoeta.ru/atlas> (дата обращения: 22.04.2020).*
4. *Новости [Электронный ресурс]: BBC. М: BBC.COM, 2002–2020. Режим доступа: World Wide Web. URL: <https://www.bbc.com/> (дата обращения: 22.04.2020).*

5. *Хронология распространения COVID-19 [Электронный ресурс]: Википедия. М: ru.wikipedia.org, 2007–2020. Режим доступа: World Wide Web. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хронология_распространения_COVID-19 (дата обращения: 22.04.2020).*

References

1. *Vsemirnaja organizacija zdravoohranenija [Elektronnyj resurs]: VOZ. M: WHO. INT, 2002–2020. Rezhim dostupa: World Wide Web. URL: <https://www.who.int/ru> (data obrashhenija: 22.04.2020).*
2. *Karta koronavirusa [Elektronnyj resurs]: CORONOVIRUS. M: CORONAVIRUS-MONITOR. RU, 2019–2020. Rezhim dostupa: World Wide Web. URL: <https://coronavirus-monitor.ru/> (data obrashhenija: 22.04.2020).*
3. *Mirovoj atlas dannyh [Elektronnyj resurs]: Knoema. M: KNOEMA. RU, 2007–2020. Rezhim dostupa: World Wide Web. URL: <https://knoema.ru/atlas> (data obrashhenija: 22.04.2020).*
4. *Novosti [Elektronnyj resurs]: BBC. M: BBC. COM, 2002–2020. Rezhim dostupa: World Wide Web. URL: <https://www.bbc.com/> (data obrashhenija: 22.04.2020).*
5. *Hronologija rasprostraneniya COVID-19 [Elektronnyj resurs]: Vikipedija. M: RU.WIKIPEDIA.ORG, 2007–2020. Rezhim dostupa: World Wide Web. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Hronologija_rasprostraneniya_COVID-19 (data obrashhenija: 22.04.2020).*

Контактная информация / Contact information

Азербайджанский государственный экономический университет (АГЭУ), Азербайджан, г. Баку, ул. Истиглалият, д. 6.

Azerbaijan State Economic University (UNEC), 6, Istiglaliyat Street, Baku, Azerbaijan

Акбулаев Нурходжа Назирходжа / Nurkhodzha N. Akbulaev

nurhoca@gmail.com

Мамедов Илькин Муслюм / Ilkin M. Mammadov

ilkmammadov@gmail.com

Алиев Васиф Зираддин / Vasif Z. Aliyev

vasif.aliyev@unec.edu.az

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОДАЖ И ПРОДВИЖЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

MAIN TRENDS OF SALES AND PROMOTION ORGANIZATION IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-391-399

САВЕЛЬЕВ Игорь Игоревич

Старший научный сотрудник лаборатории институционального анализа экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, первый заместитель председателя Владимирского регионального правления Вольного экономического общества России, к.э.н., доцент

Igor I. SAVELYEV

Senior Researcher, laboratory of institutional analysis, faculty of Economics, Lomonosov Moscow state University, first Deputy Chairman of the Vladimir regional Board of the Free economic society of Russia, PhD in Economics, Associate Professor

НЕФЕДОВА Ксения Александровна

Заместитель директора Владимирского филиала Российского университета кооперации, к.э.н.

Ksenia A. NEFEDOVA

Deputy Director of the Vladimir branch of the Russian University of Cooperation, PhD in Economics

Аннотация

Активные коммуникации и риск-менеджмент в условиях пандемии играют ключевую роль в формировании репутации бренда и достижении успеха компании в будущем. Современные маркетинговые технологии позволяют оперативно пересмотреть инструменты организации продаж и выбрать наиболее эффективный вариант взаимодействия с целевой аудиторией. Опираясь на проведенный анализ проблем и успехов различных компаний и отраслей экономики в условиях пандемии коронавируса, авторы сформировали комплекс наиболее перспективных маркетинговых инструментов, позволяющий многим предприятиям, даже в условиях ограниченного бюджета, не только выживать, но и развиваться.

Abstract

Active communication and risk management in the context of a pandemic play a key role in shaping the brand's reputation and achieving the company's success in the future. Modern marketing technologies allow you to quickly review the tools for organizing sales and choose the most effective way to interact with your target audience. Based on the analysis of the problems and successes of various companies and industries in the context of the coronavirus pandemic, the article presents a set of the most promising marketing tools that allow many businesses, even in a limited budget, not only to survive, but also to develop.

Ключевые слова

Пандемия, маркетинг, продвижение, онлайн, технологии, инструменты, развитие.

Keywords

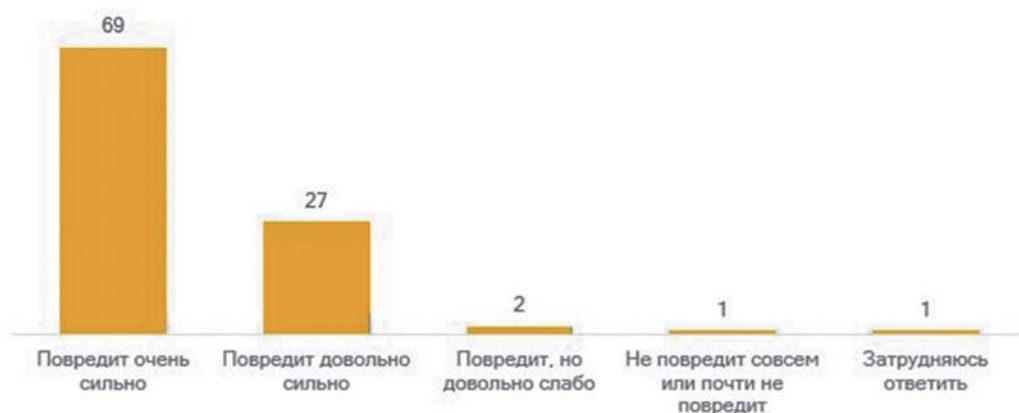
Pandemic, marketing, promotion, online, technologies, tools, development.

Одной из ключевых проблем нескольких последних месяцев текущего года стала эпидемия коронавируса, которая существенным образом отразилась на деятельности фактически каждого предприятия, от микрокомпаний и индивидуальных предпринимателей до всероссийских и мировых корпораций. Представленная научными и аналитическими центрами статистика весьма неутешительна: с каждым днем число компаний, которые вынуждены сократить масштабы своей деятельности или вовсе закрыться, неустанно возрастает. Весьма не радужными представляются и оценки владельцев малого и среднего бизнеса относительно перспективы «вернуть все на круги своя».

Так, аналитическим центром НАФИ в апреле – мае 2020 года были представлены результаты первой части исследовательского спецпроекта «О влиянии пандемии коронавируса на российский бизнес» [1]. Данный документ был подготовлен на основе результатов опроса более 1500 предпринимателей со всей России, проведенного компанией в конце марта 2020 года.

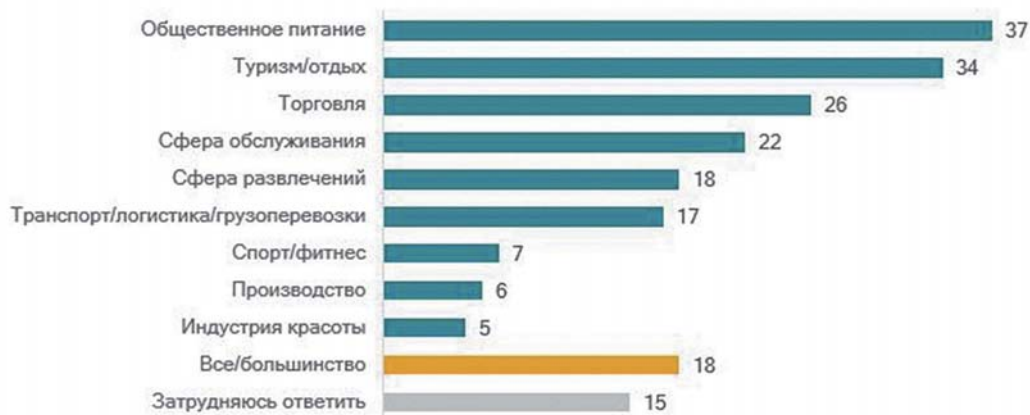
Исследование показало, что уже с середины марта российские предприниматели испытывают сложности с ведением бизнеса и не надеются на улучшение ситуации в ближайшей перспективе. Порядка 69% предпринимателей сходятся во мнении, что влияние пандемии коронавируса на российскую экономику будет максимально негативным (рис. 1).

Рис. 1. Результат ответа на вопрос: «Повредит ли распространение коронавируса российской экономике в целом и если да, то в какой степени?», %

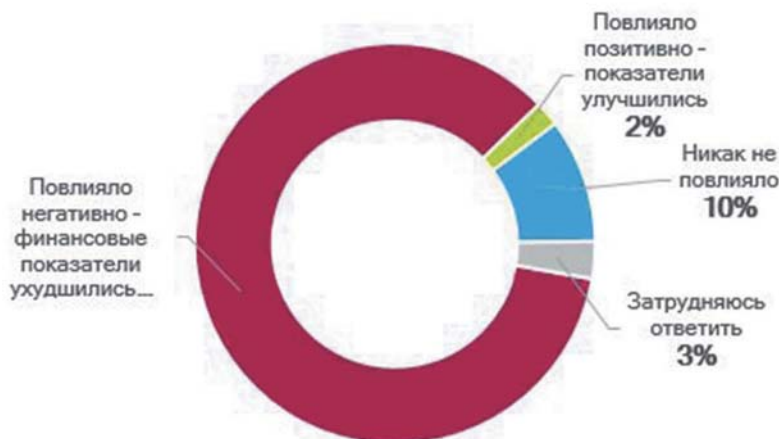
Большая часть опрошенных считают, что в первую очередь пострадают сферы общественного питания и туризма, на втором месте – сферы торговли и услуг. Также значительные убытки понесут рынки транспорта и развлечений. Каждый пятый предприниматель считает, что все без исключения отрасли пострадают (рис. 2).

Рис. 2.
Результат ответа на вопрос: «Какие сферы бизнеса больше всего страдают или могут пострадать от распространения коронавируса?», %

Естественно, основной «удар» пандемия нанесла по финансовым показателям деятельности предприятий. Особые проблемы, по мнению большей части опрошенных, испытывает малый бизнес: в компаниях с численностью сотрудников до 100 человек негативные последствия особенно ощутимы (их отметили 87% предпринимателей), в компаниях со штатом более 100 человек негативные последствия отмечали чуть реже (78%).

Рис. 3.
Результат ответа на вопрос: «К настоящему моменту распространение коронавируса как-то повлияло на финансовые показатели Вашего предприятия?», % [1]

Таким образом, полученные результаты говорят о том, что большая часть предприятий различных сфер деятельности оказалась в весьма сложном положении, требующем принятия кардинальных мер как на уровне государства, так и на уровне самих компаний.

Для лучшего понимания того, что же может предпринять организация, чтобы не только «удержаться на плаву», но и нарастить свои обороты, как в период панде-

мии, так и после ее окончания, обратимся к опыту тех, кто в самый разгар кризиса продолжает не только работать, но и активно развиваться.

В качестве первого успешного направления бизнеса, которому кризис оказался «нипочем», стоит выделить службы доставки и агрегаторы. В условиях, когда закрываются непродуктовые магазины, рестораны, кофейни и другой бизнес, единственным решением для выживания становится организация доставки товаров. Самым быстрым способом освоить этот канал продаж, особенно при условии отсутствия собственной логистики, является сотрудничество с агрегаторами товаров и партнерами по доставке. Выигрывают от такого партнерства все: одни получают возможность реализовывать свои товары, другие – приобретают новых пользователей как на B2B, так и на B2C рынках.

Вторым успешным направлением является рынок онлайн-образования. В последние годы данное направление бизнеса весьма успешно развивается и достигло к настоящему моменту порядка \$74 млрд. Сложившаяся же ситуация, обусловленная распространением коронавируса, еще больше подтолкнула мировые образовательные платформы к дальнейшему наращиванию своей деятельности. Так, российская образовательная платформа «Учи.ру» буквально за несколько недель увеличила свою аудиторию на более чем на 7 млн человек. Основной задачей таких образовательных ресурсов является наращивание своей аудитории, которая даже после окончания пандемии будет нуждаться в тех программах и проектах, к которым они уже успели привыкнуть за время дистанционного обучения. За время пандемии учителя, ученики и родители смогут адаптироваться к цифровому обучению и не будут воспринимать его как ненужное нововведение.

Параллельно с образовательными платформами свое развитие получают и различные сервисы связи. В связи с тем, что огромная часть мира перешла на удаленную работу, IT-компании столкнулись с нагрузками, на которые они не рассчитывали. Увеличивается популярность не только сервисов по видеосвязи, но и любых продуктов, позволяющих организовать удаленную работу. Главная постпандемическая перспектива данного направления заключается в том, что в ближайшее время многие компании поймут, что часть рабочих процессов можно эффективно перенести в онлайн, а обычные пользователи уже сформируют там определенные традиции и привычки, от которых им уже не захочется отказываться.

В качестве следующего перспективного направления стоит рассмотреть повсеместный e-commerce. Еще в преддверии первой нерабочей недели многие онлайн-ритейлеры расширили свои команды. Некоторые компании запустили рекламные кампании, направленные на привлечение новой аудитории, состоящей из тех, кто вынужден перейти на онлайн-покупки. Так, сайт «#СБЕРЕги себя дома» рекламирует сервисы Сбербанка, доступные в изоляции. Перспективой дальнейшего роста таких компаний станет то, что многие люди «протестируют» покупки онлайн и в будущем отдельную их часть «перенесут» в цифровой мир. Кроме этого, ожидается, что наберет силу роботизация и автоматизация торговли, что, в свою очередь, позволит оптимизировать расходы на плату труда сотрудников.

Четвертым перспективным направлением можно назвать онлайн-деятельность врачей, психологов и пропаганду здорового образа жизни. Так, в период активного распространения пандемии люди стали меньше ходить в больницы и поликлиники, но не стали меньше болеть и нуждаться в квалифицированной помощи. Некоторые сервисы на этой волне привлекают новых пользователей: например,

крупнейший французский сервис телемедицины Doctolib отменил плату за консультации по коронавирусу. При этом многие телемедицинские сервисы с нетерпением ждут поправок в закон, которые позволят развиваться данному рынку. В некоторых регионах такие сервисы уже включили в ОМС – так, в 2020 году сеть клиник «Доктор рядом» планировала провести около 100 тыс. консультаций по ОМС в Сахалинской, Калужской и Свердловской областях. По некоторым прогнозам, рост спроса на телемедицину и различные проекты в данной сфере в ближайшие годы может составить порядка 40–50%.

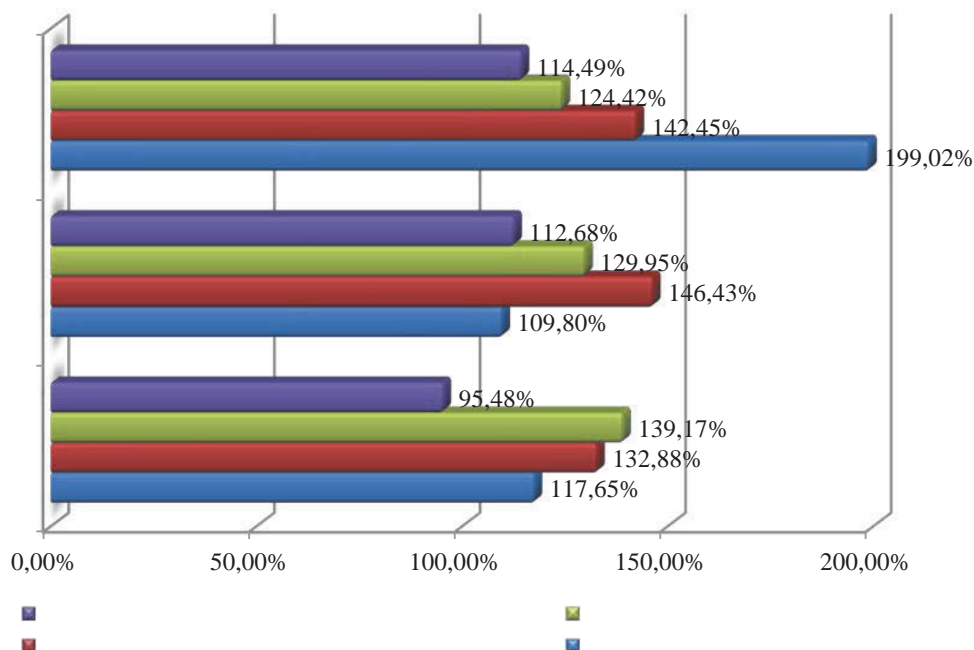
Финтех – еще одно из направлений, которое выиграет от повсеместной изоляции. До недавнего времени дистанционное взаимодействие с банком в России не пользовалось большой популярностью. По результатам многочисленных исследований было выявлено, что необанки (полностью цифровые банки без отделений) готовы использовать только порядка 5% населения. В условиях пандемии работа с цифровыми банками становится единственным безопасным выходом для бизнеса. В недалеком будущем даже самым консервативным банкам придется, так или иначе, адаптироваться к удаленному формату работы.

Параллельно с банковскими услугами свое развитие получают и приложения-посредники между работодателем и работником, которые позволяют получить деньги до официального дня выплаты зарплаты. Так, на фоне COVID-19 компания «Деньги Вперед» открыла сотрудникам бесплатный доступ к приложению, где можно снять зарплату раз в неделю.

Вместе с ростом удаленной работы и онлайн-общения активизировались и мошенники, которые любыми доступными способами выманивают у пользователей различных сервисов логины и пароли, данные кредитных карт, личную информацию или просто обманом получают деньги на «пожертвования». В результате растет спрос на услуги VPN-провайдеров, производителей антивирусных решений и разработчиков другого ПО для обеспечения безопасности [2].

Рис. 4.
Темп роста
основных
показателей
развития
интернет-
торговли
после начала
пандемии

Составлено
авторами
на основе
данных
компании
ADVANTSHOP

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что большая часть компаний, которые имеют перспективы развития, несмотря на распространение пандемии, — это предприятия, так или иначе связанные с онлайн-средой. Особую актуальность в рамках данного направления приобретают инновационные маркетинговые коммуникации, основными инструментами которых являются именно онлайн-технологии. Главным подтверждением данного тренда становится рост интернет-продаж (рис. 4).

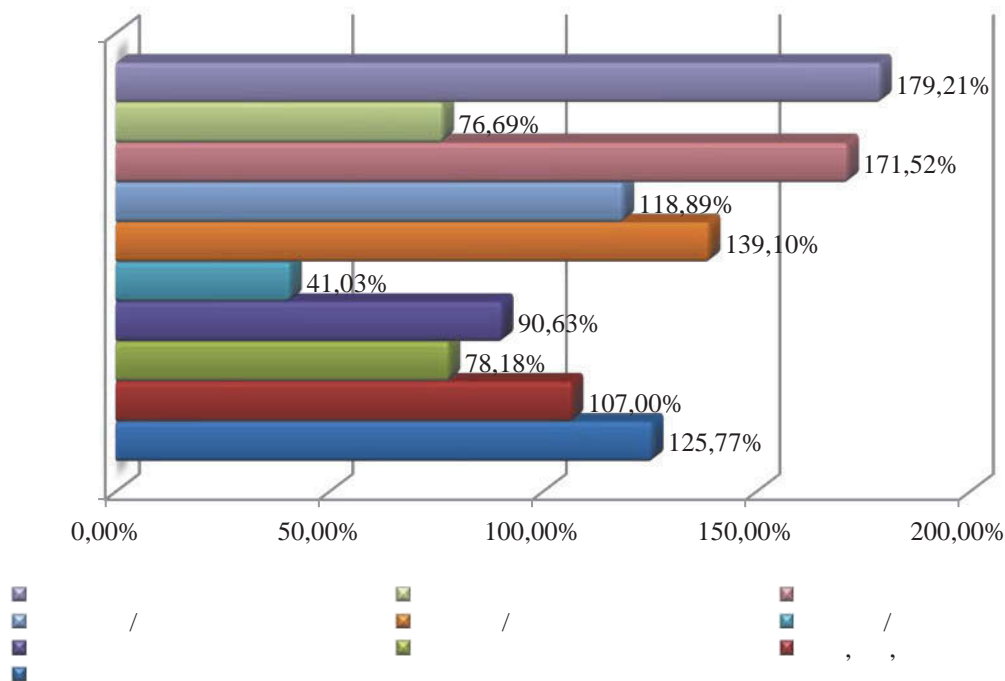
В апреле число новых открытых интернет-магазинов стало почти в 2 раза больше (на 99,02%), чем в январе 2020 года, и в полтора раза больше, чем в апреле 2019 года.

Средний месячный оборот топовых магазинов в апреле вырос на 42,45% по сравнению с январем и примерно на 36% в сравнении с апрелем 2019 года. Число заказов возросло на 25%, а средний чек увеличился на 14,5% с января по апрель 2020 года. По сравнению с 2019 годом немного снизился — на 11%.

Свои тенденции онлайн-продаж есть у различных товарных групп (рис. 5).

Рис. 5.
Темп роста основных показателей интернет-торговли к январю по категориям товаров

Составлено авторами на основе данных компании ADVANTSHOP

Для магазинов, продающих детские товары, видна тенденция роста продаж. Так, в апреле месячный оборот вырос на 25,77%. Рынок товаров для дома и ремонта показывает рост только на 7%.

При этом статистика показывает снижение спроса на товары категории «Красота и здоровье», поскольку они чаще всего не предназначаются для удовлетворения основных потребностей людей. Стоит отметить, что в феврале и марте наблюдался рост продаж данной категории товаров порядка 70%, что связано в первую очередь с календарными праздниками.

Негативная динамика наблюдается и в продажах мебели. Оборот компаний данной сферы в апреле 2020 года снизился на 26,14% по сравнению с мартом и на 59%

по сравнению с январем. Снижение темпов продаж можно отметить и в секторе техники и электроники. Так, в апреле 2020 года месячный оборот данных компаний снизился в 2 раза по сравнению с апрелем 2019 г. Оборот магазинов зоотоваров сильно просел в пользу маркетплейсов.

Компаниям, продающим одежду и обувь, удастся держаться «на плаву». В апреле 2020 года прирост оборота в сравнении с январем составил 39%. Также на фоне развития ситуации с коронавирусом россияне резко увеличили онлайн-покупки продуктов питания. В марте 2020-го это направление торговли стало самым быстрорастущим – месячный оборот магазинов поднялся почти в 2,5 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Спрос на хобби-товары растет в течение всего 2020 года, а в марте – апреле особенно. Связано это как раз с карантином (школьники и студенты остаются дома), а также с тем, что большинство компаний перевело людей на удаленную работу. По сравнению с апрелем 2019 года в апреле 2020-го месячный оборот вырос на 134%.

Данные показывают, что COVID-19 действительно заставил потребителей пересмотреть свое отношение к онлайн-покупкам: часть потребительского спроса естественным образом переходит в онлайн. И для интернет-магазинов это отличная возможность расширить свою аудиторию покупателей [3].

Одной из главных площадок для продвижения компании и ее продуктов в период пандемии становятся социальные сети, или SMM-маркетинг. С его помощью бренды могут вести коммуникацию со своей аудиторией, чтобы поддержать свой имидж во время кризиса и не дать клиентам забыть о себе.

Имиджевые активности важно сохранять даже в условиях отсутствия продаж, поэтому компании, чей бизнес полностью остановился из-за карантина, продолжают регулярно публиковать посты. Ключевыми темами для них стали: приготовление пищи, уборка и приведение дома в порядок, полезные советы для дома, красота и стиль, домашняя жизнь, здоровье. Последняя из озвученных тем – самое популярное направление. Сюда относятся: домашний фитнес, танцы, тренировки по поддержанию здоровья. Различные представители бизнеса приглашают специалистов, которые учат правильному дыханию и тому, как разработать легкие, мастеров йоги или известного долгожителя, который может дать советы «как дожить до ста лет».

Многие компании уже сейчас делают посыл в постпандемический период и создают продающие посты, позволяющие презентовать будущие промоакции, предлагая внеплановые скидки и бонус к будущим заказам. Огромное количество пользователей социальных сетей позволяет компаниям привлекать поклонников бренда к участию во всевозможных флешмобах [4].

В связи с возрастающим спросом на развлекательные и образовательные ресурсы увеличивается и роль контента. В выигрыше окажутся компании, которые смогут предложить своим клиентам что-то интересное и актуальное, что не даст им забыть о бренде, а в идеале еще и привлечет внимание к основному продукту. Поэтому многие магазины запускают бесплатные активности образовательного или развлекательного характера, для участия в которых нужно купить товар из ассортимента бренда. Наибольшим спросом пользуется контент, связанный с личным опытом функционирования в кризис, лонгриды и бизнес-кейсы. В условиях карантина отличной возможностью взаимодействовать со своей

аудиторией стали такие мероприятия в интернете, как онлайн-вебинары, конференции, концерты, тематические встречи, онлайн-игры и так далее.

Отдельное внимание стоит уделить технологии Shopstreaming, которая зародилась в Азии. Стриминг (англ. streaming – потоковый) – это способ передачи данных от провайдера к конечному пользователю, при котором контент находится на удаленном сервере. Тут так же уместна аналогия с обычным теле- или радиовещанием, но с возможностью управлять им. Став пользователем стримингового сервиса, можно получить доступ к интересующему контенту с любого устройства в любое время. Разместив интересную информацию на своем сайте, при помощи указанной технологии владельцы бизнеса получают дополнительные возможности для реализации своей продукции.

Укрепить отношения с аудиторией помогают и другие маркетинговые фишки – AR-приложения для виртуальной «примерки» одежды, косметики и даже предметов интерьера, обзоры и 3D-модели товаров [5].

Безусловно, наша жизнь после пандемии уже не будет прежней. Сейчас бизнесу и сотрудникам требуется немало сил и мотивации, как внешней, так и внутренней, чтобы двигаться вперед, находить возможности для роста даже в самой трудной ситуации. Именно поэтому популярным способом продвижения стали корпоративные видеоролики: они относятся к актуальной повестке дня, несут информационный характер и направлены на эмоциональную поддержку, снижение негатива в обществе. Видеоролики способствуют нативному продвижению бренда, а хорошее впечатление, которое остается у аудитории после просмотра, ассоциативно связывается с компанией, которая указана автором материала.

Таким образом, для многих компаний период пандемии – это возможность формирования групп потенциальных клиентов и генерации лидов. Для реализации данных планов наилучшим образом подойдут инструменты интернет-маркетинга. Перспективным станет замена простых коммерческих предложений полномасштабными виртуальными презентациями, в основе которых могут лежать виртуальные или 3D-туры по вашей компании, подробная демонстрация продукта, а также выступления перед подписчиками посредством веб-конференции и многое другое.

Список литературы

1. *Влияние эпидемии коронавируса на бизнес и потребность в господдержке. Аналитический центр НАФИ.* URL: <https://nafir.ru/projects/predprinimatelstvo/rossiyskiy-biznes-i-koronavirus-chast-1-predprinimateli-o-vliyanii-epidemii-na-ikh-biznes-i-o-potreb/>
2. *Паршин И. Пандемия как стресс-тест: какие отрасли будут развиваться из-за вируса // РБК.* URL: <https://www.rbc.ru/trends/industry/5e9034bf9a7947a07e906246>
3. *Аналитика по онлайн-продажам в период карантина // ADVANTSHOP.* URL: <https://www.advantshop.net/blog/common/analitika-po-onlain-prodazham-v-period-karantina>
4. *Сколкин Ю. Коммуникационные тренды в условиях пандемии: идеи для социальных сетей отеля в период карантина // Журнал о гостиничном бизнесе WelcomeTimes.* URL: <https://welcometimes.ru/opinions/kommunikacionnye-trendy-v-usloviyah-pandemii-idei-dlya-socialnyh-setey-otelya-v-period>
5. *Федоринин М. Как рынок маркетинга переживет пандемию – два сценария //РБК.* URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5eb2e2859a7947961ff32bfb>

References

1. *Vliyanie epidemii koronavirusa na biznes i potrebnost' v gospodderzhke. Analiticheskii tsentr NAFI.* URL: <https://nafi.ru/projects/predprinimatelstvo/rossiyskiy-biznes-i-koronavirus-chast-1-predprinimateli-o-vliyanii-epidemii-na-ikh-biznes-i-o-potreb/>
2. *Parshin I. Pandemiya kak stress-test: kakie otrasli budut razvivat'syaiz-zavirusa // RBK.* URL: <https://www.rbc.ru/trends/industry/5e9034bf9a7947a07e906246>
3. *Analitikapoonlain-prodazham v period karantina // ADVANTSHOP.* URL: <https://www.advantshop.net/blog/common/analitika-po-onlain-prodazham-v-period-karantina>
4. *Skolkin Yu. Kommunikatsionnye trendy v usloviyakh pandemii: idei dlya sotsial'nykh setei otelya v period karantina // Zhurnal o gostinichnom biznese Welcome Times.* URL: <https://welcometimes.ru/opinions/kommunikacionnye-trendy-v-usloviyah-pandemii-idei-dlya-socialnyh-setey-otelya-v-period>
5. *Fedorinin M. Kak rynek marketinga perezhivet pandemiyu – dvastsenariya // RBK.* URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5eb2e2859a7947961ff32bfb>

Контактная информация / Contact information

Владимирская региональная общественная организация ВЭО России
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87
Vladimir regional public organization of the Free Economic Society of Russia
87, Gorky Street, 600000, Vladimir, Russia.
Савельев Игорь Игоревич / Igor I. Savelyev
nb-33@inbox.ru

Российский университет кооперации (Владимирский филиал)
600000 г. Владимир, ул. Воровского д. 16
Vladimir branch of the Russian University of Cooperation
16, Vorovskogo Street, 600000, Vladimir, Russia
Нефедова Ксения Александровна / Ksenia A. Nefedova
k.a.nefedova@ruc.su

КРИЗИС: УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ВЫСТАВОК

THE CRISIS: THREATS AND OPPORTUNITIES. INFLUENCE OF A PANDEMIC ON THE STRATEGY DEVELOPMENT OF THE INDUSTRY OF INTERNATIONAL INDUSTRIAL EXHIBITIONS

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-400-405

САДОВНИЧАЯ Анна Викторовна

Заместитель генерального директора АО «Экспоцентр»,
член Президиума ВЭО России, доцент кафедры экономической
и финансовой стратегии МШЭ МГУ им. М.В. Ломоносова, к.э.н.

Anna V. SADOVNICHAYA

Deputy General Director of JSC «Expocenter», Member of the Presidium
of VEO of Russia, Associate Professor, Department of Economic and Financial
Strategy, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University,
PhD in Economics

Аннотация

В статье анализируются тренды индустрии международных промышленных выставок в период пандемии. Оцениваются возможные потери отрасли, влияние этих потерь на глобальную экономику. Анализируется как прямой, так и косвенный или индуцированный финансовый эффект. Сравняется ситуация на рынках различных регионов. Рассматриваются стратегии развития выставочной отрасли в чрезвычайный период. Обосновывается необходимость дальнейшего углубления процессов стандартизации индустрии и консолидации ее участников.

Abstract

The article analyzes the industry trends of international B2B exhibitions in a pandemic situation. Possible losses of the industry, the impact of these losses on the global economy are estimated. Both direct and indirect or induced financial effect are important. The situation in the markets of different regions is compared. The strategic prospects of the exhibition industry in the extraordinary period are considered. The necessity of further deepening the industry standardization processes and the consolidation of its participants is substantiated.

Ключевые слова

Выставочная деятельность, международная промышленная выставка, стратегия выставочной деятельности в чрезвычайных экономических условиях, государственная поддержка выставок, выставочный организатор, выставочная площадка, прямой и косвенный экономический и общественный эффект выставок.

Keywords

Exhibition and fair activity, international industrial exhibition, trade fairs strategy in the extraordinary economic periods, state support for trade fairs, exhibition organizer, fairground, direct and indirect economic and social effect of exhibitions.

Глобальная выставочная индустрия XXI века объединяет десятки тысяч участников и оказывает глубокое воздействие стратегической значимости на все отрасли национальных и мировых экономик [1]. Согласно оценкам, содержащимся в совместном исследовании «Глобальный экономический эффект выставок», проведенном в 2019 году Всемирной выставочной ассоциацией UFI и Oxford Economics, общий кумулятивный экономический эффект отрасли достигает 275 млрд евро [2]:

Рис. 1.
Глобальный экономический эффект выставок (2019 год)

Источник:
UFI и Oxford Economics

Мировая пандемия вируса стратегически изменила мир, нарушила сложившиеся долгосрочные экономические отношения субъектов, «заморозила» большое число рыночных транзакций. Международные промышленные выставки оказались в числе максимально пострадавших отраслей экономики.

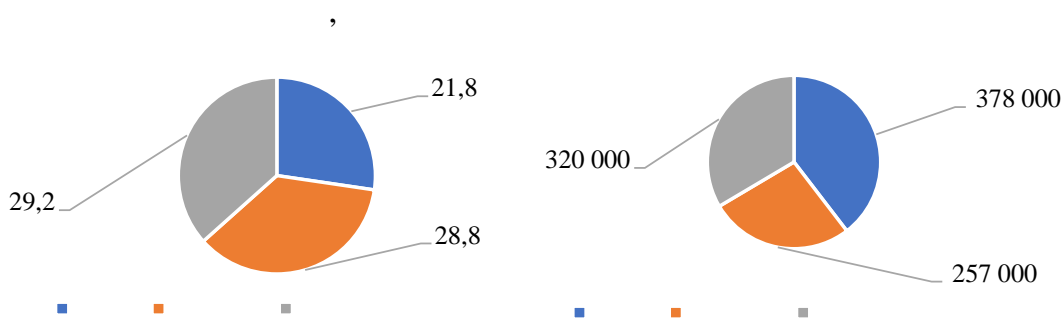
Если по состоянию на 31 марта текущего года в мире было отменено или перенесено около 1700 выставочных мероприятий [3], то в мае стало очевидным, что пода-

вляющее большинство мероприятий в 2020 году не состоится. Всемирная выставка, которая должна была открыться в 2020 году в Дубае, перенесена на год. Около трети выставочных мероприятий отменены, около 20% отложены на неопределенный срок, 45% поставлены в календарь на второе полугодие 2020 года. Вероятность их проведения будет зависеть от эпидемиологической ситуации в мире и от поддержки государств, которые должны осознать, что индустрия выставок является серьезным экономическим драйвером.

Всемирная ассоциация выставочной индустрии (UFI) опубликовала обзор экономических мер, принятых правительствами европейских стран для поддержки индустрии в период кризиса, и методологию функционирования выставочных комплексов в экстраординарных условиях. Кроме того, Ассоциация продвигает информационную площадку *This Show Is Open* [4], созданную для поддержки тех событийных мероприятий, организаторы которых не планируют их отменять. UFI совместно с Европейским альянсом выставочной индустрии (EEIA) и Европейской ассоциацией ведущих выставочных центров (EMECA) обратилась к Европейской комиссии с просьбой о поддержке организаторов выставок и выставочных комплексов [5].

По оценке специалистов UFI потери глобальной экономики от снижения вклада выставочной индустрии во втором квартале 2020 года достигнут 82 млрд евро [6]:

Рис. 2, 3.
Прогнозируемые потери глобальной экономики во II квартале 2020 года

Источник: UFI

Ассоциация немецкой выставочной индустрии AUMA оценивает прямой экономический ущерб народному хозяйству Германии от отмены и переноса промышленных выставок в этом году в 3 млрд евро. Прогнозируемая потеря рабочих мест оценивается немецкими экспертами в 24 000, а недополучение налоговых платежей бюджетом страны – в 470 млн евро. Германия является крупнейшим организатором международных выставок, отрасль обеспечивает занятость 230 000 работников, макроэкономический эффект от проведения выставок составляет более 28 млрд евро, а ежегодные налоговые платежи – около 4,5 млрд евро [7, 8].

По информации Центра исследований выставочной индустрии США (CEIR) отмена 50 крупных выставочных мероприятий формата B2B общей площадью 5,2 млн футов нетто стоила экономике страны 1,8 млрд долларов США. При этом общий экономический эффект отрасли в 2019 году оценивался CEIR в 101 млрд долларов США [9].

Негативный сценарий развития российского событийного рынка предполагает, по мнению экспертов, потери в размере до 68% от общего его объема, суммарные убытки отрасли при невозможности возобновить проведение мероприятий в 2020 году могут превысить 100 млрд руб. [5].

В силу своей специфики промышленные выставки относятся к событиям с массовым посещением профессионалами. Для проведения выставки требуется трансграничное перемещение грузов, приезд специалистов из разных стран мира. Сейчас это обеспечить крайне затруднительно. Помимо этого, крупнейшие выставочные центры по всему миру оказывают максимальное содействие городам и регионам в борьбе с последствиями эпидемии – многие из них перепрофилируются под специализированные госпитали. В больницы превращены Jacob K. Javits Convention Center (New York), IFEMA (Madrid), Reed Messe Wien, ExCel London, Event Campus (Glasgow), NEC (Birmingham) и Manchester Central. Подобную помощь оказывают и крупнейшие российские выставочные площадки.

Без содействия государства, для которого промышленные выставки – это, прежде всего, инструмент реализации стратегических приоритетов, возвращение выставочной отрасли к жизни невозможно. Правительство России включило деятельность по организации выставок в перечень наиболее пострадавших из-за эпидемии вируса областей экономики [10].

Российский союз выставок и ярмарок (РСВЯ), Союз выставочных застройщиков, Ассоциация директоров по коммуникациям и корпоративным медиа России (АКМР), Национальная ассоциация организаторов мероприятий (НАОМ) совместно с деловыми общественными объединениями – Торгово-промышленной палатой РФ (ТПП РФ), Российским союзом промышленников и предпринимателей РФ (РСПП РФ), Общероссийской общественной организацией «Деловая Россия» направили открытое письмо председателю Правительства РФ, призвав выработать меры поддержки ивент-индустрии путем ввода льготного налогового режима, субсидирования расходов на оплату труда работников и использования прочих инструментов. РСВЯ совместно с другими профильными ассоциациями обратился к Правительству Российской Федерации и руководству субъектов Российской Федерации с меморандумом «О необходимости поддержки конгрессно-выставочной деятельности как стратегически важной отрасли для России».

В период высокой фазы пандемии весной 2020 года специалисты выставочной индустрии, анализируя и прогнозируя развитие событий в ней, пытались дать всестороннюю оценку тому, какое экономическое воздействие окажет кризис на международные выставки, к каким изменениям стратегической значимости он приведет. Неизбежным видится появление новых долгосрочных трендов трансформации форматов проведения событийных мероприятий. С выходом глобального выставочного пространства из-под влияния пандемии выставочная отрасль вступит в фазу длительного восстановления и окажет стратегически значимое воздействие на темпы восстановления других отраслей экономики. Есть и видимые сигналы того, что лидеры ряда стран приняли новые стратегии выхода из чрезвычайного периода. Так, власти Германии признали выставки мероприятиями важного экономического воздействия, которые возможно будет проводить в условиях ограничений массовых собраний уже осенью 2020 года. Каждая федеральная земля будет сама устанавливать условия возобновления выставочной деятельности, а AUMA – координировать взаимодействие с выставочной индустрией. Уже принято решение о восстановлении проведения выставок на территории земли Северная Рейн-Вестфалия с сентября 2020 года.

В Китае в провинции Хунань 30 апреля открылась первая крупная выставка 2020 года Hunan Auto Show.

Кризис продемонстрировал, что выставочная отрасль, как оказывающая стратегическое влияние на производство товаров, услуг и технологий в целом, являющаяся крупным работодателем и генерирующая существенные прямые и косвенные бюджетные поступления, нуждается в дальнейшем объединении на базе развития стандартов, усиления роли профессиональных ассоциаций и структурирования государственной поддержки участников отрасли [11, 12]. Российские выставочники, столкнувшись с ситуацией, когда разнообразие присвоенных им кодов ОКВЭД может стать преградой на пути получения отраслевых льгот, начали разработку сценариев модернизации этих процессов и интеграции всех участников индустрии.

Чрезвычайный период пандемии привел выставочных организаторов и выставочные комплексы к потребности в выработке стратегического подхода к процессам управления персонализированными взаимоотношениями с клиентами, усилил необходимость автоматизации стандартных операций во взаимодействиях с ними, определил необходимость поиска неочевидных целевых клиентских групп и целеориентированного внедрения виртуальных технологий на площадке выставки. В целом, новая концепция стратегирования выставочно-ярмарочной деятельности должна интегрировать в себя стратегии функционирования в чрезвычайные периоды [14].

2020 год, без сомнения, год стратегических трансформаций индустрии международных промышленных выставок, но это и время поиска возможностей и переосмысления ключевой роли этой новой отрасли экономики в массовом процветании.

Библиографический список

1. Садовничая А.В. *Общественная и экономическая эффективность выставочно-ярмарочной деятельности: методология и практика // Экономическое возрождение России.* – 2019. – № 1 (59). – С. 76–85.
2. *Global Economic Impact of Exhibitions (December 2019).* Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.ufi.org/archive-research/global-economic-impact-of-exhibitions-december-2019/>
3. *Ежеквартальный обзор мировой выставочной индустрии / март 2020.* Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ruef.ru/assets/files/coronavirus/Digest_1.pdf
4. *This Show Is Open Campaign.* Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2020/03/05_03_2020_UFI_SISO_This_Show_Is_Open_Campaign.pdf
5. *Congress Time № 1 (10) 2020.* Электронный ресурс. Режим доступа: http://rnc-consult.ru/netcat_files/userfiles/CongressTime/CongressTimeMagazineFinal_1_2020.pdf
6. *Global Assessment of Economic Impact.* Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2020/03/UFI_releases_updated_global_assessment_of_economic_impact.docx-200320.pdf
7. *Coronavirus: Cancellations and Postponements of German Exhibitions May Cost up to Three Billion Euro.* Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.auma.de/en/media/reports/press-2020-08>
8. *Horst Penzkofer Messe Frankfurt events generate annual revenues of 3.6 billion euros IFO Special Issue № 2 (2018).* Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.messefrankfurt.com/content/dam/messefrankfurt-redaktion/corporate/downloads/lfo-Schnelldienst_2018-02_E_16-03.pdf
9. *COVID-19 Outlook: An Economist's Perspective.* Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ceirblog.wordpress.com/2020/03/18/COVID-19-outlook-an-economists-perspective/>
10. *План преодоления экономических последствий новой коронавирусной инфекции.* Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/plan_covid_19/

11. Kvint V. *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications* // N. Y.-London: Routledge-Taylor & Francis, 2015. – 520 pp.
12. Садовничая А.В. *Стратегирование выставочно-ярмарочной деятельности* // СПб.: РАНХиГС, 2019. – 94 с.
13. Садовничая А.В. *Выставочно-ярмарочная деятельность как эффективная организационная форма реализации стратегических интересов государства* // *Управленческое консультирование*. – 2017. – № 7 (103). – С. 96–109.
14. Квинт В.Л. *Концепция стратегирования. Т. 1* // СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. – 132 с.

References

1. Sadovnichaya A.V. *Obshchestvennaya i ekonomicheskaya effektivnost' vystavochno-yarmarochnoi deyatel'nosti: metodologiya i praktika* // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. – 2019. – №1 (59). – S. 76–85.
2. *Global Economic Impact of Exhibitions (December 2019)*. Available at: <https://www.ufi.org/archive-research/global-economic-impact-of-exhibitions-december-2019/>
3. *Ezhekvartal'nyi obzor mirovoi vystavochnoi industrii / mart 2020*. Available at: http://www.ruef.ru/assets/files/coronavirus/Digest_1.pdf
4. *This Show Is Open Campaign*. Available at: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2020/03/05_03_2020_UFI_SISO_This_Show_Is_Open_Campaign.pdf
5. *Congress Time №1 (10) 2020*. Available at: http://rnc-consult.ru/netcat_files/userfiles/CongressTime/CongressTimeMagazineFinal_1_2020.pdf
6. *Global Assessment of Economic Impact*. Available at: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2020/03/UFI_releases_updated_global_assessment_of_economic_impact.docx-200320.pdf
7. *Coronavirus: Cancellations and Postponements of German Exhibitions May Cost up to Three Billion Euro*. Available at: <https://www.auma.de/en/media/reports/press-2020-08>
8. *Horst Penzkofer Messe Frankfurt events generate annual revenues of 3.6 billion euros IFO Special Issue №2 (2018)*. Available at: https://www.messefrankfurt.com/content/dam/messefrankfurt-redaktion/corporate/downloads/lfo-Schnelldienst_2018-02_E_16-03.pdf
9. *COVID-19 Outlook: An Economist's Perspective*. Available at: <https://ceirblog.wordpress.com/2020/03/18/COVID-19-outlook-an-economists-perspective/>
10. *Plan preodoleniya ekonomicheskikh posledstviy novoi koronavirusnoi infektsii*. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/plan_covid_19/
11. Kvint V. *Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications* // N. Y.-London: Routledge-Taylor & Francis, 2015. – 520 pp.
12. Sadovnichaya A.V. *Strategirovanie vystavochno-yarmarochnoi deyatel'nosti* // SPb: RANKhiGS, 2019. – 94 s.
13. Sadovnichaya A.V. *Vystavochno-yarmarochnaya deyatel'nost' kak effektivnaya organizatsionnaya forma realizatsii strategicheskikh interesov gosudarstva* // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. – 2017. – № 7 (103). – S. 96–109.
14. Квинт В.Л. *Концепция стратегирования. Т. 1* // SPb: SZIU RANKhiGS, 2019. – 132 s.

Контактная информация / Contact information

АО «Экспоцентр», 123100, г. Москва, Краснопресненская наб. 14.
JSC «Expocenter», 14, Krasnopresnenskaya nab., Moscow 123100, Russia
Садовничая Анна Викторовна / Anna V. Sadovnichaya
avs@expocentr.ru

ПОЛИТИКА КРИЗИСНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ МОНОГОРОДОВ: МОДЕЛЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

SINGLE-INDUSTRY TOWNS' CRISIS RECOVERY POLICY: A MODEL OF REFORMING REGIONAL SPACE OF THE NORTHERN TERRITORIES

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-406-412

КНЯЗЕВА Галина Алексеевна

Профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, руководитель Коми регионального отделения ВЭО России, д.э.н., профессор

Galina A. KNYAZEVA

Professor, Sorokin Syktyvkar State University, Head of the Komi Regional Branch of the VEO of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы восстановления экономики моногородов российской Арктики в условиях изменений, вызванных ростом глобальных экономических потерь из-за последствий пандемии коронавируса. Выявлены проблемы реализации стратегических планов развития моногородов на основе модели диверсификации экономики градообразующего предприятия. Показано, что модель на основе только государственной поддержки градообразующего предприятия может решить проблемы экономики моногорода на небольшой период времени, возникнет необходимость поиска новых моделей для развития моногородов. Предложена модель реформирования пространства, в которой к ресурсной экономике добавляются диверсифицированные возможности сообщества.

Abstract

The article considers the issues of economic recovery in single-industry towns of the Russian Arctic under changes caused by the growth of global economic losses due to the consequences of the coronavirus pandemic. We identified the problems with implementing strategic plans for the development of single-industry towns based on a model of diversified economy of a city-forming enterprise. Such model based only on state support of a city-forming enterprise can solve the problems of the economy of a single-industry town for a short period of time, there will be a need to search for new

models for the development of single-industry towns. We propose the space-reforming model in which diversified community capabilities are added to the resource economy.

Ключевые слова Северный (арктический) моногород, политика восстановления, кризис, обновление, инновация, социальный капитал, местные сообщества.

Keywords Northern (arctic) single-industry town, resilience policy, crisis, renewal, innovation, social capital, local communities.

Введение

В последние годы исследователи социально-экономических проблем Арктики отводят все большее внимание моногородам с преобладанием одного предприятия с монопрофильной структурой экономики. В Арктической зоне находится 18 моногородов, в которых проживает около 30% населения Арктики. Исторически сложилось так, что индустриализация Арктики началась в середине XX века с открытием уникальных месторождений природных ресурсов в условиях благоприятной конъюнктуры мировых сырьевых рынков. В этот послевоенный период восстановление промышленности нуждалось в ресурсах в значительных масштабах. Экономическая деятельность по добыче природных ресурсов поддерживала малые северные поселения и во многом опиралась на внешнюю рабочую силу. Послевоенные переселения гарантировали много рабочих мест с хорошей оплатой труда, что помогало местной экономике двигаться дальше. Важно, что для того, чтобы промышленные предприятия работали в удаленных местах, работникам необходимо получать соответствующие социальные услуги. В результате государство в значительной степени инвестировало в здравоохранение, услуги и инфраструктуру для создания хорошего качества жизни по стандартам 1960-х и 1970-х годов. Реструктуризация, которая произошла в экономической и политической сферах России после 1990-х годов, изменила эти базовые условия.

Проблема моногородов привлекла внимания исследователей только во время кризиса 2008 г., когда отрицательные характеристики стали особенно заметны, пошел процесс сокращения инвестиционных программ, резкое снижение стоимости экспортной продукции и спроса на нее привели к сокращению финансовых возможностей градообразующих предприятий и, соответственно, значительно снизили бюджетную обеспеченность моногородов. С учетом опыта прежнего индустриального периода многие исследователи связывают решение проблем моногородов с экономической диверсификацией, с нахождением новой экономически оправданной специализацией. Однако в современных условиях новая специализация города может быть конкурентной на небольшой период времени, а дальше возникает необходимость инновационного обновления экономики. Источник ускоренных изменений, с которыми сегодня сталкиваются небольшие городские населенные пункты, движется мировой экономикой. Последние экономические бумы и глобальный экономический спад, начавшийся в 2008 году, показали скорость, с которой могут происходить эти изменения, и степень их воздействия.

Существующий подход к решению проблем развития моногородов в настоящее время ограничен предложениями, связанными с диверсификацией производства градообразующего предприятия, поддержкой социальной сферы и инвестициями в инфраструктурные объекты. Множество новых факторов управляют конкурентным преимуществом в настоящее время, включая инновации, обучение, повышение ка-

чества образования и способность управлять местными активами. Все традиционные составляющие конкурентных преимуществ по-прежнему важны, например хорошая инфраструктура, подходящее расположение и экономическая поддержка. Теперь, однако, сообществам в моногородах необходим социальный капитал и социальная сплоченность. От того, как моногорода на Севере реагируют на изменения и используют их уникальные активы и условия, зависит их успех в новой экономике. Поэтому изучение всей совокупности факторов, которые оказывают и будут оказывать на развитие северных моногородов в условиях глобализации, и того, как небольшие сообщества могут на них реагировать, является актуальным.

**Развитие моногородов:
диверсификация экономики градообразующего предприятия**

Северные моногорода связаны с экстремальными климатическими и природными условиями, характер и направления развития во многом определяются неблагоприятным транспортно-географическим положением. По результатам исследования Институтом прикладных и политических исследований в Аналитическом докладе «Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития» сделан вывод, что большинство северных (арктических) моногородов по основным показателям социально-экономического развития, инфраструктурной обеспеченности существенно отличаются от моногородов в других российских регионах. Поэтому необходима разработка мер государственной поддержки с «включением» специфических мультипликационных параметров, учитывающих особенности каждого арктического моногорода на основе методического инструментария по внедрению и применению соответствующей модели [1].

Анализ основных социально-экономических показателей северных моногородов показывает, что эти регионы характеризуются низкими показателями по численности населения и численности занятых в экономике. Динамика населения – один из наиболее доступных и простых индикаторов социально-экономического развития города. Убыль населения, обусловленная в моногородах в основном миграционным оттоком, свидетельствует о неблагоприятной ситуации на рынке труда, низком качестве социально-бытовых условий [2].

Стратегия развития моногородов, принятая федеральными органами власти, разрабатывается с применением подхода «сверху вниз». Правительством РФ были приняты ряд мер, направленных на решение социально-экономических проблем моногородов, в числе которых – разработка моногородами Комплексных инвестиционных планов (КИп) модернизации этих городов. Несмотря на принятый подход к условиям выделения средств государственной поддержки моногородам, основанный на принципах стратегического планирования и управления их развитием, он не отвечает целям и задачам развития города как системы [3].

Для моногородов, которые не обладают потенциалом диверсификации градообразующего предприятия, необходимы другие модели развития, в том числе сжатия или ликвидации. Для северных городов наиболее оправданной является сценарий «управляемое сжатие». Эта модель прежде всего связана с сокращением численности населения города до оптимального размера. При этом с учетом состояния городской экономики обеспечиваются социальные гарантии жителям, которые остаются в городе. Условием реализации этой модели является наличие в городе или поселке перспективы на структурную перестройку городской экономики [4].

Сложившееся положение в арктических моногородах к настоящему времени отражает социально-экономическая ситуация города Воркуты Республики Коми, который входит в состав Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ). Воркута является крупным центром добычи угля Печорского угольного бассейна с единственным градообразующим предприятием АО «Воркутауголь». Город расположен на крайнем северо-востоке Республики Коми, в Большеземельской тундре, в зоне распространения многолетней мерзлоты, в 160 километрах севернее Полярного круга и в 140 километрах от побережья Северного Ледовитого океана. В 2019 г. город причислен к моногородам, а в 2015 г. отнесен к моногородам с высокими рисками ухудшения социально-экономического положения.

Официально на начало 2019 года в городе проживало 54 223 чел., что составляет 26% от численности населения в 1990 году. Воркута является городом-лидером не только в Республике Коми по сокращению численности населения, а также самым быстро вымирающим городом России. Следует отметить, что 14 тыс. пенсионеров, имеющих северный стаж, стоят в очереди на переселение в центральные районы России. Трудная проблема для Воркуты – это брошенные дома, в городе зарегистрирован самый большой в стране фонд пустующего муниципального жилья – 5,1 тыс. квартир, на их содержание из бюджета выделяется около 500 млн руб. [5].

После включения Воркуты в список моногородов сформирована и обучена в Фонде развития моногородов управленческая команда, в состав которой входят глава моногорода, представитель региональной власти и институтов развития, представитель бизнеса. По окончании обучения управленческая команда разработала программу социально-экономического развития города и создания комфортной городской среды.

Основные надежды моногород связывает с АО «Воркутауголь», на котором работают 6 тыс. чел., примерно в подрядных обслуживающих организациях занято примерно столько же. Лицензия на разработку угля и соответствующая программа работы разработана до 2037 г. Продолжение угледобычи после 2037 года акционерное общество связывает с получением налоговых инвестиционных преференций, которые могут предоставить в рамках принятия арктического законодательства. Рассматривается также государственно-частное партнерство по строительству новых шахт. Ситуация в Воркуте и в экономическом, и социальном аспектах настолько сложная, что развитие ее находится на президентском контроле. Президентом РФ было поручено до конца 2019 года разработать и утвердить стратегический «План развития моногородов Воркуты и Инта», обратив особое внимание в документе мерах по поддержке занятости населения, перспективам развития угледобычи, а также определению источников финансирования мероприятий плана. План был разработан, он базируется в основном на увеличении угледобычи. Однако такой подход связан с большими рисками. По прогнозам, мировые цены на уголь будут падать, а внутреннее потребление – снижаться. На основе оценки предложенных мероприятий можно сделать вывод, что перехода от моногорода к диверсификационной экономике не произойдет, велики также риски получения новых потрясений от снижения цен на энергоресурсы.

Обновление моногородов:

реформирование пространства с переходом к экономике места

Существенное значение для понимания специфики социально-экономических функций и роли северных моногородов имеют труды специалистов, исследующих различные аспекты городской экономики в целом и экономики отдельных видов город-

ских поселений на севере. В некоторых работах авторы подвергают критике широко распространенную в отечественной научной литературе оценку ситуации в монопрофильных городах, которая в основном базируется на анализе отраслевой специализации промышленности моногорода, соответственно рекомендации относятся в основном к развитию градообразующего предприятия. В отличие от этого авторы предлагают реформирование моногородов с включением исследования фундаментальных основ экономического развития, а именно — способности городской системы к инновационному поиску [6].

В зарубежных северных странах реализуются новые модели развития сырьевых регионов, основанные на научных исследованиях и опыте перехода всего сообщества к обновлению. Такая модель названа исследователями «экономика места», или локальная экономика. Важно, что в этих моделях экономическое развитие опирается на инновации и прочную основу развития сообщества.

Переход скандинавских северных стран к разработке новой модели развития по переходу местных сообществ к обновлению начался в 90-е годы. В качестве примера можно привести «Проект Процессов Преодоления в Приполярной области», который разработан в Институте прикладной науки в норвежском Университете Тромсе и стал основой стратегии развития северных территорий Норвегии [7]. Новая модель основана на развитии всего сообщества и включает элементы, которые должны присутствовать в стратегии малых городов, сельских поселений:

- Инновационные ответы на глобализацию. Стратегия должна быть инновационной, она должна содержать элементы, которые являются новыми в сообществе, и представлять собой новый способ ведения или маркетинга традиционной деятельности.
- Коллективные действия. Это имеет отношение к одной из сравнительных преимуществ небольших сообществ — силе социального капитала, которая облегчает инновационное сотрудничество на уровне группы или сообщества.
- Формирование идентичности — от традиционной к гибридной. Стратегия должна иметь смысл для большинства людей на местном уровне и отражать культурные особенности местных сообществ.
- Государственная поддержка. Одним из аспектов новой модели является вопрос о роли и месте государства в преодолении негативных процессов на севере, вызванных глобализацией. Государство в большинстве случаев, по крайней мере в Норвегии, служит буфером для поглощения негативных последствий сил глобализации, вносит свой вклад в поддержание сельских сообществ.

Экономика Северной Британской Колумбии Канады, индустриализированная (после 1950 г.) с использованием модели промышленного расширения ресурсов, все еще сильно зависит от экспорта природных ресурсов. Обновленная модель «экономики места», предложенная Институтом развития сообществ в Университете Северной Британской Колумбии, определяет три элемента стратегического подхода к локальному процессу развития малых городов. Первый предполагает выявление базовых составляющих сообщества и его целей. Второй включает в себя разработку списка вариантов и возможностей, а также создание бизнес-кейсов для этих вариантов и возможностей, в то время как третий включает в себя стратегию внедрения, которая сосредоточена на развитии партнерств, долгосрочных обязательств, долгосрочного финансирования, гибкости и прозрачности применения [8].

Экономические и социальные изменения, происходящие в сельской местности и малых городах, очень схожи по всему Северу. Создано международное партнерство

с целью устойчивого развития северных муниципалитетов и сохранения и поддержки традиционного образа жизни коренных народов Севера, во взаимодействии с Университетом Арктики, в которое вошли университеты стран-участников, такие как Норвежский Арктический университет в Тромсе, Университет Северной Британской Колумбии (Канада), Северо-Восточный федеральный университет (Россия), Сыктывкарский государственный университет (Россия). Научные коллективы, сформированные на базе этих университетов, проводят исследовательскую и практическую работу по местному и региональному развитию в ряде российских регионов. Основные виды совместной практической работы – это проведение семинаров, воркшопов в городах и сельских поселениях Республики Коми и Республике Саха (Якутия). Основная задача практической деятельности Университета Арктики – помочь местным сообществам переосмыслить планы развития территории, оценить потенциал и ресурсы для создания новых возможностей, которые соответствуют интересам местных сообществ и региона. Университеты явились образовательными площадками для проведения бизнес-школ по предпринимательству и социальному проектированию для жителей северных муниципалитетов. Участники партнерства понимают, что местное и региональное развитие в быстро меняющейся глобальной экономике является не одномоментным решением, поэтому настоящая и дальнейшая деятельность партнерства нацелена, как и прежде, на создание устойчивых сообществ, экономики, культуры и окружающей среды.

Заключение

Государственная поддержка моногородов прежде всего нацелена на диверсификацию градообразующего предприятия, моногород рассматривается как центр производства, а не как сложная многофункциональная система со значительными объемами материальных, финансовых, трудовых ресурсов. Однако «диверсификация» не помогает вскрыть процессы развития и трансформации экономики моногорода, приводит к упрощенному представлению о роли и приоритетах развития моногородов, затрудняет их развитие, сдерживает формирование новых функций, ограничивает возможности защиты интересов местного сообщества.

Региональный подход к решению проблем развития северных территорий должен базироваться на инструментах и моделях, учитывающих ресурсы и возможности экономики на месте, находя баланс между экономическими, общественными, экологическими и культурными проблемами.

Библиографический список

1. *Моногорода Арктической зоны РФ: проблемы и возможности развития. Аналитический доклад / Институт прикладных политических исследований, Центр обеспечения деятельности Государственной комиссии по вопросам развития Арктики. Москва, 2015. URL: <http://www.arctic.ru>. дата обращения: 20.01.2020).*
2. *Тургель И.Д. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию: монография. – Москва: Директ-Медиа, 2014.*
3. *Рябова Л.А., Дидык В.В., Корчак Е.А., Башмакова Е.П., Емельянова Е.Е. Арктические моногорода Российской Федерации: социальные проблемы, пути их решения и роль ресурсных корпораций // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – № 3. – 2013. – С. 34–50.*

4. *Моногорода. Перегрузка. Поиск новых моделей функционирования моногородов России в изменившихся экономических условиях.* БАЗЭЛ. URL: <http://www.basel.ru/bitrix/images/catalog.pdf>. (Дата обращения: 18.01.2018).
5. *Воркута – зеркало Русской Арктики.* Валентин Юшкевич <https://regnum.ru/news/economy/2787574.html> (Дата обращения: 30.02.2020).
6. *Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий.* – М: ЛЕНАНД, 2015. 2016 с.
7. *Аарстедер Н. Стратегия преодоления на Севере: модель для реструктуризации сообщества на примере Северной Норвегии // Устойчивое развитие на циркумполярном севере / под ред. Тура Герцена и Грега Халсета-Тематическая сеть Университета Арктики по местному и региональному развитию, 2015. С. 64–74.*
8. *Markey S., Halseth G., Manson D. Investing in Place. Economic Renewal in Northern British Columbia.* UBC Press 2012. 338 p.

References

1. *Monogoroda Arkticheskoi zony RF: problemy i vozmozhnosti razvitiya. Analiticheskii doklad / Institut prikladnykh politicheskikh issledovaniy, Tsentр obespecheniya deyatelnosti Gosudarstvennoi komissii po voprosam razvitiya Arktiki.* Moskva, 2015. URL: <http://www.arctic.data.obrashcheniya>: 20.01.2020 g.).
2. *Turgel' I.D. Monofunktsional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustoichivomu razvitiyu: monografiya.* – Moskva: Direkt-Media, 2014.
3. *Ryabova L.A., Didyk V.V., Korchak E.A., Bashmakova E.P., Emel'yanova E.E. Arkticheskie monogoroda Rossiiskoi Federatsii: sotsial'nye problemy, puti ikh resheniya i rol' resursnykh korporatsii // Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta.* – № 3. – 2013. – S. 34–50.
4. *Monogoroda. Perezagruzka. Poisk novykh modelei funktsionirovaniya monogorodov Rossii v izmenivshikhsya ekonomicheskikh usloviyakh.* BAZEL. URL: <http://www.basel.ru/bitrix/images/catalog.pdf>. (Data obrashcheniya: 18.01.2018).
5. *Vorkuta – zerkalo Russkoi Arktiki.* Valentin Yushkevich <https://regnum.ru/news/economy/2787574.html> (Data obrashcheniya: 30.02.2020).
6. *Zamyatina N. Yu., Pilyasov A.N. Innovatsionnyi poisk v monoprofil'nykh gorodakh: blokirovki razvitiya, novaya promyshlennaya politika i plan deistvii.* – М: ЛЕНАНД, 2015. 2016 с.
7. *Aarsteter N. Strategiya preodoleniya na Severe: model' dlya restrukturizatsii soobshchestva na primere Severnoi Norvegii // Ustoichivoe razvitie na tsirkumpolyarnom severe/ pod red. Tura Gertsena i Grega Khalseta-Tematicheskaya set' Universiteta Arktiki po mestnomu i regional'nomu razvitiyu, 2015– s. 64–74.*
8. *Markey S., Halseth G., Manson D. Investing in Place. Economic Renewal in Northern British Columbia.* UBC Press 2012. 338 p.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»
167001, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55.
Sorokin Syktyvkar State University, 55, Oktyabrskiy pr., Syktyvkar, 167001, Russia
Князева Галина Алексеевна / Galina Knyazeva
gknyazeva@mail.ru

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ¹ INTER-REGIONAL COOPERATION IN THE SYSTEM OF SPATIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-413-419

СЫСОЕВА Наталья Михайловна

Заведующая отделом региональных экономических и социальных проблем Иркутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (ИНЦ СО РАН), руководитель Иркутской региональной организации ВЭО России, д.г.н.

Natalia M. SYSOEVA

Head of the Department of Regional Economic and Social Problems, Irkutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Irkutsk regional organization VEO of Russia, Doctor of Geographical Sciences

КУЗНЕЦОВА Анна Николаевна

Ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных проблем Иркутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, к.э.н.

Anna N. KUZNETSOVA

Leading Researcher of the Department of Regional Economic and Social Problems, Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, PhD in Economics

Аннотация

В статье анализируются основные виды и субъекты межрегионального взаимодействия, роль федеральной пространственной политики в их развитии. Рассмотрены формы реализации экономических взаимосвязей в системе стратегического планирования, включая Стратегию пространственного развития РФ. Выделены проблемы нерыночного характера, где территориальная близость определяет сходство в протекании таких проблем и требует горизонтального взаимодействия. Среди них – экологические и природно-климатические вопросы, а также задачи сохранения и развития человеческого потенциала в регионах.

¹ Статья написана по материалам проекта НИР ИНЦ СО РАН № 0341-2019-0006 и гранта РФФИ № 20-010-00990.

Abstract

The paper analyzes the main types and subjects of interregional interaction and the role of federal spatial policy in its development. The strategic planning system includes several forms of implementation of interregional connections including development of socio-economic strategies of macroregions, integrated investment projects and joint participation in international economic relations. Non-market problems are highlighted, where territorial proximity determines the similarity of such problems and requires horizontal interaction of regional authorities and public associations. Among them are environmental and climatic problems, as well as the problems of development and preventing migration of human resources. Now the most urgent is the creation of the joint medical infrastructure to prevent the spread of the coronavirus epidemic throughout the country.

Ключевые слова

Межрегиональное взаимодействие, стратегическое планирование, экономические связи, субъекты взаимодействия, макрорегионы, производственные цепочки, экологические проблемы, человеческий потенциал, межрегиональные медицинские центры.

Keywords

Interregional cooperation, strategic planning, economic relations, subjects of interaction, macroregions, production chains, environmental problems, human potential, interregional medical centers.

Вопросы взаимосвязей между регионами нашей страны, их содержание и функции стали актуальными в научных исследованиях с начала радикальных реформ и перевода экономики на рыночные рельсы, сопровождаемых повышением самостоятельности регионов и обособлением региональных экономических структур. В феврале 2019 г. была утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. [1], которая основана на принципах целеполагания по территориальному принципу. Это один из механизмов реализации национальных проектов, и он призван работать в единой связке с ними. Пространственный подход в управлении процессами социально-экономического развития (в отличие от отраслевого) требует использования не только пространственных характеристик регионов и территорий как объектов планирования, но и приоритетного рассмотрения межрегиональных социально-экономических и иных связей, а также субъектов межрегионального взаимодействия. Многообразие возможного содержания сотрудничества обусловлено значительными различиями социально-экономического и природно-ресурсного потенциала регионов страны.

Диверсификация и оптимизация межрегиональных связей направлены на получение взаимной выгоды и достижение максимального социально-экономического эффекта для всех участников в деле повышения благосостояния населения. С точки зрения национальных интересов активизация межрегионального взаимодействия создает основу экономической и политической целостности и безопасности страны.

Конкретные цели и задачи социально-экономического развития территорий определяют территориальные границы объектов управления, которые могут относиться как к одной, так и к нескольким единицам в системе административно-территориального и муниципального деления РФ. При разработке проектов и программ территориального развития могут быть дополнительно использованы и другие виды

территориального деления страны: существующие на данный момент федеральные округа, экономические зоны, крупные природные и природно-климатические территории (например, Байкальская природная территория), геологическое районирование (например, нефтегазогеологическое) и др. Стратегия пространственного развития РФ определила основные типы территориальных объектов стратегического планирования: новые макрорегионы РФ, геостратегические территории РФ, крупнейшие и крупные городские агломерации, сельские территории, перспективные центры экономического роста, в том числе минерально-сырьевые.

Субъектами межрегионального взаимодействия в границах РФ выступают: министерства и ведомства РФ, единицы административного и муниципального деления страны (в лице федеральных, региональных и муниципальных органов власти), вплоть до отдельных поселений; юридические лица – представители крупного, среднего, малого и микро-бизнеса и их объединения, межрегиональные общественные организации, профессиональные союзы и др. Задача федеральных, региональных и муниципальных органов власти – сформировать соответствующее институциональное обеспечение межрегионального сотрудничества для тех или иных групп населения, но значительная часть таких связей осуществляется самими органами власти, преимущественно региональными. В первые постсоветские годы именно региональные власти начали объединяться для решения экономических проблем своих регионов и формировать новые институты взаимодействия – межрегиональные экономические ассоциации. Эти ассоциации формировались по принципу соседства, а не партнерства по реальным или потенциальным звеньям технологических цепочек отраслей специализации и охватывали территории крупных макрорегионов.

Что касается содержания межрегиональных связей, с самого начала изучения данной сферы исследователи справедливо отмечали доминирующую роль экономических отношений между регионами [2, 3]. Изначально, в первое постреформенное десятилетие, основное внимание уделялось производственным отношениям, в ходе которых после отмены централизованного планирования восстанавливались поставки сырья и полупродуктов, расширялись и формировались новые рынки сбыта. В результате производственного кооперирования происходит межрегиональное движение факторов производства, взаимовыгодное выполнение регионами отдельных работ, услуг в общих цепочках формирования добавленной стоимости, проведение согласованной научно-технической, экологической, налоговой, кредитной политики предприятий, согласованность ценообразования, формирование общей производственной инфраструктуры. Эти явления лежат в основе формирования межрегиональных территориальных кластеров.

Наибольшую эффективность в этом направлении демонстрируют крупные вертикально интегрированные компании (государственные и частные), объединяющие весь цикл производства, включая добычу сырья, его переработку, изготовление и реализацию готовой продукции. Но при определенных условиях внутрифирменные институты межрегионального взаимодействия могут действовать вопреки интересам отдельных регионов.

Таким образом, внутрифедеративные межрегиональные экономические связи стали представлять собой систему экономических отношений и интересов регионов (обособленных территорий), которые развиваются в процессе деятельности общественного производства и интеграции региональных рынков, в рамках формирования производственных цепочек и инфраструктуры, решения экологических проблем, реализации социокультурных и гуманитарных контактов. Эти связи обусловлены общественным

разделением труда, специализацией и размещением производства по территориям, в том числе в зависимости от природно-географических условий, природных ресурсов, развитости инфраструктуры и обеспеченности квалифицированными трудовыми ресурсами.

С начала 2000-х годов начинает разворачиваться активная пространственная политика со стороны федерального правительства, которое начало ее с административного выделения макрорегионов в форме федеральных округов. Развитие стратегического планирования на федеральном уровне привело к усилению программного подхода к межрегиональным связям через формирование стратегий и программ социально-экономического развития отдельных макрорегионов. Однако такие результаты не всегда приводили к росту интегративных процессов внутри объектов программирования, примером чего может служить выделение в конце 2000-х годов Байкальского региона с созданием стратегии и программы социально-экономического развития, субъекты которого в настоящее время отнесены к разным федеральным округам и макрорегионам. Подобные программы не покрывают всю территорию страны, а принимаются для отдельных частей страны, получивших внимание федерального правительства в силу особых обстоятельств – приграничного положения, отсталости в развитии, внутриполитического значения. Инициатива в этом случае принадлежит федеральному уровню власти, поскольку такие программы предполагают значительные финансовые вливания со стороны федерального бюджета. Этот же уровень стал формировать и институты взаимодействия, которые начались с представительств президента в федеральных округах.

Одной из форм планирования взаимодействия в рамках утвержденных межрегиональных стратегий стали так называемые комплексные инвестиционные проекты, предполагающие решение общих для нескольких регионов задач, связанных с созданием новых производственных и/или инфраструктурных комплексов. К их числу можно отнести такие проекты, как «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» [4], «Уральское созвездие» [5], «Уральская магистраль» [6], «Енисейская Сибирь» [7] и др. Они разрабатываются под общую экономическую идею при накоплении отдельных проектов, их воплощение, как правило, требует создания единого органа управления в форме дирекции или госкорпорации, в некоторых случаях согласование процессов взаимоувязки и реализации проектов может осуществляться региональными администрациями.

Среди других форм современного экономического сотрудничества регионов можно назвать совместные действия при выходе на внешние рынки и развитии международных связей. Подключение российской стороны к китайской внешнеполитической инициативе «Один пояс – один путь» дало стимул планам и исследованиям в российских регионах, примыкающих к отдельным маршрутам-коридорам, относительно участия в совместных с китайской стороной проектах. Так, Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край выступают единым регионом в исследованиях перспектив и планировании развития Экономического коридора «Китай – Монголия – Россия», включая участие в работе Экспертных советов [8]. Другим примером влияния внешнеэкономического фактора может служить совместное участие уральских регионов в освоении Арктической зоны и развитии Северного морского пути как важнейшего транзитного маршрута для выхода на внешние рынки [9].

Ключевой принцип соседства предполагает и институционально неоформленные взаимовлияния отдельных регионов в рамках рыночной экономики, когда следствием изменений в развитии одного региона является повышение или снижение эконо-

мической активности соседних регионов. Среди механизмов такого взаимодействия наиболее известны, исследованы и описаны в литературе эффекты перелива знаний (knowledge spillovers), отраслевые эффекты перелива (industry spillovers), эффекты перелива роста (growth spillovers) и другие пространственные внешние эффекты (пространственные экстерналии) [10, 11].

Однако соседство помогает решать и проблемы неэкономического характера, где территориальная близость определяет сходство в протекании таких проблем. И в этом случае определяющими являются действия не бизнеса, а региональных властей или определенных групп и сообществ.

Важное направление подобного межрегионального сотрудничества связано с решением общих для регионов экологических задач и проблем природно-климатического характера, требующих согласованных действий. В соответствии с концепцией устойчивого развития стран и территорий для этого направления особенно важна интеграция широкой общественности, руководства муниципалитетов, поселений, вахтовых поселков и других структур нижнего уровня, непосредственно соприкасающихся с экологическими проблемами. Сырьевой характер экономики, отсутствие «зеленых» технологий приводят к деградации окружающей среды, накоплению экологического ущерба. Межрегиональные взаимодействия при нарастании экологических проблем, стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях чаще всего реализуются в рамках федерального управления, с привлечением федеральных средств, МЧС, армии. Примером необходимости общих действий не только на федеральном уровне, но и на межрегиональном является согласование политики сохранения уникальной экосистемы озера Байкал между Иркутской областью, Республикой Бурятия и Забайкальским краем. Кроме того, в последние годы катастрофический характер приобретают лесные пожары, с которыми региональные службы охраны лесов самостоятельно уже не справляются, и в 2019 г. для тушения пожаров в Восточной Сибири привлекалась армия. Во многих случаях, особенно в сибирских регионах с огромной площадью таежных лесов, объединение подобных служб соседних территорий может дать дополнительный эффект.

Еще одно направление межрегиональных связей нерыночного характера, которое имеет наибольшие перспективы в будущем, должно решать проблемы, связанные с сохранением и развитием человеческого потенциала. случаев совместного решения проблем такого рода на практике очень мало, поскольку современная система финансирования сфер образования, науки, здравоохранения и социальной защиты в регионах не предполагает излишков средств на совместные проекты, но в научной литературе появляются обсуждения перспектив отдельных проектов, например, формирования межрегиональных образовательных кластеров [12]. В целом направления такого рода часто пересекаются с экономическими проблемами, решаемыми на межрегиональном уровне. Так, процессы формирования агломерации для развития инновационной среды в экономической литературе рассматриваются как средство повышения эффективности и инновационности бизнеса, в то время как для региональных сообществ агломерации способствуют диверсификации и усложнению местных рынков труда, расширению возможностей сохранения высококвалифицированных кадров и создания высокооплачиваемых рабочих мест для уменьшения оттока населения, особенно молодежи.

Текущая ситуация с распространением коронавируса по стране актуализировала для регионов медицинский аспект совместного сохранения человеческого потенциала. Стратегия пространственного развития среди принципов выделения макрорегионов назвала наличие (или необходимость создания) крупных межрегиональных объектов

отраслей социальной сферы федерального значения, и в условиях пандемии этот аспект приобретает первостепенное значение, поскольку не все регионы могут самостоятельно справляться с защитой населения при подобной чрезвычайной ситуации. Так, в случае с Дагестаном для лечения заболевших пришлось привлекать армейскую медицину. Поэтому создание таких межрегиональных центров должно стать первостепенной задачей для макрорегионов и администраций федеральных округов, что в будущем позволит сокращать время и расходы как федерального, так и региональных бюджетов для приближения высокотехнологичной медицинской помощи жителям различных регионов, где бы они ни проживали.

Таким образом, межрегиональная кооперация способствует развитию внутренних рынков товаров и труда, а также реализации совместных проектов: производственно-технологических, научно-образовательных, социальных, экологических, культурно-этнографических и многих других видов, не обязательно связанных с экономическими интересами каких-либо структур. В связи с развитием системы стратегического планирования в РФ, в частности, планирования пространственного развития в сочетании с проектным подходом к реализации глобальных национальных проектов развития страны, роль межрегионального взаимодействия значительно возрастает, происходит их значительное усложнение по их целям, сферам и субъектам реализации. В условиях нарастания проблем, связанных с глобальными вызовами — технологическими, экологическими, эпидемиологическими, необходимо развитие новых видов межрегиональной инфраструктуры для реализации инновационного потенциала региональных сообществ и повышения качества жизни населения.

Библиографический список

1. *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р.* URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-r.pdf (дата обращения 30.05.2020).
2. Минакир П.А. *Экономическая интеграция: региональный аспект // Регион: Экономика и социология.* — 2004. — № 1. — С. 118–135.
3. Рукина И.М. *Регион и его роль в создании общего экономического пространства // Экономическая наука современной России.* — 2003. — № 3. — С. 73–85.
4. Ионова В.Д., Малов В.Ю. *Нижнее Приангарье: подходы к освоению и время действий (1920–2020 гг.) // Пространственная экономика.* — 2007. — № 3. — С. 21–42.
5. Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В. *Приоритеты и механизмы межрегиональных взаимодействий: опыт уральских регионов в проекте «Арктический вектор Уральского созвездия» // Регион: экономика и социология.* — 2018. — № 4. — С. 168–191.
6. Лаврикова Ю.Г., Акбердина В.В., Суворова А.В. *Согласование приоритетов научно-технологического и пространственного развития индустриальных регионов // Экономика региона.* — 2019. — Т. 15, вып. 4. — С. 1022–1035. <https://doi.org/10.17059/2019-4-5>.
7. Веселова Э.Ш. *Енисейская Сибирь — первый макрорегион России // ЭКО.* — 2018. — № 6. — С. 20–37.
8. Сысоева Н.М. *Участие Китая и Монголии в бизнесе Байкальского региона и потенциал для его расширения // Proceedings of China-Mongolia-Russia think tank forum 2018. 2018.09.18-19 Ulaanbaatar, Mongolia.* — P. 315–319.
9. Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Соболев А.О. *Уральский вектор арктического освоения в контексте становления большого Евразийского пространства // Российский внешнеэкономический вестник.* — 2018. — № 7. — С. 21–34.

10. Capello R. *Spatial Spillovers and Regional Growth. A Cognitive Approach // European Planning Studies.* – 2009. – Vol. 17, No. 5. – P. 639–658.
11. Коломак Е.А. Оценка пространственной связности экономической активности российских регионов // *Регион: экономика и социология.* – 2019. – № 4. – С. 55–72.
12. Томских А.А. Трансграничные научно-образовательные структуры в глобальном, национальном и региональном развитии. – Новосибирск: «Гео», 2012. – 271 с.

References

1. *Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda.* Available at: URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/a3d075aa813dc01f981d9e7fcb97265f/130219_207-p.pdf
2. Minakir P.A. *Ekonomicheskaja integracija: regional'nyj aspect // Region: ekonomika i sociologija.* – 2004. – № 1. – P. 118–135.
3. Rukina I.M. *Region i ego rol' v sozdanii ekonomicheskogo prostranstva // Ekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii.* – 2003. – № 3. – P. 73–85.
4. Ionova V.D., Malov V.Ju. *Nizhnee Priangarje: podhody k osvoeniju i vremja dejstvij (1920–2020) // Prostranstvennaja ekonomika.* – 2007. – № 3. – P. 21–42.
5. Lavrikova Ju.G., Akberdina V.V. *Prioritety i mehanizmy mezhregional'nyh vzaimodejstvij: opyt ural'skih regionov v projekte «Arkticheskij vector Ural'skogo sozvezdija» // Region: ekonomika i sociologija.* – 2018. – № 4. – P. 168–191.
6. Lavrikova Ju.G., Akberdina V.V., Suvorova A.V. *Soglasovanije prioritetov nauchno-tehnologicheskogo i prostranstvennogo razvitiya industrial'nyh regionov // Ekonomika regiona.* – 2019. – V. 15, iss. 4. – P. 1022–1035. <https://doi.org/10.17059/2019-4-5>.
7. Veselova E.Sh. *Enisejskaja Sibir' – pervyj macroregion Rossii // EKO.* – 2018. – № 6. – P. 20–37.
8. Sysoeva N.M. *Uchastije Kitaja i Mongolii v biznese Bajkal'skogo regiona i potencial dl'a ego rasshirenija // Proceedings of China-Mongolia-Russia think tank forum 2018. 2018.09.18-19 Ulaanbaatar, Mongolia.* – P. 315–319.
9. Lavrikova Ju.G., Andreeva E.L., Ratner A.V., Sobolev A.O. *Ural'skij vector arkticheskogo osvoenija v kontekste stanovlenija bol'shogo Evrazijskogo prostranstva // Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik.* – 2018. – № 7. – P. 21–34.
10. Capello R. *Spatial Spillovers and Regional Growth. A Cognitive Approach // European Planning Studies.* – 2009. – Vol. 17, No. 5. – P. 639–658.
11. Kolomak E.A. *Otsenka prostranstvennoj svjaznosti ekonomicheskij aktivnosti rossijskih regionov // Region: ekonomika i sociologija.* – 2019. – № 4. – P. 55–72.
12. Tomskih A.A. *Transgranichnye nauchno-obrazovatel'nye struktury v global'nom, nacional'nom i regional'nom razviti.* – Novosibirsk: «Geo», 2012. – 271 p.

Контактная информация / Contact information

Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (ИНЦ СО РАН), 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 134.

Irkutsk Scientific Center of Siberian Branch of Russian Academy of Science (INC SO RAN), 134, Lermontov Street, 664033, Irkutsk, Russia

Сысоева Наталья Михайловна / Sysoeva Natalia Mikhajlovna
sysoeva@oresp.irk.ru

Кузнецова Анна Николаевна / Kuznetsova Anna Nikolaevna
an@isc.irk.ru

РЕКУРРЕНТНЫЕ НЕЙРОННЫЕ СЕТИ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНФЛЯЦИИ

RECURRENT NEURAL NETWORK FOR REGIONAL INFLATION FORECAST

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-420-431

АСТРАХАНЦЕВА Ирина Александровна

Заведующая кафедрой информационных технологий и цифровой экономики ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», руководитель Ивановской региональной организации ВЭО России, д.э.н.

Irina A. ASTRAKHANTSEVA

Head of Information technologies and digital economy department of Ivanovo state University of chemistry and technology, Head of the Ivanovo regional organization of the VEO of Russia, Doctor of Economic Sciences

КУТУЗОВА Анна Сергеевна

Доцент кафедры информационных технологий и цифровой экономики ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», к.э.н.

Anna S. KUTUZOVA

Associate Professor, Department of Information technologies and digital economy, Ivanovo state University of chemistry and technology, PhD in Economics

АСТРАХАНЦЕВ Роман Геннадьевич

Студент 3-го курса по направлению «Компьютерная безопасность», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Roman G. ASTRAKHANTSEV

3rd year student of «Ciber security», National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация

В статье проводится анализ факторов инфляции и степени их влияния на индекс потребительских цен в регионах. Рассматриваются существующие математические модели, позволяющие прогнозировать темп инфляции как важнейший макроэкономический показатель. Приводятся достоинства, недостатки и сферы применения данных моделей. Обосновывается целесообразность применения нейросети для прогнозирования региональной инфляции. Описывается процесс создания архитектуры нейронной сети, ее обучение, прогнозирование параметра инфляции.

Abstract

The article analyzes the factors of inflation and their impact on consumer price index in the regions of Russia. We consider the existing mathematical models that allow

to forecast the rate of inflation as the most important macroeconomic indicator. The advantages, disadvantages, and applications of determined models are given in the article. The applicability of a neural network to forecast the regional inflation is justified. The process of creating of a neural network architecture, its learning, and possibility to forecast the inflation parameter is described.

Ключевые слова Машинное обучение, нейронная сеть, математическая модель, прогнозирование, инфляция, факторы инфляции, индекс потребительских цен, архитектура нейронной сети, рекуррентная нейронная сеть.

Keywords Machine learning, neural network, mathematical model, forecast, inflation, inflation factors, consumer price index, neural network architecture, recurrent neural network.

Введение

Задача прогнозирования инфляции является неизменно актуальной для органов денежно-кредитного регулирования, поскольку, являясь важнейшим экономическим параметром, темп инфляции определяет направленность и инструментарий финансовой и монетарной политики, влияет на инвестиционный климат в стране и качество жизни населения. В России показателем уровня инфляции является индекс потребительских цен (далее – ИПЦ), который измеряет изменение во времени стоимости набора продовольственных и непродовольственных товаров и платных услуг, потребляемых средним домохозяйством [1, 2].

Значение ИПЦ, рассчитанное в целом по РФ, не всегда отражает реальную динамику цен в регионах. Общеизвестно, что территориальная протяженность России влечет за собой неравномерное развитие ее субъектов, когда экономические и социальные параметры могут значительно различаться на разных территориях. В то же время залогом поступательного развития государства, устойчивого экономического роста и социальной стабильности является ситуация, при которой все сегменты экономической системы и все территориальные единицы получают одинаковые возможности для развития.

Динамика ИПЦ обусловлена влиянием множества факторов из сферы производства, торговли, предоставления финансовых услуг, а также социально-психологических и политических сил.

Для прогнозирования уровня инфляции в регионе необходимо проанализировать большой массив данных, содержащих информацию о значениях параметров, которые потенциально коррелируют с результирующим показателем – уровнем региональной инфляции, выявить зависимость между параметрами, оценить тесноту связи между фактором и результатом. Для решения этой задачи можно использовать традиционный корреляционно-регрессионный анализ, однако его применение будет затруднено в силу нелинейной связи потенциальных факторов с инфляцией, зависимости всех исследуемых параметров от времени, а также наличия большого объема ретроданных. В этой связи для формирования прогноза по региональной инфляции, по мнению авторов, можно использовать методы машинного обучения, а именно рекуррентную нейронную сеть.

Анализ предметной области

Как многофакторное явление, инфляция может находиться под воздействием факторов со стороны спроса, обусловленных ростом платежеспособного спроса на товары и услуги и последующим повышением цен. Рост спроса, в свою очередь, может быть спровоцирован повышением доступности банковского кредита или ростом номинальных доходов населения.

Со стороны предложения инфляцию могут провоцировать сокращение производства и предложения товаров и услуг, рост издержек производства, в том числе из-за роста цен на импортируемые компоненты на мировом рынке, ослабления курса национальной валюты.

Мощным фактором инфляции могут стать инфляционные ожидания хозяйствующих субъектов и населения.

Для формирования модели, позволяющей спрогнозировать темп региональной инфляции в качества факторов, мы предполагаем использовать следующие переменные.

1. Среднемесячная заработная плата. Статистически этот показатель представляет собой номинальное значение заработной платы, выплачиваемой за использование труда.

Ожидаемая закономерность: чем выше уровень среднемесячной заработной платы, тем выше уровень инфляции. Рост заработной платы провоцирует рост платежеспособного спроса, а вместе с ним и рост цен. Кроме того, рост заработной платы означает рост издержек, что, в свою очередь, также приводит к росту цен на продукцию производителя.

2. Объем доходов населения. В определении Росстата показатель включает в себя все поступления денежных средств домохозяйств, а именно — заработную плату, доходы от вкладов, ценных бумаг, пособия, пенсии, стипендии.

Объем доходов позволяет оценить объем денежных средств, которые имеются у людей и которые они готовы потратить для приобретения товаров и услуг. Растущий спрос со стороны покупателей, в свою очередь, может подвинуть поставщика товаров, работ и услуг повысить цены.

3. Денежные расходы населения представляют собой использование доходов населения на покупку товаров и услуг, недвижимости, обязательные платежи и добровольные взносы, прочие расходы. Та часть денежных расходов, которая связана с потреблением и не формирует накопления, провоцирует рост спроса и рост цен. Данный показатель связан с вышеобозначенным показателем доходов населения.

4. Розничный товарооборот отражает объем товарной массы (в денежном выражении), переходящий в сферу личного потребления. Он характеризует, с одной стороны, денежную выручку торговли, с другой — сумму расходов населения на покупку товаров.

Рост показателя розничного товарооборота может быть вызван, с одной стороны, ростом производства, с другой — повышением покупательской способности населения. Предполагается прямая зависимость между показателем инфляции и розничным товарооборотом.

5. Объем платных услуг населению — показатель, отражающий объем потребления населением различных видов услуг и измеряемый суммой денежных средств, уплаченных самим потребителем за оказанную услугу или организацией, в кото-

рой он работает. Данный показатель необходим в нашей модели для того, чтобы оценить степень зависимости объема платных услуг от уровня цен, за которые они предлагаются. Также определить, как увеличение объема услуг населения отразится на инфляции. Между указанными показателями предполагается прямая зависимость.

6. Показатель отношения курса доллара к рублю относится к инфляционным факторам, действующим со стороны предложения. Рост курса доллара влияет на инфляцию через рост цен на импортные товары. При росте курса доллара темп инфляции будет расти, при снижении – уменьшаться. Предполагаем высокую значимость данного показателя для РФ, где большое количество товаров импортируется из других государств.

7. Объем депозитов физических лиц. Часть расходов населения не связаны с потреблением, а формируют сбережения. Банковский депозит является наиболее популярным и защищенным с правовой точки зрения инструментом сбережения. Чем большую часть денежных средств население размещает в депозиты, тем меньше ресурсов остается для покупки товаров и услуг, тем меньше потребительский спрос, тем ниже темпы инфляции.

8. Объем денежной массы в обращении. Быстрый рост агрегата M2 рассматривается как инфляционный процесс, а резкое снижение – как признак спада в экономике. Если скорость обращения денег постоянна, то денежная масса должна расти тем же темпом, что и товарная масса. Если денежная масса растет быстрее, то денег становится слишком много, при этом инвестиции требуют времени, следовательно, покупательная способность национальной валюты падает, что является инфляционным процессом.

9. Кредиты нефинансовым организациям. Данный фактор необходим для исследуемой модели, так как объем кредитования реального сектора может влиять на увеличение/уменьшение объема выпуска товаров или предоставления услуг. В это связи он находится в обратной зависимости от темпа инфляции. Однако кредитные ресурсы, выданные банками нефинансовым организациям, могут быть направлены не только на расширение производства и дополнительный выпуск продукции, но и на выплаты работникам. В этом случае он будет находиться в прямой взаимосвязи с темпом инфляции.

10. Объем задолженности граждан по кредитам может действовать как инфляционный фактор спроса. Большое количество дополнительных денег, появившееся у населения за счет получения кредитов, приводит к росту потребления, что, в свою очередь, может вызвать увеличение цен. Однако здесь возможна и обратная зависимость: при снижении инфляции снижаются ставки кредитного рынка, кредит становится более доступным и, соответственно, объем задолженности возрастает.

Изучение международного опыта

Прогнозирование инфляции – важнейшая задача статистических и надзорных органов во всем мире. Так, в еврозоне ключевым показателем стабильности цен является индекс НІСР. Он выступает центральной частью модели NMCM, которая охватывает все крупнейшие страны еврозоны и используется для прогнозирования и анализа сценариев в Европейском центральном банке. Модель представляет собой оценочную среднюю модель для нескольких стран, разработанную в Европейском центральном банке. Она охватывает 5 крупнейших стран еврозоны (Германия, Франция, Италия, Испания и Нидерланды) и может

быть использована как для отдельной страны, так и в качестве связанной модели для нескольких стран еврозоны. Эта модель является основным макроэкономическим инструментом, используемым в ЕЦБ в контексте макроэкономических прогнозов Евросистемы. Основным источником данных по странам является Евростат и, в частности, европейские квартальные национальные счета, откуда берется информация о ВВП и основных компонентах расходов, доходах, занятости и т.д. Евростат также является источником данных для вычисления гармонизированного индекса потребительских цен и подкомпонентов. По ценам на акции рассматриваются ключевые индексы. Что касается финансовых переменных, в качестве показателя краткосрочной процентной ставки использовалась 3-месячная EURIBOR, а доходность 10-летних облигаций – в качестве долгосрочной. Другие переменные, такие как цены на жилье или основной капитал, основаны на внутренних расчетах в рамках евросистемы.

Оценка для Гармонизированных индексов потребительских цен (HICP) представлена двумя уравнениями, одно из которых включает цены на энергоносители, а другое – нет.

Дефлятор HICP после налогообложения определяется как:

$$p_t^{HX} = \frac{1 - tcir}{1 - tci_t} p_t^{HXT} \quad (1)$$

где $P_{(t)}^{HXT}$ – HICP до налогообложения, включая цены на энергоносители, Tci – текущая неявная налоговая ставка, а Tci_t – ставка налога в базовом году индексов цен.

Моделируется сезонно скорректированная версия p_t^{HXT} , так называемый p_t^{HXST} , где сезонные факторы оцениваются с использованием изменяющейся во времени процедуры оценки авиакомпаний и остаются фиксированными в течение прогнозируемого горизонта.

$$\begin{aligned} \{ \theta_p + \omega_p [1 - \theta_p (1 - \beta)] \} \Delta p_t^{HXST} - \omega_p \Delta p_{t-1}^{HXST} - \beta \theta_p \Delta p_{t+1}^{HXST} \\ - (1 - \omega_p) (1 - \theta_p) (1 - \beta \theta_p) (p_t^{HXST*} - p_t^{HXST}) = 0 \end{aligned} \quad (2)$$

где $P_{(t)}^{HXST*}$ – долгосрочный оптимальный неэнергетический HICP и средневзвешенное значение оптимального дефлятора ВВП P_t^* , включая косвенные цены на энергоносители и дефлятор импорта, исключая энергоносители, $P(t) MN$, где веса ϕ_1 оцениваются на основе OLS, а δ устанавливается на 0,015 на основе таблиц ввода-вывода. Кроме того, как и в уравнении цены Calvo, включается корректировка труда, следовательно:

$$p_t^{HXST*} = \phi_1 p_t^{MN} + (1 - \phi_1) ((1 - \rho) p_t^* + \rho p_t^{EI}) + a_h (n_t^* - n_t) \quad (3)$$

Энергетический HICP моделируются как наценка цен на энергоносители и дефлятор ВВП (P_t):

$$p_t^{HE} = \delta_1 p_t^{EI} + (1 - \delta_1) (p_t) \quad (4)$$

Общий НПСР представлен в качестве средневзвешенного усредненного энергетического НПСР (P_t^{HE}) и неэнергетического – после налогообложения (P_t^{HX}), где $\omega_{(et)}$ – вес энергетического НПСР в общем.

$$P_t^H = \omega_{et} \cdot P_t^{HE} + (1 - \omega_{et}) \cdot P_t^{HX} \quad (5)$$

Дефлятор потребления связан с помощью простого уравнения с учетом сезонных колебаний НПСР.

Все остальные внутренние дефляторы (например, инвестиционный дефлятор) определяются как квазиидентификации, то есть моделируются как средневзвешенные внутренние затраты и импортные цены (измеряемые дефлятором импорта). Эта особенность обеспечивает статическую однородность во всех уравнениях цен. Для дефляторов до налогообложения мы предполагаем, что импорт – это «стоимость, страхование и фрахт на границе импортера», а экспорт «свободный на борту на границе экспортера». По этой причине косвенные налоги взимаются только с общего потребления (частного и государственного) и общего объема инвестиций [3].

Во многих других европейских странах используют DSGE-модели для прогнозирования инфляции. Данные модели являются достаточно сложными, оперируют большим количеством переменных. В данных моделях, например, определяется взаимосвязь инфляции, совокупного выпуска, процентной ставки, уровня заработной платы, потребления и инвестиций. Эта группа моделей нашла применение и в РФ. Такая модель описывает малую открытую экономику со следующими типами агентов: домохозяйства, фирмы, внешний сектор и центральный банк. Процентные ставки, валютный курс, уровень потребления и сбережений, заработная плата, объем импорта, уровень издержек и др. [4].

Отметим, что DSGE-модели, оперируя большим набором данных, характеризуются высокой сложностью построения, сбора данных и определения взаимосвязей между переменными.

В Новой Зеландии в основе прогнозирования инфляции лежит ее таргетирование по долгосрочному плану. Используется модель NZSIM, которая является разновидностью DSGE-модели, адаптированной под Новую Зеландию. В процессе прогнозирования очень важную роль играют опросы категорий населения и предельная склонность к потреблению и сбережению. Сотрудники статистических служб в начале представляют свои прогнозы, затем опрашивают население, а затем поправляют свои прогнозы с учетом мнения населения.

NZSIM представляет собой платформу для среднесрочного анализа и тестирования сценариев в процессе разработки денежно-кредитной политики. Эта структурная модель основана на концепции трендов и циклов, предполагая, что существуют тренды и устойчивые состояния, которые в долгосрочной перспективе определяют поведение экономических переменных. Однако в краткосрочной или среднесрочной перспективе потрясения могут оттолкнуть показатели от устойчивых трендов, что приведет к образованию экономических циклов. Примером таких потрясений может быть рост иностранного спроса на экспорт, изменение сберегательных предпочтений домохозяйств и неожиданное увеличение государственных расходов. Ядро модели составляют 4 вида агентов: домашние хозяйства, отечественные фирмы, фирмы, занимающиеся распределением

импорта, и центральный банк, удерживающий инфляцию на уровне, близком к целевому. Ключевые макроэкономические показатели в этой модели являются предположением о микроэкономическом поведении данных агентов.

В США для прогноза инфляции могут использоваться 3 группы однофакторных моделей.

В модели случайного блуждания используется средний уровень инфляции за последние 12 месяцев, и наилучший прогноз по ней характерен для периодов стабильной инфляции.

Для уровня инфляции, прогнозируемого на h месяц:

$$AO\pi^{th} = \frac{1}{12} \sum_{i=1}^{12} \pi_{t-i} + AOu_{th} \quad (6)$$

$$\pi^{th} = \frac{1}{h} \sum_{i=0}^{h-1} \pi_{t+i} \quad (7)$$

где π – отслеживаемый уровень инфляции, скорректированный с помощью годовой ставки; ведущий индекс AO указывает на прогноз и ошибку прогноза; индексы t и h указывают на прогноз среднегодового уровня инфляции за h месяцев, начинающихся в месяце t .

Авторегрессионные модели имеют ту же зависимую переменную, но также оценивают весовые коэффициенты для 12 лагов.

$$AR\pi^{th} = \varphi_0 + \sum_{i=1}^{12} \beta_i \pi_{t-i} + ARu_{th} \quad (8)$$

Третий набор моделей включает в себя модели, обогащенные данными. Они используют самые большие главные компоненты в качестве оценок и факторов и добавляют их к AR-моделям (m -запаздывания первых q -оцененных факторов)

$$DRM\pi_t^h = \phi_0 + \sum_{i=1}^{12} \beta_i \pi_{t-i} + \sum_{j=1}^q \sum_{k=1}^m PC_{j,t-k} + DRM u_t^h \quad (9)$$

Данные модели в качестве переменных используют уровень инфляции в прошлые периоды и применяются в основном для прогнозирования в краткосрочном аспекте.

Широко известна кривая Филипса, иллюстрирующая обратную зависимость между уровнем инфляции и уровнем безработицы. На основе этой кривой был создан ряд моделей прогнозирования уровня инфляции, одна из которых иллюстрирует зависимость уровня инфляции от уровня безработицы, шоков издержек и прошлых значений инфляции.

$$\pi_t = a + b\pi_{t-L} + cu_{t-L} + dz_{t-L} + \varepsilon_t \quad (10)$$

где π_t – величина инфляции в период t ; a, b, c, d – коэффициенты при переменных; u_t – уровень безработицы; z_t – переменная, характеризующая шок предложения; L – величина лага; ε_t – случайная ошибка.

Модель успешно прошла апробацию на данных США – инфляция была выражена динамикой цен на продовольственные продукты и энергоресурсы, а шоки издержек представлялись в виде динамики средних импортных цен. Кроме того,

в модель были введены фиктивные переменные, характеризующие меры государственной политики по регулированию уровня заработных плат [5].

Следует отметить, что сложность взаимосвязей между фактором и результатом делает все модели не лишены вышеобозначенных недостатков. Поэтому регулирующие органы, как правило, используют комбинацию различных прогнозов.

Преодолеть указанные недостатки математического моделирования возможно путем предсказания темпов инфляции с помощью искусственных нейронных сетей, которые значительно снижают трудоемкость обработки данных и позволяют выявлять многочисленные и сложные взаимосвязи между факторами и прогнозируемым показателем.

Методы

Для решения данной задачи могут быть использованы методы машинного обучения, такие как линейная регрессия, случайный лес или же нейронные сети. Последний вариант является наиболее универсальным не только для задачи прогнозирования, но и для задачи классификации, кластеризации и выявления аномалий. Кроме того, нейронные сети дают большую точность при значительном увеличении объема данных, в отличие от остальных моделей [6].

Под нейронными сетями стоит понимать упорядоченную структуру искусственных нейронов – простых вычислительных единиц, принимающих и отдающих сигналы. Реализация нейронной сети заключается в определении порядка передачи входных сигналов к выходным через нейроны [7].

Для анализа временных рядов можно выделить следующие классы нейронных сетей: многослойный персептрон, глубокие нейронные сети, рекуррентные нейронные сети и сверточные нейронные сети.

Универсальным видом нейронных сетей является многослойный персептрон благодаря простоте построения. Однако данное свойство также является минусом в прогнозировании сложных временных рядов. Персептроном называют модели, в которых нейроны делятся на слои. Каждый нейрон одного слоя получает взвешенные сигналы от всех нейронов предыдущего, суммирует их и передает результат некоторой функции активации от этой суммы всем нейронам следующего слоя. Многослойный персептрон может выявить нетривиальные зависимости данных друг от друга, однако полученная модель не дает никакой гарантии на экстраполяцию данных за пределами исходных данных при прогнозировании.

К глубоким нейронным сетям относят такие модели, в которых количество параметров и промежуточных слоев нейронной сети очень велико. По своей сути они являются гипермногослойным персептроном. Данный вид сетей хорош при наличии большого корпуса данных, однако требует большого количества вычислительных ресурсов для подбора оптимального набора параметров и обучения сети. В настоящей задаче прогнозирования региональной инфляции дата сет составляет до 100 временных периодов (месяцев), что недостаточно для использования глубоких нейронных сетей.

Сверточные нейронные сети отличаются от многослойного персептрона тем, что сигналы в них представлены матрицами, а преобразование этих сигналов есть не что иное, как применение матрицы свертки. Использование сверточных нейронных сетей потенциально возможно для решения нашей задачи при наличии большого корпуса данных. Сверточные нейронные сети обычно использу-

ются для работы с изображениями, поскольку в изображениях уже закодирована специфичная для задачи информация. Вопрос о занесении информации в матрицу остается открытым.

Рекуррентной нейронной сетью называют модели нейронных сетей, содержащие рекуррентные блоки, которые запоминают информацию в процессе прохождения сигнала и, обрабатывая ее, передают следующим слоям. В отличие от традиционных нейронных сетей рекуррентные нейронные сети могут использоваться в задачах обработки текста, поскольку в предложении слова имеют некоторую зависимость от предыдущих. Эти сети показывают наилучший результат в данного рода задачах. Исходя из этого, архитектура рекуррентных нейронных сетей наиболее заточена под задачу прогнозирования временных рядов.

Стоит выделить еще одну технику работы с финансовыми временными рядами. Можно предположить, что некоторые моменты времени имеют больший вес на прогноз, чем остальные. Чтобы выявить эту потенциальную зависимость, был использован механизм «внимания» (если быть точным, механизм «двойного внимания»), который автоматически понимает, есть такие моменты времени или нет.

В данном исследовании использована модель рекуррентной нейронной сети на основе LSTM (Long Short-Term Memory) блоков. Это особая разновидность архитектуры рекуррентных нейронных сетей, способная к обучению долговременным зависимостям, что отвечает требованиям нашей задачи.

Подытожим задачу прогнозирования: имея данные об изменениях показателей – факторов инфляции, необходимо спрогнозировать динамику ИПЦ в регионе на основе алгоритма нейросети. Для ее решения были выбраны ежемесячные федеральные и региональные статистические показатели (Ивановская область) начиная с 1 января 2014 г. по 1 февраля 2019 г. Фрагмент дата сета представлен на рис. 1.

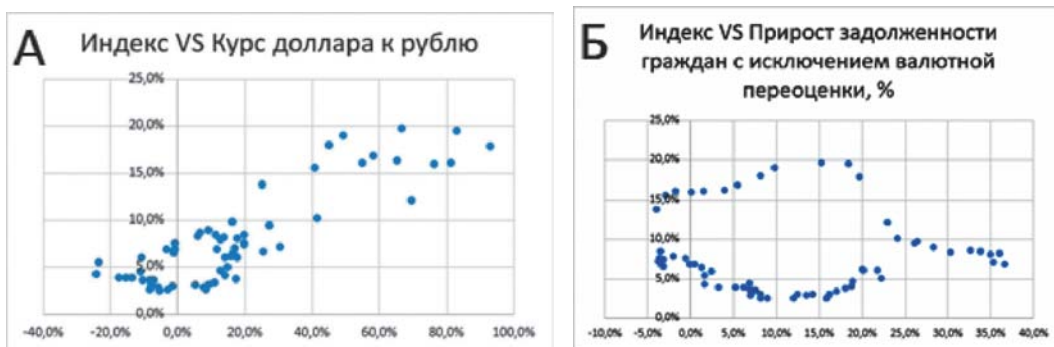
Рис. 1.
Фрагмент
дата сета
для прогнози-
рования
региональной
инфляции

Дата	Ротационный товароборот, млн руб.	Объем услуг населения, млн руб.	Приращение среднего дохода населения, %	Выплаты (депозиты) физических лиц в филиальных банках, млн руб.	Среднемесячная зарплата, млн руб.	Курс доллара к рублю, млн руб.	МЗ, млн руб.	Зависимость граждан с исключенным валютной переоценки, в млн руб.	Кредиты нефин. орг., млн руб.	Объем доходов, млн руб.	Объем расходов, млн руб.	ИПЦ Мес к мес, %	Изменение потребительских цен в % к соответствующему месяцу предыдущего года
01.01.2014	12628,2	2726,89	80211,2	0,018871	0,0000338	31155600	45179,2	45590,9	14058,1	15180,2	100,55	7,38%	
01.02.2014	12482,2	2874,38	80731,4	0,018601	0,0000352	29861200	45743,8	45885,9	19420,1	17710,8	100,97	6,92%	
01.03.2014	13190,5	2968,09	79355,6	0,019260	0,0000362	30169000	46676,7	45695,9	18050,8	17262,1	100,81	7,12%	
01.04.2014	12941,5	2949,47	77261,3	0,019871	0,0000357	29519300	48445,6	46774,8	21508,7	19218,6	101,17	8,07%	
01.05.2014	13722,1	3039,74	76739,4	0,020180	0,0000348	29879000	48627,0	47145,3	20639,8	19714,7	100,93	8,21%	
01.06.2014	13500,3	2986,02	77849,5	0,021951	0,0000344	29890800	50017,3	47878,4	20953,2	19756,0	100,91	8,49%	
01.07.2014	13925,1	3209,42	79323,7	0,020383	0,0000346	30073100	50633,9	45397,4	22573,6	20642,9	100,89	8,65%	
01.08.2014	14057,3	3294,94	81301,1	0,019380	0,0000361	30178300	51658,7	44945,9	21463,8	19926,6	100,89	8,65%	
01.09.2014	13190,9	3423,43	82985,6	0,020074	0,0000379	30338700	52081,5	44536,4	20372,9	19151,5	100,79	8,4%	
01.10.2014	13787,5	3461,21	81531,7	0,020662	0,0000408	30297600	53337,8	44007,3	22013,9	20052,7	100,68	9,6%	
01.11.2014	14000,4	3094,38	81595,7	0,021003	0,0000462	29831200	53904,8	43595,7	23630,8	21594,1	100,56	9,45%	
01.12.2014	16936,3	3041,75	82885,1	0,025508	0,0000558	30141900	54493,7	43459,7	29788,6	26200,1	101,28	10,21%	
01.01.2015	12656,6	2936,39	83826,2	0,020247	0,0000652	31615700	54057,3	43600,8	14198,6	16637,4	102,41	12,24%	
01.02.2015	13095,0	3026,93	86368,0	0,020253	0,0000645	31033700	54186,6	44047,9	21360,2	21006,4	106,05	17,89%	
01.03.2015	13627,8	3158,24	86602,4	0,021074	0,0000604	31225000	53823,0	43425,1	20635,3	20327,4	102,16	19,46%	
01.04.2015	13406,2	3089,37	86777,1	0,020741	0,0000532	31028800	53173,5	43047,6	23774,6	21611,4	101,32	19,64%	
01.05.2015	14095,1	3140,05	87408,1	0,021209	0,0000505	31696900	52614,5	42622,2	20757,2	20651,2	100,34	18,95%	
01.06.2015	14221,6	3261,89	88602,0	0,022876	0,0000544	31820400	52781,8	41920,7	23325,7	21449,4	100,08	17,96%	

Первоначальным подходом к исследованию взаимности различных факторов и инфляции было выяснение характера разброса значений инфляции в зависимости от исследуемого параметра.

Выявив потенциальные факторы инфляции, авторы провели корреляционно-регрессионный анализ и выделили курс доллара к рублю и прирост задолженности граждан с исключением валютной переоценки как параметры с характерной зависимостью (рис. 2). Кроме того, как видно из графиков, курс доллара к рублю находится в некотором линейном отношении с ИПЦ.

Рис. 2.
Разброс значений ИПЦ в зависимости от
А) курса доллара к рублю,
Б) прироста задолженности граждан с исключением валютной переоценки (в процентах)

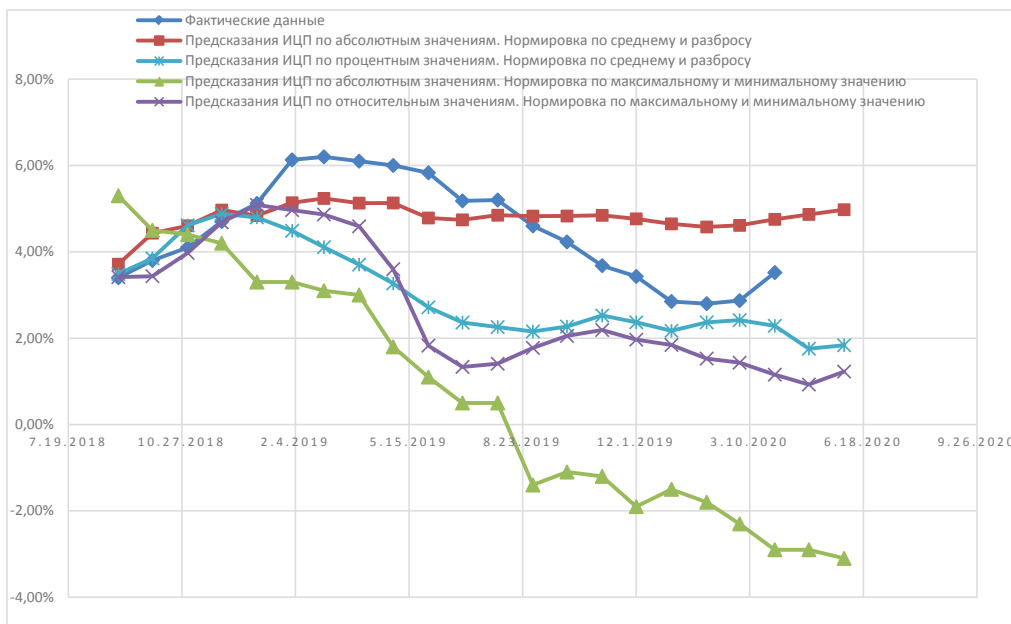
Неоспоримым преимуществом нейросети является ее способность выявлять неочевидные закономерности и взаимосвязи в больших массивах данных. Для разработки и апробации алгоритма нейросети были взяты все выявленные нами выше потенциальные факторы инфляции.

Следующим этапом было создание архитектуры нейронной сети и ее обучение. В качестве основы была взята модель рекуррентной нейронной сети с двойным механизмом внимания: в кодировщике и декодировщике. В качестве рекуррентных блоков был использован механизм долгой краткосрочной памяти, а в качестве блоков внимания был взят полносвязный слой без функции активации.

Для получения качественного прогноза на полгода вперед нейронная сеть обучалась предсказывать значения на 6 месяцев вперед, с оглядкой на 6 месяцев назад. Критерием обучения являлась разность квадратов прогнозных и действительных значений. Для минимизации этих значений использовался метод адаптивной инерции. Нейронная сеть была обучена на 200 эпохах.

Исходные данные были представлены в виде абсолютных и процентных значений, а также смоделированы с двумя типами нормализации: по максимальному и минимальному значению и по среднему и разбросу (рис. 3).

Рис. 3.
Прогнозные и спрогнозированные данные в разном представлении в модели

Результаты

Как видно из графиков проекций значений ИПЦ на показания выделенных факторов, существует явная зависимость этих параметров друг с другом.

Предсказанные данные говорят о флуктуации ИПЦ в ближайшие полгода и отсутствии резких изменений этого показателя. Отметим, что ближе всего к фактическим данным находится кривая предсказания ИПЦ по относительным значениям (нормировка по среднему и разбросу). Согласно данному прогнозу¹ с середины 2019 г. до середины 2020 г. инфляция будет колебаться преимущественно в диапазоне от 2 до 4%, с кратковременным повышением до 5% в январе 2020 года. Отметим, что рост цен в начале года – это закономерное явление для российской экономики. Спрогнозированные показатели близки к фактическим показателям за период с июля 2019 г. по апрель 2020 г. [8].

Таким образом, можно говорить о достаточно высокой точности прогноза разработанного алгоритма, что, в свою очередь, подтверждает тезис, что рекуррентные нейронные сети способны успешно справляться с задачей анализа большого количества факторов, находящихся в сложной нелинейной взаимосвязи с результатом, в нашем случае – уровнем региональной инфляции. Следовательно, данные модели могут применяться регулирующими органами и органами статистики для целей прогнозирования макроэкономических параметров.

1 Прогнозная модель была разработана в ноябре 2019 года.

Библиографический список

1. *Методологические рекомендации по расчету базового индекса потребительских цен* https://www.gks.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d040/6-1-2.htm (дата обращения 11.03.2020).
2. *Об инфляции* https://cbr.ru/dkp/about_monetary_policy/inflation/ (дата обращения 20.04.2020).
3. *The ECB'S new multy-country model for the euro area* <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1315.pdf> (дата обращения 15.05.2020).
4. Крепцев Д., Селезнев С. *DSGE – модели российской экономики с малым количеством уравнений* // Банк России. Серия докладов об экономических исследованиях. № 12 / Май 2016.
5. Балацкий Е.В., Юревич М.А. *Прогнозирование инфляции: практика использования синтетических процедур* // Мир новой экономики. 2018;12 (4):20–31.
6. Andrew Ng, Chief Scientist at Baidu // *Extract Data Conference URL: https://towardsdatascience.com/deep-learning-vs-classical-machine-learning-9a42c6d48aa* (дата обращения 10.06.2019).
7. Астраханцева И.А., Кутузова А.С., Астраханцев Р.Г. *Интеллектуальные методы обработки данных при прогнозировании оборота наличных денежных средств в банкоматах коммерческих банков* // Труды Вольного экономического общества России. Том 218. М., 2019. С. 481–488.
8. *Таблицы инфляции.* <https://уровень-инфляции.РФ> (дата обращения 20.05.2020).

References

1. *Metodologicheskie rekomendatsii po raschetu bazovogo indeksa potrebitel'skikh tsen* https://www.gks.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d040/6-1-2.htm (data obrashcheniya 11.03.2020).
2. *Ob inflyatsii* https://cbr.ru/dkp/about_monetary_policy/inflation/ (data obrashcheniya 20.04.2020).
3. *The ECB'S new multy-country model for the euro area* <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1315.pdf> (data obrashcheniya 15.05.2020).
4. Kreptsev D., Seleznev S. *DSGE – modeli rossiiskoi ekonomiki s malym kolichestvom uravnenii. Bank Rossii. Seriya dokladov ob ekonomicheskikh issledovaniyakh. № 12 / Mai 2016.*

5. *Balatskii E.V., Yurevich M.A. Prognozirovanie inflyatsii: praktika ispol'zovaniya sinteticheskikh protsedur. Mir novoi ekonomiki. 2018;12 (4):20–31.*
6. *Andrew Ng, Chief Scientist at Baidu // Extract Data Conference URL: <https://towardsdatascience.com/deep-learning-vs-classical-machine-learning-9a42c6d48aa> (data obrashcheniya 10.06.2019).*
7. *Astrakhantseva I.A., Kutuzova A.S., Astrakhantsev R.G. Intellektual'nye metody obrabotki dannykh pri prognozirovanii oborota nalichnykh denezhnykh sredstv v bankomatakh kommercheskikh bankov // Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. Tom 218. M., 2019. S. 481–488.*
8. *Tablitsy inflyatsii. <https://uroven'-inflyatsii. Rf> (data obrashcheniya 20.05.2020).*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет»,
153000, г. Иваново, Шереметевский проспект, 7.

Ivanovo State University, 7, Sheremetev avenue, Ivanovo, 153000, Russia

Астраханцева Ирина Александровна / Irina Astrakhantseva

i.astrakhantseva@mail.ru

Кутузова Анна Сергеевна / Anna Kutuzova

as_kutuzova@mail.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

HSE University, 20, Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russia

Роман Астраханцев / Roman Astrakhantsev

rgastrakhantsev@edu.hse.ru

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И НЕФТЕДОБЫЧИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

ANALYSIS OF THE MODERN STATE OF THE INDUSTRY AND OIL PRODUCTION IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-432-444

ДЕГТЯРЕВ Александр Николаевич

Вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, директор ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», член Президиума ВЭО России, руководитель Башкирского регионального отделения ВЭО России, д.э.н., профессор

Alexander N. DEGTYAREV

Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Director of the state autonomous scientific institution «Institute of strategic research of the Republic of Bashkortostan», Member of the Presidium of VEO of Russia, Head of the Bashkir Regional Branch of VEO of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Целью данного исследования является анализ состояния развития нефтяной отрасли Республики Башкортостан, а также выявление факторов, оказывающих доминирующее влияние на рост валового регионального продукта региона с применением методов экономико-математического моделирования. Республика Башкортостан занимает первое место в стране по производству дизельного топлива (9 млн тонн), второе место по производству нефти на переработку (25 млн тонн) и бензина (5 млн тонн). Проведенный анализ показал, что вклад промышленного производства в валовой региональный продукт составляет около 41%. При этом в промышленности используется около 62% общего объема потребляемой регионом электрической энергии. Наряду с тенденциями уменьшения эксплуатационного фонда нефтяных скважин, ростом износа основных производственных фондов, общим сокращением физических объемов производства нефтяных ресурсов происходил рост оплаты труда работников отрасли и сокращение их численности. Продажа

добытой в регионе сырой нефти и природного газа как в 2017 г., так и в 2018 г. была убыточной для региона. При этом переработка нефтяного сырья (в частности, производство кокса и нефтепродуктов) была рентабельной. В процессе проведенного нами корреляционно-регрессионного анализа эмпирически доказана зависимость валового регионального продукта Республики Башкортостан (ВРП РБ) от основных внешних факторов: курса рубля к доллару и цены барреля нефти. После исключения из модели этих наиболее значимых показателей было установлено, что на ВРП РБ оказывают влияние: среднегодовая численность занятых в экономике; объем экспорта товаров и услуг; рост промышленного производства и некоторые другие.

Abstract

The purpose of this research is to analyze the state of development of the oil industry in the Republic of Bashkortostan, as well as identify factors that have a dominant influence on the growth of the gross regional product of the region using the methods of economic and mathematical modeling. The Republic of Bashkortostan takes the first place in the country in the production of diesel fuel (9 million tons), the second place in the production of oil for processing (25 million tons) and petrol (5 million tons). The analysis showed that the contribution of industrial production to the gross regional product is about 41%. At the same time, about 62% of the total electric energy consumed by the region is used in industry. Along with the decreasing trends in the operating stock of oil wells, an increase in the depreciation of fixed assets, a general reduction in the physical volume of oil production, there was an increase in the wages of workers in the industry and a decrease in the number of employees. The sale of crude oil and natural gas produced in the region both in 2017 and in 2018 was unprofitable for the region. At the same time, the processing of petroleum raw materials, in particular, the production of coke and petroleum products was cost-effective. In the course of our correlation and regression analysis, the dependence of the gross regional product of the Republic of Bashkortostan (GRP RB) on the main external factors: the ruble to dollar exchange rate and the price of a barrel of oil, is empirically proven. After excluding these most significant indicators from the model, it was found that the GRP of the Republic of Bashkortostan is influenced by: the average annual number of people employed in the economy; volume of exports of goods and services; industrial production growth and some others.

Ключевые слова

Промышленность, нефтяная отрасль, валовой региональный продукт, среднегодовая численность работников, корреляционно-регрессионный анализ, нефтепереработка, экспорт.

Keywords

Industry, oil industry, gross regional product, average annual number of employees, correlation and regression analysis, oil refining, export.

Введение

Республика Башкортостан является одним из наиболее развитых регионов Российской Федерации и вносит значительный вклад в экономику страны. По объему валового регионального продукта (далее – ВРП) Республика занимает 10-е место среди субъектов Российской Федерации и 2-е место Приволжском федеральном

округе. Республика Башкортостан входит в десятку регионов России с наибольшими объемами добычи нефти, включая газовый конденсат. В Приволжском федеральном округе регион занимает 3-е место по объему промышленного производства. В структуре производства Валового регионального продукта по итогам 2018 года наибольшую долю (более 40%) занимало именно промышленное производство.

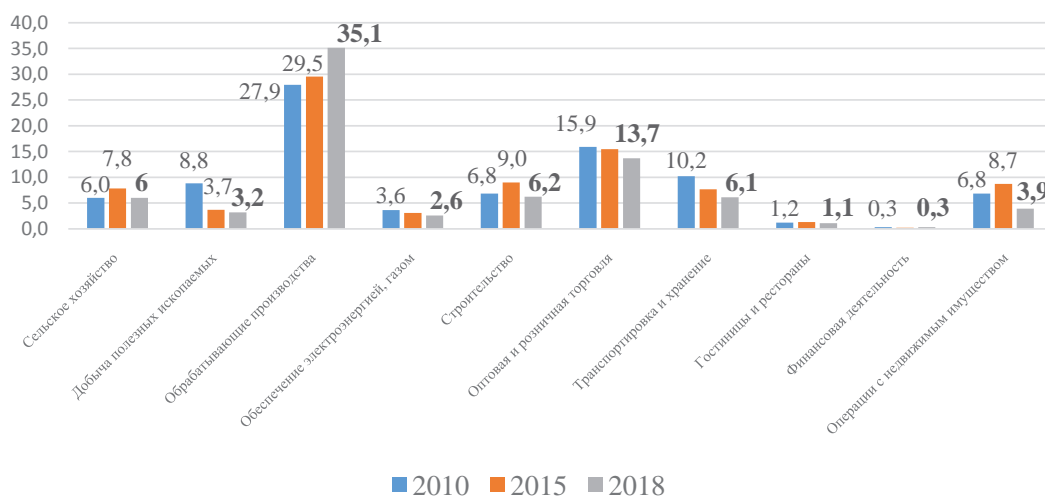
Республика Башкортостан является лидером в стране по таким видам промышленной продукции, как: карбонат натрия, или кальцинированной соды (50,1% – доля производства в стране), бензола (20,8%), дизельного топлива (6,9%), листового стекла (27,7%), проволоки скрученной, тросов, канатов (21,6%), светильников электрических настольных, прикроватных или напольных (32,9%), двигателей гидравлических и пневматических (31,7%), прицепов, полуприцепов (69,5%), судов надувных прогулочных или спортивных (53,3%) и т.д.

Республика Башкортостан занимает второе место в стране по производству синтетических каучуков (21,4%), этилена (16,5%), автомобильного бензина (11,7%), пластмассы в первичных формах (11,6%), нефти на переработку (8,6%) и т.д. [3, с. 13].

Анализ современного состояния развития промышленности и развития нефтяной отрасли в Республике Башкортостан

Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, наибольший удельный вес принадлежит промышленным видам деятельности. Рассмотрим структуру формирования валового регионального продукта Республики Башкортостан за период с 2010 по 2018 г. на рисунке.

Рисунок.
Структура валового регионального продукта Республики Башкортостан [1–3]

Из данных, представленных на рисунке видно, что наибольший удельный вес в структуре валового регионального продукта Республики Башкортостан принадлежит обрабатывающим производствам (35% в 2018 г.), оптовой и розничной торговле (13,6%), строительству (6,2%), транспортировке и хранению (6,1%), сельскому хозяйству (6%), операциям с недвижимым имуществом (3,9%), добыче полезных ископаемых (3,2%), обеспечению электроэнергией, газом и паром (2,6%) и т.д.

Важно отметить, что за период с 2010 по 2018 г. существенное уменьшение удельного веса вклада в валовой региональный продукт произошло от добычи полезных ископаемых (с 8,8 до 3,2%), строительного сектора (с 6,8 до 6,2%), опто-

вой и розничной торговли (с 15,9 до 13,7%), транспортировки и хранения (с 10,2 до 6,1%), операций с недвижимым имуществом (с 6,8 до 3,9%). Рост удельного веса валового регионального продукта наблюдался только в сфере обрабатывающих производств (с 27,5 до 35%).

В целом промышленному производству суммарно принадлежит 40,9% валового регионального продукта: обрабатывающим производствам (35,1%), добыче полезных ископаемых (3,2%), обеспечению электроэнергией, газом и паром – 2,6%.

Если общий объем промышленной продукции принять равным за 100%, тогда в 2018 г. в структуре промышленного производства наибольший удельный вес принадлежит: обрабатывающим производствам – 72,7% (в том числе производству кокса и нефтепродуктов – 32,5%); добыче полезных ископаемых – 18,4% (в том числе 10,3% занимает добыча сырой нефти и природного газа); обеспечению электроэнергией, газом и паром – 7,5%; водоснабжению и водоотведению – 1,4%.

Из общего объема потребленной регионом электрической энергии (в 2018 г. – это 27 679 млн киловатт-часов) на потребление обрабатывающими производствами пришлось 34,8% электрической энергии, на добычу полезных ископаемых – 18,9%, на обеспечение электроэнергией, газом и паром – 8,7%, то есть всего 62,4% электроэнергии приходится на промышленность.

Рассмотрим отдельные технико-экономические показатели добычи полезных ископаемых в таблице 1.

Таблица 1. Отдельные технико-экономические показатели промышленности Республики Башкортостан [1, 2, 3]

Показатели	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. в % к 2010 г.
Эксплуатационный фонд нефтяных скважин, ед.	18 053	16 799	16 744	16 680	161 113	89,3
Бездействующий фонд нефтяных скважин, ед.	1468	1436	1469	1751	1734	118,1
Удельный вес бездействующего фонда нефтяных скважин в эксплуатационном фонде, %	8,1	8,5	8,8	10,5	10,8	+2,7 п.п.
Глубина переработки нефтяного сырья, %	82,9	85,2	86,0	84,0	85,5	+2,6 п.п.
Износ основных производственных фондов в производстве нефти и природного газа, %	51,6	48,6	51,7	52,0	55,1	+3,5 п.п.
Износ основных производственных фондов при производстве кокса и нефтепродуктов, %	38,3	52,3	54,8	55,7	59,2	+20,9 п.п.

Показатели	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. в % к 2010 г.
Удельный вес организаций, занимающихся инновационной деятельностью при производстве кокса и нефтепродуктов, %	н/д	42,9	28,6	25,0	37,5	–
Доля организаций, использовавших информационные технологии при добыче сырой нефти и природного газа, %	н/д	н/д	н/д	85,7	70,0	–
Доля организаций, использовавших информационные технологии при производстве кокса и нефтепродуктов, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	–

Эксплуатационный фонд нефтяных скважин за анализируемый период сократился на 11%. Бездействующий фонд нефтяных скважин в регионе возрос на 18%, при этом удельный вес бездействующего фонда нефтяных скважин возрос с 8,1% в 2010 г. до 10,8% в 2018 г. Важно отметить, что глубина переработки нефтяного сырья увеличилась с 82,9 до 85,5%. Одновременно растет и износ основных производственных фондов, как в производстве нефти и природного газа (на 3,5 п.п.), так и при производстве кокса и нефтепродуктов (на 20,9 п.п.). Удельный вес организаций, занимающихся инновационной деятельностью при производстве кокса и нефтепродуктов, колеблется, с 2015 по 2017 г. он уменьшался с 43 до 25%, в 2018 г. стал равным 37,5%.

Основным топливно-энергетическим ресурсом, добываемым в Республике, является нефть (таблица 2).

Таблица 2. Производство нефтяного сырья в Республике Башкортостан за период с 2010 по 2019 г. (миллионов тонн) [1, 2, 3]

Показатели	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. в % к 2010 г.
Нефть, поступившая на переработку, млн тонн	27,8	25,6	24,8	25,4	25,0	25,5	91,7
Бензин автомобильный, млн тонн	5,4	5,3	4,7	4,7	4,6	5,0	93,0
Дизельное топливо, млн тонн	9,7	9,0	8,6	8,2	8,2	8,9	91,1
Мазут топочный, млн тонн	4,5	3,5	3,2	3,8	3,4	3,7	81,4

За период с 2010 по 2019 г. объемы производства нефти, направленной на переработку в Республике Башкортостан, уменьшились с 27,8 до 25,5 млн тонн, то есть на 8,3%. Объемы производства автомобильного бензина уменьшились с 5,4 до 5 млн

тонн, то есть на 7%. Объемы производства дизельного топлива уменьшились на 8,9%, мазута топочного – на 18,6%.

Темп сокращения объемов производства опережал темп сокращения численности работников, занятых в промышленной отрасли (таблица 3).

Таблица 3. Среднегодовая численность работников, занятых в промышленности Республики Башкортостан (тысяч человек) [1, 2, 3]

Показатели	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. в % к 2010 г.
Занято в экономике, тыс. чел.	1770,6	1759,9	1742,5	1730,1	1685,3	95,2
Обрабатывающие производства, тыс. чел.	225,0	208,2	198,3	192,1	190,4	84,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды, тыс. чел.	45,3	46,8	44,9	37,9	36,7	81,0
Добыча полезных ископаемых, тыс. чел.	32,5	31,6	32,7	31,8	32,0	98,5
Всего занято в промышленности, тыс. чел.	302,8	286,6	275,9	261,8	259,1	85,6
Удельный вес работников, занятых в промышленности, %	17,1	16,3	15,8	15,1	15,4	-1,7

Численность работников, занятых в экономике региона за период с 2010 по 2018 г. уменьшилась на 4,8%, составив 1685,3 тыс. человек. Наибольшее число работников занято в обрабатывающих промышленных производствах, однако численность работников в них за этот же период сократилась на 15,4%, составив 190,4 тыс. человек. Численность работников, занятых в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды, уменьшилась на 19%, составив 36,7 тыс. человек. В сфере добычи полезных ископаемых занятость уменьшилась незначительно, лишь на 1,5%, составив 32 тыс. человек. Всего в промышленности региона численность занятых уменьшилась с 302,8 до 259 тыс. человек, т.е. на 14,4%, а удельный вес работников, занятых в промышленности, уменьшился с 17 до 15,4%, т.е. на 1,7 п.п.

Таблица 4. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников предприятий и организаций Республики Башкортостан (тысяч рублей) [1, 2, 3]

Показатели	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. в % к 2010 г.
Добыча полезных ископаемых	32,4	46,2	54,4	50,5	58,5	180,6
Обрабатывающие производства	17,6	28,1	31,6	35,9	36,7	в 2,1 раза
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	20,6	31,8	33,6	39,3	41,9	в 2 раза

В 2018 году удельный вес работников, занятых в обрабатывающих производствах Республики, составил 11,3%, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – 2,2%, в добыче полезных ископаемых – 1,9%, т.е. всего – 15,4% экономически активного населения.

Рассмотрим размер среднемесячной номинальной заработной платы работников предприятий и организаций в таблице 4.

За период с 2010 по 2018 г. уровень среднемесячного размера оплаты труда был наиболее высоким именно в сфере добычи полезных ископаемых. В анализируемой динамике его уровень возрос на 80,6%, в обрабатывающих производствах – в 2,1 раза, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – увеличился в два раза.

Таким образом, сокращение физических объемов производства нефтяных ресурсов сопровождалось ростом оплаты труда работников отрасли и сокращением их численности.

Развитие экспортного потенциала Республики имеет важное значение для формирования валового регионального продукта (таблица 5).

Таблица 5. Экспорт промышленной продукции в Республике Башкортостан (млн долл. США) [1, 2, 3]

Показатели	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. в % к 2010 г.
Экспорт	9890,8	7518,2	5712,4	4273,7	4464,7	45,1
Минеральные продукты	8194,1	5768,6	4350,3	2433,1	2586,9	31,6
Продукция химической промышленности, каучук	784,2	631,6	601,1	734,8	771,7	98,4
Машиностроительная продукция	551,5	724,3	459,1	783,7	740,7	134,3
Металлы и изделия из них	254,6	258,7	156,2	142,0	130,8	51,4
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	46,3	49,9	62,7	73,7	80,0	172,8
Продовольственные товары и сырье	5,7	27,3	18,7	37,0	76,3	в 13,4 раза
Прочие товары	52,1	53,8	59,8	64,0	72,3	138,8
Текстиль, текстильные изделия и обувь	2,6	3,9	4,5	5,4	6,0	в 2,3 раза

Экспорт промышленной продукции из Республики Башкортостан за период с 2010 по 2018 г. уменьшился на 55%, в т.ч. минеральных продуктов – на 68,4%, продукции химической промышленности, каучука – на 1,6%, металлов и изделий из них – уменьшился на 48,6%. С одной стороны, это связано с ростом курса доллара

по отношению к рублю, с другой стороны, – экспортные цены на нефтяное сырье с 2012 года существенно снижались, были подвержены волатильности, что негативно сказывалось на экономических показателях. Объемы экспорта машиностроительной продукции в регионе увеличились на 34,3%, древесины и целлюлозно-бумажных изделий – возросли на 72,8%, прочих товаров – на 38,8%, текстиля, текстильных изделий и обуви – в 2,3 раза. Объемы экспорта продовольственных товаров к уровню 2010 г. сравнивать нецелесообразно, поскольку в 2010 г. в Российской Федерации наблюдался высокий уровень засухи, при котором значительная часть урожая во многих регионах, в т.ч. в Республике Башкортостан, погибла.

Исследование товарной структуры экспорта показано в таблице 6.

Таблица 6. Товарная структура экспорта промышленной продукции в Республике Башкортостан [1, 2, 3]

Структура экспорта	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2010 г. (+/-)
Минеральные продукты	82,8	76,7	76,2	57,0	58,0	-24,8
Продукция химической промышленности, каучук	7,9	8,4	10,5	17,2	17,3	+9,4
Машиностроительная продукция	5,6	9,6	8,0	18,3	16,6	+11,0
Металлы и изделия из них	2,6	3,4	2,7	3,3	2,9	+0,3
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	0,5	0,7	1,1	1,7	1,8	+1,3
Продовольственные товары и сырье	0,1	0,4	0,4	0,9	1,7	+1,6
Прочие товары	0,5	0,8	1,0	1,5	1,6	+1,1
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0	0	0,1	0,1	0,1	+0,1

В товарной структуре экспорта промышленной продукции Республики Башкортостан наибольший удельный вес всегда принадлежал минеральным продуктам. Однако значение данного показателя в анализируемой динамике уменьшилось с 82,8 до 58%. Удельный вес экспорта химической промышленности, каучука возрос с 7,9 до 17,3%, т.е. на 9,4 п.п.

Рассмотрим финансовые результаты деятельности нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий в таблице 7.

Из данных, представленных в таблице 7, следует, что продажа добытой в регионе сырой нефти и природного газа как в 2017, так и в 2018 году была убыточной для региона. При этом переработка нефтяного сырья (в частности, производство кокса и нефтепродуктов) являлась рентабельной.

В 2017 г. уровень рентабельности производства кокса и нефтепродуктов был равным 12,3%, в 2018 г. – 15,6%. Рентабельность активов, соответственно, – 22,7%

и 18,3%. Важно отметить, что доля коммерческих и управленческих расходов в себестоимости занимает довольно существенный удельный вес. В идеальном варианте целесообразно сократить численность административно-управленческого состава для снижения удельного веса управленческих расходов и повышения уровня рентабельности производства.

Таблица 7. Финансовые результаты деятельности нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий в Республике Башкортостан [1, 2, 3]

Показатели	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2017 г. (+/-)
Добыча сырой нефти и природного газа			
Рентабельность проданных товаров, %	-12,4	-3,5	+8,9
Рентабельность активов, %	+0,5	-9,7	-10,2
Доля коммерческих и управленческих расходов в себестоимости, %	20,1	24,1	+4,0
Производство кокса и нефтепродуктов			
Рентабельность проданных товаров, %	+12,3	+15,6	+3,3
Рентабельность активов, %	+22,7	+18,3	-4,4
Доля коммерческих и управленческих расходов в себестоимости, %	22,8	21,2	-1,6

Экономико-математический анализ факторов, оказывающих влияние на валовой региональный продукт Республики Башкортостан

С целью выявления факторов, оказывающих влияние на рост валового регионального продукта Республики Башкортостан с использованием эконометрического инструментария по данным за период 2000–2018 гг., нами был проведен специальный экономико-математический анализ.

Среди факторов экономического развития рассматривались следующие социально-экономические и демографические показатели за 2010–2018 гг. [1, 2, 3]:

- X_1 – индекс промышленного производства, %;
- X_2 – индекс физического объема продукции сельского хозяйства, %;
- X_3 – индекс тарифов на перевозки грузов железнодорожным транспортом, %;
- X_4 – индекс тарифов на грузовые перевозки (без железнодорожного транспорта), %;
- X_5 – инвестиции в основной капитал, млрд руб.;
- X_6 – индекс потребительских цен и тарифов на товары и услуги, % к предыдущему году;
- X_7 – индекс физического объема оборота розничной торговли, %;
- X_8 – численность безработных, тыс. чел.;
- X_9 – уровень зарегистрированной безработицы, % от численности рабочей силы;
- X_{10} – темпы роста реальных располагаемых денежных доходов населения, % к соответствующему периоду прошлого года;

1 Заметим, что разработка регрессионной модели в случае нестационарных временных рядов сводится к поиску коинтеграционного соотношения методом Энгла-Грэнджера, который предполагает, во-первых, изучение на основе расширенного теста Дикки-Фуллера структуры анализируемых рядов и построение регрессионного уравнения методом наименьших квадратов, во-вторых, тестирование стационарности остатков от полученного уравнения на основе теста Дикки-Фуллера.

- X_{11} – среднемесячная номинальная зарплата работников организаций, % к предыдущему году;
- X_{12} – объем экспорта товаров и услуг, млн долл. США;
- X_{13} – объем импорта товаров и услуг, млн долл. США;
- X_{14} – официальный курс рубля к доллару США, рублей за доллар;
- X_{15} – фактическое конечное потребление домашних хозяйств, млн руб.;
- X_{16} – среднегодовая цена барреля нефти марки Brent, долларов за баррель;
- X_{17} – индекс сальдированного финансового результата организаций (крупных и средних организаций), в разах к предыдущему году (в % к предыдущему году);
- X_{18} – ожидаемая продолжительность жизни населения, лет;
- уровень образованности населения (число лиц с высшим образованием на 1000 населения);
- X_{19} – заболеваемость на 1000 человек населения;
- X_{20} – удельный вес работников, занятых в отрасли промышленности, %;
- X_{21} – удельный вес работников, занятых в добыче полезных ископаемых, %;
- X_{22} – удельный вес работников, занятых в обрабатывающих производствах, %;
- X_{23} – численность студентов государственных средних специальных учебных заведений в расчете на 10 000 населения, человек;
- X_{24} – численность студентов государственных высших учебных заведений в расчете на 10 000 населения, человек;
- X_{25} – среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. человек.

В качестве зависимой переменной рассматривался валовой региональный продукт Республики Башкортостан (в млрд рублей). Эконометрическое моделирование осуществлялось на основе спецификации по типу расширенной функции Кобба-Дугласа в форме Я. Тинбергена, предусматривающей учет научно-технического прогресса:

$$y_t = A \cdot e^{\gamma \cdot t} \cdot \prod_k x_{k_t}^{\alpha_k} \cdot e^{u_t}, \quad (1)$$

где y_t – зависимая переменная, характеризующая экономический рост (ВРП или темп роста ВРП), x_{k_t} – факторы экономического роста, u_t – остатки регрессионного уравнения. Множитель $A \cdot e^{\gamma \cdot t}$ характеризует вклад научно-технического прогресса в экономический рост.

Оценивание модели (1) производилось в логарифмах в следующей форме¹:

$$\ln y_t = \ln A + \gamma \cdot t + \sum_k \alpha_k \cdot \ln x_{k_t} + u_t. \quad (2)$$

В результате эконометрического моделирования получены две альтернативные модели. Коэффициенты разработанных моделей, которые являются эластичностью (то есть процентным приростом ВРП (или темпов его роста) при 1%-ном изменении соответствующего фактора), представлены в таблицах 8, 9.

Теснота связи между факторами высокая: $R^2 = 99,7\%$. Приведенные коэффициенты являются статистически значимыми на основе t-критерия на высоком уровне достоверности. Разработанная модель признана адекватной на основе коэффициента детерминации, регрессионное уравнение в целом на основе F-критерия статистически значимо, факторы статистически значимы на основе t-критерия, мультиколлинеарность отсутствует.

Таблица 8. Результаты эконометрического моделирования валового регионального продукта Республики Башкортостан (млрд руб.) за 2000–2018 гг.

Факторы	Значение коэффициента	Значение t-статистики	Вероятность
Среднегодовая численность занятых в экономике	4,41	6,63	0,00
Объем экспорта товаров и услуг	0,18	5,81	0,00
Официальный курс рубля к доллару США	-0,17	-2,43	0,03
Тренд (временной фактор)	0,14	26,87	0,00
Константа (<i>ln A</i>)	-28,79	-5,81	0,00

Таким образом, результаты проведенного исследования показали, что на валовой региональный продукт Республики Башкортостан (ВРП РБ) оказывают влияние три основных фактора:

- 1) темп роста среднегодовой численности занятых в экономике;
- 2) объем экспорта товаров и услуг;
- 3) отношение официального курса рубля к доллару США.

Таблица 9. Основные статистики модели

Статистика	Значение	Статистика	Значение
R-квадрат	0,997447	Среднее зависимой переменной	6,411822
Скорректированный R-квадрат	0,996718	Среднеквадратическое отклонение зависимой переменной	0,780115
Стандартная ошибка регрессии	0,044691	Информационный критерий Акаике	-3,157133
Сумма квадратов остатков	0,027963	Информационный критерий Шварца	-2,908597
Логарифм функции правдоподобия	34,99277	Информационный критерий Ханнана-Куина	-3,115071
F-статистика	1367,636	Статистика Дарбина-Уотсона	2,005351
Вероятность (F-стат.)	0,000000		

Коэффициенты модели могут быть интерпретированы следующим образом:

- при увеличении темпа роста среднегодовой численности занятых в экономике на 1% ВРП РБ увеличится на 4,41%;
- при увеличении объема экспорта товаров и услуг на 1% ВРП РБ увеличится на 0,18%;
- при увеличении официального курса рубля к доллару США на 1% ВРП РБ снизится на 0,17%.

Моделирование также показало, что к существенным факторам роста валового регионального продукта Республики Башкортостан относятся:

- рост промышленного производства (эластичность темпа роста ВРП относительно индекса промышленного производства составляет 0,86%);
- индекс цен на грузовые перевозки (эластичность темпа роста ВРП относительно индекса цен на грузовые перевозки составляет 0,18%);
- объем экспорта товаров и услуг (эластичность ВРП относительно экспорта товаров и услуг составляет 0,86%).

Кроме того, в процессе исследования была эмпирически доказана зависимость ВРП РБ от внешних факторов:

- курса рубля к доллару (эластичность ВРП относительно курса рубля к доллару составляет -0,17%);
- цены барреля нефти (эластичность темпа роста ВРП относительно темпа роста цен барреля нефти составляет 0,20%).

Выводы

Проведенный нами анализ показал, что нефтяная отрасль для экономики Республики Башкортостан является основным источником пополнения регионального бюджета, а вклад промышленного производства в валовой региональный продукт составляет около 41%. При этом в промышленности используется около 62% общего объема потребляемой регионом электрической энергии.

Эксплуатационный фонд нефтяных скважин за анализируемый период сократился на 11%. Бездействующий фонд нефтяных скважин в регионе возрос на 18%, при этом удельный вес бездействующего фонда нефтяных установок возрос с 8,1% в 2010 г. до 10,8% в 2018 г.

Одновременно рос и износ основных производственных фондов, как в производстве нефти и природного газа (на 3,5 п.п.), так и при производстве кокса и нефтепродуктов (на 20,9 п.п.).

Наряду с тенденциями уменьшения эксплуатационного фонда нефтяных скважин (на 11%), ростом износа основных производственных фондов, общим сокращением физических объемов производства нефтяных ресурсов (8,3%) происходил рост оплаты труда работников отрасли (на 80–200%) и сокращение их численности (на 14,4%). За период с 2010 по 2018 г. уровень среднемесячного размера оплаты труда был наиболее высоким именно в сфере добычи полезных ископаемых. В анализируемой динамике его уровень возрос на 80,6%, в обрабатывающих производствах – в 2,1 раза, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – увеличился в 2 раза.

Удельный вес организаций, занимающихся инновационной деятельностью при производстве кокса и нефтепродуктов, колебался: в период с 2015 по 2017 г. он уменьшился с 43 до 25%, а с 2018 г. возрос и стал равным 37,5%.

За период с 2010 по 2019 г. объемы производства нефти, направленной на переработку в Республике Башкортостан, уменьшились с 27,8 млн тонн до 25,5 млн тонн, то есть на 8,3%. Объемы производства автомобильного бензина уменьшились с 5,4 до 5 млн тонн, то есть на 7%. Объемы производства дизельного топлива уменьшились на 8,9%, мазута топочного – на 18,6%.

Продажа добытой в регионе сырой нефти и природного газа как в 2017 г., так и в 2018 г. была убыточной для региона. При этом переработка нефтяного сырья (в частности, производство кокса и нефтепродуктов) была рентабельной.

Экспорт промышленной продукции из Республики Башкортостан за период с 2010 по 2018 г. уменьшился на 55%, в т.ч. минеральных продуктов – на 68,4%, продукции химической промышленности, каучука – на 1,6%, металлов и изделий из них – уменьшился на 48,6%.

В процессе проведенного нами корреляционно-регрессионного анализа эмпирически доказана зависимость валового регионального продукта Республики Башкортостан (ВРП РБ) от основных внешних факторов: курса рубля к доллару и цены барреля нефти. После исключения из модели этих показателей было установлено, что на ВРП РБ оказывают влияние: удельный вес среднегодовой численности работников, занятых в экономике; объем экспорта товаров и услуг; рост промышленного производства; индекс цен на грузовые перевозки и некоторые другие.

Библиографический список / [References](#)

1. *Промышленность Республики Башкортостан. Уфа: Башкортостанстат, 2016. – С. 57 (107 с.).*
2. *Промышленность Республики Башкортостан. Уфа: Башкортостанстат, 2017. – С. 56 (106 с.).*
3. *Промышленность Республики Башкортостан. Уфа: Башкортостанстат, 2019. – С. 89 -91 (134 с.).*
4. *Makhmutov A., Kolevid G., Kostyaev A., Degtyarev A., Nikonova G., Akhmetyanova A. (2019) Differentiation of the level of labour productivity and pay as the basis for changing the labor market. В сборнике: THE 13TH INTERNATIONAL DAYS OF STATISTICS AND ECONOMICS Conference Proceedings. The Department of Statistics and Probability and the Department of Microeconomics, University of Economics, Prague, Czech Republic; Faculty of Economics, The Technical University of Košice; The Ton Duc Thung University, Ho Chi Minh City, Vietnam. 2019. С. 1022–1032.*

Контактная информация / [Contact information](#)

ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан»,
450008, г. Уфа, ул. Кирова, д. 15.

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan,
15, Kirova Street, 450008, Ufa, Russia

Дегтярев Александр Николаевич / Alexander N. Degtyarev
aleks-degt@yandex.ru

СРЕДНИЙ УРАЛ В ТИСКАХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

THE MIDDLE URALS IN A TIGHT CORNER UNDER THE NEW NORMAL

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-445-450

СИЛИН Яков Петрович

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор

Yakov P. SILIN

Member of the Presidium of VEO of Russia, President of the Ural Branch of VEO of Russia Professor of Regional, Municipal Economics and Governance Department, Rector of the Ural State University of Economics, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

Статья посвящена анализу формирования новой реальности (на примере Среднего Урала) в связи с наступлением COVID-19. Автор показывает последствия распространения коронавируса в регионе и доказывает, что наиболее пострадали малые и средние предприятия, связанные с оказанием услуг, а также предприятия, вовлеченные в сферу внешнеэкономической деятельности. Отмечается вклад Среднего Урала в дело борьбы с коронавирусом. Более 50 предприятий региона выпускают продукцию медицинского назначения. В этой связи автор предлагает ряд мероприятий, направленных на смягчение действия негативных факторов кризиса 2020 года.

Abstract

The paper investigates the formation of the new normal triggered by the COVID-19 and considers the case of the Middle Urals. The author demonstrates consequences of the coronavirus spread in the region and proves that small and medium-sized enterprises involved in provision of services as well as enterprises performing foreign economic activities were the ones that suffered the most from the pandemic. The paper points to the Middle Urals contribution to the fight with the coronavirus. More than 50 enterprises in the region manufacture medical products. In line with this, the author suggests a number of measures aimed at mitigating the impact of the negative factors of the 2020 crisis.

Ключевые слова

Новая реальность, кризис, коронавирус, Средний Урал, пандемия, онлайн-режим, форс-мажор, системно-значимые предприятия и отрасли, финансовая поддержка, антикризисные меры.

Keywords

New normal, crisis, coronavirus, the Middle Urals, pandemic, online mode, force majeure, systemically important enterprises and industries, financial support, crisis measures.

Введение

Региональные проблемы становятся все более острыми и важными для страны на этапах кардинальных экономических, социальных и иных изменений и трансформаций. Среди последних концепций, объясняющих нынешнее состояние и динамику экономики страны и ее регионов, наибольшую известность получила концепция «New normal» («новая нормальность», «новая реальность»). Она была введена в научный оборот американскими экономистами в 2009 г., когда буйствовал мировой финансовый кризис. Основные аксиомы этой концепции – низкие темпы экономического роста, постоянная угроза бедности для определенных слоев населения, опасность роста безработицы и т.п. [1, 2, 3].

В одной из своих статей автор со своими коллегами показал, что и в экономическом пространстве Свердловской области находят отражение процессы новой реальности [4].

Основным признаком «новой нормы» является медленный экономический рост, и особенно промышленного производства, который является базовым фактором социально-экономического развития Среднего Урала (см. таблицу). Как показывает анализ, регион (и особенно промышленность) так и не сумел полностью выйти из лабиринта «новой нормальности».

Таблица. Динамика ВРП Свердловской области и доля промышленности в нем 2007–2018 гг.¹

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВРП, млрд руб.	820,7	923,5	825,2	1046,6	1265,7	1484	1568	1659	1822	1899	2020	2025
Доля промышленных отраслей, %	33,3	33,1	27,8	29,1	27,8	27,1	26,6	27,1	30,3	30,5	31,1	32,5

«Новая нормальность» в связи с распространением коронавируса – COVID-19 (**Corona Virus Disease 2019**) обогатилась новыми красками: пустующие города, неработающие предприятия, организации и учреждения, потухший трафик, застывшие на стоянках самолеты и автобусы, закрытые на длительный карантин стадионы, театры, музеи, учебные заведения. Привычная человеческая жизнь как будто поставлена на «паузу». Появились новые термины: удаленка, самоизоляция, защитные маски, перчаточный режим, социальная дистанция. Режим самоизоляции стал новым понятием, зафиксированным в официальных документах.

К отраслям и производствам, которые и раньше были в непростой экономической ситуации, в частности горно-металлургические отрасли, присоединились новые. Под молот пандемии попали туризм, общественное питание, различные услуги и развлечения, образование. Изоляция населения привела к многократному сокращению объемов авиационных, железнодорожных и автомобильных перевозок. Наиболее пострадавшей среди отраслей региональной экономики, вовлеченной в орбиту внешнеэкономической деятельности, оказалась сфера услуг, сопряженная с международными пассажирскими перевозками, международным

¹ Составлено автором по данным Росстата, сайт www.gks.ru.

туризмом, выставочной деятельностью. В связи с приостановкой зарубежных рейсов возникает угроза банкротства «Уральских авиалиний», одной из крупнейших авиакомпаний России. Ведь на международные рейсы приходится более 60% выручки авиакомпании. «Уральские авиалинии» серьезно страдают и от простоя самолетов, взятых в лизинг. Существующая крайне высокая вероятность полной отмены ИННОПРОМ-2020 с участием Италии и 7-й международной выставки Российско-Китайское ЭКСПО-2020 может привести к достаточно серьезным негативным экономическим последствиям.

Средний Урал – фронту борьбы с коронавирусом

Урал всегда славился своей крепостью. И сейчас следует оценить оперативность уральских предприятий, мобилизовавшихся на выпуск медицинской техники. В настоящее время здесь работают более 50 предприятий, выпускающих продукцию медицинского назначения. Среднегодовой объем выпуска превышает 6,5 млрд руб. Свердловская область была и остается лидером по производству аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ). Три из четырех предприятий, выпускающих ИВЛ, работают на территории Среднего Урала. Оборудование используется не только в Свердловской области, но и в других регионах страны. Екатеринбургский завод «ЭМА» получил заказ на изготовление 5 тыс. бактерицидных ламп. Уральские медики разработали методику реабилитации дыхательных путей и в первую очередь для тех больных, кто был подключен к аппарату искусственной вентиляции легких. Учить заново дышать – это не только медицинская проблема, но и экономическая: ведь половина больных коронавирусом – это люди в трудоспособном возрасте.

Чем полезным оказался кризис?

Кризис сыграл позитивную роль в ускорении внедрения цифровых технологий, в активном использовании виртуального пространства. Практически вся жизнь человека переходит в онлайн-режим: работа, обучение, встречи, праздники.

Так, все учебные заведения, включая вузы, с начала эпидемии перешли на работу в дистанционном формате. Переход на дистанционное обучение стал испытанием для всех, начиная от ректора (директора) и кончая младшим обслуживающим персоналом. В таких сложных условиях качество обучения ни в бакалавриате, ни в магистратуре, ни в аспирантуре не должно пострадать. Наша задача на будущее – обеспечить гармоничное, сбалансированное развитие электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в сочетании с традиционными форматами преподавания. Хотя для Уральского государственного экономического университета дистанционное обучение не явилось чем-то необычным. Расцвел онлайн-бизнес, активизировались онлайн-мероприятия, особенно в сфере культуры.

Стали очевидными последствия тотальной подмены системы охраны здоровья людей платными медицинскими услугами. Частные медицинские организации чаще всего не могут иметь ни резервных больничных коек, ни резервной медицинской аппаратуры, ни резерва врачей на случай эпидемии, поскольку это приводит к снижению прибыльности их деятельности.

В формат телемедицинских консультаций планируется перевести до половины консультационных приемов. Переход на дистанционку продиктован необходимостью снижения рисков распространения COVID-19, обеспечив при этом необхо-

димый уровень медицинской помощи. Врачи могут сделать видеозвонок, увидеть пациента и оценить его состояние.

В Свердловской области заметно сократилось количество выбросов загрязняющих веществ в атмосферу после начала действий ограничений, связанных с пандемией коронавируса. В итоге заметим, что пандемия закончится, а бесценный опыт останется. Как в известной песне из кинофильма «Белорусский вокзал»: «...когда-нибудь мы вспомним это, а не поверится самим...».

Что делать региону в условиях пандемии и постпандемического мира?

Региональные власти разработали совокупность мероприятий по ключевым направлениям — налоговым, финансовым, имущественным, организационным, которые способны обеспечить смягчение действия негативных факторов кризиса 2020 г.

1. Следует признать распространение вируса COVID-19 в Свердловской области форс-мажором — действием непреодолимой силы, непредсказуемым событием (согласно законодательству это может быть как стихийное бедствие, так и эпидемия), не зависящим от воли сторон, участвующих в сделке, но ведущим к невозможности исполнения договорных обязательств.

Факт признания распространения вируса форс-мажорным обстоятельством позволит избежать штрафных санкций по сделкам, которые составляют от 0,1 до 0,5% от стоимости контракта за каждый день просрочки поставок. Задержка на 2–3 недели полностью приводит к убыточности сделок. В настоящее время поставки не могут быть объективно исполнены в срок, поскольку идут серьезные задержки комплектующих из-за рубежа (особенно из Германии, в частности Siemens, США, Китая, Франции, Италии и других крупнейших внешнеторговых поставщиков Свердловской области, где в настоящее время введены карантинные ограничения). В Москве данное решение принято.

2. Предусмотреть предоставление организациям, в наибольшей степени оказавшимся под воздействием негативных факторов кризиса (потребительский сектор, туристический и гостиничный сектор, малый и средний бизнес в области обрабатывающих производств, сфера услуг, в области здравоохранения и социальных услуг, в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений), налоговых каникул по областным и муниципальным налогам на срок не менее 1 года (в частности, на налоги на доходы физических лиц, по транспортному налогу, налогу на имущество, налог на землю и др.) либо существенно снизить ставки. Предусмотреть снижение выплат во внебюджетные фонды — Пенсионный фонд, Фонд медицинского страхования, Фонд социального страхования.

3. Предоставить ипотечные каникулы семьям с детьми и другим социально незащищенным группам заемщиков. Оценить масштаб списания части ипотечных долгов, списать их и таким образом поддержать внутренний спрос населения. Это кажется лучшей и более безопасной мерой, чем сейчас просто выдавать льготные кредиты промышленности, которая их не вернет на низком спросе. В связи с «закредитованностью» населения и бизнеса постараться минимизировать потери, связанные с отсрочкой уплаты процентов по кредитам, аренде помещений и ипотеке.

4. Предусмотреть возможность разработки программы мер по обеспечению устойчивого социально-экономического развития Свердловской области в 2020 г., в том числе с учетом обновления и утверждения списка системно-значимых предприятий и отраслей для экономики региона и муниципальных образований.

В целях сохранения рабочих мест, удержания социальной стабильности и укрепления производственных показателей в Свердловской области был сформирован и утвержден губернатором список из около 150 системообразующих предприятий, оказывающих определенное влияние на развитие области.

В него вошли горно-металлургический комплекс, машиностроение, химическая и легкая промышленность, производство строительных материалов, лесопромышленный, агропромышленный, топливно-энергетический и строительный комплексы, а также ЖКХ, транспорт, здравоохранение и образование (12 университетов).

5. На поддержку малого и среднего бизнеса Свердловской области из резервного фонда Правительства РФ поступило около 130 млн руб. Это самая крупная сумма в России. Общий же объем дополнительной финансовой поддержки составит 193,5 млн руб. Средства будут направлены предпринимателям в виде микрозаймов, а также на обеспечение привлекаемых бизнесом банковских кредитов.

Ранее глава региона принял решение о выделении из областного бюджета 400 млн руб. – на предоставление предпринимателям льготных займов, а также на единовременную выплату самозанятым.

6. Предусмотреть реализацию антикризисных мер в следующих направлениях: обеспечение финансовой стабильности за счет расширения доступа к финансовым ресурсам, включая субсидирование ставок по кредитам, выданным под реализацию крупных инвестиционных проектов, а так же малому и среднему бизнесу; поддержка финансовой устойчивости отраслей и секторов экономики за счет снижения налоговой и финансовой нагрузки на бизнес; поддержка и смягчение социальных проблем, развитие рынка труда; стимулирование внутреннего спроса; поддержка инфраструктурных отраслей (прежде всего авиатранспорта и туристической деятельности); создание системы льгот и преференций торговым и транспортным организациям с целью создания ими запасов товаров первой необходимости. Сохранить поддержку развития инновационной и промышленной инфраструктуры. Следует продолжать инвестировать в дороги и в ЖКХ, снижая логистические расходы и потери ресурсов в среднесрочной перспективе. Это не сильно, но все равно поддержит экономику. Нужно будет оценить новые более или менее крупные инвестиционные проекты, замещающие импортные материалы и комплектующие для самых «живых» отраслей: строительство дорог, ремонт, ЖКХ, сельское хозяйство, производство пищевых продуктов и т.д.

7. После окончания пандемии в экономике региона произойдут важные изменения. Глубокая депрессия приведет к трансформации модели социально-экономического развития Среднего Урала, потребуются создавать новые точки роста, которые способны быстро отвечать на вызовы внутренней и внешней среды. В социальном плане кризис, вызванный пандемией, будет глубже, чем в прежние годы. Придется существенно усилить здравоохранительный сегмент.

Компаниям будет труднее получить долгосрочные кредиты под низкие проценты, при этом возникает необходимость перестроить многие бизнес-процессы под новую реальность. Возникает необходимость снизить на предприятиях себестоимость продукции, в том числе и за счет ее унификации. В то же время и потребители продукции начнут более рационально подходить к своим тратам, отказываясь от излишеств. В ближайшие годы становится типичным возврат суверенитета производителю товаров и услуг, именно он будет решать, что и как ему производить. К этому следует добавить, что одним из способов сокращения издержек произво-

дителей будет быстрое внедрение цифровизации и робототехники. Как считают эксперты, применение промышленных роботов позволяет увеличить эффективность выполнения операции на производстве не менее чем на 40%. Быстрое проникновение роботов будет наблюдаться на транспорте и в логистике.

В посткоронавирусном мире неизбежно усилится роль государства, способного бороться с новыми внешними угрозами и вызовами. Видимо, увеличится доля государства в формировании и развитии региональной промышленной политики.

Сколько времени займет борьба с коронавирусом, пока не ясно, прогнозы вирусологов разнятся, причем специалисты не исключают повторных вспышек заболевания. Судя по всему, создание условий борьбы с коронавирусом остается актуальными и долгосрочным. Необходимо разрабатывать четкие планы вывода экономики на опережающий уровень развития.

Библиографический список / **References**

1. El-Erian M.A. (2009). *New Normal. PIMCO Secular Outlook*.
2. El-Erian M.A. (2010, October 10). *Navigating the New Normal in Industrial Countries. The Per Jakobsson Lecture, Per Jakobsson Foundation. Washington, D.C.*
3. Gross W.H. (2009, September). *On the «Course» to a New Normal. Investment Outlook*.
4. Силин Я.П., Анимитца Е.Г., Новикова Н.В. «Новая нормальность» в Российской экономике: региональная специфика // *Экономика региона*. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 714–725. / *Silin Y.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. «New Normality» in the Russian economy: regional specifics // Regional Economy*. 2016. V. 12. Issue. 3, p. 714–725.

Контактная информация / **Contact information**

ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45.

Ural State University of Economics, 62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Yekaterinburg 620144, Russia

Силин Яков Петрович / Yakov P. Silin

+7 (343) 283-11-11, odo@usue.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

ESTIMATION OF EFFICIENCY OF THE STATE SUPPORT OF AGRICULTURE

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-451-456

АКМАРОВ Петр Борисович

Президент Союза экономистов Удмуртской Республики, к.э.н., профессор

Petr B. AKMAROV

President of the Union of economists of the Udmurt Republic, PhD in Economics, Professor

КНЯЗЕВА Ольга Петровна

Доцент Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, к.э.н.

Olga P. KNIAZEVA

Senior Lecturer, Izhevsk state agricultural academy, PhD in Economics

В статье приведен анализ развития сельского хозяйства России за последние годы во взаимосвязи с элементами государственной поддержки отрасли. Показана роль государственного регулирования в обеспечении продовольственной безопасности страны, особенности его применения в условиях рыночной экономики. Приведен анализ влияния государственной поддержки на социально-экономическое развитие сельского хозяйства. Дана оценка эффективности инвестиций в аграрном производстве. Выделены существующие недостатки экономических механизмов поддержки крестьянства.

Abstract

In article the analysis of development of agriculture of Russia during the last years in interrelation with elements of the state support of branch is resulted. The state regulation role in maintenance of food safety of the country, feature of its application in the conditions of market economy is shown. The analysis of influence of the state support on social and economic agriculture developments is resulted. The estimation of efficiency of investments in agrarian manufacture is given. Existing errors of economic mechanisms of support of peasantry are allocated.

Ключевые слова

Сельское хозяйство, государственная поддержка, эффективность инвестиций, производительность труда, льготное кредитование, технологическая трансформация.

Keywords

Agriculture, state support, efficiency of investments, labour productivity, preferential crediting, technological transformation.

Сельское хозяйство России исторически является основой развития экономики страны, и сегодня оно выделяется как одно из наиболее стабильно и быстро растущих секторов производства. Объективными условиями такого развития являются огромные трудовые, материальные, биологические и земельные ресурсы, сосредоточенные в аграрном производстве. Сельское хозяйство создает основу продовольственной безопасности государства, поэтому во всем мире огромное внимание уделяется регулированию аграрного производства.

В истории развития отечественного сельского хозяйства ему в разной степени всегда оказывалась государственная поддержка. От эффективности механизмов этой поддержки существенно зависят темпы развития отрасли.

В начале 90-х годов свободная конкуренция на рынке продукции сельского хозяйства в условиях либеральной экономики и неконтролируемого диспаритета цен со смежными отраслями, поставляющими технику, энергоресурсы, топливо, семена, материалы, удобрения и т.д. в сочетании с диктатом условий со стороны переработчиков и потребителей оказали сильное негативное воздействие на развитие сельского хозяйства.

К началу развала СССР Россия являлась крупнейшим экспортером аграрной продукции. Она производила 5,7% мирового объема мяса и зерна, более 10% молока и почти 8% яиц. В сельском хозяйстве работало почти 26 тысяч колхозов и совхозов. По показателям развития аграрного сектора экономики Россия значительно опережала многие развитые страны мира.

В результате непродуманных реформ начала 90-х, когда государственное регулирование было сведено к минимуму, сельское хозяйство в основном развивалось стихийно. Хотя следует отметить, что в этот период выполнялась специально разработанная программа развития сельского хозяйства, которая была направлена в основном на реорганизацию совхозов и колхозов и создание рыночной и финансовой инфраструктуры в аграрном секторе экономики. Но эта программа существенной поддержки развитию села не могла оказать.

В итоге к 1998 году страна попала в продовольственную зависимость от импорта, особенно по животноводческой продукции. После распада СССР поголовье животных всех видов за несколько лет сократилось более чем в два раза, сокращение производства зерна составило более 40%. За период с 1991 по 1998 год заработная плата работников в сельском хозяйстве сократилась в два раза, на такую же величину сократилась их численность. В конце 90-х годов прошлого столетия доля сельского хозяйства в ВВП России упала с 16,4 до 6% [1]. В 1997 году 82% сельскохозяйственных организаций работали убыточно.

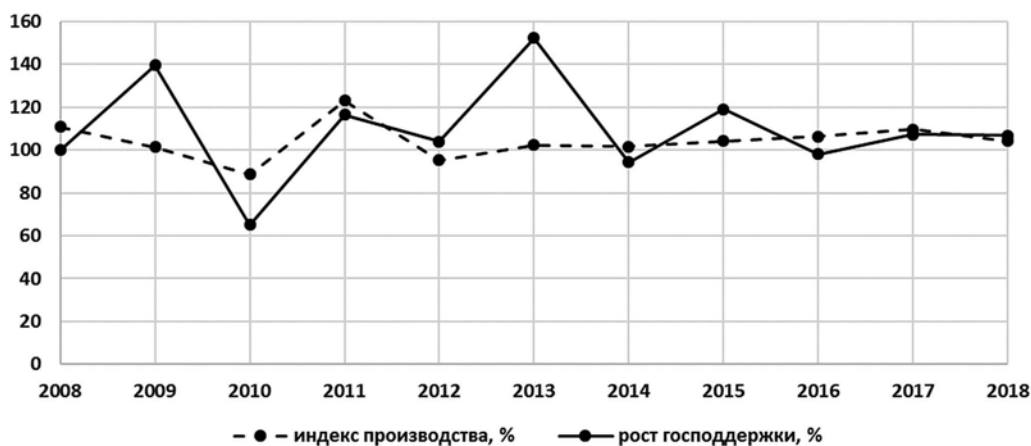
После глобального экономического кризиса 1998 года влияние государства на процессы, происходящие в агропромышленном комплексе, стало усиливаться, и это позволило стабилизировать аграрное производство. В этот период ежегодные темпы роста производства в аграрном секторе составляли от 2 до 2,5%. На защиту отечественного товаропроизводителя были направлены в основном ограничительные меры в виде квотирования импорта, ввозных пошлин, налоговых льгот для селян и т.д. Большое влияние на развитие отрасли оказали региональные меры поддержки, поэтому разрыв в уровне развития сельского хозяйства между территориями страны усиливался.

Систематическая и целенаправленная политика государственной поддержки агропромышленного комплекса России началась с принятием в 2006 году Феде-

рального закона «О развитии сельского хозяйства»¹. В реализации положений указанного закона в 2007 году была принята государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы, которая выделила главные направления развития сельского хозяйства. Из федерального бюджета по этой программе планируется выделение на пятилетний период более 500 млрд рублей, а фактически выделяется еще больше – почти 646 млрд рублей. Уже в 2008 г. на развитие отрасли в виде государственной поддержки направляется 118 млрд руб. В последующие годы эта сумма возрастает и достигает 130 млрд руб. в 2012 году. Почти половина выделенных средств направляется на стабилизацию финансового положения сельскохозяйственных организаций в виде субсидирования процентной ставки по кредитам [2].

Необходимо отметить, что эффект указанной программы оказался весьма существенным, поэтому она регулярно пересматривается и продолжает действовать и сегодня. Однако сами механизмы государственного регулирования за этот период были значительно скорректированы, особенно после вступления страны в ВТО в 2012 г. [3]. Таким образом, за счет государственной поддержки по федеральной программе развития сельского хозяйства удалось добиться стабильного развития отрасли и улучшения социально-экономического положения на селе (рис. 1).

Рис. 1.
Динамика влияния государственной поддержки на аграрное производство

За счет выделяемых ресурсов сельскохозяйственные организации получили доступ к кредитным ресурсам и выгодные условия развития бизнеса. Благодаря этому в сельском хозяйстве началась технологическая трансформация, переход на современное технологическое оборудование, внедрение в производство научных достижений, что позволило значительно улучшить экономические показатели аграрного производства² (таблица 1).

¹ Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29.12.2006 № 264-ФЗ.

² Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2018 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.».

Таблица 1. Основные итоги развития сельского хозяйства России за 2008–2018 годы

Годы	Выделено средств федерального бюджета, млрд руб.	Валовая добавленная стоимость сельского хозяйства, млрд руб.	Рост производства продукции сельского хозяйства, %	Уровень рентабельности аграрного производства, %	Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве, тыс. руб.	Индекс производительности труда, %
2008	118,3	1651,1	110,8	14,8	8,6	113,0
2009	165,0	1668,7	101,4	9,4	9,9	109,2
2010	107,3	1451,5	88,7	8,3	11,1	103,2
2011	125,0	1986,3	123,0	11,8	13,0	103,8
2012	130,0	1979,6	95,2	12,1	14,9	103,0
2013	197,9	2193,4	102,2	7,3	16,9	106,2
2014	186,6	2656,3	101,6	16,1	19,2	103,3
2015	222,3	3214,8	104,2	20,3	21,6	104,2
2016	218,1	3312,2	106,3	16,4	24,1	102,6
2017	233,8	3270,3	109,6	12,0	26,3	105,3
2018	249,5	3268,6	104,2	12,6	28,9	101,0

Так, например, в 2018 году только на поддержку инвестиционных кредитов сельскому хозяйству было выделено более 174 млрд руб. кредитных средств. Кроме того, еще 433 млрд руб. выделено на краткосрочные кредиты [4]. В результате такой поддержки аграрная отрасль страны вошла в число лидирующих по темпам экономического развития, намного опередив среднероссийские показатели как по росту валовой добавленной стоимости отрасли, так и по увеличению производительности и привлекательности сельского труда.

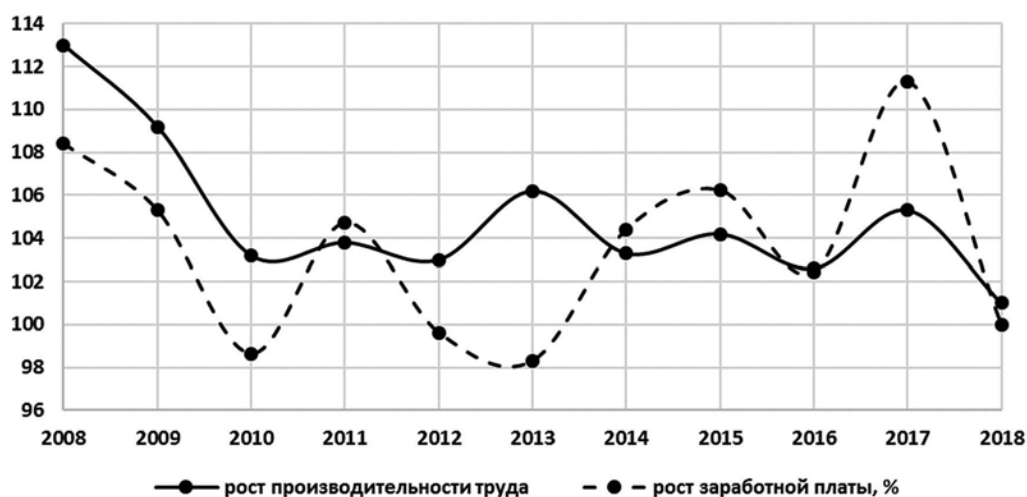
За период с 2013 по 2018 год заработная плата в сельском хозяйстве выросла более чем на 70% и сегодня составляет 66% от средней величины показателя по экономике в целом (рис. 2). Вполне очевидно, что рост доходов сельского населения обусловлен, прежде всего, увеличением производительности труда. Начиная с 2000 года среднегодовой рост производительности труда в сельском хозяйстве составляет почти 5%.

Сегодня из более чем 350 тысяч сельских товаропроизводителей страны почти 95% работают с положительной рентабельностью (таблица 2). Средняя величина показателя рентабельности в 2018 году составила 12,5% с учетом субсидий и 6,4% без учета субсидий [5]. В целом по стране в валовой добавленной стоимости сельского хозяйства государственная поддержка составляет от 5 до 9%. При отсутствии государственной поддержки доля рентабельных сельскохозяйственных организаций сократилась бы до 35%.

Таблица 2. Изменение рентабельности работы сельскохозяйственных организаций России

Уровень рентабельности, %	Доля хозяйств в 2017 году, %	Доля хозяйств в 2018 году, %	Изменение, %
Выше 50	10,3	10,3	0
20–50	20,6	19,5	-1,1
10–20	16,8	17,6	0,8
0–10	35,4	35,8	0,4
Менее 0	16,9	16,8	-0,1

Рис. 2.
Динамика ежегодного роста производительности труда и заработной платы

Необходимо отметить, что государственное регулирование развития аграрного сектора экономики включает не только прямую поддержку в виде субсидирования процентных ставок по кредитам. Поддержка села со стороны государства сегодня осуществляется также посредством регулирования цен и тарифов, налоговых преференций, которые напрямую к государственной поддержке не относятся, но тоже играют немалую роль в развитии села [6].

Львиная доля государственной поддержки сельского хозяйства направляется на обновление основных фондов отрасли и частично на краткосрочное кредитование текущих расходов. Как показывают наши исследования, эффект последствия инвестиционных вложений в аграрном производстве ощущается в течение не менее 15 лет, а средний срок их окупаемости составляет 4 года. С учетом этих особенностей на каждый рубль государственной поддержки сельское хозяйство отзывается прибавкой валовой добавленной стоимости отрасли на 13–15 рублей.

Необходимо отметить, что при положительной динамике развития отрасли в целом, имеются и отдельные недостатки, связанные с государственной поддержкой сельских товаропроизводителей. Помимо излишней бюрократизации процессов доведения выделяемых средств до производителей, многим организациям, особенно мелким,

сложно выполнить условия получения льготных ресурсов. Поэтому механизмы государственной поддержки нуждаются в совершенствовании.

В соответствии с государственной программой общее увеличение продукции сельского хозяйства всех категорий в 2020 году по отношению к 2012 году должно составить 24,8%. Уровень рентабельности сельхозпредприятий должен повыситься на 10–15%. Для решения этих задач государство выделяет почти 1,5 трлн рублей. Это огромные деньги, при эффективном использовании которых сельское хозяйство обеспечит не только продовольственную безопасность страны, но и существенно нарастит экспортный потенциал отрасли.

Библиографический список

1. Svatoš M., Smutka L., Ishchukova N. *The position of agriculture in Russian Federation – the last two decades development overview* // *Agricultural Economics*. – Czech, 2014, № 60, pp. 589–502.
2. Шкарупа Е.А., Переходов П.П. *Кредитование сельского хозяйства: особенности, проблемы, тенденции развития* // *Региональная экономика: теория и практика*. 2015. № 44. С. 52–56.
3. Акмаров П.Б., Березкина К.Ф. *Особенности и проблемы интеграции сельского хозяйства России в мировую экономику* // *Аграрный вестник Урала*. 2008. № 7. С. 12–13.
4. Ушачев, И.Г. *Основные направления стратегии устойчивого социально-экономического развития АПК России* / И.Г. Ушачев // *АПК: экономика, управление*. 2017. № 6. С. 4–24.
5. Чекалин, В.С. *Драйверы роста в аграрном секторе экономики России* / В.С. Чекалин // *Прикладные экономические исследования*. 2017. № 82. С. 86–91.
6. Акмаров П.Б., Абрамова О.В., Князева О.П. *Инвестиции в цифровую экономику как фактор роста производительности труда в сельском хозяйстве* // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2019. № 4 (218). С. 564–572.

References

1. Svatoš M., Smutka L., Ishchukova N. *The position of agriculture in Russian Federation – the last two decades development overview* // *Agricultural Economics*. – Czech, 2014, № 60, pp. 589–502.
2. Shkarupa E.A., Perehodov P.P. *Kreditovanie sel'skogo hozjajstva: osobennosti, problemy, tendencii razvitija* // *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*. 2015. № 44. S. 52–56.
3. Akmarov P.B., Berezkina K.F. *Osobennosti i problemy integracii sel'skogo hozjajstva Rossii v mirovuju jekonomiku* // *Agrarnyj vestnik Urala*. 2008. № 7. S. 12–13.
4. Ushachev, I.G. *Osnovnye napravlenija strategii ustojchivogo social'no-jekonomicheskogo razvitija APK Rossii* / I.G. Ushachev // *APK: jekonomika, upravlenie*. 2017. № 6. S. 4–24.
5. Chekalin V.S. *Drajvery rosta v agrarnom sektore jekonomiki Rossii* / V.S. Chekalin // *Prikladnye jekonomicheskie issledovanija*. 2017. № 82. S. 86–91.
6. Akmarov P.B., Abramova O.V., Knjazeva O.P. *Investicii v cifrovuju jekonomiku kak faktor rosta proizvoditel'nosti truda v sel'skom hozjajstve* // *Trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii*. 2019. № 4 (218). S. 564–572.

Контактная информация / Contact information

Ижевская государственная сельскохозяйственная академия,
426069, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11.
Izhevsk State Agricultural Academy, 11, Student Street, 426069, Izhevsk, Russia
Акмаров Петр Борисович / izgsha_ur@mail.ru
Князева Ольга Петровна / izgsha_ur@mail.ru

ПРОГНОЗЫ И ОЦЕНКИ РОЛИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИ- МАТЕЛЬСТВА В РАЗВИТИИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ПОСТПАНДЕ- МИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

FORECASTS AND ASSESSMENTS OF THE ROLE OF SMALL ENTRE- PRENEURSHIP IN THE DEVELOP- MENT OF THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY: A POST-PANDEMIC SYNDROME

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-457-467

УСЕНКО Людмила Николаевна

Научный руководитель ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», председатель Ростовского регионального отделения ВЭО России, Заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор

Lyudmila N. USENKO

Scientific Director of the Rostov State Economic University, Chairman of the Rostov Regional Branch of VEO of Russia, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economic Sciences, Professor

ТАРАСОВ Александр Николаевич

Доцент кафедры анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Почетный работник науки и техники России, Почетный работник АПК России, к.э.н., доцент

Alexander N. TARASOV

Associate Professor of the Department of Analysis of Economic Activities and Forecasting, Rostov State University of Economics, Honorary Worker of Science and Technology of Russia, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, PhD in Economics, Associate Professor

ДРОБИН Юрий Дмитриевич

Ведущий научный сотрудник, Северо-Кавказский зональный научно-исследовательский ветеринарный институт – филиал ФГБНУ «Федеральный Ростовский аграрный научный центр», к.с.-х.н., доцент

Yuri D. DROBIN

Leading Researcher, North Caucasian Zonal Research Veterinary Institute – branch of Federal Rostov Agrarian Research Center, Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor

Аннотация

В статье на основании результатов прогнозных расчетов и анализа текущих тенденций развития российского сельского хозяйства представлена оценка роли малого и среднего предпринимательства (SME) в производстве сельскохозяйственной продукции, в том числе продукции органического земледелия на период до 2025 года. В результате исследования обоснованы перспективы участия SME в производстве органической продукции, установлены факторы и угрозы, оказывающие влияние на развитие малого предпринимательства, его участие в производстве органической продукции сельского хозяйства. Исследуются последствия пандемии COVID-19 на способность SME работать в постпандемической экономике.

Abstract

Based on the results of forecast calculations and analysis of current trends in the development of Russian agriculture, the article presents an assessment of the role of small and medium enterprises (SME) in agricultural production, including organic farming for the period up to 2025. As a result of the study, the prospects for SME participation in the production of organic products are substantiated, factors and threats that influence the development of small business, its participation in the production of organic agricultural products are identified. The effects of the COVID-19 pandemic on the ability of SMEs to work in a post-pandemic economy are being investigated.

Ключевые слова

Малое предпринимательство, органическое сельское хозяйство, земледелие, продукция, прогноз, пандемия, экономика.

Keywords

Small business, organic agriculture, agriculture, production, forecast, pandemic, economy.

В последнее время большую популярность набирают понятия «органическое земледелие», «органическая сельскохозяйственная продукция», которые являются, скорее всего, очередным модернизационным проектом, призванным продолжить решение задач продовольственного обеспечения, качественного и здорового питания населения, рентабельности производства сельскохозяйственной продукции в России. В течение всей недавней истории страны модернизационные новации в сельском хозяйстве имели циклический характер. Химизация, мелиорация, программирование урожаев, безотвальная обработка почв, интенсивные технологии в первую очередь решали задачу наращивания объемов производства сельскохозяйственной продукции, а на втором месте стояли экономические вопросы. Меньше внимания уделялось качеству продовольствия и в значительной мере игнорировались экологические проблемы.

Однако почвенно-климатические условия Российской Федерации и геополитические тенденции последних лет [1] заставляют полагать, что органическое земледелие является для нашей страны не проходящим модернизационным проектом, а фактором сохранения социального контроля над сельскими территориями и геополитической стабильности. По результатам исследований, выполненных во Всероссийском НИИ экономики и нормативов, следует отметить, что только экстенсивные (неиндустриальные) технологии возделывания сельскохозяйственных культур экономически целесообразно применять на 10% площади посевов, на 40% посевных площадей – ресурсобеспечивающие технологии, на 50% – технологии 5-го и 6-го технологических укладов [2, с. 92]. Еще одним фактором, открывающим возможности для развития органического земледелия, является то, что около 50% сельскохозяйственной продукции в России производится с использованием доиндустриальных технологий, остальные ее объемы производятся на основе технологий 2-го технологического уклада, частично – 3-го и не более 1% – на основе технологий более высоких технологических укладов [3, с. 32]. Такое соотношение технологической многоукладности российского сельского хозяйства – наличие до 41 млн га заброшенных сельхозземель [3, с. 32], позволяют при условии нормального ресурсного обеспечения к 2030 году производить 158 млн т зерновых и зернобобовых культур, 70,3 млн т картофеля и овощебахчевых культур, 14,7 млн т плодов [2, с. 98]. При этом объем производимой органической сельскохозяйственной продукции может составить: зерновых и зернобобовых культур – 5,857 млн т; картофеля и овощебахчевых культур – 2,663 млн т; плодов – 762,3 тыс. т [2, с. 139].

По результатам наших прогнозов можно сделать вывод о том, что посевы сельскохозяйственных культур по технологиям органического земледелия без ущерба продовольственной безопасности России могут занимать не более 20% посевных площадей сельскохозяйственных культур [2, с. 92], что позволяет прогнозировать следующие объемы производства органической продукции сельского хозяйства: зерновые и зернобобовые культуры – 10662,7 тыс. т; картофель и овощебахчевые культуры – 5063,1 тыс. т; плоды – 1363,0 тыс. т [2, с. 146–147].

Исходя из критериев технологий органического земледелия к ним мы можем отнести доиндустриальные технологии, а также технологии второго и третьего технологических укладов. Как нами уже отмечалось выше, более половины сельскохозяйственной продукции в России производится по доиндустриальным технологиям, составляющим технологическую базу личных подсобных хозяйств [3, с. 32]. Еще 10% сельскохозяйственных организаций в своей производственной деятельности используют индустриальные технологии, технологии точного земледелия, ресурсосберегающие технологии (технологии 4-го и 5-го технологических укладов) и имеют кадровый и ресурсный потенциал, достаточный для перехода на технологии 6-го технологического уклада [3, с. 33]. В настоящее время фермерские хозяйства и хозяйства жителей сельских поселений располагают 16,5% всех сельхозугодий России и на них приходится 32,8% всех посевных площадей. Напрашивается вывод о том, что основными производителями органической сельскохозяйственной продукции в России могут стать личные подсобные хозяйства сельского населения, другие малые формы предпринимательства на селе. По данным Союза органического земледелия [<https://soz.bio>], в России по Стандартам органического земледелия сертифицировано 29 тыс. га сельхозугодий и 70 сельскохозяйственных товаропроизводителей, из них 37,1% относятся к малым формам хозяйствования (SME).

За 2005–2017 гг. доля личных подсобных хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции сократилась с 49,3% в 2005 году до 32,4% в 2017 году [4, с. 126]. За этот период времени удельный вес крестьянских хозяйств в объемах произведенной продукции сельского хозяйства увеличился более чем в 2 раза: с 6,1% в 2005 году до 12,5% в 2017 году. В целом доля SME в производстве сельхозпродукции имела тенденцию к снижению. Сектор SME произвел в 2005 году 55,4% продукции, в 2017 году – 44,9%. Результаты наших прогнозов дают основания предполагать, что в среднесрочной перспективе эти тенденции в развитии российского сельского хозяйства могут сохраниться. В 2025 г., по прогнозам, SME произведет 42,6% сельскохозяйственной продукции. При этом роль ЛПХ в сельскохозяйственной производстве продолжит снижение, и к 2025 г. подсобные хозяйства сельского населения могут произвести чуть более четверти всей сельскохозяйственной продукции. Согласно результатам прогнозирования тенденция расширения масштабов экономической деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств (индивидуальных предпринимателей) продолжит развитие, однако темпы их развития замедлятся. К 2025 г. крестьянские хозяйства с большой долей вероятности будут производить 17,2% всей продукции сельского хозяйства Российской Федерации [4, с. 126].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в секторе SME наблюдаются тенденции снижения численности хозяйств. За 2006–2016 гг. по результатам сельскохозяйственных переписей численность крестьянских (фермерских) хозяйств снизилась на 38,7%, хозяйств населения – на 36,3%. В группе личных подсобных хозяйств происходит снижение доли хозяйств, ведущих сельскохозяйственную деятельность. Если в 2006 году доля ЛПХ, ведущих хозяйство, составляла 88,7%, то в 2016 году таких хозяйств стало 79,7%. Демографический фактор, падение уровня доступности социальных услуг в сельской местности, падение значения подсобного хозяйства как института, смягчающего последствия трансформационного и экономического кризисов, технической рецессии и обусловили выше названные тенденции.

Тенденция сокращения числа крестьянских (фермерских) хозяйств в секторе SME сопровождается увеличением доли хозяйств, ведущих сельскохозяйственную деятельность. В общей численности зарегистрированных фермеров она увеличилась с 51,7 до 66,1%.

Эта категория хозяйств производит 1/3 продукции зерновых культур в Российской Федерации. В 2018 году крестьянские хозяйства произвели на 19,2% зерновых меньше, чем в 2017 году. Однако производство скота и птицы на убой в убойном весе в эти два года увеличилось на 5,4%, молока – на 5%, яиц – на 0,2%. Производство шерсти сократилось в крестьянских (фермерских) хозяйствах на 5,3%. Падение объемов производства шерсти произошло и в личных подсобных хозяйствах. За 2017–2018 гг. производство шерсти в ЛПХ сократилось на 4,8%. Таким образом, в исследуемый период десятилетия тенденция снижения объемов производства шерсти в хозяйствах населения продолжила сохраняться. Эта же более чем десятилетняя тенденция снижения объемов производства продукции сельского хозяйства в ЛПХ сохранилась и по другим видам животноводческой продукции. Так, за 2017–2018 гг. производство скота и птицы на убой (в убойном весе) в хозяйствах населения снизилось на 3,1%, молока – на 9,6%, яиц – на 2,8%. Это обусловлено не только снижением численности поголовья сельскохозяйственных животных и птицы, уровнем их продуктивности, но и кадровым обеспечением, технико-технологическим потенциалом, имеющимся в ЛПХ.

В личных подсобных хозяйствах в 2017–2018 гг. замедлилась многолетняя тенденция (13 лет) снижения производства картофеля. В 2018 году хозяйства населения произвели картофеля на 1,8% больше, чем годом ранее. Замедлилась и тенденция снижения объемов производства сахарной свеклы в ЛПХ. Так, в 2018 г. ее было произведено в личных подсобных хозяйствах на 13,11% больше, чем в 2017 г. Однако за 2011–2018 гг. производство сахарной свеклы в ЛПХ упало на 51,1%. В 2017–2018 гг. отмечается стабилизация объемов производства овощей в хозяйствах населения на уровне 7,5 млн тонн, тогда как с 2009 по 2017 год объемы производства овощных культур в личных подсобных хозяйства населения сократились на 12%.

Результаты анализа производства сельскохозяйственной продукции в секторе SME российского сельского хозяйства свидетельствуют о том, что перспективы товарного органического земледелия в нынешних условиях следует рассматривать только в крестьянских (фермерских) хозяйствах. Результаты экономических прогнозов, выполненных во Всероссийском НИИ экономики и нормативов – филиал ФГБНУ ФРАНЦ, подтверждают этот вывод. Так, доля фермерского сектора в производстве продукции растениеводства к 2025 году, вероятно, достигнет уровня 22,1% (2018 год – 19,2%), доля хозяйств населения снизится до 21,5% (2018 год – 28,6%). Аналогичная тенденция прогнозируется и при производстве животноводческой продукции. Доля крестьянских хозяйств в валовом производстве продукции животноводства в прогнозируемой перспективе, вероятно, достигнет 6,2% (в 2018 году – 5,4%), ЛПХ – 27,7% (в 2018 году – 33,5%).

Результаты прогнозных расчетов позволяют получить следующую картину физических объемов производства продукции сельского хозяйства в секторе SME: роль крестьянских (фермерских) хозяйств в производстве продукции сельского хозяйства будет повышаться; ЛПХ, оставаясь крупнейшими производителями овощей и картофеля, молока, будут неуклонно снижать уровень товарности своего производства (табл. 1)

Анализ результатов исследований факторов, определяющих устойчивую экономическую деятельность предприятий различных производственных масштабов [4, 5] в отраслях российской экономики, позволяет говорить о не менее чем 24 факторах, имеющих весомое значение при формировании финансово-экономических и производственных результатов хозяйственной деятельности. Проведенный рейтинг факторов [4, с. 113–114] позволил установить три основных фактора, которые по закону Парето дают до 80% суммарного эффекта в производственной деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей: финансовые условия развития сельхозтоваропроизводителей; государственная сельскохозяйственная политика; природно-климатические условия. Сумма этих факторов в рейтинге составила 29,09% [4, с. 114]. Роль конкурентного отбора оказалась в России невелика, хотя для SME роль этого фактора выше [5, с. 120]. Все это позволяет говорить о том, что вовлечение SME в производство органической сельскохозяйственной продукции будет определяться ролью государства, уровнем его ресурсного участия в модернизационном проекте «органическое земледелие». Однако в условиях России и развивающихся геополитических тенденций динамичное развитие сектора SME российского сельского хозяйства возможно только с увязкой комплексного развития сельских территорий. Проведенные нами с учеными Всероссийского НИИ экономики и нормативов – филиал ФГБНУ ФРАНЦ исследования позволили выделить 11 факторов (концептов), наиболее существенно влияющих на эффективность управления развитием сельских территорий [6, с. 93].

Таблица 1. Прогноз производства продукции сельского хозяйства SME – формы хозяйствования¹

Виды продукции сельского хозяйства	SME – формы хозяйствования					
	Фермерские хозяйства			Хозяйства населения		
	Объемы производства			Объемы производства		
	2018 г. ²	2025 г. ³	2025 в % к 2018 г.	2018 г.	2025 г.	2025 в % к 2018 г.
Зерно, тыс. тонн	32824	53045	161,6	891	1004	112,7
доля SME, %	29,0	32,5	-	0,8	0,6	-
Семена подсолнечника, тыс. тонн	4242	5518	130,1	45	53	118,0
доля SME, %	33,3	38,4	-	0,3	0,3	-
Овощи, тыс. тонн	2559	2989	116,8	7545	7106	94,2
доля SME, %	18,7	20,1	-	55,1	47,8	-
Картофель, тыс. тонн	2841	3819	134,4	15237	10987	72,1
доля SME, %	12,7	19,0	-	68,0	54,8	-
Мясо в убойном весе, тыс. тонн	321,9	415,1	129,0	1911,8	1442,6	75,5
доля SME, %	3,0	3,6	-	18,0	12,5	-
Молоко, тыс. тонн	2511	3315	132,0	11855	9085	76,6
доля SME, %	8,2	11,3	-	38,6	31,1	-

1 Данные ВНИИЭиН, 2020 г.

2 Фактическое производство.

3 Прогнозируемые объемы производства.

Результаты динамичного моделирования управления комплексным развитием сельских территорий свидетельствует о том, что фактор (концепт) «Развитие малого и среднего предпринимательства» оказывает стабильное «среднее» влияние на все концепты когнитивной модели управления развитием сельских территорий [6, с. 97–98]. Эффективное взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества имеет внешнее целенаправленное воздействие на такие факторы, как «Развитие рыночной инфраструктуры», «Развитие сельского самоуправления», «Инвестиции в основной капитал» повышают значение концепта «Развитие SME» до уровня «высокое» [6, с. 99]. Такие приведенные результаты динамичного когнитивного моделирования дают основание говорить о целесообразности более пристального внимания государства к вопросам поддержки развития SME на сельских территориях не только в рамках программ органического земледелия.

Существенным фактором, который будет оказывать длительное воздействие на способность малого и среднего агробизнеса вести экономически эффективную хозяйственную деятельность, является постпандемический «синдром».

Таблица 2. Динамика загрязнения микотоксинами кормов для животноводства (количество положительных проб)⁴

Виды кормов	Годы						2018 г. в % к 2017 г.
	2016		2017		2018		
	Кол-во полож. проб	%	Кол-во полож. проб	%	Кол-во полож. проб	%	
Комбикорм	250	13,8	373	30,6	249	12,7	99,6
Зерно	266	14,3	472	38,8	1054	53,6	396,2
Продукты переработки зерна	144	7,9	182	14,9	897	45,1	615,9
Отруби	223	12,3	218	17,9	115	5,8	51,6

Пандемия COVID-19 заставила говорить о постпандемической экономике как экономике восстановления производства, товародвижения, занятости, доходов бизнеса и населения. Анализ результатов социологического опроса представителей малого и среднего бизнеса, приведенного в Ростовской области (N = 600) свидетельствует о том, что 46% SME прекратили свою экономическую деятельность полностью, около одной трети предприятий этой формы организации предпринимательства потеряли до 75% доходов и только 14% SME смогли адаптировать свою работу в условиях ограничительных мер, введенных в регионе по предотвращению коронавирусной инфекции [16]. Меры государственной поддержки бизнеса в период пандемии COVID-19, по мнению 57% представителей малого и среднего бизнеса, участвовавших в опросе (N = 600) по своему составу и объему не помогут SME сохранить, а затем и восстановить прежние объемы экономической деятельности [16]. Из введенных экономических мер государственной поддержки в период коронавирусной пандемии 30% SME Ростовской области воспользовались отсрочкой по уплате налогов, 19% – кредитными каникулами, и 14% были готовы взять беспроцентные кредиты на выплату заработной платы работникам. Все это свидетельствует о том, что комплекс санитарно-эпидемиологических мер, действующих в период пандемии COVID-19, будет являться 25-м фактором, оказывающим существенное влияние на финансово-экономические и производственные результаты в секторе SME. Причем фактором, входящим в перечень условий, дающих до 80% суммарного эффекта в хозяйственной деятельности аграрных предприятий и организаций.

Правила и принципы органического земледелия [7–13] дают возможность получать органическую продукцию, в то же время развитие органического земледелия несет и определенные риски для других отраслей сельского хозяйства. Многолетние (2011–2018 гг.) исследования, выполненные учеными Северо-Кавказского земельного научно-исследовательского ветеринарного института, позво-

⁴ Данные СКЗ НИВИ, 2019 год.

лили получить результаты, которые свидетельствуют о том, что такие элементы технологий органического земледелия, как «нулевые технологии», мульчирование, способствуют загрязнению продукции растениеводства токсинобразующими микроицентрами (табл. 2), попаданию их в корм сельскохозяйственных животных и птицы.

Попадание микотоксинов в организм животных и птицы с кормами и подстилкой оказывает негативное воздействие на воспроизводственные и продуктивные функции сельскохозяйственных животных и птиц, приводит к массовой их гибели, ежегодным экономическим потерям, оцениваемым учеными СКЗ НИВИ от 100 млн долл. США. Таким образом, мы видим, что вопросы санитарно-эпидемиологической, ветеринарной безопасности являются теми факторами, которые при их игнорировании в рамках любого модернизационного проекта способны остановить экономическую жизнь общества.

Еще одним уроком «мартовско-майского» экономического периода является то, что программы государственной поддержки развития малого предпринимательства не обеспечили создание в России среднего класса, не сформировали политико-экономических условий устойчивой производственной деятельности SME.

На многие годы, если не на десятилетия, масштабы присутствия в тех или иных отраслях экономики малых и средних предприятий будут определяться «поспандемическим синдромом» — боязнью открывать и вести свое дело, ставшей результатом практики ручного управления экономикой, отсутствием у государства практической промышленной политики, политики институционального развития, неготовностью финансового сектора российской экономики предложить банковские, финансовые продукты для периодов «семи тощих коров» [Быт. 41;3], готовых стратегий производственного инвестирования и потребления. Не готов к периоду «семи тощих коров» [Быт. 41;3] оказался и сам малый и средний бизнес, как, впрочем, и крупный. Дезорганизация деловой жизни, падение занятости и доходов населения выявили экономическую организационную и морально-психологическую неготовность малого и среднего предпринимательства в России адаптироваться и преодолеть современные вызовы, которые оказались не связанными с закономерностями развития рыночной экономики, «провалами» рыночных и государственных механизмов поддержки экономического роста, макроэкономических параметров, обеспечивающих реальный рост доходов населения и деловую активность в стране.

Дистанционные формы организации деловой жизни и социальных коммуникаций привели к ослаблению социальных связей в обществе, семьях, угнетению навыков жизни в социуме, выстраиванию отношений в деловых коммуникациях, межличностных отношениях. В этой связи при формировании федеральных и региональных планов, программ целесообразно опираться на все уроки пандемического периода, включив в состав их мер и мероприятий институты, обеспечивающие создание среднего класса в России, углубление межличностных социальных коммуникаций на основе открытой демографической, коммуникационной и стимулирующей экономической политики.

На фоне постпандемического синдрома представляется маловероятным масштабное участие SME в товарном производстве органической сельскохозяйственной продукции в нынешней реальности.

Библиографический список

1. Тарасов А.Н. Современные условия и долговременные глобальные тенденции: трансграничный регион // В кн.: Трансграничный фактор: плюсы и минусы ведения сельского хозяйства: материалы междунар. научно-практич. конф., г. Ростов-на-Дону, 8–10 октября 2019 г. – Ростов-н/Д.: ВНИИЭиН – филиал ФГБНУ ФПАНЦ, Изд-во ООО «Азов Принт», 2019. С. 18–27.
2. Прогнозирование параметров инновационного развития отраслей сельского хозяйства: теория, методология, практика: монография / В.В. Кузнецов, А.Н. Тарасов, Н.Ф. Гайворонская и др. – Ростов-н/Д.: ФГБНУ ВНИИЭиН, Изд-во ООО «Азов Принт», 2017. – 156 с.
3. Стратегическое прогнозирование развития отраслей сельского хозяйства на основе системы норм и нормативов: монография / В.В. Кузнецов, А.Н. Тарасов, Н.Ф. Гайворонская и др. – Ростов-н/Д.: ФГБНУ ВНИИЭиН, Изд-во ООО «Азов-Печать», 2016. – 144 с.
4. Многоукладность в российском сельском хозяйстве: текущее состояние и концепция развития: монография / А.Н. Тарасов, О.В. Исаева, М.А. Холодова и др. – Ростов-н/Д.: ФГБНУ ВНИИЭиН, Изд-во ООО «Азов Принт», 2019. – 256 с.
5. Савин И.В., Мариев О.С., Пушкарев А.А. Оценка рыночного отбора в России: когда размер (фирмы) имеет значение // Вопросы экономики. – 2020. – № 2. – С. 101–124.
6. Когнитивное моделирование в управлении развитием сельских территорий: монография / Тарасов А.Н., Антонова Н.И. и др. – Ростов-н/Д.: ФГБНУ ВНИИЭиН, Изд-во ООО «Азов Принт», 2019. – 128 с.
7. Усенко Л.Н., Биджиева А.С. Конкурентные преимущества новой сельскохозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции // В кн.: Трансграничный фактор: плюсы и минусы ведения сельского хозяйства: материалы междунар. научно-практич. конф., г. Ростов-на-Дону, 8–10 октября 2019 г. – Ростов-н/Д.: ВНИИЭиН – филиал ФГБНУ ФПАНЦ, Изд-во ООО «Азов Принт», 2019. – с. 8. ГОСТ 33980-2016 Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации (с Поправкой) [Электронный ресурс] // docs.cntd.ru/document//200141717. (дата обращения 02.04.2020).
9. Байбеков Р.Ф. Природоподобные технологии стабильного развития земледелия // Земледелие. – 2018. – № 2. – С. 3–6.
10. Кирюшин В.И. Задачи научно-инновационного обеспечения земледелия России // Земледелие. – 2018. – № 3. – С. 3–8.
11. Зеленский Н.А., Зеленская Г.М., Мокриков Г.В., Шуркин А.Ю. Плодородие почв: настоящее и будущее нашего земледелия // Земледелие. – 2018. – № 5. – С. 4–7.
12. Письменная Е.В., Азарова М.Ю., Стукало В.А., Вольтерс И.А., Кипа Л.В. Оптимизация посевных площадей Ставропольского края на основе агроресурсного потенциала // Земледелие. – 2019. – № 7. – С. 8–11.
13. Зеленский Н.А., Зеленская Г.М., Абрамов А.А. Приемы биологизации при возделывании кукурузы на светло-серых лесных почвах Нижегородской области // Земледелие. – 2019. – № 8. – С. 3–5.
14. Поляков Д.Г., Бакиров Ф.Г. Органическая мульча и No-till в земледелии: обзор зарубежного опыта // Земледелие. – 2020. – № 1. – С. 3–7.
15. Тарасов А.Н., Кавардаков В.Я., Семененко И.А. Технологическое развитие животноводства в Южном Федеральном округе: состояние и региональные приоритеты: монография. – Ростов-на-Дону: ВНИИЭиН – филиал ФГБНУ ФРАНЦ; ООО «Азов Принт», 2020. – 60 с.
16. Методические основы структуризации и расчета нормативных финансово-экономических показателей обеспечения информационно-технологического развития сельского хозяйства: монография / А.Н. Тарасов, В.Я. Кавардаков, О.В. Егорова и др. – Ростов-н/Д.: ВНИИЭиН – филиал ФГБНУ ФРАНЦ; ООО «Азов Принт», 2020. – 232 с.
17. Только 14% донского малого бизнеса успешно противостоят пандемии [Электронный ресурс] // dgorodn.ru

References

1. Tarasov A.N. *Sovremennye uslovija i dolgovremennye global'nye tendencii: transgranichnyj region //V kn.: Transgranichnyj faktor: pljusy i minusy vedenija sel'skogo hozjajstva: materialy mezhdunar. nauchno-praktich. konf., g. Rostov-na-Donu, 8-10 oktjabrja 2019 g. – Rostov-n/D.: VNIIEiN – filial FGBNU FPANC, Izd-vo OOO «Azov Print»; 2019, s. 18–27.*
2. *Prognozirovanie parametrov innovacionnogo razvitija otraslej sel'skogo hozjajstva: teorija, metodologija, praktika: monografija / V.V. Kuznecov, A.N. Tarasov, N.F. Gajvoronskaja i dr. – Rostov-n/D.: FGBNU VNIIEiN, Izd-vo OOO «Azov Print», 2017. – 156 s.*
3. *Strategicheskoe prognozirovanie razvitija otraslej sel'skogo hozjajstva na osnove sistemy norm i normativov: monografija / V.V. Kuznecov, A.N. Tarasov, N.F. Gajvoronskaja i dr. – Rostov-n/D.: FGBNU VNIIEiN, Izd-vo OOO «Azov-Pechat'», 2016. – 144 s.*
4. *Mnogoukladnost' v rossijskom sel'skom hozjajstve: tekushhee sostojanie i koncepcija razvitija: monografija / A.N. Tarasov, O.V. Isaeva, M.A. Holodova i dr. – Rostov-n/D.: FGBNU VNIIEiN, Izd-vo OOO «Azov Print», 2019 – 256 s.*
5. Savin I.V., Mariev O.S., Pushkarev A.A. *Ocenka rynochnogo otbora v Rossii: kogda razmer (firmy) imeet znachenie // Voprosy jekonomiki. – 2020. – № 2. – S. 101–124.*
6. *Kognitivnoe modelirovanie v upravlenii razvitiem sel'skih territorij: monografija / Tarasov A.N., Antonova N.I. i dr. – Rostov-n/D.: FGBNU VNIIEiN, Izd-vo OOO «Azov Print», 2019 – 128 s.*
7. Usenko L.N., Bidzhieva A.S. *Konkurentnye preimushhestva novoj sel'skohozjajstvennoj kooperacii i agropromyshlennoj integracii //V kn.: Transgranichnyj faktor: pljusy i minusy vedenija sel'skogo hozjajstva: materialy mezhdunar. nauchno-praktich. konf., g. Rostov-na-Donu, 8–10 oktjabrja 2019 g. – Rostov-n/D.: VNIIEiN – filial FGBNU FPANC, Izd-vo OOO «Azov Print»; 2019, s.*
8. *GOST 33980-2016 Produkcija organicheskogo proizvodstva. Pravila proizvodstva, pererabotki, markirovki i realizacii (s Popravkoj) [Jelektronnyj resurs] // docs.cutd.ru/document//200141717. (data obrashhenija 02.04.2020).*
9. Bajbekov R.F. *Prirodopodobnye tehnologii stabil'nogo razvitija zemledelija // Zemledelie. – 2018. – № 2. – s. 3–6.*
10. Kirjushin V.I. *Zadachi nauchno-innovacionnogo obespechenija zemledelija Rossii // Zemledelie. – 2018. – № 3. – s. 3–8.*
11. Zelenskij N.A., Zelenskaja G.M., Mokrikov G.V., Shurkin A.Ju. *Plodorodie pochv: nastojashhee i budushhee nashego zemledelija // Zemledelie. – 2018. – № 5. – s. 4–7.*
12. Pis'mennaja E. V., Azarova M.Ju., Stukalo V.A., Vol'ters I. A., Kipa L.V. *Optimizacija posevnyh ploshhadej Stavropol'skogo kraja na osnove agroresursnogo potenciala // Zemledelie. – 2019. – № 7. – s. 8–11.*
13. Zelenskij N.A., Zelenskaja G.M., Abramov A.A. *Priemy biologizacii pri vozdeľvanii kukuruzy na svetlo-seryh lesnyh pochvah Nizhegorodskoj oblasti // Zemledelie. – 2019. – № 8. – s. 3–5.*
14. Poljakov D.G., Bakirov F.G. *Organicheskaja mul'cha i No-till v zemledelii: obzor zarubezhnogo opyta // Zemledelie. – 2020. – № 1. – s. 3–7.*
15. Tarasov A.N., Kavardakov V.Ja., Semenenko I.A. *Tehnologicheskoe razvitie zhivotnovodstva v Juzhnom Federal'nom okruge: sostojanie i regional'nye priority: monografija. – Rostov -n/D.: VNIIEiN – filial FGBNU FRANC; OOO «Azov Print»; 2020. – 60s.*
16. *Metodicheskie osnovy strukturizacii i rascheta normativnyh finansovo-jekonomicheskikh pokazatelej obespechenija informacionno-tehnologicheskogo razvitija sel'skogo hozjajstva: monografija / A.N. Tarasov, V.Ja. Kavardakov, O.V. Egorova i dr. – Rostov-na-Donu: VNIIEiN – filial FGBNU FRANC; OOO «Azov Print»; 2020. – 232s.*
17. *Tol'ko 14% donskogo malogo biznesa uspešno protivostojat pandemii [Jelektronnyj resurs]// gorodn.ru*

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.
Rostov State Economic University, 69, Bolshaya Sadovaya Street, 344002, Rostov-on-Don, Russia.
Усенко Людмила Николаевна / Lyudmila N. Usenko
ln-u@mail.ru
Тарасов Александр Николаевич / Alexander N. Tarasov
agroec@bk.ru

Северо-Кавказский зональный научно-исследовательский ветеринарный институт – филиал ФГБНУ
«Федеральный Ростовский аграрный научный центр»,
346421, г. Новочеркасск, Ростовское шоссе, 0.
North Caucasian Zonal Research Veterinary Institute – branch of Federal Rostov Agrarian Research
Center, 0, Rostov highway, 346421, Novocherkassk, Russia.
Дробин Юрий Дмитриевич / Yuri D. Drobin
skznivi@novoch.ru

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТИПОВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

ANALYSIS OF ECONOMIC EFFICIENCY OF TYPICAL ETHNIC FARMS OF THE REPUBLIC OF TUVA

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-468-477

СЕВЕК Вячеслав Кыргысович

Декан экономического факультета Тувинского государственного университета, руководитель Тувинского регионального отделения ВЭО России, д.э.н., профессор
Vyacheslav K. SEVEK

Dean of the Faculty of Economics, Tuva State University, Head of the Tuva regional branch of the VEO of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor

ТАЙБЫЛ Регина Сергеевна

Научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва
Regina S. TAIBYL

Research Associate, Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva

ДАРЖАА Чаяна Борисовна

Научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва
Chayana B. DARZHAA

Research Associate, Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva

Аннотация

Как тысячелетие назад, так и в настоящее время тувинские араты-скотоводы содержат семь видов скота (овцы, козы, коровы, лошади, яки, верблюды, олени). Каждое животное занимало строго определенную пищевую нишу, а природные зоны Тувы идеально соответствовали отгонному животноводству. Реформы 90-х годов привели к распаду совхозов, в отсутствие работы в сельской местности население стало заниматься традиционным для тувинцев видом скотоводства – отгонным животноводством, главным образом разведением овец, коз и КРС местной породы. Для значительного количества сельского населения Тувы животноводство стало социально-значимой и жизненно необходимой сферой деятельности. Благодаря этому в настоящее время в Туве поголовье скота увеличилось

больше чем в периоды индустриализации сельского хозяйства Советского Союза. Вместе с тем в Туве не выработан эффективный механизм реализации продукции животноводства для дальнейшей переработки, что в конечном итоге должно способствовать увеличению доходной базы семьи чабанов. Впервые на основе комплексного анализа деятельности животноводческого хозяйства определена структура затрат и результатов хозяйства, на их основе рассчитана экономическая эффективность среднестатистического скотоводческого хозяйства. Сделан вывод о том, что ранее экономически выгодные виды продукции животноводства, такие как молоко, шерсть и шкура в настоящее время не приносят чабанам дохода из-за того, что не организованы пункты приема продукции, а экономическая эффективность скотоводческих хозяйств достигается только за счет производства баранины и говядины.

Abstract

Both a thousand years ago and today, the Tuva ARATS-pastoralists contain seven types of livestock (sheep, goats, cows, horses, yaks, camels, and deer), where each animal occupies a strictly defined food niche, and the natural areas of Tuva perfectly corresponded to the driving livestock. The reforms of the 90s led to the collapse of state farms, and in the absence of work in rural areas, the population began to engage in the traditional type of cattle breeding for Tuvans – driving livestock, mainly raising sheep, goats and cattle of local breed. For a significant number of the rural population of Tuva, animal husbandry has become a socially significant and vital area of activity. Due to this, the number of livestock in Tuva has now increased more than during the period of industrialization of agriculture in the Soviet Union. At the same time, Tuva has not developed an effective mechanism for selling livestock products for further processing, which in the end should help to increase the income base of the family of shepherds. For the first time, on the basis of a comprehensive analysis of the activities of livestock farming, the structure of costs and results of the economy is determined, and the economic efficiency of an average cattle farm is calculated on their basis. It is concluded that previously economically profitable types of livestock products, such as milk, wool and skin currently do not bring income for shepherds because of their unorganized points of reception of products, and the economic efficiency of cattle farms is achieved only through the production of lamb and beef.

Ключевые слова

Этнические хозяйства, личные подсобные хозяйства, животноводство, скотоводство, сельское хозяйство, результаты, затраты, анализ, эффективность, Республика Тыва.

Keywords

Ethnic farms, personal subsidiary farms, animal husbandry, cattle breeding, agriculture, results, costs, analysis, efficiency, Republic of Tuva.

Введение

В 80-е годы в Советском Союзе все совхозы Тувинской АССР достигли значительных показателей индустриализации агропромышленного комплекса, в том числе и в животноводстве. В те годы каждый совхоз в среднем имел примерно 20 отар овец или коз, включая стадо баранов-производителей со средним количеством 500 голов, каждая с соответствующими овцеводческими объектами.

Кроме отар овец сельское поселение имело молочно-товарную ферму, состоящую из 200–300 голов коров и не менее одного табуна лошадей. В центральных районах автономной республики все зимние чабанские стоянки были подключены к электрической энергии. Распад СССР и дальнейшая политическая реформа 90-х годов прошлого столетия страну привели к разрушению экономических связей с союзными, автономными республиками, краями и областями РФ во всех сферах народного хозяйства и к распаду совхозов. В 90-е годы экономической реформы страны имущество, скот, молочно-товарные фермы, животноводческие объекты и техника были приватизированы. Из-за неэффективного управления приватизированное сельскохозяйственное имущество продавалось по частям в виде строительных материалов, техники, а скот в виде мяса. В отсутствие работы в сельской местности часть населения стала заниматься традиционным для тувинцев отгонным животноводством, главным образом разведением овец и коз местной породы. В связи с прекращением селекционной работы по разведению продуктивных видов крупного рогатого скота (КРС) симментальской породы, мелкого рогатого скота (МРС), меринсов и лошадей орловской породы в сфере животноводства, все категории сельского хозяйства республики постепенно перешли к разведению приспособленных к местному климату и скудной кормовой базе тувинских пород домашних животных. С учетом отмеченного конец 90-х годов прошлого столетия можно считать началом возрождения в Туве традиционного кочевого хозяйства.

Модели и методы

Методология данного исследования выполнена на основе наблюдения за чабанскими стоянками, проведенного коллективом Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований и кафедры экономики и менеджмента Тувинского государственного университета во время полевых работ в июле – августе 2019 г. при поддержке гранта РФФИ на тему «Определение затрат и результатов продукции чабанских стоянок (ЛПХ), для возможного дальнейшего налогообложения» [1]. Методы анализа использованы при определении показателей агропромышленного комплекса региона, статистическая модель применена в расчетах определения потребности стада овец в кормах, воде, требуемой площади зимней кошары, а также была использована программа «Грант-смета» при определении сметной стоимости овцеводческого объекта строительства.

Анализ агропромышленного комплекса Тувы

Сельское хозяйство – основная отрасль экономики республики, в которой занято более 10 тыс. человек. Агропромышленный комплекс республики определяет жизненный уклад 148,4 тыс. жителей сельской местности (на 1 января 2019 г.), или 45% от общей численности населения.

Валовая продукция сельского хозяйства в 2018 году по предварительным данным составила 6064,7 млн рублей, с индексом физического объема 105,2% (по России – 99,4%, по СФО – 101,1%), в том числе в животноводстве – 102,9%, растениеводстве – 117,4% [2]. В структуре продукции сельского хозяйства по видам деятельности преобладает продукция животноводства – 83%, растениеводство – 17% [3].

Отметим, что Тува среди субъектов СФО России занимает лидирующее место по количеству скота на душу населения. По данным отдела животноводства регионального министерства сельского хозяйства и продовольствия по состоянию на 1 января 2018 г. в хозяйствах всех категорий поголовье крупного рогатого скота составило 163,8 тыс. голов (на 1,1% больше, чем в 2017 г.), из них коров – 72,0 тыс. голов (рост на 1,1%); овец и коз – 1157,3 тыс. голов (рост на 8,7%), лошадей – 80,8 тыс. голов (рост на 1,7%), яков – 11,9 тыс. голов, верблюдов – 0,271 тыс. голов, оленей – 3,65 тыс. голов. Из имеющихся категорий хозяйств республики в среднем 60% всех видов скота принадлежит личным подсобным хозяйствам – хозяйствам населения.

Характеристика объекта исследования

На основе наших наблюдений, проведенных во время полевых исследований летом 2019 г. во всех семнадцати районах Тувы, выявлено, что оптимальным количеством стада овец и коз считается 500 голов для получения продукции животноводства. В Туве основным видом скота является мелкий рогатый скот. Вместе с тем следует отметить, что количественный состав скотоводческого хозяйства в Туве зависит от состава семьи чабана-арата, а также от географического района проживания. Количество коз от общего количества стада не превышает 20% или 60–100 коз. Одна овцеводческая стоянка, как правило, имеет 3–5 лошадей и от 5 до 10 коров в зависимости от количества семьи, не считая волов, молодняка (двухгодовалых бычков и телок) и телят. Примерно такой же видовой состав и количество скота у тувинцев, как исторически выработанный опыт, зафиксирован в работах С.И. Ванштейна [4, 5].

Заметим, что не только в овцеводстве, но и в целом в животноводстве роль лошадей отводилась как средству передвижения в пастьбе овец, коров и других видов животных, во-вторых, в снаряжении их в повозки и сани, при выполнении хозяйственных работ. В-третьих, как средство передвижения на дальние расстояния, поэтому чабан должен иметь не менее одного скакуна. От коров главным образом получали молоко для дальнейшего изготовления традиционных молочных продуктов, а волы – для продажи в виде мяса.

Цель исследования – определить экономическую эффективность на примере одной среднестатистической овцеводческой чабанской стоянки без учета организационно-правовой формы (ГУП, МУП, СПК, КФК, ЛПХ).

Результаты и обсуждение

Тувинская короткожирнохвостая порода овец мясосального типа считается одной из древних пород в мире. Название породы связано с ее местонахождением. Специалистами отмечаются следующие особенности тувинской породы [6]: выносливость; способность перемещаться на дальние расстояния; приспособленность к местному климату и скудной кормовой базе.

Тувинские овцы легко переносят жаркое лето, морозы зимой и нетребовательны к кормам. Довольствуясь скудной растительностью, они способны набирать вес и сохранять его. Животные с легкостью совершают дальние переходы, обходясь без воды. Чтобы удовлетворить потребность в питье, овцы тувинской породы едят снег. Они легко взбираются по горным склонам и спускаются с них. Одно из важных преимуществ породы – овцематки проявляют отличные материнские качества.

Заметим, что в традиционном отгонном животноводстве в Туве во всех группах домашнего скота подножным кормом не кормят, поскольку при этой системе преобладает круглогодичное пастбищное содержание овец. Подкормка осуществляется, как правило, зимой грубыми и концентрированными кормами (сеном) – маток во время окотной кампании и ослабленного скота, а также запас корма на случай сложных заснеженных климатических условий. Окотную кампанию планируют с февраля по март, поэтому количество заготавливаемого сена зависит от продолжительности нахождения в зимней кошаре, которая длится с ноября по апрель. С учетом отмеченного важным является определение потребности в запасе кормов, подстилки и воды на период окотной кампании. На основе методических рекомендаций по технологическому проектированию овцеводческих объектов в таблице 1 нами определена суточная потребность стада овец тувинской короткожирнохвостой породы мясосального типа в запасе кормов, воды и подстилки [7]. При определении количества стада учитывалось среднее поголовье скота в хозяйствах всех категорий Тувы. При традиционном животноводстве применяется вольная случка. При таком способе осеменения на одного барана-производителя приходится 30–40 маток. В нашем примере на 300 маток приходится 15 баранов-производителей. В целях регулирования сроков окота мелкого рогатого скота в Республике внедряется технология содержания баранов-производителей в отдельных отарах. В среднем в каждом из 17 муниципальных районов содержатся по две отары баранов-производителей. В расчет таблицы 1 бараны-производители не включены, так как они после периода случки отделяются.

Таблица 1. Норма суточной потребности стада овец тувинской короткожирнохвостой породы мясосального типа в запасе кормов, воды и подстилки*

Группа животных	Размер стада, гол.	Среднесуточные нормы на одного животного						Суточная потребность на стадо				
		размер помещения, м ²	запас кормов, кг	потребность в воде, л	подстилка, кг	моча, л	кал, кг	размер помещения, м ²	запас кормов, кг	потребность в воде, л	подстилка, кг	кал, кг
Овцы-матки	300	1,2	0,8	5,0	0,3	1,0	2,5	360	240	1500	90	750
Молодняк	200	0,7	0,6	4,0	0,15	0,5	1,5	140	120	800	30	300
Ягнята в возрасте старше 45 суток	100	0,4	0,4	1,5	0,15	0,3	1,0	40	40	150	15	100
ИТОГО:	600	2,3	1,8	10,5	0,6	1,8	5,0	540	400	2450	135	1150

* Расчет выполнен на основе: Методических рекомендаций по технологическому проектированию овцеводческих объектов РД-АПК 1.10.03.02-12. Система рекомендательных документов агропромышленного комплекса Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Москва, 2012 г. [Эл. ресурс] // Информационная система МЕГАНОРМURL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4293787/4293787782.htm#i3202890> (дата обращения: 03.04.2019).

Таблица 2. Потребность стада овец тувинской короткожирнохвостой породы в запасе кормов, воды и подстилки на период окотной кампании с февраля по апрель*

Группа животных	Размер стада, гол.	Февраль, 28 дн. из расчета 20% гол.			Март, 31 дн. из расчета 70% гол.			Апрель, 30 дн. из расчета 10% гол.		
		запас кормов, т	потреб. воды, тыс. л	подстилка на стойлов. период, т	запас кормов, т	потреб. воды, тыс. л	подстилка на стойлов. период, т	запас кормов, т	потреб. воды, тыс. л	подстилка на стойлов. период, т
Овцы-матки	300	1,4	8400	0,5	5,2	32550	1,9	0,72	4500	0,27
Молодняк	200	0,67	4480	0,16	2,52	24800	0,65	0,36	2400	0,09
Ягнята в возрасте старше 45 суток	100	0,224	840	0,084	0,87	3255	0,325	0,12	450	0,045
Всего:	600	2,3	13 720	1,744	8,59	60 605	2,9	1,2	7350	0,405

Итого потребность в запасе кормов, воды и подстилки за три месяца окотной кампании составит:

- сена, т – 12,1;
- воды, л – 81 675;
- подстилки (солома), т – 5,0;
- соль-лизунец, т – 0,5;
- требуемая площадь овцеводческого объекта, кв. м – 540.

*Примечание: таблица рассчитана на основе данных суточной потребности на стадо таблицы 1.

На основе требуемой площади овцеводческого объекта (зимняя кошара) – 540 кв. м (12*45) с учетом наружных подсобных производственных и складских помещений 1080 кв. м (24*45) нами был выполнен эскизный проект, что позволило рассчитать сметную стоимость, которая составила 1550 тыс. руб. Расчет сметной стоимости производился в программе «Грант-смета». Для освещения зимней кошары и подключения к ней требуемых электроприборов устанавливается солнечная станция со стоимостью 400 тыс. руб. Для обеспечения зимней кошары питьевой водой будет выполнено бурение скважины со средней глубиной 40 м (3000 руб./м) с установкой глубинного насоса – 18 000 руб. Площадь, занимаемая зимней кошарой не должна превышать 5 га, а земли сельскохозяйственного назначения, в частности для пастбища и сенокоса, не ограничиваются, но их размер, как правило, составляет около 100 га. В нашем примере в хозяйственной деятельности занято три человека.

Структура товарной продукции животноводства представлена в таблице 3. Оценка товарной продукции животноводства произведена в соответствии с рыночными ценами по состоянию на 2019 г.

Наиболее значимыми статьями дохода являются: продажа овец (23,1%), молодняка (23,1%) в живую; продажа молока (20,8%); продажа мяса КРС (11,2%); продажа валухов в живую (8,1%). На реализацию может быть направлена товарная продукция на сумму 691,43 тыс. руб.

Таблица 3. Структура товарной продукции животноводства

Товарная продукция	Ед. изм.	Кол-во	Стоимость, тыс. руб.		% к итогу
			ед.	всего	
Молоко (5 литров в один надой, а в день производится два надоя. Количество молока определено на три месяца)	л	9000	0,02	180	20,8
Шерсть (грубая) 1,5 кг с одной овцы и молодняка	кг	750	0,024	18	2,1
Мясо КРС (три вола тувинской породы) средний вес 180 кг	кг	540	0,18	97,2	11,2
Мясо баранины (средний вес валуха 30 кг, на продажу в виде мяса режется 5 валухов)	кг	150	0,3	45	5,2
Продажа в виде мяса овец (средний вес овцы 18 кг, на продажу в виде мяса режется 10 овец)	кг	180	0,3	54	6,2
Продажа валухов вживую	гол.	10	7,0	70	8,1
Продажа овец вживую	гол.	40	5,0	200	23,1
Продажа молодняка вживую	гол.	50	4,0	200	23,1
Продажа шкуры КРС (в среднем шкура валуха тувинской породы составляет 25 кг)	кг	75	0,003	0,23	0,026
Итого, в том числе				864,43	100
■ на собственное потребление				173,0	20
■ на реализацию				691,43	80

Хотя реализация молока является выходной сделкой, но в Туве закупка молока с чабанских стоянок не организована. Поэтому эта статья доходов в размере 180 тыс. руб. как упущенная выгода чабанов-скотоводов Республики в дальнейшем при определении экономической эффективности от ведения скотоводства не будет учитываться. Также следует отметить, что в Республике не организован рынок сдачи шкуры МРС и лошадей, в связи с чем их приходится выбрасывать на свалку.

Ниже в таблице 4 определена структура затрат на ведение овцеводства.

Наибольшие затраты при ведении овцеводческого хозяйства приходятся на пастьбу скота (70,3%), заготовку кормов (13,5%) и на ветеринарную обработку (10,1%). Общие затраты на животноводческое хозяйство составили 577,66 тыс. руб.

Финансовые результаты хозяйства за 2019 г. представлены в таблице 5. В качестве основного критерия экономической эффективности животноводческого хозяйства принят уровень рентабельности.

Таблица 4. Структура затрат от ведения овцеводства

Виды работ и мероприятия	Ед. изм.	Кол-во	Стоимость, тыс. руб.		% к итогу
			ед.	всего	
Пастьба скота (11 280 руб. в месяц – размер МРОТ 2019 г. в Туве [8])	руб.	3	33,84	406,1	70,3
Ветеринарная обработка скота, в т.ч.				58,3	10,1
■ диагностическое исследование КРС	гол.	20	0,1	2,0	
■ диагностическое исследование МРС	гол.	500	0,1	50	
■ диагностическое исследование лошади	гол.	5	0,17	0,85	
■ профилактика беломышечной болезни ягнят	гол.	100	0,002	0,2	
■ дегельминтизация МРС (без ягнят)	гол.	500	0,006	3,0	
■ дегельминтизация КРС	гол.	20	0,012	0,24	
■ опрыскивание КРС и МРС водой, смешанной с Диазиномом-С (два к одному)	гол.	520	-	2,0	
Заготовка кормов, в т.ч.				7,2	13,5
■ грубые корма	т	12.1	2,0	24,2	
■ фуражный овес	т	3	8,0	24	
■ солома	т	5	6,0	30	
■ соль-лизунец	т	0.5	0,015	0,0075	
Обслуживание солнечной станции		2	3,0	6,0	1,03
Привлечение дополнительных работников во время откосного периода (1 мес.) 11 280 руб. в месяц	чел.	2	11 280	22,56	3,9
Налог на аренду 100 га земель сельскохозяйственного назначения	га	100	-	6,5	1,12
Итого:				577,66	100

Таблица 5. Финансовые результаты животноводческого хозяйства за 2019 г.

Показатели	Значение
Произведено товарной продукции, тыс. руб. (с вычетом реализации молока)	684,43
Себестоимость произведенной продукции, тыс. руб.	577,66
Прибыль, тыс. руб.	106,77
Рентабельность продукции животноводства, %	18,4

Заключение

На основе проделанных выше расчетов можно сделать вывод о том, что в Республике Тыва при умелом управлении можно организовать экономически эффективное животноводческое хозяйство с реализацией качественной и экологически чистой продукции. С увеличением поголовья скота во всех хозяйствах Тувы и для повышения экономической эффективности животноводческих хозяйств, по мнению авторов, региональному министерству сельского хозяйства и продовольствия необходимо выработать механизм создания перерабатывающих сырье животного происхождения опорных сельскохозяйственных потребительских кооперативов в каждом из семнадцати муниципальных районов Республики Тыва (мотивационный механизм). В этом случае доходная база чабанов увеличится за счет стабильного рынка сбыта сырья (молоко, мясо, шерсть и шкура всех видов скота), а сами СПОК будут производить конкурентоспособную экологически чистую продукцию животного происхождения, которая может реализовываться не только на внутреннем рынке, но и на рынках Енисейской Сибири¹.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-010-00831А.

1 В Енисейскую Сибирь входит Красноярский край, Республика Хакасия и Республика Тыва.

Библиографический список

1. Тайбыл Р.С. Промежуточный отчет о НИР № 19-010-00831А (Российский фонд фундаментальных исследований) Определение затрат и результатов продукции чабанских стоянок (ЛПХ), для возможного дальнейшего налогообложения [Эл. ресурс] // Российский фонд фундаментальных исследований. URL: <https://kias.rfbr.ru/index.php> (дата обращения: 13.05.2020).
2. Итоги социально-экономического развития за первое полугодие 2018 года рассмотрены на заседании Правительства Тувы [Эл. ресурс] // Официальный портал Правительства Республики Тыва. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/37609/ (дата обращения: 23.08.2019).
3. Стратегия социально-экономического развития Республики Тыва до 2030 года. Одобренная постановлением Правительства Республики Тыва от 24 декабря 2018 года № 638 [Эл. ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550322563> (дата обращения: 05.05.2020).
4. Вайнштейн С.И. Мир кочевников Центральной Азии. М.: Изд-во Наука, 1991, С. 296.
5. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М.: Изд-во Наука, 1972, С. 312.
6. Тувинская порода овец [Эл. ресурс] // Своя ферма URL: <http://fermhelp.ru/tuvinskaya-poroda-ovets/#istoriya-porody-2-3> (дата обращения: 03.04.2020).
7. Методических рекомендаций по технологическому проектированию овцеводческих объектов РД-АПК 1.10.03.02-12. Система рекомендательных документов агропромышленного комплекса Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. Москва, 2012 г. [Эл. ресурс] // Информационная система МЕГАНОРМ. URL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4293787/4293787782.htm#i3202890> (дата обращения: 03.04.2020).
8. Минтруд Тувы дает пояснения о применении нового МРОТ [Эл. ресурс] // Официальный портал Правительства Республики Тыва. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/38900/ (дата обращения: 13.02.2020).

References

1. Taibyl R.S. Interim report on research No. 19-010-00831A (Russian Foundation for basic research) Determining the costs and results of production of shepherds' Parking lots (LPH), for possible further taxation [electronic resource] // Russian Foundation for basic research. URL: <https://kias.rfbr.ru/index.php> (date accessed: 13.05.2020).
2. The Results of socio-economic development for the first half of 2018 were considered at the meeting of the government of Tuva [electronic resource] // Official portal of the Government of the Republic of Tuva. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/economy/37609/ (accessed: 23.08.2019).
3. Strategy of socio-economic development of the Republic of Tuva until 2030. Approved by the decree of the Government of the Republic of Tuva of December 24, 2018 № 638 [electronic resource] // Electronic Fund of legal and regulatory and technical documentation. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550322563> (date accessed: 05.05.2020).
4. Weinstein S. I. the World of nomads in Central Asia, Moscow: Nauka Publishing House, 1991, P. 296.
5. Weinstein S.I. Historical Ethnography of the Tuvinians, Moscow: Nauka Publishing House, 1972, P. 312.
6. Tuva breed of sheep [electronic resource] // Own farm URL: <http://fermhelp.ru/tuvinskaya-poroda-ovec/#istoriya-porody-2-3> (accessed: 03.04.2020).
7. Methodological recommendations for the technological design of sheep-breeding facilities RD-APK 1.10.03.02-12. System of recommendation documents of the agro-industrial complex Ministry of agriculture of the Russian Federation. Moscow, 2012 [electronic resource] // meganorm Information system. URL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4293787/4293787782.htm#i3202890> (accessed: 03.04.2020).
8. The Ministry of labor of Tuva gives explanations about the application of the new minimum wage [electronic resource] // Official portal of the Government of the Republic of Tuva. URL: http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/38900/ (accessed: 13.02.2020).

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»,
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Ленина, 36.
Tuva state University, 36, Lenin Street, 667000, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia
Себек Вячеслав Кыргысович / Vyacheslav K. Sevek
vsevek@mail.ru

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва,
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4.
Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva,
4, Kochetova street, 667000, Kyzyl, Republic of Tuva, Russia
Тайбыл Регина Сергеевна / Regina S. Taibyl
regina.tigi@mail.ru
Даржаа Чаяна Борисовна / Chayana B. Darzhaa
chayana.darzhaa@mail.ru

ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ МЕЛИОРАЦИИ В СУБЪЕКТАХ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

ECONOMIC AND MATHEMATICAL MODEL OF EVALUATION OF IRRIGATION DEVELOPMENT PROGRAMS IN THE SUBJECTS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-478-487

СИЗОВ Юрий Иванович

Вице-президент ВЭО России, председатель Волгоградского регионального отделения ВЭО России, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт орошаемого земледелия» (ФГБНУ ВНИИОЗ), первый вице-президент Международного Клуба менеджеров, член Президиума, академик Международной Академии менеджмента, д.э.н., профессор

Yuri I. SIZOV

Vice-president of the VEO of Russia, chairman of the Volgograd regional branch of the VEO of Russia, first vice-president of the International Managers Club, member of the Presidium, Academician of the International Academy of Management, Doctor of Economic Sciences, Professor

МЕДВЕДЕВА Людмила Николаевна

Заведующая лабораторией экономических исследований ФГБНУ ВНИИОЗ, профессор Волжского политехнического института (филиал) ВолгГТУ, д.э.н., профессор

Lyudmila N. MEDVEDEVA

Head of the economic research laboratory, All-Russian Scientific Research Institute of Irrigated Agriculture, Professor, Volzhskiy Polytechnic Institute (branch) Volgograd state technical University, Doctor of Economics Sciences, Professor

ПЛОТНИКОВ Александр Сергеевич

Заместитель руководителя Центра Волгоградского государственного технического университета, старший научный сотрудник ФГБНУ ВНИИОЗ, к.э.н.

Alexander S. PLOTNIKOV

Deputy Head of the Center, Volgograd State Technical University, Senior Researcher, All-Russian Scientific Research Institute of Irrigated Agriculture, Candidate of Economic Sciences

ОНОПРИЕНКО Юлия Геннадиевна

Доцент кафедры Волгоградского государственного технического университета, старший научный сотрудник ФГБНУ ВНИИОЗ, к.э.н.

Julia G. ONOPRIENKO

Associate Professor, Volgograd State Technical University, Senior Researcher, All-Russian Scientific Research Institute of Irrigated Agriculture, Candidate of Economic Sciences

Аннотация

Динамическое развитие сельского хозяйства Южного федерального округа Российской Федерации трудно представить без функционирования мелиоративного комплекса. Отсутствие должного количества осадков и высокие летние температуры накладывают отпечаток на культуру земледелия и рентабельность крестьянско-фермерских хозяйств. Рассматривается состояние мелиоративных комплексов по субъектам ЮФО; дается оценка государственных программ, направленных на реализацию стратегических планов в отношении дальнейшего развития мелиорации земель сельскохозяйственного назначения. В ходе проведенного исследования было показано, что созданная в XX веке мощная сеть ирригационных каналов и сетей, водохранилищ и перекачивающих станций обеспечивает потребности сельского хозяйства в водных ресурсах. Имущественный комплекс мелиорации — это национальное богатство, которое не только должно эксплуатироваться, но и поддерживаться в надлежащем техническом состоянии, своевременно модернизироваться, оснащаться гидротехнической и перекачивающей техникой и иметь потенциал ввода в оборот новых орошаемых земель. Показано состояние отдельных оросительных систем, расположенных на Юге России. Обращается внимание на необходимость применения ресурсосберегающих технологий при проектировании и строительстве мелиоративных систем нового поколения. Предлагается для оценки эффективности государственно-частного партнерства, реализованного через систему государственных Программ развития мелиорации на региональном уровне, на юге России использовать экономико-математическую модель с заданными функциями, учетом многоплановых факторов и критериев их оценки.

Abstract

The dynamic development of agriculture in the Southern Federal District of the Russian Federation is difficult to imagine without the functioning of the reclamation complex. The lack of proper rainfall and high summer temperatures leaves an imprint on the crop culture and the profitability of peasant farms. The state of reclamation complexes in the subjects of the Southern Federal District is considered; an assessment of government programs aimed at implementing strategic plans for the further development of land reclamation for agricultural purposes is given. In the course of the study, it was shown that the powerful network of irrigation canals and networks, reservoirs and pumping stations created in the 20th century provides the agricultural needs for water resources. The land reclamation complex is a national wealth that should not only be exploited, but also maintained in good technical condition, modernized in a timely manner, provided

with hydraulic and pumping equipment, and have the potential to bring new irrigated lands into circulation. The state of individual irrigation systems located in the south of Russia is shown. Attention is drawn to the need to use resource-saving technologies in the design and construction of reclamation systems of a new generation. It is proposed to use the economic and mathematical model with specified functions, taking into account multifaceted factors and criteria for evaluating them, to assess the effectiveness of public-private partnerships implemented through a system of state programs for the development of land reclamation at the regional level in southern Russia.

Ключевые слова Мелиоративный комплекс, Южный федеральный округ, государственные программы, субсидии, экономико-математическая модель, состояние оросительных систем.

Keywords Irrigation complex, Southern Federal District, state programs, subsidies, economic and mathematical model, condition of irrigation systems.

Введение

Огромную роль в социально-экономическом развитии Российской Федерации играет Южный федеральный округ (ЮФО), уникальный с точки зрения территориального расположения и природно-ресурсного потенциала. В состав ЮФО входят: 3 республики (Адыгея, Калмыкия и Крым), 3 области (Астраханская, Волгоградская и Ростовская), Краснодарский край и город федерального значения – Севастополь. Регион характеризуется высокой степенью межрегиональных связей, которые положительно отражаются на объемах производства и торговли. Согласно статистическим данным, доля производства продукции сельского хозяйства по ЮФО в 2019 году составила 17,5%, или 1033327,7 млн руб. (3-е место в РФ). Особый вклад в повышение показателей производства продукции сельского хозяйства вносят Краснодарский край (41,35%, или 427250,3 млн руб.), Ростовская область (29,33%, или 303085,6 млн руб.), Волгоградская область (14,15%, или 146218,4 млн руб.) [1]. Эффективность развития сельского хозяйства в значительной степени определяется состоянием мелиорированных земельных угодий, особенностями возделывания сельскохозяйственных культур [2].

Цель исследования: в условиях усиления стратегического присутствия Российской Федерации на мировых продовольственных рынках возникает необходимость оценки принимаемых Программ по развитию мелиорации в субъектах Федерации на основе экономико-математической модели с заданными функциями, учетом факторов и критериев их оценки.

Материал и методы исследования

Для получения гарантированных урожаев площадь мелиорированных угодий в ЮФО, согласно прогнозным расчетам, должна увеличиться к 2030 году до 2 млн га. Реализовать поставленную цель предполагается за счет использования водных ресурсов реки Волги, значительного расширения орошаемых площадей в Республике Калмыкия и Волгоградской области, а также переброски части водных ресурсов из реки Волги в реку Дон для развития орошения в Ростовской области. Для реализации стратегических планов в области мелиорации требуется серьезная государственная поддержка. Распределение субсидий субъектам Федерации

на осуществление мелиоративных мероприятий и площади мелиорированных земель по программе «Развитие мелиоративного комплекса России на период 2020–2022 гг.» представлены в табл. 1, 2 [3].

Таблица 1. Распределение субсидий на реализацию мелиоративных мероприятий на период 2020–2022 гг.

Наименование	Распределение субсидий		
	на 2020 г., тыс. руб.	на 2021 г., тыс. руб.	на 2022 г., тыс. руб.
Всего по Российской Федерации	6190292,00	3491715,60	3492877,00
Всего Южный федеральный округ	1396936,00	992780,90	1048034,30
Республика Адыгея (Адыгея)	31313,00	2303,90	20764,00
Республика Калмыкия	215025,00	200874,00	179799,30
Республика Крым	393583,00	350586,00	135442,00
Краснодарский край	104163,00	119607,00	146455,00
Астраханская область	196809,00	156996,00	116554,00
Волгоградская область	349390,00	162414,00	265160,00
Ростовская область	106653,00	0,00	147961,00
г. Севастополь	0,00	0,00	35899,00

Таблица 2. Площади мелиорированных земель по субъектам ЮФО на период 2021–2022 гг.

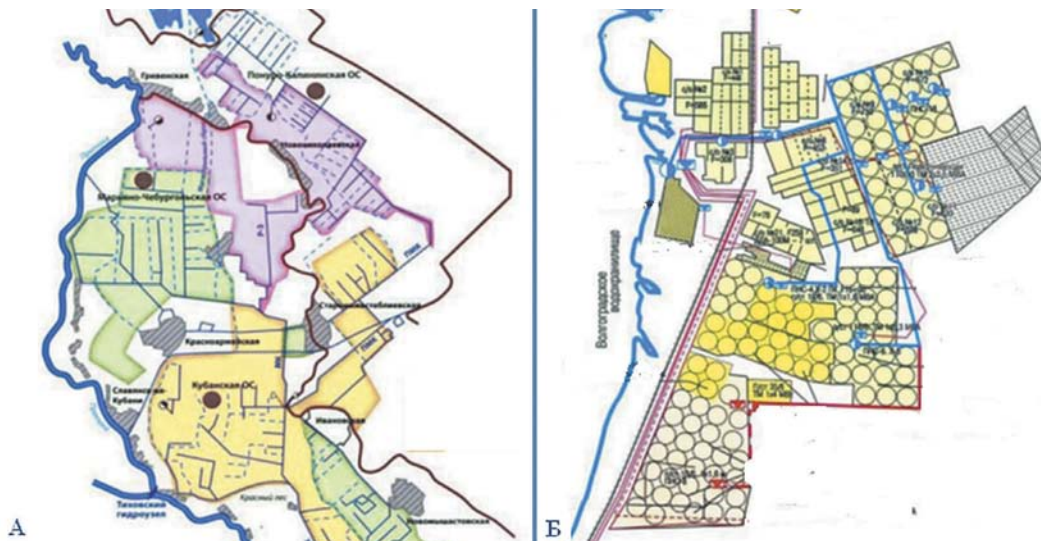
Наименование	Площадь мелиорированных земель гидромелиорация, га		
	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Всего по Российской Федерации	77869,33	59313,85	54300,00
Южный федеральный округ	23350,44	15990,00	16815,00
Республика Адыгея (Адыгея)	449,44	40,0	297,00
Республика Калмыкия	5000,00	5000,0	4150,00
Республика Крым	3601,00	2500,00	1018,00
Краснодарский край	2500,00	2500,00	2500,00
Астраханская область	3300,00	2950,0	2100,00
Волгоградская область	6000,00	3000,0	4000,00
Ростовская область	2500,00	0,00	2500,00
г. Севастополь	0,00	0,00	250,00

Мелиоративный водно-хозяйственный комплекс Республики Адыгеи сформировался в 1980 году. С 2014 по 2018 г. в республике было введено в эксплуатацию более 2 тыс. га мелиорируемых земель; на эти цели затрачено 92 млн рублей бюджетных средств. В республике имеется 7 насосных станций, 4 водохранилища (Шапсугское, Октябрьское, Шенджийское и Четукское), 6 головных водозаборов, 64 гидросооружения, 4 оросительные системы. Протяженность оросительной сети – 186,4 км [4]. В северо-восточной части республики находится Адыгейская оросительная система, которая эксплуатируется с 1977 года. На левом берегу р. Кубани расположена Афипская рисовая оросительная система, Чибийская осушительно-оросительная система и оросительный канал «Ходзь-Неволька-Чехрак». Крупнейшая Чибийская осушительно-оросительная система была введена в эксплуатацию в 1972 году; общая площадь орошения составляет 8,7 тыс. га, из них на рисовые чеки приходится 6,2 тыс. га. Республика Калмыкия относится к маловодообеспеченным регионам страны. Здесь расположены пять крупных обводнительно-оросительных систем: Сарпинская, Калмыцко-Астраханская, Право-Егорлыкская, Черноземельская, Каспийская. Общая площадь мелиорированных земель составляет 90,3 тыс. га, в том числе 53,1 тыс. га регулярного орошения и 37,2 тыс. га лиманного орошения. Кроме того, из межхозяйственной оросительной сети обводняется 1167,2 тыс. га пастбищных угодий. Показатели состояния мелиоративных площадей регулярного орошения (53,1 тыс. га) следующие: хорошее состояние – 3%, удовлетворительное – 31%, неудовлетворительное – 66%. Черноземельская оросительно-обводнительная система расположена в пустынной и сухостепной зонах, где орошение позволяет увеличить продуктивность пашни в 7–12 раз [5]. Общая площадь оросительных систем Краснодарского края составляет около 313 тыс. га, на которых выращивают зерновые, овощные и плодовые культуры. Ежегодно из всех источников орошения забирается около 4 млрд м³ воды, в том числе 3,2 млрд м³ из бассейна Кубани, на орошение подается порядка 2,8 млрд м³, из которых на рис – 2,5 млрд м³. ФГБУ «Управление „Кубаньмелиоводхоз“» обслуживает 16 государственных оросительных систем, два крупных гидроузла – Федоровский и Тиховский с пропускной способностью по 1500 куб. метров в секунду каждый, два водохранилища общей емкостью 377 млн куб. метров. Протяженность оросительных и дренажно-сбросных каналов достигла 3179 км. Амортизация межхозяйственных фондов составляет 75% [6]. Площадь орошения систем Марьяно-Чебургольского массива составит 122 тыс. га (рис. 1 (А)). Волгоградская область относится к регионам рискованного земледелия, и развитие мелиоративного комплекса входит в число приоритетных проектов. Планируется, что к 2024 году площадь орошаемых земель в регионе должна увеличиться с сегодняшних 50,4 тыс. до 80 тыс. гектаров. На территории области располагается 18 оросительных систем. Крупнейшие Заволжская и Большая Волгоградская оросительные системы (рис. 1 (Б)) включают две головные насосные станции, 160 километров каналов и два десятка гидротехнических сооружений. Важнейшими проблемами мелиоративного комплекса Волгоградской области являются значительная изношенность основных фондов, высокие тарифы на электроэнергию [7].

В Республике Крым имеются 23 водохранилища, в том числе 8 наливных, с общим объемом в 398,4 млн м³, 94 водонакопительных бассейна и 143 скважины для добычи подземной воды, используемых для орошения сельскохозяйственных культур на площади 17,9 тыс. га. Республика испытывает значительные трудности в обеспечении водными ресурсами сельского хозяйства, поскольку в 2014 году

со стороны Украины был перекрыт Северо-Крымский канал. 60% днепровской воды, поступавшей в Крым, использовалось для выращивания риса и прудового рыбоводства [8]. В 2013 году в Крым было поставлено 1553,78 млн м³ (потери на испарение и фильтрацию составили 695,3 млн м³).

Рис. 1.
Схемы
Марьяно-
Чебурголь-
ского мелио-
ративно-водо-
хозяйствен-
ного массива
Краснодар-
ского края (А),
Большой
Волгоград-
ской ороси-
тельной
системы (Б)

Мелиоративный фонд Астраханской области составляет 210,9 тыс. га, при этом в сельскохозяйственном производстве используется 81,8 тыс. га. Оросительные системы мелиоративного комплекса включают: 360 насосных станций, 10,5 тыс. км оросительных каналов (из них 8,3 тыс. км выполнены в земляном русле), 94 тыс. гидротехнических сооружений сельскохозяйственного назначения и около 9 тыс. км коллекторно-дренажной и сбросной сети [9]. В Ростовской области находится более 260 тысяч гектаров мелиорируемых земель, 34 оросительные системы. Программа развития мелиорации направлена на повышение урожайности сельскохозяйственных культур: на орошаемых землях на 2,3 т/га зерновых единиц; за счет снижения объема водозабора и использования ресурсосберегающих технологий на 5%. Применение современных методов полива, поливной техники и технологий позволило увеличить биопродуктивность сельскохозяйственных земель почти в 2,5–3 раза [10].

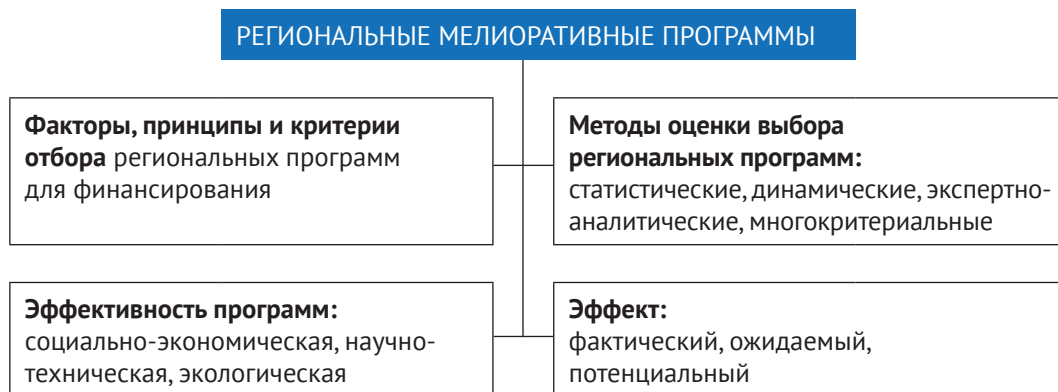
Результаты исследования и их обсуждение

В связи с тем, что большинство оросительных систем, мелиоративных объектов технически и морально изношены, а функционирование мелиоративных систем не имеет тенденции к их быстрому восстановлению, возникает необходимость разработки и внедрения мелиоративных систем нового поколения, позволяющих повысить их экологическую безопасность [11]. При проектировании оросительных систем должны применяться научно установленные нормативы, например, для Ростовской области на 1 км протяженности мелиоративных каналов – 6027 тыс. руб. на 1 м³ суточной производительности – 150 тыс. руб.

Провести комплексную эколого-мелиоративную оценку состояния оросительных систем можно с использованием теоретического термодинамического подхода (для оценки энергетического состояния почв), методологического системно-ситуационного подходов (для идентификации и управления геоэкономическими

рисками). В целях повышения надежности и эффективности работы мелиоративных систем необходимо предусмотреть внедрение ресурсосберегающих технологий и информационно-технических и измерительных средств нового поколения [12]. Выбранные критерии оценки эффективности государственных Программ должны носить обобщенный, комплексный вид с учетом анализа их региональной и отраслевой значимости (рис. 2).

Рис. 2.
Концептуальная модель оценки эффективности мелиоративных программ развития на региональном уровне

Для оценки эффективности функционирования мелиоративных систем и разработки почвенно-мелиоративных прогнозов целесообразно использовать: метод сравнительных почвенно-мелиоративных аналогий (для сопоставления свойств и признаков богарных и мелиорированных земель), балансовый метод, математические методы (математическое описание почвенных процессов и их вероятной динамики), метод моделирования процессов почвообразования. Использование перечисленных методов способствует рациональному использованию выделяемых бюджетных ресурсов и эффективной оценке влияния различных факторов на реализацию мелиоративных мероприятий. Эффективность региональных мелиоративных Программ представим как экономико-математическую функцию с учетом существующих факторов и критериев их оценки:

$$S = f(U; Z; X; R; t), \tag{1}$$

где U – это критерий оценки параметров окружающей среды (U_i), описывающих внешние по отношению к системе факторы, которые могут быть спрогнозированы и учтены (экологические, научно-технические, социально-экономические факторы и т.д.), которые потенциально можно определить по формуле:

$$U = \sum_{i=1}^n w_i * U_i, \tag{2}$$

где w_i – вес параметра, который найден экспертно-аналитическим путем.

Z – критерий оценки возмущающих параметров (Z_i), которые описывают внутренние факторы системы (например, затраты, состояние трудовых ресурсов), рассчитываются:

$$Z = \sum_{i=1}^n w_i * Z_i \tag{3}$$

X – критерий оценки управляющих параметров (X_i), представляющие собой реакцию системы на внешние и внутренние воздействия и которые направлены на максимальное достижение цели (оптимальное управление, технические процессы оптимизации и т.п.), определяются:

$$X = \sum_{i=1}^n w_i * X_i \quad (4)$$

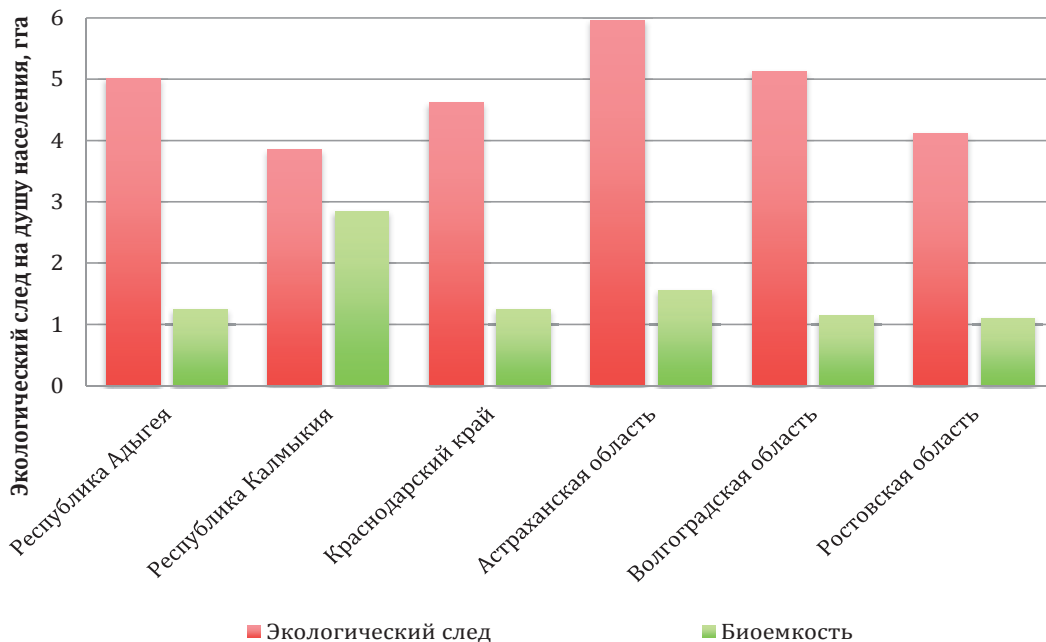
R – критерий оценки факторов риска и неопределенности (R_i) (финансовые, экономические, социально-экологические риски, неопределенность природно-климатических условий и т.п.); при этом R → min.

$$R = \sum_{i=1}^n w_i * R_i \quad (5)$$

t – критерий оценки временного фактора (сроки реализации проекта; период окупаемости мелиоративного проекта и т.п.), при этом t ⇒ min.

Обобщенный критерий, позволяющий оценить эффективность региональной мелиоративной Программы, представим как взвешенную сумму ключевых параметров, в которую каждый из критериев входит с определенным весом (w_i) его значимости (важности). На основе полученной модели можно спрогнозировать потенциальную направленность Программы, эффективность развития мелиорации на региональном уровне. При экономическом обосновании общественной и коммерческой значимости мелиоративных Программ на региональном уровне целесообразно использовать оптимизационные модели комплексной оценки результатов таких мероприятий и учета их финансовой реализуемости за определенный расчетный период, а также иметь расчеты по показателю «экологический след». Расчет экологического следа позволит субъектам Федерации отслеживать совокупный эффект воздействия на окружающую среду, разрабатывать меры, предупреждающие нарушение экосистем (рис. 3) [13].

Рис. 3.
Экологический след и биоемкость регионов Южного федерального округа, 2016 год

Заключение

Анализ состояния сельского хозяйства и рассмотрение эффективности применения Программ развития мелиоративного комплекса по ЮФО позволяет выявить общие сложившиеся проблемы, которые без серьезной государственной финансовой поддержки невозможно решить в современных условиях. Рациональное распределение финансовых вложений позволит реализовать долгосрочные стратегии развития

в сфере агропромышленного комплекса во взаимосвязи с осуществлением эффективной работы по развитию мелиорации на региональном уровне и в масштабах всей страны. Применение сбалансированной системы земледелия на орошаемых землях Юга России позволит повысить рентабельность сельскохозяйственных предприятий и обеспечить экономию водных ресурсов.

Библиографический список

1. Федеральная служба государственной статистики. Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство. Продукция сельского хозяйства по категориям хозяйств [Электронный ресурс]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel1.htm (дата обращения: 26.05.2020).
2. Shchedrin V.N., Vasilyev S.M., Kolganov A.V., Medvedeva L.N., Kupriyanov A.A. Meliorative institutional environment – area of state interests // *Espacios*. 2018. Vol. 39, № 12. P. 28.
3. Распределение результата и субсидий по Южному федеральному округу Российской Федерации на реализацию мероприятий ведомственной программы «Развитие мелиоративного комплекса России» на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://mcs.ru/upload/iblock/904/904af2716ff67cf6853ca654886fb34a.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).
4. Мелиоративно-водохозяйственный комплекс Республики Адыгея. Официальный сайт ФГБУ Управление Адыгеямелиоводхоз [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adygvodhoz.ru/melioratsiya-v-adygee/meliorativno-vodokhozyajstvennyj-kompleks-respubliki-adygeya> (дата обращения 27.05.2020).
5. Постановление Правительства Республики Калмыкии от 16 сентября 2011 года № 320 Об утверждении республиканской целевой программы «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель Республики Калмыкия на период до 2020 года» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460202029> (дата обращения 27.05.2020).
6. Фролов М. Мелиоративный комплекс – важная ресурсная составляющая агропромышленного комплекса Кубани // *Вестник агропромышленного комплекса*. 2016. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnikap.k.ru/articles/portret-regiona/mikhail-frolov-meliorativnyy-kompleks-vazhneyshaya-resursnaya-sostavlyayushchaya-agropromyshlennogo> (дата обращения 26.05.2020).
7. Медведева Л.Н., Медведев А.В., Вагнер А.С. Agricultural performance Волгоградской области: вектор на мелиорацию сельскохозяйственных земель // *Материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции. ФГБНУ «Прикаспийский аграрный федеральный научный центр Российской академии наук»*. 2019. С. 161–168.
8. Рекомендации Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Актуальные вопросы развития мелиоративного комплекса маловодных регионов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/103748> (дата обращения 06.05.2020).
9. Постановление Правительства Астраханской области от 19 декабря 2013 года № 557-П О государственной программе «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения Астраханской области на 2014–2020 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460224391> (дата обращения 28.05.2020).
10. Щедрин В.Н., Колганов А.В., Васильев С.М., Чураев А.А. Оросительные системы России: от поколения к поколению: монография // В 2 ч. Ч. 1. Новочеркасск: Геликон. 2013. 283 с.
11. Мелихов В.В. Роль орошаемого земледелия при разработке концепции национальных планов устойчивого развития агроландшафтов // В сборнике: «Агроэкология, мелиорация и защитное лесоразведение». Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 509–513.
12. Карпенко Н.П. Основные пути повышения экологической безопасности функционирования оросительных систем нового поколения // *Природообустройство*, 2016. Вып. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.timacad.ru/dl/full/gmgrp-16-2016-03.pdf> (дата обращения 22.05.2020).
13. Гурина И.В., Медведева Л.Н. Мелиоративный биопотенциал и экологический след Юга России // *Мелиорация и водное хозяйство*. 2019. Ч. 1. С. 156–160.

References

1. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Sel'skoe hozyajstvo, ohoty, lesnoe hozyajstvo. Produktiya sel'skogo hozyajstva po kategoriyam hozyajstv [Elektronnyj resurs]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/tab-sel1.htm (data obrashcheniya: 26.05.2020).*
2. *Shchedrin V.N., Vasilyev S.M., Kolganov A.V., Medvedeva L.N., Kupriyanov A.A. Meliorative institutional environment – area of state interests // Espacios. 2018. Vol. 39, № 12. P. 28.*
3. *Raspredelenie rezul'tata i subsidij po YUzhnomu federal'nomu okrugu Rossijskoj Federacii na realizaciyu meropriyatij vedomstvennoj programmy «Razvitie meliorativnogo kompleksa Rossii» na 2020 god i na planovyy period 2021 i 2022 gg. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/904/904af2716ff67cf6853ca654886fb34a.pdf> (data obrashcheniya: 22.05.2020).*
4. *Meliorativno-vodohozyajstvennyj kompleks Respubliki Adygeya. Oficial'nyj sayt FGBU Upravlenie Adygeyameliiovodhoz [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.adygvodhoz.ru/melioratsiya-v-adygee/meliorativno-vodokhozyajstvennyj-kompleks-respubliki-adygeya> (data obrashcheniya 27.05.2020).*
5. *Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kalmykii ot 16 sentyabrya 2011 goda № 320 Ob utverzhenii respublikanskoj celevoj programmy «Razvitie melioracii sel'skohozyajstvennyh zemel' Respubliki Kalmykiya na period do 2020 goda» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460202029> (data obrashcheniya 27.05.2020).*
6. *Frolov M. Meliorativnyj kompleks – vazhnejshaya resursnaya sostavlyayushchaya agropromyshlennogo kompleksa Kubani // Vestnik agropromyshlennogo kompleksa. 2016. № 2. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://vestnikapk.ru/articles/portret-regiona/mikhail-frolov-meliorativnyy-kompleks-vazhnejshaya-resursnaya-sostavlyayushchaya-agropromyshlennogo> (data obrashcheniya 26.05.2020).*
7. *Medvedeva L.N., Medvedev A.V., Vagner A.S. Agricultural performance Volgogradskoj oblasti: vektor na melioraciyu sel'skohozyajstvennyh zemel' // Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy Internet-konferencii. FGBNU «Prikaspijskij agrarnyj federal'nyj nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk». 2019. S. 161–168.*
8. *Rekomendacii Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii «Aktual'nye voprosy razvitiya meliorativnogo kompleksa malovodnyh regionov Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/103748> (data obrashcheniya 06.05.2020).*
9. *Postanovlenie Pravitel'stva Astrahanskoj oblasti ot 19 dekabrya 2013 goda № 557-P O gosudarstvennoj programme "Razvitie melioracii zemel' sel'skohozyajstvennogo naznacheniya Astrahanskoj oblasti na 2014 – 2020 gody" [Elektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460224391> (data obrashcheniya 28.05.2020).*
10. *SHCHedrin V. N., Kolganov A.V., Vasil'ev S. M., CHuraev A.A. Orositel'nye sistemy Rossii: ot pokoleniya k pokoleniyu: monografiya // V 2 ch. CH. 1. Novocherkassk: Gelikon. 2013. 283 s.*
11. *Melihov V.V. Rol' oroshaemogo zemledeliya pri razrabotke koncepcii nacional'nyh planov ustojchivogo razvitiya agrolandshaftov // V sbornike: «Agroekologiya, melioratsiya i zashchitnoe lesorazvedenie». Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. S. 509–513.*
12. *Karpenko N.P. Osnovnye puti povysheniya ekologicheskoy bezopasnosti funkcionirovaniya orositel'nyh sistem novogo pokoleniya // Prirodoobustrojstvo, 2016. Vyp. 3. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://elib.timacad.ru/dl/full/gmgup-16-2016-03.pdf> (data obrashcheniya 22.05.2020).*
13. *Gurina I.V., Medvedeva L.N. Meliorativnyj biopotencial i ekologicheskij sled YUga Rossii // Melioratsiya i vodnoe hozyajstvo. 2019. ch1 S. 156–160.*

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ ВНИИОЗ, 400002, г. Волгоград, ул. имени Тимирязева, д. 9.
FGBNU VNIIOZ, 9, Timiryazev Street, 400002, Volgograd, Russia
vnioz@yandex.ru
Сизов Юрий Иванович / Yuri I. Sizov
ysizov25@mail.ru

РЕШАЯ ТЕКУЩИЕ ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, НЕЛЬЗЯ ЗАБЫВАТЬ ЕГО ПРОБЛЕМЫ¹

SOLVING THE CURRENT CHALLENGES OF AGRICULTURE DEVELOPMENT, DO NOT FORGET ITS PROBLEMS

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-488-495

АЛТУХОВ Анатолий Иванович

Заведующий отделом территориально-отраслевого разделения труда в АПК, Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства (ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ), академик РАН, д.э.н., профессор

Anatoly I. ALTUKHOV

Head of the department of territorial and sectoral division of labor in the agro-industrial complex, Federal Scientific Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Scientific Research Institute for Agricultural Economics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье показана необходимость государственной поддержки развития сельского хозяйства для решения его ключевых проблем, независимо от воздействия на отрасль разного рода рисков, угроз и форс-мажорных обстоятельств. Для этого государству следует соблюдать принцип особой приоритетности по отношению к развитию сельского хозяйства, реально соизмеряя возможность достижения поставленных перед ним целей, и финансированию, исходя из его стратегической значимости для страны и как особого уклада жизни для почти одной четверти ее населения. Только при таких условиях приоритет сельского хозяйства будет не декларируемым и не разовым, а станет общей стратегией его развития, преимущественно опережающего типа, вне зависимости от наличия многих внутренних и внешних рисков, угроз и вызовов.

Abstract

The article shows the need for state support for the development of agriculture to solve its key problems, regardless of the impact on the industry of all sorts of risks, threats

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на онлайн-конференции «Развитие АПК в условиях постпандемической экономики», которая состоялась 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

and force majeure. To this end, the state should observe the principle of special priority in relation to the development of agriculture, really commensurate with the possibility of achieving its goals, and financing, based on its strategic importance for the country and as a special way of life for almost one quarter of its population. Only under such conditions, the priority of agriculture will not be declared and not one-time, but will become a general strategy for its development, mainly ahead of the type, regardless of the presence of many internal and external risks, threats and challenges.

Ключевые слова Сельское хозяйство, население, проблемы, риски, угрозы, вызовы, приоритет, государственная поддержка, бюджет, возможность, финансовое обеспечение, инвестиции, сельские территории.

Keywords Agriculture, population, problems, risks, threats, challenges, priority, state support, budget, opportunity, financial support, investment, rural territories.

Введение

В современных условиях развитие сельского хозяйства, как наиболее уязвимой отрасли АПК, является не только отраслевой, но и крупной межотраслевой проблемой. Поэтому ее решение в первую очередь определяется проводимой государством по отношению к сельскому хозяйству макроэкономической политикой. Именно успехи и неудачи развития сельскохозяйственного производства отражаются на уровне обеспечения населения страны продовольствием. Поэтому от воздействия на сельское хозяйство разного рода неблагоприятных факторов внутреннего и внешнего характера нельзя забывать о ее проблемах и диспропорциях, часть которых накапливалась годами, а другие возникают постоянно. Это объективно повышает роль государства в их решении, даже независимо от наличия и возникновения разного рода рисков и угроз, а также форс-мажорных обстоятельств, вроде коронавирусной пандемии.

Результаты. «В последние годы нестабильность развития экономики, неустойчивость курса рубля, падение реальных доходов населения, усиление зарубежных санкций, обострение внутренних и внешних рисков и угроз негативно отразились на ведении сельского хозяйства как базовой и одновременно наиболее уязвимой отрасли аграрной сферы экономики» [6]. Однако и в этих условиях данная отрасль показала свою традиционную «живучесть», о чем можно судить по его темпам развития и неуклонно возрастающему уровню самообеспеченности страны основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, значительному сокращению их импорта и увеличению экспорта.

Более того, став своего рода драйвером и своеобразным «локомотивом роста» экономики, одновременно сельское хозяйство по-прежнему оставалось ее донором. В эти непростые для экономики страны годы развитие сельского хозяйства доказало, что когда государственная власть обращает на него внимание, пытаясь увеличить объемы финансирования, даже далеко несопоставимые по размеру с потребностями в них отрасли и ее значимостью для общества и государства, то оказалось, что сельское хозяйство может развиваться более ускоренными темпами как по отношению к экономике в целом, так и к ее отдельным приоритетным отраслям.

Однако российская экономика, имея в последние годы слабый рост и падение уровня реальных доходов населения, в текущем году столкнулась с коронавирус-

ной пандемией и мировым экономическим кризисом, спровоцировавшими более чем вдвое снижение мировых цен на углеводородное сырье и топливо. Безусловно, это прямо или косвенно негативно отразится на экономике страны, уровне жизни ее населения. Так, по разным экспертным оценкам, падение ВВП может составить от 4,5–8,0 до 12,3%, а реальные доходы населения могут снизиться на 6,8–15,0%, число безработных повыситься с 2,5 до 8,0 млн человек. Трудным и относительно продолжительным ожидается и восстановление экономической активности в стране.

Что касается развития сельского хозяйства, то произошедшие события также могут быть болезненными для него и не учитывать их в полной мере нельзя, как и действие экономических санкций, ограничивающих производство продукции отрасли и возможности ее экспорта. Вместе с тем, если сослаться на прогноз развития сельского хозяйства, разработанный Минсельхозом России, который основывается на достигнутых результатах развития отрасли и оценке сложившейся текущей социально-экономической ситуации в стране, то согласно ему не ожидается резкого спада производства сельскохозяйственной продукции. Так, «в 2020 г. индекс производства продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах) возможен на уровне 101,7% по отношению к 2019 г., когда ее прирост составлял 4,0% к уровню 2018 г.» [2]. В растениеводстве прирост производства продукции ожидается на уровне 1,9% по отношению к предыдущему году, когда он равнялся 6,1%. Прирост производства животноводческой продукции прогнозируется на уровне 1,5% по отношению к 2019 г., когда он составлял 1,6% к уровню 2018 г. [2].

Таким образом, в текущем году возможно сохранение положительной динамики развития сельского хозяйства и его подотраслей, хотя темпы прироста производства продукции по сравнению с 2019 г. будут существенно ниже, особенно по продукции растениеводства. Так, в целом по отрасли они уменьшатся на 2,3 процентных пункта, по растениеводству – на 4,2 и по животноводству – на 0,1 п.п. При этом темпы прироста производства сельскохозяйственной продукции будут ниже на 0,1 п.п. целевого показателя Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2025 годы (далее – Государственная программа). Из этого следует вывод, что в текущем году не стоит ожидать резкого спада производства продукции отрасли, разве только по отдельным видам продукции растениеводства.

Безусловно, кроме отмеченных неблагоприятных макроэкономических условий, сохранятся и другие внутренние и внешние риски и угрозы, которые в той или иной степени прямо или косвенно будут воздействовать на развитие сельского хозяйства и его отдельные подотрасли, нарушая процесс воспроизводства, создавая дополнительные трудности и требуя излишних расходов. Это негативно отразится как на эффективности производства продукции отрасли, так и на ее качестве и конкурентоспособности на внутреннем и мировом агропродовольственных рынках.

Ограничивающим фактором развития сельского хозяйства по-прежнему остаются не только относительно низкие реальные доходы значительной части населения, но и их существенное падение, что не исключает введения адресной помощи малоимущим гражданам, для чего необходимо ускорить реализацию программы внутренней продовольственной помощи. При такой ситуации приходится одновременно решать вопросы наращивания производства отдельных видов продовольствия, которые страна продолжает импортировать для удовлетворения платежеспособного спроса населения, и создавать экспортные ресурсы хотя бы для удержания

своей ниши на рынках стран-импортеров российских продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья.

Кроме того, сохраняются природно-климатические риски в разных формах и масштабах их проявления на огромной территории страны по отношению к устойчивости возделывания той или иной сельскохозяйственной культуры. Например, преимущественно из-за влияния неблагоприятных агрометеорологических условий в годы реализации второй Государственной программы (2013–2019 гг.) в стране производство зерна колебалось от 92,4 до 135,5 млн т, или почти в полтора раза (46,6%), что негативно отражалось на устойчивости доходов зернового хозяйства и смежных с ним отраслей.

Предстоит также преодолевать и смягчать и другие риски и угрозы, вызванные не только объективными причинами, но и разного рода упущениями в хозяйственной деятельности, недостатками в использовании государственной поддержки сельского хозяйства, регулировании отдельных сегментов внутреннего агропродовольственного рынка и неразвитости сельской кооперации в ее разных формах. Хотя в последние годы в развитии сельского хозяйства был создан определенный запас прочности, тем не менее, пока аграрный потенциал еще далеко не соответствует результатам его рационального использования. Поэтому в текущем году можно сохранить положительную динамику развития сельского хозяйства, несмотря даже на форс-мажорные обстоятельства, если все задействованные ресурсы использовать более эффективно, оптимизируя затраты. Возможности такие имеются в каждой из его подотраслей при производстве, обмене, распределении и потреблении каждого вида сельскохозяйственной продукции, особенно тех из них, по которым еще сохраняется высокий уровень импорта.

Необходимость государственной поддержки развития сельского хозяйства для решения его ключевых проблем и повышения эффективности функционирования вызвана тем, что «...в силу традиционных особенностей ведения отрасли и ее возрастающей роли в обществе и экономике страны, невозможно обеспечить только с помощью использования рыночных регуляторов. При этом она должна восприниматься обществом и государством как определенная естественная компенсация сельскому хозяйству неизбежных потерь в условиях его традиционно слабой экономической защищенности от разного рода рисков и угроз внутреннего и внешнего характера» [4].

Однако современный уровень государственной поддержки сельского хозяйства не позволяет более активно решать системные проблемы отрасли, осуществлять в рациональных размерах ускоренное импортозамещение, сокращать значительную региональную дифференциацию в уровне жизни сельского населения, достойно оплачивать труд работника. Недостаточная государственная поддержка, сложившаяся в настоящее время, объясняется как неустойчивостью развития экономики, так и в силу проводимой государством макроэкономической политики по решению ключевых проблем сельского хозяйства, особенно его малых форм хозяйствования, связанных с их спецификой производства отдельных видов продукции, спецификой жизни на селе.

На протяжении реализации второй Государственной программы в структуре расходов государственного бюджета при доле отрасли сельского хозяйства почти 5% в объеме валовой добавленной стоимости удельный вес в инвестициях не превышает 3,8% в общем объеме. В то же время объем средств, полученный от экспорта

продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, становится одним из источников поступления в бюджет страны, повышения ее имиджа в мире. Это говорит о том, что сельское хозяйство по его основным макроэкономическим показателям в экономике страны, то оно по существу не получило приоритетного внимания со стороны государства. Так, удельный вес сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости выше, чем его доля в сальдированном финансовом результате, инвестициях в основной капитал, структуре расходов консолидированного бюджета.

В 2018 г. доля сельских жителей в общей численности населения страны составила почти 26%, а удельный вес безработных на селе превысил 7% при 4,1% в городе. Уровень бедности на селе втрое выше, чем в городе. Кроме того, за чертой бедности находится каждый четвертый житель села, в то время как среди горожан каждый восьмой. По обеспеченности всеми видами благоустройства сельский жилищный фонд в 2,3 раза уступает городскому. Кроме того, в условиях почти повсеместного бездорожья в результате так называемой «оптимизации» объектов социальной сферы села в 1,5–2 раза увеличился радиус их доступности, что и без того ухудшило качество жизни сельского населения, большинство которого и так живет по принципу выживания. При такой ситуации на селе почти две трети сельской молодежи желает покинуть свою малую родину.

В последние годы наблюдается рост производства сельскохозяйственной продукции даже при условиях, неблагоприятных для ее выращивания. Однако отечественные товаропроизводители выплачивают в бюджет государства почти в два раза больше платежей в виде налогов и сборов, чем получают из бюджета в виде субсидий, чего нельзя сказать о поддержке государством фермеров экономически развитых стран. При этом неплатежеспособность хозяйствующих субъектов и беспрецедентная кредиторская задолженность в размере более 3 трлн руб. (2018 г.) приводит их к банкротству. При условии, что объем чистой прибыли, который более чем в 10 раз меньше общей кредиторской задолженности, направляется на чистое накопление и тем самым не обеспечивает устойчивое развитие отрасли. В результате, у 53,4% сельскохозяйственных организаций уровень рентабельности с учетом субсидий не превышает 20%.

В сложившихся условиях государству не только не следует допускать такого положения, а наоборот, соблюдать приоритетность сельского хозяйства перед другими отраслями. Для этого необходимо довести объем государственной поддержки до 9 млрд долл. и больше, разрешенной требованиями ВТО, реально соизмеряя при этом возможность достижения поставленных перед отраслью приоритетных целей и не допуская снижения бюджетного финансирования ни при каких обстоятельствах, учитывая, что такие возможности в стране имеются. Только при этих условиях приоритет сельского хозяйства не будет ни декларируемым и не разовым, а станет общей стратегией его развития.

Поэтому, учитывая, что в современных условиях и в перспективе развитие сельского хозяйства не только как базовой отрасли аграрной сферы, но и экономики страны в целом, является крупной межотраслевой проблемой, решение которой во многом зависит от его поддержки государством в ее разных формах, необходимо в ежегодном Национальном докладе о ходе выполнения Государственной программы отражать роль и место отрасли в экономике страны по ее удельному весу в валовой добавленной стоимости, сальдированном финансовом результате, инвестициях в основной капитал и структуре расходов консолидированного бюд-

жета. Важно это сделать еще и потому, что государство неоднократно уменьшало предусмотренные бюджетом средства на развитие сельского хозяйства, ссылаясь на хорошие результаты, полученные в последние годы в сельском хозяйстве, объясняя это действием механизма саморазвития, который не требует дополнительных государственных средств.

Расчеты показали, что объем государственной поддержки, предусмотренный правилами ВТО, составляет менее 75% суммы. Это является тем минимумом, который способен сохранить полученный уровень производства продукции сельского хозяйства. Таким образом, 53,3% расхода консолидированного бюджета, предусмотренные принятой Государственной программой на устойчивое развитие отрасли, не способствуют достижению поставленных в ней целей.

Данная политика, если не принять безотлагательных мер, может привести как к усилению негативных последствий, увеличению средств для развития сельского хозяйства, так и к ситуации, когда на значительных сельских территориях страны уже некого и нечего будет поддерживать.

Исходя из материалов средств массовой информации, сельское хозяйство является самодостаточной для развития отраслью. Однако практика экономически развитых стран показывает, что эта отрасль со своей спецификой развития требует регулярной поддержки государством в значительных объемах и проведения протекционистской внешнеторговой политики [4, с. 424]. В отечественном же сельском хозяйстве имеется много проблем, не решив которые трудно обеспечить в необходимых объемах население страны продовольствием высокого качества, а работников, занятых сельскохозяйственным трудом, – достойной оплатой труда и уровнем жизни, сопоставимыми с городскими.

Результаты выполнения Государственной программы комплексного развития сельских территорий на период до 2025 года [1] показали не только нестабильное, но даже резкое сокращение финансирования отрасли. Так, на период с 2020 по 2022 г. из федерального бюджета предусмотрено выделить сумму в размере 24,3% от заявленной в паспорте программы. Крайне низким является и предполагаемый рост среднемесячного объема ресурсов, предназначенный для одного члена домашнего хозяйства в сельской местности. За семь лет предусматривается увеличить эти ресурсы лишь на 11,4% и довести их до 21 870 руб. к 2025 г. Это, можно с уверенностью сказать, не позволит значительно улучшить уровень жизни сельского населения, что затруднит обеспечение продовольственной безопасности страны и сделает практически невозможным увеличение вдвое экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья.

Опасение может вполне оправдаться, если начнется пересмотр и корректировок ряда государственных программ в связи с негативным влиянием на экономику падения мировых цен на углеводородное сырье и топливо и борьбой с последствиями пандемии, когда в числе первых претендентов на сокращение государственной поддержки, как это происходило не один раз, окажется сельское хозяйство со своими программами и не решенными проблемами, которые по количеству значительно превышают первые. К тому же и в самом сельском хозяйстве складывается неоднозначное положение с темпами роста инвестиций в основной капитал отрасли и наращивания производства ее продукции. Так, согласно Государственной программе, заявленные в ней показатели по их росту вызывают определенную осторожность в достижении ее целей.

Государственной программой предусмотрено обеспечить прирост производства сельскохозяйственной продукции на уровне 16,3% к показателю 2017 г. При неразвитой экспортной инфраструктуре запланировано увеличение в 2,1 раза объема экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья. При этом предполагается, что прирост инвестиций в основной капитал сельского хозяйства должен составить 21,8%, что более чем вдвое ниже среднегодового прироста инвестиций в основной капитал экономики страны. Но именно инвестиции, как известно, являются основой обеспечения расширенного воспроизводства и экономического роста отрасли. Положение усугубляется еще и тем обстоятельством, что свыше половины средств финансирования инвестиций приходится на собственные источники, тем самым существенно ограничивает возможности для ускоренного внедрения инноваций. Кроме того, необходимо иметь в виду, что сельское хозяйство по-прежнему остается высоко зависимым от импорта отдельных видов средств производства, без обеспеченности которыми оно не может успешно развиваться.

Таким образом, недостаточные объемы инвестиций в сельское хозяйство и низкие темпы их роста по сравнению с этими показателями в целом по экономике не могут обеспечить модернизацию отрасли, что отрицательно отразится на снабжении населения экономически доступным продовольствием (молоком и молокопродуктами, говядиной, овощами и фруктами) и ставит под сомнение доведение экспорта в объеме 45 млрд долл. в 2024 г. Поэтому нежелательно, чтобы сельское хозяйство, как неоднократно происходило и раньше, в первую очередь попало под секвестирование государственного бюджета, который в силу разного рода обстоятельств и так неоднократно сокращался. Наоборот, следует предусмотреть увеличение инвестиций в сельское хозяйство, предусмотренных Государственной программой, увязав ее основные мероприятия и целевые индикаторы с показателями федерального проекта «Экспорт продукции агропромышленного комплекса».

Уровень производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции недостаточен, и увеличение объемов ее экспорта возможно только при условии привлечения малого и среднего предпринимательства. Необходимым условием при этом остается развитие сельской кооперации. Однако рост объемов экспорта не должен осуществляться в ущерб отечественному потребителю пищевых продуктов и эффективному функционированию агропродовольственного рынка внутри страны.

В целях повышения эффективности развития сельского хозяйства и конкурентоспособности его продукции на внутреннем и мировом агропродовольственных рынках следует переходить от его регулирования к управлению, от фрагментарности планирования к постоянному планированию и прогнозированию за счет централизации государственного управления отраслью, что объективно повышает роль Минсельхоза России, преобразования его в единый регулирующий, координирующий и научно-исследовательский аграрный сектор страны, в первую очередь ответственный за обеспечение ее продовольственной безопасности.

Необходимо активизировать научные исследования по разработке системы прогнозов, применению наиболее эффективных тактических и стратегических мер и механизмов их реализации, направленных на упреждение, смягчение и ликвидацию разного рода рисков, угроз, вызовов и форс-мажорных обстоятельств, прямо или косвенно воздействующих на развитие сельского хозяйства и его отдельных подотраслей, обеспечение национальной продовольственной безопасности.

Итак, Россия – это страна, для которой характерны особое геополитическое положение и огромные территории, сельское хозяйство имеет особое значение с особым укладом жизни для почти 25% населения с характерными национальными и культурными традициями. Поэтому и к развитию сельского хозяйства государству следует относиться по-особому, исходя из его стратегической значимости для страны.

Библиографический список

1. Государственная программа комплексного развития сельских территорий на период до 2025 года // Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации на 31.05.2019 № 696.
2. Национальный доклад «О ходе и результатах реализации в 2019 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2025 годы».
3. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. – Минэкономразвития России. – 95 с.
4. Алтухов А.И. Парадигма продовольственной безопасности России: монография / А.И. Алтухов. – М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019. – С. 424.
5. Алтухов А.И. Первоочередные меры по реализации новой доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации / А.И. Алтухов // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 3. – С. 2–10.
6. Алтухов А.И. Предотвращение рисков и угроз обеспечения продовольственной безопасности – необходимое условие пространственного развития сельского хозяйства / А.И. Алтухов // Вестник курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2018. – № 7. – С. 150–158.

References

1. Gosudarstvennoj programmy kompleksnogo razvitija sel'skih territorij na period do 2025 goda // Uтверждена постановлением Pravitel'stva Rossijskoj Federacii na 31.05.2019 g. № 696.
2. Nacional'nyj doklad «O hode i rezul'tatah realizacii v 2019 godu Gosudarstvennoj programmy razvitija sel'skogo hoz'jajstva i regulirovanija rynkov sel'skohoz'jajstvennoj produkcii, syr'ja i prodovol'stvija na 2013–2025 gody».
3. Prognoz social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda. – Minjekonomrazvitija Rossii. – 95 s.
4. Altuhov A.I. Paradigma prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii: monografija / A.I. Altuhov. – M.: Fond «Kadrovij rezerv», 2019. – S. 424.
5. Altuhov A.I. Pervoocherednye mery po realizacii novej doktriny prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / A.I. Altuhov // Jekonomika sel'skogo hoz'jajstva Rossii». – 2020. – № 3. – S. 2–10.
6. Altuhov A.I. Predotvrashhenie riskov i ugroz obespechenija prodo-vol'stvennoj bezopasnosti – neobhodimoe uslovie prostranstvennogo razvitija sel'skogo hoz'jajstva / A.I. Altuhov // Vestnik kurskoj gosudarstvennoj sel'skohoz'jajstvennoj akademii. – 2018. – № 7. – S. 150–158.

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ ФНЦ ВНИИЭСХ, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, д. 35, корпус 2.
All-Russian Scientific Research Institute for Agricultural Economics, 35-2, Horoshevskoe highway,
123007, Moscow, Russia
Алтухов Анатолий Иванович / Anatoly I. Altukhov
+7 (499) 195-60-32, prognos@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS AFTER A PANDEMIC

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-496-501

ЗАКШЕВСКИЙ Василий Георгиевич

Директор ФГБНУ «Научно-исследовательский институт экономики и организации АПК Центрально-Черноземного района Российской Федерации» (НИИЭОАПК ЦЧР России), академик РАН, д.э.н., профессор

Vasiliy G. ZAKSHEVSKII

Director of the Research Institute of Economics and Organization of the Agro-Industrial Complex of the Central Black Earth Region of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor

ГАВРИЛОВА Зоя Вадимовна

Ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Научно-исследовательский институт экономики и организации АПК Центрально-Черноземного района Российской Федерации», к.э.н.

Zoya V. GAVRILOVA

Leading Researcher of the Research Institute of Economics and Organization of the Agro-Industrial Complex of the Central Black Earth Region of the Russian Federation, PhD in Economics

Аннотация

Пандемия коронавируса значительно изменила структуру сельской экономики России, четче проявив ее негативные черты (моноспециализацию, отсутствие развитой диверсификации и достаточной социальной инфраструктуры). Но возможно увидеть и положительные эффекты влияния пандемии коронавируса на сельскую экономику и качество жизни сельских жителей. Прежде всего, это может выразиться в развитии внутрироссийского туризма (аграрного, этнокультурного, религиозного, историко-краеведческого, рекреационного), в краткосрочном и долгосрочном миграционном приросте населения из городов в сельскую местность, в повышении обеспеченности адресной защиты наиболее социально незащищенных групп сельского населения, в решении экологических вопросов. Как следствие, на сельских территориях может начаться более активное разви-

1 Статья публикуется по материалам доклада, представленного на онлайн-конференции «Развитие АПК в условиях постпандемической экономики», которая состоялась 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

тие местной торговли, в т.ч. онлайн, производство местных товаров небольшими партиями под локальными брендами, восстановление сельских малокомплектных школ, медицинских учреждений (фельдшерско-акушерских пунктов), социальной инфраструктуры.

Abstract

The coronavirus pandemic has significantly changed the structure of the rural economy in Russia, clearly showing its negative features (monospecialization, lack of developed diversification and sufficient social infrastructure). But it is also possible to see the positive effects of the coronavirus pandemic on the rural economy and the quality of life of rural residents. First of all, this can be expressed in the development of intra-Russian tourism (agricultural, ethno-cultural, religious, historical and local history, recreational), in the short-and long-term migration growth of the population from cities to rural areas, in increasing the provision of targeted protection for the most socially unprotected groups of the rural population, in solving environmental issues. As a result, more active development of local trade, including online, the production of local goods in small batches under local brands, the restoration of rural schools, medical institutions (paramedic and midwifery centers), and social infrastructure can begin in rural areas.

Ключевые слова

Пандемия коронавируса, сельские территории, сельская экономика, возможности, перспективы.

Keywords

Coronavirus pandemic, rural territories, rural economy, opportunities, prospects.

В допандемический период в сельской экономике господствовал узкоотраслевой аграрный подход, который предполагал моноспециализацию сельской экономики, прежде всего сельскохозяйственную, но дальнейшее повышение производительности труда за счет внедрения инновационных разработок в сельском хозяйстве ведет к сокращению рабочих мест и не позволяет привлечь большую часть трудоспособного сельского населения на работу в агропромышленный сектор. Поэтому в настоящее время необходимо искать все возможные пути для повышения занятости на селе и стабилизации доходов сельского населения. Последствия пандемии коронавируса могут привести к положительным эффектам как в области диверсификации сельской экономики, так и в повышении качества жизни населения сельских территорий в целом.

Во-первых, миграция городских жителей в результате введения карантинных мероприятий может способствовать развитию сельских территорий, но при активном участии государства, направленном на улучшение условий жизни местного и приезжего населения. Так, 26 мая 2020 г. комитет Совета Федерации Федерального Собрания РФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию в режиме видеоконференции провел совещание на тему «Роль сельских территорий в обеспечении пространственного развития Российской Федерации», где было отмечено, что растущий запрос в обществе на проживание в местах, где в большей степени безопасно для жизни, создает определенные предпосылки для переселения людей из больших городов в малые города и села.

На селе могут остаться приезжие, которые потеряли работу в городе и которые станут проживать в селе в целях экономии своих средств, т.к. условия сельской жизни предполагают меньшее расходование средств на повседневные нужды из-за отсутствия городских соблазнов. Также могут вернуться селяне, работающие в других регионах и за рубежом, возрастет приток городских жителей, которые на время карантина переехали в село, а также в сельскую местность могут перебраться специалисты, уже сейчас работающие удаленно, но для этого нужно эффективно организовать большое количество рабочих мест дома с такими элементами инфраструктуры, как скоростной интернет, интернет-банкинг, облачные технологии, инновационные почтовые службы. Такие инфраструктурные инновации будут способствовать увеличению сфер диверсификации занятости на сельских территориях и развития малого и среднего бизнеса с формированием локализованных закрытых продовольственных цепей (продвижению инновационной концепции слоуфуд – международное эко-гастрономическое движение, поддерживающее производство местных экологически чистых продуктов питания, – и крафтовому производству – продукты, сделанные не на заводе, а в мастерской, маленькими партиями по индивидуальным рецептам).

Сейчас приобретают особую актуальность развитие в сельской местности сервисной экономики, ориентированной на привлечение горожан в пригородные зоны и на предоставление сельскому населению на удаленных территориях современных услуг с использованием новейших технических достижений, в том числе электронной коммерции и дистанционного образования [1].

Причем миграция населения из городов в сельскую местность может иметь как долгосрочный характер (в качестве постоянного места жительства приобретается недвижимость часто в родовом или ближнем селе) и краткосрочный характер (приобретение или аренда недвижимости для пребывания на летний период).

Во-вторых, последствия пандемии будут способствовать дальнейшему развитию сельского туризма, который получает новые перспективы, т.к. страны традиционного туризма после окончания карантина не сразу откроют границы, поэтому большое количество населения местом отдыха выберет территорию собственной страны, а многие будут рассматривать отдых в сельской местности, поскольку доходы людей упали в этот кризисный период. Не случайно В.В. Путин на дистанционном совещании по вопросам развития транспортной отрасли 7 мая 2020 г. говорил о необходимости усилить формирование внутреннего туризма и открывать в нем новые направления, чтобы поддержать не только транспортную отрасль, но и туристический и гостиничный бизнес. Создание дешевых массовых туров по России, которые будут доступны соотечественникам после окончания кризиса, связанного с коронавирусом, станет залогом успеха при восстановлении туристической отрасли страны. Таким образом, туризм вообще и сельский туризм в частности может стать локомотивом выхода из кризиса для многих регионов России после победы над коронавирусом, ведь многие регионы уже шли по этому пути, предлагая туристические услуги (Белгородская область, Алтайский край, Камчатский край и т.д.) [2].

Сельский туризм может быть разнообразным по своей сути и включать следующие направления:

- агротуризм (ознакомление с особенностями ведения сельского хозяйства на крупных и малых сельскохозяйственных предприятиях, с процессом переработки сельхозпродукции и традиционными для каждого поселения видами деятельности);

- историко-краеведческое (ознакомление с памятниками истории и культуры, посещение краеведческих музеев на территории сельских поселений; проведение экскурсий по находящимся на сельской территории дворянским усадьбам);
- этнокультурное (повышение культурно-образовательного уровня за счет посещения клубных учреждений, кинотеатров, знакомство с деятельностью творческих ансамблей, ознакомление с творчеством местных художников, занимающихся народными промыслами: вышивка, ковроткачество, обработка дерева, вязание, народные игрушки, лозоплетение и др.);
- религиозное (посещение храмов и монастырей всех конфессий, расположенных в сельской местности);
- рекреационное (оздоровление и отдых на реках, озерах, обустроенных прудах, в охотничьих хозяйствах, где предоставляются услуги охоты и рыбалки, проведение экскурсий по природным памятникам) [3].

В-третьих, дальнейшее развитие льготной сельской ипотеки. Льготная ипотека – это один из инструментов Государственной программы комплексного развития сельских территорий. На сегодняшний день в рамках Госпрограммы данным инструментом уже воспользовались 3800 человек в 61 регионе. Кредитов выдано на 7,7 млрд руб. При этом заявок Минсельхоз России получил на 102,4 млрд руб. Желающих приобрести под 3% годовых в размере до 3 млн руб. стоимости полноценный дом или земельный участок сейчас в пять раз больше предусмотренного лимита, причем данные условия привлекательны и для городских жителей, стремящихся улучшить свои условия вместе с переездом в сельскую местность.

К сожалению, правительство в 2019 г. сократило финансирование госпрограммы «Комплексное развитие сельских территорий» с 2,29 млрд до 1,49 млрд руб. на 2020–2022 гг., то есть в полтора раза, причем основное сокращение финансирования госпрограммы коснулось развития инфраструктуры на селе и жилищного строительства (куда и входит сельская ипотека). Сейчас на поддержку сельской ипотеки оставлен 1 млрд руб., хотя в условиях пандемии коронавируса и неясности вопроса ее окончания многие люди захотели бы воспользоваться такой возможностью, как приобрести частный дом в целях самоизоляции.

Помимо принятия мер по текущей поддержке и дальнейшему развитию сельских территорий 26 мая 2020 г. Правительством РФ была признана необходимой разработка проекта федерального закона «Об устойчивом развитии сельских территорий» с акцентом на брендинг территорий и развитие семейного фермерского хозяйства.

В-четвертых, нужно обеспечить адресную защиту наиболее социально незащищенных групп сельского населения, пострадавших от пандемии коронавируса (лишившихся доходов вследствие закрытия предприятий, лишившихся кормильца, приносившего большую часть дохода семьи, и т.д.). Такая помощь может быть оказана через субсидирование путешествий по России для социально незащищенных групп граждан, льготы при получении среднего и высшего образования, преимущества в пользовании фондами общественного потребления и т.д.

В-пятых, появится возможность более детально отслеживать экологическое состояние сельских территорий, т.к. предполагается развитие инфраструктурных условий в сельской местности в связи с притоком городских переселенцев, более разбирающихся в современных информационных технологиях. Для чего потребуется:

- проводить еженедельный мониторинг экологического состояния территории;
- делать системный анализ и составлять прогноз экологического состояния;
- заниматься экологической реабилитацией сельских территорий;
- ввести экологический контроль [3].

Данные мероприятия позволят не только улучшить экологическую обстановку в сельской местности, но и повысить качество производства органической сельскохозяйственной продукции [4].

Как следствие выше описанных процессов, уже частично происходящих на сельских территориях, наиболее вероятными изменениями являются:

- развитие местной торговли, в т.ч. интернет-торговли путем кооперации мелких товаропроизводителей (такой опыт уже имеется в Ракитянском районе Белгородской области);
- восстановление малокомплектных школ за счет притока городских жителей на долгосрочное или краткосрочное поселение (такой опыт есть в Китае, где с 2012 г. было принято «Решение канцелярии государственного совета о реструктуризации системы сельских школ обязательного образования», в котором указывалось на необходимость прекращения ликвидации малокомплектных школ и их укрупнения);
- восстановление медицинских учреждений (фельдшерских пунктов), которые нужны для обеспечения нормальной жизнедеятельности сельского населения и приезжих и для предотвращения массового оттока людей обратно в города (такой опыт есть в Краснодарском крае);
- восстановление социальной, рабочей, транспортной и коммерческой инфраструктуры, которая необходима не только для представителей многих профессий, востребованных в городе, но и для всех сельских жителей (такие процессы идут уже давно согласно многим принятым государственным программам, но в недостаточно быстром темпе) [5].

Библиографический список

1. С. Белоусов: *В ближайшее время подходы к развитию сельских территорий потребуют значительной корректировки* [Электронный ресурс] / <http://council.gov.ru/events/news/116820> (Дата обращения 27.05.2020).
2. Путин призвал форсировать возможности внутреннего туризма [Электронный ресурс] / <https://yandex.ru/turbo/s/vz.ru/news/2020/5/7/1038211.html> (Дата обращения 26.05.2020).
3. *Формирование механизма устойчивого развития сельских территорий* / под редакцией И.Н. Меренковой. – Воронеж: ФГБНУ НИИЭОАПК ЦЧР РОССИИ, 2015. – 190 с.
4. Гаврилова З.В. *Органическое земледелие как фактор развития человеческого капитала сельских территорий // Перспективы развития органического сельского хозяйства в Поволжье (Саратов, 04–05 июня 2019 г.)*. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2019. С. 76–79.
5. Закшевский В.Г., Меренкова И.Н., Новикова И.И., Кусмагамбетова Е.С. *Методический инструментальный диагностики диверсификации сельской экономики // Экономика региона*. – 2019. – Т. 15, вып. 2. – С. 520–533.

References

1. S. Belousov: *V blizhaishee vremya podkhody k razvitiyu sel'skikh terri-torii potrebuyut znachitel'noi korrekcirovki* [Elektronnyi resurs] / <http://council.gov.ru/events/news/116820> (Data obrashcheniya 27.05.2020).

2. *Putin prizval forsirovat' vozmozhnosti vnutrennego turizma [Elektronnyi resurs] / <https://yandex.ru/turbo/s/vz.ru/news/2020/5/7/1038211.html> (Da-ta obrashcheniya 26.05.2020)*
3. *Formirovanie mekhanizma ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii / Pod redaktsiei I.N. Merenkovo – Voronezh: FGBNU NIIEOAPK TsChR ROSSII, 2015. – 190 s.*
4. *Gavrilova Z.V. Organicheskoe zemledelie kak faktor razvitiya chelove-cheskogo kapitala sel'skikh territorii // Perspektivy razvitiya organicheskogo sel'skogo khozyaistva v Povolzh'e (Saratov, 04–05 iyunya 2019 g.). Saratov: Izda-tel'stvo «Saratovskii istochnik». 2019. S. 76–79.*
5. *Zakshevskii V.G., Merenkova I.N., Novikova I.I., Kusmagambetova E.S. Metodicheskii instrumentarii diagnostiki diversifikatsii sel'skoi ekono-miki // Ekonomika regiona. – 2019. – T. 15, vyp. 2. – S. 520–533.*

Контактная информация / Contact information

ФГБНУ «Научно-исследовательский институт экономики и организации АПК Центрально-Черноземного района Российской Федерации», 394042, Россия, Воронеж, ул. Серафимовича, 26А.
Research Institute of Economics and Organization of the Agro-Industrial Complex of the Central Black Earth Region of the Russian Federation, 26A, Serafimovich Street, 394042, Voronezh, Russia
Закшевский Василий Георгиевич / Vasiliy G. Zakshevskii
(473) 222-98-60, vgzak@bk.ru
Гаврилова Зоя Вадимовна / Zoya V. Gavrilova
8 (473) 226-30-45, zoya0203@yandex.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: РИСКИ И МЕРЫ ПО ИХ СНИЖЕНИЮ¹

FOOD SECURITY IN A PANDEMIC: RISKS AND MITIGATION MEASURES

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-502-514

УЗУН Василий Якимович

Главный научный сотрудник Центра агропродовольственной политики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ, д.э.н., профессор

Vasiliy Ya. UZUN

Chief Researcher, Center for Agro-Food Policy, IPEI RANEPА, Doctor of Economic Sciences, Professor

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы продовольственной безопасности в России, в условиях пандемии, оценены риски физического недостатка продовольственных товаров и предложены меры по их снижению. Приведены обобщенные показатели оценки продовольственной безопасности, проанализирована экономическая доступность продовольствия для групп населения с различными уровнями доходов, риск недоедания и голода из-за снижения доходов населения и отсутствия налаженной системы продовольственной помощи, риски остановки производства в отдельных отраслях АПК из-за пандемии и угроза банкротства крупного бизнеса АПК и меры по его поддержке.

Abstract

The article considers the problems of food security in Russia in a pandemic, assesses the risks of physical shortage of food products and suggests measures to reduce them. Generalized indicators of assessing food security are presented, the economic affordability of food for groups of people with different income levels, the risk of malnutrition and hunger due to lower population incomes and the lack of an established food assistance system, the risks of a halt in production in certain sectors of the agricultural sector due to a pandemic and the threat of bankruptcy are analyzed agribusiness and measures to support it.

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на онлайн-конференции «Развитие АПК в условиях постпандемической экономики», которая состоялась 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

Ключевые слова Продовольственная безопасность, продовольственное самочувствие, финансовая устойчивость основных сельхозпроизводителей, пандемия.

Keywords Food security, food well-being, financial sustainability of the main agricultural producers, pandemic.

Методические подходы к оценке рисков продовольственной безопасности в условиях пандемии и выбору мероприятий по их снижению.

Базы данных, необходимые для анализа влияния пандемии на продовольственную безопасность в России только формируются. При недостатке данных и отсутствии их систематизации ограничен выбор методических подходов к исследованию. В данной работе используются в основном:

- анализ влияния на продовольственную безопасность предыдущих экономических кризисов в России;
- использование рекомендаций международных организаций;
- изучение опыта России и других стран по обеспечению продовольственной безопасности в условиях пандемии.

Анализ последствий российских кризисов 1998–1999 гг., 2008–2009 гг., 2014–2016 гг. позволил выявить следующие закономерности влияния кризисов на продовольственную безопасность (рисунки 1–4):

- резкий рост рыночных цен на продовольствие;
- снижение реальных доходов населения;
- сокращение оборота розничной торговли продовольствием;
- рост доли розничной торговли продовольствием в общем торговом обороте;
- рост выручки и прибыли сельскохозяйственных организаций;
- рост рублевой выручки от экспорта продовольствия;
- снижение доли импортного продовольствия в розничном товарообороте.

Первые три фактора способствовали снижению продовольственной безопасности, последние четыре – ее восстановлению после кризисов. Есть все основания предполагать, что закономерности, наблюдавшиеся в предыдущих трех кризисах, будут иметь место и в нынешнем. Количественная характеристика динамики отдельных показателей приведена на рисунках 1–4.

Рис. 1.
Индекс потребительских цен на продовольственные товары, % к предыдущему году

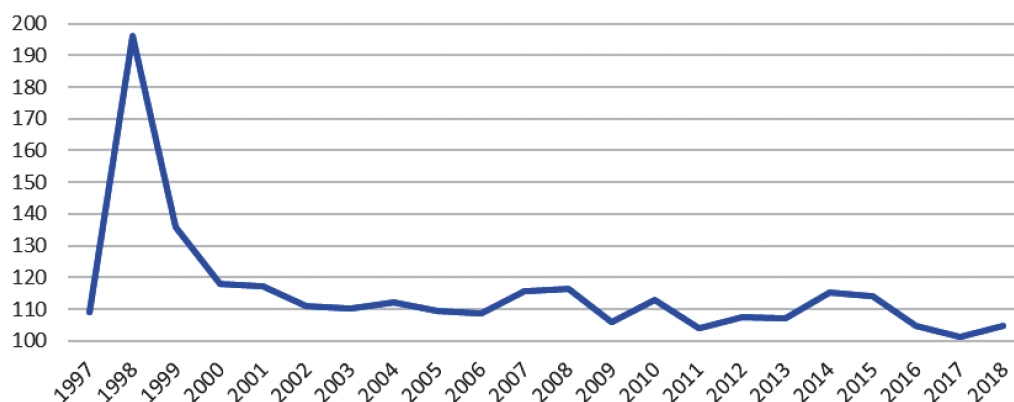

Рис. 2.
Динамика
среднедуше-
вых доходов
населения,
тыс. руб.
в ценах
2018 г.

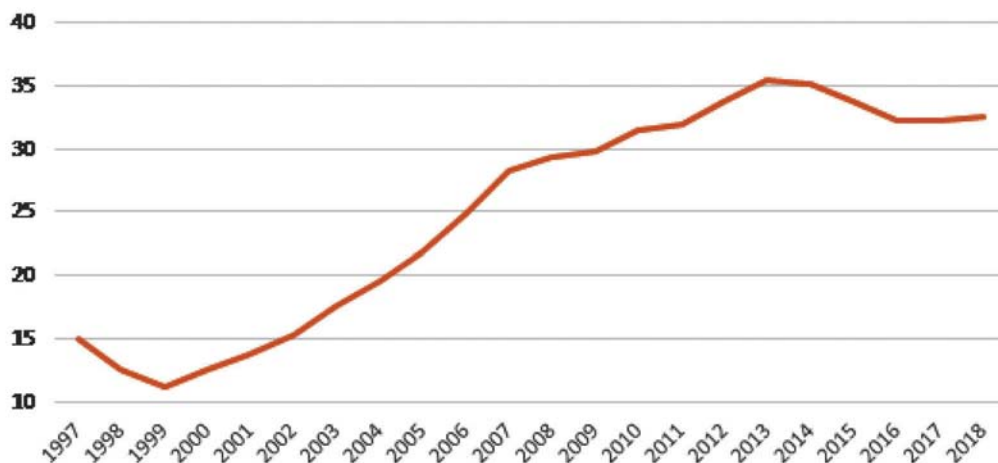

Рис. 3.
Доля продо-
вольствия
в обороте
розничной
торговли, %

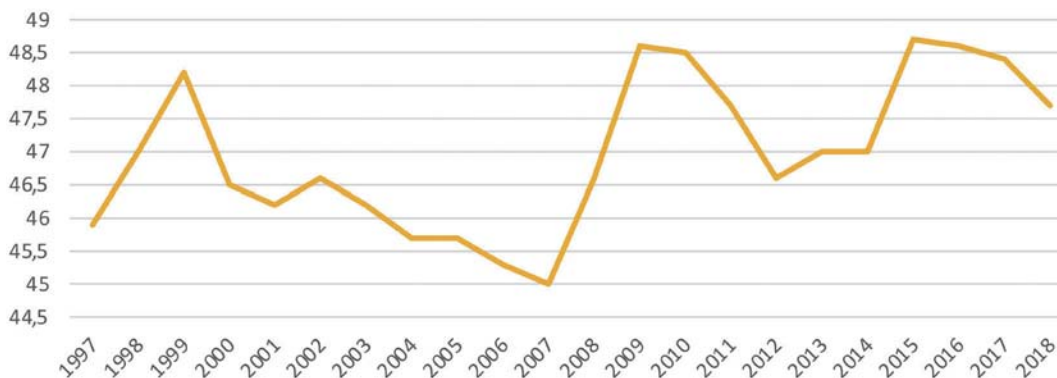
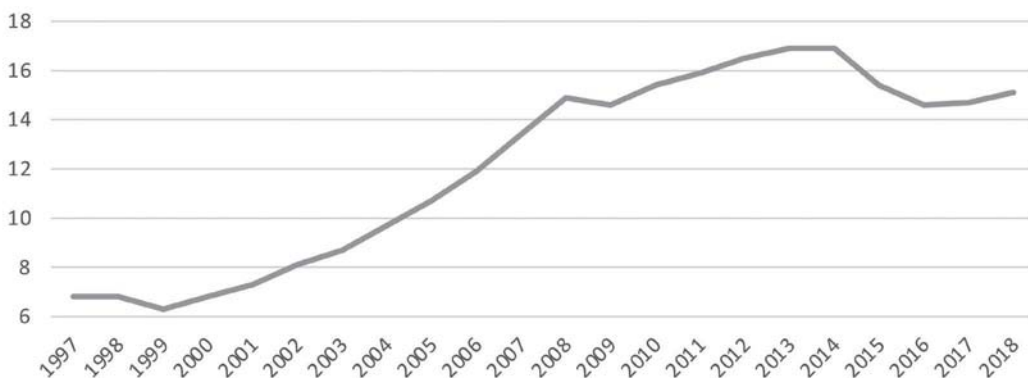

Рис. 4.
Оборот
розничной
торговли
продо-
вольствием,
в сопостави-
мых ценах
2018 г.,
трлн руб.

Источники:
Расчеты
по данным
ЕМИСС
за соответствую-
щие годы.

Ниже рассмотрены лишь некоторые угрозы продовольственной безопасности, которые были предметом исследований Центра агропродовольственной политики РАНХиГС в 2020 г.

Риск физического недостатка продовольственных товаров

В течение многих столетий основной проблемой продовольственного обеспечения был физический недостаток продовольствия, прежде всего хлеба, возникавший в результате неурожая, и порождавший голод. И ныне любой кризис порождает страх, что продовольствия не хватит или оно резко подорожает. Возникает ажиотажный спрос. Его следствием являются резкий рост продаж, сокращение запасов в торговых сетях. Например, в марте 2020 г. продажи крупы, макаронных изделий, соли возросли по сравнению с февралем в 1,8 раза, сахара, масла растительного, муки – более чем на 40%, картофеля – на 34%. В связи с девальвацией рубля возникает также угроза увеличения экспорта продукции.

Первоочередными мерами властей в условиях экономического кризиса и пандемии были направлены на ликвидацию этих угроз, хотя из прошлого опыта известно, что при наличии продовольствия на складах ажиотажный спрос быстро спадает, возникает проблема сбыта из-за роста цен и снижения доходов населения. В этих условиях экспорт излишков продукции может важным стимулом, сдерживающим сокращение производства.

Таблица 1. Эмбарго ЕЭК на экспорт

	Оценка последствий	Рекомендации
Эмбарго на экспорт ЕАЭС:	Экспортная выручка стран ЕАЭС может снизиться более чем на \$500 млн (в годовом исчислении)	
Лук репчатый	Нет положительного эффекта	Отменить
Чеснок	Экспорт незначительный, не влияет на цены внутреннего потребления	Отменить
Рожь	Бизнес прекратил экспорт с июня 2019 г.	Сохранить до июня 2020 г.
Рис	Запрет ограничивает производство среднезерного риса в России (потери \$34 млн)	Отменить
Гречка	Способствует стабилизации рынка и снижению ажиотажного спроса	Сохранить до июня
Просо	Сдерживает рост рыночных цен на пшено.	Сохранить до июня
Соевые бобы	Россия (в основном ДФО) теряет \$200-240 млн. Остальные страны не получают никаких выгод	Целесообразно отменить
Семена подсолнечника	Нарушает баланс интересов сельхозпроизводителей и переработчиков. Казахстан теряет \$76 млн	Целесообразно отменить

Например, решением коллегии Евразийской Экономической Комиссии № 43 от 31.03.2020 с 10 апреля наложено эмбарго на экспорт из ЕАЭС следующих видов продукции: репчатый лук, чеснок, репа, рожь, рис, гречиха, просо, крупа, мука грубого помола и гранулы из зерна злаков, обрушенное гречневое зерно, готовые пищевые продукты из гречки, дробленые и недробленые соевые бобы и семена

подсолнечника². Решение Коллегии ЕЭК принято «в связи с исключительным случаем, требующим оперативного реагирования в целях недопущения рисков недостатка продовольственных товаров». Ниже по каждому из продуктов, попавших под эмбарго, рассмотрены ситуация на рынке, причины дестабилизации, возможность решения проблем за счет эмбарго на экспорт продукции за пределы ЕАЭС, дана оценка экономических последствий эмбарго для разных стран ЕАЭС и отдельных категорий производителей (сельхозпроизводители, пищевая промышленность) (таблица 1).

Анализ показал, что эмбарго на экспорт разработано и введено ЕЭК в экстренном порядке без достаточного анализа ситуации на рынках каждого продукта, без рассмотрения и согласования с отраслевыми союзами в странах-членах ЕАЭС. Принятое решение недостаточно сбалансировано и допускает возникновение преференций у перерабатывающих организаций и ущемление интересов производителей сырья. Из-за введенного эмбарго выручка стран ЕАЭС может снизиться более чем на \$500 млн (в годовом исчислении). Наибольшее снижение экспорта агропродовольственной продукции может произойти в Казахстане (на 3,4%) и России (1,6%). В остальных странах эмбарго не окажет существенного влияния на объемы и выручку от экспорта.

При введении запрета не учтена структура импорта и экспорта риса. Россия производит и экспортирует в основном рис среднезерный, а импортирует длиннозерный рис. Вводя запрет на экспорт среднезерного риса ЕЭК фактически вводит ограничение на его производство, так как потребности в таком рисе удовлетворены и спроса на дополнительные его объемы на внутреннем рынке нет. Введенный запрет на экспорт риса невыгоден и для производителей, и для потребителей.

ЕЭК целесообразно отменить принятое решение о запрете экспорта соевых бобов, так оно наносит ущерб производителям сои в России, в первую очередь в Дальневосточном Федеральном и Казахстане (при этом остальные страны не получают от такого решения никаких выгод), не способствует стабилизации рынка сои в ЕАЭС, а наоборот дестабилизирует его.

Ограничение на вывоз масличных не связано с недопущением рисков недостатка продовольственных товаров. Ограничение на вывоз соевых бобов несет значительный экономический ущерб их производителям, не принося дополнительного дохода переработчикам из-за географической разобщенности рынков. Ограничение на вывоз семян подсолнечника перераспределяет доход от экспорта масла в пользу отрасли переработки.

2 Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 31 марта 2020 г. № 43. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01025280/err_02042020_43

Угроза банкротства крупного бизнеса АПК и меры по его поддержке

В условиях пандемии и экономического кризиса возрастает угроза банкротства крупных сельскохозяйственных, перерабатывающих и других организаций АПК. Банкротство даже отдельных крупнейших производителей угрожает обеспечению продовольственной безопасности в стране как из-за снижения объемов поставок, так и за счет разрывов в цепочках платежей (эффекта домино). В связи с этим Минсельхозом РФ по поручению правительства составлен список системообразующих организаций АПК и намечены специальные меры их поддержки в период кризиса. Аналогичные списки составлялись и в предыдущие кризисы. В данном случае использован новый подход к формированию списка: вместо отдельных организаций АПК в список включены группы компаний — агрохолдинги (таблица 2).

Таблица 2. Системообразующие организации и группы компаний АПК

Отрасль	Количество групп	Количество организаций	Выручка, млрд руб. (2018 г.)	Численность работников, тыс. чел.
Растениеводство	16	275	457	80
в т.ч. Группа Агрокомплекс имени Ткачева	1	33	81	29
Животноводство	33	474	1687	245
в т.ч. ГК Агропромышленный Холдинг «Мираторг»	1	37	295	26
Производство пищевых продуктов, напитков	36	378	2332	185
в т.ч. ГК «ЭФКО»	1	57	267	14
Рыбоводство и рыболовство	11	79	191	18
в т.ч. ГК Норебо	1	22	72	3
Итого по всем категориям	96	1206	4667	529

Формирование агрохолдингов в России началось еще в конце 90 годов прошлого века. Постепенно они расширялись, включали в себя все новые сельскохозяйственные, промышленные, торговые и обслуживающие предприятия. Исследованиями РАНХиГС было установлено, что агрохолдинги стали основными производителями сельскохозяйственной продукции и продовольствия в стране³. Несмотря на это, ни в одном нормативно-правовом документе и в официальной статистике агрохолдинги ни разу не упоминались. Список системообразующих организаций является первым документом, в котором приведен список групп компаний и перечень входящих в каждый агрохолдинг организаций. Следует отметить, что в Постановлениях Правительства РФ и документах Минэкономки РФ используется термин системообразующие организации, но вместо организаций как юридических лиц фактически рассматриваются агрохолдинги.

Минсельхозом определены критерии выбора системообразующих организаций и групп компаний (ГК). В качестве главных критериев выбраны выручка (не менее 6 млрд руб. по растениеводческим ГК, 10 – по животноводческим, 20 – по перерабатывающим и 10 – по рыболовческим), численность занятых (не менее 1500 человек), численность организаций в группе. Фактические параметры очень часто не соответствуют выбранным критериям.

Основные мероприятия государственной поддержки системообразующих организаций приведены в таблице 3. Государственная поддержка предоставляется по заявлениям организаций. Требования, которым должен соответствовать заявитель, утверждены постановлением Правительства РФ № 651. В частности, не имеют право на государственную поддержку системообразующие российские организации, контрольный пакет в уставном капитале которых принадлежит иностранным юридическим или физическим лицам, если нет особого решения на этот счет Правительственной комиссии по обеспечению устойчивого развития экономики. Напри-

3 Научный отчет «Характеристика агрохолдингов и их роль в сельском хозяйстве России», РАНХиГС, Москва, 2019.

мер, по агрохолдингу «Мираторг» потребуется такое разрешение или он будет лишен права на господдержку.

Таблица 3. Меры государственной поддержки системообразующих организаций АПК

1	Мораторий на банкротство отдельных организаций (и их групп?)*
2	Субсидии на возмещение затрат**
3	Льготное кредитование (по ставке не более 5%)**
4	Государственные гарантии по новым и реструктурированным кредитам**
5	Отсрочка или рассрочка по налоговым платежам при снижении доходов на 10% и более (при падении доходов на 50% и более – рассрочка до 5 лет)***

* Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428.
<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004060020?index=0&rangeSize=1>

** Постановление Правительства РФ от 10.05.2020 № 651 «О мерах поддержки системообразующих организаций»
<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005100005?index=2&rangeSize=1>

*** Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. N 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики»
<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73749374/>

Из принятых решений неясно как будут поддерживаться группы компаний: в целом группа или каждая организация, входящая в группу. Так как группы юридически никак не оформлены, то у государства с ними нет никаких официальных отношений. Если же будет поддерживаться каждая входящая в группу организация, то их более 1,2 тыс. и многие из них являются малыми или даже микропредприятиями и никак не тянут на звание системообразующих.

Из предварительного анализа системообразующих организаций следует, что и правила их выделения и механизм поддержки требуют совершенствования.

Риски остановки производства в отдельных отраслях АПК из-за пандемии

В условиях кризиса сохранение продовольственного снабжения становится важнейшей задачей. Эта деятельность не может быть остановлена даже на несколько дней. Недопустимо и существенное сокращение объемов производства и поставок продукции агропродовольственной сферы. По стоимости продовольственные товары занимают около половины оборота розничной торговли. В физическом весе на продовольственные товары приходится основная часть грузооборота розничной торговли. В среднем на одного человека ежедневно нужно 2,5–3 кг продовольственных товаров. Если добавить к этому напитки, учесть вес упаковки, то в магазины России ежедневно должно доставляться около одного миллиона тонн грузов. Доставка продовольственных товаров – важнейшая задача жизнеобеспечения населения. Сбои в этой системе из-за самоизоляции и ограничений на передвижение людей недопустимы, особенно по скоропортящимся продуктам.

На каждом звене продовольственной цепочки существуют свои факторы риска. Для оценки риска сбоев необходим систематический анализ всей продовольственной цепочки с целью выделения слабых звеньев, разработки мер нейтрализации этих рисков оперативно или выстраивания государственной политики в перспективе, результаты реализации которой должны не допускать наступления негативных условий. В связи с тем, что мониторинг продовольственной безопасности ранее не охватывал аспект рисков, то здесь методика выявления рисков реализована на примере кризисных явлений 2020 г. в период пандемии (таблица 4).

Таблица 4. Оценка рисков остановки производства в отдельных отраслях АПК

Отрасли АПК	Уровень риска сбоев в продовольственной цепочке в условиях пандемии	Комментарии
Растениеводство	Низкий	Большинство работников могут осуществлять свои функции с соблюдением социальной дистанции.
Животноводство	Высокий	Основные поставщики – крупные животноводческие комплексы с высокой концентрацией работников и животных
Комбикормовая промышленность	Средний	Остановка производства на длительный срок недопустима, на короткий – возможна
Пищевая промышленность	Высокий	Основные поставщики имеют высокую концентрацию работников в ограниченных помещениях.
Реализация продукции	Низкий для крупных СХО, высокий – для малого бизнеса	Пандемия привела к закрытию фермерских рынков
Транспортировка продукции	Средний	В магазины России ежедневно должно доставляться около одного миллиона тонн продовольственных грузов. Это важнейшая задача жизнеобеспечения населения.

Риск недоедания и голода: снижение доходов населения и отсутствие налаженной системы продовольственной помощи

Риск пустых холодильников при полных прилавках означают экономическую недоступность продовольствия для групп населения с низкими доходами. В России – стране с одним из самых высоких в мире уровней дифференциации доходов этот риск ощущается особенно сильно. Несмотря на благополучные показатели продовольственной безопасности при рассмотрении средних данных по всему населению, около 10 млн человек в России испытывают умеренную или острую нехватку продовольствия (таблица 5).

Для обеспечения доступности продовольствия для групп населения с низким уровне доходов в период кризиса и пандемии особенно остро встает вопрос о продовольственной помощи. За национальной чертой бедности живет более 30% детей до трех лет. Кстати, доля бедных среди населения в возрасте более 70 лет, не превышает 3% (таблица 6).

Таблица 5. Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения (по «Шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности» ФАО)

	2015	2016	2017	2018*	% ко всему населению
Количество людей с умеренной или острой нехваткой продовольствия, (тысяч)	11755	12603	11940	9107,8	6,2
Количество людей, остро не обеспеченных продовольствием, (тысяч)	454	479	511	440,7	0,3

Источник: Шкала восприятия отсутствия продовольственной безопасности» ФАО.

В книге: Добровольный национальный обзор об осуществлении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. М.: Аналитический центр при Правительстве РФ, 2019. За 2018 г. данные ЕМИСС.

Таблица 6. Доля населения РФ, живущего за национальной чертой бедности и нуждающегося в продовольственной помощи

	Процент населения, живущего за чертой бедности, 2017 г.			На 01.01.2017 численность населения РФ, млн чел.	
	Всего	Женщины	Мужчины	Всего	Нуждающихся в продовольственной помощи
Все население	12,4	12	12,8	146,8	18,2
до 1 года	30,3	31,5	29,2	1,9	0,6
1–1,5 лет	31,3	30,6	32	1,9	0,6
1,5–3 лет	31,7	30,2	33,2	1,9	0,6
3–15 лет	25,5	25,6	25,5	21,2	5,4
16–17 лет	21,4	20,8	22	2,7	0,6
18–29 лет	11,8	13,3	10,4	22,4	2,6
30–39 лет	14,4	16,2	12,5	23,7	3,4
40–49 лет	11,4	10,9	11,9	19,7	2,2
50–54 лет	7,4	6,4	8,6	9,8	0,7
55–59 лет	5,3	4,2	6,6	11,2	0,6
60–64 лет	3,4	3,8	2,8	9,6	0,3
65–69 лет	3,5	3,8	3	7,6	0,3
70 лет и старше	2,4	2,7	1,6	13,2	0,3

Источники:

https://gks.ru/bgd/regl/B17_111/lssWWW.exe/Stg/1-1-1.xls

<https://fedstat.ru/indicator/58476>

В продовольственной помощи в первую очередь нуждаются семьи с детьми. Так как детей имеют молодые родители, значительная часть которых в условиях пандемии потеряла работу, численность детей в семьях, живущих за национальной чертой бедности, резко увеличится. На каждого ребенка, живущего в такой семье, целесообразно ежемесячно выдавать пособие для покупки продовольствия. Как видно из таблицы 6 за чертой бедности в 2017 г. жили 18,2 млн человек, из них детей – 7,8 млн. При размере пособия 1000 руб. в месяц для оказания продовольственной помощи детям, живущим за чертой бедности, потребуется 94 млрд руб. в год, а для поддержки всего населения – 218 млрд. Рост численности живущих за чертой бедности в условиях пандемии приведет к увеличению указанных сумм.

Долгосрочные меры преодоления последствий пандемии

Об ожидаемых изменениях после пандемии уже имеется много публикаций. Ожидаемые изменения в основном увязаны с ускорением сложившихся тенденций в таких областях, как онлайн работа, обучение, медицина, торговля и т.д. (см. например, статью ректора ВШЭ Ярослава Кузьмина в РБК от 27 марта 2020 г.) Наш анализ показывает, преодоление последствий пандемии требует целого ряда крутых разворотов в сложившихся тенденциях развития экономики в целом и АПК (Узун В.Я. Новый чудный мир. Что нас ждёт после пандемии и кризиса? Аргументы и факты, № 19, 2020).

Расселение: от концентрации в мегаполисах к расселению по малым городам и селам. До начала XX века человечество было рассредоточено по деревням. Этот уклад был устойчивым и существовал многие тысячелетия. В XX веке наблюдалась устойчивая тенденция урбанизации и концентрации людских масс в мегаполисах. Обезьяны живут группами 20 особей. Homo Sapiens образовывал группы побольше – 100–150 человек, благодаря этому завладел миром (Ю.Н. Харари. SAPIENS. Краткая история человечества. М., 2019). Но может ли биологическое существо жить многомиллионными стадами? Во время пандемии некоторые люди из мегаполисов уже пытаются выбраться в деревни и малые города, несмотря на призывы оставаться на месте и не выходить из городской квартиры. По данным сотовых компаний, пользователи мобильной связи покидают г. Москву из-за распространения коронавирусной инфекции и потери работы.

Жилье: от сотовых к усадебным домам. Тысячелетиями люди жили в своих усадьбах: семья имела свой участок земли и на нем возводила жилой дом и хозяйственные постройки. В случае эпидемий каждая семья имела свое пространство, на котором при ограничении контактов с соседями можно было спастись от заразы. В XX веке жизнь круто поменялась: семьи переселились в многоэтажные дома, в которых у каждой семьи своя квартира, напоминающая соты в улье. При этом семья лишилась своего участка, личное пространство теперь ограничено квартирой. Очень часто это 20–30 квадратных метров. Опасность распространения эпидемий возросла многократно из-за скученности людей. Чтобы выти из квартиры нужно воспользоваться лифтом. Соблюсти социальную дистанцию в нем трудно или невозможно, угроза заражения возрастает не только из-за контактов с попутчиками, но и инфекции, оставленной предыдущими пассажирами. Для того чтобы добраться на работу, в магазин или другие центры жизнеобеспечения, нужно воспользоваться общественным транспортом. Опасность заражения в нем еще больше. После пандемии каждой семье придется решать вопрос о том, оставаться ли в таком жилье или искать возможность вернуться к проверенной веками системе усадебных домов. Дачный синдром – шаг в этом направлении.

Транспорт: от увеличения пассажироемкости к ее ограничению. В карете, подводе, на санях помещалось несколько человек. Когда гужевой транспорт меняли на автомобильный, увеличилась скорость движения, а число пассажиров осталось примерно прежним. Однако рост мощности двигателя позволил постепенно увеличить число пассажиров. Появились железнодорожные вагоны, трамваи, автобусы, самолеты, круизные и военные корабли, с сотнями, а в отдельных случаях даже тысячами пассажиров. Площадь на одного человека в них часто меньше одного квадратного метра. А в пригородных электричках и метро в часы пик людей набито как селенок в бочке. Поездка в таком транспорте унижает достоинство человека. Даже в скотовозах не бывает такой тесноты. Такой транспорт – идеальное место для распространения эпидемий. Разворот от тенденции увеличения пассажироемкости транспорта к его сокращению – ожидаемая реакция на пандемию.

Бизнес: от крупного – к малому, от крупногрупповой организации к мелкогрупповой. Каждый знает, что крупный бизнес эффективнее малого. Школьникам и студентам объясняют это просто: существует эффект масштаба. Укрупнение для большинства бизнесменов – это признак успеха. Вера в преимущества крупного производства позволила в XIX веке марксистам обосновать необходимость перехода от рыночной к крупномасштабной централизованно управляемой экономике.

Еще до пандемии в качестве главного фактора разделения бизнеса на крупный и малый использовалась численность занятых. Она учитывается по каждой организации отдельно. При этом бизнес считается крупным даже в том случае, если работники организации распределены по разным населенным пунктам или субъектам РФ. И наоборот, если в одном здании или на ограниченной территории расположено много организаций, в каждой из которых работает меньше 100 человек, то они относятся к малому бизнесу, несмотря на то, что общая численность их работников многократно превышает пороговое значение для крупного бизнеса.

Таблица 7. Варианты организации крупномасштабного агропромышленного производства

	Агрохолдинг «Мираторг», Россия	Агрохолдинг JBS, Бразилия
Основное производство	Говядина, свинина, птица	Говядина, свинина, птица
Организация сельскохозяйственного производства	24 собственных сельскохозяйственных организации	Контракты со 115 тыс. фермеров
Владение землей	Около 1 млн га сельхозугодий	Земля принадлежит фермерам
Сельскохозяйственные работники	Более 20 тыс. батраков, нанятых компанией	Члены фермерских семей, небольшое число наемных работников, нанятых фермерами
Масштабы производства (выручка от реализации продукции холдинга)	\$2 млрд	\$47 млрд
Влияние на сельское развитие	Точки роста, зоны запустения	Равномерное развитие сельских территорий

Пандемия дает дополнительные аргументы в пользу ограничения крупного бизнеса и приоритетного развития малого, когда в производственном процессе участвуют животные и растения и возникают эпидемиологические риски. Лекарства для борьбы с некоторыми инфекциями не придуманы. Главной мерой борьбы в таких случаях является уничтожение больных животных для погашения очага болезни. Когда животных разводят на мегафермах с тысячами коров, свиноплеках с сотнями тысяч голов или птицефабриках с миллионами голов, вспышка болезни ведет к огромному ущербу. Поэтому в мировом сельском хозяйстве предпочтение отдается малому бизнесу. Для примера в таблице 7 приведены характеристики агрохолдингов: российского «Мираторга» и бразильской JBS. Опора на малый бизнес дает существенные преимущества для развития АПК и сельских территорий. Агрохолдингу «Мираторг», для достижения показателей JBS нужно увеличить свою земельную площадь до 25 млн га, а численность наемного персонала почти до 500 тыс. чел. И то и другое маловероятно.

Человек как биологическое существо тоже подвержен эпидемиям, поэтому крупное производство, в котором задействованы сотни людей, в период эпидемии пришлось останавливать. Для снижения рисков от политики поддержки малого бизнеса придется переходить к политике ограничения крупных бизнес-единиц и их совокупностей по численности работников, расположенных в одном здании или на ограниченной территории. Крупный офисный центр по числу обслуживаемых его работников может быть отнесен к малому бизнесу, а по совокупности работающих в нем людей – к крупному. Наряду с экологическими требованиями возникает необходимость эпидемиологических ограничений для бизнеса. Тенденция укрупнения офисов, заводских коллективов, торговых залов, ресторанов может смениться их сокращением.

Жизнь в усадебных домах сменит тенденцию развала семьи на ее укрепление. Вряд ли одинокие люди смогут обеспечить жизнь в таком доме. Усадебное расселение ограничит плотность населения на отдельных территориях, может стать естественным сдерживающим фактором роста численности *Homo Sapiens* на планете, снизит экологические нагрузки на природу до приемлемого уровня.

Тенденция возрастания неравенства сменится его сокращением. Важнейшими причинами неравенства до пандемии были скопления людей в мегаполисах, которые давали возможность укрупнять бизнес, имея неограниченные возможности по привлечению наемных работников, конкурирующих за рабочие места, огромные массы потребителей, одурманенные рекламой и конкурирующих за приобретение нужных и ненужных товаров. Увеличению доходов отдельных людей способствовали мегастадионы, высотные офисные центры на десятки тысяч человек, супермаркеты, расширяющаяся численность зрителей в концертных залах, театрах, туристических отелях, парках и улицах мегаполисов. Укрупнение позволяло собственникам увеличить свое богатство, но при этом доля доходов остального населения в добавленной стоимости не росла или росла очень медленно. В итоге состояние нескольких десятков богатейших людей планеты превышает состояние половины беднейших земель. Смена тенденций приведет к более равномерному распределению доходов между членами общества, увеличению капиталов множества семей, строящих свои усадебные дома, организующих свой семейный бизнес.

Более равномерное расселение изменит приоритеты власти: тенденция возрастания роли высших органов власти, наблюдавшаяся при больших скоплениях

народа и осуществляемых государством мегапроектов, сменится переходом к местному самоуправлению. Интернет объединил всех землян в единое сообщество. Благодаря сотрудничеству будут решаться наиболее важные и масштабные проблемы планеты. Необходимость физического скопления миллионов людей постепенно потеряет свою значимость. Времена увеличения численности племени для того, чтобы справиться с мамонтом уже давно прошли. Уходит и эпоха объединения племен для того, чтобы напасть на соседей и завладеть их землей и богатствами. Люди могут расселиться по планете таким образом, чтобы не подвергать себя эпидемиологическим рискам и не нарушать экологию.

В заключение отмечу, что целью данной публикации является привлечение внимания общественности к выбору вариантов развития. Вполне очевидно, что варианты будут зависеть от масштабов урона от пандемии, сроков появления вакцины и т.д. Возможно через несколько месяцев о ней все забудут и все вернется в прежнюю колею. До следующей пандемии...

Контактная информация / Contact information

Центр агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС при Президенте РФ,
119571, Москва, Проспект Вернадского, д. 84, корп. 9, офис 2002.

Center for Agro-Food Policy, IPEI RANEPА, Office 2002, 84-9, Vernadsky Prospect,
119571, Moscow, Russia

Узун Василий Якимович / Uzun V.Ya.

+7495 629-29-71, uzun@ranepa.ru

КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

COMPREHENSIVE PROGRAM OF FOOD SECURITY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-515-521

КУЗНЕЦОВА Альфия Рашитовна

Главный научный сотрудник, ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», д.э.н.

Alfiya R. KUZNETSOVA

Chief Researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan,
Doctor of Economic Sciences

Аннотация

Целью данного исследования является анализ состояния использования производственных мощностей предприятий по переработке продовольственного сырья в Республике Башкортостан. В сельскохозяйственных организациях Башкирии за последние десять лет отмечалось не только уменьшение площади сельскохозяйственных угодий – на 10%, но и пашни – на 9%. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось почти на 40%, коров, – на 36%, птицы – на 7%. поголовье свиней возросло в 2 раза. Уровень самообеспеченности населения картофелем по отношению к 2010 году возрос почти на 85%, по овощам – на 22,6%. Уровень самообеспеченности мясом уменьшился на 4,8%, яйцами – на 12%. Сокращение уровня потребления молока, рост потребления сахара, превышение уровня потребления хлебопродуктов над рациональными нормами потребления на 14–26% свидетельствуют о снижении уровня доходов населения. В Республике Башкортостан имеется мощный нереализованный потенциал для развития собственного производства всех видов продовольственной продукции. Для более полного использования имеющейся природно-ресурсной базы региону необходима разработка комплексной Программы продовольственной безопасности, а также принятие комплексных мер, основанных на программно-целевом подходе.

Abstract

The purpose of this research is to analyze the state of use of production capacities of food processing plants in the Republic of Bashkortostan. In the agricultural

organizations of the Bashkiriya, there was not only a decrease in the area of agricultural land – by 10%, but also arable land – by 9%. The number of cattle decreased by almost 40%, cows – by 36%, poultry – by 7%. The number of pigs increased by 2 times. The level of self-sufficiency of the population in potatoes compared to 2010 increased by almost 85%, for vegetables – by 22.6%. The self-sufficiency level of meat decreased by 4.8%, eggs – by 12%. A decrease in the level of milk consumption, an increase in sugar consumption, and an excess of the level of consumption of bakery products over rational consumption standards by 14–26% indicate a decrease in the level of income of the population. The Republic of Bashkortostan has a powerful unrealized potential for the development of its own production of such types of food as cereals, dairy products, canned meat, confectionery and many other types of food products. To make fuller use of the existing natural resource base, the region needs to develop a comprehensive Food Security Program.

Ключевые слова Производство, продовольственная безопасность, сельское хозяйство, переработка, производственные мощности, потенциал.

Keywords Production, food security, agriculture, processing, production capacities, potential.

Введение

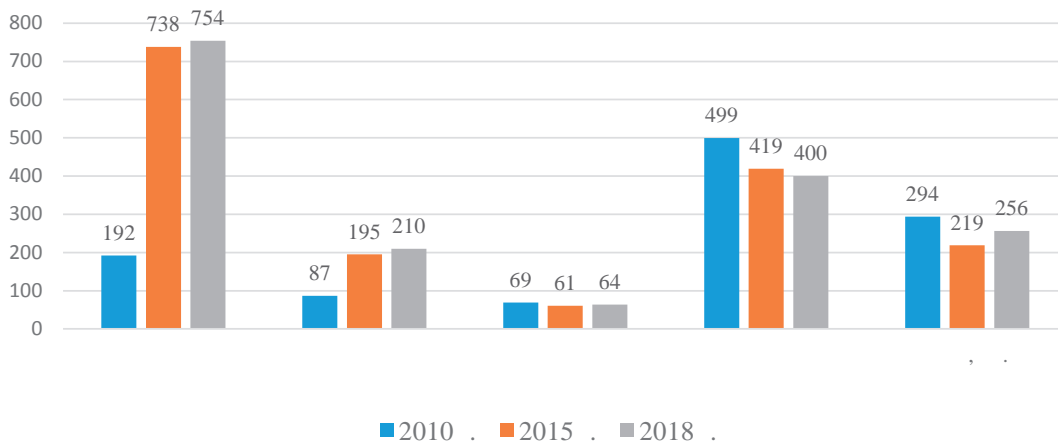
Организация ведения сельскохозяйственного производства для многих российских регионов всегда была и остается одним из наиболее значимых элементов жизнедеятельности, формирующим основу национальной безопасности. Благодаря планомерной и целенаправленной работе Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан региону удастся сохранить производственный сельскохозяйственный потенциал. С учетом значительного присутствия на рынке импортной продукции, задача обеспечения населения продовольствием собственного производства должна стать одной из первоочередных [1]. Для обеспечения продовольственной безопасности страны и ее регионов важное значение имеет наращивание и рациональное использование основных производственных фондов, трудовых, земельных и других ресурсов.

В республике, богатой сырьевыми ресурсами, должна быть реализована собственная целенаправленная Продовольственная программа, в рамках которой произойдет коренной подъем развития отрасли сельского хозяйства и связанных с ней отраслей. В сельскохозяйственных организациях республики за период с 2010 по 2018 год поголовье свиней возросло в 2 раза. Численность поголовья птицы уменьшилась на 6,8%. Объемы производства зерновых культур, произведенных в крупнотоварных формах хозяйствования, возросли в 3,9 раза (при этом важно отметить, что 2010 год был чрезвычайно засушливым). Объемы производства мясной продукции имеют восходящую тенденцию за счет сокращения численности поголовья коров, доказательством этого является уменьшение объемов производства молока (примерно на 11%) [3].

Без программно-целевого подхода, науки и научного сопровождения реализовывать задачи Продовольственной программы будет не совсем рационально. В этой связи, опираясь на данные официальной статистики, рассмотрим состоя-

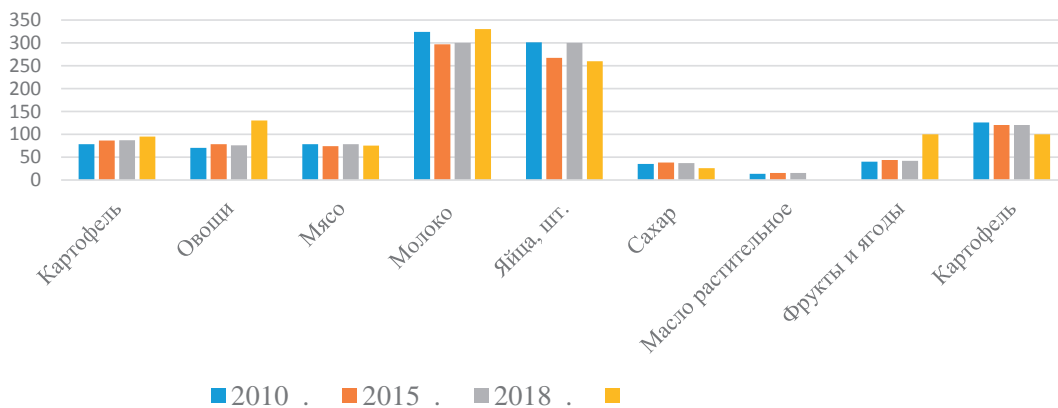
ние производственного потенциала региона по основным видам сельскохозяйственной продукции и уровень самообеспечения ими местного населения. Рассмотрим уровень производства основных продуктов сельского хозяйства в Республике Башкортостан в расчете на душу населения, килограммов в год (рис. 1).

Рис. 1.
Уровень объемов производства некоторых продуктов сельского хозяйства (на душу населения в год; килограммов) [3]

Из данных, представленных на рис. 1 следует, что объем произведенного картофеля в регионе в расчете на душу населения за период с 2010 по 2018 год увеличился в 3,9 раза, овощей – в 2,4 раза. Уменьшение объемов производства скота и птицы на убой в расчете на душу населения составило 7,2%, молока – 19,8%, яиц – 12,9%. Уровень фактического потребления продуктов питания (на душу населения) рассмотрим на рис. 2.

Рис. 2.
Потребление основных продуктов питания (на душу населения в год; кг) [3]

Сокращение уровня потребления хлебопродуктов, рост потребления овощей, фруктов и ягод является положительным фактором. Однако сокращение уровня потребления молока, рост потребления сахара, превышение уровня потребления хлебопродуктов над рациональными нормами потребления на 14–26% свидетельствуют о снижении уровня доходов населения, попытке восполнения требуемых килокалорий за счет более дешевой пищи и, следовательно, характеризуют ухудшение социально-экономического положения населения региона в целом (табл. 1).

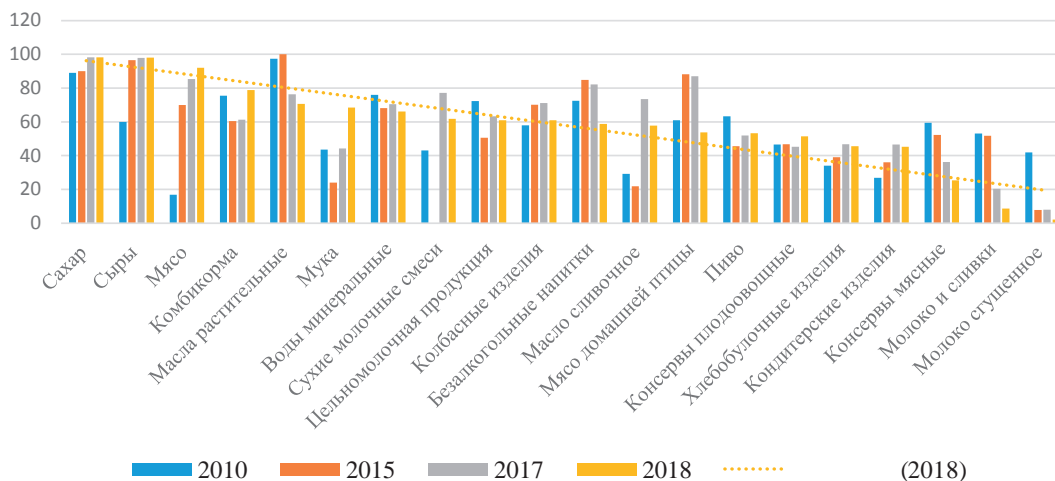
Таблица 1. Уровень самообеспечения основной сельскохозяйственной продукцией (на душу населения в год; килограммов) [3]

Показатели	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2018 г. в % к 2010 г.
Картофель	45,8	97,8	84,7	184,9
Овощные	67,2	80,5	82,4	122,6
Мясо	88,8	81,7	84,5	95,2
Молоко	111,7	110,5	106,1	95,0
Яйца, шт.	91,9	77,7	80,8	87,9
Зерно	110,0	н/д	н/д	–

Как видно из данных табл. 1, уровень самообеспеченности населения картофелем по отношению к 2010 году возрос почти на 85%, по овощам – на 22,6%. Уровень самообеспеченности мясом уменьшился на 4,8%, яйцами – на 12%. Согласно Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации, объемы производства зерна должны быть на уровне 95%, сахара – на уровне 80%, мяса и мясопродуктов – на уровне 85%, растительного масла – 80%, молока – 90%, рыбы – 80%, картофеля – 95%.

Уровень самообеспеченности Республики Башкортостан является достаточно высоким, однако есть основания полагать, что производственный потенциал региона используется пока не полностью. Анализ уровня использования среднегодовой мощности предприятий по производству пищевых продуктов красноречиво свидетельствует об этом (рис. 3).

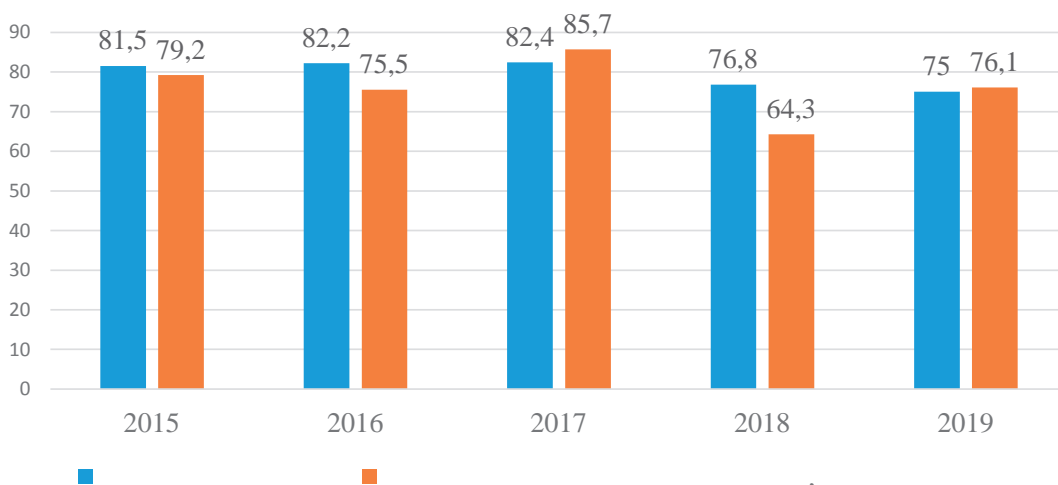
Рис. 3. Загруженность производственных мощностей продовольственных предприятий в Башкирии (проценты) [2]

Уровень загрузки производственных мощностей пищевых перерабатывающих предприятий на уровне (выше нормы) выше 95% отмечается по таким видам продуктов, как сахар (98%) и сыры (98%). В республике имеется мощный потен-

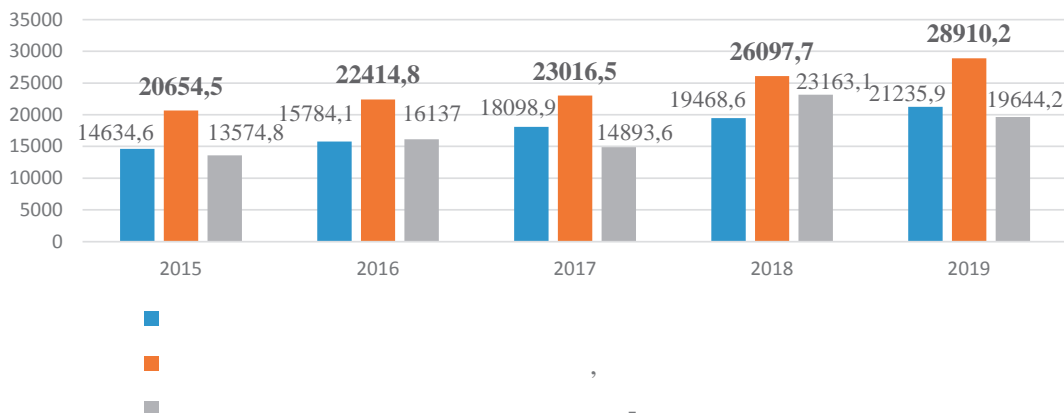
циал для развития собственного производства по таким видам продовольствия, как: крупы, молочные сгущенные продукты (на 88%), молоко и сливки в твердых формах (на 81%), консервы плодоовощные (на 39%), пиво (на 37%), мясо и субпродукты (на 36%), масло сливочное (на 32%), безалкогольные напитки (на 31%), колбасные изделия (на 39%), цельномолочная продукция (на 29%), сухие молочные смеси (на 28%), вода минеральная (на 24%), мука (на 22%), растительное нерафинированное масло (на 19%) и другие виды готовой продовольственной продукции. Совершенно очевидно, что в регионе имеется потенциал для повышения уровня загрузки производственных мощностей, как минимум до 90%. Одной из главных причин суженных процессов воспроизводства в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе является убыточность действующих производств (рис. 4).

Рис. 4.
Процент
прибыльных
организаций
в процентах
от общего
числа орга-
низаций
в Башкирии
(в процентах)

Фактический уровень прибыльности сельскохозяйственных предприятий уменьшился с 81,5 до 75%, перерабатывающих предприятий – с 79 до 76%. Таким образом, около 25% сельскохозяйственных и около 26% перерабатывающих предприятий в Башкирии являются убыточными. Убыточность многих сельскохозяйственных предприятий связана, прежде всего, с низким уровнем закупочных цен, который устанавливают перерабатывающие предприятия (рис. 5).

Рис. 5.
Среднемесяч-
ный размер
зарплат-
ной платы
работников
агропро-
мышленного
комплекса
(в рублях)

Убыточность отечественных перерабатывающих предприятий, в свою очередь, связана с засильем импортной, более дешевой продовольственной продукции на рынке, выигрывающей по показателю «цена-качество». Кроме того, важно отметить, что среднемесячная заработная плата сельскохозяйственных товаропроизводителей примерно на 30% меньше, чем заработная плата работников перерабатывающих производств. В свою очередь, уровень оплаты труда работников сельскохозяйственной отрасли составляет в среднем 56–58% к среднему по региону значению, в перерабатывающих продовольствие отраслях – около 79%. Совершенно очевидно, что недостаточно высокий уровень привлекательности работы в АПК приводит к оттоку квалифицированных кадров в другие отрасли, где труд оказывается не столь утомительным, а денежные средства выплачиваются в значительно больших объемах для поддержания достойного уровня и качества жизни людей. Для импортозамещения продовольствия нужно принятие комплексных и радикальных мер, рациональное использование имеющихся земельных, природно-климатических и трудовых ресурсов.

Согласно официальным прогнозам Росстата и Башкортостанстата, численность населения Республики Башкортостан к 2025 году составит примерно 3990 тысяч человек, к 2030 году – 3860 тысяч человек. Расчеты требуемых объемов продовольствия в Башкирии к 2025 и к 2030 годам представим в табл. 2.

Таблица 2. Расчеты требуемых объемов продовольствия в Башкирии к 2025 и к 2030 годам (тысяч тонн)

Показатели	Картофель	Овощи	Мясо	Сахар	Масло растительное	Фрукты и ягоды	Молоко	Рыба
Фактический уровень производства во всех формах хозяйствования (2018), тыс. тонн	851,9	313,0	400,1	н/д	н/д	н/д	1623,9	н/д
Требуемые объемы производства с учетом рациональных норм потребления, тыс. тонн								
2025 год	379,1	518,7	299,3	103,7	47,9	399,0	1316,7	87,8
2030 год	366,7	501,8	289,5	100,4	46,3	386,0	1273,8	84,9
Требуемые объемы производства с учетом продовольственной Доктрины, тыс. тонн								
Индикаторы Доктрины, %	95,0	90,0	85,0	80,0	90,0	60,0	90,0	80,0
2025 год	360,1	466,8	254,4	83,0	43,1	239,4	1185,0	70,2
2030 год	348,4	451,6	246,1	80,3	41,7	231,6	1146,4	67,9

Таким образом, согласно Доктрине продовольственной безопасности страны, а также с учетом рациональных норм потребления, к 2025 году объемы производства картофеля в Башкирии должны составлять не менее в пределах 360–379 тыс. тонн (при фактических объемах 851,9 тыс. тонн); овощей – 467–519 тыс.

тонн (при фактических 313 тыс. тонн); мяса – 254–299 тыс. тонн (при фактических 400 тыс. тонн); сахара – 83–104 тыс. тонн; масла растительного – 43–48 тыс. тонн; фруктов и ягод – 239–399 тыс. тонн; молока – 1185–1317 тыс. тонн (при фактических 1623,9 тыс. тонн); рыбы – 70–88 тыс. тонн. К 2030 году численность населения региона может сократиться на 3,3%, это может повлечь за собой снижение требуемых объемов сельскохозяйственного производства, однако, при сохранении экспортоориентированной стратегии, желательна ведение расширенного воспроизводственного подхода как в сельскохозяйственном производстве, так и в перерабатывающих отраслях и агропромышленном комплексе в целом.

Традиционно Республика Башкортостан была лидером по производству продукции сельского хозяйства, этому всегда благоприятствовали природно-географические условия и наличие трудовых ресурсов. Поскольку регион вполне может обеспечивать продукцией сельского хозяйства и соседние регионы, следует наращивать объемы производства в крупнотоварных формах хозяйствования и увеличивать его переработку, активизировать маркетинговую и логистическую работу по продвижению товаров.

Важно отметить, что в современных условиях назрела острая необходимость разработки и планомерной реализации целенаправленной Продовольственной программы Башкирии на период до 2030 года.

Библиографический список / **References**

1. *Makhmutov A., Kolevid G., Kostyaev A., Degtyarev A., Nikonova G., Akhmetyanova A. Differentiation of the level of labour productivity and pay as the basis for changing the labor market. The 13th international days of statistics and economics Conference Proceedings. The Department of Statistics and Probability and the Department of Microeconomics, University of Economics, Prague, Czech Republic; Faculty of Economics, The Technical University of Košice; The Ton DucThung University, Ho Chi Minh City, Vietnam. 2019. С. 1022–1032.*
2. *Промышленность Республики Башкортостан. Уфа: Башкортостанстат, 2019. – 134 с.*
3. *Сельское хозяйство Республики Башкортостан. Статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2019. – 183 с.*

Контактная информация / **Contact information**

ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан»,
450008, г. Уфа, ул. Кирова, д. 15.
Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, 15, Kirova Street,
450008, Ufa, Russia
Кузнецова Альфия Рашитовна / Alfiya Kuznetsova
alfia_2009@mail.ru

ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ВЕКТОРЫ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ¹

AFTER THE PANDEMIC: VECTORS FOR FUTURE DEVELOPMENT

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-522-529

МИРОНОВ Владимир Васильевич

Декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, д.ф.н., профессор

Vladimir V. MIRONOV

Dean, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Member-Correspondent of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Аннотация

В статье ставится проблема трансформации культуры и возможные воздействия на человека и общество современных процессов цифровизации. Показывается, что нынешняя пандемия лишь обострила процессы, которые уже давно происходят в культуре в связи с внедрением новейших технологических открытий в жизнь человека и общества. Ставится проблема возможных угроз существованию человека как биосоциального существа и деформации его сущности.

Abstract

The article poses the problem of cultural transformation and the possible impact of modern digitalization processes on people and society. It is shown that the current pandemic has only exacerbated the processes that have long been taking place in culture in connection with the introduction of the latest technological discoveries in the life of man and society. The problem of possible threats to the existence of man as a biosocial being and deformation of his essence is raised.

Ключевые слова

Человек, общество, философия, цифровизация, трансформация культуры.

Keywords

Man, society, philosophy, digitalization, cultural transformation.

Философия — это не всегда, а может быть даже и не столько ответы на вопросы, но и своеобразное «вопрошание», то есть постановка проблем и вопросов, которые встают перед человечеством в том числе как реакция на новые

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на Международном научном онлайн-семинаре «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», который состоялся 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ»

вызовы, которые требуют переосмысления, предупреждая о тех или иных тенденциях развития.

Пандемия, которая ныне охватила человечество, высвечивает целый ряд проблем, в каком-то смысле настоятельно напомнив, что наше существование в мире не является доминирующим фактором по отношению к окружающему миру даже на уровне Земли, и уж тем более на уровне Космоса. Человек – лишь одно из биологических существ, обладающий разумом, что иногда рассматривается как некий спасительный фактор, который позволяет ему обойти или даже игнорировать законы природы. Человеку свойственно подзабывать, что законы природы осуществляются независимо от его сознания и от того, познал человек эти законы или нет. Поэтому иногда создается ложное впечатление, что наличие разума может приостановить действие природных законов. Однако это далеко не так. Человечество способно познавать законы, способно использовать это знание в реализации неких собственных целей, но не в силах их остановить полностью. Падающий на голову человека камень неизбежно окажет свое воздействие в зависимости от своей скорости и веса, безразлично к тому, чья это голова: академика, школьника, глупого или умного, русского или немца, и результат будет зависеть от сочетаний прежде всего физических обстоятельств. Ну уж, по крайней мере, это необходимо учитывать. Мы знаем, что законы могут иметь разные степени своего воздействия и распространения. Например, законы экономические или общественные отражают развитие в первую очередь соответствующих систем, но в то же время включены в более общую систему законов, например, физических или биологических. Поэтому человек, несмотря на то, что он разумное существо, зависит от всего спектра закономерностей. Как материальный объект он может быть описан физическими характеристиками, точно так же, как любой иной физический объект, например, камень. Поскольку он биологический объект, к этому описанию добавляются его биологические свойства, например, неизбежная смертность. Как социальный объект, он подчиняется законам, например, экономического развития. И все эти уровни материальной иерархии нельзя игнорировать и необходимо учитывать.

Пандемия напоминает нам, что мы существа биологические и даже наш статус биосоциальных существ здесь отступает на второй план. Наша сущность как социальных существ не позволяет нам игнорировать нашу биологическую, то есть первичную по отношению к социуму сущность в природной иерархии. Как биологические существа мы всегда находимся в процессе борьбы за свое существование, конкурируя с другими биологическими образованиями. Это условие нашего, человеческого, выживания. В данном случае вирус, как ни печально это прозвучит, имеет не меньшее право на существование, чем человек, вирусы сопровождают человеческое существование и даже могут выступать формой биологической регуляции. Казалось бы, этот вывод тривиален, но, когда мы читаем нынешние рефлексии над сложившейся ситуацией в связи с пандемией, кажется, что люди об этом подзабыли, а может быть просто не хотят думать. Поэтому все представляется несколько неожиданным и даже неестественным просто в силу того, что это нарушает наш привычный порядок жизни. В этом смысле человека, если использовать метафорические сравнения, «заела гордыня», основанная на абсолютизации его преимущества для существования в силу наличия разума. И вдруг – пандемия, которая как бы напоминает нам, что, может быть, стоит отказаться от трактовки человека как царя и венца природы. Он всего лишь один из вариантов ее прояв-

ления, правда, обладающий разумом, который, как мы знаем, не всегда разумен и позволяет создавать в том числе и средства собственного уничтожения.

Более того, может так оказаться, что данный вирус, как и другие, будет сопровождать всю дальнейшую жизнь человечества. И, может быть, есть смысл задуматься, а не является ли это некой реакцией самого природного мира на тот дисбаланс, который вносит в него активность человеческого развития. Может быть, существуют более общие законы, которые регулируют природное равновесие. Действительно, людей на Земле стало гораздо больше, продолжительность жизни возрастает, излечиваются болезни, которые ранее были неизлечимыми. Любой вирус на Земле в современных условиях имеет прекрасные возможности для распространения, так как, с одной стороны, увеличивается плотность населения, а с другой, благодаря современным средствам транспортной коммуникации, они легче и в большем объеме могут переноситься в любую точку земного пространства.

Иначе говоря, наша человеческая, если хотите, духовная сущность, не освобождает нас от необходимости учитывать скорость и вес падающего на землю метеорита, высоты волны, возникающей в результате цунами или землетрясения, которые могут разрушить или поглотить любое общество, независимо от степени его цивилизационного развития.

Как разумные существа, мы можем, конечно, успокаивать себя рассуждением Ф. Энгельса, что даже в случае гибели человечества ничего страшного не произойдет и мы просто перейдем в иное материальное состояние. Более того, предполагал он, даже жизнь необходимо вернется, ибо она есть высшее проявление материального развития, а поэтому, «материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» [1, 20, 363].

Такое рассуждение вряд ли добавит нам оптимизма, как ныне живущим субъектам, которые конечны во времени. Но оно позволяет в каком-то смысле понять нашу своеобразную человеческую миссию. Это прекрасно понимал, например, К. Циолковский, развивая свои идеи полета в Космос и необходимости освоения космического пространства. «Земля — это колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели» [2, 293]. Пока мы находимся в такой колыбели (привязаны к Земле), мы обречены на гибель вместе с разрушением Земли как материального тела, что неизбежно. Поэтому освоение космического пространства на самом деле жесткая необходимость для развития человечества, а не просто прихоть познающего разума. «Будущее человечества... за пределами Земли и даже за границами Солнечной системы. Будущее человечества — в Космосе!» [2, 288].

Представить себе наш отрыв от материального тела Земли можно, а вот насколько способно человечество оторваться от своей биологической колыбели, возможно ли это и не приведет ли к печальным последствиям? Перед нами вновь центральный вопрос, который сформулировал И. Кант, как своеобразный итоговый, наряду с другими: «Что такое человек» [3, 332]. Человек, по мысли Канта, «это своеобразная метафизическая цель, и философия, в конечном счете направлена к реальному человеку, помогая ему преодолевать проблему осознания собственной конечности» [4]. Что есть человек и каковы перспективы и векторы его возможного развития. Может ли человек вырваться за рамки своего природного

существования, является ли его биосоциальная сущность преодолением биологической заданности и насколько его социальная составляющая может этому способствовать или напротив, порождать новые возможности для самоуничтожения? Может быть возможен синтез с технологиями, который переведет биосоциальную сущность человека на новую ступень, сопрягая ее уже с технологическими возможностями и выводя за пределы зависимости от природы?

Исходя из вышесказанного, с одной стороны, мы не можем занимать позицию чисто антропологизма и невзирая ни на что, исходить только из интересов человека, тем более выстраивая стратегические цели развития. Пандемия нам как бы напомнила об ограниченности такого подхода, показав, как сразу отступают на второй план многие социальные установки, традиции, ценностные компоненты и даже принципы социальной иерархии. Ни степень ума, ни уровень богатства, ни статусное положение не освобождают нас от возможности заболеть, прежде всего, как существ биологических. Вирусу «наплевать» на преимущества глобальных мировых тенденций, более того, они вполне его устраивают, предоставляя возможности распространения. И вроде бы это опять же тривиально, любой человек способен заболеть, но мы к этому относимся спокойно до тех пор, пока это не приобретает более массовый характер, чем обычно, или даже начинает угрожать человеческому существованию в целом.

С другой стороны, технократизм, говорящий о том, что лишь развитие технологий способно вырвать человека из биологического мира, превратив его в некое надбиологическое существо, не менее опасен, ибо угрожает деформации человека как индивида, предлагая ему в будущем статус некоего суперсущества, в котором будет очень мало биологического, а желательно, для надежности, чтобы его вообще не было. Но что тогда останется от человека? Существо, которое, по сути, станет искусственным творением, созданным или модифицированным с помощью геной инженерии и биокибернетики. Некий – «*Нотосарипентиссимум*», сверхчеловек, обладающий качествами, которые были не представимы для него, как биологического или биосоциального существа, в том числе в сфере интеллекта. Но это может породить еще большие опасности для обычных людей, может быть, даже стратифицировать общество, разделив его на два ареала.

Технологии способны трансформировать всю культуру, в частности, погружая ее в суперглобальную культуру. И вновь пандемия нам как бы напоминает. Господа! Глобальная культура не спущена Богом. Она неизбежно конструируется по образу той культуры, которая в данном случае является технологическим лидером. Соответственно, в рамках такой стратегии развития мы должны по лекалам данного лидера перестроить компоненты собственной культуры, от экономики, права, государственного устройства до стандартов индивидуального поведения человека. Насколько каждая из культур готова к этому? Насколько неизбежен такой путь развития? Можем ли мы ему сопротивляться? Я бы здесь напомнил в качестве предупреждения известный миф из Евангелия о разрушении Вавилонской башни. Ведь в каком-то смысле образ Вавилонской башни – это модель глобальной культуры и метафора некой глобальной конструкции, в рамках которой все будут говорить на одном языке и строить свою жизнь по единым законам: социальным и правовым. Господь Бог такую конструкцию не одобрил и спустился, и смешал языки так, «чтобы один не понимал речи

другого» [5]. Интерпретируя такие действия, можно сказать, что человечеству было предложено развиваться в рамках своих культур, даже в условиях непонимания друг друга, но зато не сливаясь в некоем тотальном единстве, предпочитая этому единство разнообразного, единство различий, что всегда богаче и требует выработки механизмов понимания Другого.

Абсолютизация технологических возможностей не должна закрывать от нас проблемы, которые могут повлиять на трансформацию личности и которые, частично и пока в слабом виде уже происходят. По сути, уже сегодня человек разумный сменяется человеком коммуницирующим, для которого ценностью является коммуникация сама по себе, а не передача смыслов. Вместо поиска смыслов перед нами – своеобразная информационная «тусовка», в рамках которой смысл не отбирают, а впитывают информацию, причем не имеет значения, достоверную или нет. Например, событием сегодня является не то, что есть на самом деле, а то, что медийно сконструировано и распространено в информационном пространстве. Более того, этого события как чего-то произошедшего в реальности может и вообще не быть, ибо современные технологии позволяют его создать в медийном пространстве, и оно будет не менее убедительным, чем реальное.

Современные технологии благодаря интернету внешне расширяют пространство коммуникации, по сути, формируя глобальное коммуникационное пространство. Но это во многом лишь внешнее расширение, которое образует информационный фон непрерывно увеличивающийся и уже во многом не доступный для индивида. Представьте, например, только количество фотографий, которые ныне хранятся в информационных сетях. Внешнее расширение коммуникационного пространства лишено горизонта и, одновременно, вынуждено дефрагментировать себя на отдельные кластеры. Каждый такой кластер как бы замкнут на отдельную группу людей, которые часто уверены, что это общение как таковое, тогда как оно отделено от других подобных кластеров. Это в определенной степени очень комфортно, ибо позволяет избегать тех кластеров, которые не интересны, и формировать собственное пространство, коммуникации, постепенно забывая, что весь мир к данному кластеру не сводим. В результате деформируется процесс социализации, в котором приходится сталкиваться с проблемой другого, понимания и непонимания, адаптации к другому и т.д. Вырабатывается привычка «уйти в сторону» от решения проблем, а это прекрасная почва для манипуляции индивидуальным сознанием. И, конечно, это влияет и на характер принимаемых решений, когда экспертная оценка напрямую может подменяться, например, количеством «лайков».

Процессы цифровизации, что показала нынешняя ситуация, серьезно влияют на систему образования. И мы видим, как быстро исчезают восторги по поводу онлайн-образования. Ибо оно разрушает главную его составляющую – диалог. Мы не видим глаза друг друга, мы не чувствуем эмоций и теряем теплоту общения. Я уж не говорю о технических сторонах проблемы, ибо нормальное функционирование требует относительного единого качества пространства в техническом отношении, скорости интернета и т.д. Это вовсе не означает отказа от данных форм образования. Они уже есть, и они затребованы. Но нельзя их абсолютизировать, рассматривая как замену традиционного образования. В этом смысле образование всегда консервативно. Не потому, что в нем нет нового, а потому,

что новое здесь должно показать свою взаимосвязь с предшествующим знанием, а значит, с предшествующими механизмами получения знания.

Например, как показал Маклюэн, после появления книгопечатания тоже были попытки отменить устные лекции, которые представляли во многом форму диктовки материала, в средневековых университетах, так как этот материал можно было найти в книгах. «К середине тринадцатого века факультет искусств в Париже оказался на перепутье методов. Как можно догадаться, все возрастающее количество книг сделало возможным для многих преподавателей отказаться от метода dictamen, или диктовки, чтобы ускорить обучение. Однако этот медлительный метод все еще оставался популярным». Согласно Хайналу (р. 64, 65), «после тщательного рассмотрения [факультет] вынес решение в пользу первого метода, а именно: профессору следует говорить достаточно быстро, для того чтобы его могли понять, но не слишком быстро, для того чтобы перо успевало за ним... Студенты, которые, протестуя против такого установления, будут кричать, свистеть или топтать ногами, сами или с помощью своих слуг, подлежат исключению из факультета на один год»... Итак, новая форма диалога и устной дискуссии пришла в столкновение со старой формой диктовки» [6, 142]. Таким образом, как книга не вытеснила устные формы преподавания, так же и нынешние новые формы, так называемое дистанционное или виртуальное, не должно вытеснять ни устную речь, ни чтение книг, но, безусловно, дополнять новыми возможностями. Дополнение, синтез разных способов освоения знаний, лучше, чем слепое следование модному методу. Тут важнее также заниматься не имитацией, перенося в виртуальную сферу те же устные лекции, а находить собственные возможности этой новой формы.

Современные технологические достижения воздействуют на поведение человека. Технологии из чисто вспомогательного средства, увеличивающего комфортность качества жизни людей, превращаются в самостоятельный доминирующий фактор. Мир переходит к пользовательской жизни, когда по любому поводу достаточно нажать на соответствующую кнопку. Уже сегодня ряд функций памяти человека оказывается незатребованным. Это не безобидно, ибо закрепляется алгоритмическое мышление, когда человек просто ищет алгоритмы действия, не вдумываясь, для чего он осуществляет его и сам характер этих действий непрерывно упрощается. В результате меняется сам характер принятия решений. Раньше мы преимущественно осуществляли некое действие, предварительно продумав как его выполнить и его возможные последствия, что, конечно, зависело и от времени принятия решения. То есть мысль была первична, а действие вторично. Сегодня часто принятие решений опосредовано готовыми алгоритмами, которые предлагает нам компьютер или шире искусственный интеллект. Это формируется уже с детства через компьютерные игры, внутри которых я должен следовать предлагаемому алгоритму действия в условиях дефицита времени. В результате, человек действует почти мгновенно, часто не осмысляя своих действий. На экране появился враг, я его должен уничтожить как можно быстрее и думать мне некогда. И эта схема действия начинает переноситься в реальность. Сначала действие, а уж потом осмысление того, а правильно ли я поступил. Мир начинает напоминать компьютерную игру, а смысловое пространство компьютерной игры, по сути, выступает как новая реальность. А это, в свою очередь, порождает потерю чувства ответственности за действие, которое подменяется скоростью реакции на него. Но как-то забывается, что действия могут иметь раз-

ные следствия и то, что можно «перезагрузить» в виртуальном мире, в реальном может оказаться невозможным.

Возникает зависимость от технологических приспособлений, которые не просто сопровождают нашу жизнь, а становятся ее неизбежной частью. Человеку кажется, что имея в руках смартфон, он становится более умным, тогда как, по сути, он превращается лишь в периферийное устройство собственного смартфона. Мы спим со смартфоном, гуляем с ним. Он указывает наш пульс и напоминает о встречах, а также о том, что мы прошли недостаточное количество шагов. Думаю, что вскоре мы будем получать даже некий, надеюсь безобидный, разряд тока в случае невыполнения его предписаний. Но главное, опять же, мы совсем по-иному начинаем принимать решения, отодвигая на второй план свое осмысление, поддаваясь соблазну пересчета: маршрута, калорий, веса, роста и пр. Люди погружены в бесконечный информационный поток, который формируют для нас поисковые системы, основанные, например, на учете нашей геолокации и пр. Мы везде оставляем свои «цифровые следы», по которым затем очень комфортно получать те или иные услуги, но одновременно эти же следы позволяют формировать своеобразный тоннель реальности для нашего поведения, основанный на отборе предпочтительной информации. Мы не замечаем, что во многом уже не мы сами осуществляем отбор этой информации и перед нами не весь ее массив, а узкий спектр явлений и мнений, которые мы видим, находясь внутри сформированной алгоритмами реальности. А это становится предпосылкой для манипуляции нашим сознанием.

У Платона, который вряд ли подозревал о современных технологиях, в качестве такого образования выступала пещера, как образ существования человечества на земле. Сегодня можно сказать, что Платон был прав, просто эта пещера базируется на современных коммуникационных технологиях и человек, погружившийся в сконструированную реальность часто не сомневается в том, что реальность именно таковой и является. Он вновь прикован пусть и не железными, а виртуальными цепями к новостным лентам и не желает особо разбираться, отражают они действительность или искажают.

Глобальная цифровая пещера может выступить моделью нового тоталитарного общества. И, наверное, это не просто совпадение, что один из основателей IBM Томас Уотсон-младший, задолго до наших дискуссий о цифровизации, в 1937 году получил высочайшую награду (Орден заслуг Германского Орла) за работу филиала его фирмы в Германии, куда были поставлены вычислительные машины для проведения переписи и ее дальнейшего использования для учета евреев и цыган с целью их упорядоченного перемещения в концлагеря. Может быть это и было первое проявление негативных последствий цифровизации, пусть и в ее зачаточном виде.

Пандемия, с которой сейчас борется весь мир, резко обнажила процессы трансформации культуры, которые уже достаточно давно происходят и которые в настоящее время безудержно нарастают в связи с внедрением возможностей цифровизации в нашу обыденную жизнь, делая ее более комфортной, но и одновременно более зависимой. При внешне сохраняющейся свободе нажимать кнопки и беседовать в социальных сетях человек все в большей степени передает власть СИСТЕМЕ, в которой он становится цифровым винтиком или кодом. При этом, однако, как «вдруг» выяснилось, человек остается существом биологическим, а поэтому любые наши

решения должны рассматривать человека как высшую ценность, думая прежде всего о том, как эту жизнь сохранить, а значит куда, в первую очередь, вкладывать, в том числе финансовые средства, развивая, например, как приоритетную сферу здравоохранения и не рассматривая ее лишь как сферу оказания медицинских услуг.

Библиографический список / **References**

1. Энгельс Ф. Диалектика природы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. – М.: ГИПЛ, 1961. – Т. 20. (*Jengel's F. Dialektika prirody // K. Marks i F. Jengel's. Sochinenija. Izdanie vtoroe. GIPL. M. 1961. T. 20*).
2. Афоризмы Циолковского // В. Демин. Циолковский. – М.: Молодая гвардия. 2005. (*Aforizmy Ciolkovskogo // V. Demin. Ciolkovskij. M. Molodaja gvardija. 2005*).
3. Кант И. Трактаты и письма. – М.: Издательство «Наука», 1980 (*Kant I. Traktaty i pis'ma. – M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1980*).
4. Миронов В.В. Метафизика не умирает (Хайдеггер и его защита метафизики) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 84–98 (*Mironov V.V. Metafizika ne umiraet (Haydegger i ego zashhita metafiziki) // Intellect. Innovacii. Investicii. – 2019. – № 3. – S. 84–98*).
5. Библия. Ветхий завет. Бытие 11.7 (*Biblija. Vethij zavet. Bytie 11.7*).
6. Маршалл Мак-Люэн. ГАЛАКТИКА ГУТЕНБЕРГА. Сотворение человека печатной культуры. – Киев: Ника-Центр. Эльга, 2004 (*Marshall Mak-Ljujen. GALAKTIKA GUTENBERGA. Sotvorenje cheloveka pechatnoj kul'tury. Kiev: Nika-Centr. Jel'ga 2004.*).

Контактная информация / **Contact information**

Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова,
Ленинские Горы, ГСП-1, г. Москва, 119991.

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP-1,
Moscow, 119991, Russia

Владимир Васильевич Миронов / Vladimir V. Mironov
vlamironov@yandex.ru

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ ТЕОРИИ НОНОМИКИ¹ ON THE SOCIO-ECONOMIC FACTOR OF THE THEORY OF NOONOMIC

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-530-538

ХУБИЕВ Кайсын Азретович

Профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор

Kaisyn A. KHUBIEV

Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economic Sciences

Аннотация

В статье содержится анализ и оценка теории нономики. Выделяются два направления: технологическое и социально-экономическое. Значение данной теории оценивается с позиций необходимости поиска альтернатив развития под давлением глобальных событий, изменяющих мир. В этой связи дается развернутая критика методологического индивидуализма как основы неоклассической теории. Приводится высокая оценка технологическому направлению. Поддерживается идея нового индустриального общества – 2 (НИО-2), в соответствии с которой промышленность не утрачивает своего фундаментального значения в новой экономике. Ее значение, наоборот, возрастает, впитывая результаты новой промышленной революции. В статье также отмечается необходимость дополнительной разработки проблем социально-экономического развития в рамках теории нономики. Предлагается начать такие исследования с переходных процессов свертывания экономических отношений. Предложена и обоснована идея социального индивида как альтернативы методологического индивидуализма.

Abstract

The article contains the analysis and evaluation of theory noonomic. There are two directions: technological and socio-economic. The significance of this theory is evaluated from the point of view of the need to search for alternatives to development under the pressure of global events that change the world. In this connection, a detailed critique of methodological individualism as the basis of neoclassical theory is given. A high assessment of the technological direction is given. The idea of a new industrial society – 2 (NIO-2) is supported, according to which industry does not lose its fundamental importance in the new economy. Its significance, on the contrary, increases as it

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на Международной научной онлайн-конференции «Технологические и социально-экономические трансформации XXI века: опыт концептуального осмысления», которая состоялась 28 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

absorbs the results of the new industrial revolution. The article also notes the need for additional development of problems of socio-economic development in the framework of the theory of noonomics. It is proposed to start such research with the transition processes of economic relations winding down. The idea of a social individual as an alternative to methodological individualism is proposed and justified.

Ключевые слова Ноономика, новое индустриальное общество – 2, методологический индивидуализм, экономические отношения, переходные отношения, социальный индивид.

Keywords Noonomics, new industrial society – 2, methodological individualism, economic relations, transitional relations, social individual.

Потрясения порождают побудительные мотивы к осмыслению событий на новом уровне с целью понять причины и адекватно реагировать на новые вызовы. Знание закономерностей предпочтительней слепой покорности неведомым силам. Потрясения глобального масштаба стимулируют активность научной мысли в столь же глобальном масштабе. Схождение в едином временном пространстве ряда глобальных вызовов мобилизует теоретический уровень исследования. Эту необходимость точно отражает название конференции, призывающее к концептуальному осмыслению технологических и социально-экономических трансформаций в XXI веке.

Вирусная атака оказалась сильным потрясением в глобальном масштабе. Оно устроило своеобразный экзамен человечеству на качество его фундаментальных ценностей и институтов. Накопленный опыт борьбы с пандемией свидетельствует о том, что едва ли можно утверждать, что испытания и экзамен человечество прошло успешно. В этой связи возникает банальный вопрос – а что не так в современном социальном устройстве, от каких ценностей следует отказаться, а какие выдвинуть в приоритетные; в каком направлении следует совершенствовать институты социально-экономического устройства. Тезис о вечности и естественности современного капиталистического мироустройства не может более удовлетворить даже многих его адептов. Дополнительный аргумент критики подброшен современной пандемией.

Вирус атаковал человечество по всему фронту, невзирая на границы и различия: национальные, религиозные и т.д. Чем ответило человечество? Элементами национально-государственного, группового и индивидуального эгоизма, элементами религиозного мракобесия и прочими пороками социального происхождения. А есть ли у всех этих помех, недостатков и пороков общие основания? Ответ на этот вопрос требует исследовательских усилий ученых разных областей научного знания. Мы обратимся к основам современного экономического мироустройства.

В развитой части современной экономики безраздельно господствуют капиталистические ценности, механизмы и инструменты. Их теоретическим сопровождением в качестве мейнстрима является неоклассическая теория. Она является идеологическим и теоретическим сопровождением «вечного» и «естественного» экономического строя. Основой и фундаментом данной теории служит принцип методологического индивидуализма. Согласно ее доктрине отдельные индивиды выступают

основой экономического мироздания. Как свободные и суверенные социальные единицы, они устремлены к максимизации своей индивидуальной полезности. Суммарный эффект этих индивидуальных устремлений дает наиболее эффективное общественное благосостояние. Социум здесь не забыт, но его благополучие основано на сложении эффектов индивидуальных устремлений. Механизмом, приводящим к этому результату, является конкуренция, основанная на частном интересе. Корни этой методологии произрастают от времен Адама Смита, когда в экономике преобладала деятельность индивидуальных производителей при условии религиозной морали и благочестия. При снятии моральных ограничений индивидуализм превращается в эгоизм, доходящий до хищничества. Конечно, и в этой системе происходят интеграционные процессы. Образуются компании, объединяющие многих индивидов, государства и даже союзы государств. Но начинка методологического индивидуализма не исчезает, и это проявляется по многим направлениям, особенно в период глобальных вызовов и испытаний. В период пандемии наблюдалась обособленность и эгоизм на межгосударственном уровне. На внутригосударственном уровне появился космический взлет цен на средства защиты и лекарства и даже продукты питания. Процветало контрафактное производство, мошенничество на почве вирусной эпидемии. На поверхности экономической жизни пышным цветом проявились признаки методологического индивидуализма. Какие отсюда следуют выводы?

Сторонники рассматриваемого принципа считают, что эта эпидемия, как и любая другая эпидемия, пройдет, и вновь включатся принципы и механизмы, основанные на ценностях методологического индивидуализма. Это частный случай общих представлений неоклассики о долгосрочном равновесии на уровне полной занятости. Большинство исследователей и аналитиков считают, что изменения в экономике и обществе столь существенны, что возврата к прошлому уже не будет. А какова будет новая реальность – предмет обсуждений и дискуссий. Актуализирован общественный запрос на разработку моделей общественного развития, альтернативного мейнстриму. По масштабу охвата проблематики и глубине разработки таковой может считаться теория ноономики, представленная С.Д. Бодруновым. Масштаб, актуальность и важность темы таковы, что требуется объективный научный анализ, направленный на ее развитие. Мы разделяем технологическую сторону разработанной темы, которая лаконично выражена в формуле НИО-2. Это новое индустриальное общество второго уровня. Его суть в том, что новый уровень технологического развития позволяет работникам выйти из непосредственного процесса производства и встать «по ту сторону» производственных процессов. Новое качество приобретут все его компоненты: технологии, материалы, труд. При этом позиция С.Д. Бодрунова отличается от сторонников постиндустриального общества, которые «вытесняют» индустрию из новой экономической системы. Наоборот, считает профессор Бодрунов, именно индустрия обеспечивает новыми технологиями, которые поднимают общество на высокий уровень благосостояния с учетом обеспечения экономической оптимальности и равновесия. В модели НИО-2 в недра индустрии проникают новейшие направления современного НТП: информационно-коммуникативные, нано- и биотехнологии, искусственный интеллект и др. Концепция эта оригинальна и интересна. Она содержит большой потенциал исследования новых форм организации производства, основанных

на новейших технологиях. Открывается широкий простор для исследования новых интеграционных и гибридных форм хозяйствования.

Однако социально-экономическая сторона теории ноономики требует дополнительных разработок. Для читателя, который впервые знакомится с теорией ноономики, неожиданным является положение о том, что ноономика — это отличная от экономики форма организации хозяйства. И отличие состоит в том, что в ноономике вообще не будет экономических отношений. Хозяйствование осуществляется людьми, вышедшими из материального производства благодаря новым технологиям и оказавшимся по ту сторону материального производства.

Прежде всего следует отметить, что экономические отношения между людьми складываются не только в сфере материального производства, но и за его пределами. Например, отношения распределения, собственности. Такие отношения, складываясь вне материального производства, тем не менее пронизывают последнее. Да и в самой сфере материального производства есть как сами отношения (разделение труда и кооперация), так и процессы, называемые организационно-экономическими, технико-экономическими, гибридными: обобществление, концентрация, централизация и т.д. Отдельно можно выделить планомерность, которую тоже принято считать экономическим отношением. На эти возражения автор ноономики отвечает тем, что экономических отношений не будет вообще — в сфере материального производства и за его пределами. Новая система машин, в соответствии с теорией ноономики, обеспечит всем людям удовлетворение разумных жизненных потребностей, и не будет необходимости вступать в распределительные отношения и иные экономические отношения. По этой же причине не будет нужды в отношениях собственности и иных экономических отношениях. Вообразить такую организацию общества, где умная система машин решит все насущные нужды человечества, а людям будет отведена возможность трудиться по желанию и для наслаждения трудом и для развития личности, находясь в реалиях нынешнего времени, нелегко. С позиций реального бытия даже в обозримой перспективе трудно представить себе такое общество. Если даже поверить в перспективу ноономики, перед наукой встает задача исследования переходных процессов, ведущих к такому обществу. А это особая научная проблема. Обратим внимание на тенденции новой реальности, вызванной современной научно-технологической революцией, которые свидетельствуют о социальных последствиях грядущей новой экономики. Складывающаяся реальность, как мы полагаем, послужит подтверждением необходимости исследования переходных отношений.

Социальная дифференциация общества претерпевает изменения, но не устраняется в условиях господства рыночно-капиталистического хозяйства. Происходит капитализация всех направлений современной НТР. Капитал их авансирует, и он же присваивает ее результаты. Прибыль была и остается целью и движущим мотивом способа производства, основанного на ценностях и принципах методологического индивидуализма. Прибыль и ее норма тем выше, чем, при прочих равных условиях, меньше издержки. Новые технологии действительно дают рост производительности и сокращение издержек. Это показали предыдущие промышленные революции. Но в чьих руках окажется эта сила? Разумеется, у тех, кто авансировал их создание. Что может заставить нынешних владельцев капитала отказаться от результатов нового НТП в пользу других социальных субъектов? Можно прогнозировать переход к тому состоянию общества, где собственность не будет иметь значения. Но какие

переходные формы к этому приведут? На эти вопросы следует отвечать для того, чтобы технологическую сторону ноономики дополнить социально-экономической. А пока приходится наблюдать противоречивые процессы, которые не свидетельствующие об исчезновении экономических отношений.

С развертыванием новых технологий, особенно связанных с третьей и четвертой промышленной революцией, возникли новые уровни обобществления производства, которые проявляются в концентрации и централизации капитала. Эти глубинные процессы на поверхности социально-экономической жизни проявляются в новых масштабах капитала и новых формах его организации. По свидетельству Клауса Шваба, основателя и президента Всемирного экономического форума в Женеве, в 90-е годы совокупная капитализация трех крупнейших компаний Детройта составляла 36 млрд долл. с выручкой 250 млрд и числом персонала до 1,2 млн чел. А в 2014 году совокупная рыночная капитализация трех крупнейших компаний Кремниевой долины составляла более 1 трлн долл. с суммой прибыли в 247 млрд, но с числом сотрудников почти в десять раз меньше [1, с. 10–20]. Эти данные свидетельствуют о тенденции капитализации информационно-коммуникационных технологий. Вместе с тем нет ответа на вопрос, каково социально экономическое содержание вытесненных из непосредственного производства людей. Если они безработные, то это экономическое отношение (как и занятость). На основе цифровых технологий создаются бизнес-платформы с капитализацией глобального масштаба. Ускорение пространственно-временных потоков товаров и услуг увеличивает мобильность капитала и актуализирует время как экономическую категорию. Уплотнение экономических событий и сделок в единицу времени увеличивает добавленную стоимость при сокращении издержек. Капитал «улавливает» преимущества открытого доступа к результатам НТП и использует их для капитализации. Индустрия открытого доступа используется капиталом в своих коммерческих целях, например для рекламного продвижения.

Происходят изменения и в сфере наемного труда, связанного с новыми технологиями. В приведенном фрагменте К. Шваба девять из десяти работников вытеснены из процесса производства. Оставшиеся (один из десяти) имеют высокую зарплату, социальный пакет. Но оставшиеся не повысят свои доходы в десять раз, перераспределив сэкономленный фонд заработной платы. Большую часть присвоит капитал, перераспределив часть вновь созданной стоимости в пользу прибыли. Об этом свидетельствуют и приведенные К. Швабом цифры. Стало быть, растет норма прибавочной стоимости, растет капитализация. У креативных работников стираются границы между рабочим и свободным временем, поскольку творческая работа «преследует» работника и в свободное время тоже. И это тоже способствует росту нормы прибавочной стоимости. Наконец, появление информационно-коммуникативных технологий увеличило процесс реального подчинения труда капиталу. Резко сократились издержки, связанные с контролем за оппортунистическим поведением наемных работников. Появились цифровые средства тотального контроля. С развитием материальной базы развивались и отношения собственности. Менялись объекты: земля, машины, роботы, информация. Но экономические отношения, по существу, оставались прежними: работник отчужден от средств и результатов труда, присвоенных противоположным экономическим агентом.

Изменения технико-технологического плана повысили скорость оборота информации, норму эксплуатации, создали новый рынок со старым основным экономиче-

ским отношением, но не послужили основой изменения производственных отношений, сохраняя способ производства, рост капитализации и характер присвоения добавленной стоимости. Следовательно, вопрос об исчезновении экономических отношений не решается автоматически с появлением даже новых технологий.

В своем докладе «О методологических основах ноономики» на международной научной конференции «Технологические и социально-экономические трансформации XXI века: опыт концептуального осмысления» (в рамках Московского академического экономического форума) 28 мая 2020 г. С.Д. Бодрунов обратился к методологии позитивизма и диалектическому методу (марксизму). Была особо подчеркнута традиция опытно-эмпирической проверки научных гипотез и теорий. Эта традиция позитивизма близка марксистской методологии, в рамках которой практика считается критерием истины. Материалистическое истолкование истинности научных конструкций действительно объединяет два методологических направления и противопоставляет их спекулятивному, идеалистическому и иным ненаучным конструкциям. Отличие состоит в отношении к диалектике, что хорошо известно, особенно отечественным ученым, связанным с советским периодом. Менее известны внутримейнстримные расхождения. Позитивизм считается философско-методологической основой неоклассической теории, и в зарубежных университетах читается соответствующий курс [2]. В рамках данной методологии эмпирическая проверка теории возведена в ранг признания научности. Но малоизвестна трансформация позитивизма усилиями неопозитивистов. Принцип эмпирической проверяемой теории превратился в принцип фальсифицизма. Если он оказался приемлемым для естественных наук, то у экономистов от вызвал возражения. Широкое применение этого принципа в экономической науке угрожало топтанием на месте затяжными процедурами опровержений и доказательств. С этим был связан двадцатилетний спор экономистов со сторонниками К. Поппера, спровоцированный вступлением в дискуссию М. Фридмана [3]. В итоге длительного спора принцип фальсификационизма не был принят экономистами, которые критерием истинности научных исследований предложили считать их прогностичность. Этот подход не отрицал практический критерий истинности науки, а, может быть, даже усиливал его, поскольку прогнозировать практические события трудней, чем толковать факты. Но экономическая наука при этом избавлялась от затяжных и трудоемких процедур проверок. В последующем принцип верификационизма в значительной степени вытеснил принцип фальсификационизма и связано это было с широким использованием статистических данных в экономических исследованиях.

Возвращаясь после методологического экскурса к обсуждаемой теме, следует отметить, что с позиций методологии позитивизма и марксизма хорошо объясняется технологическая часть теории ноономики. Более того, с опорой на эти методологии, которые, как мы показали, смыкаются в материалистическом обосновании науки, можно развернуть новые масштабные исследования развития технологической базы будущего общества. Но опираясь на эти методологии, нельзя доказать исчезновение в обозримой перспективе экономических отношений. Это, конечно, не означает невозможности использования названных методологий для исследования трансформации социально-экономических отношений в рамках теории ноономики. Особенно актуальной в этой связи окажется, по нашему мнению, теория и методология переходных экономических процессов и переходных отношений.

Исходя из изложенного, попытаемся определить направления для исследования переходных процессов на разных уровнях.

Методологический уровень. Прежде всего следует критически рассмотреть фундаментальное основание неоклассической экономической теории – методологический индивидуализм.

Настигшая человечество проблема распространения вируса лишь на поверхности явлений может казаться сугубо медицинской. Вынужденная реакция со стороны социума неизбежно повлечет за собой существенные изменения всех сторон социально-экономической организации и функционирования, в связи с чем резко возросла актуальность теоретической и прогностической функции науки. А экономическая наука переживает не лучшие времена. Разговоры о ее кризисе ведутся давно. Еще в 2002 году были опубликованы материалы обсуждения этой темы в МЭИМО [4]. В коротком изложении признаки кризиса отмечались в следующих моментах: умозрительность моделей, избыточное математическое и символическое увлечение в ущерб теоретическому содержанию; утрата прогностичности. Вменялось в вину то, что не был предсказан кризис 2008 г., появление криптовалют, крах крупнейших компаний (LTCM). Наука обвинялась и в том, что не успевает осмыслить такие глобальные феномены, как греческий кризис, международный терроризм, интернет и соцсети. Обвинения были и на инструментальном уровне: неумение подтвердить универсальную эффективность даже таких проверенных механизмов, как аукционы. В тех областях, где теория традиционно используется как инструмент обоснования экономической политики, – макроэкономика, налоговая политика, банковское и финансовое регулирование – она оставляет много пространства для дебатов, а нередко и порождает их.

Приведенная выше критика была внутренней, то есть исходила из самой неоклассической теории. Оттуда же исходила обеспокоенность о судьбе мейнстрим и поиск альтернатив. Наиболее заметной оказалась теория поведенческой экономики. Возможно, решающую роль в столь высокой оценке сыграло присуждение Р. Талеру Нобелевской премии по экономике в 2017 году именно за теорию поведенческой экономики. Этим же объясняется и претензия: «чтобы эта дисциплина стала полноправной областью исследований в одном ряду с макроэкономикой, эконометрикой, экономикой труда» [5]. Высокие оценки изначально разделялись не всеми, и обращалось внимание на то, что «пока есть только отдельные концепции и модели... которые пока не складываются в систему... с помощью идей поведенческой экономики уточняется содержание вспомогательных гипотез традиционной теории» [5, с. 7–8]. Подобные попытки вдохнуть новую энергию в увядающий организм неоклассики не затрагивают вопроса о современном потенциале его базовых принципов или «твердого ядра».

Методологический индивидуализм как главный принцип и «твердое ядро» неоклассической теории безраздельно господствует после схода с исторической арены плановой экономики и сопровождающей ее политической экономии. Однако в последние два десятилетия основное течение все больше покрывается трещинами. Реакция стран господства неоклассики на вирусное бедствие тоже снижает его репутацию. На глазах у мировой общественности методологический индивидуализм переходит в эгоизм, откатываясь в цивилизационном развитии. Дело доходит до критики ВОЗ за то, что она оказывала помощь Китаю на средства фонда, в формировании которого есть средства США. Еще раньше атаквались другие

международные организации уровня ВТО и даже ООН. Это конкретные проявления методологического индивидуализма, порочные черты которого находятся в недрах экономического поведения субъектов. С появлением смертельно опасной эпидемии методологический эгоизм показал себя в виде спекулятивных цен на средства защиты и борьбы с вирусом, организации производства контрафактных средств, мошенничества, в том числе и медицинского. Пришло убеждение в том, что это не единственное испытание, с которым столкнется человечество. Сохраняются угрозы новых вирусных и иных эпидемий, а также природно-климатических, техногенных катастроф и аномалий. Одна из целей маржинального анализа в рамках методологического индивидуализма есть стремление к максимизации общественной полезности. Но максимизация общественной полезности даже с позиций маржинального анализа достигается при стремлении к уравнительному распределению благ². С историческим развитием все более очевидным становится противоречие принципа и цели, что свидетельствует о необходимости поиска других принципов, адекватно соответствующих высшим общественным целям благосостояния, на что направлена и теория ноономики.

Технико-экономическом уровень. На фоне стремительного развития производительных сил, содержащих высокий интеграционный потенциал, особенно в сфере цифровых технологий, принцип методологического индивидуализма утрачивает свою цивилизационную перспективность. Растет спрос на альтернативные парадигмы, ориентированные на иные принципы экономического и общественного развития. Противоположной альтернативой представляется плановое хозяйство. Его общие принципы соответствуют современным тенденциям в технологическом развитии. Но его практическая реализация прервалась три десятилетия назад, и сегодня не представляется возможным простая апелляция к прошлому. Расчетно-аналитический потенциал новых цифровых технологий содержит основу для возрождения планомерности на существенно новом уровне. С развертыванием новых технологий, особенно связанных с третьей и четвертой промышленной революцией, возникли новые уровни обобществления производства, которые проявляются в концентрации и централизации капитала. Сложилась технологические, организационно-экономические, информационно-коммуникативные и иные условия возрождения планомерности. Она явится интегральным обрамлением новой технотруктуры.

Социальный уровень. Требуются новые подходы, один из которых предвзительно может быть назван «социализированный индивид». Он альтернативен методологическому индивидуализму. Его суть состоит в выстраивании системы экономических и иных общественных отношений не на противостоянии и борьбе, а на объединении и сотрудничестве. Выше отмечалось, что абсолютизация индивидуальной суверенности как производителя и продавца благ была свойственна периоду господства мелкотоварного производства. В развитых странах более 80% благ производится крупными корпорациями, имеющим акционерную форму.

2 Для доказательства этого тезиса достаточно привести простой пример. Десять шоколадок разделены между двумя любителями сладкого в соотношении 9:1, девятая шоколадка имеет меньшую предельную полезность, чем вторая шоколадка для другого потребителя. Соответствующее перераспределение сладкого продукта приведет к увеличению суммарной полезности для этого минисообщества. Суммарная полезность будет возрастать по мере движения к уравнительному распределению.

В природе человека заложено и индивидуальное, и социальное. Важно, чтобы социализация раскрыла более широкие возможности для индивидуального и общественного развития при наиболее эффективном противостоянии современным угрозам. Даже на средних и мелких предприятиях, за исключением индивидуальных, благосостояние отдельных индивидов зависит от успешного развития коллективной ассоциации. Индивидуальное в этой системе не исчезает, но приобретает новое качество. Индивидуальное и социальное сливаются в качественно новое образование, где эгоистическому индивидуализму противостоит социализированный индивид. Социализация на основе новой техноструктуры составляет, в свою очередь, пространство для всестороннего развития индивида.

Диалектическое развитие социализированного качества индивида на основе новой технологической революции, как нам представляется, может послужить социально-экономическим дополнением теории ноономики, в которой пока преобладает технологическое направление.

Библиографический список

1. Шваб К. Основатель и президент всемирного экономического форума в Женеве. «Четвертая промышленная революция». Москва. «Э». 2017, с. 19–20.
2. Введение в позитивную экономическую теорию/ (An Introduction to Positive Economics, Weidenfeld & Nicolson, 1963; 7th edn, 1989).
3. Методология позитивной экономической науки / M Friedman – THESIS: теория и история экономических и..., 1994.
4. «К вопросу о так называемом „кризисе“ экономической науки» Материалы теоретического семинара МЭИМО. М., 2002.
5. Белянин А.В. – Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. № 1.

References

1. Klaus Schwab. Founder and President of the world economic forum in Geneva. «The fourth industrial revolution». Moscow. «E». 2017. S. 19–20.
2. Introduction to positive Economics/ (An Introduction to Positive Economics, Weidenfeld & Nicolson, 1963; 7th edn, 1989).
3. Methodology of positive economic science/ M Friedman-THESIS: theory and history of economic and..., 1994.
4. «On the issue of the so-called "crisis" of economic science» Materials of the theoretical seminar of Moscow state University of ECONOMICS, 2002.
5. A.V. Belyanin-Richard Thaler and behavioral Economics: from laboratory experiments to the practice of nudging. (2017 Nobel prize in Economics). Economic issue. 2018. № 1.

Контактная информация / Contact information

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 3-й новый учебный корпус, Экономический факультет, Российская Федерация, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы.
Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
Хубиев Кайсын Азретович / Kaisyn A. Khubiev
khubiev48@mail.ru

ОТЧУЖДЕНИЕ И ОППОРТУНИЗМ РАБОТНИКА ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НООНОМИКЕ¹

ALIENATION AND BEHAVIORAL OPPORTUNISM OF WORKERS ON THE WAY TO NOONOMY

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-539-546

ПЛЕТНЕВ Дмитрий Александрович

Доцент кафедры экономики отраслей и рынков,
Челябинский государственный университет, к.э.н., доцент

Dmitri A. PLETNEV

PhD, Associate Professor, Chelyabinsk State University

Аннотация

В статье обосновывается идея о том, что при переходе к ноономике усиливается и находит новые формы проявления ряд противоречий, связанных с отчуждением работника, а также его поведенческим оппортунизмом. Рассматриваются проблемы изменения природы труда, сохранения человеком самого себя в процессе технологических и социальных трансформаций, трансформации и новых вызовов доверия, а также – нового неравенства (неравенства способностей). Особое внимание уделяется актуальным кейсам 2020 года, подтверждающим выводы автора. Предлагаются варианты позитивного разрешения выявленных противоречий, в том числе – с использованием теории ноономики.

Abstract

The article substantiates the idea that the transition to noonomy is intensified and finds new forms of manifestation of several contradictions related to the alienation of the employee, as well as his behavioral opportunism. The problems of changing the nature of labor, the preservation by a man of himself in the process of technological and social transformations, transformation, and new challenges of trust, as well as new inequality (inequality of abilities), are considered. It justifies the need for a targeted impact on the ongoing changes, including indirect methods of state and public regulation, by transforming public institutions and cultures that contribute to the self-realization of a person in new technological and social conditions. Particular attention is paid to the current cases of 2020, confirming the conclusions of the author. Options are proposed

¹ Статья публикуется по материалам доклада, представленного на научно-практической конференции «Драйверы развития промышленного региона в постпандемической реальности», которая состоялась 29 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

for a favorable resolution of the identified contradictions, including those using the theory of noonomy.

Ключевые слова Отчуждение, поведенческий оппортунизм, нономика, доверие, неравенство способностей, труд, культура, COVID-19, противоречия современной экономики.

Keywords Alienation, behavioral opportunism, noonomy, trust, inequality of abilities, labor, culture, COVID-19, contradictions of the modern economy.

В стройном радостном хоре тех, кто возвещает о приходе новой, цифровой эры, все чаще фальшивыми нотами звучат сомнения: а все ли так хорошо, как это звучит с трибун форумов и конференций, – интернет вещей, нейротехнологии, распознавание образов и многие другие технологии при детальном рассмотрении имеют несколько слоев. И сейчас речь даже не об этической стороне проблемы, не о проблемах со свободой выбора и неприкосновенностью частной жизни: проблема лежит и в чисто экономической плоскости. Тотальная цифровизация уже сегодня снижает эффективность экономической деятельности (пока что – в отдельных сферах и в отдельных случаях). Особо остро вопрос стоит в сферах, предполагающих тесную социальную связь: образование, здравоохранение, культура, сфера услуг. Однако есть и еще один, более глобальный аспект – это проблема управления. Управленческая деятельность – это далеко не только команды и их выполнение, это тонкий социальный и психологический процесс, который невозможно без потери качества перенести в «онлайн» и «цифру» вообще. Такие важные компоненты, как обратная связь, вовлечение, эмоциональный интеллект – все они перестают работать, когда социальное взаимодействие опосредует ИТ.

Переход к цифре взамен аналоговых коммуникаций порождает среди работников новые стимулы к проявлению, где это возможно, поведенческого оппортунизма. Термин, широко используемый в институциональной экономической теории, начиная с 1980-х годов, подразумевает «своекорыстное поведение с использованием коварства» [1]. В силу расплывчатости термина «коварства» разные авторы понимают под оппортунизмом разные явления – кто-то шире, кто-то уже, но общий смысл в том, что работники действуют, движимые собственной выгодой, а не общностью интересов или под страхом наказаний. С содержательной стороны поведенческий оппортунизм является не чем иным, как проявлением отчуждения работника в классической, марксовой трактовке: «...труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы...» [2].

Казалось бы, по мере развития технологий труд человека должен становиться все более и более легким, поскольку производительность труда растет в разы. Однако реальность говорит об обратном: все вехи технологического прогресса делают труд все более и более изнуряющим, как в количественном отношении, так и в качественном наполнении. Говоря о количественной стороне вопроса, подразумеваем следующее: изобретение электричества удлинило рабочий день, изобретение средств

оперативной связи (телефон, сотовая связь, электронная почта) усилило контроль над работниками, появление смартфонов сделало добросовестного работника «привязанным» к работе практически 24 часа в сутки. Говоря о качественной стороне, имеем в виду все большее превращение работника в части формализованных систем: в сфере услуг широко используются «скрипты» для общения – кол-центры, продавцы в магазинах, официанты, банковские служащие, «продажники» – все они общаются с клиентами, используя «предустановленные» шаблоны. В медицинской сфере используют протоколы для лечения, что исключает ответственность и личный подход к больным. И таких примеров можно приводить еще много, но приведем лишь пару из них, подтверждающих тезис об усилении оппортунизма и отчуждения при обращении к цифровым технологиям.

Анализ предпочтений будущих специалистов [3] показал, что готовность к проявлению оппортунистического поведения (и без того довольно высокая у всех), выше именно у тех, кто связывает свое будущее с работой в качестве фрилансера, то есть «сдельного», зачастую – удаленного работника. А ведь именно эта форма занятости, как прогнозируют аналитики рынка труда, будет по мере развития цифровой экономики занимать все большую долю (см. рис. 1). При этом обращает на себя внимание тот факт, что большая часть опрошенных тяготеет к активным формам проявления оппортунизма – лжи, отлыниванию, небрежности в работе, перекладыванию вины на других и готовности воспользоваться обстоятельствами для извлечения выгоды для себя. И именно большая склонность к активному оппортунизму свойственна для будущих фрилансеров.

Рис. 1.
Готовность к оппортунизму в зависимости от «работы мечты» у студентов 2–5 курсов (март 2020 года)

Второй пример – из другой сферы. Также в 2020 году в The New York Times вышла статья [4], посвященная новому парадоксу – если 20 лет назад обладание новым телефоном и компьютером, доступом в сеть и т.п. являлось признаком престижности и даже элементом демонстративного потребления у высших слоев, то сегодня,

напротив, именно живое общение, непосредственная коммуникация между людьми становится люксовым благом. Престижным становится проводить личные встречи, а не чаты онлайн, объяснять детям все устно и книгами, а не использовать интерактивные площадки или видеоматериалы. Даже для ухода за пожилыми людьми теперь есть особый, не дешевый, но доступный сервис, когда собачка из планшета дружески общается и напоминает пожилым людям о приеме лекарств. Тем самым родственники снимают с себя бремя общения со стариками и покупают себе свободу от угрызений совести.

Какой же ответ на этот сильнейший вызов современности? Окончательный и достоверный ответ, безусловно, может дать лишь история, но уже сейчас есть достойная модель будущего, позволяющая со сдержанным оптимизмом смотреть на начинающийся переход к доминированию шестого технологического уклада.

Речь о ноономике — концепции, предложенной С.Д. Бодруновым [5, 6, 7] и уже получившей широкую известность. Для определенности приведем авторское определение ноономики (курсив наш):

Ноономика — неэкономическая общественная форма хозяйственной деятельности людей, нацеленная на удовлетворение ноопотребностей (в первую очередь — потребностей в развитии личности человека) на основе развития ноопроизводства, то есть такого производства, которое осуществляется при выходе человека из непосредственной трудовой деятельности («безлюдное производство») и управлении техносферой как внешней по отношению к человеку сферой реализации потенциала человеческого познания.

Иными словами, ноономика — это то, что ждет нас «за горизонтом» экономики, один из возможных и весьма вероятных сценариев будущего, который может реализоваться в процессе выхода человека из сферы производства, перехода к безлюдным технологиям. Ноономика — это будущее, но уже сегодня ее фундамент создается в рамках новой индустриальной экономики XXI века, включающей в себя: высокотехнологичное материальное производство, создающее знаниеинтенсивный продукт; науку, создающую знания и ноу-хау; образование и культуру, формирующие человека, владеющего знаниями и способного их применить в производстве. Как утверждает С.Д. Бодрунов, «...главными профессионалами наступающего нового индустриального производства должны стать <...> инженер, ученый и педагог...» [7, с. 137]. При этом следует отметить, что и инженер, и ученый, и педагог, безусловно, должны рассматриваться как главные действующие лица в идеализированной форме: инженер — как создатель и реализатор технологий преобразования реальности (технической, природной и социальной), ученый — как создатель и систематизатор знания, педагог — как наставник, помогающий человеку воспринимать и применять на практике знания в выбранной предметной области. То, что сейчас определяет номинально статус инженера, ученого или педагога (диплом, занимаемая должность), отнюдь не делает носителя соответствующего звания субъектом ноономики, поскольку содержание их навыков и деятельности часто далеко от (а порой и противоположно) представленной идеальной модели. И для государства, и для общества важно сегодня осознать сей факт и направить свои усилия на «выращивание» инженеров, ученых и педагогов именно как субъектов, обладающих качественным содержанием, а не только соответствующей формой и наименованием. И в этой сфере наблюдается явное противоречие действующих образовательных стандартов (в целом неплохих) и практики их применения (включая

инструменты контроля со стороны государства – аккредитации). Это противоречие все усугубляется, что может привести к окончательному выхолащиванию сущности деятельности инженера, ученого и педагога через атомизацию и примитивизацию образовательного процесса.

В подтверждение этих рисков приведем пример с «профессором-посредником», критикуемым С.Д. Бодруновым [7, С. 299]. Сегодняшняя система высшего образования способствует отчуждению «профессора» от результата и процесса труда (через образовательный стандарт и внешний контроль). Это рождает ответную реакцию в виде поведенческого оппортунизма («хотите по стандарту – получите, но не более того», и лекция превращается в переписывание учебников, а семинар – в тесты и т.п.). Процесс передачи знания упрощается, и не возникает той «химии», которая вдохновляет учеников делать выбор в пользу самостоятельных занятий и увлеченного изучения предметов. И так профессор становится простым «посредником», ретранслятором, которого легко заменить «яндекс-учебником».

Следующий важный вопрос, связанный с отчуждением и оппортунизмом работников, который задает С.Д. Бодрунов [7, С. 194]: «сохранит ли человек самого себя?». Дело в том, что ноономика (вернее – сопровождающие ее появление технологические изменения) усиливает специфические риски:

- изменений объемов поступающей и обрабатываемой информации (в разы),
- изменений в способе восприятия мира («клиповое мышление»),
- изменений в способах манипулирования (включая стимулирование симулятивных потребностей).

Эти риски непосредственно влияют на отчуждение работника от процесса труда, от других работников и самого себя. Работник уже сегодня не испытывает потребности к сопричастности трудовому процессу и коллективу, его вторая (а иногда и первая) семья – не работа, а социальные сети или интернет-пространство. В дальнейшем, по мере выхода человека из процесса производства, система внутренних побудительных сил человеческой деятельности столкнется с новым вызовом – отсутствием рационального целеполагания почти любой созидательной активности: материальные потребности обеспечиваются помимо воли человека, социальные – через виртуальные контакты, нейтральные в отношении созидательных задач коммуникации. Зачем инженеру изобретать, ученому стремиться к открытию, а педагогу заниматься наставничеством? И здесь мы согласны с С.Д. Бодруновым, что выход – в развитии культуры как способа преодоления нарастающего отчуждения. Именно культура в ее высшем смысле, как метаинститут, должна направлять в том числе и систему целеполагания человека будущего. Не превращаться в «зрелище» или «услугу», подстаивающуюся под сиюминутные потребности массы потребителей, а, напротив, формировать долгосрочные тренды витальных потребностей – в том числе в познании мира и воспитании.

Отдельной важной темой, влияние которой в условиях нового индустриального общества усиливается, является тема доверия (см. [7, с. 254]). С одной стороны, появляющиеся информационные технологии делают сложным сокрытие информации и предлагают системы ее верификации (блокчейн, «лайки», репосты). С другой стороны, расширяются и возможности фальсификации информации, в том числе – «постправды», манипулирования мнением, причем в масштабах крупнейших государств мира. В такой ситуации один человек соглашается просто плыть по течению, принимая за чистую монету ту информацию, которая поступает к нему, и меняя свою

точку зрения сообразно с ней. Другой часто оказывается в ситуации, которую поможет описать образный пример: допустим, у Вас на столе всегда в избытке фрукты, каких только ни пожелаете (и так — каждый день, все свежее и вкусное), но Вы знаете, что иногда какой-то фрукт, неотличимый по виду, вкусу и запаху, содержит сильнейшее слабительное. Будете ли Вы в этих условиях наслаждаться фруктами или все выбросите, от греха подальше? Так же и с информацией — если мы понимаем, что в ее потоке может попадаться как достоверная, так и нет, то как мы можем ее «потреблять», не боясь того, что кто-то нас водит за нос и управляет нашим поведением? Недоверие к новым «технологиям доверия» уменьшает уровень доверия в обществе и повышает степень отчуждения, усиливая одновременно готовность человека к поведенческому оппортунизму там, где это остается возможным. Нередки случаи, когда реальное посещение мероприятий и вдумчивое заслушивание докладов подменяется фото на фоне баннера и восторженным комментарием. «Не запостил — значит не был» — с таким девизом действуют сегодня многие активисты и чиновники.

Еще одним фактором, усиливающим отчуждение и поведенческий оппортунизм в условиях перехода к ноономике, является новая форма неравенства, которая, по прогнозу С.Д. Бодрунова, придет на смену неравенству возможностей [7, с. 280]. Речь о неравенстве способностей к использованию ставших равными возможностей. И уже сегодня этот тренд проявляется, становясь серьезным вызовом для развитых обществ. Современные общества в США и Западной Европе серьезно стратифицированы, и, несмотря на усилия правительств (а может, и «благодаря» им), представители разных страт, имея формально равные возможности (образования, работы), пользуются ими совершенно по-разному. Это порождает глубокие противоречия, вылившиеся в 2020 году в самые массовые протестные акции (Black Lives Matter), когда рядовое преступление послужило толчком к протестам и беспорядкам во многих странах. И здесь, как в зеркале, проявилась проблема отчуждения и, как следствие, — оппортунистического поведения отдельных социальных страт. Ощущая себя ущемленным (в правах, в возможностях, в способностях — не важно, для конкретного человека все это означает «несправедливость»), человек отчуждает себя от общества, способствующего этому, и, в качестве ответной реакции, реализует стратегию оппортунистического поведения, иногда — в самых радикальных формах.

Если посмотреть на эту проблему еще шире, то можно сделать вывод, что сегодня знание становится инструментом отчуждения и индикатором неравенства. Выстраивается следующая цепочка: знаниеемкое производство → возрастание ценности знания → желание присвоить знание → стремление к отчуждению знания → ограничение использования знания через интеллектуальную собственность. Примером, ярко иллюстрирующим эту цепочку, является фармацевтический бизнес: внимание к нему привлекла пандемия 2020 года и соревнование компаний за интеллектуальные ресурсы (в том числе — лаборатории), которые позволили бы обеспечить технологическое лидерство в поиске вакцин и лекарства от COVID-19. Те страны и компании, которые сумеют стать первыми (или вторыми) в этом, смогут диктовать другим условия, в том числе и в отношении свободы перемещения.

Все рассмотренные выше вызовы и противоречия, порождаемые технологическими изменениями и связанные с постепенным формированием постэкономической реальности — ноономики, могут и должны разрешаться и преодолеваться в позитивном ключе, не через их маскировку или замалчивание, но через поиск

ответов в самой человеческой природе. И ответы, которые могут нас приблизить к обретению конкретных способов разрешения противоречий, уже есть, их давали и продолжают давать ученые, небезразличные к будущему человечества.

Т. Веблен [8] ранее предположил, что поведение человека определяется не абстрактным «стремлением к максимизации», а его инстинктивными склонностями, в том числе — инстинктом мастерства. Этот инстинкт определяет позитивный смысл труда — не ради зарплаты, но как способ самореализации. И задача педагогов будущего — «активировать» этот инстинкт, научить им пользоваться новых инженеров, ученых и педагогов.

Э. Шумахер [9] указал, что научно-технический прогресс должен не способствовать отчуждению работника через укрупнение масштабов и «дегуманизацию» производства, но способствовать его вовлечению через применение «серединных технологий» с интеллектуальной ролью людей [10], стоящих над производством, но сопричастных ему. Постоянно повторяющийся цикл укрупнения/разукрупнения производства необходимо остановить «посередине», поскольку именно в таких формах организации производства сопричастность человека максимальна. Об этом говорит и опыт «скрытых чемпионов» в Германии [11].

С.Д. Бодрунов предполагает [7], что научно-технологический прогресс приведет к развитию безлюдных технологий и исчезновению труда как деятельности, опосредующей удовлетворение потребностей, и вместо него труд должен рассматриваться как самореализация, как объективизация и новых институтов, и новых «смыслов», и нового человека, покинувшего царство необходимости и готового к «свалившейся» на него свободе [12]. Остается надеяться, что и человек как вид, и современная человеческая цивилизация, стоя у опасной черты, сделают правильный выбор (серию взаимосвязанных выборов), который позволит преодолеть складывающиеся сегодня и рассмотренные в настоящей статье противоречия, и осуществить переход к ноономике уже без отчуждения и сопровождающего его поведенческого оппортунизма.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00653.

Библиографический список

1. Williamson O.E. *Markets and hierarchies*. New York: Free Press, 1975.
2. Маркс К. *Капитал: критика политической экономии*. Том I. — М.: Эксмо, 2019. — 1200 с.
3. Плетнев Д.А., Козлова Е.В. Оценка готовности к поведенческому оппортунизму молодых специалистов в условиях цифровой экономики / В книге: *Цифровизация экономических систем: теория и практика*. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург: ОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 528–550.
4. Bowles N. *Human Contact Is Now a Luxury Good* // *The New York Times*. March 23. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens.html>
5. Бодрунов С.Д. К вопросу о ноономике // *Экономическое возрождение России*. 2019. № 1 (59). С. 4–8.
6. Бодрунов С.Д. Ноономика. Будущее: четвертая технологическая революция обуславливает необходимость глубоких изменений в экономической и социальной жизни // *Экономическое возрождение России*. 2018. № 2 (56). С. 5–13.
7. Бодрунов С.Д. *Общая теория ноономики: учебник*. — М.: Культурная революция, 2019. — 504 с.
8. Веблен Т. *Теория праздного класса*. — М.: Прогресс, 1984.

9. Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. – 352 с.
10. Плетнев Д.А. Экономика для человека как нетривиальная цель развития современного хозяйства // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 15 (306). С. 35–42.
11. Саймон Г. Скрытые чемпионы (Уроки 500 лучших в мире неизвестных компаний): пер. с нем. – М.: Дело, 2005. 288 с.
12. Бузгалин А.В. Человек в мире отчуждения: к критике либерализма и консерватизма. Реактуализация марксистского наследия // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 155–166.

References

1. Williamson O.E. *Markets and hierarchies*. New York: Free Press, 1975.
2. Marks K. *Kapital: kritika politicheskoi ekonomii*. Tom I. M.: Eksmo, 2019. 1200 s.
3. Pletnev D.A., Kozlova E.V. Otsenka gotovnosti k povedencheskomu opportunizmu molodykh spetsialistov v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki / V knige: Tsifrovizatsiya ekonomicheskikh sistem: teoriya i praktika Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet Petra Velikogo. Sankt-Peterburg: OLITEKh-PRESS, 2020. S. 528–550.
4. Bowles N. *Human Contact Is Now a Luxury Good* // *The New York Times*. March 23. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens.html>
5. Bodrunov S.D. K voprosu o noonomike // *Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii*. 2019. № 1 (59). С. 4–8.
6. Bodrunov S.D. Noonomika. Budushchee: chetvertaya tekhnologicheskaya revolyutsiya obuslovlivaet neobkhodimost' glubokikh izmenenii v ekonomicheskoi i sotsial'noi zhizni // *Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii*. 2018. № 2 (56). С. 5–13.
7. Bodrunov S.D. *Obshchaya teoriya noonomiki: uchebnik*. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2019. 504 s.
8. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa*. M.: Progress, 1984.
9. Shumakher E.F. *Maloe прекрасно. Ekonomika, v kotoroi lyudi imeyut znachenie*. M.: Izd. dom VShE, 2012. 352 s.
10. Pletnev D.A. *Ekonomika dlya cheloveka kak netrivial'naya tsel' razvitiya sovremennogo khozyaistva* // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 15 (306). С. 35–42.
11. Saimon G. *Skritye chempiony (Uroki 500 luchshikh v mire neizvestnykh kompanii): per. s nem.* M.: Delo, 2005. 288 s.
12. Buzgalin A.V. *Chelovek v mire otchuzhdeniya: k kritike liberalizma i konservatizma. Reaktualizatsiya marksistskogo naslediya* // *Voprosy filosofii*. 2018. № 6. С. 155–166.

Контактная информация / Contact information

Челябинский государственный университет (ЧелГУ),
454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.
Chelyabinsk State University, 129, Kashirin Brothers Street, 454001, Chelyabinsk, Russia
Плетнев Дмитрий Александрович / Dmitri A. Pletnev
+7932 303-12-35, pletnev@csu.ru

О «РАЗУМНЫХ» И «НЕРАЗУМНЫХ» ПОТРЕБНОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА¹

ABOUT «REASONABLE» AND «UNREASONABLE» HUMAN NEEDS

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-547-550

МОМДЖЯН Карен Хачикович

Заведующий кафедрой социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д.ф.н., профессор

Karen Kh. MOMDZHYAN

Head of the Department of Social Philosophy and History Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

Аннотация

Автор доказывает универсальный и исторически неизменный характер человеческих потребностей, имеющих реальный и объективный характер. От воли человека зависит процесс удовлетворения потребностей, но не сам факт их существования и принудительного воздействия на поведение. Это значит, что потребности человека не могут быть «разумными» или «неразумными», такой характер могут иметь только способы удовлетворения потребностей.

Abstract

The author proves the universal and historically unchanged nature of human needs, which are real and objective. The process of meeting needs depends on the will of man, but not the very fact of their existence and forced impact on behavior. This means that human needs cannot be "reasonable" or "unreasonable", this nature can only have ways of meeting needs.

Ключевые слова

Субъект, сознание, воля, потребность, предмет потребности, интерес.

Keywords

Subject, consciousness, will, need, subject of need, interest.

1 Статья публикуется по материалам доклада, представленного Международной научной онлайн-конференции «Технологические и социально-экономические трансформации XXI века: опыт концептуального осмысления», которая состоялась 28 мая 2020 г. в рамках МАЭФ.

Текст подготовлен при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива», проект № 18-011-00980 «Социальная эволюция и прогресс как категории номотетического познания». Подготовка текста проходила в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Трансформация культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

Должен сказать, что мне нравится теория ноономики, но есть несколько проблемных пунктов, на один из которых я хотел бы обратить ваше внимание. Речь идет о проблеме т.н. «симулятивных потребностей», от которых должно избавиться человечество, создавая одновременно новые «адекватные» потребности.

2 Такая трактовка идеального вызывает споры между философами (см. известную полемику между Д.И. Дубровским и Э.В. Ильенковым), которые в настоящий момент я комментировать не могу.

3 Целый ряд психологов продолжают линию Л. Брентано, понимавшего потребность как «всякое отрицательное чувство, соединенное со стремлением устранить его при помощи удаления вызывающей его неудовлетворенности» [1]. Обзор психологических точек зрения на проблему потребностей см. в интересной работе Е.П. Ильина [2].

Я считаю эти задачи невыполнимыми по двум причинам:

- 1) никаких новых потребностей возникнуть не может, поскольку потребности ставшего человека исторически неизменны;
- 2) симулятивных потребностей (которые в иной транскрипции называют «неразумными») просто не существует.

Я полагаю, что мы можем и должны говорить об «адекватном» или «неадекватном» потреблении, но мы не можем говорить о «разумных», «неразумных» или симулятивных потребностях. Хочу подчеркнуть — речь в данном случае идет не об игре слов, а о важном вопросе, от которого зависит правильная типология человеческих потребностей и не менее важная типология человеческих ценностей, которые не могут не интересовать экономическую науку.

Если коллегам это интересно, я мог бы сказать несколько слов о социально-философском понимании потребности, анализу которой посвящен ряд моих работ [3, 4]. По моему убеждению, потребность представляет собой объективно-реальное свойство всякой открытой адаптивной системы испытывать надобность в условиях внешней и внутренней среды, без которых невозможно сохранение факта и качества жизни. Соответственно, потребности человека бывают витальными, депривация которых ведет к прекращению существования, и бытийными (термин Абрахама Маслоу), депривация которых приводит к ухудшению качества жизни. Позвольте мне сделать несколько комментариев к этому определению.

Начнем с атрибута реальности, понимая реальное не как антитезу иллюзорного, а как альтернативу идеальному, внутриспсихического существования. Если использовать слова Канта, реальны «сто талеров в кармане», и в этом качестве они сильно отличаются от идеальных «ста талеров голове»².

Так вот, чтобы понять феномен потребности, мы должны прежде всего отличить ее от форм ее психического инобытия. Всякая потребность сигнализирует о себе с помощью особых интерорецептивных ощущений и влечений, которые нетождественны самой потребности. Реальность потребности означает, что она не является формообразованием психики (как полагают некоторые представители психологической науки³), а существует за ее пределами. В качестве иллюстрации напомним вам о различии между голодом как состоянием пищевой потребности и чувством голода, вызываемого ее депривацией (об этом различии свидетельствуют психические расстройства, именуемые булимией и анорексией).

Уточню — говоря о внепсихическом статусе потребностей, я имею в виду все человеческие нужды — в том числе и духовные потребности человека. Они реальны, а не идеальны, и это очевидно для каждого, кто способен отличить знание как состояние сознания от надобности в знании как реальном условии человеческого выживания в мире.

Второе мое пояснение касается важного различия между потребностью и ее предметом. Предмет потребности — это объект, необходимый субъекту, потребность же — это имманентное свойство субъекта нуждаться в подобном объекте. Нужно понимать, что реальность потребности, ее внепсихический статус не означает, что она представляет собой внесубъектную реальность. Конечно, нормы русского языка позволяют моей жене

утверждать, что «кофе с пирожным для нее — жизненная потребность», но на самом деле кофе и пирожное выступают как предметы соматических потребностей в их бытийном, а не витальном измерении. Между потребностью и ее предметом существует полигамная связь — один и тот же предмет может удовлетворять разные потребности, а одна и та же потребность может удовлетворяться с помощью разных предметов.

Третье. Для правильного понимания потребности мы должны отличать ее от нужды. Это не синонимы: потребность и нужда соотносятся между собой так, как свойство соотносится с состоянием. Из курса химии мы знаем, что вода меняет свои агрегатные состояния, оставляя неизменными сущностные свойства, которые определяют, говоря философским языком, ее качественную самотождественность. Точно так же потребность есть постоянное и неизменное свойство живой системы, а нужда — это одно из двух переменных состояний, в котором может находиться потребность, а именно — состоянии острой актуализированной потребности, требующей немедленного удовлетворения.

Четвертое. Для социальных наук чрезвычайно важно различать потребность и интерес. Если потребность есть свойство нуждаться в необходимых условиях жизни, то интерес — это свойство человека испытывать надобность в операциональных медиаторах, с помощью которых люди создают, хранят и используют предметы потребности. Говоря конкретно, пища для человека — это предмет потребности, но получить этот предмет можно лишь в том случае, если будут удовлетворены четыре вида интересов, присущих человеку, а именно — орудийный, информационный, коммуникативный и организационный интересы.

Наконец, пятое. Важно понимать, что потребности не только реальны, но и объективны: они не только существуют вне сознания человека, но и не зависят от его воли. Воля влияет на процесс удовлетворения (или осознанную депривацию) потребности, но не влияет на факт ее существования и способность оказывать принудительное воздействие на поведение. Это значит, что обет celibата, данный священнослужителем, не отменяет половую потребность как фактор, вынуждающий его вести титаническую борьбу с «зовом плоти».

Из сказанного следуют два важных вывода. Первый — потребности человека видоспецифичны, то есть одинаковы у всех представителей человеческого рода (исключением из этого правила можно считать лишь пару-тройку физиологических надобностей, связанных с различием пола и, возможно, возраста).

Второй вывод — потребности человека исторически неизменны. Я берусь утверждать, что со времен появления кроманьонца у человека не возникло ни одной новой потребности. Меняются не потребности, а способы их удовлетворения, в ходе которого человечество изобретает все новые средства такого удовлетворения. Нужно, однако, понимать, что создание, к примеру, компьютера не означает появления новой потребности — речь идет всего лишь о новом способе удовлетворения изначальной и извечной потребности в получении, хранении и передаче информации. Впрочем, доказательство исторической неизменности потребностей предполагает их развернутую типологию, на что у меня нет времени.

Заключительный вывод — потребности человека есть важнейший объективный компонент его родовой надисторической природы и потому не могут быть «разумными» или «неразумными». Таковыми могут быть лишь способы удовлетворения потребностей. Не надо обвинять нувориша, который купил платиновый унитаз и инкрустировал его бриллиантами, в наличии у него «неразумной» потребности. Он руководствуется абсолютно нормальной человеческой потребностью в самоуважении и самоутвер-

ждении, однако избирает контрпродуктивный способ ее удовлетворения, который Эрих Фромм называл «стратегией иметь», не связанной с личностным ростом.

Кстати, сторонники идеи «неразумных» потребностей приводят в качестве аргумента психофизиологическую зависимость от алкоголя или наркотиков, которая формируется у больных людей. Однако ни алкоголь, ни наркотики – в отличие от пищи, безопасности, внутренней свободы, знаний и прочего – не являются объективно необходимыми условиями человеческого существования в мире. Поэтому следует говорить не о потребности в алкоголе и наркотиках, а о ситуативной артефактной надобности в них, которая не является потребностью в категориальном значении этого термина. Дело в том, что всякая потребность связана с надобностью (как отношением необходимости), но далеко не всякая надобность выступает как потребность. Мы можем говорить, к примеру, о надобности бензина для работы двигателя внутреннего сгорания, но не стоит приписывать двигателю наличие потребности в бензине. У технических устройств – равно как и у социальных институтов – есть надобности, но отсутствуют потребности.

В заключение повторю еще раз – ставя потребности в зависимость от человеческого сознания, мы получаем ошибочную типологию потребностей и ошибочную типологию ценностей. Мы получаем, в частности, путаницу в важнейшем вопросе о существовании общечеловеческих ценностей, которые являются общечеловеческими именно потому, что в их основе лежит рефлексия базовых, исторически неизменных потребностей человека (см. [5]). Но это уже другая тема, выходящая за рамки моего сообщения.

Библиографический список

1. Brentano Л. Опыт теории потребностей. – Казань, 1921.
2. Ильин Е.П. Мотивы и мотивация. – СПб., 2002.
3. Момджян К.Х. Универсальные потребности и родовая сущность человека // Вопросы философии 2015, № 2.
4. Момджян К.Х. К типологии человеческих потребностей. Статьи 1-3 // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия 2015, №4, №5, 2017 №1, №2.
5. Момджян К.Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии 2020, №3.

References

1. Brentano L. *Opyt teorii potrebnostej*. Kazan', 1921
2. Il'in E.P. *Motivy i motivacija*. SPB 2002.
3. Momdzhjan K.H. *Universal'nye potrebnosti i rodovaja sushhnost' cheloveka* // *Voprosy filosofii* 2015, № 2.
4. Momdzhjan K.H. *K tipologii chelovecheskih potrebnostej*. *Stat'i 1-3* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija* 2015, №4, №5, 2017 №1, №2.
5. Momdzhjan K.H. *O probleme obshhechelovecheskih cennostej* // *Voprosy filosofii* 2020, № 3.

Контактная информация / Contact information

Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова,
Ленинские Горы, ГСП-1, г. Москва, 119991.

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russia

Момджян Карен Хачикович / Karen Kh. Momdzhyan

info@veorus.rukarm48@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СТЕГАНОГРАФИИ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ И ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

ECONOMICAL ASPECTS OF APPLICATION FOR TECHNOLOGIES OF COMPUTER STEGANOGRAPHY FOR REALIZATION OF INNOVATION AND INVESTMENT PROJETS

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-551-556

РАТКИН Леонид Сергеевич

Ученый секретарь Совета ветеранов Российской академии наук, к.т.н.

Leonid S. RATKIN

Scientific Secretary of the Council of Veterans of Russian Academy of Sciences,
Candidate of Technical Sciences

Аннотация

Рассматриваются различные аспекты применения технологии компьютерной стеганографии, защищенной патентом на изобретение в РФ и за рубежом, для реализации инновационных и инвестиционных проектов. Представлены результаты исследований в России на примере разработок научной Лаборатории «Методы распознавания» Центрального научно-исследовательского института экономики, информатики и систем управления, Всероссийского института межотраслевой информации, Агентства безопасности по инвестициям и бизнесу в России, Международного объединения «СОЛЕВ», Консалтинговой группы «ММБА Инвестмент» и других организаций.

Abstract

The article is devoted to the different aspects of application of innovation technology of computer steganography, which is protected by patent on invention in Russia and foreign countries, for realization of innovation and investment

projects. Briefly are presented the results of scientific researching in Russia on the example of the design works of Central Scientific Research Institute of Economics, Informatics and Control Systems, All-Russian Institute of Multi-Branch Information, Security Agency for Investment and Business in Russia, International Association «SOLEV», MMBA INVESTMENT Consulting Group and many other organizations. The analogues of invention are the products of «SUN MICROSYSTEM» and «MICROSOFT CORPORATION».

Ключевые слова Российская академия наук, компьютерная стеганография, инновации, инвестиции, интеллектуальная собственность, бизнес-план, финансово-экономические параметры, Международные стандарты финансовой отчетности, Российские стандарты бухгалтерского учета.

Keywords Russian Academy of Sciences, computer steganography, innovations, investment, intellectual property, business-plan, financial and economical parameters, International Financial Reporting Standards, Russian Accounting Standards.

Постпандемический мир формирует предпосылки для разработки и внедрения нового поколения технологий, способных обеспечить восстановление экономики и промышленности после эпидемии и предназначенных для их последующего ускоренного развития. Одним из перспективных направлений является инновационная технология компьютерной стеганографии, изучаемая в течение ряда лет в ряде российских и зарубежных научных лабораторий. Автор принимал участие в научных исследованиях, проводимых в Лаборатории «Методы распознавания» Центрального научно-исследовательского института экономики, информатики и систем управления, отмечающего 31 мая 2020 г. уже 51-ю годовщину со дня основания 31.05.1969. Руководителем работ в течение многих лет был Участник Парада Победы 24.06.1945 (полковник запаса), Лауреат государственной премии РФ, почетный член Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, доктор технических наук, профессор Александр Леопольдович Горелик: им был сформирован научный коллектив, который, в частности, занимался экономическими и техническими аспектами применения технологий компьютерной стеганографии [1].

Перед научным коллективом был поставлен ряд задач, среди которых необходимо отметить разработку инструментария для реализации инновационных и инвестиционных проектов. Применение технологий компьютерной стеганографии позволило значительно ускорить уровень обработки данных о цели и характере проекта, направлении использования инвестиций, отраслевой принадлежности проекта, технологиях производства, месте реализации и ориентировочных сроках начала и окончания проекта, кратком описании и основных характеристиках предлагаемой к выпуску по проекту продукции, сведениях о ее новизне и защите интеллектуальной собственности (в т.ч. о патентах на изобретения, полезных моделях, промышленных образцов, товарных знаках и т.д.), лицензировании и сертификации, характеристиках рынка сбыта продукции, уровне проработки проекта, технико-экономическом обосновании (бизнес-плане), финансово-эко-

номических показателей проекта (объемы заемных и собственных средств, срок окупаемости проекта, чистый дисконтированный доход, внутренняя норма доходности, индекс доходности, рентабельность и др.), формах привлечения финансовых средств, инвестиционной привлекательности проекта, предполагаемой форме участия инвестора, гарантиях возврата инвестиций и возможных рисках и т.д. Обработанные с помощью технологий компьютерной стеганографии данные использовались для подготовки материалов для проведения межправительственных переговоров по привлечению инвестиций в промышленность РФ с учетом внебюджетных источников финансирования инновационных и инвестиционных проектов, что позволило российским и зарубежным финансовым институтам установить взаимовыгодное сотрудничество в сфере производства и реализации конкурентной продукции, а также для решения региональных и отраслевых задач, в т.ч., для ситуационного анализа, консалтинга и последующего подбора проектов с целью инвестирования в рамках стран ближнего и дальнего зарубежья [2].

Направление работ с применением технологий компьютерной стеганографии было расширено, что позволило, в частности, начать обработку, помимо данных по инвестиционным проектам, сведений о служебных командировках и проведенных переговорах с представителями отечественных и зарубежных фирм по вопросам продвижения на рынки сбыта конкурентоспособной продукции, выпускаемой по инновационным и инвестиционным проектам. Регистрация результатов переговоров позволила проводить мониторинг эффективности сотрудничества и на основании ряда финансово-экономических параметров проводить выбор потенциальных инвесторов для финансирования инновационных и инвестиционных проектов [3]. В дальнейшем тематика работ получила развитие во Всероссийском институте межотраслевой информации (ВИМИ) и Агентстве безопасности по инвестициям и бизнесу в России. В частности, благодаря применению технологий компьютерной стеганографии была существенно повышена иллюстративность описания инновационных и инвестиционных проектов и номенклатуры продукции: например, оборудования для освоения и эксплуатации месторождений глубоководного шельфа арктических морей России с использованием подводных технологий; комплекса переносных приборов для трассировки трубопроводов, прокладки трасс трубопроводов на строящихся судах и других промышленных объектах с развитой сетью трубопроводов; комплекса аппаратуры на базе сверхнизкочастотных датчиков векторно-скалярного типа для исследования сейсмической активности Земли и инфразвуковой загрязненности среды, а также прогнозирования устойчивости подводных сооружений; подшипников для судового, металлургического и бурового оборудования; телеуправляемого самоходного подводного бурового комплекса. Технологии компьютерной стеганографии использовались для финансово-экономического мониторинга инновационных и инвестиционных проектов ТЭК, в т.ч. по разработке Русановского и Ленинградского месторождений, по производству подъемных установок для ремонта нефтяных и газовых скважин, по расширению серийного производства штанговых глубинных насосов и телекоммуникационной геофизической аппаратуры, мобильного комплекса для контроля скважин, морской платформы для сбора информации о состоянии водной среды, самодвижущейся автоматической геофизической станции для изучения мелководных участков шельфа в транзитных зонах, а также территориальной автоматизированной системы обеспечения безопасности буровых

и плавучих платформ на морском шельфе. В итоге, в частности, были разработаны практические рекомендации по привлечению инвестиций в производство нефтегазового оборудования, которые позволили повысить эффективность реализации ряда инновационных и инвестиционных проектов ТЭК.

Новые экономические аспекты применения технологий компьютерной стеганографии были выявлены в ходе совместных работ ВИМИ и Международного объединения «СОЛЕВ», в которых также принимал участие автор: был реализован комплекс процедур проведения поиска обработки информации по инновационным и инвестиционным проектам с использованием механизмов сложных перекрестных многоуровневых запросов в соответствии с заранее задаваемой системой, в т.ч. финансово-экономических критериев: учет финансового состояния предприятий и организаций в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности и Российскими стандартами бухгалтерского учета повысил эффективность поиска инвесторов на внутреннем и внешнем рынках для реализации инновационных и инвестиционных проектов. По итогам совместной работы были выработаны конкретные предложения по совершенствованию законодательства в сфере капиталовложений и выявлению недоработок в текстах нормативно-правовых документов (НПД), а также организации информационной поддержки и процедуры функционирования экспертно-консультативных советов для оценки НПД.

Еще одним направлением применения технологий компьютерной стеганографии стал мониторинг инновационных и инвестиционных проектов, проведенный Консалтинговой группой «ММБА Инвестмент». В рамках научной работы автором были разработаны механизмы определения индивидуального номера НПД, позволяющего однозначно идентифицировать НПД, в соответствии с которыми реализуются инновационные и инвестиционные проекты, а также методы определения адреса любого текстового фрагмента НПД для выявления законодательных недоработок, препятствующих эффективному функционированию инвестиционных процессов. Также автору удалось разработать принципы определения степени непротиворечивости текстовых блоков НПД, методы построения базиса произвольной предметной области и организации информационной поддержки экспертно-консультативных советов для оценки НПД, которые были использованы для проведения аналитических исследований и выработки практических рекомендаций по привлечению инвестиций в производство оборудования предприятиями ОПК РФ с целью повышения конкурентоспособности оборонной промышленности России на мировом рынке.

Компьютерная стеганография, как инструмент повышения экономической эффективности при реализации инновационных и инвестиционных проектов, применима не только в международных и федеральных, но и региональных проектах. Например, по заказу Префектуры Северо-Восточного административного округа (СВАО) города Москвы автором были разработаны методы оценки экономической эффективности проектов научных организаций и промышленных предприятий СВАО, способствующие эффективной реализации инновационных и инвестиционных проектов, в т.ч. на условиях государственно-частного партнерства потенциальными инвесторами, промышленными предприятиями, научными организациями и местными органами законодательной и исполнительной власти РФ на территории СВАО города Москвы.

Выводы:

1. Разработанный автором метод, использованный для обработки данных по инновационным и инвестиционным проектам, является новой технологией и признан патентоспособным. Согласно данным Федерального института промышленной собственности (ФИПС) Роспатента, после анализа баз данных российских и зарубежных патентов, аналогами патента на изобретения № 2322693 [4] является всего шесть разработок, из них одна – продукция «Sun Microsystems», и две – «Microsoft Corporation» (США). У всех шести разработок уровень релевантности – «А», что соответствует общему уровню развития техники, не считающемуся особо релевантным. В настоящее время проводится процедура зарубежного патентования.

2. Компьютерная стеганография в постпандемическом мире применима в различных сферах: для организации дистанционного обучения и тестирования в школах и вузах (существующие технологии несовершенны), для проведения сеансов видео-конференц-связи с большим количеством участников и различными уровнями доступа к разным информационным потокам, для обработки потоков данных при многократном перерасчете комплексных инвестиционных программ, для приема и передачи в высокоскоростном режиме многопетабайтных потоков данных, для наземных и космических телекоммуникационных систем [5], для суперкомпьютерных и квантово-компьютерных вычислений.

3. Среди важных экономических аспектов применения технологии компьютерной стеганографии для реализации инновационных и инвестиционных проектов особо следует отметить значительное снижение стоимости обработки и распределенного хранения информации. Существенное сокращение времени транзакций при проведении финансово-экономического анализа проектов также является важным экономическим аспектом технологии компьютерной стеганографии, разрабатываемой в настоящее время в рамках научного проекта, реализуемого Советом ветеранов Российской академии наук. Сопредседателем Совета ветеранов Российской академии наук является академик Е.П. Чельшев, полковник запаса, участник Великой Отечественной войны (1941–1945) и Парада Победы 24.06.1945.

Библиографический список

1. Горелик А.Л., Тимушев А.Г., Шабаров В.В. Организация внутреннего консалтинга промышленных корпораций // *Тяжелое машиностроение*, № 6, 2001. // С. 16–20.
2. Горелик А.Л., Шабаров В.В. Ситуационный анализ промышленных корпораций // *Вопросы оборонной техники*, № 1 (302), 2001. // С. 8.
3. Горелик А.Л., Раткин Л.С. Об устойчивости корпоративных информационных сетей // *Вопросы оборонной техники*, № 2 (315), 2003. – С. 43–45.
4. Раткин Л.С. Патент на изобретение № 2322693.
5. Раткин Л.С. К столетию со дня рождения Президента АН СССР М.В. Келдыша: у истоков программы пилотируемых космических полетов (пленарный доклад) // *Материалы Второй международной научно-технической конференции «Нестационарные, энерго- и ресурсосберегающие процессы и оборудование в химической, нано- и биотехнологии – НЭРПО-2011»* // Под общей редакцией Г.И. Ефремова. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. // С. 13–16.

References

1. Gorelik A.L., Timushev A.G., Shabarov V.V. *Organizatsia vnutrennego konsaltinga promyshlennykh korporatsiy* // *Tyazholoe mashinostroenie*, № 6, 2001. // Pp. 16–20.
2. Gorelik A.L., Shabarov V.V. *Situatsionnyi analiz promyshlennykh korporatsiy* // *Voprosy oboronnoyi tekhniki*, № 1 (302), 2001. // P. 8.
3. Gorelik A.L., Ratkin L.S. *Ob ustoychivosti korporativnykh informatsionnykh setey* // *Voprosy oboronnoyi tekhniki*, № 2 (315), 2003. // Pp. 43–45.
4. Ratkin L.S. *Patent na izobretenie № 2322693*.
5. Ratkin L.S. *K stoletiu so dnya rozhdenia Prezidenta AN SSSR M.V. Keldysha: u istokov programmy pilotiruemykh kosmicheskikh poletov (plenarnyi doclad)* // *Materialy Vtoroy mezhdunarodnoi nauchno-technicheskoy konferencii «Nestacionarnye, energo- i resursoberegayushie processy i oborudovanie v khimicheskoi, nano- i biotekhnologii – NERPO-2011»* // *Pod obshei redakciey G.I. Efremova.* – M: Izd-vo MGOU, 2011. // Pp. 13–16.

Контактная информация / Contact information

Совет ветеранов Российской академии наук, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 14.
Council of Veterans of the Russian Academy of Sciences, 14, Leninsky prospect, 119991, Moscow, Russia
Раткин Леонид Сергеевич / Leonid S. Ratkin
Rathkeen@bk.ru

ВНУТРЕННИЕ КОРНИ ПАНДЕМИЧЕСКОГО УСКОРЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗЛОМА¹

DOMESTIC ROOTS OF THE PANDEMIC ACCELERATION OF GLOBAL RIFT

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-557-564

ДЕСАИ Радика

Профессор, директор Центра геополитэкономических исследований Университета Манитобы

Radhika DESAI

Professor, Director, Geopolitical Economy Study Group, University of Manitoba

Аннотация

Пандемия не только ускорила крах неолиберализма как политической парадигмы во всем мире, но и ускорила разрыв созданного ею мирового порядка. В этом тексте утверждается, что противоположные результаты неолиберальных экономик (в частности, США) и Китая в борьбе с пандемией дают ключевые подсказки о том, почему и как рухнет мировой порядок неолиберализма.

Abstract

The pandemic has not only accelerated the collapse of neoliberalism as a policy paradigm around the world, it has also accelerated the rupture of the world order it created. This essay argues that the contrasting performance of the neoliberal economies, the US in particular, and China in handling the pandemic offers critical clues as to why and how the world order of neoliberalism will crumble.

Ключевые слова

Пандемия, геополитэкономия, США, Китай, неолиберализм, кризис.

Keywords

Pandemic, Geopolitical Economy, United States, China, Neoliberalism, Crisis.

The novel coronavirus pandemic that hit the world outside China in spring 2020 has proved a 'great accelerator' of developments on many fronts. Domestically, the economic, social and political failings of the neoliberal paths trodden by

¹ «Статья публикуется по материалам доклада, представленного на Международном научном онлайн-семинаре «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», который состоялся 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ».

most countries, despite mounting problems and rising concern, were exposed and accelerated in undeniable intensity and detail [1]. The international plane is no different. In the twenty-first century and especially since 2008, the decline of the US and the West generally and the rise of the BRICs, with China in the vanguard were already transforming the global landscape² and the 2008 crisis had already accelerated this transformation³ Already before the pandemic, the discussion and opinion pages of all major newspapers and magazines were speaking of the crisis of multilateralism and the demise of the liberal world order that the US had so long struggled to create and maintain.

Though many blamed it on Trump and his 'America First' policies, it was clear to discerning observers that Trump represented merely a change of style, not substance. Indeed, his actions were in good part prompted by the underlying decline of US power. US policy has always put US interests first, 'The difference is that today President Trump, as the head of the waning superpower, is no longer as interested in supporting the neoliberal order that allowed the US to retain global supremacy for so long, and is happy to declare it as being against US interests. Of course, he will still promote US capital as aggressively as was done before, but the apparently "neutral" rules of the game that were pushed by previous US Presidents are now seen as providing too many opportunities to pretenders, and therefore are sought to be overturned [4]'.

Clearly, it was not Trump but the challenge to US and Western power that motivated the 'America First' agenda.

However, before the pandemic, laments for the decline of US power and the liberal international order, more or less the same thing, were matched by other voices who could still pretend that US power was intact, or nearly so, or would be as soon as Trump left the White House. Once the pandemic hit the West in March 2020, the situation was quite different. Within weeks, the establishment media in the west became an echo-chamber of announcements of a changing world order that would displace US primacy. 'The Coronavirus Pandemic Will Forever Alter the World Order' announced the Wall Street Journal. 'The corrosive damage runs deep: How the coronavirus is shattering the world order' cried Fortune magazine. Forbes asked 'Are We Ready To Embrace A New World Order?' while Foreign Affairs feigned a certain tentativeness in conjecturing that 'The Coronavirus Could Reshape Global Order'.

Early in the pandemic such discussion of the fracturing of the world order were dominated by a concern that the lack of a coordinated global response to the public health crisis, on the model of the G20's actions after in the wake of the 2008 financial crisis. The absence of such a response was going to prolong the crisis, endanger economies around the world, and cost more lives. However, despite all the fanfare, the response to the 2008 crisis was never as globally coordinated as the myth implies. This was probably because the crisis itself, though usually termed the 'global financial crisis' was not a 'global' one at all. It was largely confined to the US, where it originated, the UK, the Eurozone and certain other European countries whose financial institutions had gorged themselves on the toxic securities the US banks generated. Only they suffered the financial contagion. The rest of the world suffered a very sharp but also short trade shock from which, however, it recovered rather smartly and continued growing, not least because of the enormous Chinese stimulus. It would have been more accurate to call the 2008 crisis the North Atlantic Financial Crisis. Certainly, by slowing growth in the advanced economies

2 [2] discusses the deep historical roots of this development.

3 Just how it did so, exhausting the tried and tested policy instrument of monetary policy, I discuss in [3]

while the emerging economies and China continued their relatively robust growth, it only widened the rift in the world economy between the advanced economies and the BRICs that Goldman Sachs economist, Lord O’Neill, and predicted at the turn of the century.

It was soon clear to commentators that the lack of international coordination was hardly the main issue, the reason why the rift in the world economy was deepening at an accelerated rate was deeper and most commentators had at least an inkling. Nearly all the stories announcing more and less profound shifts in the world order relied, to a greater or lesser extent, on the contrasting performance of the US and China on confronting the pandemic. China’s success had made models of its public health system as well as its economic and political system. It was also enabling the country to project itself internationally far more effectively, cooperating with international organizations, particularly the WHO, sending expertise, drugs, medical equipment and other forms of aid to over 100 countries, including the US and European countries. And all this while Western leaders were waging trade and propaganda wars against China. No wonder most western sources found it difficult to take full account of the breadth and depth of this contrast between China and the US. Even if they approached its gravity, they could only acknowledge it grudgingly.

This paper argues that the contrasting performance of the US and China provides the best possible prism through which to understand the drivers of the change in the world order and provides clues as to why this change will endure. We consider it here. The roots of this contrast in the international history of capitalism – effectively the evolution of its geopolitical economy in the dialectic of uneven and combined development between its dominant nations and their challengers⁴ – we leave for another time and place.

4 This logic is discussed most fully in my Geopolitical Economy. It is summarized in [5]. It is translated as Геополитическая экономика – предмет для изучения многополярного мира, https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-24/?sphrase_id=182812

The Contrast

Faced with the novel coronavirus, the People’s Republic of China responded energetically, quarantining Wuhan city and Hubei province, building new hospitals, isolating and treating the infected and ill, sequencing the genome, and launching an efficient Test, Trace, Isolate and Support operation to deal with smaller and future outbreaks. Notwithstanding initial problems in recognizing the seriousness of the danger – understandable given the novelty of the virus – the Chinese party-state also demonstrated a remarkable degree of openness, transparency and cooperation with the World Health Organization. Moreover, Chinese officials sought to warn the rest of the world to use the time they had thanks to the outbreak originating in China to prepare.

Although its per capita income remains less than a fifth that of the US, China’s party-state had the political, governance, infrastructural and resource capacities to do all this and ready China for a cautious but sure reopening of its economy within two months of the initial lockdown, minimizing the economic damage. That this approach is effective is clear in the quelling of a new outbreak in the capital, Beijing, in June 2020. Given the efficiency of the Chinese response to the pandemic, it also suffered the least economic damage of major economies. IN its June 2020 World Economic Outlook, the International Monetary Fund was projecting that, by the end of 2021, China would exhibit the strongest recovery by far, growing by 15% over the two years from the beginning of 2020. Other major economies – both the emerging and the advanced economies – were expected to fare far worse. The former were expected to grow by

about 2 percent while the latter would remain 1% short of the early 2020 level of GDP. Going forward, China could be expected to be the engine of world growth [6].

The US response could not have contrasted more sharply. The government remained in denial for weeks, wasting precious time. After the seriousness of the situation could no longer be denied, it responded in a most peculiar fashion. Even though the oncoming crisis was an economic one, not the financial sort that had punctuated neoliberal economies the world over since the 1980s, its greatest public effort went into responding to it in the same fashion it had responded to the long string of financial crisis of recent decades, only with many times the force. The preferred solution was the easing of credit and the issuance of liquidity. In early and mid-March, in response to the expected and then to the real fall in asset markets in March – inter alia those for stocks, bonds and derivatives – the Federal Reserve lowered interest rates back down to near zero and engaged in an almost diarrheal issuance of liquidity in the form of buying bonds, government and corporate. In doing so, the Fed managed to use up, in a few weeks, all the ‘ammunition’ it had managed to save over the previous many years in the form of interest rate rises that had to be made gingerly, so as not to inflict pain on the coddled financial sector. It also managed to add massively to its already bloated balance sheet whose unwinding was a far greater problem than that which had been agonized over the previous decade.

The liquidity injection was so great that, over the next two months, it wiped out nearly all the losses incurred in March. Needless today, this liquidity-fueled market recovery had no basis in the actually rapidly deteriorating economy. All that monetary policy was not designed to aid the economy and could not. So the market recovery could not be expected to last [7]. However, at least the reckoning had been postponed and the assets of the financial sector and the elite preserved and even increased while the productive economy, on which the jobs, (small) business, contracts and gigs of the vast majority of the population – the 90 percent if into the 99 percent – depend, was left unaided. As far as it, and the pandemic itself, which also threatened the lives of those who must work for a living the most, were concerned, the US response has been anything but fulsome.

It did not have to be that way. The pandemic was no bolt out of the blue. Warnings had been coming thick and fast in the form, inter alia, of SARS, Swine Flu, Avian Flu, Ebola and Zika, not to mention scientists’ warnings. Nevertheless, the pandemic found the US woefully unprepared. Things only went downhill from here. President Trump failed to coordinate any national response or any countrywide lockdown. With decades of neoliberalism having destroyed any public health and administrative ability US governments may have had in dealing with the pandemic the way the Chinese party-state had, that was the only viable option [8]. Not declaring a nation-wide lockdown, in good part because the President did not wish to assume the necessary responsibility, had the tragicomic effect that he could not call a nation-wide end to the patchwork of restrictions the states ended up imposing when his white, racist, middle class, right wing, social base clamored for it [9]. He also failed to invoke the Cold War era Defense Production Act to require private firms to produce urgently needed medical equipment. Rescue packages aimed largesse chiefly at corporations and the wealthy while giving, other than an electorally motivated one-time payment, little income support for who either lost jobs or should have stayed home to stay safe. Now the US was facing the danger workers being forced to work and spreading the disease.

The results have been the chaos that is the US response to the coronavirus. Presidential tweets outrageously spread disinformation about the virus, the illness and its treatment. Extreme right-wing groups organize demonstrations against the lockdowns. Public health facilities in major urban centers, preeminently New York, break down despite the US's astronomical spending per capita on health. Unemployment mounts skyward with no end in sight. Bankruptcies ditto. If this were not bad enough, US infections started their skyward rise by July amid the patchwork of restrictions and easing of its 50 states, with many having to reverse earlier easing.

The denizens of the hapless disunited states thought they had already seen the worst when brutal policing, intensified during the lockdown, took one more black life, George Floyd's. It would have only added to the statistics of the number of black and racialized people routinely killed in police custody had it not led to unprecedented resurgence of Black Lives Matter campaigns against racial discrimination, rocking US cities from sea to angry sea. The cleavages in US society were already deep before the pandemic. They now plumb the deepest fault-line of US society, the unresolved legacy of slavery which is kept open and bleeding by the systematic impoverishment, incarceration and mistreatment of this substantial minority. Worse, this depth was matched by breadth. Black people were joined by other racialized groups, whose numbers have been growing, and by white people, members of the precariat that has been growing since 2008 [10].

This, it would seem, is only the beginning. Many argue that the end of the ban on evictions at the end of July, which will leave millions of already impoverished Americans homeless, mean that the demonstrations of recent weeks are only a tame trailer of what may yet come, and how it may be policed. At the start of the pandemic, many hoped for a quick end to the lockdowns followed by a sharp 'V' shaped recovery. However, that seems unlikely. On the one hand, the shambolic pandemic response of the US and its sister neoliberal economies unlikely to work, leaving open the path to 'herd immunity'. It will involve thousands, if not millions, of preventable deaths. They will stress social cohesion, political legitimacy and economic viability, as will the economic disorder that the pandemic response has entailed.

The US and most other neoliberal economies were already debilitated by forty years of neoliberal policies. They were already heading for a disastrous reckoning before the pandemic abruptly brought it forward [11]. Their tightly precarious supply chains girdled the world, hollowing out domestic manufacturing and leaving these countries, fabulously rich by world standards, without the means to manufacture much needed drugs and equipment and causing them to suffer many multiples of the death rates of those of better organized societies able to practice social medicine and shoe-leather epidemiology. Wages were stagnant or declining over the neoliberal decades and the overwhelming majority of the jobs they were capable of creating were part-time, precarious and insufficient, pushing many into the 'gig' economy. The 'sharing economy' only seemed to enable the ability of the wealthy to monetize their assets while generating largely illusory benefits for the rest. Nor was small business a viable option for people. Giant monopoly corporations, favored by decades of neoliberal legislation and tax policies, have mowed them down to near-extinction. Such growth as this sort of economy could create was stimulated by the 'wealth effects' of the asset bubbles that the Federal Reserve connived in producing [12], as even mainstream economists had to admit after 2008 [13]. It worked by feeding the demand of the richest. To the extent

it served demand further down the social scale, it was for inessential luxuries – mass travel and tourism, hospitality, sports and mass entertainment events, restaurants, personal care, domestic services and the like. While these sectors were growing, essential, typically publicly-provided services such as healthcare, education, transport, community services culture, were shrinking. The frills, meanwhile, were produced by low-wage, female, black and otherwise racialized and immigrant labor and they were precisely the sectors that have been hardest hit by the ‘lockdown’, which affected ‘non-essential’ production hardest.

Outside the narrowest elites, the consumption of these ‘frills’ could not, moreover, be funded by incomes. They could only be financed, for the most part, through debt, adding to public and private debt that has piled up over the past four decades.

Neoliberal policies were applied with great pomp and fanfare allegedly to revive the productive economy by removing the ‘dead hand’ of the state and reviving the ‘animal spirits’ of entrepreneurs. They failed to do this simply because the diagnosis was wrong: the problem was not the state but an entirely capitalist stagnation that could not be resolved by markets or corporations alone but by the state and by states acting in collaboration and in the interests of an economy wider than mere capital accumulation. So neoliberal policies – lower taxes on the rich, roll back of social spending, deregulation and privatization, ‘free trade’ (actually free overseas investment) and capital flows only benefitted the financial sector, the chief means through which ever tinier elites enriched themselves while starving productive economies. The size of the financial sector naturally grew even as the productive economy on which it parasitically fed, shriveled. The increase the proportion of financial activity in the economy, at the expense of productive activity, generally known as ‘financialization’, has affected all leading neoliberal economies and none more so than the leading ones – the US and the UK. Though the pile-up of debt, its chief symptom, had abated somewhat since 2008, it was now poised to surpass those previously intolerable levels.

The lasting economic damage the pandemic promises to do far surpasses anything imagined by fashionable talk of ‘scarring’. It promises to shrink all but the most basic parts of the neoliberal economy as a distrustful population stays home. Given how much it had proliferated inessential frills even as it had shrunk essential, typically publicly provided services, the damage can only be imagined. Unless rectified through a radical reorientation of the economy, which is farther from the political horizon than all the articles about instituting basic incomes and strengthening health care let on, this will lead to a self-feeding economic debacle as demand fails to expand, reducing incomes, and demand, further while supply of essentials fails to revive as governments continue to the practice of shoveling money at corporations unable to produce what is really needed. Moreover, as governments do this, they are and will continue to build up even more massive, laying the groundwork for an even more massive debt crisis and a breakdown of the structures of financialization, without replacing them with more attractive alternatives. That prospect is chief among the reasons why, for the first time, the usual boosters of the US dollar’s world role – the hallmark of the world leadership it has claimed for decades and which resumed after the crisis of the early 1970s forced Nixon the ‘close the gold window’ and cease exchanging it for gold entirely on the basis of financialization – are finally admitting that its day may be done [14]. With China’s tactile, socially grounded ability to respond to the pandemic and its far more resilient economy, it is likely to lead

world growth going forward, while the US and other neoliberal economies like it will constitute a drag on growth.

The US is, thus, emerging from the real-world stress test for public health systems, economies and polities that the pandemic has been with the equivalent of an F grade and China with a B+ if not an A. US infections and deaths will continue soaring while the Chinese have been contained and can be expected to remain so. Moreover, amid all this, it is increasingly clear that China will emerge as a rival pole of economic attraction and a rival economic model, marking a geopolitical shift of historic proportions. These outcomes may appear to have been caused by the pandemic but it has only been the great accelerator of trends already in train and a stress test that has produced revealing report cards. Much was already being said before the pandemic about the contrast between the US's and China's differing economic, political and international performance in recent decades, the ascendancy of the 'China model' over the US one and a 'Beijing consensus' over the 'Washington consensus'.

Public discourse has registered these historic shifts only in a jarred and disjointed fashion as in the shards of a broken mirror each reflecting a tiny bit of the larger scene. There is talk of trade and technology wars in which US victory is no longer widely considered inevitable. There is grudging recognition of the superiority of China's response underneath talk of 'Chinese viruses' and 'Kung Flus', accusations of delay and disinformation and dismissals of 'draconian lockdowns'. And China's more cooperative stance amid the pandemic, aiding over a hundred countries, including the US, and giving the World Health Organization its full cooperation has had to be recognized. There is now even talk of a New Cold War against China – a term reserved until very recently to describe deteriorating relations between the US and a resurgent Russia – with the script lifted straight out of the New Cold War against Russia [15]. Finally, those recognizing some of the gravity of the situation for the US have been apt to lay the blame for the dismal US performance at the door of its repugnant incumbent president. They fail to see that the problem goes deeper and is connected with the reasons such a person could be elected to the presidency of such a powerful and rich country in the first place.

In reality, the contrast between the US and China demonstrates that economic models can be a matter of life and death. While China has prioritized lives and, at the same time, minimized damage to the economy, i.e. livelihoods, the US has prioritized the wealth of a few, while endangering lives and livelihoods of the many. The virus is far from done with the world. The coming weeks and months can only be expected to deepen the contrast outlined here. Its roots go too deep into the geopolitical economy of capitalism and lie in the contrast between its dominant and its challenger economies. The latter have historically been, because they have had to be, more productive, more equal and more legitimate than those of the enervated dominant economies. If, going forward, they become the new model for the world, the novel coronavirus will have made, despite the heavy death toll it has inflicted on humanity, a positive contribution to its future.

References

1. Desai R. (2020). *The Unexpected Reckoning: Coronavirus and Capitalism. Canadian Dimension*. 17 March. URL: <https://canadiandimension.com/articles/view/the-unexpected-reckoning-coronavirus-and-capitalism>
2. Desai R. (2013). *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*. London, Pluto Press

3. *Why Monetary Policy is no longer Enough* (2020). Valdai Club, *Expert Opinions*, 5 April. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/why-monetary-policy-is-no-longer-enough/>
4. Chandrasekhar C.P. and Ghosh J. (2018). *Has Donald Trump Already Changed US Trade?*, *Business Line*, 19 June. URL: www.networkideas.org
5. *Geopolitical Economy: The Discipline of Multipolarity* (2015). Valdai Club paper 24. 22 July. URL: https://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai_paper_24_geopolitical_economy_the_discipline_of_multipolarity/
6. IMF, *World Economic Outlook Update* (2020). June. URL: <file:///C:/Users/Radhika/AppData/Local/Temp/WEOENG202006.pdf>
7. *Financial Times Editorial Board* 'A market rally built on shaky foundations' (2020). *Financial Times*, 9 June. URL: <https://www.ft.com/content/2f0c5f56-aa5a-11ea-a766-7c300513fe47>
8. Desai R. (2020). *From Pandemic to Pandemonium*. *Canadian Dimension*, 14 May. URL: <https://canadiandimension.com/articles/view/from-pandemic-to-political-pandemonium>
9. Flynn M. and Chiu A. (2020). 'Trump says his 'authority is total.' Constitutional experts have 'no idea' where he got that' *The Washington Post*, 14 April. URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/04/14/trump-power-constitution-coronavirus/>
10. Roubini N. (2020). 'The Main Street Manifesto'. *Project Syndicate*, 25 June. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/main-street-manifesto-for-covid19-crisis-by-nouriel-roubini202006?_a_la=english&_a_d=5ef33b2686a2431870dd3451&_a_m=&_a_a=click&_a_s=&_a_p=homepage&_a_li=main-street-manifesto-for-covid19-crisis-by-nouriel-roubini-2020-06&_a_pa=curated&_a_ps=&_a_ms=&_a_r=
11. Desai R. (2020), 'The Unexpected Reckoning: Coronavirus and Capitalism'. *Canadian Dimension*. 17 March. URL: <https://canadiandimension.com/articles/view/the-unexpected-reckoning-coronavirus-and-capitalism>
12. Fleckenstein, William A. (2008). *Greenspan's Bubbles: The Age of Ignorance at the Federal Reserve*. New York: McGraw-Hill.
13. Summers L. (2013). *Speech at the IMF's Fourteenth Annual Research Conference in Honor of Stanley Fischer*. 8 November. URL: <http://larrysummers.com/imf-fourteenth-annual-research-conference-in-honor-of-stanley-fischer/>
14. Cohen B. (2020). *The Pandemic is Shaking Dollar Supremacy*. *Project Syndicate*. 18 May. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-trump-failures-shaking-dollar-supremacy-by-benjamin-cohen-2020-05>
15. Singh A. (2020). 'US elites use Russiagate playbook to blame China and promote hostility', interview by Aaron Maté, *The Gray Zone*, 25 April. URL: <https://thegrayzone.com/2020/04/25/us-elites-use-russiagate-playbook-to-blame-china-and-promote-hostility/>

Contact information

Geopolitical Economy Study Group, University of Manitoba
66 Chancellors Cir, Winnipeg, MB R3T 2N2, Canada
Radhika Desai
+1 800-432-19-60, radhika.desai@umanitoba.ca

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ПАНДЕМИЯ КОВИД-19: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

NEOLIBERALISM AND THE COVID-19 PANDEMIC: A POLITICAL ECONOMY ANALYSIS²

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-565-572

ФИЛХО Альфредо Саад

Профессор департамента политической экономики и международного развития
Кингз колледж, Лондон

Alfredo Saad FILHO

PhD, Professor of Political Economy and International Development King's College London

Аннотация

Пандемия COVID-19 поразила мир в конце десятилетия, ознаменованного экономической неэффективностью и «режимом жесткой экономии» после Великого финансового кризиса, а также в разгар кризиса неолиберальных демократий по всему миру. Пандемия умножила эти ограничения неолиберализма, выявила недостатки неолиберальных экономик и правительств, высветила слабость данной модели. Несмотря на эти неблагоприятные тенденции, пандемия также открыла пространство для левой политической деятельности.

Abstract

The COVID-19 pandemic hit the world at the end of a decade of economic underperformance and 'fiscal austerity' following the Great Financial Crisis, and in the midst of a crisis of neoliberal democracies around the world. The pandemic intensified these limitations of neoliberalism, revealed the shortcomings of neoliberal economies and governments, and pointed to the intensification of these debilities. Despite these adverse tendencies, the pandemic also opened spaces for left political activity.

Ключевые слова Неолиберализм, финансовализация, капитализм, пандемия, кризис.

Keywords Neoliberalism, financialisation, capitalism, pandemic, crisis.

¹ «Статья публикуется по материалам доклада, представленного на Международном научном онлайн-семинаре «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», который состоялся 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ».

² I am grateful for the generous comments of Alice Kinghorn-Gray, Aneesa Peer, Aylin Topal, Ben Fine, Ben Wiedel-Kaufman, David Fasenfest, David Laibman, Lucas Bertholdi-Saad, Maria Nikolakaki, Xiaoyu Mei and Navtej Purewal. The usual disclaimers apply. This article draws upon 'Coronavirus, Crisis, and the End of Neoliberalism', <https://www.ppesydney.net/coronavirus-crisis-and-the-end-of-neoliberalism/>

We found ourselves in a transformed world in early 2020. Eerily empty streets, closed shops, unusually clear skies, and climbing death tolls: something unprecedented was unfolding before our eyes.

The news about the economy were especially alarming: the COVID-19 pandemic triggered the sharpest and deepest economic contraction in the history of capitalism [1]. To paraphrase *The Communist Manifesto*, all that was solid has melted into air: 'globalisation' went into reverse; long supply chains, that were previously the only 'rational' way to organise production, collapsed and hard borders returned; trade declined drastically, and international travel was severely constrained. In a matter of days, tens of millions of workers became unemployed, and millions of businesses lost their employees, customers, suppliers and credit lines³. Several economies expect contractions of GDP in the double digits, and a long line of sectors rapidly formed to beg their governments for bailouts. In the UK alone, banks, railways, airlines, airports, the tourism sector, charities, the entertainment sector and universities were on the verge of bankruptcy, not to speak of the displaced workers and the (nominally) self-employed, who lost everything because of the economic shock⁴.

The political implications are as yet uncertain. Ideologically, neoliberal discourses about the imperative of 'fiscal austerity' and the limitations of public policy vanished immediately. Principled Austrians and neoliberals of every hue hastily retreated into a half-baked Keynesianism, as they tend to do when economies tank: at the time of need, the first to grab the teats of the Treasury wins the big prize, and state intervention is questioned only for what it has not yet done. The private sector and the media beg for government spending, and preachers of the 'free market' rush to the TV screens to plead for unlimited public spending in order to save private initiative. No doubt they will get back to normal when circumstances change and memories fade. At that point, the state will become 'bad' again, and public services will be ready for another round of culling. In the meantime, neoliberalism finds itself bereft of ideologues, while the irate fringe of anti-vaxxers, flat-Earthers and religious fanatics was reduced to denying the pandemic itself, sometimes at great personal risk⁵, peddling miracle cures based on unproven remedies, or praying and fasting together with Brazil's President Jair Bolsonaro⁶.

Shockingly, the epidemic itself was not unexpected. For decades, civilian and military strategists have considered a wide variety of scenarios, especially since the experiences with HIV in the 1980s, SARS in 2003 and, more recently, Ebola, and other 'new' diseases⁷. The likelihood of a flu-type virus emerging in the animal markets in the South of China was well known⁸. It follows that the crises of public health and

3 For a review of how the pandemic tracked the global circuits of capital, see [2].

4 For an overview, see [3].

5 For a sample, see [4; 5; 6; 7].

6 [8]. The Argentine actor and director Ricardo Darín succinctly put it, 'it is very difficult to struggle against the pandemic of imbecils' [9].

7 See, for example, [10].

8 See, for example, [11]. More generally, 'China was the epicentre ... In no other country was there such a vertiginous convergence of urbanisation, integration into global value chains, and the adoption of new food norms' [12].

the economy were not caused by failures of planning; instead, they reflected political choices, the dismantling of state capacities, staggering failures of implementation, and a shocking underestimation of the threat – for which, surely, reputations must be destroyed and heads must roll, as the starting point for a systemic reckoning⁹. For several weeks in early 2020 China bought the world time to prepare for the epidemic, and offered an example of how to confront it. Other East Asian governments came up with (more or less intrusive) policy alternatives, especially Singapore, South Korea, Taiwan and Vietnam, and they were highly successful. Meanwhile, the West fumbled: faced with a problem that could not be resolved with bribes, or by sanctioning, blockading or bombing a distant land, the governments of the wealthiest countries in the world did not know what to do. Unsurprisingly, the UK and US governments fared especially badly, while the European Union, once again, disappointed at an hour of need¹⁰.

Although the magnitude of the implosion of several economies – centred in the advanced Western countries – was unprecedented and is bound to have long-term consequences for the operation of capitalism, COVID-19 did not hit a prosperous global economy. In early 2020, the world was already enmeshed in a ‘great stagnation’ that had followed the 2007 Global Financial Crisis (GFC); even the best-performing large Western economy, the USA, was noticeably slowing down. This is not to minimise the magnitude of the hurricane, since any economy would have been overwhelmed; however, since COVID-19 hit fragile countries, it immediately exposed their vulnerabilities.

The pandemic hit after four decades of neoliberalism had depleted state capacities in the name of the ‘superior efficiency’ of the market, fostered deindustrialisation through the ‘globalisation’ of production, and built fragile financial structures secured by magical thinking and the state, all in the name of short-term profitability. The disintegration of the global economy left the most uncompromisingly neoliberal economies, especially the UK and the USA, exposed as being unable to produce enough face masks and personal protective equipment for their health personnel, not to speak of ventilators to keep their hospitalised population alive. At the same time, service provision was instantly transformed beyond recognition, with online work becoming the norm in countless areas in a matter of days, rather than the years that this transition would have normally taken. Finally, the neoliberal worship of consumption dissolved into undignified scrambles for hand sanitiser, pasta and sardines, and fistfights for toilet paper.

Neoliberalism was quickly shown to have hollowed out, fragmented and part-privatised health systems in several countries, while it also created a precarious and impoverished working class that is highly vulnerable both to disruptions in their earning capacity, and to health scares because of their lack of savings, poor housing, inadequate nutrition, and work patterns incompatible with healthy lives [16]. In the meantime, the destruction of the social-democratic left had rendered the working class politically unprotected. These processes culminated in unseemly commotions for (state-led) Chinese output, in which the USA often behaved like a drunken bully, stealing the masks and ventilators that it could neither produce nor buy, and insulting weaker countries to boot¹¹.

Human encroachment upon nature may have created the problem in the first place¹², but there is no doubt that the destruction of collectivity under neoliberalism exacerbated the impact of the pandemic. Emblematically, neoliberalism has devalued human lives to such an extent that valuable time was wasted in several countries – notably those with more uncompromisingly right-wing neoliberal administrations: the USA, the UK and Brazil – with government attempts to impose a strategy of ‘herd immu-

9 For a detailed account, see [13].

10 For the not-yet-adopted Eurobond option, see [14; 15].

11 See, for example, [17; 18; 19].

12 See, for example, [20; 21].

nity' that would inevitably eliminate the old, the weak and those with fragile health (which was seen positively, as it would alleviate their 'burden' on the fiscal budget)¹³, as opposed to imposing a lockdown that, although proven to reduce the loss of life, would hurt profits as well as (shock, horror!) showing that states can play a constructive role in social life. Eventually, mass pressure and the evidence of success in China and elsewhere forced even the most reluctant governments to impose lockdowns, but sometimes only partially and hesitantly, and those decisions always risked being undermined by mixed messages and incompetent implementation. In these countries, testing also tended to be restricted and health service staff were often left to cope with unmanageable workloads without adequate protection. This approach to the pandemic has led to many thousands of unnecessary deaths¹⁴.

In the UK, the shambolic administration led by the unreliable Boris Johnson found itself confronting two evils: on the one hand, mounting estimates of deaths and, on the other hand, ever-worsening estimates of the potential drop in GDP. Pressed early on by the Conservative Party and by some of the most vocal business supporters of Brexit¹⁵, the UK government wheeled out their 'medical experts' to justify the protection of profits and the idea of a 'small state' in the name of science. Faced with an increasingly angry public opinion, the government turned around dramatically in mid-March but, by then, it was already too late. Because of the government's earlier choice to delay action, their lack of preparedness and staggering ineptitude, the UK would inevitably end up in the worst of both worlds: countless dead (literally countless, since there was a deliberate effort to under-report the loss of life)¹⁶, and economic losses in the hundreds of billions of pounds [30].

The social implications of the pandemic emerged rapidly, for example, through the differential ability of social groups to protect themselves. In brief, the very rich moved into their yachts, the merely rich fled to their second homes, the middle class struggled to work from home in the company of over-excited children, and the poor, already having worse health, on average, than the privileged, either lost their earnings entirely or had to risk their lives daily to perform much praised but (needless to say) low-paid 'essential work' as bus drivers, care workers, nurses, porters, shopkeepers, builders, sanitation officers, delivery workers, and so on; meanwhile, their families remained locked up in cramped accommodation. It is not surprising that poor and ethnic minority people are dramatically over-represented in the death statistics¹⁷.

In response to the shock, many governments dusted off the economic policies implemented after the GFC, but they rapidly proved to be insufficient: this economic

13 [22]. Similarly, 'According to media reports at the weekend, [Prime Minister Boris Johnson's special adviser Dominic] Cummings initially stalled government action, arguing of the coming plague that "if that means some pensioners die, too bad". That approach explains the dragging of heels for many days' [23]. See also [24]. For the similarly scandalous case of the USA, see [25].

14 The example of Bergamo, in Italy, is especially dramatic, as it reveals the cost of protecting profits at the expense of people; see [26].

15 For a particularly egregious example, see [27].

16 In brief, the UK death totals often include only deaths directly linked to COVID-19 reported in NHS hospitals; that is, they did not initially include deaths at home or in care homes. The callousness with which the British government treated those in care homes must rank as one of the gravest scandals in postwar Europe [28; 29].

17 See, for example, [31; 32; 33; 34].

collapse is much more comprehensive, the crisis will be much bigger, and bailouts will be much more costly than ever before¹⁸. Unprecedentedly, Central Banks have started to provide direct finance to large companies: essentially they are handing selected capitalists ‘helicopter money’ (which, in some cases, was immediately transferred to shareholders as dividends) [37]. To disguise the unseemly spectacle of billionaires, often tax exiles, begging for subsidies from the same exchequer that they had previously evaded, some governments have promised to support the incomes of the workers, but usually through their employers rather than directly. In the USA, the federal government is sending a one-off measly cheque (pointedly signed by D. Trump himself) to all households in order to disguise the staggering handouts being offered to capital, starting with an unprecedented US\$2 trillion lifeline that, later, escalated rapidly as the shutdown continued to hurt profits and the Presidential election approached.

If the economic implications of the pandemic are certain to be catastrophic, the political implications cannot be anticipated precisely. In the UK, the pandemic unmasked the Conservative Party (and, at a further remove, the ill-fated Coalition government and its predecessor, New Labour), for having attacked social resilience and systematically ground down the NHS¹⁹. Even when money was spent in the health service, as was the case during New Labour, the goal was to disorganise and slice up the NHS, introduce competition regardless of cost, hollow out the service and privatise whatever could be sold off, in order to increase the health system’s reliance on the profit motive.

With the pandemic, Conservative sermons about the imperative of ‘fiscal austerity’ was obliterated by the evident capacity of the state to create money from nothing and deliver salvation to selected sectors, as long as they were deemed to be ‘essential’ (which, consequently, was not the case for housing, health, employment and so on, in the previous period). At the same time, the ideology of individualism was shown to be a fraud because, although there can be individual flight from the virus, there can be no individual solutions to the catastrophe: one person alone can never be safe from an epidemic or nursed when they fall sick, and only the state can contain the economic meltdown, secure income flows when the economy seizes up, enforce the lockdown, and resource the health service. As the left had always known and the UK Prime Minister was forced to recognise, there is, after all, such a thing as society [42]. And the inhumanity of capitalism’s profit imperative was unmasked through the mass rejection of its favoured policy of ‘herd immunity’, with its consequent decimation of the non-workers.

We can now focus on what the left can press for. First is to learn the lessons. The health crisis and the economic collapse in the West, compared to much more efficient responses in the East, demonstrated that radically neoliberal administrations are unable to perform the most basic functions of governance: to protect lives and secure livelihoods. The pandemic is also likely to be a marker in the transfer of hegemony from West to East. It is plain to see – and cannot be forgotten – that centralised and capable states (whether more or less democratic – the experience shows that political regime has little to do with policy competence) and a sophisticated manufacturing base matter for people’s lives and that, when the chips are down, borders can be closed and friends disappear.

Second is the imperative to secure life itself. States must guarantee jobs, incomes and basic services, including the rapid expansion of the health system. This is not merely for reasons of economic policy, but as part of efficient health policies: guaranteed jobs and incomes make it possible for more people to stay at home, which eases the load on the health system, speeds up the end of the pandemic and accelerates the recovery²⁰.

18 See, for example, [35; 36].

19 [38; 39; 40] For the case of the USA, see [41].

20 See, for example, [43].

In order to do this, the banking system should be nationalised to secure the flow of credit and prevent speculation, and Central Banks should ensure that there is enough liquidity to keep the economy afloat. Key services should be taken over by the state to ensure that basic needs are served and, if the central authorities can give tens of billions to the airlines, the railways and supermarket chains, the public might as well own them²¹.

Third is to consolidate the rediscovery of collectivity and the irreducible sociability of the human species that has emerged through the strains of the crisis. The left must stress that the economy is a collective system ('we are the economy!'), that we are bound together as humans, and that public services are essential. This could pave the way for a progressive alternative to (a by now clearly zombie form of) neoliberalism.

Fourth is the allocation of costs. The economic burden of this crisis will be much higher than that of the GFC and there is no way that public services can, or should, bear this burden. The only way out is through progressive taxation, nationalisation, default where necessary, and a new 'green' growth strategy.

I am cautiously optimistic that capitalism cannot wash this stain. It is now time to imagine what kind of society can serve the majority and avoid the repetition of the disgraceful outcomes that we are experiencing. Instead of the crimes and inefficiencies of neoliberalism, we need progressive taxation, the expansion of public services with built-in spare capacity for emergencies, and a society based on solidarity, human values and respect for nature. This is easy to say, and it is unquestionably correct, but the left has been on the defensive almost everywhere, sometimes for decades, and the pandemic may well lead to authoritarian, racist and reactionary responses.

To sum up, the COVID-19 pandemic happened by chance but it was not unexpected. Its consequences are much more than scandalous: they are criminal, and the left must say this loudly and clearly. Neoliberal capitalism has been exposed for its inhumanity and criminality, and COVID-19 has shown that there can be no health policy without solidarity, industrial policy and state capacity. This is a desperate fight. We must come out of this crisis with a better society. The left is needed like never before, and it must rise up to the challenge.

21 For a similar approach, see [44; 45].

References

1. Roubini N. (2020). 'Coronavirus Pandemic Has Delivered the Fastest, Deepest Economic Shock in History', *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/business/2020/mar/25/coronavirus-pandemic-has-delivered-the-fastest-deepest-economic-shock-in-history>
2. Moody K. (2020). How "Just in Time" Capitalism Spread COVID-19'. URL: <https://spectrejournal.com/how-just-in-time-capitalism-spread-COVID-19/>
3. Tooze A. (2020). 'Shockwave'. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v42/n08/adam-tooze/shockwave>
4. 'Israel Health Minister under Fire over Ultra-Orthodox COVID-19 Crisis' (2020). URL: <https://www.france24.com/en/20200408-israel-health-minister-under-fire-over-ultra-orthodox-COVID-19-crisis>
5. 'Coronavirus: Pastor Who Decried "Hysteria" Dies after Attending Mardi Gras' (2020). URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-us-canada-52157824>
6. 'Bishop Who Said "God is Larger Than This Dreaded Virus" Dies of COVID-19' (2020). URL: <https://edition.cnn.com/2020/04/14/us/bishop-gerald-glenn-god-larger-coronavirus-dies/index.html>
7. 'Prefeito Bolsonaroista, Para Quem a Cura da COVID-19 Viria de Igrejas, é Internado em Hospital de Luxo com a Doença' (2020). URL: <https://www.brasil247.com/regionais/sudeste/prefeito-bolsonarista-para-quem-a-cura-da-COVID-19-iria-de-igrejas-e-internado-em-hospital-de-luxo-com-a-doenca>

8. Phillips T. and Phillips D. (2020). 'Bolsonaro Dragging Brazil towards Coronavirus Calamity, Experts Fear'. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/12/bolsonaro-dragging-brazil-towards-coronavirus-calamity-experts-fear>
9. URL: <https://www.contioutra.com/ricardo-darin-em-entrevista-disse-e-muito-difícil-lutar-contra-a-pandemia-de-imbecis/>
10. Coles T.J. (2020). 'Freedom from Fear: John Pilger Discusses Coronavirus Propaganda, Imperialism, and Human Rights'. URL: <https://www.counterpunch.org/2020/04/10/freedom-from-fear-john-pilger-discusses-coronavirus-propaganda-imperialism-and-human-rights/>
11. Ming Wang (2006). 'Food Markets with Live Birds as Source of Avian Influenza'. *Emerging Infectious Diseases* 12 (11), pp. 1773-1775
12. Katz C. (2020). 'Un Detonador de la Crisis Potenciado por el Lucro'. URL: <https://vientosur.info/spip.php?article15727>
13. Grey S. and MacAskill A. (2020). 'Johnson Listened to His Scientists about Coronavirus – But They Were Slow to Sound the Alarm'. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-britain-path-specidUSKBN21P1VF>
14. Stahl G. (2020). 'The Reconstruction of the Europeans Economy after the Corona Pandemic'. URL: <https://progressivepost.eu/spotlights/the-reconstruction-of-the-europeans-economy-after-the-corona-pandemic>
15. Gourinchas P.-O. (2020). 'Flattening the Pandemic and Recession Curves'. URL: <https://econfp.org/policy-brief/flattening-the-pandemic-and-recession-curves/>
16. Soltly I. (2020). 'The Bio-Economic Pandemic and the Western Working Classes'. URL: <https://socialistproject.ca/2020/03/bioeconomic-pandemic-and-western-working-classes/>
17. Wright B. (2020). 'U.S. Accused of Stealing Ventilators from Barbados as Coronavirus Spreads in the Caribbean'. URL: <https://newsone.com/3924158/barbados-accuses-us-ventilators-seized/>
18. Dođantekin V. (2020). 'US "Steals" Medical Supplies Amid Pandemic'. URL: <https://www.aa.com.tr/en/americas/us-steals-medical-supplies-amid-pandemic-expert/1800001>
19. Jeffery L. (2020). 'German, French Officials Accuse U.S. of Diverting Supplies'. URL: <https://www.npr.org/2020/04/04/827321294/german-french-officials-accuse-u-s-of-diverting-supplies?t=1586817225869>
20. Zahoor B. (2020). 'Health: Why New Viruses Continue to Spread'. URL: <https://www.dawn.com/news/1546447> and
21. Vidal J. (2020). 'Human Impact on Wildlife to Blame for Spread of Viruses, Says Study'. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2020/apr/08/human-impact-on-wildlife-to-blame-for-spread-of-viruses-says-study-aoe>
22. Frey I. (2019). "'Herd Immunity" is Epidemiological Neoliberalism'. URL: <https://thequarantimes.wordpress.com/2020/03/19/herd-immunity-is-epidemiological-neoliberalism/?fbclid=IwAR1S6GyMrklnntU7c54-CEEMceZOI92Ipf0rIWPCbY2nCKIEu3MCcARoGbOgThe>
23. URL: https://www.jonathan-cook.net/blog/2020-03-24/coronavirus-terrified-us/?fbclid=IwAR2y-JII162tZB0wBvqZYBgCgdr73a0ZiBudd_PNLTKCTAf7xvpT7BY8dJHA
24. Conn D. and Lewis P. (2020). 'Documents Contradict UK Government Stance on COVID-19 "Herd Immunity"'. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/12/documents-contradict-uk-government-stance-on-covid-19-herd-immunity>
25. Lipton E. et al (2020). 'He Could Have Seen What Was Coming: Behind Trump's Failure on the Virus'. URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/11/us/politics/coronavirus-trump-response.html#click=https://t.co/njlugzJ3bq>
26. Sidera A. (2020). 'Bérgamo, la Masacre que la Patronal No Quiso Evitar'. URL: <https://ctxt.es/es/20200401/Politica/31884/Alba-Sidera-Italia-coronavirus-lombardia-patronal-economia-muertes.htm>
27. Greig F. (2020). 'Wetherspoons Founder Tim Martin Has Told Staff Who Might Not Be Paid During Lockdown to "Go Work at Tesco"'. URL: <https://www.yorkshireeveningpost.co.uk/read-this/wetherspoons-founder-tim-martin-has-told-staff-who-might-not-be-paid-during-lockdown-go-work-tesco-2516460>
28. Walsh N.P. and Krever M. (2020). 'The UK's "Coronavirus Dashboard" May Be Under-Reporting Deaths Significantly'. URL: <https://edition.cnn.com/2020/04/07/uk/coronavirus-uk-deaths-intl-gbr/index.html>

29. Giles C. (2020). 'Deaths from Coronavirus Far Higher in England than First Reported', *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/c07e267b-7bca-418f-ad9e-8631a29854cb>
30. Sinclair I. and Read R. (2020). "A National Scandal": A Timeline of the UK Government's Woeful Response to the Coronavirus Crisis. URL: <https://bylinetimes.com/2020/04/11/a-national-scandal-a-timeline-of-the-uk-governments-woeful-response-to-the-coronavirus-crisis/>
31. Kendi I.X. (2020). 'What the Racial Data Show'. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/04/coronavirus-exposing-our-racial-divides/609526/>
32. Scheiber N., N.D. Schwartz N.D. and Hsu T. (2020). "White Collar Quarantine" Over Virus Spotlights Class Divide, *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/27/business/economy/coronavirus-inequality.html>
33. Valentino-DeVries J., Lu D. and Dance G. (2020). 'Location Data Says It All: Staying at Home During Coronavirus is a Luxury', *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/04/03/us/coronavirus-stay-home-rich-poor.html>
34. Lerner S. (2020). 'Coronavirus Numbers Reflect New York City's Deep Economic Divide'. URL: <https://theintercept.com/2020/04/09/nyc-coronavirus-deaths-race-economic-divide/>
35. Michell J. (2020). 'Coronavirus Reveals the Cost of Austerity'. URL: <https://tribunemag.co.uk/2020/04/coronavirus-reveals-the-cost-of-austerity>
36. Sandbu M. (2020). 'Huge Fiscal Spending is Needed to Fight the Coronavirus Downturn', *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/9963f71e-67b2-11ea-800d-da70cff6e4d3>
37. Wood Z. (2020). 'Tesco Defends £635m Dividend Payout after Coronavirus Tax Break'. URL: <https://www.theguardian.com/business/2020/apr/08/tesco-sales-up-30-per-cent-because-of-pre-lockdown-stockpiling-coronavirus>
38. Leys C. (2020). 'How Market Reforms Made the NHS Vulnerable to Pandemics'. URL: <https://socialistproject.ca/2020/03/how-market-reforms-made-the-nhs-vulnerable-to-pandemics>
39. Siddique H. (2020). 'Despite PM's Praise of Nurses, It's Tory Policies that Made them Suffer'. URL: <https://www.theguardian.com/society/2020/apr/13/despite-pms-praise-of-nurses-its-tory-policies-that-made-them-suffer>
40. Wren-Lewis (2020). 'Who Still Thinks Austerity Was a Good Idea?'. URL: <https://mainlymacro.blogspot.com/2020/04/who-still-thinks-austerity-was-good-idea.html?m=1>
41. Glasser S.B. (2020). 'How Did the U.S. End Up with Nurses Wearing Garbage Bags?'. URL: <https://www.newyorker.com/news/letter-from-trumps-washington/the-coronavirus-and-how-the-united-states-ended-up-with-nurses-wearing-garbage-bags>
42. Saunders R. (2020). "There is Such a Thing as Society": Has Boris Johnson Repudiated Thatcherism?. URL: <https://www.newstatesman.com/politics/uk/2020/03/boris-johnson-thatcher-society-no-such-thing-policies>
43. Mankiw G. (2020). 'Thoughts on the Pandemic'. URL: <http://gregmankiw.blogspot.com/2020/03/thoughts-on-pandemic.html>
44. Henwood D. (2020). 'A Few Ambitious Points on Fighting the Crisis'. URL: https://lbo-news.com/2020/03/20/a-few-ambitious-points-on-fighting-the-crisis/?fbclid=IwAR2k5vz91AwG7hl_foOmbWVGEEpwn0WdQivEm-XWGGfaeNBWBGPFloo0-UKY
45. Gindin S. (2020). 'The Coronavirus and the Crisis This Time'. URL: <https://socialistproject.ca/2020/04/coronavirus-and-the-crisis-this-time>

Contact information

Political Economy and International Development, King's College London
Strand, London WC2R 2LS, UK
Alfredo Saad Filho
+44 20 7836-54-54 / alfredo.saad-filho@kcl.ac.uk

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИК ЗАПАДА¹

THE SOCIAL AND POLITICAL CONSEQUENCES OF THE PANDEMIA ON THE CONCEPTUALISATION OF ECONOMIES IN THE WEST

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-573-576

ГАБРИЭЛЬ Лео

Член Международного комитета ВЭО России, социальный антрополог, журналист, Институт межкультурных исследований и сотрудничества

Leo GABRIEL

Member of the International Committee of the Free Economic Society of Russia, Social anthropologist, journalist, Institute for intercultural Research and Cooperation

Аннотация

1 «Статья публикуется по материалам доклада, представленного на Международном научном онлайн-семинаре «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», который состоялся 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ».

Экономическая катастрофа, которая происходит в настоящее время после коронакризиса, привела весь западный мир к точке невозврата, где экономики больше не способны обеспечить свое выживание на принципах рыночного фундаментализма, пропагандируемого в последние десятилетия.

С одной стороны, мы можем наблюдать очень серьезную и опасную тенденцию к милитаризации все более авторитарных режимов, особенно в странах глобального Юга. Под предлогом противодействия пандемии в большинстве этих стран гражданские правительства используют вооруженные силы и используют их для расширения своего контроля на местном и региональном уровне.

С другой стороны, в киберпространстве, в социальных сетях интеллектуалы и активисты социальных движений все громче заявляют, что этот кризис должен привести к изменению экономической парадигмы. Идеи 1990-х годов, такие как сокращение рабочего времени с сохранением того же уровня заработной платы, концепция безусловного базового дохода и списание внешнего долга для стран Глобального Юга, в настоящее время вновь рассматриваются.

В этом контексте также очень важна концепция российского экономиста Сергея Бодрунова о реорганизации экономики в соответствии с неэкономическими стандартами, которая названа автором теорией ноономики. Когда человечество может все больше полагаться на достижения довольно сложного общества знаний при материальном производстве товаров, появляется пространство для культурного творчества, которое находится по ту сторону материального производства и открывает путь к более равноправному обществу.

Abstract

If we look at the economic disaster which is taking place nowadays in the aftermath of the Corona-crisis has led the entire Western World to a point of no return, where the economies are not any longer capable to guarantee their survival through the market fundamentalism it has been preaching for the last decades.

On the one hand, we can observe a very serious and therefore dangerous trend towards the militarisation of increasingly authoritarian regimes, especially in the countries of the Global South. Under the pretext of counteracting the pandemic in most of these countries the civil governments use and are being used by the armed forces in order to expand their control on a local and regional level.

On the other hand in the webinars and other cybertools the social networks, intellectuals and movements claim more and more loudly that this crisis must lead to a change of the economic paradigm. Ideas from the 1990ies like introducing the shortening of labour maintaining the same level of salaries, the concept of an unconditional basic income and the cancellation of foreign debt for the countries of the Global South are presently taken up again.

In this context also, the concept of the Russian economist Sergey Bodrunov of reorganizing economy according to non-economic standards which he calls Noonomy is very important. At the same time that human mankind can increasingly rely on the achievements of a rather complex knowledge society for the material production of goods, it also offers a space for cultural creativity which transcends material production and opens the way to a more equalitarian society.

Ключевые слова

Пандемия и диктатура, альтернативная экономика, Всемирный социальный Форум, ноономика.

Keywords

Pandemia and dictatorship, alternative economics, World Social Forum, Noonomy.

It was in 2004 during the World Social Forum in Mumbai, when the renown political scientist Immanuel Wallerstein gave a lecture under the title: „Is the neoliberal capitalism dead? “. What he referred to was the fact that through the war in Iraq the United States of America had given up its goal to establish a worldwide hegemony through the so called „free market system “and has opted for getting instead access to the natural resources by military means. In other words, the market-competition which is at the core of neoliberal capitalism should be substituted by a much more direct intervention of the State relying on its military power.

Concentration of power as a result of the multidimensional crisis

Why am I saying this today? Because it seems to me that if we look at the economic disaster which is taking place nowadays in the aftermath of the Corona-crisis has led the entire Western World once again to a point of no return, where the economies are not any longer capable to guarantee their survival through the market fundamentalism it has been preaching for the last decades. Like in 2008 especially the big business corporations and banks rely on being rescued by the Nation-States. But at the difference to the crisis in 2008 the lock-downs have made it necessary for the governments to invest at least parts of the budgets in so called “unproductive items”, like health care and social security in order to mitigate the crises which have become multi-dimensional (economic, political, ecological and cultural).

On the other hand, we can observe a very serious and therefore dangerous trend towards the militarisation of increasingly authoritarian regimes, especially in the countries of the Global South in Latin America, Africa and Asia. Under the pretext of counteracting the pandemic in most of these countries the civil governments use and are being used by the armed forces in order to expand their control on a local and regional level. In this sense the offer of the Secretary General of the NATO, Stoltenberg, to coordinate the “security” in the different countries in case of a second wave of the pandemic, is more than significant.

But what does all that mean for the conceptualisation of the economies in the Western hemisphere? It means first of all that we can say with Immanuel Wallerstein that the era of neoliberal capitalism judged by its own standards and promises has come to an end. This is the good news given the enormous inequalities and sufferings of Hundreds of millions of unemployed and billions of impoverished people it has left behind. The bad news is on the other hand is that the transition period we face in this time of multidimensional crisis is by no means better than the past. On the contrary: it seems that the concentration of economic power in the hand of the oligarchies is leading the world to an era of extreme political polarisation undermining and violating any effort to democratise our societies. It is hardly exaggerated to say that unipersonal dictatorships in the hand of a few millionaires have become the rule and representative democracies the exception.

The new paradigm has to start with another New Deal

Looking at the economic side of the multi-dimensional crisis we realise that the present situation structurally has much more in common with the worldwide crisis in 1929 than with 2008 given the fact the crisis has been generated to a large extent by extra-economic factors and not like in 2008 were it was due to an overheat of the financial markets (so called “bulbs”) especially in the sector of housing and construction). And in 1929 there were two strategies opposing each other: the European one which remained faithful to its line of austerity incrementing the big recession in the aftermath of World War I and the US-American strategy of Frankl D Roosevelt, very much influenced by John Maynard Keynes ‘deficit spending which eventually led up to the New Deal.

Being Austrian I recall very well the famous sentence of our social democratic Chancellor Bruno Kreisky during the oil crisis: “I am much less worried about the increase in our debt of a couple of billions than about 100 000 unemployed we might have”. Although this sentence is being quoted even by our conservative head of government Sebastian Kurz, the reality in dealing with the Corona crisis is another one. In spite of all economic theories the practice of most of the governments fall back to austerity and very little comply with their social responsibilities.

Old ideas and new visions – the concept of NOONOMY

In the public discussions however the social networks, intellectuals and movements claim more and more loudly that this crisis must lead to a change of the economic paradigm. Ideas from the 1990ies like introducing the shortening of labour maintaining the same level of salaries, the concept of an unconditional basic income and the cancellation of foreign debt for the countries of the Global South are presently taken up again.

In this context also, the concept of the Russian economist Sergey Bodrunov of reorganizing economy according to non-economic standards which he calls Noonomy is very

1 Bodrunov, Sergey (2018). *Noonomy*, Moscow-St. Petersburg-London.

important¹. According to Bodrunov traditional economic concepts have failed to consider that economy in itself – reduced to material production – is a result of many extra-economic factors like knowledge and culture. In NOONOMY he has forwarded the thesis that with the development of new technologies the classical dichotomy between capital and labour can be overcome. At the same time that human mankind can increasingly rely on the achievements of an increasingly complex knowledge society for the material production of goods, it also offers a space for cultural creativity which transcends the material production.

All these concepts should be taken into consideration, if we really want to discuss the conceptual framework of a new economic paradigm as a result of the present crisis. Only then we would be able to consider the present multidimensional crisis as a chance for the future. Because if we stick to the old patterns which have dominated economic thinking during the last decades we will get entangled in the failures of neoliberal capitalism and be buried under their weight.

The implementation of concepts: towards a world assembly of civil society

Last but not least remains the big question of how to get about in order to implement all these alternative models in front of the authoritarian and many times repressive power structure which presently dominates the world as we said in the beginning. “Learning by doing” is one of the answers headed towards overcoming the old dichotomy between theory and practice, using the public spaces to exchange experiences and knowledge.

But it needs more than the good will of a few in order to counteract the globalised power structure which already has invaded our private spaces. We have to join our forces on every level: local, national, regional and global. Particularly on the global level which still is dominated to a very large extent by the big corporations and Nation-States we need a structure capable to mobilise many people nearly simultaneously in a relatively short time.

There are these networks and gatherings like the World Social Forum or the International Assembly of the Peoples; some are dedicated to peace and human rights like the anti-racist campaign in the US or, in the ecological movement, Fridays for Future. Much has to be done in order to integrate all these single-issue movements in a common structure. For this is not only a matter of communication and organisation, but first of all a matter of discovering the “missing links” and building bridges between the different issues and parts of the movement.

Thus for instance we need to correlate the military spending with the most urgent social needs of the people and take into account, from the very beginning of our reflections, that we have to consider our planet as a subject sui generis who has its own right to preserve its biodiversity, bearing in mind that the health of the planet is a condition sine qua non for the health of all human mankind; and that peace is a necessary condition for the sustainable development of any kind of economic model.

In one word: political economy is a far too important matter to be left to the politicians and if we really want to change the paradigm we have start with it tomorrow!

Contact information

Institute for intercultural Research and Cooperation
Laudongasse 40, Vienna 1080
Габриэль Лео / Leo Gabriel
+374 10-585-092, lgabriel@gmx.net

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И НЕСТАБИЛЬНОСТЬ РЫНКА: ПОЧЕМУ ЗАПАД ПРОВАЛИВАЕТ ТЕСТ НА КОРОНАВИРУС¹

MARKET EFFICIENCY AND MARKET FRAGILITY: WHY THE WEST IS FAILING THE ECONOMIC TEST OF THE CORONAVIRUS

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-577-582

ГЭЛБРЕЙТ Джеймс Кеннет

Член Международного комитета ВЭО России, профессор Школы по связям с общественностью им. Линдона Джонсона Университета Техаса

James Kenneth GALBRAITH

PhD, Member of the International Committee of the Free Economic Society of Russia, professor of Lyndon Johnson School of Public Relations, University of Texas, USA

Аннотация

В статье обосновывается, что экономические последствия пандемии COVID-19 определяются главным образом структурными характеристиками затронутых стран, включая их положение в иерархии глобальных торговых отношений, характер потребительской корзины населения и долговую нагрузку с точки зрения обеспечения устойчивости поведения домохозяйств. Эти факторы способствуют объяснению устойчивости некоторых азиатских стран по сравнению с относительными неудачами Великобритании и особенно США.

Abstract

This paper argues that the economic effects of the COVID-19 pandemic are determined mainly by the structural characteristics of the affected countries, including their position in a hierarchy of global trading relations, the nature of the consumption basket, and the burden of debts in sustaining household behavior. These factors help to explain the resilience of certain Asian countries in comparison with the relative failures of the United Kingdom and especially the United States.

Ключевые слова

Коронавирус, COVID-19, биофизическая экономика, экономическая структура, ноономика.

¹ «Статья публикуется по материалам доклада, представленного на Международном научном онлайн-семинаре «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», который состоялся 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ».

“Noonomy” in the usage of Professor Bodrunov [1], is a framework for the analysis and development of an industrial and economic system that is fit-for-purpose, in the sense of meeting the essential requirements for a just and civilized society given the possibilities of technology and within the limits imposed by the environment. The construct entails the existence of “simulacra,” a term I take to mean a range of activities based on wants that are in some sense constructed or artificial, and so inessential or superfluous, in the sense that they may be forgone without grave loss to welfare. This distinction, lost in neoclassical economics, has its roots in the classical dichotomy between productive and unproductive labor, and in the concepts of pecuniary emulation and conspicuous waste advanced by Thorstein Veblen [2], as well as his division between the industrial and the leisure class.

The COVID-19 crisis has brought these concepts into focus. It has differentiated countries with balanced and robust industrial systems from those with unbalanced and fragile systems. It has exposed the elements of superfluity, which are sources of economic fragility. It is revealing the consequences of precarity and inequality in the provision of those goods and services, including public services and amenities, that are essential to a civilized, secure and satisfactory life.

Real GDP in the United States is expected to fall 12 percentage points, the Congressional Budget Office predicts, in the April-June quarter of 2020, or at an annual rate of 40 percent [3]. Given the role of imputed values in the calculation of GDP, about 15 percent of the total, this would represent a decline of about half in actual cash transactions. Moreover, much of the remainder counts as fixed costs, such as for rent, utilities, and government spending; when one takes these into account the rate of collapse in the second quarter, had it continued for a full year, would have nearly eliminated private economic activity in the country. This is merely from the effects of the lock-down required to slow the spread of the virus; the fall has probably been arrested by the combination of “stimulus” and “reopening,” and a partial rebound is likely in the third quarter. But even in the best case scenarios, US GDP will remain well below the levels of early 2020 a year hence, and unemployment of between ten and twenty million persons a fixture of the landscape.

The question that follows is, what will happen after the initial bounce? To many mainstream economists, the pandemic was a shock – like an earthquake or the 9/11 attacks. It was an interruption in an otherwise prosperous and stable expansion, long past the phase of “recovery” from the previous debacle, the financial crisis of 2007-2009. It came as a surprise, which suggests that there was no prior underlying problem. So to “get America moving again” what is mainly necessary is once again “confidence” – for consumers return to spending, to use their pent-up demand, perhaps with the help of a distribution of dollars from the public fisc. CBO is explicit in relying on the consumer, and not business or government, to drive the recovery that it expects to begin soon. This they generally expect to produce a full recovery over time, with increased consumption eventually prompting an increase in business investment. We may call this the “shock-stimulus” way of thinking. It is consistent with the way mainstream economists and center-left policy makers have thought about recessions and recoveries since the Kennedy-Johnson tax cuts of the early 1960s.

But the shock-stimulus model ignores three features of the US economy that have changed. They are globalization, the rise of services (and relative decline of goods) in consumption and employment, and the rising burden of personal and corporate debts.

In the 1960s, the United States had a balanced industrial economy. It produced goods for both businesses and households, at all levels of technology, with a fairly small (and tightly regulated) financial sector. It produced largely for itself, importing mainly commodities. This is no longer true.

The United States and the United Kingdom are today leading examples of countries that built globalized economies centered on finance and advanced technology industries, such as aerospace, armaments, information technologies, energy services, advanced pharmaceuticals and the like. They correspondingly import a great share of their ordinary consumption goods, including clothing, consumer electronics, appliances and automobiles, from Asia but also Germany and its near neighbors in Europe. Specialization is a feature of globalization, and the prominence of finance and technology also means a concentration of incomes and wealth, yet in societies where real living standards are maintained for many by the strong position of the national currencies. Meanwhile a paucity of truly public goods, such as parks, libraries, security, clean air and potable water, especially in low-income communities, drives home and aggravates the inequality in private incomes.

Further, with rising incomes and new technologies there has been a change in the composition of household spending. In the 1960s, the American consumer (and her British counterpart, to a lesser degree) was still expanding her stock of household basics. Cars, televisions, kitchen and laundry appliances were the driving forces of demand, as everyone wanted what all the others were buying. A stock of physical possessions of good quality and modern design indicated social status; to lack them was a significant marker of economic failure. Today, the low cost of durables made in countries with much lower wages has diminished the status-content of such purchases. This has freed up incomes for services, from restaurants and bars to resorts and casinos, salons, gyms and trainers, salons, coffee shops, massage therapists and tattoo artists. Higher education and even shopping are likewise to be considered, not solely as investment in “human capital” or (in the case of shopping) as a chore, but as, in part, leisure-time and status-seeking activities. These are activities on which many millions, from college professors to checkout clerks, have relied for jobs and income. But they are also superfluous, in the sense that they may be forgone, with no grave harm to the buyer.

Third, in the 1960s, American household spending was powered by rising wages, and also by growing equity in homes as inflation drove up house values in relation to fixed-rate mortgages. Neither is true any longer. Wages are largely stagnant since at least 2000, while gains in spending have been powered by debt, both personal and corporate – the latter oriented toward stock buy-backs, pushing up corporate equity valuations and hence the purchasing power of high-net-worth households. House values, a major source of middle-class spending power, were hit by the 2008 crisis; lending against houses since then has no doubt diminished net equity, and increased the vulnerability of middle-class net worth to a decline in home values.

Mainstream economics pays little attention to such questions of structure. It treats all consumer spending as driven by equally valid wants, therefore equally necessary; the distinction between “essential” and “superfluous” does not exist. It ignores, by and large, the burden of debts, and overlooks the role of the global as opposed to the local

sources of demand for capital goods. Neonomics and its cousin, institutional economics, consider these issues to be fundamental. So does a third, closely-related body of thinking, biophysical economics, whose principles are drawn from the laws of thermodynamics and set out in three papers by Chen and Galbraith [4; 5; 6]. Biophysical economics stresses that the more efficient any system – biological, mechanical, or social – the higher the fixed costs and therefore the narrower the margin of safety.

What is the situation? In the COVID-19 crisis, the demand for advanced investment goods has collapsed. With air travel down by over 90 percent, half or more of all aircraft are parked on the ground. There will be little demand for new planes, and the major producers – already in trouble in the case of Boeing – are curtailing new production. For many other advanced goods, the demand collapse is a global phenomenon and national policy can do nothing, short of nationalizing the production lines, to stop it. But there are effects that are purely domestic as well. Drilling of new oil wells in the Permian Basin has stopped as those already drilled are unprofitable at present prices. Commercial offices stand empty, shopping malls are closed, so there is no need for construction of new ones.

On the side of households, faced with a radical increase in uncertainty, saving rises and spending falls. Households will save more even if the government replaces their lost incomes for a time. People know very well that stimulus is short-term. They know that job prospects are bleak. They expect their homes to lose value and their credit ratings to decline. They will cut back on things they do not need, in order to be prepared to provide the things they really do need. With less commuting, cars last longer and fewer new ones will be made and sold. Even in health care, some 18 percent of (normal) US GDP, demand for services is down, since with time off and an absence of routine accidents, the health of the population has improved and the desire to pay for health services, such as tests and diagnoses, even among those who need them, has declined. Massive intervention by the Federal Reserve, the interruption of investment projects and the rise of savings together explain the rise in the stock market after the initial panic: both companies and wealthy persons had money to place, no desire to spend it, and were not keen on leaving it at zero interest in the bank.

Some of the activities that previously drove the economy, such as sporting events, conventions, concerts and other mass gatherings, have been canceled and remain so for health reasons. Restaurants, bars, clubs, salons, retail stores and the like are being permitted to open, usually under restrictions to fifty percent or less of capacity. Airlines are flying, but with their middle seats empty and in many cases the rest of the plane as well. The people who run restaurants and airlines have two problems. One is that they can't cover costs with their capacity limited for health reasons; these are businesses with low margins that survive in ordinary times by packing people in. But the other problem is more fundamental. It is that very few people, in America at least, need these services as a condition of decent life. Middle- and upper-class Americans, the major repository of national purchasing power, can if necessary eat, drink, socialize and take their vacations at home. So under the circumstances demand would be down, even if the coronavirus went away. This explains why many services are not reopening even though they are legally permitted to do so. The tragedy of it is that without them, millions of jobs will not come back either.

Finally, though incomes and jobs are lost, household debts have continued to mount: rents, mortgages, utilities, interest on loans for cars, education, and ordinary expenses. Stimulus checks have helped for now: defaults and arrears have been modest, and many landlords have been accommodating. But as people face long periods

with lower incomes, they will continue to hoard funds, to be sure to meet their fixed debts. To all this, one can add the plight of state and local governments, which rely on taxes raised on sales and incomes. As these collapse, the response is to cut spending and curtail services, compounding the loss of jobs and incomes.

None of this is the consequence merely of incompetence under President Donald Trump. It is not the effect of poor political strategy by the Speaker of the House of Representatives, Nancy Pelosi and the Senate Minority Leader Chuck Schumer. It is not short-term or reversible in the course of few months or years. It is the result of systemic changes in the US economy over 50 years, as described early on in Galbraith [7]. The US has built an economy based on global demand for advanced goods, on domestic consumer demand for frills, and on ever-growing household and business debts. This market-driven economy was in many ways prosperous and successful; it was efficient, it delivered what people wanted, it had eliminated unemployment without bringing inflation, and many millions had jobs and incomes. But it was a house of cards, and the wind of the coronavirus has blown it down.

Meanwhile, on the other side of the world, we find economies that have not collapsed in the pandemic. Some of these, such as China and Vietnam, are nominally socialist. Others, such as Korea and Taiwan, are ostensibly capitalist. All experienced relatively low death tolls in the end, with varying degrees of popular mobilization and lock-down required to achieve this objective. All were able to muster and make use of a broad solidarity and a will on the part of large and densely-settled populations to do the job. And all survived the pandemic with manageable levels of economic damage.

Focusing strictly on the economics, what they share is more important than the ideological and historical issues that divide them. All four have relatively balanced national economies, the product of a concerted industrial development strategy, having retained most of the core industries providing basic consumer goods. They achieved this with a combination of stable advanced industrial firms, with long-term perspectives and assured financing, in the model of the American industrial corporations of the mid-1960s [8], and also large sectors of small enterprises producing low-technology consumption goods such as garments and paper products. Thus they were not suddenly short of medical supplies and protective equipment when global supply chains were disrupted, or were able rapidly to make up shortages that did occur. Chinese production of face masks rose from 15 million to about 110 million per day over three weeks in February, as 3,000 SME's converted production lines.

Further, the services sectors in Asia evidently do not operate in the same cost environment as in the West. Obligations with respect to rent and interest and profit are more elastic, and demand by the population is less so. Small Asian firms are generally not at the mercy of commercial landlords; in China and Vietnam, hardly at all. Their banks work to keep them afloat, even during periods with little or no profit; this is deemed necessary for social stability. Moreover, what they provide is not thought of as "inessential." Asian families live in very small spaces and need to go outside; they have smaller kitchens and they cannot substitute as readily as in the West against the restaurant trade. Their debt burden is relatively light, savings are relatively ample, and the drive to save to meet fixed costs is mitigated by the public provision of provision of basic health care and education, and by strong family structures that provide a backstop for retirement and emergencies. These factors help account for economic resilience in the face of the disruption that has knocked the leading Western economies to the ground. And that resilience made it

possible for governments in Asia to move quickly, with great social solidarity, to get the virus under control so that things could, quite quickly, return to “normal.”

A peculiar conclusion emerges, behind which a general principle may be found. It is precisely those countries which are not at the top of the global hierarchy of trading relations, and that have not made the transition to the most advanced systems of financial relations and household access to credit, that have proved most successful in dealing with the coronavirus, both in their capacities to defeat the pandemic and their ability to retain the full function of their economies and the stability of their social order. It is clear now in the case of the United States that this has not been achieved.

A short paper cannot cover the full spectrum of economic structures that have been obliged to react to the COVID-19 pandemic. I have made no attempt to describe the variations present on the continent of Europe, nor in Russia, nor the situation in the poorer regions of the world, such as Latin America and Africa. But the contrast between the polar cases of the US and UK on one side and the PRC, DRV, ROK and Taiwan on the other is sufficient to illustrate the roles that structure and finance play in determining the economic consequences of the coronavirus. The concept of noonomy tells us that in moving forward, those who design and plan an economic system must balance the new technologies with the requirements of stability, solidarity, fairness and public purpose. The failure to do so may appear profitable and even prosperous for a time. It may meet the ideological test of conformity to the model of the free market. It may be a paragon of cost reduction and profit maximization, of relentless search for a competitive edge. But market efficiency and market fragility are duals. One purchases them in a package, and the bill comes due in the course of time.

References

1. *Bodrunov, Sergey (2018). Noonomy, Moscow-St. Petersburg-London.*
2. *Veblen, Thorstein (1899). Theory of the Leisure Class, New York: MacMillan.*
3. *Congressional Budget Office (2020). CBO's Current Projections of Output, Employment, and Interest Rates and a Preliminary Look at Federal Deficits for 2020 and 2021, Washington, April 24, 2020: <https://www.cbo.gov/publication/56335> Accessed June 1.*
4. *Chen, Jing and James Galbraith (2011). Institutional Structures and Policies in an Environment of Increasingly Scarce and Expensive Resources: A Fixed Cost Perspective, Journal of Economic Issues, Vol. XLV No. 2 June, 301-309.*
5. *Chen, Jing and James Galbraith (2012a). A Common Framework for Evolutionary and Institutional Economics, Journal of Economic Issues, Vol XLVI No. 2, June, 419-428.*
6. *Chen, Jing and James Galbraith (2012b). Austerity and Fraud under Different Structures of Technology and Resource Abundance,” Cambridge Journal of Economics, Volume 36 Issue 1 January, 335-343.*
7. *Galbraith, James K. (1989). Balancing Acts: Technology, Finance and the American Future, New York: Basic Books.*
8. *Galbraith, John Kenneth (1967). The New Industrial State, Cambridge: Houghton Mifflin.*

Contact information

Lyndon B. Johnson School of Public Affairs, The University of Texas at Austin
Austin, TX 78712, USA
Гэлбрейт Джеймс Кеннет / James Kenneth Galbraith
+1 512-471-34-34, galbraith@mail.utexas.edu

КРЕАТИВНЫЙ ТРУД, ТВОРЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ПРОИЗВОДСТВА¹

CREATIVE LABOUR, MENTAL OBJECTS AND THE MODERN THEORY OF PRODUCTION

DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-583-594

ФРИМАН Алан

Член Международного комитета ВЭО России, профессор, Университет Манитобы

Alan FREEMAN

Member of the International Committee of the Free Economic Society of Russia, professor, University of Manitoba

Аннотация

Последние десятилетия ознаменовались распространением литературы о креативности без единого мнения о том, в чем она состоит. Вклад Китая и России проливает новый свет на эти дискуссии в результате внимания этих стран к развитию экономики и человека.

Интегрируя это с широко используемой концепцией «творческих индустрий», предлагается строгая концепция творчества, основанная на понятии творческого труда. Его можно определить как немеханический труд, который в сочетании с ИКТ сформировал массовый рынок в продуктах, воплощающих потребительскую ценность отличимости.

Креативная индустрия становится отраслью разделения труда, интенсивно использующая творческий труд в сочетании с творческими продуктами, такими как научные и художественные блага. Программное обеспечение, само по себе являющееся творческим продуктом, выступает и «инструментом творческого производства» в этих отраслях, помогая объяснить их потенциальный вклад в развитие человека, а также препятствия на этом пути, налагаемые товарной формой.

Abstract

Recent decades have seen a proliferation of literature on creativity, with no consensus about what it consists of. Chinese and Russian contributions throw new light on these debates because of their concern with economic and human development.

¹ «Статья публикуется по материалам доклада, представленного на Международном научном онлайн-семинаре «Глобальный кризис 2020: вызовы будущему (политико-экономический дискурс)», который состоялся 21 мая 2020 г. в рамках МАЭФ».

Данный материал является републикацией статьи Freeman A. (2020). *Creative Labour, Mental Objects and the Modern Theory of Production*. *Science & Society*, Vol. 84, No. 4. pp. 458-484 в сокращенном виде.

By integrating this with the widely-used concept of the 'creative industries', a rigorous concept of creativity rooted in the notion of creative labour is proposed. This can be defined as non-mechanical labour which, in conjunction with ICT, has produced a mass market in products embodying the use-value of distinctness.

The creative industries then emerge as a branch of the division of labour making intensive use of creative labour in combination with mental objects, such as scientific and artistic products. Software, itself a mental object, is an 'instrument of mental production' in these industries, helping explain their potential contribution to human development, and the obstacles to this potential imposed by the commodity form.

Ключевые слова Креативность, творческое производство, интернет.

Keywords Creativity, mental production, internet.

“ *Y*ou are a clever, generous man, Dymov,” she would say, “but you have one very serious defect. You take absolutely no interest in art... That’s awful!”
“Why? Your friends don’t know anything about science or medicine, but you don’t hold it against them. I don’t understand landscapes and operas, but the way I look at it is that if one lot of sensible people devote their lives to them, and another lot of sensible people pay immense sums for them, they must have a use. I don’t understand them, but that’s no reason to disbelieve them.”

Anton CHEKHOV, *The Grasshopper*

Why Economics needs a concept of creativity

The last thirty years have seen a proliferation of writings on creativity and its economic, social and cultural consequences, involving fields of study ranging from economics, sociology and history to art, philosophy, psychology and beyond. Yet there have been few systematic attempt to define what creativity consists of, even less any sign of consensus.

This paper seeks to bridge these gaps. I identify key works in which the concept is addressed, starting with those that tackle the key issue of property. I then offer a sympathetic critique based on the intensity approach [1] which was adopted as the British statistical standard in 2014 [2; 3]. My central proposition is that creative activity, as it manifests itself today, should be understood as a type of labour.

I make seven claims of which the first four inform the intensity definition, and the last three are new:

Creative activity in the world, as it is today, is primarily an economic phenomenon, by which I mean it satisfies uses that are paid for.

The commodities that satisfy these uses are produced by specific branches of production generally known as creative industries.

These industries are characterised by their intensive use of a specific type of labour, creative labour. This is best defined as non-mechanical labour, that is, it cannot be reduced to a repeated set of identical actions. In its simplest terms it consists of labour that cannot be replaced by a machine.

The consumer-facing creative industries produce distinction as a specific use of their outputs; these are purchased not simply for their formal utility as clothing, entertainment, or habitats, but for 'being different', as exemplified in Fashion, an archetypal creative industry. Their higher prices express this additional usefulness.

Creative production makes special use of mental objects. These are constructions of thought like poems, theorems, languages, or computer programmes, which can take both human and material forms, but exist independent of any particular such form. They function as inputs to production, but are not depleted by being used. Like machines, they produce commercial value only when used by living labour to make something.

The characteristic mental object of the age is software, the plastic substance of ICT (Information and Communication Technology), technological driving force behind the explosive growth of creative production. ICT supplies the means of production that lend the creative industries a mass character.

Management of mental objects calls for an approach I designate socio-economic modernization. Fiscal state interventions into an unchanging civil society no longer suffice; the property relations of civil society must also change to secure the benefits of creativity.

A necessary starting point: the institution of property

My starting point may surprise the reader: Russian and Chinese writings on the subject, specifically the recent translated text of Cheng Enfu et al. [4], and the work of the 'Post-Soviet Marxist' school [5; 6] and their colleagues, notably Bodrunov [7]. This literature addresses the elephant in the dining room of Western discussions, namely property. Who receives the benefits of creative activity, and who owns the results?

These works fall in the general domain of developmental literature. They regard the creative economy, or more broadly Bodrunov's [7] 'Noonomy' – the mental economy – as the key to society's future. This contrasts with Western literature that treats creative activity as a kind of sideshow playing second cousin to 'priorities' like infrastructure, health, education or poverty reduction. This misses the point: the creative economy is the future infrastructure of any future society that hopes to sustain a healthy, educated, and well-provided citizenry.

Buzgalin presents a concept he terms the Creatosphere: "This is the sphere where cultural phenomena are created (symphonies and theories, new social forms and a pure natural environment) – public goods that are unlimited, replicable with minimal costs, but at the same time irreproducible, the results of activities whose main content is creative [6, p. 40]".

Cheng et al. [4] treat high-value labour, notably management, creative labour, and scientific labour, as the key to the future of Chinese society. They see creative activity as one of several types of high-value-added labour.

There are differences: the creatosphere contains all such activities, together with environmental protection and activities which many describe as 'housework'. The Chinese writers' concern is the economic potential of creative Labour. It is productive work which should be rewarded and deployed to make best use of it as it now exists.

In both cases, however, the focus is the entire shape of future society. The common concern is this: who is the appropriate owner of the results of mental activity?

In the Western tradition, the question of distribution is confined to the fiscal functions of the state: should it allocate tax receipts to defence, security, health, education, social

support, or capital accumulation? Buzgalin argues that the products of the creatosphere, being 'naturally social' should be available free to all. Cheng asks 'What are the rights and duties of the owner of a business? How should the law oblige her to allocate its proceeds between herself, shareholders, employees, government, and clients?'

The issue is thus the legal meaning of ownership. In order to address this, we need to dig deeper into how the objects concerned come into existence; then we can assess who should have access to them, and who should be rewarded for producing them. Decisive here is the role of labour.

Labour: the limit on creative consumption

The differences of emphasis just described have definitional implications. For the Russian writers, the form of ownership is the defining feature of creativity. Buzgalin thus writes:²: "In the creatosphere, benefits are unlimited and public in content... Examples are well known: Tchaikovsky's music and Ohm's law can be "consumed" (it is more appropriate to use the concept "distributed" introduced above) by a circle of persons unlimited in space and time [8, p. 49]".

The creatosphere consists of all activities whose results are naturally shareable: for example a poem or a scientific finding.

However, difficulties present themselves once we ask what actually limits the availability of these products. The answer is, simply, labour. It takes time to recite a poem, perform a musical piece, apply scientific knowledge, or educate a child. A human being must dedicate a portion of her life to one activity at the expense of another. She must get the material means to do so, including not only eating, sleeping and staying warm but an education and the means to develop her talent.

Items in the 'creatosphere' are hence limited, like any other commodity, by the labour time required to make them available for human consumption. The results may be immaterial, but there are material preconditions for their free disposal. The Chinese concern with securing these preconditions (echoed by Bodrunov) is a necessary qualification. A society that nourishes its artists will generate art, but a society that nourishes financial speculators will generate crashes.

Creative labourers also do not work in a cultural vacuum; they build on a pre-existing inheritance, the work of a thousand generations. This constitutes the 'means of production' of creative products. It is here that their distinctive character becomes clear. Cultural, or creative, means of production enjoy a peculiar characteristic: they are not depleted by using them. Songs linger on as more than memories: they can be sung again. On reading a book about Ohm's law, it sits obstinately on the shelf.

Nevertheless, a book cannot stand on a ladder and change a lightbulb: this requires a lightbulb-changer. Neither a musical score nor a download can stand on a podium and deliver a live performance; this requires a performer.

The rational kernel of Buzgalin and Kolganov's argument is that a wide and growing variety of useful things are not limited by their material form. Poems, theorems, songs and software are, in standard economic language, non-excludable: one person can use them without inhibiting another. Tchaikovsky can be performed in Tomsk, streamed in Seattle, and downloaded in Dublin. Compare this with a meal: no two people can eat the same food.

Now though materiality is no guarantee of excludability, it places definite limits on use: it is technically possible for four people to ride one bicycle, but the practice is

² My translation – AF.

unusual. The notion of private property rests on the excludability of material possessions; many caricatures of socialism accuse it of eliminating personal possessions such as toothbrushes or, as the Communist Manifesto sarcastically notes, wives. Most legal institutions of private property merely impose, on non-material objects, artificially naturalised qualities of exclusivity derived from the properties of material objects.

This hyper-extension of the natural attributes of material possession is not new. The millennia-long evolution of property in land is an example. Nevertheless, property is the foundation of capitalism, not some new 'creative' stage of it. Intellectual Property (IP), in the last analysis, assigns a legal person exclusive private rights to a publicly-generated stream of income. But this is what capitalists do; the wage relation simply states that the employer can do whatever he wants with whatever the employee produces. IP, like land enclosure or for that matter slavery, is a set of measures to impose this right on things that tend to escape it.

What is new about the current stage of development? It is the widespread commercialization of non-material products. We will err if we think of creatively-produced commodities as 'non-commodities'. No, they are another kind of commodity. I therefore suggest that an adequate definition of creativity should come not from an ideal future but from real creative products in the present. Only then can we conceive of superior future forms. Thus we now need to ask what these products actually are. We have to rethink our concepts. Why, as Dymov placidly asks, do people pay large sums of money for the products of such large amounts of labour? Buzgalin and Kolganov's distinctive merit is that they oblige us to confront this question.

What is a creative industry?

Why has creative labour become commercially profitable? The most straightforward answer is that it generates a use, or a set of uses; it meets social needs which cannot be satisfied in any other way. To identify them we turn to the Western literature which studies them more intensively, via the concept of a creative industry, a branch of production specialising in creative products. UNCTAD [9] provides a comprehensive survey, listing four approaches: the DCMS [10] model, the 'Symbolic Texts' (ST) model, the 'Concentric Circles' (CC) model and the WIPO (intellectual property) model.

Strikingly, despite wide theoretical differences between these frameworks, they agree closely on the industries involved. All accept a core group of seven sectors, comprising Advertising, Film and Video, Music, Performing and Visual Arts, Publishing, and Television and Radio. Four further sub-sectors (Video and Computer Games, Software, Architecture and Design) are recognised in at least two frameworks, in every case including DCMS. Agreement is even greater if we recognise that WIPO's omission of Games and Fashion is inconsistent with its own definition, as is ST's omission of Crafts and Fine Art.

When a wide variety of researchers, using different definitions, arrive at the same or similar conclusions, this is an extremely strong indication of an underlying fact. The creative industries exist: the problem is to provide a theory that explains their existence.

Independently I, at the Greater London Authority and researchers at Queensland University of Technology asked a simple question: how many creative workers are employed in these industries? We discovered a remarkable fact: over 50% of the workers in the core industries were creative – compared to only 2% outside them.

This proportion, which we termed ‘creative intensity’ ranged from 15% in Digital Media to 64% in TV and Radio and was over 30% in the overwhelming majority of cases.

Very few other occupations behave in this way. The modern industrial workforce is a diverse mix, rarely organised around any particular skill. Thus, at most 14% of employees in the electrical trades industry are electricians, an exceptionally high such proportion. We conclude that creative workers constitute a resource for the creative industries. The creative-intense industries then constitute branches of industrial production, which specialise in using creative labour.

The notion of an industrial branch, dating back to Smith, underpins the tried and tested ISIC industrial classification system [11]. Branches are a natural outcome of capitalist competition which crystallise out because enterprises specialise, either in a resource like the oil industry, a product like the car industry, or a process like manufacturing. The resulting economies of scale and scope provide competitive advantage, the basis of their existence.

Creation and the value of distinction

If we define a creative industry as one that specialises in creative labour, then what is creative labour? We approach this by asking which of its characteristics, identified by thinkers that studied it historically, might account for its remarkable new capacity for making marketable products.

Creativity arises in parallel with the idea of culture from the German Romantic movement. As Elias [12] points out, 18th Century German society was dominated by a stifling aristocracy of birth, whose privileges were justified as God-given and evidenced by manners and bearing.³ The rising German bourgeoisie responded with the notion of Kultur which, the poets and dreamers held, was not inherited but created – that is, produced – by gifted humans. The underlying concept was origination: bringing something new into the world. It was the act of a solitary individual: the Romantic Creative Genius.

As industry developed, Carlyle [13], successors like Ruskin and Morris, and counterparts in other countries began to evolve a different idea, though related to the first. They contrasted the ‘living’ activity of the artisan with soulless factory production. This quietly revolutionary shift acknowledged creativity as a universal human capacity. All humans, not just mad poets, have within them the latent potential to make new things. This accorded with the Hegelian and Marxist traditions which equated freedom to the unfettered development of this innate human capacity.

Carlyle’s artisans express this capacity not by making new products but distinct ones – a subtly different idea. Distinctness stamps them with humanity, which is why high value is associated with handiwork, live performance, and with original or signed works. This expresses authenticity – association with a known human producer – directly confronting the mechanical alienation of labour.

We can interrogate these notions by asking what labour is non-creative. Carlyle informs us well: the characteristic labour of the industrial age is mechanical labour, the simple repetition of identical actions. Mechanization did not just change the instruments that labour works with, but labour itself. As Braverman [14] observed, the prelude to replacing a human with a machine is a process of ‘de-skilling’. Artisans, from earliest times, had to make the same thing many times. They devise special tools – jigs,

3 This is the origin of ‘court-teous’ meaning ‘the way courtiers behave.’

cutters, and the like – to help make it in the same way each time. Production can then be reduced to a sequence of repeated identical actions.

The great inventions of the industrial revolution, from the Spinning Jenny to the Power Loom, replaced the hand with a device and the muscle with a steam engine, dispensing en route with the heart – as immortalized in the legend of John Henry. Mechanized labour has been the handmaiden of automation since the dawn of industry.

Non-mechanical labour for long survived as a relic of the labourer's craft skills. But then the unexpected happened: the creative industries began reversing the dominance of mechanical labour. How? When we purchase a pair of shoes, don't we something that costs us as little as possible, guaranteed to function the same with every purchase? Isn't variation just another source of imperfection?

Yes and no. The requirement that all products be identical is imposed by the producer. If all we wanted from a shoe is something to fit our feet, then all shoes would be identical except for their size and possibly shape. But what consumers actually seek are Prada, Jimmy Choo or Nike instead of plain old 'shoes'. They strive to transcend uniformity with a distinguishable cup or garment.

This desire for distinction has two roots. One is universal and transhistorical: the need for individuation. Wilde's [15] remarkable defence of socialism notes that under capitalism – paradoxically, given Hayek's insistence that only the market confers freedom – the mechanical characteristics of life impose uniformity. Socialism, as he sees it, is, as conceived of by Marx, a society with the maximum scope for self-expression.

The second root of distinction is class. Bourdieu's [16] surgically precise mapping of the media choices of Parisian middle classes established that culture is bourgeois society's primary marker of class, in which alleged aesthetic competence is a mere accessory to wealth and status. The ostentatious gradation of property-owners produces a counterpart in the hierarchical splintering of the excluded into 'sorts of people' identified by dress, décor, entertainment, football teams, crockery and bling, constructing organized structures of discrimination, dominated by geography, for the management of petty privilege.

Every symbolic representation of social status is a ticket of admission to an invisible club which propels its members to their place in the line for employment, schooling, healthcare, and, it is a fact universally acknowledged, marriage. Culture, in short, is a means of class organisation; its 'use' is to reproduce capitalism's classes. Without the 'culture' and 'taste' drummed into them from birth, children would, horror of horrors, grow up not knowing whom to marry. Civilization as we know it would cease to exist.

Social gradation goes hand in hand with culture as a weapon of social control. Carlyle himself coined the notion of 'clerisy', an upper middle social layer comprised of people of fine judgement who would govern society's cultural choices. The clerisy lives on in the quiet administration of taste by a flock of well-meaning art lovers, nourished by a posse of socially-rigid funders and policed by an army of grasping critics.

This conflicts with, and suppresses, the wellsprings of art which lie in that creative capacity which escapes class definition, and is the true origin of all universal forms of culture from Jazz, Rap, Graffiti and Punk Fashion to Samba and Sistema, and for that matter from Shakespeare to Cinema, extending outwards in the age of mechanical reproduction to all those mass art forms – photography, video, amplifiers – which have fallen into the hands of the despised masses.

The artistic monopolies of the well-to-do are maintained by access to the means of creation. Creative capacity is universal, but its exercise requires instruments, materials, exposure to practitioners, time to experiment and develop, and, above all, wages. The class use of distinction is thus the primary barrier to a general development of creative capacity and this is the precise site of the contradictions of the creatosphere.

The task is then to change not just what Buzgalin and Kolganov term the 'formal' relations of property but the 'real' relations of employment, upbringing and access: to provide labouring creators with the means to develop their creativity, and an income to sustain it. But to understand the real relations of employment, we must ask what creators actually do.

Mental Objects and creative production

I will now develop the fundamental concept of mental object, which extends the concept of 'means of production' from the standard, material concept. I believe this is a new idea, but I encourage readers to identify previous similar notions.

I start with additional use of creative labour, in 'Department I' or 'B2B' creative industries, which sell their products to other businesses, comprising nearly 50% of the creative industries. This offers a decisive new insight into the software industry. Software-producing labour is creative. However, it does not supply distinction directly, but indirectly as a means of producing it.

How does Political Economy approach the mental aspect of production? It tries to apply two outdated concepts: that of 'service' and that of 'mental labour'. More nebulous ideas like 'information economy' or 'knowledge economy' are popular but frankly unusable.

Service has the same root as 'serf' and 'servant' and conveys the idea of labour performed by one person for the use of another. Adam Smith took it to mean creating intangible utilities involving no 'vendible object'. Though Marx pointed out that intangibles could indeed be vendible, neither he nor subsequent writers rejected the term itself. Political economy is thus saddled with an unreconstructed mediaeval concept to describe modern capitalism.

However, the rise in 'service' employment expresses something real. First, the output of manufacturing, and material objects in general, is getting cheaper, because of continuous rises in productivity. As Marx notes, this is because these material objects require less labour. The auto industry is therefore shedding jobs. However, it is producing more cars.

In the case of software, the issue is especially clear: it is definitely a product of labour and really does have a cost, but its material form is of vanishing importance. It has a cost, which enters the value of the product. How? This brings us to the concept of 'mental labour'. The early notion of 'workers by hand or brain' arises from de-skilling, which creates the illusion that there are two types of worker, one all hands and the other all brains. Actually, all human labour combines mental with physical activities. Bricklayers' brains are no less active than clerks' hands. Many cerebral activities involve intense physical effort; think of sculpture, music, or acting. The idea of a separate type of labour called mental labour is not really very helpful.

More appropriate is to recognise that mental activity can be alienated; when a writer sets pen to paper, when a coder hits a key, a lawmaker issues an edict, or

a scientist discovers a law, the results are codified and made available to any trained person – whose own labour is made possible by absorbing the alienated result. This alienated result is a mental object.

This is by no means a ‘new’ development. In 1478, as Swetz [17] notes, European commerce was transformed with the founding of a school in Treviso to teach merchant’s sons the so-called ‘Hindu-Arabic numeral system’ which we today take for granted. This eliminated the need for mechanical devices like the Abacus, because the merchant could add and multiply literally ‘in his head’. Less than a hundred years later logarithms, Napier’s mental system for multiplying rapidly, transformed gunnery and laid the foundations of modern engineering.

Software is, in fact, the characteristic mental object of our age. It belongs to one of two basic categories of mental object, recognised in mathematical logic in Boole’s [18] pioneering Laws of Thought, which we can term algorithmic and predicative. The latter assigns a quality to a thing – it is red, round, hard, or beautiful, thought-provoking, illegal, etcetera. The former is a sequence of mental steps which lead to some result. Software is inherently algorithmic; cultural distinctions are inherently predicative. This is why an interlocutor, the creative labourer, intervenes between inanimate software and the human consumer, that is to say, she employs the software as a means of production.

The creative worker translates complex predicative demands such as ‘A musical piece that evokes a night in the Finnish wilderness’ into a product, such as the Karelia suite, in this case including an algorithmic codification, the musical score. Software is then the mental counterpart of machinery; it is a means of production, with the unique characteristic that it is not ‘used up’, resulting in the unique cost and income structures of the industry.

This is not a new phenomenon but the limiting case of Marx’s ‘moral depreciation’, the loss of value suffered by a material object when its price falls because of new technology. Depreciation, as registered by accountants, has a physical and a mental component. In software, physical depreciation is reduced to zero.

Building on electronic reproduction and recording, this is the decisive technological revolution driving the Creative Industries. It vastly extends the number of people with access to creative products – and thereby constructs a hierarchy of utility in which live performance, being more authentic, acquires higher value⁴. Solow’s famous remark “You can see the computer age everywhere but in the productivity statistics,” like Baumol’s so-called ‘paradox’ which claims service growth is impossible because an orchestra cannot ‘play faster’, both fail to understand the new system of uses that mass reproduction has brought into being.

The labour of software production has to be reconsidered in this light. Software is limitlessly shareable (hence the open-source movement); yet is most frequently omitted from the creative industries.

We can gain further insights by noting how Creative labour differs from drudge labour, the repetition of essentially similar actions. These may be complex, taxing and difficult, as with commercialised child or elderly care – but there are only so many ways to change a bedpan. The expulsion of humans by machinery, however, creates a space for labour valued for its humanity. A machine might conceivably bring up a child, but that’s not what people want or need. The labour of care is quietly but inexorably expanding and a major task of social advance is to recognise its true social value.

4 Page [19], working with copyright data, documents this meticulously.

The ownership of mental objects and the concept of social modernization

Let us now return to the practical issue: what is the best way to manage creative production? I hope it is now clear that purely fiscal solutions are inadequate: the response hinges on forms of property.

To this end I propose the concept of 'socio-economic modernization', to replace 'modernization' which is generally conceived of, especially in Russia, as overhauling or installing equipment. This was always somewhat inadequate, because of role of science in innovation, which is why Science Policy and the management of R&D [20] became influential in the 1960s, and are now making a minor comeback.

But, as ever more elements of new technology are not only intangible but marketable, this Machinocratic conception is an ever greater obstacle to the management of innovation. In the age of the Smart Grid, economic change no longer comes from installing a machine: it springs from the mental capacities we choose to endow it with, and the social mechanisms we choose to invoke, in order to interact with it. This includes the recognition that any apparent superiority it may present to us arises only from the speed with which it can replicate the thought processes we have chosen to alienate into it. If problems arise therefrom, it is the thought processes, not the machinery, which we have to deal with.

This radically changes the nature of modernization. The state's role 'outside' civil society – albeit as productive of innovation as the private sector as [21] points out, must be accompanied by modifying property relations within civil society itself. In turn, this requires a clean break from the illusion that property, whether private or public, has a natural god-given form: it can be what we choose to make it.

Nowhere is this clearer than in relation to Intellectual Property itself. This artificial legal concept was established at the insistence of the USA during the 1990s Uruguay round of negotiations on GATT (General Agreement on Trade and Tariffs). It amalgamated two separate categories of copyright and patent [22], prolonged the duration of copyright to three-score years and ten, and effectively extended the territorial jurisdiction of US patent regulations to cover all WTO (World Trade Organization) members. The net result was to construct a wholly corporate world ownership form with the aim of creating a uniform world market in mental objects. It was, a new enclosures movement.

What does an owner get from owning a mental object? Formally, it entitles her to stop others using it. However, this is not the intention:⁵ in reality IP provides a stream of income, generated by the commercial use of the object it refers to. Like land titles, financial instruments, government bonds and other types of fictitious capital, IP capitalises a stream of income generated elsewhere.

IP thus merely converts, into a legal institution, a set of methods for appropriating income. It is an income-sharing arrangement disguised as a property relation. This renders it existentially unfit for purpose: its formal function, to restrict the use of mental objects, contradicts its real function, to distribute the income arising from their use. It is far from uncontroversial: the followers of von Mises oppose it with good reason as anticompetitive and acting in restraint of trade.

It is not hard to see why: it assigns the right to restrict the use of mental objects but imposes no obligation to disseminate them. The escalating US-China dispute [23] highlights this point. Technically, China's trade relations with the USA, including its joint contracts with US firms operating in China, fall under WTO rules. The WTO almost

5 An elementary reform, cutting the Gordian Knot and illustrating the centrality of the legal form of the property relation, would be to outlaw the use of an IP title to restrict access.

always resolves China-US disputes in favour of the US, but Trump, claiming that “We lose the lawsuits, almost all of the lawsuits in the WTO,” threatened to withdraw from it and embarked instead on a damaging trade war [24]. This cannot be reduced to chicanery but arises from two conflicting interpretations of the purpose of IP. For China, the purpose is to disseminate advanced technology and so develop its economy; for the USA it is to prevent dissemination and maintain a technical advantage.

Thus the USA accuses China of failing to destroy codified technology. China indignantly responds that as a sovereign nation it can do what it wants with technology it has paid for. The USA accuses China of creating licenses in which technology transfer is mandatory to ‘steal’ technology: China responds that it acquires the technology by investing massively in science and R&D, which the USA brands ‘unfair competition’. This goes beyond a conflict of compliance: it is a conflict of two interpretations of the same formally legal institution.

The conflict is inherent in the contradiction between the formal and real functions of the legal form. For the US, the function of IP legislation is to deny access. For China, it is to disseminate and use mental objects in the socially most efficient manner.

The starting point in is the real requirement: what will ensure the income gets to where it is needed? The key is on the one hand to supply the creators with the income they need to become creative, work, and live, and on the other to guarantee the most socially and economically beneficial production, dissemination, and use, of the vast variety of mental objects that presently serve as commercial manifestations of that greatest human potential, the Fourth Inalienable Right: the right to create.

References

1. Bakhshi, H., Freeman, A., Higgs, P. (2013). *A Dynamic Mapping of the UK's Creative Industries*. London: Nesta.
2. Freeman, A. (2014). *The new driver of economic and human growth: the scientific basis for the DCMS's new Creative Economy employment and output data*. URL: https://www.academia.edu/5712049/The_new_driver_of_economic_and_human_growth_the_scientific_basis_for_the_DCMS_s_new_Creative_Economy_employment_and_output_data
3. DCMS (2014). *Creative Industries Statistical Estimates, January*. HMSO.
4. Cheng Enfu, Wang Guijin, and Zhu Kui. (2018). *The Creation of Value by Living Labour*. Istanbul: Canut Press.
5. Buzgalin, A., Kolganov A. (2013). *The Anatomy of Twenty-First Century Exploitation: From Traditional Extraction of Surplus Value to Exploitation of Creative Activity*. *Science and Society*, Vol. 77, No. 4, October. Pp. 486–511.
6. Бузгалин А.В. (2017а). Креативная экономика: почему и как может быть ограничена частная интеллектуальная собственность. (*Creative Economy: Why and How Private Intellectual Property can be Limited*) // *Социологические исследования*, № 8, 2017. С. 21-30.
7. Bodrunov S. (2019). *Noonomy*. Shanghai: World Association for Political Economy.
8. Бузгалин А.В. (2017b). Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? (*Creative Economy: Private Intellectual Property or Ownership of All by Everyone*) // *Социологические исследования*, № 7, 2017. С. 43-53.
9. UNCTAD (2010). *Creative Economy Report*. UNCTAD, Geneva.
10. DCMS (1998). *Creative Industries Mapping Document*. London: HMSO
11. UN (2008). *International Standard industrial classification of all economic activities (ISIC), Rev. 4. ed, Statistical papers. Series M. United Nations, New York*.
12. Elias N. (1969). *The Civilizing Process*. Oxford: Blackwell, vol. 1, vol. 2

13. Carlyle T. (1829). 'Signs of the Times' [*The Mechanical Age*]. *Edinburgh Review*. Vol. xlix, p. 439
14. Braverman, H. (1974). *Labor and Monopoly Capital: the degradation of labour in the Twentieth Century*, New York: Monthly Review Press.
15. Wilde O. (2001). *The Soul of Man Under Socialism and Selected Critical Prose*. London: Penguin.
16. Bourdieu P. (1984). *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Harvard University Press.
17. Swetz F.J., Smith D.E. (1987). *Capitalism and Arithmetic: The New Math of the 15th Century*. Open Court Publishing.
18. Boole G. (2016). *An Investigation of the Laws of Thought*. CreateSpace Independent Publishing Platform.
19. Page W. (2011). *Wallet Share*. *Economic Insight Issue 20*, 18 April 2011. London: Performing Rights Society.
20. Freeman C., Soete L. (1997). *The Economics of Industrial Innovation*. Third edition. MIT Press.
21. Mazzucato M. (2013). *The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths*. Anthem Press, London.
22. Freeman, A. (1998). 'The New World Order: GATT and the World Trade Organisation' in Hutchinson F. (1998) *What everybody really wants to know about money*, pp. 113-131. Charlbury: Carpenter.
23. Коммерсант (2019). *Сверхдержавы меряются микрочипами (Superpowers square up with microchips)*, 7 August.
24. Schott, J., Jung E. (2019) *In US-China Trade Disputes, the WTO Usually Sides with the United States*”, PIIE 12 March. URL: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/us-china-trade-disputes-wto-usually-sides-united-states>

Contact information

University of Manitoba
66 Chancellors Cir, Winnipeg, MB R3T 2N2, Canada
Alan Freeman
+1 800-432-19-60, Alan.Freeman@umanitoba.ca

Информация об издании

Научные труды Вольного экономического общества России

Главный редактор Научных трудов Вольного экономического общества России

БОДРУНОВ Сергей Дмитриевич

Президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционный совет Научных трудов Вольного экономического общества России

ГЕОРГИЕВ Румен Младенов

Вице-президент Международного Союза экономистов, профессор Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич

Вице-президент ВЭО России, министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕАК), член Координационного совета Международного Союза экономистов, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРИНБЕРГ Руслан Семенович

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент Международного Союза экономистов, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРИШИН Виктор Иванович

Вице-президент ВЭО России, ректор РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н., профессор (Москва, Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, д.п.н. (Москва, Россия)

ДАВЫДОВ Владимир Михайлович

Член Правления ВЭО России, член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей ибероамериканского мира, заместитель председателя Национального комитета по исследованию БРИКС, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЫНКИН Александр Александрович

Вице-президент ВЭО России, председатель Международного Комитета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, президент ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН», член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЛЕМЕЩЕНКО Петр Сергеевич

Член Международного комитета ВЭО России, заведующий кафедрой международной политической экономии Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

ПЕТРИКОВ Александр Васильевич

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПОРФИРЬЕВ Борис Николаевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

САМЕДЗАДЕ Зияд Алиаббас оглы

Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета по экономической политике, промышленности и предпринимательства Милли Меджлиса Азербайджана, Действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)

СИЛИН Яков Петрович

Член Президиума ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)

СОРОКИН Дмитрий Евгеньевич

Вице-президент ВЭО России, председатель Научного совета ВЭО России, вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЭСКИНДАРОВ Михаил Абдурахманович

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН Юрий Васильевич

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», член Президиума Международного Союза экономистов, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЖЕЙМС ГЭЛБРЕЙТ

Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса (США)

ПИТЕР НОЛАН

Член Международного комитета ВЭО России, директор Центра развития Кембриджского университета, профессор (Великобритания)

АЛЕКСЕЕВ Аркадий Васильевич

Член Правления ВЭО России, шеф-редактор Международного научно-общественного журнала «Мир перемен», к.э.н. (г. Москва, Россия)

БОБИНА Анна Вячеславовна

Член Правления ВЭО России, заместитель директора – руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)

БАРСУКОВ Игорь Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, директор Института развития образования ГБОУ ВПО МО «Академия социального управления» (АСОУ), доцент кафедры управления АСОУ, к.э.н. (г. Москва, Россия)

ВЕРЕНИКИН Алексей Олегович

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, директор по аспирантуре экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВ Роман Сергеевич

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» МАИ, член экспертного совета по высшему образованию при Комитете Государственной Думы по образованию и науке, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЗАРАСОВ Руслан Солтанович

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой политической экономии Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЕВ Александр Анатольевич

Вице-президент ВЭО России, президент Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, член Президиума Международного Союза экономистов, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

МАНЮШИС Альгирдас Юозович

Член Правления ВЭО России, ректор Международного университета в Москве, заслуженный работник Высшей школы РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

РАТНИКОВА Маргарита Анатольевна

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, вице-президент, исполнительный директор Международного Союза экономистов, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия)

Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

Editor-in-Chief of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

Sergey D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, President of the International Union of Economists, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Council of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

Rumen M. GUEORGUIEV

Vice President of the International Union of Economists, Professor at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

Sergey Yu. GLAZIEV

Vice President of the VEO of Russia, Minister for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academician at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Ruslan S. GRINBERG

Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences, Vice President of the International Union of Economists, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Victor I. GRISHIN

Vice President of the VEO of Russia, Rector at Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Aleksey A. GROMYKO

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Member of the IUE Coordination Council, Director of the RAS Institute of Europe, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences (Moscow, Russia)

Vladimir M. DAVYDOV

Member of the Board of the VEO of Russia, member of the Coordination Council at the International Union of Economists, Academic Adviser of the Institute of Latin America at the Russian Academy of Sciences, President of the Association of Ibero-American World Researchers, Deputy Chairman of the National Committee on BRICS Research, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Alexander A. DYNKIN

Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the International Committee at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, member of the Presidium at the Russian Academy of Sciences, Secretary-Academician at the Department of Global Problems and International Relations at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Petr S. LEMESHCHENKO

Member of the International Committee at the VEO of Russia, Head of the Theoretical and Institutional Economics Department at the Belorussian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus)

Alexander V. PETRIKOV

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head at the All-Russian Nikonov Institute of Agricultural Problems and Informatics (branch of the Federal Research Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Territories – All-Russian Research Institute of Agricultural Economy), Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Boris N. PORFIRIYEV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director at the Institute of National Economic Forecasting at the Russian Academy of Sciences, Academician at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Ziyad Aliabbas oglu SAMEDZADE

Vice President of the International Union of Economists, President of the Azerbaijani Union of Economists, Chairman of the Committee for Economic Policy, Industry and Business at Milli Majlis (Parliament of Azerbaijan), Full member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Yakov P. SILIN

Member of the Presidium at the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Dmitry E. SOROKIN

Vice President of the VEO of Russia, Chairman of the Academic Council at the VEO of Russia, Vice President of the International Union of Economists, Academic Adviser at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Corresponding Member at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Michael A. ESKINDAROV

Vice President of the VEO of Russia, Rector at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician at the Russian Academy of Education, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Yuri V. YAKUTIN

Vice President of the VEO of Russia, Academic Adviser of the «Ekonomicheskaya Gazeta» Publishing House, member of the Presidium at the International Union of Economists, Honorary Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

James GALBRAITH

Member of the International Council at the VEO of Russia, Professor at the University of Texas (USA)

Peter NOLAN

Member of the International Council at the VEO of Russia, Director at the Centre of Development Studies, Cambridge University, Professor (United Kingdom)

Arkady V. ALEXEYEV

Member of the Board of the VEO of Russia, Editorial Director at Mir Peremen International Academic and Social Journal, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Anna V. BOBINA

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Academic Conferences and Nationwide Projects at the VEO of Russia, Candidate of Technical (Moscow, Russia)

Igor E. BARSUKOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Director of the Institute for the Development of Education at the Academy of Public Administration, Associate Professor of the Department of Management of the Academy of Public Administration, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

Aleksey O. VERENIKIN

Member of the Board of the VEO of Russia, Director for Postgraduate Education at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Roman S. GOLOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), member of the Expert Council for Education and Science at the State Duma, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Ruslan S. DZARASOV

Member of the Presidium at the VEO of Russia, Head of Political Economics Department at Plekhanov Russian Economic University, Leading Research Associate at the Central Institute of Economics and Mathematics at the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

Alexander A. ZOLOTAREV

Vice President of the VEO of Russia, President of Saint Petersburg Regional Public Organization of the VEO of Russia, member of the Presidium at the International Union of Economists, Executive Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Candidate of Economics (Saint Petersburg, Russia)

Algirdas Yu. MANYUSHIS

Member of the Board of the VEO of Russia, Rector at the International University in Moscow, Honorary Worker of Russian Higher Education, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Margarita A. RATNIKOVA

Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia, Vice President, Executive Director at the International Union of Economists, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia)

Требования к научным статьям для публикации в научном издании «Научные труды Вольного экономического общества России»

1. Статья предоставляется в электронном виде в формате Word с расширением.doc или .docx

- 1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.
- 1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца – 1,25.
- 1.3. Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 20 мм; боковые поля: левое поле – 30 мм, правое поле – 20 мм.
- 1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.
- 1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.
- 1.6. Фотография автора (не менее 2 МБ, формат файла .jpeg).

2. Структура статьи:

- название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;
- название статьи в переводе на английский язык;
- автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;
- информация об авторе(ах) на английском языке: Ф.И.О. (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

- краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);
- развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

- на русском языке (до 10);
- на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

- таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;
- иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации – BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом). Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках] и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языках приводится в конце статьи: подробные адресные данные автора(ов).

- полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), e-mail автора(ов).

5. Автор предоставляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат».

В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах Вольного экономического общества России» оформляется Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения установленного образца.

При направлении статьи необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки: <https://podpiska.pochta.ru/>

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – ПР999.

По вопросам публикации статей следует обращаться в Дирекцию ВЭО России:

+7 (495) 609-07-60

info@veorus.ru

Сайт научного издания: <http://www.veorus.ru/труды-вэо>

Научное издание
НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
Том № 3 (223), 2020 г.

Учредитель: Общественная организация – Вольное экономическое общество России (125009, г. Москва, ул. Тверская, 22А).
Свидетельство о регистрации «Научных трудов Вольного экономического общества России» в Роскомнадзоре – ПИ №77-3786 от 20.06.2000.
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – ПР999

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России
Адрес издателя и редакции: 125009, г. Москва, ул. Тверская, 22А
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Главный редактор – С.Д. Бодрунов, д.э.н., профессор.
Над выпуском работали – А.В. Бобина, к.т.н.; М.А. Лазарев, к.п.н.
Оформление и верстка – ООО «Экономикс Медиа»
Корректоры – Н. Дума, О. Басий

Подписано в печать 17 августа 2020 г.
Формат 20х26 см. Бумага офсетная
Выход в свет 31 августа 2020 г.
Тираж 1000 экз. Заказ № 72
Отпечатано в типографии ООО «Гран-При»
152900, Ярославская обл.,
г. Рыбинск, ул. Орджоникидзе, д. 57.

Свободная цена

© Вольное экономическое общество России, 2020

ISBN 978-5-94160-212-4
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-212-4

Scientific Publication
SCIENTIFIC WORKS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
Volume № 3 (223), 2020 г.

Founder: Public organization - Free Economic Society of Russia
(125009, Moscow, Tverskaya St., 22A).
Registration number – ПИ №77-3786, 06/20/2000.
Subscription Code ПР999 in the official Catalog of Russian Post

Published by the Free Economic Society of Russia
22A, Tverskaya, 125009, Moscow, Russia
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Editor-in-Chief – S.D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor.
Publication Editors – Anna V. Bobina, Candidate of Technical Sciences;
Maxim A. Lazarev, Candidate of Pedagogical Sciences
Design – Economics Media Ltd
Press-corrector – N. Duma, O. Basyi

Signed for printing on August 17, 2020.
Format 20 x 26 cm. Offset paper
Publication August 31, 2020
Run of 1,000 copies, Order No. 72
Printed in the printing house of

Free price

© The Free Economic Society of Russia, 2020

ISBN 978-5-94160-212-4
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-212-4

MOSCOW
ACADEMIC
ECONOMIC
FORUM | МОСКОВСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

Подробная информация
о МАЭФ размещается
на официальном сайте Форума:
<https://maef.veorus.ru/>

Аккаунты МАЭФ в соцсетях:
Facebook – [https://www.facebook.com/
MoscowAcademicForum](https://www.facebook.com/MoscowAcademicForum)
VK – [https://vk.com/
moscowacademicforum](https://vk.com/moscowacademicforum)

Генеральный
информационный
партнер

ИНФОРМАЦИОННОЕ
АГЕНТСТВО РОССИИ

Официальный
информационный
партнер

